

ИЩЕНКО ГЕННАДИЙ

КОРРЕКЦИЯ

2016

Что бы вы делали, непонятно как и для чего очутившись в далеком будущем? Не торопитесь отвечать и строить планы, вам еще не все известно. В карманах у вас пусто, пусто и в голове, даже свое имя вспоминается с трудом. И несмотря на отсутствие воспоминаний, вы понимаете, что все вокруг чужое и вызывающее неприязнь. И это только начало долгой жизни и борьбы за спасение людей и сохранение в них человечности.

Убрал несколько обнаруженных читателем ошибок. 27/11/2016

Глава 1

— Что с вами? — с тревогой спросила проводница молодого человека, которому явно было нехорошо.

Он ухватился руками за аварийный поручень и с изумлением оглядывал вагон экспресса, слегка раскачиваясь, хотя движение поезда, как всегда, почти не ощущалось.

— Кружится голова, — ответил он, — и я совсем не помню, как здесь очутился.

— Я вас в своей секции тоже не помню, — сказала проводница. — Вы едете по билету, чипу или броне?

— А где это я? — спросил он, не отвечая на ее вопрос.

— Это вторая секция седьмого вагона экспресса «Пермь–Москва». Вы, что, вообще не помните, как здесь оказались? Достаньте ваш чип, может быть, там есть данные?

— Вроде голова перестала кружиться, — с облегчением сказал парень, отцепляясь от поручня. — А что за чип? О чем вы говорите?

— Как о чем? — удивилась женщина. — О вашем электронном удостоверении личности. Неужели вы и этого не помните? Вас, случайно, никто по голове не бил?

— Не помню, — помотал головой парень, видимо, вызвав этим приступ головокружения, потому что он опять ухватился за поручень. — Если бы кто-то бил, была бы хоть какая-то боль.

— Идемте в мое купе! — решительно сказала проводница. — Здесь мы будем мешать пассажирам.

Словно в подтверждение ее слов недалеко от них открылась дверь, и из купе в коридор вышли и двинулись в их сторону четыре негра.

— Мадам! — по-английски обратился к проводнице самый пожилой из них. — Мы скоро вернемся в купе. К вам будет просьба — принести четыре обеда.

— Хорошо, господа, — на чистом английском ответила проводница, — сейчас вам принесут контейнеры.

— Ну же, давайте быстрее! — обратилась она к парню. — Идите, пока я добрая. Или вызвать транспортную полицию?

— Не надо полицию, я иду! — поспешно ответил тот. — Не знаю почему, но мне не нравится слово «полиция».

— Не вам одному, — усмехнулась проводница, прикладывая большой палец к считывателю двери.

Дверь отъехала в сторону, дав им доступ в небольшое, но уютное служебное купе.

— Садитесь на диван, — пригласила проводница, — а я сейчас приготовлю чай. Минут через десять уже будут окраины Москвы, так что скоро приедем.

— Никогда не ездил с такой скоростью, — сказал он, отворачиваясь от прозрачной стены. — Стоит задержать взгляд, и опять начинает кружиться голова.

— Не у вас одного, — сказала женщина, разливая по чашкам горячую воду. — Хоть от путей все убрали, но все-таки триста километров в час это немало, поэтому просто включим штору.

Она что-то сделала, и из стены выползла матовая пластина, смазавшая мелькающий за окном пейзаж. Потом проводница в каждую чашку капнула пару капель чайного экстракта и бросила по одной пластинке подсластителя.

— Пейте! — она пододвинула ему чашку. — И снимите свою куртку, а то вспотеете. Хорошая у вас имитация кожи.

— Почему имитация? — спросил он, поморщившись от неприятного вкуса напитка. — Обычная кожаная куртка. Но вы правы, нужно раздеться.

— Шутите? — спросила она, пощупав рукав. — Посмотрите по карманам, может, что-нибудь найдете.

— В карманах куртки ничего, — разочарованно сказал парень, — а в брюках только носовой платок. Вас как зовут? Извините, я сильно растерялся, поэтому...

— Ириной меня зовут. А вас?

— Понимаете, Ирина, — он отложил куртку и потер рукой лоб, — я ведь совершенно ничего не помню. Вот вы спросили об имени, и у меня в голове мелькнуло имя Алексей. Будем считать, что оно мое. И когда вы заговорили с неграми, я все понял. Получается, что знаю английский язык.

— Кто его сейчас не знает! — махнула она рукой. — А называть темнокожих неграми не советую. За оскорбление могут и избить. Послушайте, Алексей, включите голо. Там должны быть все данные владельца. Их многие используют вместо чипов.

— Какое голо? — не понял он.

— На вашей руке коммуникатор с голо-экраном.

— Это обычные механические часы, — он закатил рукав, показывая часы.

— Вы не миллионер? — спросила Ирина. — Небось, и брюки из натуральной шерсти? Уже въехали в Москву, слышите, сбавили скорость? Мы по городу больше ста километров не ездим, поэтому на Ярославский вокзал прибудем через полчаса. Штору уже можно убрать.

— А почему все видно сверху? — спросил Алексей, глядя на мелькающий городской пейзаж.

— Вы даже этого не помните, — покачала головой Ирина. — Все экспрессы двухэтажные, а моя секция на втором этаже.

— А как же обеды для этих... темнокожих? Вы о них не забыли?

— Делать им больше нечего — обедать перед самой Москвой! — недовольно сказала Ирина. — Разносить им обеды это не моя обязанность, а заказ я для них сделала, как только мы зашли. Набрала на пульте номер их купе и сколько контейнеров доставить. Давайте поговорим не о пассажирах, а о вас. Что думаете делать? Молчите? Я вам все-таки советую обратиться в полицию. Вид у вас приличный, поэтому и обращение будет нормальным. Они вашу личность быстро установят по пальцам, а уж родственники вам помогут.

— Спасибо, — сказал он. — Наверное, так и сделаю. Что-то мы уж больно долго едем. На такой скорости уже давно должны были бы проехать всю Москву.

— Как же ее быстро проедешь, если она вытянулась на сотню километров? — возразила Ирина. — Сейчас въедем на эстакаду, и еще больше сбросим скорость. Но до вокзала уже ехать не больше десяти минут. Я вам советую идти в полицию не на вокзале, а проехать в центральную часть города. Чипа у вас нет, но таксисты принимают наличные. Держите пятьдесят рублей, на такси вам хватит.

— Мне неудобно, — замялся Алексей. — Такие деньги... Вряд ли я смогу вас увидеть, чтобы отдать.

— Это мелочь, — сказала Ирина. — Я не слепая и вижу, что вы не притворяетесь, а действительно попали в беду. Многим на вас будет плевать, но еще найдутся те, кто захочет помочь, особенно если для этого не надо будет напрягаться. Надевайте куртку, и пойдём на

выход.

Купе проводницы было в конце секции, и вышли они минут за пять до прибытия, поэтому на эскалатор, который стоял напротив вагонных дверей, Алексей ступил первым. С эскалатора он попал в один из залов вокзала, на треть заполненный толпой пестро одетых пассажиров, среди которых встречалось довольно много крепких, мордастых парней в голубой форме с надписью «Полиция» на спине. Пройдя через пару залов, парень вышел на площадь. Пешком на вокзал попадали единицы, все остальные приезжали в такси, которые тут же загружались приезжими и уносились в город. Много этих треугольных машин, выкрашенных в желтый цвет, с привычными шахматными клеточками ожидало пассажиров на трех вокзальных стоянках. Ехать в полицию не тянуло. Он не понимал, почему эта организация вызывала у него неприятные чувства. Что-то в самом ее названии было для него глубоко чуждым. Решив не спешить и посмотреть на Москву, он пошел пешком, пристроившись за двумя азиатами. Судя по разговору, это были японцы. Саму Москву он не узнавал. Либо она разительно изменилась, либо он ее забыл, как и все остальное. Пешеходов было очень мало, зато машин на улицах... Мало того, что они заполняли сами улицы, они еще проносились по транспортным эстакадам, которые громоздились над головой в несколько ярусов. Время от времени ему приходилось спускаться в подземные переходы, которые были снабжены бегущими дорожками. Уже вечерело, и на улицах зажглись мощные светильники, заливавшие все вокруг ярким оранжевым светом. На выходе из одного перехода его встретили. Еще только увидев трех неряшливо одетых молодых людей, стоявших у лестницы, Алексей почему-то сразу понял, что добром с ними разойтись не получится. Остаться на движущейся дорожке было опасно, поэтому он с нее соскочил на ту сторону, где стоял только один парень.

— Эй, чел! — непонятно крикнул тот, кто заступил ему дорогу. — Снимай куртку и вытряхивай карманы. Не станешь борзеть, уйдешь отсюда своим ходом, иначе здесь и останешься. И быстрее, пока кого-нибудь не принесло!

Он выхватил откуда-то из-за спины здоровенный нож и шагнул навстречу Алексею. Двое его дружков разделились. Один остался по ту сторону дорожки, а второй перебежал через нее и стал подходить сзади. То, что последовало за этим, стало для Алексея неожиданностью. Он сделал шаг вперед, одной рукой отбил удар ножом, а второй сам ударил противника в горло. Потом сразу же крутанулся на одной ноге, ударив второй в грудь подбежавшего сзади парня, быстро подобрал с пола нож и метнул его в последнего из троицы, который уже почти успел добежать до выхода. Теперь можно было не спешить. Первый из нападавших был мертв, тот, которому нож попал в спину, тоже не подавал признаков жизни. Получивший удар в грудь стонал и пытался встать на ноги. Алексей добил его одним ударом, обыскал тела, забрав все содержимое карманов, и вытер чужим носовым платком рукоятку ножа. Теперь нужно было уносить ноги. Отойдя от перехода на пару кварталов, он остановился у одной из мусорных урн и стал разбираться в добыче. В конечном итоге все, кроме денег, отправилось в урну. Денег, которые представляли собой маленькие пластиковые пластинки, набралось на сумму больше пяти тысяч рублей. Бой в переходе не только обеспечил его наличностью, после него удалось кое-что вспомнить. Его действительно звали Алексеем, фамилия была Самохин, а служил он в каком-то ГРУ в звании капитана. Немного, но хоть что-то. В полицию после случившегося лучше было не соваться. Надо было где-то переночевать, а уже потом думать о том, что делать дальше. Алексей подошел к дороге, встал на высокий бордюр и поднял руку, надеясь, что на него

отреагирует кто-нибудь из таксистов. Долго ждать не пришлось. Уже через пару минут возле него остановилось такси.

— Быстрее! — крикнул темнокожий водитель. — Да забирайтесь же в машину, здесь не положено останавливаться!

Таксист сидел впереди, а за ним в ряд располагались три пассажирских сидения, на одно из которых Алексей поспешил сесть. Поднявшаяся вверх дверца опустилась, и машина почти бесшумно рванулась с места.

— Вам куда? — не поворачиваясь, спросил таксист. — И почему голосовали рукой, а не воспользовались чипом?

— Потерял или украли, — ответил Алексей. — Отвезите меня в какую-нибудь гостиницу не из дорогих.

— В центре дешевых нет, — предупредил таксист. — И здесь вас без чипа просто не поселят. Придется ехать с полчаса.

— Везите, — согласился парень. — Надеюсь, вы меня не пустите по миру.

— Семьдесят рублей, — назвал цену таксист. — Раз есть деньги на гостиницу, хватит и для оплаты моих услуг. Хотя не люблю возиться с наличными.

— Вы давно в Москве? — спросил Алексей.

— Уже с год. А до этого с самого Исхода жил в Сибири.

— А до Исхода? Откуда к нам приехали?

— О таком не принято спрашивать, — со смешком ответил таксист, — но я из этого секрета не делаю. Я не из Штатов, а из Франции. После того, как бабахнуло, и Европу начало засыпать снегом, французы сразу же забыли о правах человека и озаботились только своими собственными. Таких, как я, сразу вытурили. Хорошо, что вы тогда еще всех принимали.

Таксист оказался любителем поболтать, но за все время пути не сказал больше ничего интересного. Уложившись в двадцать минут, он подвез Алексея к нужному месту, получил свои деньги и умчался. Оставшись один, Алексей переложил часть денег в боковой карман куртки и направился к входу, над которым светилась вывеска с надписью «HOTEL». При его приближении стеклянные двери бесшумно разошлись в стороны, открывая проход в небольшой вестибюль, где на одном из нескольких кресел сидел пожилой мужчина в строгом костюме. При виде посетителя на его лице появилась довольная улыбка.

— Рад вас приветствовать! — сказал он, поднимаясь навстречу парню. — Есть нужда в наших услугах?

— Мне нужно переночевать, — сказал Алексей. — Возможно, я у вас задержусь еще на несколько дней. Но я где-то посеял чип и могу расплачиваться только наличными.

— Мы примем и наличные, — успокоил его работник отеля. — Вам какой номер?

— А какие у вас цены?

— Первая категория — это триста рублей в сутки, а люкс — пятьсот. Понятно, что эти расценки для одного человека, двухместные номера стоят дороже.

— Мне подойдет и первая категория. Скажите, у вас здесь можно поесть?

— Никаких проблем! — заверил его работник отеля. — Кафе уже закрыто, но вам доставят ужин в номер. Пард будете заказывать или предпочитаете живых партнеров? У нас есть три девушки, и все пока не заняты. Если нужен парень, один еще свободен. Детей у нас, к сожалению, нет.

— Пард?

— Да, у нас их большой выбор всех рас и возрастов. Их в основном и заказывают. Исполняют любые фантазии, стоят недорого, и никакой мороки. Наверное, скоро живых партнеров уже не будет. Хотите посмотреть?

— А можно? — спросил Алексей, решивший, что будет нелишним ознакомиться с особенностями гостиничного сервиса.

— Воля клиента — для нас закон! — торжественно провозгласил работник отеля. — Следуйте, пожалуйста, за мной. Это здесь же, на первом этаже.

Они зашли в коридор и остановились у третьей по счету двери. Работник отеля приложил руку к окошку считывателя, и дверь сдвинулась в стену, открывая проход в большое помещение, где на возвышениях стояли прикрытые стеклом человеческие фигуры. Вспыхнул свет, давший Алексею возможность рассмотреть эти витрины со всеми подробностями.

— Здесь у нас европейцы, — пояснял провожатый, переходя от одной группы фигур к другой. — Это типичные представители Латинской Америки, дальше идут азиаты и последняя группа — это темнокожие. Причем здесь не только негры, но и мулаты.

— А нормально называть их неграми? — спросил Алексей, в изумлении осматривая фигуры людей, ничем, кроме неподвижности, не отличающиеся от живых.

Здесь были мужчины, женщины и дети. Мужчины все, как один, были атлетически сложены, а женщины поражали красотой. Дети были... детьми.

— Между собой можно, — усмехнулся работник отеля. — Я же вижу, что у вас с головой все в порядке. Так кого возьмете, мужчину или женщину?

— А зачем мне мужчина? — удивился Алексей. — Это ведь для женщин?

— Почему только для женщин? — возразил работник отеля. — Мужчины тоже берут, как и женщины женщин. В любви нет запретного, хотя лично я предпочитаю следовать природе. Но у вас могут быть свои пристрастия.

— А что они могут? — немного смущенно спросил Алексей.

— Все то же самое, что и живые люди. Могут рассказать вам на ночь сказку или развлечь беседой. Они подключены к Сети и не ограничены в темах, а в сексе гораздо опытнее живых партнеров и совсем не устают. В последнее время их стали продавать для домашнего использования, но пока это еще дорого.

— И сколько стоит такая услуга? — спросил Алексей, которого заинтересовали слова насчет беседы.

— Если возьмете только для разговоров — это будет стоить двести рублей за ночь, а если для использования по прямому назначению, то сто.

— Не понял, — удивился Алексей. — Предоставляете больше услуг и берете за это меньше денег? Почему?

— Неужели раньше не пользовались? — в свою очередь удивился работник отеля. — Все очень просто. При полном использовании вы оплачиваете часть стоимости своей спермой. Она сохраняется и используется фармацевтическими компаниями. Так возьмете?

— Вот эту! — показал парень на низенькую изящную мулатку с тонкими чертами лица и роскошной гривой волос.

Одета она была в белую блузку с кружевным воротником и символическую джинсовую юбку.

— У вас есть вкус! — одобрительно сказал работник отеля. — С вас с учетом ужина пятьсот монет.

Он принял у Алексея пять сторублевых пластинок, взял в руки какую-то коробку с кнопками и нажатием одной из них открыл нужную витрину. Стекло с тихим шелестом отъехало в сторону, а стоявшая за ним фигура девушки внезапно ожила. Ее немаленькие глаза с любопытством уставились на клиента, грудь начала колыхаться в такт дыханию, и парда, несмотря на высокие каблуки, ловко спустилась с возвышения и подошла к ним танцующей походкой.

— Это твой клиент на сегодняшнюю ночь, — сказал ей работник отеля. — У вас минус пятый уровень, а номер двадцать первый. Проводи. Извините, совсем забыл спросить, вам крег не нужен?

— А что это? — спросил Алексей. — Не нужно так удивляться. У меня была травма с частичной потерей памяти.

— Это специальный препарат, разный для мужчин и женщин. Он значительно увеличит вам потенцию и усилит чувственность. Привыкания и вреда для здоровья нет. Правда, потом вы сами не захотите без него обходиться. Но, если не злоупотреблять, получите сплошную пользу. Парде-то все равно, а вот к живым девчонкам без его приема лучше не подходить: выцедят и побегут искать замену. Это, конечно, только те, кто сами его употребляют, но таких сейчас большинство.

— Нет, спасибо, мне это не нужно, — отказался Алексей, с изумлением глядя на парду. Перед ним был не автомат, а настоящая живая девушка, или то, что выглядело и вело себя так же, как она.

— Как вас зовут? — спросила она парня низким чувственным голосом.

— Алексей, — ответил он, отведя глаза.

Он знал, что в его жизни были женщины, но рядом с этой красавицей вся невозмутимость вдруг куда-то исчезла.

— С пардами всегда поначалу трудно, — сочувственно сказал работник отеля. — Они слишком совершенны. Но потом привыкаешь. Многих после них живые подруги уже не прельщают.

Парда шла впереди, демонстрируя ему точеную фигуру и упругую походку. Подойдя к лифту, она подождала клиента, после чего они спустились на пять этажей в подземную часть отеля. Она довела Алексея до двадцать первого номера и как-то открыла дверь. На столе гостиной стоял поднос, на котором лежала овальная коробка из какой-то пластмассы.

— Ваш ужин, — пояснила парда.

С трудом отведя от нее глаза, он осмотрел свой номер. В гостиной, помимо стола, были: диван, два стула и большая черная доска, занимавшая половину стены. В спальне имелась большая кровать с прикроватной тумбочкой и встроенный в стену шкаф.

— Как тебя зовут? — спросил он парду. — И что ты собой представляешь? Я потерял память и ничего не знаю о таких, как ты.

— У меня нет имени, — ответила она, — только серийный номер. Имя на эту ночь вы можете дать любое. Я электронное устройство, имитирующее поведение человеческой девушки. Электронный мозг содержит несколько миллиардов активных элементов. Треть его возможностей используется для управления десятью тысячами мышц этого тела. Своей личности у меня нет, есть набор программ и связь с единой информационной Сетью, из которой я могу заимствовать нужную информацию. Основное назначение — это удовлетворение сексуальных потребностей мужчин и женщин. Сама я при этом, естественно, ничего не чувствую, но могу очень точно имитировать поведение разных типов

женщин. Могу по желанию клиента изобразить скромницу или распущенную девицу, способную исполнить любой ваш каприз. Могу, если хотите, поменять тембр голоса. Кроме того, умею готовить, выполнять любую домашнюю работу или ухаживать за детьми. Есть еще возможности бойца, но они сейчас заблокированы. Относитесь ко мне, как к живому партнеру, разница будет только в возможностях — у меня они больше.

— На сегодня тебя зовут Ольга, — сказал он. — Давай ты мне сначала ответишь на вопросы, потом я перекушу, а закончим в кровати.

— Лучше бы вам сейчас поест, — возразила она. — Трудно полноценно заниматься сексом после еды. Задавайте ваши вопросы и садитесь ужинать, а я за это время подготовлю ответы.

— Хорошо, — согласился он. — Я хочу знать, что случилось с этой страной. Я почему-то не могу ничего вспомнить, но твердо знаю, что многое поменялось. Почему вокруг столько темнокожих и что такое Исход? Что вообще творится в мире? И как открыть эту коробку?

Парда забрала у него контейнер с ужином, нажала на нужное место и сняла крышку. В контейнере оказалась пластиковая тарелка с какой-то кашей и маленький кусочек хлеба.

— И это стоит сто рублей? — удивился Алексей.

— Питание дорого, — совсем по-человечески пожала плечами парда. — Это стандартный ужин. Грибы и хлорелла. Хлеб, кстати, настоящий. Ешьте. Это не слишком вкусно, но очень полезно. И другого все равно ничего не будет. По-другому питаются те, кто не пойдет ночевать в этот отель. Поели? Тогда сложите все в контейнер и оставьте на столе. Утром прислуга уберет. Я приготовила вам ответы. Буду рассказывать и показывать на экране.

На черной доске, которая оказалась экраном, возникло изображение земного шара, окруженного чернотой космоса с россыпью звезд.

— Самым значительным событием в истории человечества, изменившим все его развитие, стало извержение Йеллоустонского супервулкана в Соединенных Штатах в апреле две тысячи сорок второго года, — начала свой рассказ парда. — Результатом этого извержения явилась гибель большей части американцев в течение всего одних суток.

— Из-за какого-то вулкана? — не поверил Алексей.

— Это не какой-то вулкан, а супервулкан, — возразила парда. — При его извержении в атмосферу на высоту до пятидесяти километров было выброшено три тысячи кубических километров пепла. Несколько штатов были выжжены дотла, вся остальная территория США и юга Канады была завалена пеплом и отравлена вулканическими газами. Досталось и Мексике, хоть и гораздо меньше. Йеллоустонская катастрофа спровоцировала извержения вулканов по всему миру и мощные землетрясения в районе Камчатки и Сахалина. Во многих странах прошли кислотные дожди, уничтожившие большую часть растительности и животного мира, но самым страшным было изменение климата. Атмосфера очищалась несколько лет, и все это время на Земле было очень холодно, а к поверхности пробивалось совсем мало солнечного света, особенно в первые годы. Естественно, ничего сеять было нельзя. Через десять лет после катастрофы погибли семь миллиардов человек. Меньше других стран пострадала Россия, за исключением ее Дальнего Востока. Он пострадал от кислотных дождей и ядерной войны с Китаем.

— А из-за чего воевали?

— Китайцы хотели, чтобы Россия поделилась с ними Сибирью. На их собственной

территории выжить было нельзя. В результате ко всем остальным бедствиям добавилась ядерная бомбардировка, и китайцев выжило очень мало. Посмотрите, это съемки извержения из космоса. На Земле никто извержение снимать не мог.

На экране в Северной Америке вспух красный шарик, который рос и при этом терял яркость. Облака над Америкой разлетались от него во все стороны.

— Понижение температуры и нарушение циркуляции Гольфстрима вызвали оледенение всех стран Северной Европы и сильное похолодание во всех остальных странах. Мировое хозяйство пришло в упадок, политические союзы распались, и каждая страна спасала свое население, как могла. В первую очередь изгонялись те граждане, которые попали туда в результате иммиграции. Это и называли Исходом. Кроме них, без дома оказались несколько миллионов уцелевших американцев и часть канадцев. Юг Канады пострадал от вулкана, а север — от оледенения. Очень небольшое число беженцев приняла Австралия, а остальные нашли пристанище в России. Власти России первыми поняли, что в чрезвычайных обстоятельствах нужны чрезвычайные меры. Президент стал диктатором, а в стране было введено чрезвычайное положение. Срочно запустили программу строительства десятков термоядерных реакторов. Стратегические запасы продовольствия были велики и позволили продержаться несколько лет, пока не заработали многочисленные фермы по выращиванию грибов и хлореллы. Изобилие электроэнергии и дешевой рабочей силы позволили создать многочисленные сельскохозяйственные предприятия под землей. Химики научились синтезировать из нефти высококачественные белки. Люди эту пищу не едят, ею кормят скот и птиц. Кроме канадцев, американцев и небольшого числа европейцев, в России нашли пристанище около пяти миллионов японцев. Пищевые ресурсы и сейчас невелики, поэтому проводится политика сдерживания роста населения. Сейчас Россия — это самая крупная экономика мира. В ней даже опять запустили космическую программу, связанную с уничтожением потенциально опасных астероидов.

— Ты все время говоришь о России, — мрачно сказал Алексей. — Мне почему-то кажется, что моя страна называлась иначе.

— Когда-то она называлась Российской Империей, — сказала парда, — потом Советским Союзом.

— Стоп! — остановил ее Алексей. — С этого места подробнее. Когда и почему переименовали?

— Переименовали в конце одна тысяча девятьсот девяносто первого года из-за развала СССР. Вскоре после этого в России был восстановлен капитализм.

— В этой вашей сети можно посмотреть, как это произошло?

— Только самые общие данные. Все остальное пропало, когда гибли серверы Интернета, а потом эту информацию не стали восстанавливать.

— А где еще можно найти?

— Должны знать ученые-историки, и могли сохраниться книги в больших библиотеках. Все-таки прошло больше шестидесяти лет.

— Ольга, — он поднял на нее взгляд, в котором стыла тоска. — Скажи, что говорит наука о возможности путешествия во времени?

— Интересный мне попался клиент, — сказала она, расстегивая блузку. — Вы мне еще долго собираетесь задавать глупые вопросы? Будете меня раздевать, или мне раздеться самой?

— Ты точно машина? — усомнился Алексей. — Не кочевряжься и ответь только на

один вопрос. Это для меня очень важно.

— Нет такой возможности! — отрезала она. — Попасть в будущее, используя скорости, близкие к скорости света, еще можно, а вот обратно — уже никак. Ты в моей практике первый, кто интересуется не мной, а историей и физическими парадоксами. Я вижу, что тебе почему-то плохо. Иди ко мне! Поверь, я заставлю тебя забыть обо всем на свете. Если тебя мучат какие-то вопросы, оставь их на завтра. Ночь создана не для терзаний, а для любви и отдыха. Ну же!

Она знала, о чем говорила. С ней Алексей действительно забыл обо всем на свете. Она измотала его до предела, три раза доведя до взрыва, пока он незаметно для самого себя не провалился в сон. Если ночью что-нибудь снилось, он снов не запомнил. Пробуждение было тяжелым. Раскалывалась голова, болело мужское достоинство и страшно хотелось есть.

«Хорошо на мне нажились фармацевты, — подумал он, ощупывая пострадавший орган. — Нет, с этим надо завязывать. Что-то мне не верится, что она ничего не чувствовала. Для чего тогда это безумство? Или у нее план по сбору спермы?»

Кое-как одевшись, он застелил постель, уселся на диван и стал думать, что же делать дальше. Вчера ему удалось кое-что вспомнить. Во-первых, то, что страна, в которой он жил, называлась не Россией, а СССР, а во-вторых, год своего рождения. Родился он лет сто назад, из чего следовало, что его каким-то образом занесло в будущее. Мало того что ему это будущее не нравилось, теперь пришло понимание того, что ни к чему хорошему его визит в полицию не приведет, а, значит, нужно рассчитывать только на самого себя. И как это сделать, если не знаешь этой жизни и не помнишь той? Итогом его размышлений был вывод, что нужно как-то устраиваться здесь и попытаться все-таки вспомнить прежнюю жизнь. И еще ему почему-то обязательно нужно было разобраться в том, что же произошло шестьдесят лет назад. Денег осталось дней на восемь, а потом хоть опять отправляйся шляться по подземным переходам. Дурак, надо было вчера расспросить Ольгу о том, как работать с этой их Сетью, а он вместо этого полночи кувыркался с ней в кровати. Придется сегодня опять заказывать кого-нибудь из этих пард. Он вспомнил игры с Ольгой и понял, что одной учебой дело не ограничится. Ладно, к вечеру будет видно, а пока нужно позавтракать. Вчера он не рассмотрел двери, ведущие в туалет и во что-то вроде умывальника и душевой. Сегодня ему их показала горничная, пришедшая забрать поднос с использованным контейнером. Она же рассказала, где находится кафе. Получив от нее на вечер нескромное предложение, высказанное открытым текстом, он сказал, что уже занят, и ушел в умывальник наводить марафет, предоставив ей возможность заниматься уборкой. В умывальнике была куча самых разных приспособлений, назначения которых он не понял. Обращаться к девице после его отказа не стоило, он и не стал этого делать, ограничившись умыванием.

«И что теперь делать со щетиной? — подумал Алексей, ощупывая уже колючие щеки. — И зубы нужно чем-то чистить. Интересно, парды могут чувствовать вонь изо рта?»

После умывания он пригладил волосы и, не надевая куртки, пошел завтракать, прихватив с собой на всякий случай все деньги. Кафе располагалось на два этажа выше, поэтому Алексей не пошел к лифту, а воспользовался лестницей, находившейся в конце коридора рядом с его номером. На его часах было уже около девяти, и в кафе почти за всеми столиками сидели постояльцы. Он посмотрел список блюд с указанием цен и мысленно ужаснулся: за трехразовое питание придется платить больше, чем за номер! Потом отыскал глазами столик, за которым сидела женщина средних лет, и спросил, нельзя ли присесть.

— Ты не чомнутый, глечер? — спросила она, а когда он пожал плечами, махнула рукой

на стул. — Падай, раззяй! Хочешь снять или пришел за хавкой?

— Ничего не понял, — признался он.

— Значит, чомнутый, — сделала она вывод, — жри.

От нее сильно тянуло перегаром.

— Роза! Ты опять здесь! — к женщине подошел мужчина лет пятидесяти, схватил ее за руку и буквально выдернул из-за стола, опрокинув при этом стул. — Сколько раз говорить, чтобы питалась в номере!

То, что вслед за этим слушали все посетители кафе, несомненно, было руганью, но Алексей узнал там только мат, к которому относилось каждое третье слово.

«Надо будет подробно расспросить пард о местном обществе, — думал он, делая заказ подбежавшей официантке. — Не может быть, чтобы они не знали. А посетители отреагировали довольно спокойно. Неужели подобное здесь в порядке вещей?»

— Извините, к вам можно присесть за столик? — обратился к Алексею пожилой, но еще крепкий мужчина, одетый во что-то, отдаленно напоминающее военную форму.

— Да, конечно! — ответил он. — В компании и есть приятней.

— Не видно, чтобы вы испытывали удовольствие от еды, — усмехнулся он. — Зря взяли рагу, здесь это самое безвкусное блюдо. Рекомендую запеканку. Пользы столько же, а на вкус гораздо приятнее. Вы не обиделись?

— Никаких обид, — заверил Алексей. — Я здесь питаюсь в первый раз, поэтому еще не разобрался. Пахнет мясом, а на вкус немного лучше бумаги. В следующий раз обязательно воспользуюсь вашим советом.

— Алекс, — представился мужчина. — Работаю охранником в казино, а сюда часто забегая перекусить.

— Меня зовут Алексеем. Разве это кафе не для постояльцев?

— В первую очередь для них, — кивнул Алекс, — но посещают и служащие из соседних заведений. Кроме этого отеля, дешевых кафе поблизости нет.

Он сказал официантке, что нужно принести, и стал ждать выполнения заказа.

— Послушайте, Алекс, — обратился к нему Алексей, — вы ведь пришли сразу после того, как отсюда вывели одну женщину. Не обратили на нее внимания?

— Трудно было не обратить, — рассмеялся он. — Я ее матюги услышал еще у лифта.

— А кто она такая? Когда она со мной заговорила, я ничего не понял.

— Вы откуда свалились, Алексей? — удивился Алекс. — Это же нимфа!

— Потерял память, — признался Алексей. — Кое-что начинает вспоминаться, но пока, так, местами. А вместе с памятью где-то посеял и чип, вот и застрял в этом отеле. Хорошо еще, что в карманах осталась наличность.

— А в полицию обращаться не хотите, — сказал Алекс, — и правильно делаете. Я бы на вашем месте тоже воздержался. Кто его знает, что они там накопают. Если есть деньги, а память начала возвращаться, лучше пересидеть здесь. Вы не употребляли наркотиков? А то сейчас выпускают много всякой дряни. Я от кого-то слышал, что при приеме некоторых могут быть провалы в памяти. По-моему, один в один ваш случай.

— Не помню ни о каких наркотиках, да и не тянет что-нибудь принимать. Вчера предложили крег, а я отказался.

— Крег не наркотик, — сказал Алекс. — Он дает силу, но быстро сажает сердце. Мне через двадцать минут заступать на дежурство, поэтому пора идти, но, если хотите, можем вместе прогуляться до казино. Заодно и поговорим. Не против, если перейдем на «ты»?

— Я только «за», — ответил Алексей. — Делать все равно нечего. А так, может быть, от тебя узнаю что-нибудь полезное. В номере есть выход в Сеть, но я забыл, как им пользоваться. Надо было вчера спросить у парды, но я об этом подумал слишком поздно.

— Рядом с ними думаешь совсем о другом, — рассмеялся Алекс. — Я пару раз попробовал, и третьего раза не будет, иначе придется разводиться с женой и копить деньги на покупку парды. Они со временем привязывают к себе не хуже наркотика. Давай не будем толпиться у лифта и выйдем по лестнице.

— Подожди пару минут, я захвачу куртку, — попросил Алексей. — Иди к выходу, я догоню.

Он бегом спустился в свой номер, надел куртку и быстро пошел к лифту. Алекс, как и договаривались, ждал его возле отеля.

— А небо слегка сероватое, — сказал Алексей. — Я вчера появился в Москве уже к вечеру и этого не заметил.

— Прошло всего двадцать три года, — сказал Алекс. — В первый год вообще было темно, как в полярную ночь. Ученые обещают, что лет через десять все очистится, но климат будет восстанавливаться дольше. Жаль, что столько всего живого погибло! На суше остался только один вид растительности из десяти, а с животными и птицами еще хуже. Правда, это не у нас, у нас сохранилось больше. Океану тоже досталось, хоть и не так сильно. Но вот киты вымерли все. У европейцев было какое-то хранилище генов самых разных видов, но там сейчас ледник.

— А что сейчас уцелело в Европе? — спросил Алексей.

— А черт его знает! Мы ими мало интересуемся. Знаю, что вся Северная Европа была завалена снегом и льдом, а какую-то промышленность сохранила только Германия. Во Франции и Италии населения осталось чуть, а англичан, похоже, не осталось совсем. На Украине и в Польше еще кто-то живет, несколько лет назад они просились в Россию, но кому это нужно! У нас у самих пока с продовольствием не очень, вспомни свое рагу. Но положение понемногу выправляется, скоро уже начнем все сажать в открытом грунте.

— Для чего тогда принимали всех эмигрантов? Понятно, что у нас было много территории, которую не затронула катастрофа, но ведь их еще нужно было кормить!

— Говори об этом потише! — оглянулся Алекс. — Об этом не принято болтать, да и власть подобные разговоры не поощряет. Мы тогда принимали далеко не всех, а с разбором. Есть разница, принимаешь ли ты врача или инженера, или какого-нибудь клерка. Клерков тоже брали, только мало кто из них выжил. Строительство реакторов мало чем отличалось от каторги. Да и на подземных работах часто гибли. Все приходилось делать в спешке, на безопасность часто плевали.

— А сколько сейчас пришло и вообще населения?

— Точных данных в Сети нет. Всего около ста миллионов, из них половина пришло и их дети от смешанных семей.

— И многие смешиваются?

— Ну ты и спросил! — сказал Алекс. — Лично я знаю очень много смешанных пар. Для русских национальность никогда особой роли не играла. Язык все выучили в первые годы, а потом и наши почти все стали говорить по-английски. Фактически сейчас в России два языка, хотя официальный только один русский.

— А как такое вливание крови подействовало на народ? — спросил Алексей.

— Это смотря с какой стороны рассматривать, — сказал Алекс, останавливаясь перед высотным зданием. — Мы уже пришли. Мое казино в первом этаже этой башни. Ладно, пять минут у меня еще есть. Эмигранты подействовали очень по-разному. Разгильдяйства стало гораздо меньше, все работают без дураков, но и тараканов своих притащили много. Те же однополые браки пошли от них. Раньше у нас такое непотребство было запрещено, а потом узаконили. Наверное, еще и из-за того, что снижается рождаемость. Потом у них были разрешены сексуальные услуги детей. У нас за такое до сих пор наказывают, но детских пард уже выпускают.

— Да, я их видел в отеле.

— Есть и живые дети, но нелегально. Если поймают, виновных отправляют на каторгу.

Это на Дальнем Востоке, а там долго не заживешься. С наркотиками тоже стало хуже. У нас своих уродов было достаточно, так добавились пришлые. Пока было военное положение, все сидели тихо, а сейчас поперла такая гнусь! Секты эти гребаные! Все, Алексей, мне пора. Обедаю я в два, так что можем увидаться. Прихожу я всегда в одно и то же время. Бывай!

Он махнул рукой и направился к одному из двух входов в здание, над которым висела вывеска «Casino», светящаяся, несмотря на дневное время. Рядом с входом была небольшая автомобильная стоянка, возле которой прогуливался еще один охранник в точно такой же форме, как у Алекса. Алексей решил еще немного пройтись, но ему пришлось задержаться из-за подъехавшего к казино автомобиля.

— Подождите! — придержал его охранник. — Это госпожа Валери, а у нее нервная охрана. Пусть заведут ее в казино, потом пойдете.

«Нервных охранников» было двое. Они покинули салон и разделились. Один двинулся к двери казино, а второй бросил подозрительный взгляд на Алексея и шагнул к вышедшей из машины женщине. В следующий момент он ничком рухнул на асфальт и, пару раз дернувшись, затих. Второй успел повернуться и достать пистолет, после чего обзавелся дыркой во лбу и опрокинулся на спину. Стоявший рядом с Алексеем охранник кинулся прочь от площадки, пытаясь на бегу расстегнуть кобуру, но получил несколько пуль в спину. Упав, он попытался подняться, получил еще одну пулю на этот раз в голову и больше уже не двигался. Алексей медленно повернулся в ту сторону, откуда стреляли, стараясь держать руки на виду, и увидел стоящую у обочины машину с открытыми дверцами. Из нее выскочили трое мужчин, одетых так же, как и большинство прохожих, и с пистолетами в руках бросились к застывшей женщине. Один из них, пробегая в десяти шагах от Алексея, выстрелил ему в голову. Качнувшись в сторону, парень упал на асфальт и замер. Получилось очень натурально, поэтому нападавшие, больше не обращая на него внимания, занялись женщиной. Она вышла из ступора и попыталась спрятаться в салоне, но не успела. Алексей упал так, чтобы из-под руки наблюдать за бандитами. Когда они протащили брыкающуюся женщину мимо него, он решил вмешаться. Все трое бежали со своей добычей к машине, и никто из них не видел, как «убитый» парень вскочил и в несколько прыжков оказался у них за спиной. Первым умер бежавший сзади, а потом двое тех, которые запикивали женщину в салон. Почему-то они с ней церемонились, вместо того чтобы разок врезать, а потом без проблем загрузить. Алексей нагнулся и поднял с асфальта один из пистолетов.

— Вы как? — спросил он женщину. — Можете сами идти?

— Вы кто? — с испугом спросила она. — Что вам от меня надо?!

— Мне от вас ничего не нужно, — ответил он, вытаскивая из кармана пиджака одного из убитых что-то вроде бумажника и пару запасных магазинов. — Просто не люблю, когда в меня стреляют и среди бела дня похищают женщин. Идите в свою машину. Или вас проводить в казино?

— Вы не с ними? — спросила она, приходя в себя.

— Вроде нет, — ответил он, повторяя очистку карманов остальных жертв. — Ладно, вам ничего не угрожает, а мне отсюда лучше быстрее исчезнуть.

— Вас все равно засняли камеры, — сказала она, показав рукой на столб освещения. — Хотя они, наверное, включили джаммер. Послушайте, помогите мне! Эти не могли быть одни, поэтому еще ничего не закончилось! Я просто не доеду до дома! Как только они поймут, что дело не выгорело, нападение повторится! Бежим в мою машину!

— Я не хочу ни во что вмешиваться! — решительно сказал Алексей. — Идите в казино и

вызовите полицию. Неужели они вас не доставят до дома?

— Вы идиот? — возмутилась она. — В казино наверняка есть их люди! Вы выделяетесь, а время уходит! Я очень богата и щедро заплачу! Бежим в машину!

«Может, это шанс? — подумал он. — Во всяком случае, мне ее проводить до дома будет нетрудно».

— Давайте руку! — сказал он, протягивая ей свою. — Вас хоть как зовут?

— Лидия, — ответила она, с его помощью выбираясь из салона.

Стоило ей опереться на правую ногу, как женщина со стоном ухватилась за него второй рукой.

— Моя нога! Сил нет ступить, так больно! Или ушибла, или растянула!

Он сунул пистолет в карман куртки и, подхватив ее на руки, быстро пошел к стоянке. С момента нападения прошло несколько минут, но из казино на выстрелы так никто и не вышел, а прохожие, увидев лежавшие тела, перебежали на другую сторону улицы по расположенному неподалеку подземному переходу.

— Посадите меня на переднее сидение справа, — сказала Лидия, — а сами садитесь на место водителя. И побыстрее, надо успеть заблокировать двери! Мою машину пистолетной пулей не пробьют.

— Я не умею водить вашу машину, — предупредил он, сгружая женщину на сидение.

— Там нечего уметь! — рассердилась она. — Быстро садитесь и закрывайте дверцу, потом будем разговаривать!

Решив не спорить, он сел за руль и захлопнул дверцы со своей стороны. Свою дверь она захлопнула еще раньше.

— Нажмите эту кнопку! — приказала Лидия, показав рукой, что нужно нажать. — Все, теперь мы в относительной безопасности. Вы совсем не умеете водить?

— Умею, — ответил он, — но не такую машину.

— Этим электромобилем может управлять и ребенок! — сказала она. — Левая педаль — это тормоз, а правая — скорость. Руль понятно для чего, а рычажок на нем — это реверс. Любые ваши ошибки исправит блок контроля. Он же не даст вам столкнуться с другими машинами или препятствиями. Светофоры управляют транспортом напрямую. Правила движения очень простые, но вам даже они не понадобятся. Просто двигайтесь в общем потоке, а куда сворачивать, я вам скажу. Если бы не нога, я бы вас не уламывала. Ну что вы еще ждете? Поехали, пока никого нет!

Он пожал плечами, включил реверс и выехал с площадки, потом развернул машину и по дороге доехал до магистрали. Дождавшись разрыва в потоке машин, вклинился в него и дальше уже ехал, никуда не сворачивая.

— Они разбили мой коммуникатор! — пожаловалась Лидия. — Дайте мне ваш.

— А у меня его нет, — сказал Алексей. — На руке просто механические часы. А через чип нельзя связаться?

— Откуда вы только такой взялись! — в сердцах сказала женщина. — Чипом можно остановить такси, на большие расстояния он не работает. В машине тоже есть связь, но она почему-то не работает. Если они умудрились и у авто подцепить джаммер, это плохо. И связи не будет, и нас легко смогут найти. Выбирайтесь в крайний правый ряд. Скоро развязка, на которую надо будет свернуть. Развернемся и выедем на пятьдесят первую трассу. Она нас доведет почти до дома, и скорость можно будет увеличить раза в три.

— Зря вы беспокоились, — сказал Алексей, внимательно рассматривая спасенную в

зеркало. — Никто нас не преследует.

Женщина, безусловно, была красивая и очень холеная, но, скорее всего, на несколько лет старше его.

— Посмотрим, — мрачно сказала она. — На магистрали никто гонок не устраивает, а будут неприятности или нет, узнаем, когда выберемся на трассу. Что вы возитесь? Проталкивайтесь влево, а то потом придется ждать до следующей развязки.

Вызывая возмущенные вопли клаксонов и пользуясь тем, что автоматы удерживали все машины от столкновений, Алексей начал пропихивать свой электромобиль к правому краю дороги. Успел он в последний момент. Следуя командам Лидии, ушел на развязку, выполнил поворот и выехал на находящуюся уровнем выше трассу.

— Теперь займите правую полосу! — скомандовала она. — И жмите педаль скорости до упора. Нам ехать с полчаса. Вас как зовут?

— Извините, что не представился, — отозвался парень. — Алексеем меня зовут. Послушайте, Лидия, не нравятся мне те два автомобиля, которые нас догоняют. Я иду на предельной скорости, но они едут гораздо быстрее. Это нормально?

— Это совершенно ненормально! — ответила она. — У них сняты контроль и ограничение по скорости. Без причины никто здесь такие гонки не устраивает. Наверное, это по мою душу.

— Мы от них не уйдем! — обеспокоенно сказал Алексей. — Через пару минут нас догонят. Как вы думаете, что они станут делать?

— Подождите! — прервала она его. — Сейчас попробуем оторваться! Ну где же она, черт побери!

Женщина открыла небольшое отделение там, где в нормальных машинах находился бардачок, достала дамскую сумку и сейчас в ней лихорадочно рылась.

— Вот она! — радостно воскликнула она, выхватив из сумки небольшой цилиндр. — Приготовьтесь, сейчас должна увеличиться скорость.

Предупреждение немного запоздало. Едва слышный гул двигателя усилился, став заметно выше, а скорость в считанные секунды выросла раза в два. При этом их сильно вдавило в мягкие спинки сидений. Светящиеся цифры указателя скорости показали больше четырехсот километров в час. Боковое ограждение превратилось в мутную полосу, а машины преследователей в зеркале заднего вида стали отдаляться.

— И долго нам еще так гнать? — напряженно спросил Алексей. — Я на такой скорости ни на что не смогу отреагировать.

— Едем десять минут, — сказала Лидия. — Потом сбрасываете скорость и после поворота съезжаете на двенадцатое шоссе. По нему минут за пять доедем до дома. Преследователи нам уже не страшны, а если они нам повесили джаммер, то и в полиции о нарушении ничего не узнают. Что вы выгребли из их карманов?

— А я знаю? — ответил он, по привычке пожав плечами, едва не потеряв при этом управление бешено несущимся автомобилем. — Черт! Выгреб оружие и взял бумажники. Меня интересовала только наличность, остальное без надобности.

— Ты что, на мели? — спросила она, переходя на «ты».

— Вроде того. Вчера, когда пришел в себя, обнаружил, что потерял память, а заодно и чип. Остались только наличные, да и то всего пять тысяч. Память понемногу возвращается, поэтому решил пересидеть в отеле, а тут вы со своими разборками. Что им от вас было нужно?

— Что в таких случаях обычно нужно? — на этот раз плечами пожала она. — Деньги, конечно. Мой отец — один из самых богатых людей России, да и я сама не бедствую. А кто они узнаем дома по тем бумажникам, которые ты у них выгреб. Многие в них носят чипы. Вовремя ты мне попался. Считай, что все твои беды позади. Ты, Алексей, помог мне, а я без труда решу все твои проблемы. Давай сбрасывать скорость. Мы от них оторвались, а скоро уже съезжать с трассы.

Он с облегчением отжал педаль, пока спидометр не показал сто пятьдесят километров, после чего свернул на отходящее вправо шоссе и через несколько минут езды остановился у ворот в высокой бетонной ограде, из-за которой была видна часть второго этажа большого дома.

— Вытащи из кармана пистолет и брось на заднее сидение, — приказала Лидия. — Здесь тебе оружие не понадобится, да и не пропустит тебя с ним охрана. Магазины тоже бросай. И нажми на зеленую кнопку, она должна открыть ворота.

— Не работает, — сказал Алексей, несколько раз утопив большую зеленую кнопку.

— Значит, все глушит джаммер, — сделала вывод Лидия. — Он, наверное, и камеры наружного наблюдения заблокировал. Выйди и нажми кнопку звонка, если не хочешь меня опять таскать на руках. Нога еще сильно болит.

Алексей вышел из машины и подошел к калитке рядом с воротами. На калитке, помимо цифрового пульта и глазка камеры, была кнопка обычного звонка, которую он и нажал. Пришлось ждать пару минут, пока с той стороны калитки слышались шаги, и мужской голос спросил, кто звонит и по какой надобности.

— Спутник вашей хозяйки, — отозвался Алексей. — Она в машине с растяжением.

— Внешние камеры не работают, поэтому придется подождать, — сказал мужчина. — Скоро придет подкрепление, они с вами разберутся.

— Лидия сказала, что это из-за того, что кто-то прицепил к машине джаммер, — пояснил Алексей. — Ну не хотите пускать, дело ваше, так ей и доложу.

— Охрененная дырка в безопасности, — сказал он женщине, забираясь на свое сидение. — У них не работает электроника, поэтому нам здесь загорать. А если бы не отстали преследователи? Вот бы нам было весело! Неужели никто не может хотя бы забраться на стену и посмотреть? Как-то это глупо!

— В особняке всего один охранник, — ответила Лидия. Обычно их трое, но сегодня так получилось. Еще и моих телохранителей перебили. Завтра же удвою охрану. Может быть, ты поищешь джаммер? Тогда никого не придется ждать.

— А что он собой представляет?

— Конструкций много. Нужно искать небольшой диск или квадратную коробку. Крепят магнитом или липучкой, причем так, чтобы можно было достать рукой.

— Попробую, — согласился Алексей и опять выбался из салона.

Отсутствовал он всего пару минут, после чего показал ей небольшую коробочку с двумя кнопками.

— Это? По крайней мере, я больше ничего не нашел.

— Да, это он. Хорошо бы его раздавить, но может рвануть. Отойди от машины на полсотни шагов и забрось его подальше, тогда заработают камеры и связь в машине.

— Садись в машину, — сказала Лидия, когда Алексей избавился от джаммера и вернулся обратно. — Я уже связалась с Олегом, и он разблокировал ворота. Жми кнопку и заезжай, только медленно.

На этот раз после нажатия кнопки ворота тотчас же разошлись в разные стороны и закрылись, когда электромобиль въехал во двор. Рядом с домом стоял невысокий крепкий мужчина лет сорока, державший руку на открытой кобуре. Помогать хозяйке он не спешил.

— Судьба у тебя сегодня такая — носить меня на руках, — улыбнулась Лидия. — Ничего, я найду, чем тебя отблагодарить.

Он подхватил ее на руки и под бдительным взглядом охранника понес в дом. В большой прихожей Лидия обняла его за шею и прильнула к губам.

— Это только аванс! — шепнула она. — Неси по лестнице на второй этаж, там у меня спальня. Нога все-таки сильно болит, поэтому сегодня я тебя не трону, но завтра держись! Тебе повезло: у меня сейчас никого нет.

Через сорок минут во дворе особняка стояли шесть машин, а в самом доме было не протолкнуться от гостей. Срочно привезли хирурга, который осмотрел растяжение, вернулась отпущенная до вечера служанка, приехала дополнительная охрана, и последним со своей охраной примчался отец Лидии. Алексея выпроводили в большую гостиную и на время оставили в покое. Пользуясь этим, он просмотрел бумажники убитых, изъяв из них пятнадцать тысяч рублей. Небольшие деньги, но для чего их кому-то отдавать?

Когда отец поговорил с дочерью, он пришел в гостиную.

— Владимир, — представился он, назвав только имя. — Мне дочь о вас рассказала. Спасибо за то, что помогли. В таких делах бывает всякое, часто и уплата выкупа не спасает от беды, так что я ваш должник. Я в курсе ваших неприятностей. Попробуем помочь вам все вспомнить. Если это почему-то не удастся, обеспечим вас чистыми документами и на первое время подкинем денег. Люди с вашими талантами без работы не останутся, могу ее предложить и я. Только вы должны понимать, что вас в любом случае проверят.

— Да ради бога, — сказал Алексей. — Я в этом заинтересован сам. Никаких обид с моей стороны не будет.

— Рад, что вы это понимаете, — кивнул отец Лидии. — У вас должны быть бумажники бандитов.

— Вот, возьмите, — Алексей протянул бумажники. — Я в них ничего не трогал, кроме денег. Там и было-то всего пятнадцать тысяч, но для меня и это сейчас деньги.

— Скоро вы такие суммы перестанете считать деньгами, — улыбнулся отец Лидии. — Пока у вас нет документов, останетесь у дочери, а дальше посмотрим. Служанка вас накормит ужином и покажет комнату, а я с вами прощаюсь. Дела!

Этим вечером он впервые с тех пор, как осознал себя в будущем, нормально поел. Мясо с гречневой кашей и вкусным хлебом и даже настоящий кофе. А потом служанка убрала грязную посуду и, мило покраснев, предложила ему себя, видимо, на десерт.

— Спасибо, — поблагодарил он, — я как-нибудь обойдусь, но буду благодарен, если вы мне поможете разобраться, как работать с этим экраном. Я бы хотел выйти в Сеть и кое-что узнать, но совсем забыл, как это делается.

— Это несложно, — ответила служанка, ничуть не огорченная его отказом. — Можно управлять с помощью клавиатуры, а можно голосом. Только для голосового управления нужна практика, клавиатура легче. Давайте я вас научу. Вот смотрите...

Потребовалось всего полчаса, чтобы он научился работе с оборудованием и поисковой программой. Не на все прямые вопросы давались ответы, а многого в Сети просто не было, но все-таки он кое-что узнал. Часть сведений была в открытом доступе, а по отдельным вопросам у Алексея требовали пароль. Чем больше он изучал здешнее общество, тем больше

оно ему напоминало помойку. Никаких других целей, кроме выживания, у нынешних людей не было. Желание заработать или украсть больше денег, чтобы занять местечко получше, он достойной целью не считал. С тех пор как отменили военное положение, развитие производства товаров и продуктов питания резко ускорилось. Но наряду с улучшением жизни появилось такое, что он просто отказывался верить услышанному. Наркотики и сексуальные извращения были еще невинными забавами по сравнению с самыми разными сектами, которые повсюду росли, как грибы после дождя. Были и сборища молодежи, не имевшие никакого отношения к религии, но от этого не становившиеся менее мерзкими. Как он выяснил, традиционные религии выродились еще до взрыва. Все, кроме Ислама, но его последователи в своей массе сплошь и рядом прибегали к насилию, и не желали признавать каких-либо ограничений даже на краю гибели, поэтому правительство того, что осталось от России, прекратило снабжение продуктами и электроэнергией областей, где исламисты придерживались наиболее радикальных взглядов. Через несколько лет там не осталось никого живого. Католицизм растерял все те ценности, которыми жил тысячу лет, а вместе с ними и остатки своей паствы. Православие дотянуло до взрыва, но влияние церкви сильно упало. Виновата была не церковь, а всеобщее падение нравов и духовности. Ни одна из этих религий официально не запрещалась, и их сторонники еще исповедовали веру отцов, но большинству до них не было никакого дела. Как узнал Алексей, в школах на уроках истории давали лишь самые общие представления о развитии человечества, причем советский период умещался всего на десятке страниц. Мол, что-то такое было, но привело к застою, после чего сменилось динамичным развитием новой России. С сектантами и с другими извращениями пытались бороться, но, судя по всему, эту борьбу проигрывали. После четырех часов общения с Сетью Алексей выключил экран и задумался. Как жить, если не удастся отсюда вырваться? И как жить, если это все-таки удастся, но он будет знать, чем все закончится? Решив, что надо будет обязательно попытаться встретиться и поговорить с историками, он лег в кровать и, поворочавшись пару часов, заснул. Разбудила его утром Лидия, которая пришла в его спальню в шлепанцах и ночной рубашке, сбросила то и другое и забралась к нему под одеяло.

— Нога прошла, — сообщила она, стаскивая с него трусы. — У нас еще есть время до завтрака. Надеюсь, ты не подсел на пард? Ты без крена на что-нибудь способен?

Он разозлился и довольно грубо показал ей свои способности. При этом почему-то сам сильно завелся и завел ее. В финале Лидия осталась довольна.

— Я в тебе не ошиблась! — сказала она, поднимая с пола рубашку. — Хорошо, что меня хотели украсть, и тебя вовремя принесло, а то я уже была готова заказать парда. Все мужики, которые прыгали ко мне в постель, думали лишь о капиталах папаши, и даже с креном толку от них было немного. Приводи себя в порядок, скоро завтрак.

— А чем у вас чистят зубы и бреются? — спросил он Лидию. — В ванной комнате полно вещей, которыми я не умею пользоваться.

— Я сейчас пришло Валентина, — пообещала она. — Это один из новых охранников. Ультразвуковой очиститель зубов я тебе показать могу, но чем вы убираете щетину, сама не знаю. А тебе ее убрать не мешает: у меня все лицо болит.

Охранник пришел через пару минут после ухода Лидии и сразу повел его в ванную. Сначала была демонстрация того, как чистить зубы, потом перешли к бритью.

— Если хотите, можно вообще избавиться от роста волос на лице, — предложил охранник. — Втираете в кожу один раз вот эту мазь, и все. Только это необратимо. Если

потом захотите отрастить усы или бороду, ничего не получится. А ежедневно щетина убирается вот этим диском. Принципа работы я не знаю, просто слегка надавливаете и водите круговыми движениями, пока кожа не станет гладкой. Можете попробовать сами.

На завтрак он отправился с чистыми зубами и гладким лицом. Даже побрызгал себя чем-то, отдаленно напоминавшим «Красную Москву». При появлении Алексея на большой кухне Лидия встала из-за стола, подошла к нему и ласково провела ладонью по лицу.

— Какой гладкий! А пахнешь как! Может быть, ну его к черту, этот завтрак? Ты меня просто сводишь с ума!

— А что у нас на завтрак? — спросил Алексей. — Это хорошо, что мясо. Без пищи от мужчины толку мало!

«Не хватало еще, чтобы она в меня по-настоящему влюбилась, — подумал он, смущенный ее страстью. — Похоже, что она неплохая женщина, ни к чему ей это».

Но у Лидии было свое мнение, кого любить, поэтому они сразу же после завтрака оказались в постели. Ему стало жалко ласкающуюся к нему женщину, поэтому на этот раз он был нежен и не торопился. В результате его усилий женщина только укрепилась в своих чувствах.

— Я не знаю, что со мной! — плакала она, прижавшись к его груди. — Со мной такого никогда раньше не было. Я старше тебя, но ведь ты меня не бросишь? Ты не такой, как другие. Я не знаю, как объяснить то, что я чувствую, но с тобой мне не просто хорошо и надежно. Я впервые захотела иметь ребенка! Никогда раньше не думала, что можно вот так быстро влюбиться в совершенно незнакомого мужчину. Ты правда о себе ничего не помнишь?

— Кое-что вспоминается, — нехотя ответил он, — но совсем немного. А что имел в виду твой отец, когда говорил, что мне помогут все вспомнить? И как его отчество? А то он называл только имя, а мне неудобно называть по имени человека, который в два раза старше меня.

— У нас все обращаются по имени, что в этом неудобного? — удивилась Лидия. — Это пошло от американцев. А память можно вернуть разными способами, если только она не пропала из-за повреждения мозга. Есть и оборудование, и препараты, и гипноз. Я не знаю, что применят в твоём случае. Это нужно говорить со специалистами.

— Ты мне всю грудь намочила, — ласково сказал он, вытирая ей глаза краем простыни. — Не нужно плакать.

— Я боюсь! — она опять обхватила его руками. — Боюсь, что ты как внезапно появился, так и исчезнешь, а я опять останусь одна! У нас страшный мир, Алексей! Когда есть любимый человек, есть для кого жить, а если нет... Деньги не дадут ни друзей, ни любви, часто они, наоборот, являются препятствием к нормальной жизни. Сейчас ведь почти никто не читает книг, особенно старых, которые писались до взрыва. Никто их не скрывает, просто нет спроса, вот и не печатают, и не выкладывают в сети. А я на них выросла. У нас была большая библиотека, и мама много читала и приучила читать меня. Я очень любила книги о настоящей любви, поэтому мне было особенно тяжело, когда я полюбила в первый раз, а меня тогда просто использовали для того, чтобы приблизиться к отцу! Потом такие увлечения были еще пару раз с тем же результатом. И я решила больше никого не пускать в сердце! Позже выросла, поумнела и научилась лучше разбираться в людях. Понимаешь, у каждого человека свой круг общения, я в этом не исключение. Среди наших знакомых не все сплошь мерзавцы и карьеристы, попадаются и порядочные мужчины,

но мне не повезло: или они уже заняты, или мне неинтересны. Для любви ведь одной порядочности мало. Пару раз я попробовала вырваться из этого круга. Один раз сходила на молодежную тусовку к художникам, а второй — на сборище нимф. Там ведь не одни женщины, бывают и мужчины. И ходят туда больше служащие, хотя бывают и рабочие. Сказать, что я была разочарована — значит ничего не сказать. Я почти не употребляю спиртного, но после этих вылазок оба раза напилась, так все было мерзко, убого и безнадежно! Отец на меня постоянно давит. Я ведь у него одна—единственная! Его делами не интересуюсь, и детей у меня нет. Он создал свою империю, а любому императору нужен наследник. Я на роль наследника подхожу мало, а когда еще будут дети, и будут ли? Мне ведь уже тридцать два! Если ты станешь моим мужем, все, скорее всего, достанется тебе. Поэтому не обижайся на отца, но тебя он будет проверять всеми мыслимыми способами.

— Мы с ним на эту тему уже говорили, — успокоил ее Алексей. — Не по поводу женитьбы, конечно, а насчет проверки. Я ему сказал, что никаких обид с моей стороны не будет.

— Алеша... Можно я тебя буду так называть? Скажи, ты чувствуешь ко мне хоть что-нибудь?

— Не спеши, ладно? — попросил Алексей, целуя ей глаза. — Обещаю не исчезать и постараюсь ответить на твои чувства. А пока... Мы ведь совсем не знаем друг друга.

— Ты пробовал парду?

— Было дело, — ответил он правду. — Два дня назад. Если было раньше, я этого не помню.

— А с кем тебе было лучше, с ней или со мной? Только скажи правду!

— От нее больше удовольствия, но нежность я чувствую только к тебе. И что-то еще, для чего у меня нет слов. Она мне дарила удовольствие, ты даришь любовь. Чувствуешь разницу?

Они еще долго лежали обнявшись, и Лидия рассказывала Алексею о себе и самых близких для нее людях. Потом она решила, что любимый достаточно отдохнул, и опять начала его ласкать.

— Все, — сказал Алексей, когда они наконец оторвались друг от друга. — Ты меня выцедила не хуже парды. Извини, но я теперь до вечера больше ни на что не способен.

— А мне пока больше ничего и не нужно, — успокоила его Лидия. — Нет, вру, не хочу с тобой расставаться даже на миг. Не скажешь, что ты со мной сделал, что я совсем потеряла голову? Кстати, утром звонил отец и предупредил, что приедет на обед. Учти, что у меня от него нет никаких секретов, поэтому и свою любовь тоже скрывать не стану. Тебе это пойдет только на пользу, будет совсем другое отношение.

— Послушай, Лида, у вас остались ученые, которые занимаются историей? Их не пустили на мясо после взрыва? Что я такого сказал, чтобы реветь?

— Извини! — она использовала простыню, чтобы вытереть слезы. — Меня так и отец не называл, только мама.

— Это ты меня извини. Я больше не буду...

— Глупый! — она нагнулась и поцеловала его в губы. — Это просто от неожиданности. Но ты называй, мне приятно! А что это еще за нелепые фантазии насчет мяса? Мы в самое тяжелое время не опускались до людоедства!

— Это я так неудачно пошутил. Просто, когда общество борется за выживание, оно заинтересовано в сохранении тех, кто нужен в первую очередь, а историки к ним не относятся. И потом я вчера кое-что смотрел в Сети, в том числе и то, чему учат детей по истории. Маразм чистой воды! Вот я и подумал...

— В школе такого маразма много. А историки и обществоведы есть. Их готовят в первую очередь для правительства. Есть в нем консультативный орган, который обязан делать прогнозы и давать рекомендации. А тебе они зачем?

— Меня заинтересовал один период в истории России еще до взрыва, а в Сети об этом почти ничего нет. Ты не могла бы мне устроить встречу с кем-нибудь из них? Или нужно просить твоего отца?

— Я его сама попрошу, — сказала Лидия. — У него в правительстве много знакомых. Леша, мы уже лежим три часа. Давай приводить себя в порядок, а то через час приедет отец. И нужно будет позаботиться о твоём гардеробе. У тебя ведь нет других вещей?

— Только то, что на мне, — подтвердил он, — но куртка еще послужит долго, да и свитер совсем новый, а брюки нужно только погладить. Для повседневной носки больше ничего и не нужно. Вот из парадно-выходного у меня ничего нет.

— Куртка из кожзама, даже хорошего, это не одежда! — отмахнулась она.

— Почему все считают, что у меня кожзам? — удивился Алексей. — Обычная кожа, и не очень плохая, да еще утеплена мехом. Я не слишком люблю пальто, больше привык к курткам.

— Подожди, я сейчас приду, — сказала Лидия, одевая халат, — а ты пока одевайся. И расчешись: все волосы стоят дыбом.

Вернулась она минут через пять, когда он уже был одет и причесан.

— Ты меня озадачил, — сказала Лидия, не пытаясь скрыть растерянности. — Твоя

куртка на самом деле из кожи, да еще с мехом!

— А что в этом такого? — не понял он. — Почему это вызывает удивление?

— Такой одежды уже давно никто не выпускает, — объяснила она. — Через несколько лет после взрыва никаких крупных животных не осталось, все были съедены. Точнее, небольшое количество коров и свиней сохранили, но все они находятся на строгом учете. А куртка у тебя новая.

— А как же мясо? — спросил Алексей. — И кофе я пил с молоком.

— На мясо разводят только кроликов, кур и водяных крыс, а молоко искусственное из сои. И свитер я твой проверила. Выдернула немного шерсти и прижгла огнем. Так вот шерсть в нем тоже натуральная! Мне страшно, Леша! Если ты появился издалека, тебя у меня могут забрать, и отец не поможет! Ты не из Австралии?

— А чем так опасна Австралия?

— Она должна была пострадать меньше других, — ответила Лидия. — Туда успели эвакуировать часть англичан и пару миллионов американцев. И промышленность они должны были сохранить. Почти все американские подводные лодки, которые не погибли, тоже ушли туда. В правительстве считают, что если у нас в мире будет противник, то им может стать только Австралия. Все остальные либо вообще погибли, либо так пострадали, что оправятся еще очень нескоро. Давай все твои вещи соберем и спрячем, а лучше уничтожим.

— Я точно не из Австралии, — постарался он ее успокоить. — Я не против уничтожения одежды, только прежде нужно купить другую. Обувь у меня тоже кожаная. Это подозрительно? А белье и рубашка их хлопка.

— Туфли заменим, а хлопка у нас еще много. Вещи из него дороги, но большого удивления не вызовут. Отцу я об этом ничего говорить не буду. Давай, пока его нет, я тебя измерю и сделаю заказы. Сейчас обойдемся тем, что привезут, а если тебе не подойдет, потом заменим.

У Лидии в руках был скрученный гибкий метр привычного вида, с помощью которого она быстро измерила Алексея в нужных местах, посчитала размеры и тут же из спальни по сети заказала кучу вещей, сразу все оплатив.

— Обедать будем в столовой, — предупредила она. — Отец будет один, и он не любит, когда Ольга накрывает в зале, ему в столовой удобнее. Пойдем, уже все должно быть готово, а отец обычно не опаздывает.

Старший Валери не опоздал и в этот раз и подъехал в два часа, как и обещал.

— Привет, дочка! — он поцеловал Лидию в щеку и повернулся к Алексею. — Ну как вам у нас? Еще не надоело пользоваться услугами дочери? Я договорился насчет вас в одном из медицинских центров. Они обещали помочь и сохранить в тайне результаты лечения. А уже по этим результатам будем решать проблему с документами.

— Папа, Алеша в любом случае останется у меня! — твердо сказала Лидия.

— Вот даже как! — прищурился Владимир. — Я смотрю, ваши способности не ограничиваются одними бандитами. Кстати, ваши бумажники пригодились. С этой компанией быстро разобрались.

— И кто же это был? — спросила дочь.

— Неважно, их уже нет, поэтому не будет и никаких неприятностей. Ты меня за стол пригласишь?

— Да, давайте садиться! — сказала Лидия. — Сначала поедим, а разговоры потом.

Некоторое время все молча ели очень вкусный обед из трех блюд, после чего перешли в гостиную.

— Ну что, так ничего сами не вспомнили? — спросил Владимир, усевшись в кресле.

— По-моему, вспомнил фамилию и то, что раньше служил в армии, — осторожно ответил Алексей, — но твердой уверенности у меня нет. Мне сейчас почему-то все кажется странным и немного чужим. В связи с этим хочу спросить, можно ли мне будет побеседовать с кем-нибудь из историков? Вчера перед сном работал с Сетью и в результате появились вопросы.

— Интересно, — с любопытством посмотрел на него Владимир. — Вы единственный из всех, с кем мне приходилось общаться за последние десять лет, кому понадобился один из этой братии. Для меня это будет нетрудно устроить, и даже не потребуется дергать связи. На всю Россию есть только один Университет, который готовит историков, а заведующий их кафедрой числится в числе моих друзей. Вы не против, если я буду присутствовать при вашем разговоре? Вот и прекрасно! Тогда я приглашу Валентина к себе, ну и вас заодно. Там и поговорим. Но давайте это сделаем после лечения. Если вы что-нибудь вспомните, пользы от такого разговора будет больше, а если вспомните все, может, в нем вообще не будет необходимости.

— Я тоже хочу присутствовать! — заявила Лидия.

— Это уж вы решайте между собой, — ухмыльнулся отец. — Алексей, у вас с моей дочерью серьезно? Ее я не спрашиваю, и так видно.

— Наверное, да, но я пока до конца не уверен, — ответил парень. — Мы еще слишком мало знаем друг друга. Да что говорить, когда я даже о себе почти ничего не помню. Я и Лидии сказал, чтобы не спешила.

— Честный ответ, — довольно сказал Владимир. — Ладно, время узнать друг друга у вас еще будет. Я вас попрошу не обижать мою девочку. Завтра я с вами не поеду, пришлю своего человека. Будьте готовы к десяти утра. Я договорился на одиннадцать, но пока доберетесь... Это где-то на самых окраинах. А сейчас не буду вам мешать знакомиться. Дочь, завтра созвонимся.

— Ты ему понравился, — сказала Лидия, вернувшись в дом.

— Проводила? — спросил Алексей. — Это он тебе на прощание сказал, или сама догадалась?

— А мне и говорить не нужно, что, я не знаю своего отца? И твой ответ ему тоже понравился, хотя лично я была бы рада услышать другой.

— Это я уже понял. Любой из тех, кто подкатывал к тебе раньше, начал бы его горячо убеждать в своих чувствах. Ты это имела в виду?

— Конечно. А ты такой уверенности не выказал, и он это оценил. Ладно, завтра тобой займутся другие, а сегодня ты только мой! Не нужно хвататься за свое богатство, до вечера оно нам не понадобится. Сейчас должны привезти все заказанное, а потом нужно решить, чем займемся до вечера. Ты танцуешь?

— А черт его знает, может быть, и танцую. А что?

— Могли бы съездить к кому-нибудь из знакомых. В казино после вчерашнего меня как-то не тянет.

— Покажи ваши танцы. Если они не слишком сложные, я их быстро освою. А в казино я бы тоже не хотел. Никогда не любил играть на деньги.

— Покажу. Слушай, ты говорил, что вспомнил фамилию. Ну и как она звучит?

— Самохин она звучит. Кажется, кто-то приехал.

— Это приехали твои вещи. Сейчас займемся стриптизом. Я тебя буду сначала раздевать, а потом одевать. Если при этом не выдержу, потащу тебя в спальню.

До спальни не дошло, а все вещи были впору и хорошо сидели.

— Одевай вечерний костюм и эту рубашку, — сказала Лидия, — и вон те туфли. Так, жених уже готов. Подожди меня, сейчас будет готова невеста.

Она выбежала в одну из своих комнат и минут через десять вернулась в малиновом платье, которое до бедер сидело на ней, как вторая кожа, а юбка прямого кроя доходила до щиколоток. Туфли на высоких каблуках добавили стройности, а на шее отливалась голубым, искрящимся светом колье. В ушах посверкивали такие же серьги. Волосы были отброшены за спину и заколоты гребнем.

— Ты красавица! — восхищенно сказал Алексей, любуясь женщиной.

— Наконец-то дождалась хоть одного комплимента! — довольно сказала она. — Посмотри, какая из нас получилась бы пара! Иди сюда, к зеркалу. Эх, мне бы сейчас сбросить лет десять! Ты бы тогда точно не устоял! Знаешь, какой я была, в двадцать лет?

— Ты и сейчас замечательно выглядишь! — сказал он то, что думал. — Это я здесь невзрачный рядом с такой красавицей!

— Ладно, скромник, — засмеялась она. — Сейчас буду тебя учить танцевать. Ничего в этих танцах сложного нет, так что попробуй только не выучить! Тогда для тебя вечер начнется прямо сейчас и будет продолжаться, пока я не утомлюсь!

Танцы действительно оказались очень простыми, так что ему хватило полчасика на их изучение, после чего Лидия начала названивать подругам.

— Через час мы должны быть у Татьяны, — сказала она после пятого звонка. — Это дочь мэра Москвы. Она со своим мужем будет нас ждать. Заодно они пригласили еще одну пару, а кого — не сказали, сказали только, что будет сюрприз. Ну и мы им преподнесем сюрприз. Нужно подумать, что о тебе говорить. Прежде всего запомни, что мы с тобой жених и невеста. Это тебя ни к чему не обязывает, а вес в их глазах прибавит, и никто не будет сильно приставать. Ты у нас служил в армии, но решил оставить службу и заняться бизнесом. Чем конкретно, еще не определился. Вот и все, что нужно помнить. Танцевать с другими разрешаю, если потащат целоваться за портьеры, целуй. Но его — она показала ему рукой — задействовать запрещаю! Увижу — оторву!

— У вас на вечеринках бывает и такое? — удивился он.

— У Таньки — вряд ли, — ответила Лидия, — а в других местах бывает и не такое.

Через десять минут они вышли во двор в сопровождении двух охранников, сели в тот самый электромобиль, на котором вдвоем удирали из казино, и поехали в старый центр Москвы. Ехали сорок минут и высадились у четырехэтажного старого здания. Охранники подождали, пока Лидии открыли двери, и уехали на стоянку ждать вызова. Лифт был, но на второй этаж поднялись пешком. Дверь им открыл накаченный парень с пистолетом в подмышечной кобуре.

— Привет, Сергей! — сказала ему Лидия.

— Здравствуйте! — почтительно поздоровался охранник. — Проходите, пожалуйста, вас ждут.

— Я думала, что сделала ей сюрприз! — сказала вышедшая в коридор невысокая стройная блондинка с красивым лицом, одетая в платье такого же кроя, как и у спутницы Алексея, но белое с искрой. — А, оказывается, это она к нам приехала с сюрпризом! И как

же этот сюрприз зовут?

— Познакомься с моим женихом! — довольно сказала Лидия, поцеловав подругу в щеку. — Это Алексей.

— Ну, подруга, удивила! — воскликнула Татьяна. — Рада за тебя. Подойди, жених, да наклонись немного! Не видишь, что девушка до тебя не достает? А я должна тебя оценить!

Оценила она его очень просто: стоило Алексею немного наклониться, как она впилась ему в губы поцелуем, вволю поработав язычком.

— А что, очень даже неплохо! — сказала она, нехотя оторвавшись от парня. — Проходите, а то мы вас уже заждались. Этот здоровяк приходится мне мужем. Зовут Фредом. А это...

— Светка! — радостно воскликнула Лидия. — Сколько же мы с тобой не виделись?

Если Лидия с Татьяной были просто красивыми женщинами, для описания Светланы у Алексея не нашлось бы слов. Она была гораздо красивее подруг и выглядела лет на пять моложе. Ее мужем оказался плотный мужчина лет сорока, одетый в военную форму.

— Игорь! — представился он. — Муж этого чуда. Извините, что не успел поменять форму на гражданское, нас слишком быстро выдернули в гости. А я еще час назад с самолета. Отправили в инспекционную поездку в Хабаровскую зону.

— Ну и что там? — с едва уловимым акцентом спросил Фред. — Много расплодилось мутантов?

— Наших мало, — сказал Игорь. — Постоянно прорывают периметр с китайской стороны. За неделю до моего прибытия прорвалось штук триста. Половину перестреляли, часть подорвалась на минах, а остальным удалось дойти до поселения. Два десятка каторжан порвали и съели. Пришлось поднять вертушки и отстреливать с них. Жаль, что не разрешили обработать китайскую территорию ракетами.

— Правильно вам это не разрешили, полковник! — рассердился муж Татьяны. — Вам бы только посильней шарахнуть, а думать не хотите! Тем ракетам последний раз прогоняли регламентные работы лет пятнадцать назад! А если какая-нибудь рванет у вас в шахте? А это триста килотонн! Вы — ладно, Светлана себе мужа найдет, а вот территорию опять загадим. И что, потом опять двадцать лет ждать?

— Не кипятитесь, комиссар! — неприязненно ответил Игорь. — Есть еще ядерные фугасы. Собрать побольше солдат, да поднять ударные вертолеты... Заложили бы в двадцати километрах от границы и рванули без всякого риска. Там ветра почти все время дуют на юг.

— Господа, — сказал им Алексей. — Мы сюда собрались веселиться или говорить о мутантах? Тема, конечно, интересная, и я бы вас с удовольствием послушал, но женщины скучают.

Наградой ему были благодарные взгляды женщин.

— Слава богу, что среди вас нашелся хоть один джентльмен! — сказала Татьяна. — Сейчас я включу музыку, а вы идите за столик. Примите по стопке, а кто хочет, может закусить пирожными. Сегодня у нас сливочные с орехами — пальчики оближешь!

— Ты же знаешь, что мне нельзя, — сказал Игорь. — А пирожные ешьте сами, не буду я объедать таких сладкоежек!

— Я тоже воздержусь, — сказал Алексей. — Не люблю спиртного.

— А что так? — спросил Фред, опрокидывая в рот одну за другой пару рюмок с чем-то розовым. — Вы, случайно, не служите в госбезопасности, как наш Игорь?

— Служил в армии, — ответил Алексей. — Сейчас на вольных хлебах. Нет, не выгнали

сам ушел. Что вы опять о делах, давайте танцевать! С такими дамами...

Дальше ничего интересного не было. Все трепались о пустяках, танцевали, а потом Татьяна выпила все, что оставили мужчины и захмелела. Алексей, как человек новый, привлекал ее больше остальных. Пока она ограничивалась поцелуями, он терпел, а Фред только посмеивался. Но, когда ее муж задремал, а Татьяна начала тащить его в какую-то комнату, стало ясно, что пора уходить.

— Обычно за ней такого не водится, — оправдывала подругу Лидия. — Надо было просто убрать выпивку. А ты у меня молодец, даже к Светке не сильно прижимался.

— А зачем мне тереться о чужих жен, когда у меня есть невеста? — шепнул он ей на ухо. — Ты только не снимай это платье сама. Я тебя весь вечер мысленно раздевал и буду очень разочарован.

Проснулся он поздно, когда часы на стене показывали без десяти девять. Одеяло было скомкано, их одежда в таком же виде валялась на полу, а голая Лидия спала, свернувшись калачиком на другом конце кровати. Самочувствие было не очень, но все же лучше вчерашнего.

«Привыкаю к семейной жизни? — подумал он, с нежностью глядя на женщину. — Вот как ее бросить? Ведь любит по-настоящему».

Он взял одеяло и накрыл «невесту», после чего стал ползком покидать кровать, но был пойман за ногу.

— Ты куда? — не открывая глаз, спросила Лидия. — Увиливаешь от выполнения супружеского долга?

— Лида, уже девять и через час за мной должны заехать! — попытался он воззвать к ее разуму.

— Подумаешь! — отмела она его доводы. — Один раз позавтракаешь позже.

Она пустила в ход вторую руку, и через пару минут ему уже самому расхотелось уходить.

К приходу машины Алексей успел одеться и даже съесть пару пирожков из того богатства, которое Ольга приготовила к завтраку. Лида тоже рвалась поехать, но он ее отговорил.

Без трех минут десять в ворота заехал небольшой электромобиль стального цвета. Из машины выглянул седой здоровяк, который приглашающе махнул Алексею рукой.

— Быстрее садитесь в машину, у нас мало времени. Меня зовут Отто.

Сидевших впереди шофера и охранника он не представил.

— Меня зовут Алексей. Вы немец?

— Швейцарец. Я должен отвезти вас в лечебный центр и доставить обратно. Вы позавтракали?

— Не успел. Съел только пару маленьких пирожков.

— Вот и хорошо. Вас просто не смогли предупредить, чтобы плотно не наедались. Вашего номера я не знал, а госпожа Лидия вечером не отвечала.

Алексей хмыкнул: стала бы Лидия отвечать во время вчерашних постельных баталий! Всю дорогу промолчали. Алексей не рвался общаться с незнакомым человеком, занятый мыслями о предстоящей процедуре, а Отто был от природы неразговорчив. Москва разрослась непомерно, и шофер вез их кратчайшей дорогой, ориентируясь на схему с маршрутом движения, которая высвечивалась у него на экране. Территория лечебного центра была огорожена металлической оградой с обычной сеткой, но вдоль всего периметра

стояли камеры, которые Алексей уже научился узнавать. Шофер высадил их возле ворот с калиткой и уехал на стоянку. Отто, игнорируя цифровой пульт, нажал кнопку звонка.

— Кто и по какому вопросу? — раздался тихий голос из динамика в пульте.

— Больной от господина Валери с сопровождающим, — ответил Отто. — Время визита согласовано.

— Вы есть в списке, пожалуйста, проходите. Идите прямо, никуда не сворачивая, к пятому корпусу.

Калитка распахнулась, пропуская их на территорию. Пока шли до нужного корпуса, встретили двух охранников с собакой на поводке. Охранники были вооружены пистолетами.

— Объект режимный, — пояснил Отто, увидев реакцию Алексея на оружие.

У большого пятиэтажного здания с двухметровой цифрой «5» на стене их уже встречал молодой мужчина в белом халате.

— Заходите, пожалуйста, — пригласил он их в вестибюль и представился. — Доктор Егор Гладышев.

— Охота вам было, Егор, стоять на холодном ветру в этом халате! — сказал Алексей. — А-то мы бы сами не зашли. Нас на входе предупредили о номере корпуса.

— Такой порядок, — ответил он. — Прошу вас, господа, пройти в лифт.

Они спустились на четыре этажа, прошли по коридору и зашли в просторное помещение, заставленное самым разным оборудованием.

— Идите за мной, — сказал их провожатый, направляясь к нескольким стойкам с оборудованием и огромным креслом, возле которых их дожидались двое мужчин, одетых, как и все здесь, в белые халаты.

— Вам ко мне, — сказал им пожилой врач. — Я Семен Волков. Кто из вас пациент?

— Это я, — слегка поклонился Алексей. — Алексей Самохин.

— Садитесь, Алексей, — показал на кресло Волков, — и ничего не бойтесь. Или мы вам поможем, или вы у нас без толку потеряете пару часов. Никаких неприятных ощущений не будет. А сейчас мы вообще займемся не лечением, а диагностикой. Олег, начинай.

Его ассистент подвел к голове Алексея металлическую полусферу примерно метрового диаметра, с радиально выступавшими из нее цилиндрами, от каждого из которых шел свой кабель к самой высокой стойке. Раздался низкий гул, но, как и говорил врач, Алексей ничего не почувствовал. Продолжалось это минуты три–четыре, после чего металлическую «шапку» убрали.

— Уже хорошо, — сказал Волков, колдуя у приборов.

— И что же у нас хорошо? — спросил Алексей.

— Прежде всего мы выяснили, что вы не симулируете потерю памяти, — пояснил врач. — Вы действительно не можете ее использовать в полной мере. Кроме того, вы не травмировали мозг и не принимали наркотических веществ, способствующих нарушению памяти. И воздействию мощных магнитных полей вы тоже не подвергались. Скорее всего, причина вашего недуга чисто психологическая. Поэтому для начала применим внушение.

— Гипноз? — спросил Алексей.

— Не совсем, — ответил Волков. — У нас свои методы. Олег, давай шлем.

На голову Алексею надели уменьшенную копию полусферы с цилиндрами.

— Расслабьтесь и постарайтесь не двигаться! — приказал Волков. — На этот раз сидеть придется гораздо дольше. Если что-то вспомните, нам говорить не нужно. Процедуру надо провести до конца.

Сколько длилась процедура, Алексей сказать не мог. Он долго сидел в кресле и в конце едва не заснул. А может, и заснул и проснулся, когда с головы снимали шлем.

— Ну как наши дела? — спросил Волков. — Помогло вам наше лечение?

— Спасибо, доктор, — сказал Алексей. — Я вспомнил все. Я могу идти?

— Да, конечно, — кивнул врач. — Если нет претензий и надобности в наших услугах, то можете покинуть кресло. Вас проводят.

На обратном пути Отто не беспокоил Алексея, даже не задал вопроса о результатах лечения, за что он был ему благодарен. Алексей Самохин в подробностях вспомнил всю свою жизнь и теперь сидел в мчащемся электромобиле и думал о том, что ему с этим знанием делать. На вопрос, каким образом и почему он оказался в будущем, всплывшие в голове знания не отвечали. Прежде всего, нужно было решить, что говорить Лидии и ее отцу. Есть какая-нибудь цель в его появлении или оно вызвано случайностью, но без посторонней помощи ему придется плохо. Да и не хотелось ему уже уходить от Лидии. Складно врать или продолжать прикидываться потерявшим память у него не получится. Он слишком плохо знал этот мир и был уверен, что медики по своим приборам легко определяют, что лечение удалось, поэтому сказал им правду. А теперь нужно говорить правду Лидии, или уходить из ее дома. Да и это не выход. Вряд ли она смирится с его уходом, а возможности у нее большие. В конце концов он решил, что все расскажет Лидии и попросит у нее совета. Уж она должна хорошо знать своего отца. Стоит ли ему рассчитывать на помощь и доверие Владимира Валери, или лучше держаться от него подальше?

Отто со своей машиной не стал заезжать на территорию особняка и высадил Алексея у калитки. Пустили его внутрь почти тотчас же.

— Ну как? — бросилась к нему Лидия. — Получилось?

— Да, я все вспомнил, — кивнул он. — Пойдем в спальню, там и поговорим.

— Что случилось, Леша? — Лидия вцепилась в его руку и пыталась на ходу заглянуть в глаза. — Я же вижу, что ты сам не свой! Мне страшно!

— Сядь и выслушай! — он оторвал от себя женщину, взял ее за плечи и почти насильно усадил на кровать. — Я не знаю, согласишься ты мне или нет, но я к вам пришел не из Австралии или другой страны, а из другого времени. Перед тем, как сюда попасть, я жил в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. И почему так получилось, я не знаю.

— У тебя там осталась жена? — спросила Лидия.

— С женой мы разошлись, а детей не было. Мы и жили-то вместе всего два года.

— Значит, все хорошо? Почему же ты тогда весь сжался?

«Никогда не понимал женщин, — подумал он и о своей бывшей жене, и о Лидии. — Способны из пустяка сделать трагедию, а когда им говоришь о действительно важных вещах, им все по фиг, если только это не касается семьи».

— Ну и что ты об этом думаешь? Ты мне веришь?

— Я тебя люблю, и если ты ответишь мне взаимностью, все остальное будет неважно. Наверное, ты действительно пришел из тех времен, о которых я так любила читать книги. Ни один мужчина из тех, кого я знаю, не бросится безоружный на трех вооруженных бандитов, чтобы помочь незнакомой женщине, а потом не уйдет, ничего за это не попросив.

— Твой отец такой же легковверный, как и ты? И он мне поможет? Я не хочу ему врать, я даже не смогу это правдоподобно сделать. Слишком я еще плохо знаю ваше время.

— Даже если не поверит, все равно поможет! — жестко сказала Лидия. — Иначе лишится дочери! И потом ты ведь должен знать много такого, чего никто из нас не знает.

Отец хотел пригласить историка, вот ты с ним и поговори. Он изучал твоё время по книгам, а ты в нём жил. Думаю, ты сможешь его убедить, а он пусть убеждает отца. Что ты у него хотел узнать?

— Я хотел узнать не о своём времени, а о более позднем. Мне непонятно, почему развалился Советский Союз. Выиграли самую страшную войну в истории человечества, выстояли в невероятно трудных условиях послевоенной разрухи и развалились в относительно благополучное время? Извини, я в такое не верю. Наверняка имело место предательство и пособничество нашим врагам, и я хочу знать, чьих это рук дело! Я не знаю, что тебе известно об СССР, просто хочу сказать, что несмотря на все его недостатки, до такого маразма, как сейчас, при том строе не дошли бы.

— Ну и что? — не поняла Лидия. — Пусть у вас было лучше, это даже по тебе видно! Не даже если ты всё узнаешь, что от этого измениться? Прошлого изменить нельзя! Или можно?

— Я не знаю, — опустил голову Алексей. — Просто чувствую, что должен это выяснить. Давай пока не будем заглядывать далеко вперед, а сначала разберемся с твоим отцом. Он не звонил, когда собирается приехать?

— Он должен позвонить позже. Но я не буду ждать его звонка и позвоню сама! Я же вижу, в каком ты состоянии, да и сама до этого разговора не буду спокойной! Подожди, я сейчас схожу в свои комнаты за коммуникатором и позвоню.

Она убежала и вернулась через несколько минут.

— Он опять придет к нам на обед. Ты, кстати, не завтракал и очень голоден. Поэтому отца ждать не станем и поедим сейчас. А с ним потом просто посидим за компанию.

Отец Лидии приехал к трем.

— Ну и что у вас случилось такого, что я должен все бросать, срываться и ехать через всю Москву? — спросил он дочь. — Вы уже сами пообедали?

— Да, папа, — ответила она. — Твой обед ждет на кухне. Давай ты поешь, а потом поговорим. А то с нашими проблемами тебе кусок в горло не пойдет.

— Отыскала ты себе жениха на мою голову! — проворчал Владимир. — Если так, ждите, пока поем. Идите в гостиную, я после обеда приду туда.

Ждать пришлось двадцать минут.

— Выкладывайте! — сказал глава семейства, опускаясь на диван. — Мне нужно заранее принять чего-нибудь сердечное?

— Наверное, не надо, — сказал ему Алексей. — Вы почти наверняка не поверите тому, что я вам скажу, поэтому и волноваться не станете. Дело в том, что я родился в тысяча девятьсот сорок девятом году.

— Ты неплохо сохранился для своих лет, — усмехнулся Владимир. — Ты прав, в этот бред я не поверю.

— К вам я попал в возрасте двадцати девяти лет, и о том, как это произошло, не имею ни малейшего представления.

— И кем же ты там был?

— Капитаном Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Причем служил не в центральном аппарате, а в одном из отдельных отрядов специального назначения.

— Мне это мало о чем говорит, — покачал головой Владимир. — Что ты должен был делать?

— Диверсионно-разведывательная работа. Такие, как я, должны были захватывать и

уничтожать секретные объекты и руководство противника. Нас было всего несколько тысяч. Извини, Лида, но мне твои бандиты были на один зуб, хотя от случайностей никто не застрахован.

— И попав к нам, ты потерял память?

— Я возник в вагоне экспресса. Помню, было сильное головокружение, и проводница увела к себе в купе отпаивать чаем. Спросила, как зовут, и я вспомнил имя. Позже вспомнилась фамилия и место работы. Все остальное всплыло только сегодня.

— Родственников там оставил?

— С женой был разведен, а детей мы не нажили, остались только мои родители. Я вижу, что вы мне не верите, но Лида подала неплохую идею. Вы обещали пригласить к себе историка...

— Хочешь, чтобы он тебе устроил экзамен? — сразу ухватил суть Владимир. — Это сделать нетрудно.

— Он потом обо мне не разболтает? Это мне может обойтись дороже вашего недоверия.

— Я же говорил, что это друг, не будет он мне вредить. Для чего ты принесла сюда эту одежду, дочь?

— В этом был одет Алексей. Это куртка из натуральной кожи с таким же мехом, а это шерстяной свитер. Брюки из шерсти и кожаные ботинки я уже уничтожила, а это еще не успела.

— Так это вы у нас выходец из прошлого? — на Алексея с любопытством смотрел полноватый мужчина лет за шестьдесят с небольшой, уже седой бородкой и веселыми глазами, которые он немного щурил.

— Что, не похож? — спросил парень, в свою очередь рассматривая историка. — А вы у нас завкафедрой и знаток истории?

— Это Валентин Серегин, — представил своего гостя отец Лиды. — О тебе он знает все, что известно мне. А теперь можете беседовать, а мы с дочерью посидим и послушаем.

— Значит, вы родились в сорок девятом, а пришли к нам из семьдесят восьмого? — спросил Валентин. — Ладно, по этому времени и поговорим. Вы состояли в партии?

— Естественно, — ответил Алексей. — В тех подразделениях, где я служил, даже рядовые были коммунистами. Да и сколько их там было тех рядовых...

— Я не буду вам задавать вопросов по ГРУ, — сказал Валентин. — Если вы решились на такую аферу, значит, в этом вопросе подготовились хорошо. Давайте с вами поговорим о быте.

Минут пятнадцать он задавал Алексею самые разные вопросы, на которые тот отвечал, не задумываясь.

— Не надоело? — сказал он Валентину, когда историк спросил его о стоимости водки. — «Московская», по-моему, стоила два рубля восемьдесят семь копеек, а «Экстра» — чуть больше четырех. Я ее сам с курсантских времен не покупал. У нас употребление спиртного не приветствовалось, поэтому пили чисто символически на праздники. Водка дома была, но в основном для знакомых жены. Она ее и покупала.

— Что я могу сказать, — повернулся историк к Владимиру. — Он знает о том времени больше меня. Такие знания не получишь из учебников или старых кинофильмов. Хотя, если перечитать уйму старых книг...

— Но ты ему не веришь, — сказал Владимир. — Кстати, я справлялся в центре, так там сказали, что проблемы с памятью были на самом деле. Те знания, которые ты сейчас проверял, были для него закрыты. Спецназ ГРУ — это что?

— Элита боя и проведения разведки. Эти ребята, Владимир, если им поставить задачу, могли выкрасть и привезти в Россию Государственного секретаря США. Таких бойцов уже давно нет.

— Точно могли бы? — не поверил отец Лиды. — Вот ты бы мог?

— Убить мог без труда, — ответил Алексей. — Выкрасть сложнее, но тоже можно. А вот вывезти в Союз... У одного вряд ли получилось бы, но с прикрытием — не вижу проблем. Просто на такое никогда не пошли бы ни мы, ни американцы. Вы мне задали немало вопросов, можно теперь спросить вас?

— Меня предупреждали, что у тебя есть вопросы, — сказал Валентин. — Задавай, попробую ответить.

— У меня два вопроса, и оба для меня важны. Я непонятно как попал в ваше время и вряд ли когда вернусь обратно. Значит, нужно как-то строить свою жизнь здесь. Я еще очень плохо ориентируюсь в том, что у вас происходит, но уже кое-что узнал в Сети. Так вот, это кое-что мне не слишком нравится.

— И что же не понравилось в первую очередь? — посерьезнел Валентин.

— Мне не понравилось то, во что у вас постепенно превращаются люди, в первую очередь молодежь. Пока все были зажаты военным положением и борьбой за выживание, это как-то не бросалось в глаза. Сейчас у режима хватает сил бороться с крайностями, но это ненадолго.

— Почему вы так думаете?

— Потому что людям не оставили ничего, кроме работы и потребления, а человеку этого мало! В старых религиях большинство разочаровано, а никаких других идей вы им не предложили. Вкалывай, чтобы заработать больше денег, и тебе воздастся! Будешь больше и вкуснее есть и чаще пользоваться пардами или той же наркотой. Ну и чем-нибудь еще, что у вас придумано для развлечения! И так всю жизнь! Отсюда и все эти секты с их извращениями, и бегство в наркотики, и молодежный экстремизм! Вы не даете им идей, и они пытаются найти их сами.

— Прекрасно обрисовали проблему, — согласился Валентин. — От меня-то что хотите?

— Вы разбираетесь в этом гораздо лучше меня. Какой у вас прогноз по будущему?

— Плохой у меня прогноз, — вздохнул Валентин. — Вы правы, я знаю гораздо больше вас. Года два назад я этим занимался по заданию правительства. Помню, когда они проигнорировали мои предложения, я в первый раз за много лет напился, хотя водку терпеть не могу.

— Все так плохо? — нахмурился Владимир.

— Гораздо хуже, чем ты думаешь. Мы все-таки сделали большую ошибку, когда приняли столько мигрантов, да еще из Штатов и Западной Европы. Если у нас к тому времени в населении еще была какая-то религиозность, семейные и нравственные ценности, то у них ничего этого уже давно не было. Они хорошие работники, но идея абсолютной личной свободы действуют на человеческое общество разрушительно. На Западе к тому времени лет тридцать с пеной у рта боролись за права человека, совсем забыв, что у него, помимо прав, должно быть и много обязанностей. А идеи равенства и социальной справедливости были похоронены хозяевами мира еще раньше. Вы видели наши учебники истории, Алексей?

— Видел. Это делается специально?

— А вы как думали? Те, кто на вершине социальной пирамиды, сами не слишком блещут интеллектом. Они считают, что болванами управлять гораздо легче. В общем-то, правильно считают. Беда в том, что, когда таких болванов становится слишком много, общество становится неуправляемым. И мы к этому опасно приблизились.

— И ваши рекомендации проигнорировали?

— Гораздо легче закрыть глаза на проблему и ничего не делать. Все как-нибудь утрясется само, а если не утрясется, есть еще армия. Правители на этом не раз обжигались. Ведь что такое армия? Часть того же народа... Не всегда и не все можно решить силой, но попробуй это объяснить тем, кто уже забыл, что можно править иначе. Я краем уха слышал, что в правительстве есть планы отвлечь население экспансией. При желании мы можем захватить всю Европу, и даже немцы ничего не смогут сделать. Беда в том, что подобное может дать только отсрочку, а потом будет еще хуже. Да и резервов для такого пока недостаточно. И населения у нас мало, а на быстрый рост рассчитывать не приходится, даже если мы восстановим сельскохозяйственное производство.

— А почему? — спросила Лида.

— А почему у тебя самой до сих пор нет детей? — вопросом на вопрос ответил

Валентин. — А ты уже в таком возрасте, что после всех этих уколов вряд ли будет больше одного ребенка. Мы слишком долго сдерживали рост населения, причем часто негодными средствами. Знаешь, сколько у нас однополых семей? Почти четверть! Мало того, что они после себя никого не оставят, они плохо действуют на остальных! Семья не для детей, а для собственного удовольствия. А сейчас еще начали продавать пард. Поменял раз в десять лет изотопную батарею и имеешь красивую безотказную жену, дарящую максимум того, что мужчине может дать женщина. Она ему и быт обеспечит, и общение, и вообще все, кроме детей. Парды дешевеют на глазах и тут же раскупаются! А большинство тех, кто образовал пару с живым партнером, делает уколы и занимается безопасным сексом. Зачем им возиться с детьми, тратя на это свое время, нервы и деньги? Дети — это обязанности и ответственность, большинству молодых это больше не нужно. Если сейчас снять все ограничения по рождаемости, мы даже не восполним убыли населения. А если в правительстве не примут немедленных мер, лет через десять рожать будет просто некому. Средний возраст населения и без того достаточно велик. Молодежи мало, а ее еще вовлекают в сатанистские секты и сажают на наркоту. Вас интересовал прогноз? Думаю, что мы еще лет десять будем увеличивать производство и возрождать сельское хозяйство, а потом потихоньку начнется упадок. Когда появятся трудности со снабжением, следует ожидать беспорядков. Дальше додумайте сами. У вас был еще один вопрос?

— Мне нужно знать, что явилось причиной упадка и развала Советского Союза. Почему он выстоял в трудные годы и развалился в благополучные? Кто в этом виноват?

— А зачем вам это? — удивился Валентин. — Это ведь все равно уже не переиграешь.

— Я не знаю, — ответил Алексей. — Почему-то кажется, что это очень важно.

— А вот это интересно! Похоже, что вы искренни. Если все-таки поверить в то, что вы пришли к нам из прошлого, сразу же возникает вопрос: для чего? Не для того ли, чтобы посмотреть финал и отыскать причину? Но если так, значит, есть возможность вернуться обратно и попытаться что-то исправить. Иначе в вашем появлении нет абсолютно никакого смысла.

— Как это вернуться? — растерянно сказала Лида. — А как же я?

— Вы, милая Лидия, скорее всего, сценарием не предусмотрены, — улыбнулся Валентин. — Но если вашим избранником играют высшие силы, они могут снизойти к его потребностям, и отправить вас туда же. Только для этого вам мало любить самой, нужно еще, чтобы любили вас. Так любили, чтобы с вашей потерей послали все эти игры к черту!

— И что случится, если он вернется и сможет что-то исправить? — спросил Владимир.

— Ничего этого больше не будет, — Валентин показал рукой на гостиную Валери. — Мы с тобой, скорее всего, родимся, но проживем совсем другую жизнь. Твоей империи точно не будет. Никому не под силу остановить извержение, но к нему можно хорошо подготовиться. Десятки лет скупать на мировых рынках излишки продовольствия и хранить их хотя бы в вечной мерзлоте, заранее понастроить реакторов и подземных производств и собрать животных и растения, которые погибнут в катаклизме. Не всех, конечно, но хоть часть. Свое население можно спасти все, даже на Дальнем Востоке. Просто вывезти все вглубь страны. Можно даже принять мигрантов. Если у вас будет свое нормальное население, мигранты его не испортят. Понятно, что их не должно быть слишком много. А потом можно будет без проблем захватить всю Европу, и не только ее. Мечты...

— Так что все-таки по причинам? — напомнил Алексей.

— Ваш коммунизм ближе к религии, чем к науке, — вздохнул Валентин. — Это вера, но

не в бога, а в мечту о всеобщем равенстве и братстве. Многих она притягивала, у других вызывала неприятие. Причина в природе человека. В нем есть два начала: индивидуальное и коллективистское, причем первое, как правило, доминирует. А для построения коммунизма вам нужно добиться обратного. Не обязательно давить индивидуальное, как у вас одно время делали, достаточно того, чтобы каждый человек понял и принял, что его личное благо напрямую связано с благом всех остальных. В теории очень просто, попробуйте этого добиться на практике. В истории человечества ни одна такая попытка успехом не увенчалась. Сделать подобное можно только длительным целенаправленным воспитанием народа, других способов не придумано. Только те, кто будут воспитывать, должны сами верить в идею и удержаться от соблазна воспользоваться властью в своих интересах. Пока ваше руководство верило в идею (или очень убедительно это показывало остальным) и вело скромный образ жизни, большинство народа готово было терпеть лишения и даже при необходимости отдать жизнь за светлое будущее! А когда партийные и государственные чиновники отделились от народа, подгребая под себя материальные блага, а ему оставив идеологию... Началось это давно, но огромные масштабы приняло в конце правления Брежнева. У него самого была большая коллекция престижных иномарок, а дача смахивала на дворец. Там много чего было, если хотите, могу дать почитать книги.

— Разделение это понятно, — сказал Алексей. — Книги возьму с благодарностью. Не ведь наверняка не только в этом дело! Не верю, что обошлось без Запада и своих иуд!

— Правильно делаете, — кивнул Валентин. — И Запад активно помог, и иуды нашлись в большом числе. Несмотря на все свои недостатки, Советский Союз имел и немало достоинств и был очень устойчивым образованием. Недовольство и выступления имели место, но они очень быстро подавлялись милицией и в отдельных случаях армией. Государство можно было разрушить только сверху, что и сделали. А перед этим запустили политические преобразования и экономические реформы, которые довели экономику до ручки, а терпение народов — до предела. Над людьми так долго издевались, что у них даже не было сил протестовать, когда страну растягивали на куски. А многие еще и радовались. Я вам и по этому периоду дам книги, почитаете. И по виновникам все распишу персонально. Но главное все-таки не то, что делалось тогда, а политика партийного руководства в предшествующий период. Слабое место Советского Союза в системе отбора руководящих кадров, в нем за всю историю не было ни одного сильного и порядочного главы. Сталин и Брежнев сделали много хорошего, но и дурного за ними числится немало. Об остальных вообще не хочется говорить. Способных людей было много, но их не пускали на самый верх. Не буду я разливатьсь соловьем, почитаете сами. Только имейте в виду, что не всем источникам можно безоглядно верить. Я сделаю свои пометки на полях. У меня неплохой почерк, разберете.

— Так ты ему поверил? — спросил Владимир.

— Как тебе сказать, — задумался Валентин. — Скажем так, я больше не отмечаю с ходу его версию и почти уверен, что он нам не пудрит мозги и сам верит в то, что говорит. Не вижу я для него смысла так врать. При такой тщательной подготовке он мог бы придумать что-нибудь гораздо более правдоподобное.

— Ладно, поговорили, теперь пойдемте обедать, — сказал Владимир. — Все уже должно стоять на столе.

Все встали со своих мест и прошли в зал, причем Лида сразу ухватила Алексея за руку.

— Не бойся, не исчезну, — пошутил он. — Неужели ты всерьез восприняла те слова

насчет высших сил?

— Не знаю! — ответила она, оглянувшись на идущего сзади историка. — Но мне стало страшно! Как представила, что ты исчезнешь, а я останусь одна! И что это окончательно и навсегда, хоть голову разбей об стенку! Как же я в тебя влюбилась! Если ты уйдешь, зачем жить? Раньше, когда я о таком читала, никогда не принимала всерьез, разве что в детстве. А теперь хоть пристегивай тебя к себе наручниками! Ты обо мне больше думай, ладно? Может быть, тогда меня действительно возьмут с тобой!

— А как же здешнее богатство? Не жалко будет лишиться?

— Жалко, — согласилась она. — И дома жалко, и всего остального, но главное мое богатство — это ты. И мир у вас настоящий, а не наш гнойник, который, по словам Валентина, скоро прорвется. Садись за стол рядом со мной.

Некоторое время все молча отдавали дань очень вкусному обеду. Перед десертом сделали небольшой перерыв.

— Мы уже слышали о том, что вам у нас не понравилось, — сказал историк Алексею, — а есть что-то, вызвавшее восхищение?

— А как же! — засмеялся тот. — Лидия, например! И еще электромобили. На дорогах от них не протолкнуться, а воздух чистый. Что используете для накопления электричества?

— Это тебе нужно поговорить с инженерами или физиками, — сказал Владимир. — Какие-то накопители, причем не на химии. Я слышал, что там все очень сложно.

— А у вас можно микрофильмировать книгу? — спросил Алексей. — Я бы тогда, Валентин, все ваши книги перенес на пленку. И хорошо бы достать книгу по этому накопителю, а заодно и по термоядерным реакторам. Там тоже, наверное, все очень сложно?

— Вот там как раз ничего сложного нет, — ответил ему Валентин. — Изобрел вообще американский студент. Только это не тот реактор, над которым все бились, тот так и не построили. А этот низкотемпературный. Конструкция очень простая, но размеры мощного реактора не просто большие, огромные! Зато почти ничего не требует для своей работы. А микрофильмы... Раньше микрофильмовали архивы, но есть ли это оборудование сейчас, я не знаю. Давайте, я кое с кем созвонюсь и выясню. Если есть, сразу же сделаю копии.

— А я дам задание своим, чтобы подобрали для тебя техническую литературу, — пообещал Владимир. — Хотя, скорее всего, это лишнее. Если ты действительно как-то попал к нам из прошлого века, это еще не значит, что сможешь вернуться. Я справлялся у ученых, так они все в один голос утверждают, что двигаться в прошлое невозможно. Так что отпусти его дочь, никуда он не исчезнет. И налегай на пирожные, это твои любимые.

— А если все же исчезну? — спросил Алексей. — Я в подобное тоже слабо верю, мне просто интересно, ради чего вы мне будете помогать. Ведь, если у меня получится, вы лишитесь всего.

— Сложный вопрос, — сказал Владимир. — Дочь, ты слишком налегла на пирожные, оставь что-нибудь остальным. Понимаешь, Алексей, если я тебе скажу, что не ценю своего теперешнего положения и не держусь за свое богатство, это будет ложью. К богатству и власти привыкаешь и по-другому жить уже трудно. И потом это мое дело, без которого я себя уже не могу представить. Но это вовсе не значит, что мое дело именно то, которым я мечтал заниматься. И этот мир очень отличается от того, в котором я хотел бы жить. Я не верю в какие-то высшие силы. Или их нет совсем, или мы их не интересуем. В свое время были те, кто кричали, что этот вулкан — наказание за людские прегрешения. Если есть бог, и он такое допустил, он мне не нужен, а если он это сделал специально, то не нужен и

подавно!

— А если он почему-то не хочет или не может вмешаться сам? — сказала Лидия. — И прибегает к помощи человека?

— Как ты себя чувствуешь в роли посланца бога? — спросил Владимир Алексея. — Не страшно? Так я не договорил. Если все это исчезнет, я ничего не потеряю. Родители жили в одном дворе и любили друг друга со школьной скамьи, поэтому я все равно появлюсь на свет в две тысячи четвертом или чуть позже, что бы ты там не поменял в прошлом. Глупцом или бездарем я никогда не был, так что и в другой реальности стану не последним человеком. Я ответил на твой вопрос? Теперь вы ответьте на мой: чем думаете заняться?

— Думали поехать домой, — сказала Лида. — А ты хочешь что-то предложить?

— Хотел просить Алексея, раз он такой крутой специалист, немного подтянуть ребят из моей службы безопасности. Пусть, так сказать, отработает обед, заодно это будет неплохой проверкой его слов. Что скажешь?

— Без проблем, — согласился Алексей. — До них долго добираться?

— Немногим меньше часа.

— Нормально, хоть немного все уляжется в животе. А то не люблю дергаться после еды. Давайте тогда мы с вами простимся и поедем. Рад был с вами познакомиться, Валентин, и жду обещанные книги. А если еще сделаете микрофильмы, будет совсем хорошо.

Владимир включил свой коммуникатор, и над его рукой возникло изображение одного из порученцев.

— Виктор, — сказал Валери. — Сейчас отвезешь мою дочь и ее друга в наш центр к Жиглову. Друга зовут Алексей. Так вот, он там проверит вашу подготовку, а вам не возбраняется проверить его. Все понял? Тогда готовь сопровождение, они сейчас выйдут.

— Я, наверное, тоже поеду, — сказал Валерий, когда Лидия с Алексеем ушли. — Будь другом, позвони вечером о результатах этой проверки. Сам понимаешь, квалификация твоих ребят меня не интересует, а вот этот молодой человек интересует и очень. Если он нам сказал правду, результаты должны быть интересными.

— Конечно, сообщу, — пообещал Владимир. — Он меня самого интересует и чем дальше, тем больше, а дочь в него влюбилась так, что оторвать можно только с кровью. Я от нее такого не ожидал. Предупредила, что если не помогу, будет это делать сама. И я ее могу после этого не беспокоить. Представляешь?

Вечером он выполнил свое обещание. Выслушав отчет начальника своего центра безопасности, он набрал на коммуникаторе номер Серегина.

— Валентин, — сказал он другу. — Похоже, что Алексей нам не врал. То, что он повозил носом по матам весь персонал центра — это полдела, он еще нашел несколько дыр в системе защиты и выдал кучу ценных рекомендаций по подготовке охраны. Жиглов взял с него слово, что этот визит не последний. Похоже, они друг другу понравились. А понравиться Жиглову трудно. Когда закончишь с книгами, можешь позвонить, я пришлю ребят, чтобы тебе самому не мотаться.

— С твоего позволения я съезжу сам, — ответил Валентин. — Хочется с ним еще пообщаться. Заодно дам пояснения к своим записям, ему будет легче в них разобраться.

Этим же вечером о сегодняшних подвигах Алексея высказалась Лида.

— Ты меня сегодня просто поразил! — сказала она Алексею. — Перевернись на спину, мне удобней лежать у тебя на груди. Я хотела сказать насчет центра. Я мало чего поняла из вашей беседы, но вот то, как ты разбрасывал охранников... Их на тебя бросалось трое, и

ничего не могли поделаться, а ведь Жиглов собрал у себя лучших. Он сам в прошлом работал в ГБ, я его немного знаю. Ты ему сильно понравился. И даже не тем, как дрался, а после вашего разговора.

— Госбезопасность — это плохо, — нахмурился Алексей. — Не знаю, как у вас, а у нас в ней бывших работников не бывает.

— Он предан отцу, — неуверенно сказала Лида.

— Он может защищать интересы семьи Валери и при этом не забывать о государственных. Если эта контора начнет копать, она меня быстро выведет на чистую воду, тем более что у меня пока нет ни документов, ни достоверной легенды, да и знаю я у вас все с пятого на десятое. Начнут допрашивать — сразу засыплюсь.

— Отец в России не последний человек, по богатству и влиянию он пятый среди олигархов, так что они с ним тоже вынуждены считаться. Давай не будем сейчас об этом думать, все равно без толку.

— Я тебе говорил, что ты умница?

— Нет, пока только то, что красавица. Но и умницу приятно слышать.

— Послушай, Лида, ты что-нибудь заканчивала, кроме школы?

— Конечно. По настоянию отца отучилась в Промышленном Университете. Училась хорошо, хотя и без всякого желания. Он меня после окончания загнал на одно из своих предприятий директором, пришлось пару лет отработать. Говорили, что работала хорошо, но опять же без интереса. Не мое это.

— А что твое? Есть что-то, чем ты хотела бы заниматься?

— В школе я очень любила рисовать, даже освоила технику работы красками. Но кому у нас нужна живопись? Работы знаменитостей растащили по частным коллекциям, а молодых художников после взрыва вообще не обучают. У меня сохранилось несколько работ, потом посмотришь. И не нужно меня упрекать за безделье, оно мне самой в тягость, но и заниматься тем, к чему не лежит душа, не хочу.

— А я и не упрекаю, — Алексей нежно поцеловал ее в губы. — Мне просто хочется лучше знать женщину, которую я полюбил!

— Повтори еще раз то, что только что сказал!

— Лида, я тебя люблю! Хочешь стать моей женой? Ну вот, а плакать-то зачем?

— Это я от счастья. Я ведь уже и не надеялась найти любовь. Вам мужчинам проще, а мы женщины — слабые существа и не можем существовать без опоры. А по-настоящему можно опереться только на любимого и любящего тебя мужчину. Ты знаешь, что мужчин-пард почти не выпускают? Это для вас в первую очередь важны красота и удовольствие, женщинам этого мало. Конечно, и я хочу получать радость, но для меня красота в мужчине не главное. Главное, чтобы он меня любил и мог эту любовь показать. А пард по большому счету ничем не отличается от вибратора. Ты заметил, что я к тебе в последнее время меньше пристаю? Это потому, что ты мне доставляешь радость своим присутствием, даже вот так лежать на тебе — это уже наслаждение!

— Пока не заметил, ты на любовь жадная.

— Ах, ты! Сейчас покусая!

— Хорошо, заметил. Ладно, лежи, мне это тоже приятно. Только надолго тебя хватит просто лежать?

— Главное не то, насколько хватит меня, заявила ему Лида, пуская в ход руки. — А насколько хватит тебя. Это мы сейчас и проверим!

Утром приехал Владимир.

— Зачастил я к тебе, — сказал он дочери. — Еще не завтракали? Тогда скажи Ольге, пусть ставит и на меня, позавтракаем вместе.

— Пап, Леша сделал мне предложение! — похвасталась Лидия. — Нужно подумать, где будем играть свадьбу.

— Дозрел, значит, — одобрительно посмотрел на Алексея отец. — Я уже третий день жду, когда он это сделает. Только со свадьбой вам, ребята, нужно немного подождать. Вначале нужно обеспечить его документами.

— Долго, что ли, сделать чип? — возмутилась Лида.

— Да, правильно говорят, что любовь оглушает.

— Ты не обзывай, а говори по делу! Никогда не поверю, что для тебя проблема — сделать кому-нибудь чип!

— Кому-нибудь — не проблема, а твоему жениху — проблема, да еще какая. Подумай сама своей красивой головой! Много пройдет времени, прежде чем имя твоего мужа замелькает на всех новостных сайтах? И сколько его потребуется, чтобы журналисты раскололи созданную на скорую руку фальшивку? И мимо ГБ он не пройдет! Вам нужны неприятности?

— А что же делать?

— Все, что нужно делать, делается. Ты для него и так жена, а свадьба подождет. Сейчас опытные люди подбирают для Алексея такую биографию, чтобы не смог подкопаться никто. Слава богу, на просторах нашей родины еще достаточно медвежьих углов, в которых стоят небольшие гарнизоны. Причем иной раз они гибнут в полном составе, особенно на Востоке. А в армии два миллиона человек, и их учет ведут живые люди. Занести в базы данных можно все, главное, чтобы потом ничего не всплыло при проверке. Так что и с чипом, и с коммуникатором подождете. Когда все приготовят, Алексею еще нужно будет посидеть и почитать кое-какие книги. Надежной легенды мало, нужно еще знать нашу жизнь. А ты бы ему пока показала наши фильмы.

— Что там смотреть! — махнула рукой дочь. — Боевики и мелодрамы. Одна халтура.

— Она права, — ответил Владимир на вопросительный взгляд Алексея, — искусства у нас больше нет. Фильмы дерьмо, я их сам не смотрю, но тебе они помогут лучше узнать жизнь.

— Что, и музыку больше не пишут? — спросил Алексей. — Насчет картин мне Лида говорила.

— Пишут, но мало. Вы ее столько написали, что на сто лет хватит. Хорошие книги еще пишут, но очень редко, а больше ничего нет. Я ведь ей и рисовать запретил, хотя сердце кровью обливалось. Ты ему не показывала?

— Вчера говорили, — ответила Лида, — но он еще ничего не видел.

— Покажи ему портрет, — попросил отец. — Заодно и я посмотрю. Сходи, пока Ольга не позвала к столу.

Лида вышла и через несколько минут вернулась неся в руках небольшую картину.

— Это моя мама, — сказала она, поворачивая портрет к мужчинам.

С полотна на Алексея с ласковой улыбкой смотрела красивая женщина лет сорока.

— Как живая, — грустно сказал Владимир. — И ведь выполнила масляными красками, а там сложная техника. И никто не учил, сама что-то читала и пробовала. Анна умерла рано, я ее такой и запомнил из-за этого портрета, фотографии все-таки совсем не то. А то, во что

ее превратила болезнь, лучше было не запоминать. Я поначалу этот портрет вообще не мог видеть, все внутри переворачивалось. Так ни на ком и не женился, хотя в желающих недостатка не было.

— Паскудный мир, в котором такой талант никому не нужен! — сказал Алексей. — Сколько времени ты потратила на работу?

— Три месяца, — ответила Лида. — Это была вторая картина, которую я рисовала маслом. Если хочешь, я тебе потом покажу все работы, но там в основном рисунки карандашом.

— Господа, к завтраку все готово! — сказала вошедшая в гостиную Ольга.

— Пойдемте, — поторопил Владимир. — Не знаю, как вы, но я сегодня встал рано и успел проголодаться. Да, Алексей, я вчера озадачил твоим вопросом одного молодого гения из своих головастика. Вызвал к себе и дал задание подобрать всю информацию по накопителям и реакторам, чтобы их можно было сделать сто лет назад.

— Так и сказали? — удивился Алексей. — Он не обалдел? Наверное, потом крутил пальцем у виска?

— Принял к исполнению и даже не выказал удивления. Я им плачу деньги за работу, а тем, как они меня обсуждают между собой, не интересуюсь. Сказал, что работа потребует времени. Мало расписать конструкцию, нужно еще дать знания технологий, с помощью которых ее можно создать. И таких технологий там будет с полсотни. Насчет микрофильмирования тоже узнал. У меня самого на двух предприятиях осталось нужное оборудование, но с ним уже давно никто не работал. Но меня заверили, что ничего сложного в такой работе нет, поэтому все нужные мне материалы перенесут на пленку.

— Кто-то, кажется, хотел есть, — сказала Лида. — Садитесь и начинайте, поговорить можно и потом.

Едва успели поесть, как Владимира по коммуникатору вызвал Валентин.

— Я не слишком рано? — спросил он. — Ну и хорошо. Понимаешь, в чем дело... Я звоню по вчерашнему разговору. Книги и выписки я подготовил, а с микрофильмированием возникли сложности. Сделать можно, но быстро не получится. Оборудование в Центральном архиве сохранилось, но последний человек, который с ним работал, умер лет десять назад.

— Не морочь себе голову, — перебил его Владимир. — Все переснимут мои люди, так что можешь приезжать. Или, может быть, все же кого-нибудь прислать?

— Нет, я приеду сам, — сказал историк и отключился.

— Зацепил ты его, — сказал Владимир Алексею. — Я ведь Валентина хорошо знаю, еще со студенческой поры. Учились в разных институтах и познакомились на вечеринке у одной подруги, а потом и подружились. Ладно, общайтесь, а я поеду. Дочь, не забудь насчет фильмов. Халтура, но познавательная. Пока есть время, пусть Алексей смотрит. И книги ему подбери из тех, что получше.

Он уехал, а минут через сорок охрана пропустила во двор машину Серегина.

— Я вам много чего привез, — сказал Валентин, выкладывая из сумки книги и распечатки. — Вот это по Хрущеву, а это по Брежневу. Здесь все материалы по перестройке Горбачева. Отдельно есть материалы по Андропову, но их очень мало. Эти распечатки я вам приготовил вчера. Здесь то, что не относится непосредственно к распаду Союза, но ему способствовало. Там ведь было много аспектов, и не в последнюю очередь экономический. К некоторым данным нужно подходить с осторожностью. Вот, например, список работников Первого главного управления КГБ и вашего ГРУ, завербованных ЦРУ и выданных

восемьдесят пятом году начальником контрразведывательного подразделения в отделе стран Восточной Европы ЦРУ Олдричем Эйме. У вас были закрытые процессы, а эти фамилии опубликовали в США через тридцать лет. Так что всех нужно проверять. То же и по списку Эдварда Говарда. Вот еще один тип, нанесший огромный ущерб. Работал в Управлении Т КГБ и проводил оценку всей полученной научно-технической информации. Завербовали французы в году так восьмидесятом и поделились с американцами, а раскрыли и расстреляли уже гораздо позже. Сколько через него прошло дезинформации и к каким материальным потерям это привело! Это материалы по катастрофе в Чернобыле. Не кривитесь, Алексей! Пяток таких катастроф, и СССР мог пойти по миру с протянутой рукой. А это перечень неурожайных лет с указанием объема собранного зерна. Выписок по политикам времен перестройки и развала я отдельно не делал, все замечания на полях книг.

— Неужели действительно украли и перегнали на Запад восемьсот тонн золота? — не поверил Алексей, прочитавший пометки на открытой наугад странице.

— Это в Татарстане? — спросил историк, заглянув в книгу. — Там много всего было украдено. Если у вас получится, лучше бы до такого не доводить.

— Значит, вы мне все-таки поверили? — сказал Алексей. — Поэтому и взялись помогать? Это ведь немалый труд.

— Сделать распечатки давно готовых файлов проще простого, а книги вы мне потом вернете, так что не очень я на вас потратился. А насчет веры лучше не спрашивайте. Весь опыт советует послать вас подальше, но я не могу этого сделать. Если вы вдруг опять исчезните, а я вам не помогу, я ведь себе этого потом не прощу. Вот эта небольшая книга о Йеллоустонском супервулкане и его извержении. Я подумал, что она вам тоже не помешает.

Прошел месяц. Почти все это время Алексей безвылазно просидел в доме Лиды. Легенду для него разработали, чип изготовили, а изучать местную жизнь приходилось самостоятельно. Его лишь погоняли по легенде, задали много вопросов и сами же на них ответили, проконтролировав, как он запомнил ответы. Позади был просмотр сотни фильмов, пустых и утомительно-однообразных, но заполнивших немало пробелов в его знаниях. Еще больше времени Алексей потратил на чтение книг, которые для него выбрала Лида. Это было интересней и принесло больше пользы. Кроме того, он, чтобы не свихнуться, периодически переключался на материалы, которые привез Серегин. Микрофиши, которые для него изготовили — это хорошо, но он хотел разобраться во всем сам, и сделать это было удобней в спокойной обстановке по книгам.

Прошло короткое лето, и наступила осень с почти каждодневными дождями.

— Сейчас уже не так холодно, — говорила Лида, которая почти не покидала особняк и старалась больше времени проводить рядом с Алексеем, — а года три назад в конце сентября уже начинал срываться снег. Потихоньку начинает теплеть, но я осень и до взрыва не любила.

За все время они только трижды выбрались из дома: один раз в центр к Жиглову и два раза в гости к Серегину. После визита в центр Алексей вернулся недовольный и заказал для себя тренировочный костюм.

— Теряю форму, — объяснил он. — Нужно тренироваться.

Посмотрев на его тренировки, Лида тоже высказала желание заняться спортом. Он ее всю ощупал, и быстро составил комплекс из десятка упражнений.

— Валькирией не станешь, — сказал он невесте, — но если будешь ежедневно выполнять, вместо киселя вырастут мышцы. А то ты из-за этих машин скоро разучишься ходить. Стройная и гибкая, а силы никакой. погоди, я тебя еще и драться научу.

Она не сачковала и очень скоро втянулась в тренировки и даже начала получать от них удовольствие, особенно когда заметила, что мышцы приобретают твердость. К концу затворничества привезли правила дорожного движения, которые тоже пришлось изучать.

— Не всегда вас будет возить охрана, — сказал Владимир. — Я уже заказал для тебя электромобиль. Выучишь правила, возьмешь несколько уроков у ребят и сдашь на права. И возьми вот это.

В руки Алексею перекинула наплечная кобура с пистолетом размером с «Вальтер», но с более длинным и толстым стволом. Весил он всего граммов триста.

— Электрический метатель, — пояснил Владимир. — При выстреле сильный магнитный импульс выбрасывает из ствола толстую, короткую иглу. Скорость иглы около трехсот метров в секунду. Таких игл в обойме сто штук, а емкости накопителя хватит на две тысячи выстрелов. Если оставишь нажатым курок, иглы будут вылетать непрерывно, по три в секунду. В кобуре петли на десяток магазинов, но сейчас их там только пять. Серый цвет — обычные иглы, синий — с парализующим ядом, а красный — убивает с первого попадания. Абы кому такое оружие не дадут, но для тебя пробили. И в твоём чипе, и в коммуникаторе прописано разрешение на ношение и применение. Но учти, что если кого-нибудь убьешь, будут разбираться, так что лучше до этого не доводить.

— Все это хорошо, — кивнула на оружие Лида. — Но сколько уже можно тянуть со

свадьбой? Чип получен, Леша подготовился, а я до сих пор не замужем!

— Я думаю, о вашей свадьбе уже можно объявить, — сказал Владимир. — Можно назначить ее на эту субботу. Еще три дня, так что есть время разослать приглашения. Предлагаю отмечать в «Империаде». Больше трехсот гостей все равно приглашать не будем.

— Я не в курсе, как здесь проводят свадьбы, — сказал Алексей. — Их почему-то не было ни в одном из фильмов, да и в книгах никто подробно не расписывал. Это обязательно звать такую толпу?

— Это я назвал по максимуму, — усмехнулся Владимир. — Родственников у нас нет, а я со своей стороны приглашу человек десять. Это все мужчины, и они почти наверняка придут с женами. Поэтому об остальных ты сам говори с невестой, кого она захочет пригласить из друзей и знакомых.

— Не так уж и много, — сказала Лида. — Сама не люблю большие сборища. Приглашу десяток подруг с мужьями и еще несколько очень полезных людей. И им будет приятно, и Леше с ними полезно познакомиться. Думаю, всего с твоими гостями будет с полсотни человек. Пресса еще напишет, что мы с тобой жмоты.

— Чтобы так не написала, нужно пригласить несколько писак, — засмеялся Владимир. — Это тоже достаточно полезные знакомства. Значит, начинай рассылать приглашения, а я сейчас забронирую зал. Давайте все запланируем на час дня.

— Скоро я тебя окольцую, стрелок, — пообещала Лида изучавшему оружие Алексею. — Дай сюда ручку и блокнот со столика, сейчас составлю список. Не дай бог кого-нибудь забыть, девчонки мне этого потом вовек не простят!

Удивительно, но их регистрация очень мало отличалась от того, что было при его первом браке. Кольца, росписи, поцелуй и шампанское. Даже в ЗАГС они входили под марш Мендельсона. До чего же живучи иные традиции! И платье у Лиды было того же фасона, как и у большинства невест в его время.

— Все, теперь ты мой! — шепнула она ему на ухо. — Пусть только кто-нибудь попробует тебя у меня забрать! Я твоя жена!

— Я думаю, они там наверху это учтут, — засмеялся он. — Помнишь, что сказал Валентин? Без тебя я ни в какие игры не играю!

Гостей на их свадьбе собралось человек семьдесят, но в большом зале ресторана «Империад», рассчитанном на триста посетителей, было просторно. Лишние столы куда-то убрали и после застолья начались танцы. Лиду у Алексея сразу же забрали, а его начали обхаживать ее подружки, передавая из рук в руки. Потом сделали перерыв и опять вернулись за столы, которые работники ресторана уже устали сладостями и фруктами.

— Это нормально, когда мужу не дают потанцевать с женой? — спросил он у покрасневшей Лиды. — И почему ты такая розовая? Тебя, случайно, не пробовали так же, как меня тогда твоя Татьяна?

— Не путай интимную вечеринку у подружки и свадьбу, — отмахнулась она. — Такого себе здесь никто не позволит, так что за меня можешь быть спокоен. А я за тобой одним глазом присматриваю. Иные из моих подруг такие стервы! Сейчас нам дадут пообщаться, а потом опять будем танцевать. Пойдем, пообщаешься с моими подружками.

До подруг они не добрались: едва Алексей с Лидой, взявшись за руки, направились к группе женщин, как к ним подошел муж Светланы, с которым вместе были на вечеринке у дочери мэра.

— От всей души поздравляю! — сказал он молодым. — Алексей, не уделите мне

несколько минут? Извините, Лидия, я его у вас надолго не заберу. Давайте немного отойдем, чтобы никому не мешать. И нам с вами никто не помешает. У меня к вам, собственно, только один вопрос: кто вы?

— В каком смысле? — насторожился Алексей.

— В самом прямом. Ваш тесть потратил большие деньги и привлек лучших специалистов. В результате у вас идеальные документы, к которым не придерешься, и биография, которую не проверишь при всем желании. Наверное, и вас так подготовили, что простой допрос ничего не выявит, а применять к вам спецсредства никто не позволит. Но все это только до поры до времени.

— И что вам во мне не нравится? — спокойно спросил Алексей.

— Мне? А я разве говорил, что вы мне несимпатичны? По-моему, такого не было. Вопрос не во мне, а в вас. Вы появились непонятно откуда и очаровали дочь господина Валери. Женщины — очень романтические создания. Когда их спасают из лап бандитов, это действует безотказно.

— Вы что-то имеете против таких действий?

— Вы меня, Алексей, пожалуйста, не сбивайте. По вашим действиям у нас нет никаких претензий. Разве что использование поддельных документов.

— Имя и фамилия в чипе подлинные.

— И биография? Поймите правильно. Мы очень уважаем господина Валери и верим в его здравый смысл. Не стал бы он делать документы мерзавцу и выдавать за него дочь. И господину Жиглову вы очень понравились, а это, поверьте, не так легко. Он от вас просто в восторге. Нет, говорит, у нас таких специалистов, как этот Самохин. А я привык ему верить. Вы не знаете, но на службу в Госбезопасность меня принимал он. И все остальные ваши связи отследили и не нашли никакого криминала. Поэтому вас пока никто не трогает. Но если вы не объясните свои мотивы, это решение могут и пересмотреть. У нас почти пустой мир, в котором островки цивилизации можно пересчитать по пальцам рук. А специалисты вашего уровня — это штучная работа государственных контор. Мы вами не занимались, поэтому закономерно возникает вопрос: откуда вы взялись?

— Тесть первым делом задал вопрос насчет Австралии, — мрачно сказал Алексей.

— Допустимый вариант, — кивнул Игорь. — Но уж больно далеко. И времени прошло слишком мало. Если они нами заинтересуются, это случится еще не скоро.

— Тогда, кроме немцев, никого не остается. И у них есть все основания вас опасаться. Если кого захватывать, то только их. Так?

— Правильно говорите, но вы не оттуда.

— Почему вы так решили? — удивился Алексей.

— Побережье и граница охраняются самым тщательным образом. За последние пару лет никаких попыток перехода границы или сбоя в работе аппаратных средств контроля не было. И потом вы к ним не имеете отношения. Может быть, вы не знаете, но они проводили генный экспресс-анализ и изгоняли со своей территории всех жителей с нечистой кровью. Их поэтому и осталось всего миллионов двадцать. Остальные просто умерли от голода или замерзли.

— Тогда откуда я, по-вашему, взялся?

— Я думаю, вы об этом все-таки скажете сами.

— И вы поверите? — с сарказмом спросил Алексей. — Что-то я в этом очень сомневаюсь.

— А кто вам мешает попробовать?

— Ладно, Игорь. Считайте, что вы сказали, а я вас выслушал. Я сейчас не сам по себе, а в семье, поэтому мне нужно посоветоваться. Если что, жена вам позвонит. Пойдемте к остальным, а то на нас уже косятся. Да и прессе я обещал уделить внимание. Обидятся и такое напишут... Вон уже и моя жена сюда идет, причем вместе с вашей.

— Да, сейчас выскажут, — согласился Игорь. — Не слишком подходящее место для выяснения отношений, но меня просили поговорить.

— У тебя есть совесть? — напустилась Светлана на мужа. — Утащил виновника торжества и секретничаешь! Другого времени не мог найти?

— Не ругайте его, Светочка, — вступился Алексей. — Это был нужный разговор, и мы уже закончили. Я готов отдаться женщинам или прессе, решайте сами.

— Конечно, женщинам! — решительно сказала Светлана. — Пресса подождет. Нам Лидочка рассказала, как вы ее защитили голыми руками от трех вооруженных похитителей. Теперь все хотят услышать вашу версию событий. Вы ее точно после этого несли на руках?

— Не мог же я бросить женщину без помощи, — сказал Алексей, обнимая жену. — А она еще сильно подвернула ногу и не могла идти. Пришлось нести.

— Как романтично! — вздохнула одна из женщин, которые подошли ближе и слушали рассказ. — И что было дальше?

— Дальше меня стали ругать, — засмеялся Алексей и начал не без юмора рассказывать историю их бегства.

— И она вам отдалась в ту же ночь! — утвердительно сказала самая молодая из женщин.

— Бог с вами! — опять засмеялся Алексей. — Куда ей было отдаваться с больной ногой. Сначала было лечение.

— А я бы и боль перетерпела! — под общий смех сказала Татьяна.

— Извините, леди, но я вас ненадолго покину, — сказал женщинам Алексей. — Нужно пообщаться с прессой.

После разговоров еще с час танцевали, а потом начали разъезжаться. Владимир их еще раз поздравил, со всеми попрощался и уехал одним из первых. Алексей решил промолчать о разговоре с Игорем. Не хватало еще испортить жене такой день. Срочности не было, поэтому рассказать обо всем можно и завтра. Дома жена сразу же потянула его в спальню.

— Традиция! — сказала она, быстро освобождая его от одежды. — Вначале регистрация, потом свадьба, а после нее постель. И знаешь, а приняла средство, которое снимает действие уколов. Хочу иметь от тебя ребенка! И начнем прямо сейчас!

Утром Алексей проснулся около семи. Вчера они утомились поздно, поэтому Лида на пробуждение мужа никак не отреагировала. Он переделал все свои утренние дела и прилег на диване в гостиной, еще раз прокручивая в голове вчерашний разговор. С ГБ надо было выстраивать какие-то отношения. В покое они его не оставят, и тесть ему в этом не поможет. Только кто поверит его объяснениям? А если поверят, не получится ли еще хуже? Вот позволил бы он сам свободно гулять по Москве какому-нибудь асу разведки Главного управления Генерального штаба Российской империи? Он, может быть, и позволил бы, особенно если человек оказался ему лично симпатичен, а вот от руководства такого либерализма ожидать не следовало. Либо такого спеца включили бы в свои ряды, либо где-нибудь изолировали. И это еще в лучшем случае. С Игорем придется встретиться, но сначала надо поговорить с Лидой и отцом.

— Ты что вскочил ни свет ни заря? — спросила жена, заглянув в гостиную.

— Уже скоро девять, а в десять обещал заехать отец. Это тебе можно валяться хоть весь день, а у меня много дел.

— Я не виновата! — Лида зевнула, прикрыв рот ладонью. — Загонял, понимаешь, женщину.

— Да, ты права, — согласился Алексей. — Надо сделать перерыв. Как думаешь, недели тебе хватит для отдыха?

— Какой перерыв? — вскинулась она. — Ты думай, о чем говоришь! Специально меня дразнишь? Вот сейчас надену халат...

— Надень и иди сюда, — сказал он, принимая сидячее положение. — Есть очень серьезный разговор. И лучше нам с тобой поговорить до приезда отца.

Жена скрылась в спальне и почти тотчас вернулась, на ходу завязывая пояс халата.

— Твой серьезный разговор не связан со вчерашним? — с тревогой спросила она, усаживаясь рядом с Алексеем. — Что тебе сказал Игорь?

— Как я говорил, так и вышло. Ваш Жиглов доложил обо мне куда следовало, а там быстро поняли, что мои документы — это качественно сфабрикованная липа. Прицепиться им не к чему, но дело не в этом. Пока меня трогать не собираются, но если я не пойду на контакт, обязательно тронут, и твой отец вряд ли сможет им помешать. Поэтому нужно будет попробовать договориться. И долго с этим тянуть не стоит. Поговорим с отцом, а потом позвонишь Игорю.

— А как ты думаешь, когда нас могут забрать?

— Маленькая! — он обнял прижавшуюся к нему женщину. — Кто же нас с тобой заберет? Не стоит придавать такого значения словам Валентина, он в них сам не верит.

— А сам свои микрофиши все время носишь с собой! Даже на свадьбу брал! Зачем ты меня обманываешь?

— Я их ношу на всякий случай, — начал оправдываться Алексей. — Пакеты совсем небольшие, так что в любой карман войдут. Если верить Валентину, нас уже давно должны были забрать. Материалы я изучил, копии сделал, даже на тебе женился, что мне еще здесь делать? Скорее всего, никуда мы отсюда не денемся, из этого и нужно исходить.

— Тебе виднее, — согласилась Лида, — но я все-таки подготовлюсь заранее. Посмотришь мой гардероб и отберешь те вещи, которые у вас можно носить. А я еще подберу украшения подороже, в случае чего продадим.

— Тогда уже лучше старые золотые монеты, — пошутил он. — Их легче продать, да и цена определяется не только весом металла, но и редкостью монеты. Есть такая категория не совсем нормальных людей — коллекционеры. Вот им и продать.

— Сегодня же позвоню одному человеку, — сказала жена, — а ты себе тоже подбери неброский костюм и не ходи без метателя. И давай постараемся быть рядом. А с Игорем я свяжусь после того, как поговорим с отцом.

— Жиглова я уволю! — жестко сказал Владимир, когда они позавтракали, и Алексей ему все рассказал. — В бизнесе существуют определенные правила. Мне плевать на его патриотизм и обязательства перед конторой! Он подписал договор, который нарушил. Я бы мог наказать его гораздо сильнее, просто тебе потом будет сложнее разговаривать с его коллегами. Но от меня он уйдет, причем с такой формулировкой, что никто из серьезных людей не возьмет его даже на разнос заказов. Пусть, если есть желание, возвращается обратно в свое ГБ! Другим будет наука. Что думаешь говорить Игорю?

— Я могу или говорить правду, или упереться и молчать, — ответил Алексей. — Любую мою ложь очень быстро раскусят. Не поверят мне, отправлю к Серегину. Только мой интерес к развалу Союза и вашей технике я бы от них скрыл. А то как бы у кого-нибудь из них тоже не возникли мысли, что я могу вернуться. В таком случае я за свою жизнь и рубля не дам. Не все настроены так, как вы или Валентин, для многих их теперешняя жизнь является единственной и неповторимой, а мое возвращение поставит на ней крест.

— Я скажу Валентину и предупрежу своих людей, — кивнул Владимир. — И не вздумайте ему что-нибудь говорить по коммуникатору. Вообще, старайтесь ничего лишнего не говорить. Вряд ли мою семью осмелятся прослушивать, но лучше это не проверять. А я еще подстрахуюсь. В свое время государство было вынуждено все взять в свои руки, в том числе финансы и промышленность, но право собственности за владельцами осталось. Лет восемь назад нам начали все постепенно возвращать, и сейчас всем заправляет очень небольшая группа людей, в которую вхожу и я. Есть даже что-то вроде совета. С нами приходится считаться и президенту, и правительству, а это ГБ всего лишь их инструмент. Я сегодня же кое с кем поговорю. Не думаю, что из-за одного-единственного человека, какие бы к нему ни были претензии, пойдут на конфликт. А меня поддержат однозначно — это дело принципа.

Владимир не стал задерживаться и после разговора уехал, а Лида сразу же позвонила Светлане.

— Привет, Света! Как после вчерашнего, голова не болит? Вот и прекрасно. Слушай, твоему мужу нужно было встретиться с моим. У нас сейчас есть свободное время, поэтому мы вас обоих приглашаем. Мужчины будут обсуждать свои дела, ну и мы с тобой кого-нибудь обсудим. На работе? Это ничего, их встреча как-то касается его работы. Ты позвони, а он уже пусть сам решает. Конечно, и я тебя.

Через десять минут прозвучал вызов от Светланы, которая сообщила, что вместе с Игорем приедет в течение часа.

— Не вздумай устроить застолье, — предупредила она подругу. — Мы совсем недавно завтракали. Муж почему-то не хотел меня брать, но я настояла. Сказала, что если не возьмет, поеду сама. Целую, скоро будем.

— Что-то мне тревожно, — передернула плечами Лида. — Отец уверен в силе денег, а у меня такой уверенности нет. Как им все отдали, так могут и забрать. Настоящая сила у тех, за кем армия и то же ГБ. Иной раз они действуют и без оглядки на правительство. Фактически, как была диктатура, так она и осталась. Президент только называется президентом, избирали его больше двадцати лет назад. Просто наша верхушка сбросила с себя часть забот об экономике и отменила некоторые ограничения, а в остальном ничего не изменилось. Так что ты не сильно надейся на отца и будь осторожней.

Через полчаса прибыли гости.

— Быстро приехали, — удивилась Лида, целуя подругу в щеку.

— У мужа служебная машина, — пояснила Светлана. — Люблю с ним на ней ездить, особенно по трассе. Все ограничения по скорости отключены: не едешь, а летишь!

— Лишь бы при этом никуда не улететь, — проворчал Алексей. — Ездил я уже так минут десять и больше что-то не тянет. Случись что, просто не успеешь ни на что отреагировать.

— Иди сюда, герой! — сказала ему Светлана. — Игорь, отвернись!

— Танька пробовала, а я чем хуже? — сказала она, отрываясь от смущенного парня. —

Не смущайся, тебя не убудет, а мне приятно. Пойдем, подруга, а они пусть здесь болтают.

— Садись, где удобно, — предложил Алексей. — Хочу предупредить, что тесть очень резко отреагировал на наш разговор. Жиглов будет уволен с волчьим билетом. Выражение понятно?

— Первый раз слышу.

— Суть в том, что его потом не возьмут ни на одну нормальную работу. И смысла что-то править в чипе нет, его имя будет внесено в черные списки по всем базам данных. Логика бизнеса в том, что есть обязательства по договору перед нанимателем и все остальное. Так вот, договор — это основополагающее, а верность конторе и патриотизм — второстепенное.

— А как полагаешь ты? — с любопытством спросил Игорь.

— Я полагаю так же. Если подписал договор, изволь выполнять. Если наниматель нарушает закон или в твоём понимании вредит государству, разрывай договор и уходи, а уже потом можешь даже принимать меры. Но есть с руки и ее же кусать, причем исподтишка...

— Понятно, — сказал Игорь. — Ты позвал, чтобы это сказать или созрел для объяснения?

— Я-то созрел, вопрос в том, созрели ли вы? Из всех людей, кому я о себе говорил, мне сразу же поверила только Лидия, но для любящей женщины это понятно. А у вас для любви ко мне пока нет мотивов. Ладно, слушай. Месяца полтора назад я жил совсем в другом мире и был, в общем, счастлив. Слышал о Советском Союзе? Вот в нем я и жил, пока меня что-то не выдернуло из родного семьдесят восьмого года двадцатого столетия и не зашвырнуло в вагон одного из ваших экспрессов. Что кривишь физиономию? Плохо верится? Тебя бы на мое место! Мало того, что все совершенно чужое, еще и всю память начисто отшибло. Тесть отправил в какой-то центр, так они мне ее там восстановили.

— И твой тесть в это поверил?

— Ну не настолько он доверчив. Сначала медики подтвердили факт блокировки памяти, а потом мне устроил экзамен один историк.

— Это Серегин, что ли?

— Он самый. Я понимаю, что для вас этих доказательств маловато, но ему нужно было выбирать между недоверием и своей дочерью. Он и выбрал. А сейчас, похоже, мне верит.

— И кем ты там был?

— Капитаном спецназа ГРУ. Знакома такая аббревиатура?

— Изучали в курсе истории специальных операций. Что-то еще можешь добавить?

— Нечего мне вам больше сказать. Добавить могу свою куртку из натуральной кожи, только это ведь тоже не доказательство. Если кто-то меня сюда забросил, ему было не так уж сложно изготовить какую-то куртку. Ну пожертвовал бы коровой. Там еще, правда, есть мех...

— Давай свою куртку, может в ней что-нибудь и найдут. Больше ничего не было?

— Всю остальную одежду и обувь жена уничтожила. А карманы были пустыми. Разговор записывал?

— Конечно. Еще не хватало мне этот бред пересказывать начальству.

— Приземленные вы здесь все! — сказал Алексей, поднимаясь с дивана. — Сиди, схожу за курткой. Я смотрел новинки ваших книг и не нашел ни одной фантастической. Сплошные боевики и любовные романы. В кино точно то же самое. Я сам был не любитель читать фантастику, а сейчас жалею.

— Фантастика есть в библиотеках, — сказал Игорь, когда Алексей вернулся с курткой, — а в Сеть не выставляют потому, что нет желающих читать небылицы.

— А ваши боевики — это шедевры реализма! — с сарказмом сказал Алексей, отдавая ему куртку. — Я, когда готовился вступить в вашу жизнь, столько просмотрел этой муры... И книги немногим лучше, хотя жена подбирала те, которые ей нравились.

— А это что? — с недоумением спросил Игорь, показывая рукой на молнию. — Это должно соединяться?

— Темнота! — сказал Алексей. — Это такой замок, а закрывается вот так.

— Ты зачем носишь метатель? Из-за меня?

— А как определил? — спросил Алексей. — В них маячки или как-то по-другому?

— Неважно. Ты мне не ответил.

— Хочешь верь, хочешь нет, но ты совершенно ни при чем. Я о нем тестя не просил, сам принес и приказал носить. А ваш метатель раза в три легче моего штатного ствола, так что это нетрудно. Есть у тебя еще ко мне вопросы?

— Как насчет того, чтобы потренировать наших людей?

— У меня возражений нет, но сотрудничество предполагает доверие. И потом я ведь смогу подтянуть ваших людей лишь самую малость. Для того чтобы добиться чего-то большего, я их должен так гонять, как в свое время гоняли меня. Будет у вас кто-нибудь так рвать жилы? Ладно, я вижу, что ты мне совершенно не поверил. Вряд ли твое начальство будет более легковерным, поэтому разговор о сотрудничестве считаю зряшным. Вы останетесь на обед или уезжаете?

— В другое время, наверное, остались бы, — сказал Игорь, вставая с кресла, — Но сейчас я на службе, а начальство ждет запись, поэтому мы уедем.

— Пойдем к женщинам, — вздохнул Алексей. — Надеюсь, они наговорились. И не забудь куртку.

Надеялся он зря. Светлана была огорчена тем, что нужно уезжать, но от предложения остаться и уехать потом на одной из машин Лидии отказалась.

— И чем все закончилось? — спросила жена, когда гости уехали.

— Ожидаемо закончилось, — мрачно сказал Алексей. — Для него мой рассказ — это бред. Его начальство проявит еще больше недоверия, а из-за тебя меня в покое не оставят.

— Почему из-за меня? — не поняла Лидия.

— Потому что ты теперь моя жена. Не понимаешь? Твой отец один из капитанов здешней промышленности, а ты его единственная наследница, причем совсем не рвешься вникать в его дела и что-то там решать. Что из этого следует? Если с твоим отцом случится что-нибудь нехорошее, ты с радостью переложешь управление его империей на мои широкие плечи, а это большая сила и огромная власть. Можно ли это доверить такому подозрительному типу, как я? Я бы на месте господ из ГБ не доверил. Поэтому они или наплюют на возможное недовольство твоего отца и расправятся со мной открыто, или устроят несчастный случай. Второе сделают не прямо сейчас, а через какое-то время, чтобы не связали с ними.

— И что ты думаешь делать?

— Прежде всего, не болтать о своих планах здесь. Наш Игорь вполне мог оставить какой-нибудь сюрприз, который передает куда-нибудь все сказанное. Нужно будет позвонить отцу, чтобы прислал сюда специалистов для проверки дома. Мне говорили, что это несложно сделать.

— Тогда давай оденемся и выйдем на улицу, — предложила жена. — Дождя нет, а далеко мы уходить не станем. Оружие у тебя с собой? Тогда пошли за куртками.

Дождя действительно не было, но дул сильный холодный ветер, и темные осенние облака скользили по небу с пугающей быстротой. Было сыро, холодно и неуютно.

— Я уже говорила, что не люблю осень? — сказала жена, подняв воротник куртки. — Всегда легко переносила жару, а вот холод терпеть не могу. Давай выйдем за ворота и немного пройдем вдоль дороги. Заодно и поговорим.

Они вышли через калитку, отказались от охраны и медленно, взявшись за руки, пошли по пустой дороге.

— Теперь говори, что придумал, — попросила Лида, — а то я до этой чистки сойду с ума от беспокойства.

— Мне в голову приходит только спрятаться где-нибудь подальше от столицы. Судя по тому что я узнал, территория России контролируется слабо. Много сил сосредоточено на Дальнем Востоке и на европейской границе, а ГБ охраняет реакторы, арсеналы, стратегические продовольственные склады и правительство. Полиция занята большими городами и транспортом, а всевозможные предприятия используют наемную охрану. Поэтому с помощью твоего отца можно неплохо устроиться, и хрен кто найдет. В этом плане есть только один крупный недостаток: ты очень быстро заскучаешь. Смотри, кто-то едет, давай сойдем с дороги.

Они перебрались через бордюр и отошли от шоссе на десяток шагов, после чего Алексей достал из кобуры метатель и переложил его в карман куртки. Трехместный электромобиль, похожий на такси, но без его раскраски, ехал на небольшой скорости и, поравнявшись с ними, остановился.

— Госпожа, Лидия! — крикнул выглянувший из машины мужчина. — Я приехал по вашему заказу.

— Все в порядке, Алексей, — сказала жена. — Это приехали монеты. Пошли заберем. Водитель не стал их ждать, покинул салон и пошел навстречу.

— Привез, Николай? — спросила Лида. — Много?

— Все, как вы и заказывали! — почтительно сказал мужчина, передавая ей небольшой пакет. — Отобрал сто пятьдесят монет общим весом в кило двести. Треть из них — это червонцы, остальные взяты самые разные. Северены, кроны разных стран, франки, монеты Ватикана, многих я сам не знаю, отбирал по внешнему виду. Большинство в хорошем состоянии, но есть и старые, даже пара статеров.

— Сколько я тебе должна?

— Восемьдесят тысяч, госпожа Лидия!

— Я не ослышалась? — спросила жена, делая вид, что хочет вернуть пакет.

— Семьдесят! — поправился мужчина. — Мне из этих денег еще самому платить, да и срочность...

— Ладно, — согласилась Лида. — Леша, поддержи пакет. Все, деньги я тебе перевела, можешь проверить.

— Все в порядке, — сверившись по коммуникатору, сказал Николай. — Благодарю! Больше ничего не нужно? Тогда разрешите проститься!

— А почему так дешево? — спросил Алексей, когда продавец золота развернул свою машину и умчался.

— Так ведь золото почти никому не нужно, — пояснила жена. — В небольших

количества идет на украшения, а больше никуда. Раньше вроде применялось в электронике, но с тех пор, как открыли проводящие пластики, их повсюду и используют. А монеты давно никто не коллекционирует. Да и не свое он мне продал, а стащил в хранилище. Пусть будет доволен, что столько денег получил на халяву! Теперь у нас есть и монеты, а я с собой ношу еще и украшения. Вот они у нас дорогие и не из-за золота, а из-за алмазов. А еще...

Она замолчала, потрясенно глядя вокруг. Исчезли пожухлая трава и чахлые кусты с облетевшей листвой, а вместо серой мерзости над головой раскинулось ослепительно-голубое небо. Они по-прежнему стояли на шоссе, но у него не было бордюров и сам асфальт оставлял желать лучшего. По обеим сторонам дороги стеной стоял зеленый летний лес.

— С прибытием! — сказал муж. — Что стоишь, быстро сбрасывай куртку, пока не вспотела. Сейчас мы их скатаем и стянем моим ремнем. Попали не в тот сезон, но выбрасывать жалко. В крайнем случае можно будет продать. Ты у меня молодец! На нас, конечно, будут оглядываться, но если бы не твоя идея о смене одежды, было бы гораздо хуже. Теперь нужно определить, куда мы с тобой попали, причем и место, и время.

— Как время? — спросила она, протягивая ему куртку. — Разве это не твое время?

— А я знаю? Меня опять куда-то забросили, к счастью, на этот раз вместе с тобой. Пока только видно, что взрыва еще не было, да и асфальт на дороге хреновый. Такого в мое время было много. А точно можно будет сказать только тогда, когда мы увидим людей. Положение у нас с тобой интересное: ни денег, ни документов. Стоит в лесу празднично одетая пара с карманами, набитыми золотом и бриллиантами, летом с двумя зимними куртками в руках. Надо подумать, куда мне тебя деть и что говорить людям. Давай не будем ждать транспорт, а пойдем своим ходом. Ты на таких каблуках сможешь идти? Держись за мою руку, будет легче. И немного помолчи, мне нужно подумать.

— Смотри, бабочка!

— Ты что, никогда не видела бабочек?

— Наверное, видела, когда была маленькой, — Лида радостно проводила взглядом порхающего махаона, — но уже не помню. В городах их, кроме моли, не осталось. Слушай, а птиц сколько чирикает! А что это гудит?

— Пчелы это гудят, — ответил недовольный Алексей, которому восторги жены мешали сосредоточиться. — Видишь на лугу цветы? А пчелы с них собирают нектар.

— Ой! Это ведь стрекоза? — Лида побежала за большущей стрекозой, но первый же шаг с дороги оказался последним: длинные «шпильки» туфель проткнули дерн, и Алексей едва успел подхватить завалившуюся назад жену.

— Тебе сколько лет? — сердито сказал он. — А если бы сейчас разбила голову об асфальт? Даже простое растяжение добавит нам проблем, а их и без того достаточно! Попросил же вести себя тихо! Тебе в таких туфлях только козой скакать!

— Извини, я тебе больше не буду мешать. Скажи, ты уже что-нибудь надумал? Может быть, нам послушать ваше радио? Давай я попробую поискать нужные станции коммуникатором?

— Не знал, что они могут работать как радиоприемник, — сказал Алексей. — Давай тогда пока уйдем с дороги. Держи куртки.

Жена взяла стянутые ремнем куртки, а он подхватил ее на руки и отнес на полсотни шагов от дороги.

— В траву не садись, запачкаешь платье, — предупредил он Лиду, поставив ее на ноги возле березы. — Придерживайся за дерево. Неважно мы с тобой одеты для прогулок на природе, а твои туфли — это вообще мрак. Но тебя босиком непустишь: кожа на пятках, как у младенца.

— А зачем мы ушли с дороги? — спросила жена.

— А если кто проедет? — сказал Алексей. — Очень уж необычный у тебя приемник. Постоим здесь и попробуем хоть что-нибудь узнать.

Минуты три коммуникатор издавал только слабый шум, но потом попалась первая станция, за ней вторая...

— Это что-то американское, — сказал Алексей. — Уже можно слушать, но качество паршивое. Ищи передачи на русском. Все, останови!

Минут десять они слушали найденную станцию, потом перешли на другую, а напоследок попалась станция с хорошим качеством на французском. Он знал этот язык на вполне приличном уровне, поэтому послушал и ее.

— Выключай, — сказал он Лиде. — Не будем сажать батарею. Ты поняла, в какое время нас занесло?

— Сорок восьмой год?

— Четвертое июля сорок восьмого года, — подтвердил Алексей. — Еще жив Сталин, а я рожусь только через год. Тот, кто это сделал, — он показал рукой в небо — ничего не делает просто так. Значит, нам нужно было попасть именно сюда. Знать бы еще для чего. Но об этом у нас еще будет время подумать. А сейчас прежде всего тебя нужно куда-то пристроить.

— Да, ты уже об этом говорил, — кивнула жена. — А зачем меня куда-то пристраивать?

Слушай, Леш, неси ты меня, наверное, опять на дорогу, все равно по ней ездят редко. А то каблуки проваливаются, и очень неудобно стоять.

— Давай объясню, — сказал Алексей, после того как перебрались на дорогу. — Нам с тобой нужно обязательно обзавестись документами. Без них мы в этом времени долго не погуляем. Первая же проверка, и все! Дело это непростое, но решаемое при условии, что есть деньги.

— Через твою службу?

— В мою службу лучше не соваться: сразу повяжут. И доказать здесь свои слова будет не легче, чем у вас.

— А описание реактора?

— Нужно еще дожить до того времени, когда его построят, и, желательно, не в камере. А если не заинтересовать серьезных людей, все мои микрофиши по науке могут попасть вообще не к тому, к кому нужно. Объявят галиматьей и куда-нибудь сунут на хранение. Паспорта мы с тобой будем заказывать у преступников. Что сделала круглые глаза? Знаю я одну группу, которая довольно долго изготавливала паспорта и другие документы на вполне приличном уровне. Начали с подделки чужих паспортов, причем сразу после войны. А повязали их только в начале восьмидесятых. Все упирается в деньги, а вот их я отправлюсь добывать самостоятельно. Денег нужно много и не только для документов. Нужно оплачивать жилье и на что-то жить.

— Будешь продавать монеты коллекционерам?

— Это только как запасной вариант. После войны народ у нас жил бедно, и большинству было не до коллекций. Наверное, были и среди них богатенькие, но я таких не знаю, а искать — это время. Я ведь рассчитывал на восьмидесятые годы, а здесь никого не знаю и сам официально не существую. Хорошо еще, что многое запомнил с учебы. Есть в Москве группа не слишком законопослушных граждан, по которым я кое-что помню. Большие любители золота, валюты и драгоценностей. Продавать им статеры — это расточительство, но вот царские червонцы продать можно. Они коллекционеров не сильно интересуют. Ну и пару сережек с алмазами. На первое время денег должно хватить. Но публика это опасная, а я пойду не по наводке, а сам по себе, поэтому принять могут по-разному. И зачем ты мне там нужна? Чтобы я не делал дело, а за тебя трялся? Я, если что, дам деру, а как далеко ты сможешь бежать на этих каблуках?

— И куда ты меня думаешь деть?

— Я думаю, что мы где-то под Москвой. Вряд ли тот, кто нами играет, станет усложнять нам задачу, забрасывая к черту на кулички. Поэтому сейчас поищем съезд с дороги и пойдем искать деревню. Договорюсь с кем-нибудь о тебе на несколько дней и буду добираться до Москвы.

— А если мы от нее далеко?

— А вот это будет плохо! — сказал Алексей. — Без денег и документов мы с тобой далеко не уедем. Не хотелось бы опускаться до банальной уголовщины. Но давай пока об этом не думать. Найдем деревню и все выясним. Судя по пустынному шоссе, сегодня воскресенье. Сколько сейчас, часов десять?

— Наверное, больше, — посмотрела на солнце Лида. — Смотри, вон там отходит дорога! Только на ней почему-то нет асфальта.

— Как раз то, что нужно, — одобрил Алексей. — Обычная грунтовая проселочная дорога, и даже пыли не очень много.

— А как я пойду по ней на каблуках?

— Нормально пойдешь, — успокоил муж. — Дождей давно не было, и дорога, как камень. Главное, следи, чтобы каблук не угодил в какую-нибудь трещину. Поломаешь свою шпильку, а мне тебя потом нести на закорках. Представляю, как на нас отреагируют в деревне. Мужики в костюмах вроде моего там не появлялись со дня ее основания, а такие, как ты, сродни космическим пришельцам. Не устала?

— Если бы не твои упражнения, ты бы меня уже нес, — ответила Лида, — а так я еще немного пройду. Эх, были бы туфли без каблуков!

К счастью, долго идти не пришлось. Минут двадцать дорога шла по лесной просеке, но потом лес закончился, и пошли поля. Дорога взобралась на невысокий холм, а с него спустилась прямо к деревне, недалеко от которой протекала небольшая речка. Дома стояли в линию вдоль дороги, а за ними до самой реки шли огороды. На дороге не было никого, кроме игравших в мяч мальчишек.

— Точно воскресенье, — сказал Алексей. — В полях никого, да и здесь не видно, чтобы кто-то надрывал пуп. Ребята, а что никого не видно?

Мальчишки лет по девять и чуть старше, к которым обратился Алексей, оставили свой мяч и несмело приблизились.

— Так ведь обед, дяденька! — ответил самый старший на вид.

— А участковый у вас живет или бывает наездами?

— Дядька Степан здесь живет, — пояснил тот же малец. — Наездами он к соседям ездит на лисапед. Считайте отсюда пятую хату, там он и будет.

— А Москва от вашей деревни далеко?

— Далеко! — вздохнул мальчишка. — На телеге не доедешь, только на машине.

Поблагодарив ребят, пошли к указанному дому. С его хозяином столкнулись у калитки. Парень чуть старше двадцати лет в непривычной для Алексея милицейской форме вел к калитке велосипед. Увидев Самохиных, он прислонил велосипед к дереву, одернул гимнастерку и решительно направился к калитке.

— Майор второго управления МГБ Вербицкий, — назвал себя Алексей. — Вы здешний участковый? Предъявите документы!

Младший лейтенант в замешательстве остановился, потом поспешно расстегнул карман гимнастерки, вынул из него удостоверение и протянул Алексею.

— Участковый уполномоченный Степан Махров, товарищ майор!

— Возьмите, лейтенант, — вернул ему документ Алексей. — Вы должны здесь всех хорошо знать. Мне нужно на несколько дней оставить жену у приличных людей. Она у меня на сто процентов горожанка, корову и ту видела только в кино. А тут, понимаешь, загорелось ей пожить в деревне. Почему не сделать женщине приятно? Посоветуйте, к кому лучше обратиться. Естественно, я хорошо заплачу. Это всего дня на три-четыре и только для нее. Я думал отдохнуть вместе, но не получилось: срочная работа.

— Конечно, товарищ майор! — кивнул Степан. — Я думаю, можно поговорить с нашими соседями. Вот эта хата. Дети с ними уже не живут, но старики еще крепкие, и хозяйство у них неплохое. И им будет веселее, и ваша жена деревенскую жизнь попробует. Давайте я пойду с вами.

Дед Трофим — еще крепкий старикан лет семидесяти — большой радости не выказал, но и отказываться не стал, а вот его жена — полная, но очень живая женщина лет на десять моложе его, наоборот, искренне обрадовалась.

— Что там на пять дней, пусть и дольше остается! — сказала она Алексею. — Только обувь у нее неподходящая. Я поспрашиваю что-нибудь у соседей, но обувь не платок, не всякая на ногу налезет. Что же вы свою жену в таком привезли?

— Постараюсь исправиться, — пообещал Алексей. — Если быстро обернусь, все сам привезу. Куда вы ее определите?

Хозяйка отвела их в комнату и оставила одних.

— Непривычно? — смеясь, спросил он жену, которая круглыми глазами осматривала свое новое жилище. — Тебя здесь ожидает много открытий, главное, постарайся дожить до моего возвращения. Давай я отберу червонцы, а ты выдели что-нибудь из украшений, что не сильно жалко. А это у тебя что?

— Обоймы к твоему метателю, — ответила Лида. — Все я брать не стала, только с цветовой маркировкой. Думаю, тебе их хватит.

— Мне их теперь хватит на небольшую войну, — проворчал Алексей. — Спрячь получше, не дай бог, кто-нибудь уколется. Все, червонцы я отобрал.

— Держи серьги, — она протянула ему золотые сережки с бриллиантами. — Как думаешь добираться?

— Черт его знает! — задумался муж. — В своем времени я бы без колебаний проголосовал на дороге, причем довезли бы без денег, и документы никто бы не спросил. А сейчас можно легко нарваться. Дед сказал, что до окраин Москвы километров тридцать. Можно было бы и пробежаться по темному времени, но не очень хочется. Одним словом, посмотрю. Вид у меня неподходящий для голосования на дорогах. Сейчас народ одевается просто, многие вообще ходят в военной форме, сняв погоны, а тут какой-то тип в лесу, одетый как на дипломатический прием. Вот что бы ты подумала?

— Я вашей жизни совсем не знаю, но если все так, как ты говоришь, я бы не остановилась.

— Ага, — вздохнул он. — Трус промчится мимо, а остальные остановятся и потребуют документы. После войны был такой всплеск преступности и бандитизма! И еще будет из-за амнистии. А я не имею ни малейшего понятия, какой режим контроля на въездах в Москву. Не хотелось раньше времени шуметь. Слушай, солнышко, через коммуникаторы можно связаться напрямую?

— Можно, но очень недалеко. С изображением километров на десять, а в голосовом режиме в несколько раз дальше. Извини, точнее не скажу.

— Тогда постарайся меня без необходимости не вызывать, а то могут быть паршивые сюрпризы. Ну все, давай я тебя поцелую и побегу.

До того как начало темнеть, он дважды проголосовал, когда проезжавшие не внушали опасения. Видимо, опасения внушал он, потому что машины проехали мимо. Часто в обе стороны проезжали военные машины и несколько раз промчались грузовики, в кабинах которых не было свободных мест. Когда стемнело, он побежал трусцой по обочине дороги, не обращая внимания на изредка проезжающие автомашины. Когда по расчетам Алексея осталась половина пути, к его удивлению, рядом затормозила легковушка.

— Так и будете бежать до самой Москвы? — с насмешкой спросила молодая женщина в военной форме, приоткрывшая дверцу водителя. — Садитесь рядом, так и быть, подброшу.

— И не боитесь? — спросил он, забираясь в салон. — А вдруг я вооружен и очень опасен?

— Василий, он нам опасен? — спросила женщина.

— Не-а, — слышалось с заднего сидения. — Не будет он бузить, да и голову свернуть недолго.

— И намного вы сократили мой пробег? — спросил Алексей, не обращая внимания на подначки. — На час?

— А это смотря на то, куда вам нужно было бежать, — она опять заразительно засмеялась, вызвав у него улыбку. — До предместья, может, и на час, но Москва большая, а ночью бегать по ее окраинам... Я сама москвичка, но не стала бы этим заниматься. Заблудиться легко, да и небезопасно. Ладно, скажите лучше в знак ответной любезности, откуда вы такой взялись?

— Намекаете на костюм? — спросил Алексей. — Не хочу вам врать, а правде вы все равно не поверите. Но за помощь спасибо. Я уже сегодня вдосталь намотался, а нужно еще где-то устраиваться на ночь. В гостиницы устроиться реально?

— Вы когда были в Москве в последний раз? — спросила женщина.

— Еще до войны. А сейчас приехал с женой к своим старикам в деревню.

— Воевали?

— Воевал, только с преступниками. Подавал заявление на фронт, но не пропустили.

— Тоже нужное дело, — одобрили с заднего сидения. — Сейчас этой сволочи расплодилось, как грязи.

— Ну что, Василий, пристроишь человека? — спросила женщина и представилась. — Капитан Ольга Смирнова.

— Ты в каком звании, человек? — спросил Василий.

— Тоже капитан, — ответил Алексей. — Алексей Вербицкий.

— Повезло тебе, капитан! — сказал Василий. — И бежать никуда не нужно, и тратиться на ночлег не придется. Сейчас Ольга тормознет по дороге, и мы тебя сгрузим у моей квартиры. Переночуешь, а утром закроешь дверь, а ключ положи под половику.

— И вы доверите свою квартиру первому встречному? — удивился Алексей.

— А там всей обстановки стол, стул и кровать с матрасом. Нет, вру, есть еще стакан. Если тебя устраивает такой номер, бери ключ. Ни в какую гостиницу ты не попадешь, тем более на ночь глядя.

— А как же вы?

— А у нас свои дела, — ответил Василий. — Если получится сегодня выспаться, мы найдем, где. А мне почему-то кажется, что тебе нужна помощь. Ведь нужна?

— Не помешает, — вздохнул Алексей. — Спасибо вам, Василий.

— Мог бы еще добавить «товарищ майор», — проворчали сзади. — Подъезжаем. Сбавь скорость, Оля, здесь могут быть посты.

С полчаса поколесив по темным улицам, въехали в небольшой глухой двор.

— Вон тот подъезд, — показал рукой майор. — Держи ключ, капитан. Второй этаж, восьмая квартира. Соседи там все новые, так что тобой никто не заинтересуется. Удачи!

Гадая, чем вызвано непонятное доверие к незнакомому, можно даже сказать подозрительному, человеку, Алексей поднялся на второй этаж нужного подъезда, отпер выданным ключом обшарпанную дверь и включил свет. Да, майор ничем не рисковал: все плохое, что могли сделать с этой однокомнатной квартирой, с ней уже давно сделали, причем не по одному разу, разве что не спалили. Хотя в одном месте на кухне полы немного обуглены, так что, может, и жечь пытались. Как и говорил Василий, на кухне имелся стол, а в комнате стояла металлическая кровать с панцирной сеткой и худым матрацем. Еще в

маленьком коридоре был стул без спинки, а на полке умывальника — стакан. Несмотря на все убожество квартиры, она для него была царским подарком. Пожалуй, стоило все-таки переночевать в деревне и двинуться в Москву рано утром. И кого ему благодарить за везение? Того, кто наверху, или владельца этой квартиры? Алексей запер входную дверь, сунул в дверную ручку ножку увечного стула и лег спать. Раздеваться не стал: ткань костюма практически не мялась, да и пачкалась с трудом, а матрас в части чистоты доверия не вызывал. Ночью никто не пытался ломиться в дверь, и он неплохо выспался. Умывшись и выпив воды из-под крана, Алексей с беспокойством осмотрел свое лицо, на котором уже была заметна щетина. Нужно было как можно скорее разжиться деньгами. Пригладив волосы ладонью, он вышел за порог, запер квартиру и положил ключ под грязный половик, запачкав при этом руку. Алексей сам родился в Москве и провел в ней большую часть своей жизни, но район, в котором очутился, не знал. Спрашивая дорогу, он за пару часов добрался до нужного дома. Рокотов как раз сейчас пустился в бега куда-то на юг, поэтому этот адрес у Алексея был единственным. Он достал из кобуры метатель и засунул его за пояс, оставив расстегнутым пиджак, после чего вдавил кнопку звонка. Ждать пришлось пару минут.

— Вы к кому, молодой человек? — раздался из-за двери старческий голос.

— Я к Самуилу Яковлевичу, — почтительно сказал Алексей. — Это вы? Мне о вас говорил Алексей Христофорович.

— А что вам нужно от Самуила Яковлевича? — продолжал допытываться голос за дверью. — Стоит ли это того, чтобы тревожить старого и больного человека?

— Я думаю, стоит! — решительно сказал Алексей. — Только так я вам суть дела не объясню, не могу я это делать на лестничной площадке!

— Ладно, заходите, — решил старик за дверью, щелкнув замком.

Дверь распахнулась, но вместо старика за ней оказался невысокий, крепкий парень. Алексей предполагал, что просто так его в квартиру не пустят, и не собирался давать себя обыскивать, поэтому успел взять в руку метатель. Увидев пистолет, парень рванул правую руку за спину и упал в коридор с парализующей иглой в плече. Вторым человеком в квартире был сам старик, который уже тоже успел вооружиться вальтером.

— Не стоит вам открывать огонь, Самуил Яковлевич, — примирительно сказал Алексей, отступив в коридор. — Шуму будет много, а меня все равно не достанете. И я сюда пришел не за вашей жизнью или для того, чтобы ограбить, а с деловым предложением. Мне срочно нужны деньги, и есть что вам предложить. Только я очень не люблю, когда на меня наводят пушку и начинаю нервничать. Ваш компаньон, кстати, жив и очнется через час.

— Мне не так много осталось жить, — с ехидством, за которым Алексей уловил страх, сказал старик. — С какой стати я должен вам верить? Пусть будут шум и милиция. Я получу срок за пистолет, но сохраню жизнь.

— Ну и что мне сделать, чтобы вы отнеслись ко мне, как к клиенту? — спросил Алексей. — Только не предлагайте мне разоружиться.

— Что вы принесли? — спросил старик. — Бросайте свой товар за угол, а я посмотрю, стоит ли иметь с вами дело. Входную дверь закрыли?

— Я не идиот, — недовольно сказал Алексей. — Сразу все закрыл. Держите! В свертке полсотни золотых червонцев и пара сережек с бриллиантами в три карата, причем очень высокого качества. И учтите, что это только первая партия. Монеты у меня остались только коллекционные, и я вам их продавать не собираюсь, а украшения есть с гораздо большими камнями. Мне выгодней иметь дело с вами, чем искать другие каналы сбыта, но если

окажетесь жмотом, на этом наше сотрудничество и закончится.

Некоторое время было тихо, потом старик предложил:

— Заходите в комнату, но держите пистолет стволом вверх. Потом одновременно уберем оружие. Чем вы стреляли в Андрея, если говорите, что он должен очнуться?

— Иглой с ядом, вызывающим временный паралич, — объяснил Алексей, осторожно входя в комнату. — Иглу потом придется вынуть из правого плеча. Неприятно, но в следующий раз не будет дергаться. Итак, товар подходит?

— Если все без подвоха, то с вами можно иметь дело, — сказал старик. — Посидите в комнате, а я выйду. Нужно проверить ваше золото и внимательно осмотреть бриллианты. Тогда все и оценим.

Оценил он все в тридцать тысяч рублей, бросив на стол перед Алексеем три пачки сторублевых банкнот.

— Я передумал продавать товар! — решительно сказал парень. — Я вас, Самуил Яковлевич, считал серьезным человеком, видимо, ошибся.

— Держите! — рядом с тремя пачками появились еще две. — Но это окончательная цена. Вы правильно сказали о качестве камней, иначе я бы не дал таких денег. Говорите, есть камни крупней?

— Они все крупней, — недовольно ответил Алексей, забирая деньги. — Серьги я принес на пробу. Надеюсь, в следующий раз обойдемся без стрельбы. Ваш партнер скоро очнется, поэтому я исчезаю. Разменяйте немного сотенных, а то у меня нет мелочи на транспорт.

— Я вам не меняла, — выразил недовольство старик. — Давайте сюда вашу сотню. Все, или нужно чего-нибудь еще?

— Прощайте и не ждите в ближайшее время: я буду занят.

Следя за стариком и не поворачиваясь к нему спиной, Алексей прошел через прихожую на выход мимо начавшего подавать признаки жизни Андрея и с облегчением закрыл за собой дверь. Деньги имелись, теперь нужно было заняться паспортом, для начала своим. Он не знал нужных адресов, вспомнил только пару фамилий членов группы и то, что один из них работал в магазине канцелярских товаров в Калининском районе. Первым делом Алексей зашел в парикмахерскую и побрился, после чего подкрепился в столовой и занялся поисками. Расспросы и хождения заняли большую часть дня. Он уже начал терять надежду в то, что успеет до закрытия магазинов, когда наконец улыбнулась удача.

— Сапаров? — переспросила его молоденькая продавщица. — Если Федор Юрьевич, то это наш директор. Только его сейчас нет на работе и сегодня уже не будет. Вам нужно к нам подойти завтра к открытию, тогда точно застанете.

— Девушка! — взмолился Алексей. — Как бы мне узнать его адрес? Дело не служебное, а личное и до завтра ждать не может. Я часов через пять должен уехать из Москвы.

Девчонка адреса не знала, но он оказался известен продавщице, работавшей в другом отделе, поэтому уже через полчаса Алексей, проигнорировав лифт, поднялся пешком на третий этаж дома еще дореволюционной постройки и позвонил в нужную квартиру. Через пару минут за дверью прозвучали шаги, и мужской голос спросил, кого надо.

— Если вы Федор Юрьевич, то вас, — ответил Алексей. — К вам возникли вопросы по работе магазина, а вас почему-то нет на месте! Я из районной плановой комиссии исполкома.

С той стороны двери сняли цепочку и открыли замок.

— Проходите, пожалуйста! — сказал открывший дверь полный мужчина лет пятидесяти, одетый в теплый халат. — А я, знаете ли, немного приболел. Уже конец рабочего дня, так что к врачу обращаться не стал. Вы меня удивили: не ожидал, что работа магазина заинтересует исполком. Неужели на нас есть жалобы?

— В квартире есть еще кто-нибудь? — спросил Алексей.

— Нет, жена с детьми на даче, — ответил Сапаров. — Я не понимаю...

— Я не веду деловые разговоры в прихожей, — перебил его Алексей. — Может, пригласите в комнату?

— Проходите, — уже не скрывая беспокойства, сказал хозяин. — Садитесь в любое из кресел и говорите, что вам от меня нужно.

— Документы для меня и моей жены, — ответил Алексей, сядя на край кресла, — причем работу нужно выполнить качественно и быстро. Мне мой паспорт нужен уже сегодня, жену я привезу через два-три дня. И не нужно изображать недоумение или тем более возмущаться, этим вы только отнимите время у нас обоих.

— Как вы на меня вышли? — спросил Сапаров.

— Это неважно. Окажете мне услугу, получите деньги, и мы с вами расстанемся. Неприятностей с моей стороны у вас не будет.

— Десять тысяч за паспорт, — решился Сапаров. — Деньги платите сейчас. Вами займется завтра, вашей женой — когда привезете.

— Устраивает все, кроме сроков по моим документам, — сказал Алексей. — Мне негде ночевать, а без документов...

— Доплатите пару тысяч, и ночлег вам обеспечат. Платите или я вас попрошу покинуть мою квартиру и больше в ней не появляться.

На следующий день еще дотемна он уже был в деревне.

— А я так волновалась! — плакала Лида, прижавшись к мужу. — Думаю, если что случится...

— Ну что может случиться с таким, как я? — сказал он, целуя ее заплаканные глаза. — Деньгами разжился, паспорт получил и даже насчет комнаты сговорился и уже оплатил. Так что завтра твоя деревенская жизнь заканчивается. Не надо плакать, лучше примерь туфли. И платье я для тебя купил, так что теперь сильно выделяться не будешь. Как ты здесь отдыхала?

— Вчера с женой Степана бегали на реку купаться! — похвасталась Лида. — И по траве ходила босиком. А еще помогала хозяйке.

— А на реку тоже бегала босиком или на каблуках?

— Нет, хозяйка взяла туфли у кого-то из соседей. Сказала, что их дочь погибла в войну, а обувь осталась. Немного великоваты, но ноги не натерла.

— А как вообще впечатление от сельской жизни?

— Молоко вкусное, курочек жалко, а местный туалет поразил до глубины души.

— А что еще поразило, кроме туалета?

— Люди мне здесь понравились, Леша, не все, но большинство. О природе я не говорю: сам должен понимать.

— Ладно, хозяева не будут до ночи сидеть во дворе, дожидаясь, пока мы с тобой наговоримся. Поэтому о важном поговорим, когда завтра пойдем к шоссе.

— Леш! — она прижалась к нему. — Я по тебе, знаешь, как соскучилась?

— И как ты себе это представляешь? Ты это не можешь делать тихо, а через двери все

слышно. Сеновал у них есть?

— Я не знаю, но корове сено давали.

— Давай потерпим до завтра? Хозяева снятой квартиры работают, поэтому нам никто мешать не будет.

— Ладно, — нехотя согласилась Лида. — Я тебя тогда отправлю спать на печь, а то рядом не усну. Только на ней сохнут вишни, надо будет убрать.

Утром позавтракали, тепло попрощались со стариками и ушли из деревни. Перед уходом Алексей положил им на стол пятьсот рублей.

— Мог бы дать и больше, — выразила недовольство жена. — Вон у тебя сколько денег!

— Мне не жалко, но этого и так много за те несколько дней, которые ты у них была. Разболтают, что я сорю деньгами, а наш Степан возьмет на карандаш. И на будущее запомни, что нам с тобой не стоит сильно выделяться.

Новые туфли оказались впору, а платье на Лиде смотрелось хорошо и не бросалось в глаза. Ее вещи Алексей завернул в куртки и нес в руке, держа за ремень.

— Теперь можно и поговорить, — сказал он, когда перевалили холм, и деревня скрылась из виду. — Сейчас поймем попутку и доберемся до Москвы. Первым делом веду тебя делать паспорт. Вот, можешь посмотреть мой. Делают очень прилично, при простом осмотре не придерешься.

— Вербицкий Алексей Николаевич, — прочитала она. — А фотография паршивая.

— Их такие и делают на паспорта, — пояснил муж. — Я в паспорте поменял только фамилию. Тебе сделаем так же, чтобы не путалась. Потом отведу тебя на квартиру, и вместе подумаем, что нам нужно купить из вещей в расчете на пару месяцев.

— А почему только на пару? Это ничего, что я все время задаю вопросы? А то ты сам ничего не объясняешь.

— Сейчас объясню. Москва — город особенный, а время, в которое мы попали, делает его для нас еще более неудобным. Просто так мы сюда можем приехать только в гости и очень ненадолго.

— А чем неудобно время?

— Тем, что сейчас очень жесткий контроль населения. А я еще плохо знаю его особенности и не имею никаких связей. Читал книги, смотрел несколько кинофильмов, да кое-что изучал, а этого мало. Если мы будем долго жить на одном месте, быстро привлечем внимание. Выяснить после этого, что мы не прописаны и нигде не работаем, будет несложно. И за незаконное проживание, и за тунеядство с нами разберутся быстро и жестко. Если неплохо живешь и при этом нигде не работаешь — значит вор. Почти всегда так и есть. Я думаю, что месяца через два мы с тобой вообще уедем из столицы. Нетрудно найти много мест, где можно неплохо устроиться. Но все это только тогда, когда сделаем дело.

— Хочешь кому-нибудь передать микрофиши?

— Только один комплект, — ответил Алексей. — А кому... Ты не задумывалась, почему мы попали именно сюда? Лида, ты ведь читала все книги Валентина, неужели так сложно сделать вывод?

— Сталин? — предположила она.

— Не только. Давай положим куртки в траву и немного посидим, а то уже скоро дойдем и не успеем поговорить. Что ты можешь сказать обо всей верхушке государства в первые годы после смерти Сталина?

— Пододвинься, а то жене и присесть негде. Вела себя твоя верхушка, как пауки в

банке, причем начали грызть друг друга еще при жизни вождя, а после его смерти там вообще никого порядочного не осталось.

— Вот ты и ответила, — довольно сказал Алексей. — Приятно, когда у тебя такая умная жена. Действительно, они все перегрызлись, а уцелевший Хрущев такого натворил, что остается только удивляться тому, что при Брежневe еще так много успели сделать, прежде чем все начало валиться. Денежная реформа и эти нефтепроводы, через которые мы качали нефть себе в убыток, целина и идиотские новшества в сельском хозяйстве, разложение советской номенклатуры и конфронтация с Западом.

— И ты его хочешь утопить?

— Его утопить несложно, — вздохнул Алексей. — Главный вопрос в том, кто будет вместо этого утопленника. Какая у нас была раскладка по силам?

— Сейчас скажу, — задумалась жена. — Если по книге, то были три группы. Первая — это экономисты, управленцы и хозяйственники, лидером которых был Жданов. Вторая — это партийные бюрократы во главе с Маленковым и Хрущевым. А между ними была еще группа оборонной промышленности и спецслужб. Ее представлял Берия.

— И кто из них тебе больше нравится? — спросил Алексей.

— Никто не нравится, мерзавец на мерзавце, и у всех руки по локоть в крови!

— У тебя очень поверхностный подход, — улыбнулся Алексей. — Я бы сказал, что чисто женский. Понимаешь, в то время находиться у власти и не запачкаться было нельзя. Кто-то этим грешил больше, кто-то меньше, но чистых рядом со Сталиным не было. Хрущев потом кричал, что он не подписывал расстрельные списки, а на поверку выяснилось, что по его распоряжению хорошо почистили архивы. Такое время и такие люди. И не все те, кого расстреливали и высылали, этого не заслуживали. Политических лидеров нельзя оценивать так же, как соседей по лестничной площадке. Вот взять Берию...

— А что Берия? — спросила Лида. — Он же один из главных организаторов репрессий. Неужели ты хочешь его использовать?

— Пока я его хочу использовать как пример того, что политических деятелей нельзя рассматривать только с точки зрения человеческой морали, а потом, может быть, попробую использовать против Хрущева. Но это только в том случае, если не выгорит основной план.

— Когда только успеваешь, — покачала головой жена. — Еще только прибыли, а у тебя уже готовы планы. Ладно, не буду перебивать. Так что там по Берии?

— После смерти Сталина Берия, наряду с Хрущёвым и Маленковым, стал одним из главных претендентов на лидерство в стране. Его первого и вывели из игры. В том прошлом, которое нам известно, все организовали Булганин и Хрущев. Потом, как водится, на него навешали всех собак.

— При чем собаки? — не поняла Лида. — Ты можешь выражаться проще?

— Если проще, ему припомнили все его грехи и приписали кучу чужих. Берия после этого стал чуть ли не символом зла.

— Если вспомнить все, что за ним числится...

— А теперь посмотри на все это немного иначе, — перебил ее Алексей. — Да, он мерзавец, и никто этого не отрицает. Только при Сталине система выстроена так, что, кроме него самого, самостоятельных игроков быть не может. Есть только воля вождя и его установки, которые становятся линией партии. Все окружение Сталина выполняло то, что он желал, различия могли быть только в мере энтузиазма. Если кто-то начинал действовать излишне самостоятельно, таких предупреждали, а потом вычищали, невзирая на чины и прошлые заслуги. Не был самостоятельным игроком и Лаврентий Павлович. Его самостоятельность проявилась только после смерти Сталина. Именно по его инициативе были освобождены больше миллиона заключенных, и отпущено еще четыреста тысяч, находящихся под следствием. Он так же выступил с инициативой значительного расширения полномочий государственных органов власти за счет партийных. Предложение не прошло из-за Хрущева. И раньше у него не все было однозначно плохо. С его приходом на пост наркома внутренних дел масштабы репрессий резко сократились, а по амнистии освободили триста тысяч человек, хотя аресты все равно продолжались. Берия в кратчайший срок прекратил беззаконие и террор, царившие в НКВД и в армии. Под его руководством была создана мощная агентурная сеть советской внешней разведки в Европе и других странах. И он немало сделал для создания ядерного оружия.

— Все равно мерзавец! — упрямо сказала Лида. — Все, что ты мне цитируешь, я читала, но неужели среди руководства нет ни одного порядочного человека?

— Маленков не устраивает?

— Я не могу о нем вспомнить ничего хорошего.

— К смерти Сталина Маленков твёрдо занял позиции второго человека в партии и государстве, а после нее стал председателем Совета министров СССР. На первом же закрытом заседании Президиума ЦК он заявил о необходимости перейти к коллективному руководству страной, а в мае пятьдесят третьего года по его инициативе было принято постановление правительства, вдвое уменьшавшее зарплату партийным чиновникам и ликвидировавшее дополнительные вознаграждения, не подлежащие учету. Этим и

воспользовался Хрущев, отменивший коллективное руководство ЦК и вернувший прежние зарплаты и «конверты», да еще и компенсировавший партийным чиновникам все потери.

— Все хотят хорошо жить, — вздохнула Лида. — Что еще?

— Много чего. В августе того же пятьдесят третьего года на сессии Верховного Совета Маленков выступил с предложением в два раза снизить сельхозналог, списать недоимки прошлых лет, а также изменить принцип налогообложения жителей села. Он первым выдвинул тезис мирного сосуществования двух систем, выступал за развитие лёгкой и пищевой промышленности, за борьбу с привилегиями и бюрократизмом партийного и государственного аппарата, отмечая «полное пренебрежение нуждами народа», «взяточничество и разложение морального облика коммуниста».

— И чем все закончилось? Если честно, я это в книге пропустила.

— Через пару лет его сняли с должности председателя Совета Министров, а еще через два года после неудачной попытки отстранения Хрущева совсем убрали из власти, а заодно и из партии.

— И здесь Хрущев, — Лида поднялась с курток. — Извини, устала сидеть. Может быть, лучше договорим пока доберемся до дороги? Кто у тебя еще?

— Только Молотов, но он еще хуже. И его, кстати, тоже выжил Хрущев.

— Так на кого из них ты хочешь делать ставку? — спросила Лида. — Я пока не поняла.

— А ни на кого, — Алексей тоже встал и взял вещи. — Ладно, пошли. Сколько успею — доскажу, об остальном можно будет поговорить потом. «Ленинградское дело» помнишь?

— Читала, но там только второстепенные лица, поэтому я запомнила плохо.

— А кто вычищал этих второстепенных, не помнишь? Тогда я тебе напомним — это в первую очередь Маленков с Хрущевым. И не такими уж они были второстепенными. Из всех фигурантов «Ленинградского дела» меня интересуют двое. Это Вознесенский, который, возглавляя Госплан и занимал ключевой пост в руководстве советской экономикой, и Кузнецов — секретарь ЦК и начальник Управления кадров ЦК. Он так же ведал работой органов юстиции, МВД, МГБ. Оба относятся к группе руководителей, в которую входили молодые работники, хорошо проявившие себя в годы Отечественной войны и успешно работавшие над решением экономических, хозяйственных и организационных вопросов. Своих наследников Сталин видел именно в них. Так он говорил, что в качестве своего преемника по партийной линии хотел бы видеть Кузнецова, а по государственной линии — Вознесенского. В эту же группу входил и Косыгин.

— А почему же тогда он допустил, чтобы с ними разделались? Что-то это не вяжется с образом Сталина. Он должен был инициаторов «Ленинградского дела» завязать в узел.

— Ну вот и дошли! — Алексей подошел к шоссе и положил на траву свой тюк. — Голосовать у нас будешь ты, а я подскажу, когда нужно будет поднять руку. Пока голосуем, можно поговорить. Понимаешь, с этими работниками разделались, воспользовавшись смертью Жданова, который их на съедение не отдал бы. А Сталину преподнесли сведения, сфабрикованные Маленковым и Хрущевым. Это было за три года до его смерти. Скорее всего, он уже себя плохо чувствовал, от всего устал и не стал разбираться. Это дело, кстати, было единственным, которое вели не следователи МГБ, а члены партийной комиссии. Приговор вынесли ночью и уже через час расстреляли. Как тебе такое?

— Видимо, все-таки боялись, что вождь может вмешаться, — сказала Лида. — Смотри, машина! Тормознем?

— Пропускаем, — решил Алексей. — Это сто десятый ЗИС, нам он не по чину.

— Ну и ладно, — согласилась жена. — Тогда закончим с твоими кандидатурами. Я правильно поняла, что ты хочешь не допустить «Ленинградского дела» и сделать ставку на Кузнецова с Вознесенским?

— Ты у меня умница и все понимаешь с полуслова, — польстил ей Алексей. — Жданов болен, и с этим ничего не поделаешь, а вот с Хрущевым поделаться можно и нужно. Слишком много вреда от этой сволочи. Я, когда о нем все узнал, сразу поменял отношение к Брежневу.

— Если для тебя запасным вариантом является натравить на него Берию, что же тогда входит в основной?

— Мы на него, малыш, натравим самого Сталина. До смерти вождя еще пять лет, и не такой он сейчас дохлый. Если узнает про все будущие художества Никиты, книгу о нем можно будет выбрасывать за ненадобностью.

— А он поверит? — с сомнением спросила Лида. — Судя по тому, что я о нем читала, личность очень недоверчивая. И как ты к нему попадешь? У него вроде была какая-то дача?

— Ну, какая-то — это для нее слишком слабое определение, — засмеялся Алексей. — Есть у него дача в Кунцево, где он постоянно живет. Но соваться туда даже такому, как я, это верное самоубийство. Сотня бойцов, офицеры МГБ, патрули с собаками и защищенный периметр. И у моего самомнения есть границы. И не стал бы я так собой рисковать. Нет, у меня есть вариант получше. Я хочу сделать фотографии книги с биографией Хрущева и передать их Сталину с помощью его младшего сына. Всю книгу с микрофишей на фото переносить не буду, достаточно половины. И снабжу эти фотографии своими комментариями.

— А станет он тебе помогать?

— Потом договорим, голосуй скорее! — поторопил жену Алексей. — «Эмка» едет.

Лида подняла руку, и возле них, скрипнув тормозами, остановилась неказистая легковушка.

— Забирайтесь на задние сидения, — сказал Самохиным приоткрывший дверцу лейтенант. — Быстрее, товарищи, не копайтесь!

Алексей открыл заднюю дверцу, помог забраться жене, передал ей тюк и сел сам.

— Спасибо, товарищ майор, — поблагодарил он офицера, сидевшего на месте водителя.

— Благодарите свою даму за красоту и нашего Олега, который ее оценил, — хмыкнул тот. — Ради вас я бы не остановился.

— Спасибо, солнышко! — демонстративно обратился к жене Алексей.

— И как же это солнышко зовут? — повернулся к ним улыбающийся лейтенант. — Не обращайте внимание на сказанное нашим майором. В душе он очень добр, только редко это проявляет.

— Болтун, — прокомментировал его слова майор. — Отдыхаете, или как?

— Капитан милиции, — сказал Алексей. — Сейчас в отпуске. Мы, вообще-то, не москвичи, а сейчас едем от моих стариков. Специально отвез жену попробовать деревенской жизни. Ее зовут Лидия, а я Алексей.

— Зотов, — представился фамилией майор. — Вам куда надо?

— Подбросьте в любое место, где поблизости есть станция метро, — попросил Алексей. — Хотя можем добраться любым видом транспорта, лишь бы довезли до города.

— Меня, как и вашего мужа, зовут Алексеем, — обратился к Лиде лейтенант. — Как вам деревенская жизнь?

— Если приехать на несколько дней, как я, то просто здорово, — ответила она. — А

жить... Слишком много работы, и все делается вручную. Все с утра до вечера трудятся, как заведенные, без скидки на возраст. Из-за своего хозяйства работают без выходных и отпусков. Кто живет с детьми, тем немного легче.

— Да, работать приходится, — сказал майор. — Здесь еще повезло, что в войну уцелели дома. До метро мы вас не довезем, но высадим так, что сами доберетесь трамваем.

Первым делом, после того как военные их высадили и умчались, Алексей повез жену обживать снятую жилплощадь. Хозяева были на работе, поэтому дверь он открыл своим ключом.

— Выдали всего один, — сказал он о ключе. — Пока не будем разделяться, а потом закажем еще один.

— Я думала, наша комната будет отдельно, — растеряно сказала Лида. — А в нее ходить через комнату хозяев. Они же здесь спят?

— Не бери в голову, — успокоил ее муж. — Нам здесь все равно долго не жить. Да и хозяева вполне нормальные люди. Им нужны деньги, поэтому готовы мириться с временными неудобствами. Запомни, если будут интересоваться соседи, мы не квартиранты, а приехавшие погостить родственники. Сейчас оставляем эти куртки, приводишь себя в порядок, и едем делать документы. Потом пообедаем и направимся за покупками. Поэтому думай, что нам будет нужно.

— Сейчас я могу думать только о тебе! — сказала жена, глядя ему в глаза. — Ты мне что обещал? А обещания надо выполнять! А то уйдем и освободимся только к вечеру, когда уже будем не одни. Или тебе это не нужно?

Он взял Лиду на руки и унес в свою комнату на выделенную им полуторную кровать. Часом позже они закрыли квартиру и направились пешком к ближайшей станции метро.

— Идти минут двадцать, — предупредил Алексей, — даже больше, но транспортом добираться неудобно, а по пути есть хорошая столовая, сразу и пообедаем. Не знаю, как ты, а я сильно проголодался.

После не слишком вкусного, но сытного обеда, минут сорок добирались до квартиры, где Лиду сфотографировали и сказали, что паспорт нужно будет забрать во второй половине завтрашнего дня. Потом часа три ходили по самым разным магазинам, покупая необходимое и заодно знакомясь с городом.

— Я Москву совсем не узнаю, — призналась жена. — У нас сохранилась часть старых зданий, но рядом столько всего понастроено, что вид совсем другой.

— Я эту часть города тоже почти не знаю, — сказал Алексей. — Мы жили совсем в другом районе, да и работа была далеко отсюда. И в мое время новостроек тоже было много. Все купили? Тогда давай возвращаться на такси. Надоели мне эти хождения. Денег у нас, кстати, осталось негусто, поэтому скоро нужно будет продавать что-нибудь из украшений. Ты их много взяла?

— Порядочно. И мелких камней нет. Где такси, а то я уже устала.

— Нужно пройти еще квартал. Заодно купим в гастрономе чего-нибудь на ужин. Смотри, какие собрались тучи, а у нас с тобой нет ни зонтов, ни плащей.

Они немного не успели: когда такси въехало во двор, дождь уже поливал всюду.

— Что же вы так без плащей-то? — причитала хозяйка — полная женщина лет пятидесяти.

— Да, взяли бы хоть у нас зонт, — поддержал ее муж. — Быстренько переодевайтесь. Есть хоть во что?

— Ничего страшного, Виктор, — сказал Алексей. — Халат мы ей купили, а на голову сейчас намотаем полотенце. Лето — не простудится. Да и у меня уже есть, во что переодеться. Забыли мы про зонты, да и дождь натянуло очень быстро. Слышите гром? Нет, чай пока не надо, мы позже сами поставим.

Они переоделись, положили половину купленного в шкаф, а все, что было сверху и промокло, развесили по комнате сушиться.

— Отстань от меня с этим полотенцем! — отмахнулась от мужа Лида. — Не стану я ничего себе накручивать на голову. Волосы сами высохнут, и мороки с ними будет меньше. Давай лучше ляжем на кровать и закончим утренний разговор. Хозяева не мешают, а делать все равно нечего.

— Я тебе уже почти все рассказал. Ладно, забирайся к стенке, а я лягу с краю. Тебе неясно, с какой стати мне будет помогать сын Сталина?

— Я бы на его месте указала тебе на дверь.

— Тебе просто непонятна вся ценность той информации, которая у нас есть. Вот возьмем сына Сталина. В нашей книге о Хрущеве о нем нет ни слова, но я читал в свое время о детях Сталина и многое запомнил. В двадцать шесть лет он уже генерал-лейтенант авиации, а в этом году его назначат командующим ВВС Московского военного округа. Вскоре умирает отец, и Василия отправляют на понижение. Фактически для него это конец карьеры, поэтому он на это направление наплевал. В том же году его увольняют в запас без права ношения военной формы. Сын Сталина обращается в китайское посольство с заявлением, что его отца отравили, и просит о выезде в Пекин. Вскоре его арестовывают и обвиняют во всех смертных грехах. Следователи старались два с половиной года, и в результате Василий признал все, даже самые нелепые обвинения. В тюрьме он просидел восемь лет и стал инвалидом. Как ты думаешь, будет он благодарен тем, кто попытается предотвратить такое будущее?

— Во все это еще нужно поверить! — скептически заметила Лида.

— Поверит, — заверил ее Алексей. — Во-первых, он прекрасно знает систему. Во-вторых, дадим почитать часть книги. И не надо улыбаться. Это для нас с тобой в написанном в ней нет ничего особенного, а для его современников это почти сплошь конфиденциальная, а то и секретная информация. Еще текст по тому, что уже произошло, могло бы составить ведомство Берии, для того чтобы описать будущее, у них не хватит фантазии. И это только о тексте, а там на каждой странице еще по паре фотографий. А для пущей убедительности свяжемся по коммуникатору. Я думаю, объемное изображение твоей головы над моей рукой будет убедительным аргументом. У них сейчас даже нормального телевидения нет.

— Ну хорошо, — согласилась Лида. — Он тебе поверил, схватил в охапку твою книгу и помчался к отцу. И Сталин это съест?

— Еще как! — кивнул муж. — Он умнее сына и гораздо больше знает, а когда поймет, что у него только часть книги, захочет узнать еще больше.

— Только не говори, что к ним пойдешь! — Лида схватила его за руку. — Там палач на палаче, и никто не будет придерживаться никаких договоров! И ты для них ценен только до тех пор, пока не отдал им все! Затянул меня в чужой мир и хочешь бросить?

— Успокойся, ты мне своими ногтями всю руку расцарапала. Выслушай внимательно. Моя ценность не ограничивается микрофишами. Я знаю о будущем гораздо больше, причем при всем желании быстро эти знания из меня не вытянешь. Конечно, история страны во многом пойдет по-другому, а это скажется и за ее границами, но многое все равно сохранит

свою ценность. И Сталин, каким бы его не изображали, ценил полезных людей, а я могу стать очень полезным.

— Он, может быть, и оценит, да и то не факт! Сколько ему еще осталось жить, не забыл? Всего пять лет! А потом начнутся разборки, в которых тебя просто уберут!

— Для того и нужно идти, чтобы разборки начались не через пять лет, а сейчас! И с теми, с кем нужно разбираться! Тогда через пять лет никаких разборок не будет. А за это время я постараюсь стать своим. Если я просто отдам книги и исчезну, Хрущева уберут, и не его одного. А если сейчас расчистить политбюро и часть ЦК, Берия усидит и долго сохранит влияние, а может быть, заберется на самый верх. И не факт, что при этом уцелеют те же Кузнецов и Вознесенский! Но тебя я с собой не потащу. Устрою в безопасном месте и снабжу деньгами лет на двадцать. Не будет Хрущева, не будет и его денежной реформы. А ты станешь одной из лучших художниц Союза. Я тебя люблю, но это нужно сделать, иначе вообще все лишается смысла. Ну сделают раньше эти реакторы и электромобили, толку-то!

— Какой же ты дурак! Да плевать мне на мир и на деньги! Я ушла за тобой, бросив миллиарды! Вечно вы мужчины рветесь переделывать мир, а о нас не думаете! Зачем все, если не будет тебя? Если пойдешь к этому живодеру, требуй больше! Пусть дают квартиру в центре, генеральский чин и машину с охраной! И квартира должна быть просторной, чтобы ее хватило, когда у нас появятся дети! И скажи, что я хочу нарисовать его портрет.

— Лида!

— Что, Лида? Высшие силы привели нас сюда вдвоем, значит, и делать все будем вместе! Получится — прекрасно! А если нет, все равно все в конечном итоге накроется медным тазом. И о чем тогда жалеть? Где живет сыночек Иосифа?

— Понятие не имею, — пожал плечами муж. — Будем решать задачи по очереди. Сначала займусь фотографиями, а уже потом начну искать подходы к Василию. Среди московских чинуш о нем многие должны знать, как-нибудь найдем.

— А какие сложности с фотографиями?

— Сложности есть. Во-первых, желательно делать фотографии на профессиональном оборудовании, на котором можно получить качественное увеличение в тридцать раз. Во-вторых, это большое количество снимков. Мне нужно распечатать хотя бы первые двести страниц, а лучше, если их будет больше. И, в-третьих, работу я должен делать сам. Нельзя, чтобы фотограф это читал. У нас нет ничего, кроме устройства для чтения, поэтому придется с кем-то договариваться. А для начала я завтра обменяю на деньги еще пару твоих украшений.

С обменом у него ничего не вышло.

— Квартира закрыта, а на звонки никто не отвечает, — хмуро сказал Алексей. — Я там немного потряс соседей, так один из них сообщил, что видел, как хозяин уехал куда-то на такси с несколькими чемоданами. Не иначе его напугало мое оружие. Надо было его парню просто врезать по голове. С иглой и ядом получился перебор. Ваш мир подействовал на меня не лучшим образом, раньше я бы такой промашки не допустил. Ладно, завтра возьму несколько монет и съезжу на Тишинский рынок. Я случайно наскочил на филателистов и спросил их насчет нумизматов, так посоветовали зайти туда. Плохо, что у нас только золотые монеты.

— Сам же говорил, что они наиболее ценные.

— Я рассчитывал на свое время, — возразил Алексей. — А здесь бегать с золотом по рынку... Ладно, завтра будет видно. А фотоателье я нашел и даже с мастером договорился.

Правда, оговорил свое присутствие при работе, но не сказал, что его к ней не допущу. А то еще примет за шпиона и побежит докладывать. Заломил цену и, наверное, после моего ухода крутил пальцем у виска.

— Так ты его...

— Уколю иголкой и свяжу, чтобы не мешал, а когда сделаю работу, расплачусь и исчезну. Если не дурак, шуметь не станет. Но сначала деньги, а то нам после этих фотографий остатка хватит максимум на месяц, а потом хоть занимайся грабежом.

Утром они сходили в столовую, после чего Алексей проводил жену до дома, поцеловал и побежал за деньгами. Вернулся он часам к четырем, когда Лида уже вся извелась.

— Не ругайся! — сказал он, увидев ее лицо. — Все оказалось намного сложнее. Поначалу эти коллекционеры от меня вообще шарахались, как от чумного, а один даже побежал куда-то докладывать. Пришлось делать ноги и ждать, пока они не начнут расходиться. У всех на виду была одна медь, а чем-нибудь ценным обмениваются только между собой. Повезло с одним, который решил рискнуть, да и то покупателем был не он. Наверняка на мне здорово нажились. За три редких монеты пять тысяч это почти даром, но, главное, что теперь есть канал для восполнения денег. Ты есть хочешь?

— А ты как думаешь? Сам же запретил без тебя уходить из квартиры!

— Давай руку, пойдем в столовую шиковать! Пообедаем, а заодно и поужинаем. Так что начинай развязывать пояс.

— Пошли быстрее, а то я сейчас захлебнусь слюной. Как связалась с тобой, вечно хожу голодная!

— Зато будешь стройная, пока я тебе не испорчу фигуру!

— Быстрее бы уж! — прижалась она к нему. — Мы уже столько времени вместе, и ничего.

— У меня по этому поводу есть гипотеза! — сказал Алексей. — Шевели быстрее ногами, а то не буду рассказывать. Валентин пошутил что-то насчет высшей силы, да и ты совсем недавно ляпнула что-то такое.

— Почему ляпнула? — обиделась Лида.

— Потому что я не верю в бога, — объяснил он. — Кому-то безусловно нужно было изменить историю, и его возможности человеческими не назовешь, но это еще совсем не значит, что я должен крестить лоб. Так вот, думаю, что, пока я не выполню необходимого, никакой беременности у тебя не будет.

— Хочешь сказать, что она тебе мешает работать, поэтому...

— Если кто-то легко перебрасывает людей во времени, ему ничего не стоит устроить нам безопасную любовь. Мне недавно помогли офицеры, причем сам я на их месте так бы не поступил. То ли действительно повезло нарваться на очень порядочных людей, то ли их к этому мягко подтолкнули.

— А почему тогда он сам не подтолкнет кого нужно без твоей помощи? А еще лучше не подтолкнуть, а дать пинка под зад, чтобы шея отвалилась!

— Потому что есть разница подтолкнуть к добру хорошего человека, или мерзавца. И одним пинком ты не ограничишься, да и слишком многих придется пинать. Наверное, человеческим обществом должны заниматься сами люди. Вот представь, что твой бог начнет вмешиваться в наши дела на каждом шагу. И что из этого получится? Я бы не захотел жить в таком мире.

— Ладно, посмотрим, что получится у тебя. Уже пришли. Обещал кормить, так корми!

Сегодня качество готовки почему-то было хуже обычного, поэтому в столовой они долго не засиделись.

— Во сколько завтра пойдешь в ателье? — спросила Лида на обратном пути. — Не хочешь, чтобы я помогла?

— Не стоит, — отказался Алексей. — Я насчет себя с трудом договорился. Пойду, как и договаривались, к закрытию, а домой вернусь очень поздно. Не самое безопасное занятие — мотаться по Москве ночью, тем более с красивой женщиной. Так что ты меня не жди, а ложись спать. А хозяев сегодня предупредим.

— Ну хорошо, завтра ты все напечатаешь. А дальше что? Как будем искать Василия?

— У меня есть одна мысль, — сказал Алексей. — Его сестре дали квартиру в правительственном «Доме На набережной». Может быть, и Василий там же живет? Плохо, что у нас совсем нет нужных знакомств. Ладно, не морочь себе голову, что-нибудь придумаю.

Утром он проснулся первым и долго лежал, глядя на спокойное, умиротворенное лицо жены. Впервые пришла мысль отдать все материалы и уехать с ней подальше от Москвы, от всей этой паучьей суеты. Он был готов рисковать своей жизнью, ставить на кон жизнь любимой женщины его готовности не хватало. Устраниться мешала возникшая откуда-то уверенность в том, что его вчерашние слова о зачатии это не плод воображения, а самая доподлинная реальность. Прожить жизнь пустоцветом он не хотел, да и Лида будет несчастной.

— Что ты на меня так смотришь? — спросила жена. — Я тебе не святая Богородица. На меня не смотреть, меня любить нужно. Сейчас уйдут хозяева, и я тебя долго не отпущу. А пока расскажи, чем думаешь заниматься весь день. Ателье ведь закрывается вечером?

— Сходим позавтракать, потом я сбегу тебя домой, а сам пойду в ресторан.

— А почему не со мной?

— Вдвоем не получится, — покачал он головой. — Мне нужно быстро познакомиться с жаждущим общения клиентом, довести его до кондиции и разговорить. Можно было бы послать тебя. С многих точек зрения это более выигрышный вариант, но он должен закончиться койкой, а я к таким жертвам пока еще не готов.

— А тебе выпитое не повредит в ателье?

— Солнышко, я буду не столько пить, сколько спаивать. Не беспокойся, все будет нормально. Слышишь, заперли входную дверь. Я тебе точно был для чего-то нужен, или ты только дразнилась?

Весь день Лида не находила себе места от беспокойства. Это просто свинство вот так ее изводить! Сам занят делом, а она за него волнуется! Все купленные книги и те немногие, которые стояли на хозяйской книжной полке, были прочитаны, а слушать радио муж отсоветовал.

— Мы не знаем, на сколько хватит заряда батарей, — сказал он ей. — А коммуникаторы еще понадобятся. Включи лучше приемник хозяев, они не возражают.

А что можно слушать по этому убожеству? Один треск, хрипы и завывания! Хорошо хоть обещал позвонить перед походом в ателье, а то она бы до ночи с ума сошла от беспокойства! Тихая трель вызова пришла в четыре часа дня.

— Можешь говорить? — раздался тихий голос мужа. — У меня все хорошо закончилось, поэтому иду делать фотографии. Там я вообще проблем не ожидаю, поэтому ложись и отдыхай.

Легко сказать, попробуй заснуть, когда муж шляется по уголовно наказуемым делам. И то, что муж элитный боец, успокаивает мало. Она все же попробовала заснуть, но только проворочалась в кровати три часа до его прихода.

— Ну и зачем себя так изводить? — спросил Алексей, держа на руках бросившуюся к нему жену. — Я же говорил, что все будет в порядке. Фотографии сделал и о Василии все узнал. О нем здесь, оказывается, многие знают. Популярная личность. Так что осталось изучить его распорядок дня, и можно наносить визит. Правда, есть одна тонкость: я вспомнил, что за ним присматривали органы безопасности. Вряд ли это делалось постоянно, но влипнуть можем. Наверное, сделаем так. Понаблюдаем за домом пару дней, чтобы определить, когда он приходит и с кем. Утром он наверняка едет на службу, поэтому для разговоров просто не будет условий. А ему еще нужно часа два на знакомство с текстом. Так что остается только вечер. Если он приезжает поздно, придется идти к нему в квартиру, а в дом просто так не пройдешь. А если его разговоры пишут... Лучший вариант — это перехватить его одного возле дома. И сделать это нужно тебе.

— Что, бабник? — спросила Лида. — Конечно, сделаю, лишь бы никто не помешал.

— Ладно, — Алексей поцеловал жену в губы и опустил на пол. — Уже поздно, давай ложиться спать.

— Ну да! — тихо засмеялась Лида. — Довел, понимаешь, жену до истерики, а теперь укладывает спать. Нет уж, дорогой, меня нужно сначала успокоить. Ты хорошо закрыл дверь? Вот и начинай успокаивать, а о хозяевах можешь не думать: я буду кричать тихо. Если ненароком разбужу, они поймут, сами не так давно были молодыми.

Утром проснулись поздно, когда хозяева уже ушли на работу, причем первой на этот раз встала Лида.

— Хорошо я тебя вчера заездила! — сказала она мужу. — Как ни проснусь, ты уже не спишь и смотришь на меня так, что у меня в голове ничего, кроме желания, не остается. А сегодня продрых, и даже утренняя возня хозяев не разбудила. Ну и я смогла на тебя спящего вволю полюбоваться. Встаем или...

— Встаем, а «или» будет как-нибудь потом. А проспал я не из-за тебя. Хоть немного, но водку я вчера пил. Ты должна была унюхать. Вот она мне и нагнала сонливость, да и легли мы поздно. Сейчас поедим и нужно в темпе пробежаться по магазинам кое-что купить, в том числе зонты, а потом пойдем знакомиться с домом и его обитателями.

— Дай хоть посмотреть на то, что у тебя получилось, — попросила Лида, завязывая пояс халата. — Где фото?

— Вот, смотри. Распечатал три сотни страниц. Качество очень приличное.

— А что сделал с бедным фотографом?

— Уколот и связал. Потом, когда он стал приходить в сознание, объяснил, чтобы сидел тихо и не орал, если не хочет получить по кумполу. Товарищ оказался понятливый, и к крайним мерам прибегать не пришлось. Когда закончил работу, даже не стал его колоть второй раз, развязал, оставил деньги и ушел. Понятное дело, что на всякий случай вытер везде пальчики и обрезал провод телефона. Очень сомневаюсь, что он куда-нибудь побежит. Он сам пошел на нарушение, оставшись в фотолаборатории после работы с посторонним, да и денег я ему оставил больше, чем все стоило по прейскуранту. Потрясется немного от страха и постарается забыть.

Они привели себя в порядок, сходили в столовую и пошли пешком к станции метро. Покупки сделали за какой-то час, сложили все в сумку и, не возвращаясь домой, отправились

на разведку. По территории определились очень быстро. Все, кого привозили автомобили, покидали их в сотне шагов от дома и оставшееся расстояние шли пешком. Поэтому, если Василий приедет один, перехватить его будет нетрудно.

— Я передумал, — сказал жене Алексей. — Сейчас возвращаемся домой, оставляем вещи и берем спрятанные фотографии. Обедаем и едем сюда. Если он приедет не один, мы его пропускаем, в противном случае ты его перехватываешь и передаешь мне. А дальше уже будем действовать в зависимости от его готовности с нами общаться. Если он нас пошлет, займемся Галиной.

Василий приехал один, махнул на прощание рукой водителю и целеустремленно зашагал к подъезду.

— Извините, Василий Иосифович, вас можно на несколько минут? — перегородила ему дорогу Лидия.

— Только на несколько минут? — улыбнулся молодой парень в генеральской форме. — Может быть, я могу уделить вам больше времени?

— Это было бы неплохо, — кивнул ему Алексей, который подошел и стал рядом с женой. — Вы можете сейчас уйти, можете попытаться нас задержать, но я бы вам этого не советовал: речь идет о вашей жизни. Мы вам поможем ее сохранить, а вы нам взамен окажете только одну услугу. Если вы посчитаете это для себя неприемлемым, скажете, и мы уйдем. Но сначала вам будет нужно ознакомиться с документами. На это потребуется время. И нам бы не хотелось это делать в ваших комнатах. Не из страха перед вами, а из-за того, что ваши комнаты могут прослушиваться. Что вы нам скажете?

Василий думал недолго.

— У вас есть оружие? — спросил он Алексея.

— Есть, — не стал отрицать тот. — Но без крайней необходимости я им не воспользуюсь.

— И вы согласны поехать туда, куда я вас повезу?

— Почему бы и нет? — улыбнулся Алексей. — Если только вы нас не повезете на Лубянку или в свой штаб. Поймите, вам не стоит нас опасаться. Поговорим, вы узнаете много нового, а если не захотите иметь с нами дело, просто разойдемся.

— Какого рода услуга вам нужна? — задал еще один вопрос Василий.

— Ничего особенного, — сказала ему Лида. — Отдадите отцу те бумаги, которые почитаете сами. Мы могли бы обратиться к вашей сестре, но вам это сделать проще, и вам гораздо выгоднее иметь с нами дело, ее-то, в отличие от вас, никто не тронет.

— Едем! — решительно сказал Василий. — Здесь рядом стоянка такси. Если все ограничится разговором и просмотром бумаг, вам меня тоже не стоит бояться. Поедем в «Сокольники», там в это время не так много людей.

Через полчаса они шли по одной из аллей, почти не встречая других посетителей.

— Больше, я думаю, нечего искать, — сказал Василий. — Давайте сядем на этой скамейке и поговорим.

— Я вам буду говорить невероятные вещи, — начал Алексей. — Постарайтесь сразу не уходить, выслушать до конца и не материться, хотя бы из-за присутствия моей жены. Дело в том, что мы с ней пришли сюда из довольно отдаленного будущего.

— Действительно, — сказал Василий. — Хоть вставай и сразу уходи!

— Чтобы вы этого не сделали, мы вам покажем действие одного прибора, который используется для связи. Вот он. Это не часы, а что-то вроде радиостанции, которая передает не только звук, но и изображение, причем в объеме. В будущем из-за ретрансляторов с его помощью можно связываться на огромных расстояниях. Здесь его возможности скромней, но километров на десять хватит. Мы не будем гонять мою жену далеко, посмотрите так.

Гуляющих в пределах видимости не было, поэтому Алексей вызвал Лиду, и у обоих над запястьем вспыхнули голографические изображения.

— Как я уже говорил, передается и звук, — сказал Алексей и его голографический двойник повторил ту же фразу. — Долго мы вас охмурять не будем: не хотим попусту разряжать батареи. Не надумали уходить?

— Говорите, я вас слушаю, — сказал Василий, зачарованно смотревший на голову Лидии, висевшую над странным прибором.

Изображение подмигнуло ему и исчезло.

— Сначала поговорим о вас, — продолжил Алексей. — Бумаги, которые я хочу сейчас показать и попросить отнести отцу, это фотокопия одной из книг, описывающих жизнь хорошо известного вам человека. Это Никита Хрущев. В ней о вас почти ничего нет. Но мне довелось читать другую книгу, в которой была очень коротко описана ваша судьба. Мы не знали, что нас занесет в это время, иначе я бы скопировал и ее. Но, я думаю, вам и так будет интересно меня послушать. Там было написано, что как-то в разговоре с сестрой вы сказали Светлане, что живете до тех пор, пока жив отец. Эта фраза оказалась пророческой. Нет, вас

не убили, но лишили всего и на восемь лет посадили в тюрьму, следствием которой стала инвалидность.

— Когда умрет отец? — охрипшим голосом спросил Василий.

— Вечером пятого марта пятьдесят третьего года. Первого марта его разобьет паралич и до самого конца ваш отец так и не придет в себя.

— И что мне припишут?

— А что приписывают в подобных случаях? В вашем случае обвинений было много, начиная от аморального поведения и злоупотребления служебным положением, и заканчивая клеветой на СССР. Причем во многом вы будете виноваты сами. С вами в той ситуации, скорее всего, все равно разделались бы. Вы слишком много знали и были невосдержанны на язык. Но это произошло бы позже и могли пострадать гораздо меньше.

— Что я такого сделал, можете сказать?

— Конечно, — сказал Алексей и повернулся к жене. — Ты куда собралась?

— Надоело сидеть, — ответила Лида. — Погуляю здесь рядом и разомну ноги, а вы беседуйте.

— Вы почему-то решили, что Сталин был отравлен, — сказал Алексей, — и попытались вывести всех на чистую воду. На приказ Булганина наплевали.

— А что он приказал? — спросил Василий.

— Он вас направил командовать каким-то военным округом. В книге не написали каким, но, скорее всего, где-нибудь подальше от Москвы. В то время вас плотно опекала госбезопасность. Все телефонные разговоры прослушивались, а вы при разговорах по телефону не стеснялись в выражениях. После того как вас выперли из армии, вы обратились в китайское посольства с заявлением, что отец был отравлен, и с просьбой уехать к ним. Потом последовал арест и почти три года следствия. Зубы вам, как свидетелям по вашему делу, никто не выбивал, но в конце следствие получило признание по всем пунктам обвинений.

— Это они умеют, — криво усмехнулся Василий. — Но если я себя так вел и говорил об отравлении, значит, были основания.

— Может быть, — не стал спорить Алексей, — но даже если и так, вести себя вызывающе, не имея за спиной сильной поддержки, по-моему, глупо. Вас сильно выбила из колеи смерть отца, и вы слишком привыкли к тому, что вам все сходит с рук.

— Когда я умру?

— В конце марта шестьдесят второго года. Точной даты я не помню.

— Сорок один год! И что делать, молчать? Сами же говорили, что все равно не оставят в покое!

— Успокойтесь, Василий! — повысил голос Алексей. — Вы такой были не один, просто пострадали одним из первых. Дележка власти началась еще при жизни вашего отца, но основные баталии разгорелись после его смерти. В конечном итоге к власти пришла всякая сволочь, и кончилось все очень плохо. Мы ведь здесь не из-за вашей печальной судьбы, хоть я вам и сочувствую.

— Хрущев?

— Да, но не он один. В результате борьбы за власть уничтожили самых честных, знающих и порядочных, а наверх всплыло все дерьмо. Будете читать книгу?

— Почитаю, но у себя, — ответил Василий. — Вы же ее все равно оставляете мне для передачи отцу.

— Я еще хотел сделать пометки на полях, но передумал. В личном разговоре можно сказать больше.

— Вы рискнете встретиться с отцом? — удивился Василий.

— Я готов рискнуть, — кивнул Алексей. — Я вам говорил, что все плохо кончилось, не сказал только насколько плохо. Ради того, чтобы такое предотвратить, можно рискнуть жизнью. И потом, здесь не вся книга, только две трети. Таких книг у меня несколько, а это история страны почти до конца века. Кроме того, есть информация по технике будущего, да и сам я очень много знаю. Постарайтесь донести до отца, что на добровольной основе он получит от меня гораздо больше, чем выбивая мне зубы в подвалах Лубянки или шантажируя женой. Я мог бы ограничиться этой книгой, только тогда даже ваша судьба изменится мало. Хрущев почти наверняка уже конченный человек, но Берия принимал в вашей судьбе не меньшее участие, и арестовать его должны только в конце июня. А если не будет Хрущева, может не быть и ареста. Понимаете? Хрущева ваш отец сотрет в порошок, но Берию не тронет.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах, но ничего не могу обещать, отец с моим мнением мало считается.

— Ладно, — сказал Алексей, поднимаясь со скамейки. — Держите пакет. Поговорите с отцом, а потом мы встретимся, и вы скажете о результате. Если он решит воспользоваться моими знаниями, я готов ему служить. Только все материалы я отдам ему, а уж он пусть сам решает, кому можно доверить с ними работать. Говорю, чтобы у меня при обыске ничего не изъяли. Пусть проверяют, что я не несу оружие или взрывчатку, но потом все вернут обратно. Не стоит такое оставлять в посторонних руках даже ненадолго.

— И где же эта книга? — хмыкнул отец.

— Изъяла твоя охрана! — буркнул Василий. — Но я их предупредил, чтобы не лезли читать.

— Позови Алексея, — сказал отец.

Василий вышел и через пару минут вернулся вместе с Рыбиным.

— Не разворачивали? — спросил Сталин у телохранителя, кивнув на пакет в его руках. — Ну и правильно, давай его сюда. Оба свободны. А тебе — он посмотрел на сына — я позвоню.

— Продам двадцать монет, — отчитался Алексей. — Больше у них не было денег. Теперь нам нужно, пока еще гуляем на свободе, избавиться от лишних ценностей. Делать тайники в лесу под елкой не будем, а спрячем лишние драгоценности, золото и часть денег на чердаке какого-нибудь дома. И взять легче, и ничего не промокнет. А оружие я прятать не буду, все равно им никто, кроме меня, не сможет воспользоваться.

— А если отберут? — спросила Лида.

— Если со мной будут считаться, то вернут. А если нет, мне оно все равно уже не понадобится.

— Когда ты так говоришь, мне хочется плакать! — всхлипнула жена. — Когда пойдем к Василию?

— Я пойду, — поправил он, вытирая ей слезы платком. — Уже прошло три дня, поэтому Сталин наверняка успел оценить нашу книгу. Пообедаем и пойдем искать место для тайника. Если все успеем сделать до возвращения Василия, то сегодня и пойду. Тянуть — это только трепать себе нервы. А ты постоишь в сторонке и посмотришь. При любом исходе дела вернешься домой. От нас до дачи Сталина меньше пятнадцати километров, так что на

изображение коммуникаторов хватит. Лучше продемонстрировать вождю твое изображение, чем тебя саму, а дальше посмотрим.

С тайником управились быстро. В первом же осмотренном пятиэтажном доме люк на чердак был открыт, отсутствовали даже петли для замка. Разгрести насыпку и уложить в углубление купленную деревянную шкатулку было делом нескольких минут.

— Хорошо запомнила место? — спросил жену Алексей. — Тогда я все зарываю.

На лестничной площадке никого не было, поэтому они поспешно спустились с чердака и потом по лестнице к выходу из подъезда.

— Вроде не запачкались, — сказала Лида, осмотрев мужа. — Я как?

— Грязи не наблюдается, — ответил он. — Ключ не забыла? Если договорюсь, и тебя будут забирать, собери все вещи и выйди с ними в сквер. Ни к чему подставлять хозяев квартиры. И давай уже направимся к Василию, он где-то через час должен подъехать.

— Меня всю прямо колотит! — призналась жена полчаса спустя, когда Алексей поставил ее за местом парковки автомашин, а сам собрался встречать сына Сталина.

— Обещай, что если со мной все кончится плохо, ты не станешь делать глупостей, — попросил муж, прижав ее к себе. — Постарайся прожить жизнь счастливо!

— Иди, дурак! — ответила она. — Я тебе наобещаю! Только попробуй мне умереть! И позвони сразу, как только сможешь.

Алексей отстранился и пошел к подъезду дома. На душе было паршиво, как никогда. Вот надо ему было влюбиться? Насколько легче рисковать только собой! Василия пришлось ждать больше двадцати минут. Он, как и в прошлый раз, приехал на машине и сразу же направился к дому. Пройдя половину дорожки, увидел Алексея и ускорил шаг.

— Хорошо, что вы пришли! — сказал он, протягивая руку для пожатия. — Отец звонил и вчера, и сегодня. Сказал, что никто вас гнобить не собирается, если сами не дадите к тому поводов. Пойдемте в дом, мне будет нужно позвонить.

Василий не стал подниматься в свою квартиру, а позвонил со служебного телефона на первом этаже.

— Выходим и ждем машину, — сказал он Алексею. — Они приедут минут через двадцать.

Примерно через полчаса подъехал сто первый ЗИС, в котором находились два офицера ГБ.

— Михаил Старостин, — представился открывший дверцу подполковник. — Садитесь в машину. Оружие есть?

— Есть, — ответил Алексей. — Сдать?

— А вы как думали? — даже удивился вопросу Старостин. — Сдают все, исключений не предусмотрено. Товарищ генерал-лейтенант тоже сдает, несмотря на родственные связи.

— Держите, — протянул ему Василий свой ТТ.

— А это моя пушка, — сказал Алексей, передавая метатель рукояткой вперед. — Можете не соблюдать осторожность, в ваших руках все равно не выстрелит.

— Вы не шутите? — подполковник с изумлением осмотрел оружие. — У него в стволе нет даже отверстия!

— Вас как по отчеству? — спросил Алексей и, получив ответ, добавил. — Я не склонен к шуткам, особенно сейчас. Если хотите, Михаил Гаврилович, когда приедем на дачу, я вам покажу, как он работает. А сейчас, может, лучше поедем?

— Ладно, давай, Николай, — сказал Старостин сидевшему за водителя капитану. — Все

равно еще будет досмотр.

Первый раз их проверили, когда машина съехала с Можайского шоссе на дорогу, ведущую к даче Сталина. Увидев знакомых офицеров, машину сразу же пропустили, не спрашивая об остальных.

— Какой-то поверхностный осмотр, — высказался Алексей.

— Я старший сотрудник для поручений при Сталине, — сказал ему Старостин. — Раз кого-то везу, значит, имею право. Не беспокойтесь, это не последняя проверка.

Вторая проверка была у ворот на саму дачу, и здесь их тормознули, пока не вышел помощник коменданта Лозгачев.

— Петр, это тот самый человек, о котором шла речь, — пояснил ему Старостин.

— Оружие имеете? — спросил он Алексея.

— Сдал товарищу подполковнику, — ответил тот.

— Машину на территорию, — приказал Лозгачев. — А вас попрошу на досмотр.

Досмотр происходил не на самой даче, а в примыкающем к ней двухэтажном помещении охраны.

— Что имеется с собой? — спросил Алексея майор ГБ. — Выкладывайте все, что есть в карманах.

— Это что-то вроде микропленки, но разделенной на кадры, — пояснил Алексей, выкладывая пакет с микрофишами. — А это устройство для их просмотра. Вот так его можно разобрать на две части и осмотреть. Это оптика, аккумулятор с лампой и устройство управления. Собираю и показываю в работе. Только хочу предупредить, товарищ майор, что просматривать кадры вам или кому-либо еще категорически не рекомендуется, если не желаете продолжить службу за полярным кругом. Все привезено лично для товарища Сталина. И устройство для чтения постарайтесь не повредить, оно такое одно.

— Учтем, — ответил майор. — Все выложили? Тогда разведите руки, вас осмотрят.

— Что под мышкой? — спросил один из офицеров, быстро прощупавший одежду.

— Кобура, — ответил Алексей. — Пистолет у Старостина.

Все запасные обоймы он оставил жене.

— Снимите!

Пришлось снимать пиджак и освобождаться от ремней.

— Все чисто, — сделал заключение проверяющий, еще раз обшарив Алексея.

— Долго вы там? — заглянул в помещение Старостин. — О нем уже справлялись.

— Можно вести, — ответил майор.

— Товарищ подполковник, — обратился к нему Алексей. — Изъятые пленки и устройство для их просмотра предназначены для Иосифа Виссарионовича, и мой визит к нему без них не имеет смысла. Кроме того, никому другому пленки смотреть нельзя. Я уже предупредил товарища майора, но считаю нелишним сказать и вам. Поверьте, это очень серьезно. Принадлежность к ГБ еще не дает право на знание всех секретов государства.

— Да, мне говорили, — сказал Старостин. — Я их заберу сам. А вы идите за майором и строго следуйте всем его указаниям. Я сейчас тоже подойду.

Одним майором дело не ограничилось: на выходе из здания к ним пристроились еще два офицера. Все прошли через ворота на территорию дачи и дальше к отдельно стоявшему большому двухэтажному зданию с верандами. Возле входа стоял еще один офицер, который отступил в сторону, пропуская их через тамбур в просторную прихожую.

— Ждем здесь, — сказал майор Алексею. — Сейчас подойдет подполковник, он вами и

займется.

Старостин не заставил себя ждать и вошел следом за ними.

— Сейчас я о вас доложу, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, и, постучав, вошел в левую дверь.

Отсутствовал подполковник минуты три, после чего приоткрыл дверь и приказал Алексею зайти. Он зашел в просторную светлую комнату, в которой не было никакой другой мебели, кроме большого полированного стола, трех стульев и кожаного дивана. В одном из углов комнаты находился камин. Сам Сталин сидел за столом, на котором лежали отобранные у Алексея вещи, и с любопытством на него смотрел. Алексей в свою очередь рассматривал вождя, отметив его усталый и нездоровый вид. Уже не новый серый китель хорошо вписывался в спартанскую обстановку комнаты. Он знал, что у Сталина на даче был еще кабинет, но от этой комнаты он отличался только отсутствием камина и чехлом на диване.

— Ты сюда приехал играть в молчанку? — с едва уловимым акцентом спросил Сталин.

— Жду, когда хозяин разрешит говорить, — ответил Алексей.

— Хозяин разрешает, — заверил его Сталин. — Все, что говорил сыну, правда?

— Если он точно пересказал мои слова... Он ведь сильно волновался. Но, если хотите, я могу и повторить. Только не помешает ли нам товарищ подполковник?

— Хочешь остаться со мной наедине? — усмехнулся Сталин. — Ты еще пока такого доверия не заслужил.

— Иосиф Виссарионович, — упрямо сказал Алексей. — Лично я ничего не имею против товарища Старостина. Мне бы только хотелось знать, что из сказанного здесь станет известным его руководству?

— Ты так плохо относишься органам? — сказал Сталин. — Или испытываешь мое терпение?

— Ну как хотите! — не скрывая досады, сказал Алексей. — Мое дело предупредить. Я понимаю, что со многим из того, что я скажу и вам передам, будут ознакомлены отдельные руководящие работники. Со многим, но не со всем же! И решать, кому и что дать, должны вы, а не товарищ Старостин. У меня ведь много всего, и то, что вы получили от сына, это только десятая часть, если не меньше. И там много такого, что касается очень важных персон. А если вы опасаетесь меня, то товарищ подполковник вам от меня не защитник. Если бы я хотел причинить вам вред, меня бы и три таких подполковника не остановили. И за кобуру, Михаил Гаврилович можете не хвататься! Я сюда пришел помогать и делать дело, которое считаю для себя важнейшим в жизни, а не устраивать покушение.

— Поясни, — спокойно сказал Сталин.

— Я офицер Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Боевиков с такой подготовкой и в России было немного, у вас их нет совсем.

— А почему в России? — удивился Сталин.

— Потому что через сорок лет после моего рождения СССР развалили. Стал бы я идти сюда, рискуя жизнью, и что-то вам доказывать, если бы это не было так важно!

— Говори, что хотел, — сказал Сталин. — Михаил, спрячь ты свой пистолет! А ты не бойся: всем, что ты скажешь, буду распоряжаться я. Что там Василий говорил о ваших часах?

— Это не часы, а устройство связи. Здесь они работают не в полную силу, но с женой связаться могу. Я только хотел это сделать позже.

— Показывай сейчас. Больше будет веры твоим словам.

Алексей пожал плечами и включил коммуникатор.

— Ну что, тебя можно поздравить с генеральским чином? — пошутила жена, но по голосу было заметно, как она волнуется.

— Лида, перестань, — сказал он. — Я сейчас на даче и только начал беседу. Это Иосиф Виссарионович.

Он развернул коммуникатор так, чтобы жена могла видеть Сталина. Ее голограмма повернулась от него в сторону стола.

— Здравствуйте! — поздоровалась она. — Вы уже дали мужу свое согласие на то, чтобы я нарисовала ваш портрет?

— На эту, несомненно, важную тему мы с вашим мужем еще не говорили, — усмехнулся Сталин, с удивлением рассматривая парящую голову очаровательной женщины.

— С вашего позволения я эту демонстрацию прерву, — сказал Алексей, выключая свой коммуникатор. — Не знаю, на сколько хватит заряда батарей, а связь еще может понадобиться.

— Ты с собой принес только это, или есть еще что-то? — спросил Сталин.

— Есть еще оружие, которое я отдал подполковнику.

— Непонятная штукавина, — сказал Старостин, вытаскивая из кармана метатель. — Похожа на пистолет, но нет отверстия в стволе и не реагирует на нажатие курка.

Сталин с интересом осмотрел оружие, держа его стволом от себя, и вопросительно посмотрел на Алексея.

— Это оружие будущего, — пояснил тот. — Действует только в моих руках. Импульс магнитного поля со скоростью пули выбрасывает небольшие стальные иглы. Весь секрет в накопителе электрической энергии, который имеет чудовищную емкость. Заряда хватает на две тысячи выстрелов, а в обойме сто иголок. Может стрелять непрерывно. Часть игл смазывают парализующим или смертельным ядом.

— Сильное оружие! — уважительно сказал Сталин. — Мы можем сделать?

— Не прямо сейчас, но сможем. У меня есть много научных данных, которые позволят со временем делать электростанции, получающие энергию из воды и накопители электричества. Я их брал для электрических автомашин, но можно делать и оружие.

— А теперь давай рассказывай сам, а я буду задавать вопросы.

— Разрешите? — Алексей подошел к столу и взял в руки устройство чтения.

Он объяснил его назначение и показал, как использовать микрофиши.

— Удобнее, конечно, все распечатать, но это не с моими возможностями. В этом конверте книги о четырех Генеральных секретарях партии. Фактически это история развития СССР почти до конца века. В последней книге описано, как он развалился. Пятая книга посвящена извержению супервулкана, который положил конец прежней человеческой цивилизации. Еще несколько книг с описанием термоядерных реакторов, накопителей электричества и всего того, что необходимо знать для их создания. Кроме того, я сам знаю много такого, чего здесь нет. И по развитию России и всего мира, и в области научных открытий, и в военной технике. Конечно, далеко не все можно сделать прямо сейчас, и многое в мире изменится, если воспользоваться этими книгами, но я постараюсь изложить все свои знания для их использования в будущем.

— Мне не ясно, как можно попасть в прошлое? — сказал Сталин. — Объяснишь?

— Мне это самому неясно, — вздохнул Алексей. — Я должен родиться в сорок девятом

году, а в семьдесят восьмом непонятно как перенестись на восемьдесят лет вперед. Там узнаю, что девяносто процентов населения Земли погибло, а Россия — одна из немногих стран, сохранивших большинство жителей и промышленную мощь. Только в дни катастрофы правительство приняло слишком много эмигрантов из США и Западной Европы. По причинам, о которых долго рассказывать, будущего у той цивилизации не было. Когда я все это собрал — он показал рукой на микрофиши — меня с женой перебросили к вам.

— Так она не из твоего времени? — спросил Сталин.

— Нет, она из будущего. Влюбилась сама и влюбила меня, все бросила и ни о чем не жалеет.

— И что же она там бросила?

— Бросила отца и очень крупное состояние. Один из ученых в шутку высказался в том смысле, что меня использует бог, который хочет изменить будущее, но почему-то не делает этого сам, а прибегает к помощи людей. Я не верю в бога, но кто-то несомненно могучий в этом замешан.

— Об этом и многом другом мы еще поговорим, — сказал Сталин. — А теперь скажи, чего бы ты хотел?

— Нужно убрать Хрущева. Вы прочитали еще не всю книгу, и не все там для вас понятно...

— Ты считаешь меня недостаточно умным для своих книг? — прищурился Сталин.

— При чем здесь ум? — возразил Алексей. — Жизнь меняется, и чем дальше, тем больше. Появилось много новых понятий, о которых вы ничего не можете знать. А книги пишутся для современников, и никто никаких объяснений не приводит. Зачем они, если об этом и так все должны знать? Простой пример. Вы прочитали, что по инициативе Хрущева на Кубу завезли ядерные ракеты, чем вызвали Карибский кризис. И что вы из этого поняли? Почему именно на Кубу? Кто такой Фидель Кастро? Что такое ядерные ракеты и почему их туда повезли? Почему, наконец, на это так отреагировали американцы? Для моих современников все ясно и понятно, а до вас смысл написанного не дойдет, пока я не внесу свои пояснения.

— Я понял, что ты имел в виду, — кивнул Сталин. — Да, в конце того, что я прочел, были непонятные места.

— Я хотел сделать пометки на полях, но не успел, — объяснил Алексей, — точнее, поторопился из-за жены. Она из-за моего визита к вам вся на нервах, поэтому я не стал больше тянуть.

— Когда я спрашивал о твоих желаниях, я имел в виду не то, кого ты хотел убрать в ЦК, — усмехнулся Сталин. — Об этом я подумаю сам. Что ты хочешь сам для себя? Твоя жена что-то говорила о генеральских погонах?

— Не нужны они мне, — ответил Алексей. — У меня звание капитана, и вот-вот должны были дать майора, вот вы майора и дайте. Генералов мало и они на виду, а майоров, как собак нерезаных. Могу даже поработать в ведомстве Абакумова, если выведут из прямого подчинения. Не откажусь от квартиры.

— А где сейчас живешь?

— А где я могу жить? Сняли комнату. Не могу же я заявиться к родителям, если еще даже не родился!

— А жена?

— Жена оканчивала Промышленный Университет и по настоянию отца два года

проработала директором на одном из его предприятий. Получалось у нее прекрасно, только ей самой это ненужно. Она художник от бога, а отец рисовать запретил.

— Почему?

— Потому что в будущем этот вид искусства никому не будет нужен. Картины из музеев растянут чиновники, а новых художников просто прекратят обучать. Зачем они нужны, если есть фотография?

— Где сейчас твоя жена?

— Ждет, пока я не сообщу ей результатов своего визита.

— И что сделает, если вызова не будет? Почему ты молчишь?

— Потому что не знаю сам. Я постарался, чтобы у нее на первое время были деньги, но ей ничего не нужно...

— Кроме тебя, — закончил за него Сталин. — Успокойся сам и успокой ее. Ты мне нужен, и ты пришел сам. Никто не режет курицу, несущую золотые яйца. Генеральских погон у тебя не будет, но все остальное выполнить нетрудно. Сейчас вам найдут квартиру, и Михаил поможет перевезти туда твою жену. Он же поможет вам решить все бытовые вопросы. А с завтрашнего дня, пока тебя будут проводить по службе и оформлять вам документы, поживете у меня. Здесь пустоует много комнат, а мне постоянно будут нужны твои консультации. Михаил, займись его вопросами. Позвони в исполком Георгию Михайловичу, у них есть резерв по квартирам. Идите оба и занимайтесь делом.

— Ты меня ошарашил, капитан! — сказал Старостин, когда они вышли в прихожую.

— А почему не майор?

— Потому что, по твоим же словам, у тебя капитанское звание. Вот оформим тебя майором, будешь для меня майором. Пойдем, позвоню Попову насчет твоей квартиры, а заодно в наши кадры. Имей в виду, что руководство тобой все равно заинтересуется. На моей памяти он такое делает первый раз, обычно все идет через министра. Абакумов точно будет копать.

Они вместе с ожидавшей в прихожей охраной вернулись за территорию в то здание, где его обыскивали. Старостин усадил Алексея на стул и позвонил председателю исполкома.

— Георгий Михайлович, это не мне нужно, у меня квартира есть. Да, и чтобы непременно с телефоном и хоть какой-то мебелью. Хорошо, я передам, что все сделано. Ордер оформим потом задним числом, мне главное — это вселить людей! Записываю. А у кого будут ключи? Хорошо, спасибо!

— Морока с тобой, капитан! — недовольно сказал он Алексею. — Попробуй для тебя что-то сделать, если у тебя нет документов! Что ты мне показываешь свою липу, ее первая же проверка расколет. Потом, кстати, объяснишь ее происхождение. Диктуй ваши данные. Так, сейчас вызову машину и дам офицера, поедешь за женой, а потом заселяться. А я поеду в министерство. Такие вопросы, как ваш, по телефону не решаются. Сегодня я в лучшем случае пробью для вас нормальные паспорта, да и то завтра потребуются ваше присутствие. Фотографии успеешь сделать?

— А черт его знает, — ответил Алексей. — Если быстро переедем, должен успеть. Я же еще не знаю, куда нас поселят, а там придется искать фотографию.

— Ладно, постарайся успеть. Паспорт — это только первоочередное. Вот когда я из тебя начну лепить майора, будет весело. Надеюсь, что министру он все же позвонит сам.

Перед поездкой в город Алексей, как и договаривались, сделал звонок Лиде. Вышел в коридор и быстро сказал, чтобы выходила с вещами. Когда они через час подъехали к скверу,

жена уже сидела на лавочке, обложенная сумками. Увидев выпрыгнувшего из ЗИСа мужа, она вскочила с лавки и, растеряв сумки, бросилась к нему.

— Ну, солнышко! — успокаивал Алексей плачущую навзрыд жену. — Все закончилось хорошо, зачем плакать? Подожди, я покидаю сумки в автобус, а поговорим, когда поедем заселяться.

Он быстро все собрал и уложил в салон автобуса, а сам вместе с Лидой сел на задних сидениях, чтобы их разговор не слышал сопровождавший майор.

— Как все прошло? — спросила она. — Или еще ничего не все закончилось?

— Все заканчивается только со смертью, — сказал он. — Дали квартиру и должны присвоить майорское звание. Завтра у нас уже должны быть нормальные паспорта. А теперь слушай, что отмочил отец народов. Пока нам будут все готовить, он нас поселит у себя. Я ему объяснил, что уже через двадцать лет будет много такого, в чем сложно разобраться без моих консультаций, вот он и решил, что лучше, если я буду под рукой. Ну а ты идешь ко мне доvesком. Вот тебе, кстати, возможность, его нарисовать. Очаруй и сделай кучу набросков. А по ним уже нарисуешь картину.

— А как мы будем спать сегодня без мебели? У нас нет даже ничего постелить на пол.

— Сказали, что какая-то мебель будет.

— Ничего себе, какая-то! — удивленно сказала Лида, когда домоуправ открыла им квартиру. — Это все наше?

— Хозяев этой квартиры уже нет, — сказала домоуправ, отведя глаза, — а вещи остались.

Квартира была обставлена красивой, хоть и излишне громоздкой мебелью, отсутствовала лишь одежда прежних жильцов, да в спальне кто-то снял со стены ковер.

— Алексей Рыбин, — представился крепкий мужчина лет тридцати. — Я один из телохранителей Хозяина. Он поздно встает, поэтому вчера поручил мне вас устроить.

— Устраивайте, — улыбнулась ему Лида. — И куда?

— Есть комната для гостей на первом этаже, но она рядом с кабинетом, поэтому для вас остается второй этаж.

— Это значит, что нам не доверяют и не дадут тереться спинами с Хозяином, — объяснил жене Алексей, — а на второй этаж он за все пользование дачей поднимался считанное число раз. Гордись, жена, будем жить в тех комнатах, где ночевал Черчилль. Ему там, кстати, понравилось. Лифт работает?

— Здесь все работает, — неприязненно ответил его тезка, — но я думаю, вы обойдетесь без лифта. Сейчас я вас туда отведу, а потом посетите нашу кастеляншу и возьмете белье. У хозяина дачи свой график, поэтому вы будете пользоваться столовой раньше него. Здесь есть и библиотека. Пока у вас нет документов, по даче лучше не ходить, подышать воздухом можно и на верандах. По всем вопросам обращайтесь к коменданту или его заместителю. Старостин должен появиться к обеду. Вопросы есть? Если нет, прошу пройти за мной.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и осмотрели две большие комнаты, обставленные без особой роскоши. Вся мебель была прикрыта чехлами.

— Здесь уже убрали, — сказал Рыбин, — а чехлы снимите сами. Вот это выход на веранду. Свои вещи принесете сами. И еще, Хозяин вчера составил список вопросов, и вам будет нужно написать свои пояснения. Пойдемте сейчас вниз, я вам его отдам, а заодно отведу к Бутусовой за бельем.

— Не понимаю, что здесь могло понравиться Черчиллю, — сказал Алексей Лиде, когда они принесли вещи и выданное постельное белье и стали снимать все чехлы. — Надо будет вынести на веранду пару стульев, там действительно хорошо.

— Тебе долго возиться с этими вопросами?

— Минут за пятнадцать отвечу. А что ты хотела?

— Хотела с тобой поговорить. Как ты думаешь, здесь есть микрофоны?

— Думаю, что ничего такого здесь нет, — сказал Алексей, усаживаясь за стол писать ответы. — Эти комнаты делались для его дочери, а потом здесь останавливались слишком важные лица. Ни о чем секретном они бы здесь болтать не стали, а риск скандала большой. А сейчас пока помолчи, а лучше подыши на веранде свежим воздухом.

Он быстро и подробно ответил на все вопросы, после чего спустился на первый этаж и отдал свои записи телохранителю.

— Вы завтракали? — спросил Рыбин.

— Не получилось, — ответил Алексей. — За нами рано приехали и повезли заниматься паспортами, а потом сразу отправили сюда.

— Сейчас без десяти одиннадцать, — посмотрел на часы Рыбин. — Хозяин в это время встает, а завтракать будет позже. Берите жену и идите на кухню, должны успеть.

Алексей быстро поднялся к себе и вышел на веранду, куда Лида уже вынесла стулья.

— Потом будешь дышать свежим воздухом, — сказал он жене. — Нас хотят накормить, но поесть нужно быстро, чтобы не мешать Хозяину. Или ты не голодна?

— Издеваешься? В животе так урчит, что перед охранниками было стыдно. Где здесь

кормят?

Накормили их без изысков, но очень вкусно и вволю.

— Берите подносы и говорите, что будете есть, — сказала им одна из двух поварих. — Сами все отнесете в малую столовую, а потом принесете посуду. Матрена Петровна у нас подает только Хозяину, ну и если приедут из Кремля. И постарайтесь уложиться в двадцать минут.

В указанное время уложились впритык.

— Я здесь так вкусно еще не ела! — довольно сказала Лида, собирая посуду на свой поднос. — Вроде не намусорили. Допивай свой компот, пока нас отсюда не погнажи.

Они отнесли грязную посуду и на выходе из кухни столкнулись со Старостиним.

— Я смотрю, вы уже начинаете понемногу осваиваться, — сказал подполковник. — Жаль, что успели поесть, я хотел проверить твои вчерашние слова. Да и Сталин вчера об этом говорил.

— Я вам свои возможности могу продемонстрировать и с полным брюхом, — улыбнулся Алексей. — Долго заниматься, конечно, тяжело, но это много времени не займет.

— А мне можно посмотреть? — просительно сказала Лида. — Думаю, секрета в этом нет, а мне все равно пока нечем заняться.

— Тебе переодеваться нужно? — спросил подполковник, игнорируя просьбу Лиды.

— Да нет, сойдет и так, — ответил Алексей. — Золотко, поднимайся наверх. Дорогу сама найдешь? Вот и хорошо. А я сейчас покажу класс и вернусь.

— Мальчишка, — пробурчал Старостин. — И тебя еще оформляют майором! Двигай за мной, сейчас посмотрим, кто будет показывать класс.

Они вышли за ворота и по дорожке прошли в дом охраны. Там уже знали о предстоящем развлечении, и в дежурке собрались несколько свободных от дежурства офицеров.

— Спортзала у нас нет, — сказал всем Старостин, — поэтому пройдем в вашу комнату для отдыха, она достаточно просторная. Для проверки возьмем... Борисова, Козленко и Денисова. Остальные могут присутствовать, но у стенок. И чтобы никто не мешал!

Они вышли из дежурки и толпой прошли по коридору в комнату отдыха, где находились еще двое.

— Попробуй положить на лопатки кого-нибудь из них, — сказал подполковник, показав рукой на трех офицеров. — Языком-то все горазды болтать.

— Это слишком просто, — покачал головой Алексей, — и не покажет моих возможностей, а я вам хочу доказать, что ваше присутствие рядом с Хозяином для меня ничего не значит. Поэтому давайте я уложу сразу троих. Разрядите свои пистолеты, чтобы кто-нибудь случайно не пострадал. Можете даже расстегнуть кобуры или засунуть свои пушки за пояс. И станьте вокруг меня на расстоянии трех-четырех шагов. Да, примерно так. Все готовы? Тогда начнем!

Здесь собрались неплохие бойцы, и все они внимательно следили за новичком, полагая, что у его наглости должны быть основания, поэтому они увидели, что он сделал, вот только проделано все было так быстро и четко, что никто не успел отреагировать. Окруженный тремя офицерами парень вдруг прыгнул назад, сбив с ног одного из противников. Потом подхватил упавшего и бросил его на стоявшего слева офицера. Поднялся он уже с пистолетом в руке, который был направлен в лоб последнему офицеру, еще только выхватившему из кобуры пистолет, но не успевшему прицелиться.

— Пух! — громко сказал он, имитируя выстрел. — Ну остальных можно было тоже застрелить или утихомирить десятком других способов. И учтите, что я плотно поел, давно не тренировался и был ограничен в действиях, иначе я бы вообще не стрелял, а, например, засветил ему в лоб пистолетом. Шуму было бы гораздо меньше. Достаточно, или хотите еще?

Они захотели еще, и Алексей с полчаса демонстрировал разные приемы и стили боя.

— Пожалуй, хватит, — сказал наконец Старостин. — Беру свои слова назад. Ладно, Хозяину я обо всем доложу, а к тебе будет просьба заняться с ребятами. Для начала хотя бы с теми, кто изъявит желание.

— Я не против, — ответил Алексей, — но нужны маты, иначе они все будут ходить в синяках. И от эпизодических занятий будет мало пользы, заниматься нужно без дураков. Знаете, как меня гоняли?

— Это понятно, — согласился Старостин. — Условия я вам обеспечу. Кстати, как у тебя стрелковая подготовка?

— Очень хорошая. Проверите, когда будет возможность.

Алексей попрощался с офицерами, большинство которых теперь относилось к нему подчеркнуто уважительно, и в сопровождении Старостина вернулся на дачу. Подполковник пошел докладывать Сталину о результатах проверки, а он поднялся на второй этаж.

— Зацепили? — спросила жена, имея в виду ссадину возле брови.

— А, ерунда, — отмахнулся он. — На лицах проверявших таких отметин... в общем много.

— И что сделает Сталин?

— А что он может сделать? — пожал плечами муж. — Не поставишь же рядом со мной при каждой беседе несколько охранников, держащих пальцы на курках. Скорее всего, при наших с ним разговорах теперь не будет посторонних. Альтернатива — это только гнать меня с дачи и передавать свои вопросы через третьих лиц. Ну или забить сапогами в подвалах Лубянки.

— И надо тебе было выделяться?

— Надо, малыш, — он подошел к сидевшей на кровати жене и сел рядом. — Или он мне доверяет, или нет. А без его доверия я ничего сделать не смогу, я даже вряд ли уцелею. Поэтому риск оправдан. Думаю, он меня скоро к себе вызовет.

Вызов состоялся около пяти вечера. За Алексеем пришел Старостин и отвел его к Хозяину на этот раз в кабинет.

— Ну и что мне теперь с тобой делать, капитан? — спросил Сталин, после того как кивком ответил на приветствие.

— Вы меня понизили в звании? — спросил Алексей и, видя, что собеседник не расположен шутить, продолжил: — а что, собственно, произошло? Я доказал, что мог бы принести вам вред, но не собираюсь этого делать. Я сюда пришел сам и целиком и полностью от вас завишу. Какой мне в таком случае смысл вам вредить? Это если не учесть того, что только вы можете изменить будущее в лучшую сторону, а ведь именно для этого я здесь! Я за вас сам кого угодно в клочки порву! И ваше доверие для меня жизненно необходимо, иначе в моем пребывании на этой даче нет смысла.

— Доверие, говоришь! — Сталин взял со стола курительную трубку, повертел ее в руках и положил обратно. — Выйди, Михаил.

Несколько минут после того, как за подполковником закрылась дверь, он молчал, сверля Алексея неприятным взглядом, потом спросил:

— Что там было по моей смерти? Есть что-нибудь в словах сына? Если хочешь доверия, должен говорить мне только правду! За правду, сказанную здесь, тебя никто не накажет.

— Я точно не знаю, — осторожно начал Алексей, подбирая слова. — В своем времени я неоднократно слышал о версии отравления, но толком ничего не читал. Да и не интересовался, по правде сказать. А в будущем я подбирал материалы, начиная с Хрущева, да и то делал это больше, так, на всякий случай, или потому что меня к этому подталкивали. Но историк, который мне все это давал, принес еще несколько книг. Он словно предвидел, что это может быть важно. А, может быть, его, как и меня, подталкивали и направляли. Но я их фотографировать не отдал.

— И что в них было написано? — подался вперед Сталин.

— Двадцать восьмого февраля вы, по словам Хрущева, были в Кремле и предложили ему, Молотову, Булганину и Берии посмотреть кинофильм, а после повезли на пир на эту дачу. Уехали они от вас уже под утро, причем он отмечал, что вы были веселы и прекрасно себя чувствовали. Позже выяснилось, что вы с семнадцатого февраля в Кремле не появлялись, но вот на дачу к вам эта компания ездила именно в указанном им составе. И показания охраны по времени не стыкуются с его рассказом. А на следующее утро первого марта вы долго не выходили. Обеспокоенный Лозгачев направился выяснить, в чем дело, и нашел вас лежащим на полу в малой столовой. Там же валялся стакан, из которого вы пили минералку. Речью вы не владели, двигаться тоже не могли. Вас положили на кушетку и попытались дозвониться до Берии, но долго не могли его найти. Дальше было написано, что руководство тянуло время, и врачей к вам допустили только через сутки, когда уже поздно было что-то сделать. Скончались вы пятого марта. Странностей много. Одной из них было то, что прикрепленный к вам полковник ГБ Хрусталева передал охране дачи ваш приказ, что они вам якобы сегодня больше не нужны и могут идти отдыхать. Как выяснилось позже, Хрусталева оказался человеком Берии. После вашей смерти Берия откровенно ликовал, и не зря. В этот же день состоялось совместное заседание Пленума ЦК партии, Совета Министров и Президиума Верховного Совета, где были утверждены назначения на высшие посты партии и правительства, и по предварительной договоренности с Хрущевым, Маленковым, Молотовым и Булганиным Берия был назначен первым заместителем Председателя Совета министров СССР и министром внутренних дел.

— Это все?

— Есть еще несколько деталей, которые указывают на заговор. Несчастье произошло в ночь с субботы на воскресенье, что тоже сказалось, так как нужных людей приходилось долго искать, а все ваши лечащие врачи были арестованы. Вскоре были сфабрикованы слухи о вашей долгой и тяжелой болезни. В данных ваших обследований, которые всплыли гораздо позже, на эти болезни нет даже намека. И были свидетельства вашего сильного недовольства Лаврентием Павловичем, а он хорошо помнил, чем такое недовольство закончилось для его предшественников. И последнее, что могу добавить. Похоже, что начали вычищать верных вам людей. В пятьдесят втором году был снят с должности бывший начальник вашей охраны, а затем начальник охраны правительства генерал-лейтенант Власик, заменены и другие должностные лица. На пост коменданта Кремля вы назначили одного из своих телохранителей — генерал-майора Косынкина. Так вот, молодой мужчина генерал-майор Косынкин «безвременно умер» семнадцатого февраля. С этого дня вы больше не ездили в Кремль и все время находились на даче.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И ты молчал!

— Это только подозрения, а доказательств у меня нет. Даже то, что я вам рассказал, не все можно считать достоверным. О Хрусталева вспоминала ваша дочь, а она не любила Берию и могла солгать. Кое-кто утверждает, что он предпринимал попытки провести расследования. Вот вина Хрущева у меня не вызывает сомнений. Была запись о том, что он даже сам этим хвастался, правда, за рубежом. А вы мне и так не сильно верили, и если бы я еще сходу начал порочить ваше окружение... И мы вообще встречаемся только второй раз.

— Сын действительно вел себя так глупо?

— Не то слово. Он им просто не оставил никакого выхода. Скорее всего, его просто убрали бы в какую-нибудь дыру и присматривали, чтобы он не слишком распускал язык. Но Василий угрожал обратиться к иностранной прессе, бросился в китайское посольство...

— Ну и что мне с ним делать? — неожиданно спросил Сталин. — Взрослый человек, генерал-лейтенант, а ведет себя как мальчишка. Сколько ни наказываю, все без толку. Я ведь все равно умру, пусть и позже, и что тогда будет с детьми? Что было с дочерью?

— Она эмигрировала в Штаты, потом вернулась в СССР, но не нашла общего языка с детьми и опять уехала в Америку. Очень неплохо жила на доходы от выпущенных книг и любила путешествовать. Пять браков и несколько детей от разных мужей. Подробностей я не запомнил. Умерла в возрасте восьмидесяти пяти лет. Она себе жизнь выбрала сама, на нее даже наши власти не давили. А Василий избалован своим положением и вниманием окружающих. Он бы и так ничем хорошим не кончил. Были некрасивые истории с женщинами, частые гулянки. В пятьдесят втором он пришел на правительственный прием пьяный и сцепился с главкомом ВВС. Вы его выгнали из зала, а потом его сняли с должности. В августе его зачислили в Военную академию Генерального штаба, но на занятия он не ходил. Но о вашем сыне писали не одно плохое. Хороший летчик и командир, много делавший для своих подчиненных, способствовал развитию армейского спорта. Что-то было еще, но я не помню. Я бы подвел к нему хорошего человека, с которым он мог сдружиться. Главное его чем-то занять и отвлечь от выпивки. Не нужно на меня так смотреть, я говорю не о себе. Майор ГБ и генерал-лейтенант ВВС никак не сочетаются. Вы же знаете, как армейцы смотрят на наши погоны! А меня он вообще боится.

— Ладно, — сказал Сталин, тяжело поднимаясь из-за стола. — Ты мне сегодня больше не нужен, иди отдыхать. А мне нужно подумать.

В коридоре Алексей увидел Старостина с Рыбиным, которые уставились на него с плохо скрываемой тревогой.

— Да успокойтесь вы, Михаил Гаврилович! — сказал он подполковнику. — Что вы, в самом деле, как дети малые! Еще Алексею простительно: он ничего не знает. Прекрасно же понимаете, что мне он нужен живым и здоровым еще больше, чем вам.

— Что сказал? — спросил Старостин.

— Сказал, что я ему сегодня не нужен, будет думать. О вас разговора не было. Постучите и проверьте мои слова, а то ведь не заснете. А я, как и приказано, пойду отдыхать. Да, вы так и не сказали, скоро ли будем обмывать мои звезды?

— У тебя деньги-то есть? — непонятно к чему спросил Старостин.

— На водку, что ли? — не понял Алексей.

— На водку тоже. Но я имел в виду пошив формы. Можешь, конечно, носить ту, которую выдадут, но большинство старших офицеров шьет на заказ.

— Найду я деньги.

— Тогда я завтра или послезавтра организую тебе поездку в ателье. Заодно можно съездить в министерство. Абакумов подписал приказ, но выразил желание с тобой познакомиться. Можно и проигнорировать, но я бы не советовал. Поэтому завтра я дам тебе твою новую биографию. Заучишь наизусть и отдашь учить жене. А в министерстве все должны сделать дня за три. Ладно, иди отдыхать, а я все-таки зайду.

Заходить в кабинет ему не пришлось: Сталин вышел сам.

— Вы еще долго будете мне мешать? — спросил он у Старостина. — В этом доме мало комнат? Его я отпустил, и ты мне сейчас тоже не нужен, хватит одного Алексея.

— Ну и о чем вы так долго беседовали? — спросила жена, когда Алексей вышел на веранду, где она составила два стула и уселась на них, вытянув ноги. — Или это секрет?

— У нас с тобой сейчас вся жизнь будет секретом, — вздохнул он. — Хозяина интересовало, кто его убьет.

— Разве его убьют? — удивилась Лида. — Я читала, что у него был инсульт.

— Это официальная версия, — пояснил Алексей. — Для своего возраста Сталин был очень здоровым человеком. Судя по всему, ему отравили его минералку, а потом сделали все, чтобы медики прибыли как можно позже. То для лечения какой-то ангины их набежала целая толпа, а как прижало, сутки не подходил ни один врач. И вообще вокруг его смерти было слишком много лжи и подозрительных совпадений. Я где-то читал, что Сталин хотел провести очередную чистку, на этот раз теперешней верхушки, и начать ее с Берии. Вот они и засуетились. Я ему рассказал все, что запомнил. Похоже, он ждал чего-то такого, потому что сразу мне поверил.

— Значит, ты своего добился, — сделала вывод Лида, — и даже врать не пришлось.

— Убрать мерзавцев — это только полдела, — возразил Алексей. — Свято место пусто не бывает. Кто-то придет им на смену! Желающие встать у руля всегда найдутся, лишь бы после этого не затонул корабль. Убедить Сталина расправиться с врагами несложно: для него это теперь вопрос жизни и смерти. Выбрать тех, на кого нужно опереться, гораздо сложнее. Я ведь еще сам не до конца уверен в правильности своего выбора. Одно дело читать статьи о людях, совсем другое — отдавать в их руки судьбу страны, не зная никого из них лично. Как себя поведут Вознесенский с Кузнецовым, получив всю полноту власти? Единственное, в чем можно быть уверенным, это в более деловом и профессиональном управлении. Кроме того, не все определяется первыми людьми. Руководят-то они, опираясь на партийный аппарат. И в той реальности, которую мы собрались менять, Маленков потерпел поражение из-за шкурных интересов этого аппарата. Ведь и Сталин не всесилен, и очень часто ему приходилось отступать перед верхушкой партии, иной раз жертвуя своим авторитетом и сторонниками. Знаешь, что вызвало самые массовые репрессии в тридцать седьмом и тридцать восьмом годах?

— Откуда мне знать, говори уж, если начал.

— В тридцать шестом году приняли новую конституцию, которую называли сталинской. Она устраняла политическое неравенство между рабочими и крестьянами и наделяла все население страны равными избирательными правами. Гражданам разрешалось создавать общественные организации, а КПСС была лишь одной из них. Впервые вводились тайные и альтернативные выборы. На одно место должно было быть не меньше двух-трех кандидатов. Это и привело к массовым репрессиям.

— Извини, но я что-то не поняла, — сказала Лида. — Поясни.

— Сразу после пленума, который поддержал новый избирательный закон с

альтернативными кандидатами, в Москву посыпались шифрованные телеграммы. Секретари обкомов и крайкомов запрашивали так называемые лимиты. Количество тех, кого им можно арестовать и расстрелять или отправить в места заключения. Мотивировали вскрытыми заговорами, которые не позволяют проводить альтернативные выборы. На Сталина оказали сильное давление, и он вынужден был уступить. Такого авторитета, как сейчас, у него в то время не было, а вот прегрешений с точки зрения партийного руководства было достаточно. На время контроль над Ежовым ослаб со всеми вытекающими последствиями.

— Все равно не поняла, для чего им это понадобилось!

— Большинство партийных руководителей были людьми малограмотными, а результаты их работы оставляли желать лучшего. Отсюда нелюбовь к интеллигенции, которая выражала неудовольствие таким управлением, и боязнь альтернативных кандидатов. Сталин, конечно, виноват, но главный виновник — это все-таки партийный аппарат.

— И что ты тогда построишь с этими людьми? Верхушка партии — это и есть партия! Рядовые члены мало что решают, особенно в таких партиях, как здесь. И наверняка все те, кто просил эти лимиты, до сих пор управляют государством!

— Не все, но многие, — согласился Алексей. — Для меня важны не столько они, сколько сама идеология. Несмотря на ужасное качество человеческого материала, она доказала свою жизненность. И если сейчас избавиться от тех, кто гириями висят на ногах, а в будущем приведут к развалу... Пойми, что любая общественная система несовершенна. Она зарождается и начинает развиваться или гибнет. Капитализм обеспечил комфортное и спокойное проживание большинству населения развитых стран, но ведь им это благополучие с неба не упало! Сколько пришлось работать, чтобы все это создать, сколько пришлось драться и пролить кровь, чтобы заставить свою элиту поделиться с остальными! Демократия просто так никому не дается, ее нужно выстрадать, и с ней нужно научиться жить! А если получишь ее на халяву, то все равно скатишься или к анархии, или к диктатуре. И замаскированная диктатура, например, как у вас, ничем не лучше открытой.

— Ладно, давай на этом закончим. Я, пока с тобой не связалась, никогда в своей жизни столько не болтала, разве когда была маленькой. В котором часу у них здесь ужин?

— Ты знаешь, забыл спросить, — Алексей обнял жену и прижал к себе. — Уже проголодалась? Надо будет с тобой заняться спортом, а то ты от такой жизни растолстеешь.

— Это я с радостью, — засмеялась Лида. — Сейчас разберу кровать и займемся!

— Займемся, но позже. А ужинать еще рано, да и у Сталина сейчас должен быть обед.

— Слушай, а почему у него все так поздно? Встает и завтракает, когда уже пора обедать.

— А он очень поздно ложится. Если бы ты засыпала в три ночи, вставала бы тоже в одиннадцать. У них сейчас у всего руководства рабочий день черт-те во сколько заканчивается. Лида, Старостин обещал организовать поездку в ателье. Нужно заказать пару комплектов формы, вот я и подумал, может быть, и тебе что-нибудь закажем?

— Давай закажем брючный костюм? — загорелась жена. — Не везде и не всегда удобно ходить в платьях. И я уже соскучилась по штанам.

— Хочешь попасть в законодательницы моды? — засмеялся Алексей. — Где ты здесь видела женщин в брюках? Даже военные носят юбки. Мода на брючные костюмы появится в лучшем случае через десять лет и не у нас. Я хотел предложить сшить что-то вроде женской офицерской формы. Хозяин у нас аскет: должен оценить. Заодно нужно будет купить тебе все для рисования. От идеи с портретом еще не отказалась? Вот и нарисуй для тренировки портрет родного мужа. И тебе занятие, и Сталину будет что предъявить. Конечно, если ты не

разучилась рисовать. И завтра же нам дадут изучать биографию. Интересно, что там для нас сочинили.

Биографию привезли на дачу в первой половине дня и сразу отдали Алексею под роспись.

— Потом обязательно вернете подполковнику Старостину, — предупредил его привезший пакет капитан.

— Ну и кто же мы такие? — с любопытством спросила жена, когда он прочитал две страницы биографии.

— Теперь ты сибирячка, — ответил он, — как и я, причем круглая сирота. На, читай. Все составлено так, чтобы желающему что-то проверить пришлось потрудиться. Поскольку это сочиняли родные органы, проверять, понятно, никто не будет. Сделано для того, чтобы было меньше вопросов у посторонних. Учи, а потом я еще пару раз прочту.

До обеда их никто не беспокоил, а к двум часам подошел Старостин.

— Изучили? — кивнул он на лежавшие на столе распечатки. — Тогда я забираю.

— Я бы и сам принес, — сказал Алексей. — Стоило вам подниматься.

— Я пришел не из-за бумаг, — сказал подполковник. — Примерно через час будет машина с сопровождающим, поедешь в ателье. В министерство съездим завтра, сегодня министра там не будет.

— Я хотел взять жену. Там на женщин шьют? Послушайте, подполковник! Не нужно на меня так смотреть: не собираемся мы делать ноги! Можете к одному сопровождающему добавить еще грузовик солдат и сами составить нам компанию!

— Он всегда такой нервный? — спросил Старостин у Лиды.

— Вообще-то, он очень спокойный, — ответила она. — За все время нашего знакомства злился всего несколько раз. А здесь он больше волнуется из-за меня. И вы тоже хороши, Михаил Гаврилович. Если Алексею доверился сам Сталин, то уж вам и подавно нечего проявлять недоверие на каждом шагу. Вот вы бы на его месте сейчас сбежали?

— Мне и на своем месте неплохо, — сказал он Лиде. — Во всяком случае, было неплохо до вашего появления. Я не верю тому, что вы сейчас сбежите, но должен учитывать и такой вариант. Это гимнастерок у меня много, а шкура одна. Ладно, езжайте вдвоем, но еще одного человека я с вами все-таки отправлю.

Оба приставленных офицера ГБ за всю дорогу до ателье и обратно не произнесли ни одного слова. Лишь в самом ателье приехавший с машиной капитан подтвердил заказ Алексея. Его быстро измерили и сказали, что через день все будет готово. С Лидой провозились дольше. Ее заказ на женскую офицерскую форму вопросов не вызвал, а вот требование пошить брючный костюм вызвало удивление мастера, который их обслуживал. Жене пришлось ему еще минут десять объяснять что и как должно быть пошито. На обратном пути заехали в несколько магазинов купить краски и все остальное, что нужно для рисования.

— Надо еще заехать за водкой и можно будет возвращаться, — сказал шоферу Алексей.

— Если она вам нужна для звездочек, то никуда заезжать не нужно, — сказал ему один из офицеров. — Вам все выдадут из запасов кухни.

— Что это? — удивленно спросил майор на вахте, когда ему предъявили к проверке несколько сумок со всякой всячиной для рисования, холсты в подрамниках и мольберт.

— Я художник, — сказала ему Лида. — А все это мне нужно для работы. Думаю написать портрет Хозяина.

После этого заявления офицеры бегом осмотрели содержимое сумок и все загрузили обратно в салон, обращаясь к Лиде подчеркнуто уважительно.

— Зря раньше времени раскатала губу, — сказал жене Алексей, затаскивая покупки наверх. — Сталин не любит позировать даже фотографам, а ты для него пока даже не художник, а только моя жена. Жаль, что не подумали сделать фотографию того портрета.

— Это ты не подумал, — довольно сказала жена, — а я подумала и сделала и заодно взяла с собой несколько семейных фотографий. Я к словам Валентина отнеслась серьезнее, чем ты, и оказалась права. Мне кажется, что его догадка о вмешательстве бога это совсем не ерунда, как ты думаешь. Все, о чем он говорил, произошло на самом деле. Может быть, это не тот бог, которому молятся в церкви, но явно какое-то высшее существо, если для него не писаны законы природы.

— Если не тот, тогда пусть будет бог, — согласился муж. — Для нас с тобой никакой разницы нет, естественная у него сущность или сверхъестественная. Дай мне фотографию портрета матери. Покажу Сталину, возможно, он тебе разрешит сделать наброски. Рисовать потом в любом случае придется по ним и по памяти.

— Можно подумать, что мне мама позировала три месяца! — ответила Лида. — Главное — это уловить характер и суть человека. Возьми фотографию, но никому не отдавай, она у меня одна. Открой, стучат.

Стучал Рыбин.

— Алексей, — сказал он, зайдя в комнату. — Возьми список вопросов. Мне приказано передать, что к Хозяину скоро приедут гости. Это несколько высших руководителей, которые будут здесь обедать. Такие визиты здесь не редкость, редкость — гости вроде вас. Поэтому для вас какого-то особого порядка поведения не предусмотрено. Но Хозяин не хочет, чтобы вас сейчас видели, поэтому вам сегодня лучше из комнат не выходить. Ужин, если они к его времени не уедут, вам принесет кто-нибудь из нас. Свои ответы тоже отдашь завтра. Что-нибудь от нас нужно?

— Нет, Леша, спасибо, — сказала ему Лида. — Если не дадите умереть голодной смертью, то мы отсюда не выйдем.

— И постарайтесь сегодня не выходить на веранду и открывать окна так, чтобы это было незаметно со двора. Эти люди хорошо знают, что комнаты второго этажа не используются, не стоит вам обращать на себя внимание.

— Хорошо, что здесь есть санузел, — пошутила Лида, когда телохранитель вышел. — Можем отсидеться, не испытывая неудобств.

— В охране наверняка есть люди, которые обо всем докладывают наверх, — сказал Алексей. — О нас знают в министерстве, поэтому узнает и Берия. И не один он такой умный, у других тоже должны быть информаторы. И включение меня в штат министерства и охраны Сталина уже ничего не изменит. У того же Берии возникнет вопрос, с чего такая честь какому-то майору, которого Хозяин поселил в лучших комнатах дачи, да еще не одного, а вместе с женой. И он легко сможет узнать в министерстве, по чьему указанию у них появился еще один майор. И как после этого жить в нашей квартире, особенно тебе? Боюсь, что, пока Сталин с ними не разберется, мы здесь застрянем. Или он нас переведет в помещение охраны, хотя, судя по ее численности, свободных помещений там нет.

— А он точно будет с ними разбираться? — спросила жена. — С Берией, наверное, разберется, а вот с остальными?

— Когда имеешь дело с Иосифом Виссарионовичем, предсказывать его действия —

неблагодарное занятие. Лишь бы не попытался их сравнить. Раньше он так частенько поступал, и всегда срабатывало, а сейчас может не сработать. Они его все слишком сильно боятся и слишком хорошо изучили. С большинством из них нужно расправляться сразу, и все делать быстро. Причем аппарат МГБ не используешь, только своих людей. А много их у него? И сделать нужно так, чтобы со Сталиным не связали. Народ такой падеж руководства переживет, многие, наоборот, будут радоваться, а вот партийная верхушка будет в панике. У каждого из лидеров повсюду свои люди, сложились определенные отношения и связи. И все это враз рухнет. А у нас еще в традициях, что падение лидера тянет за собой чистку большей части его сторонников. И сейчас нужно будет действовать по такой же схеме и при этом не навредить управлению государством. Одна надежда на ум, опыт и изворотливость Сталина и еще на веру в него народа. Это десять лет назад партийные консерваторы могли его обвинить в отходе от канонов и снять, сейчас у них это не выйдет. И от культа личности может быть и польза.

— Ладно, давай отдохнем от политики, — предложила Лида. — Все равно решать это будем не мы. Переодевайся и будешь мне позировать, а я сделаю несколько набросков.

— А почему не сразу на холсте?

— Потому что мне его еще долго готовить. Ты лучше со мной не спорь, а то нарисую тебя злым и некрасивым! Готов? Голову немного поверни... Все, вот так и сиди, только смотри на меня так, как смотришь, когда я просыпаюсь.

— Ну что, что-нибудь получается? — спросил Алексей, которому надоело позировать.

— Уже устал? — спросила жена. — Можешь отдохнуть, но ко мне пока не заглядывай. Слышишь, приехали машины? Это, наверное, гости. Не хочешь посмотреть в окно? Отсюда должно быть видно, а они тебя, если не высовываться, не заметят.

— Что на них смотреть! — ответил он. — Их всех быстрее нужно убирать. Хорошо, что Сталин мне поверил, и не пришлось врать. Был заговор или его не было, но я все равно постарался бы подвести его к этой мысли.

— Давай больше не будем о них говорить? — попросила Лида. — В самом деле, сколько можно! Мне того, что я прочитала в книгах и слышала от тебя, через край! Я как представлю всю эту огромную пирамиду полуграмотных партийных чиновников, озабоченных только личным благополучием и готовых из-за него лить кровь...

— Да бог с тобой, малыш! Откуда ты это взяла? Если бы все было так, как ты сказала, проще было бы пойти и повеситься! Какие тогда, к черту, реформы! В партии очень много порядочных людей, в том числе и на руководящих должностях. Конечно, они не ангелы, но и не дерьмо. Дерьмо по известному правилу всплывает на самый верх. Я не знаю, сколько сейчас членов в ЦК, но вряд ли больше сотни. И основная борьба после ликвидации верхушки разгорится там! Если удастся взять под контроль ЦК, никто из остальных не пикнет! Можно заблокировать созыв съезда и постепенно разбираться со всеми секретарями обкомов и крайкомов, часть из которых заседает в том же Центральном Комитете.

— Все, я неправа и молчу. Тебе видней, но давай на этом закончим. Ты вроде завтра должен был поехать в министерство?

— Поеду, если Старостин ничего не переиграет.

— Меня твоя поездка немного волнует. Ты что-нибудь знаешь о министре?

— Об Абакумове? Мы о нем кое-что проходили в училище. Он во время войны возглавлял «СМЕРШ». Это военная контрразведка. В министерстве государственной безопасности практиковал пытки, а потом его самого арестовали, но сколько ни допрашивали, никакого признания не выбили. Это все, что о нем вспоминается.

— И о чем, как думаешь, будет разговор?

— А тут и думать нечего, ясно, что он попытается выяснить, кто я такой и откуда взялся. И я его могу понять. Даже то, что приказ о моем назначении отдал Сталин, ему мало поможет, если с вождем по моей вине что-нибудь случится. Тут есть еще одна тонкость: приказ был передан через Старостина и продублирован лично Сталиным по телефону. Ни одной бумаги не осталось, все было только на словах. И формально он мог не подчиниться.

— Что будешь отвечать?

— Я хочу попросить Сталина написать ему записку и датировать ее двумя днями раньше. Пусть продублирует свою просьбу и как-нибудь обоснует свой запрет на мою болтовню. Ему это сделать нетрудно, а у министра появляется соломка, подстелить под задницу. Он и на меня в этом случае сильно давить не станет. Мало ли какие были резоны у Сталина. Если эти нахлебники долго не задержатся, сегодня же скажу Старостину.

«Нахлебники» уехали в девять вечера. Самохины поужинали и сидели на веранде, не включая света, который от ворот легко было заметить даже со шторами, когда слышались голоса, смех и шум моторов нескольких машин.

— Пойдешь? — спросила Лида. — Не поздно?

— Для него это не время, — ответил Алексей, поднимаясь с кресла, — а вот Старостин может уйти. Уже уехали, так что можешь включать свет.

Он вышел из гостиной и спустился по лестнице в коридор.

— А я к тебе, — сказал ему вышедший в коридор Старостин. — Он тебя хочет видеть.

— Это кстати, — сказал Алексей, — а то я уже хотел по одному вопросу обратиться к вам. Теперь скажу сам. Кто дежурит?

— Григорий Пушкарев. Вы с ним не встречались, так что я тебя провожу. Пойдем, хозяин не в кабинете, а в рабочей комнате.

Пушкарев — высокий, широкоплечий парень — дежурил в прихожей.

— Никуда не вышел? — спросил Старостин о Сталине. — Тогда заходим.

Сталин сидел за столом и что-то писал.

— Присядьте, — кивнул он на стулья. — Сейчас закончу.

Дописав, он сложил лист бумаги вдвое и вложил его в конверт.

— Оформи и отправь Поскребышеву, — сказал он Старостину, положив конверт на стол. — Теперь с тобой. Просьбы ко мне есть?

— Есть, Иосиф Виссарионович, — ответил Алексей. — Мы с Михаилом Гавриловичем хотим завтра посетить Абакумова. Его заинтересовал такой мутный тип, как я. Мало того что я оказался в опасной близости от вас, так его еще просят присвоить мне звание старшего офицера ГБ. Я и подумал, что неплохо было бы успокоить его вашей запиской. Все-таки хоть какой-то документ. Телефонный звонок к делу не подошьешь. Заодно бы там приписать, что вы запрещаете мне о себе распространяться. Наверняка ведь он попытался навести обо мне справки, получил в результате дырку от бублика и теперь будет пытаться на меня давить. И о моей жене он уже знает и гадает, с чего это ей такая честь.

— Что-то уже придумал? — спросил Сталин.

— Лида хороший художник. Она нарисовала мать еще девчонкой. Вот фотография портрета.

— Работа мастера, — оценил Сталин, возвращая фото. — Что, хочет нарисовать меня?

— Я знаю, что вы не любите позировать, — сказал Алексей, — но это не потребует много времени. Она лишь сделает эскизы, а потом будет работать по ним. И это не к спеху, сейчас она взялась за мой портрет. Нужно вспомнить технику и потренироваться. А для Абакумова хоть хилое, но объяснение.

— Это не объяснение, а так... — Сталин недовольно нахмурился, достал и раскурил трубку. — О вас скоро многие узнают, поэтому нужно будет придумать что-нибудь получше. А пока пусть будет портрет. И вот еще что. Твое устройство для чтения пленок не слишком удобно, да и глаза от него устают. Мне сделают все книги, а тебе нужно будет написать свои объяснения, не дожидаясь, пока у меня появятся вопросы. Я эти книги не один буду читать. Задача ясна? Тогда и вы ко мне не будете так привязаны. Завтра к вечеру ко мне должен будет подъехать один человек. Я вас хочу познакомить. А с Абакумовым будь осторожен. Когда оформят все документы?

— Завтра заберем форму, а послезавтра — документы, — ответил Старостин. — Это если ничего не помешает. Послезавтра же включим в работу. Думаю пока с его помощью потренировать ребят.

— Сможешь совмещать с записями? — спросил Сталин. — Ну раз сможешь, потренируй охрану. У вас все? Тогда я вас не держу.

— У руководства работа начинается в девять тридцать, — сказал Старостин, когда они вышли в прихожую. — Утром у Абакумова совещание, потом он с час работает в своем кабинете, а вот, когда закончит, мы и подойдем. Ехать здесь всего ничего, поэтому будь готов к одиннадцати. Шофера брать не будем, поведу сам. Заодно и поговорим.

— Сказал? — спросила жена, когда он вошел в гостиную.

— Сказал. Записку он напишет. Я ему предложил объяснить твоё пребывание на его даче рисованием портрета, так он на меня посмотрел, как на дурачка. Сказал, что придумает потом что-нибудь более жизненное. Плохо, что я по этому времени почти ничего не знаю и не узнаю, если буду постоянно сидеть на этой даче. Насколько все было бы проще, если бы нас перенесли лет на двадцать позже.

— Толку об этом сокрушаться! Ты ему фотографию показывал? Тогда возвращай обратно. Когда едете?

— В одиннадцать нужно быть готовым.

— Значит, будешь. Позавтракаем, я тебе поглажу брюки, и поедешь. Паспорт сейчас положу в пиджак. Когда завтра поедем за одеждой?

— Не терпится натянуть брюки и посмотреть, как на тебя сделает стойку мужская часть населения дачи? Вынужден огорчить: ты завтра никуда не поедешь. Мы будем возвращаться из министерства и все заберем. Это классное ателье: они там шьют без повторных примерок, и никто не жалуется.

На следующий день Старостин подошел чуть раньше.

— Броский костюм, — сказал он, осмотрев Алексея, — ну да ладно. Раз уже готов, выедем чуть раньше. Заскочим в Кремль кое-что отдать, а потом поедем в министерство.

— И меня туда пустят только по паспорту? — удивился Алексей.

— Конечно, нет. Постоишь на площади, а я обернусь за пять минут. Пошли к машине.

Машиной оказался уже старый ЗИС- 101.

— Что, удивлен? — усмехнулся Старостин. — Это у нас разъездная машина для поездок вроде нашей. Хозяин и «девятка» ездят на бронированных сто пятнадцатых. В гараже их пять штук. «Девятка» — это у нас выездная группа охраны.

— А почему вы его зовете Хозяином? — спросил Алексей, садясь на переднее сидение рядом с подполковником. — Он об этом знает?

— Это для посторонних. Между собой наши ребята зовут его Дедом. Тебе тоже не возбраняется, когда станешь для них своим.

Старостин завел мотор и после проверки выехал за ворота.

— Хочу с тобой поговорить, — сказал он Алексею. — К тебе теперь многие будут присматриваться, а кое-кто попыбует сблизиться. В глазах всех ты новый любимчик Сталина. Вынырнул неизвестно откуда, был обласкан и приближен, даже поселен на даче вместе с женой в комнаты для почетных гостей. Ты знаешь, что там жили Мао Дзэдун, Броз Тито и Черчилль? А теперь живете вы. Почти наверняка об этом знают уже и Абакумов, и Берия. У них здесь есть свои люди. Не из телохранителей или «девятки», а их тех, кто сидит на воротах и патрулирует территорию. Буду удивлен, если никто не стучит Маленкову. Про твои геройства в комнате отдыха тоже доложат. Я думаю, что Берия не утерпит и примчится на вас посмотреть.

— Как вы к нему относитесь?

— Нормально я к нему отношусь. И он к нашим парням относится так же. Частенько заходит поиграть в бильярд или сыграть в козла. Что смотришь, не веришь? Ну и зря. Он у

нас за проигрыш даже под стол лазил. И знаешь, давай на «ты». А то я тебе тыкаю, а ты мне в ответ показываешь свое воспитание. И по возрасту, и по званию мы не слишком сильно разнимся.

— Ты просто держал дистанцию, поэтому и такое обращение.

— Ладно, с этим закончили. Держи свою бумагу для Абакумова. Сталин ее вчера написал. Думаю, она его удовлетворит. Если со Сталиным из-за тебя что-то случится, погоны он потеряет в любом случае, но может сохранить голову. Войди в его положение и не обижайся, проверять тебя будут в любом случае. И на Власика будут давить, чтобы он тебя держал подальше от Сталина. Николай в данном случае ничего не решает, но Абакумов и здесь прикроется. Он принял меры, а если начальник Главного управления охраны должным образом не отреагировал, его и наказывайте. Так, теперь я остановлю, а ты выйдешь и немного подождешь. Мне только нужно передать пакет Поскребышеву, а он предупрежден и ждет, так что я обернусь быстро.

Через пятнадцать минут Старостин вернулся, забрал Алексея и погнал машину на Лубянку. Приехали они очень вовремя. Пропуск на Самохина был готов, поэтому быстро прошли проверку и поднялись на третий этаж. По коридору, засланному красной ковровой дорожкой, дошли до приемной министра. Абакумов был у себя и сразу же их принял.

— Здравствуйте, Виктор Семёнович, — поздоровался Алексей. — Я еще пока не в штатах, да и в гражданском, поэтому не буду щелкать каблуками.

— Здравствуй, — отозвался министр, с нескрываемым любопытством осматривая Самохина. — Не обижаешься, что на «ты»? Ну и прекрасно. Ты еще не в штатах, а у меня из-за тебя уже прибавилось седых волос. Отказывать Иосифу Виссарионовичу в его просьбе я не могу, а выполнять ее не имею права! Извини, но ты очень подозрительная личность. У вас с женой ни документов, ни биографии. Вы, случайно, не с неба свалились? И такому человеку я должен присвоить звание майора и ввести в охрану Сталина!

— Я все понимаю, товарищ генерал-лейтенант, но ничем не могу помочь, — сказал Алексей. — Мне просто запрещено говорить о своей семье. Прошу вас взять эту бумагу и ознакомиться.

— Ладно, к этому разговору мы еще вернемся, — сказал Абакумов, прочитав записку Сталина.

Он хорошо собой владел, но Алексей все-таки заметил мелькнувшее на его лице удовлетворение. Они еще перебросились несколькими фразами, и Абакумов их отпустил.

— Завтра придется сюда приехать в отдел кадров, — сказал Алексею Самохин, — а сейчас едем за одеждой.

От министерства до ателье оказалось недалеко, а одежда была готова и оплачена, поэтому много времени не потратили.

— Вообще-то, тебе форма идет, — сказала жена, после того как он по ее просьбе надел на себя один комплект обмундирования. — Но я на эти галифе не могу смотреть без улыбки, хотя пошито качественно. Давай теперь я примерю.

— Начни с офицерской формы, — попросил он. — Ты там, кажется, что-то меняла?

— Просто попросила больше приталить, и не делать такую широкую юбку. Постой здесь, а я переоденусь в спальне.

Она вышла в спальню и отсутствовала минут десять.

— Я только что хотел тебя выругать из-за того, что слишком долго одеваешься, — признался Алексей, когда она зашла в гостиную и крутанулась на месте, показывая себя со

всех сторон, — но сейчас не поворачивается язык. Я слышал, что для многих женщин мужчина в военной форме выглядит привлекательней. Так вот, хочу сказать, что эта форма и тебе добавила прелести. Так и хочется ее с тебя...

— Тогда в ней на обед и пойду! — решила Лида. — Заодно посмотрю, один ты такой, падкий на девчонок в форме, или это у вас общий бзик. Эх, жаль в тапочках совсем не тот вид, а надевать туфли на моих каблуках — это будет перебор. И пойдем быстрее, а то уже три часа, и я проголодалась. Костюм потом померю.

Увидевший их Пушкарев на мгновение замер, а потом показал Самохину поднятый вверх большой палец.

— Ты ему понравилась, — сказал Алексей.

— Грише? Да, я заметила. Пошли быстрее, все равно мужчин больше не будет.

Она ошиблась: когда они уже поели, отнесли на кухню подносы с грязной посудой и возвращались к себе, из кабинета в коридор вышел Сталин.

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! — поздоровалась Лида.

— Здравствуй, — ответил он. — Постой на месте, посмотри. Да, так, пожалуй, лучше.

— Ну и что он этим хотел сказать? — спросила жена Алексея, когда Сталин, больше не говоря ни слова, ушел.

— Наверное, понравились твои усовершенствования формы, — предположил он. — Теперь все будут щеголять в такой же, и ты сразу потеряешь половину своей привлекательности.

— Ничего, я вот сейчас надену брючный костюм, в нем привлекательности будет еще побольше!

— Может не надо? Вдруг я не выдержу, а на полный желудок...

— Слушай, Леш, — она остановилась перед лестницей и прижалась к мужу. — Как ты думаешь, может быть, у нас уже может быть ребенок? Ты ведь много успел сделать...

— Тебе так не терпится стать матерью? — спросил он. — Мы с тобой сейчас в подвешенном состоянии, случиться может все что угодно. Куда спешить?

— Было бы мне лет двадцать, я бы никуда не спешила!

— Ты знаешь, малыш, — задумчиво сказал Алексей, — мне кажется, что ты стала выглядеть заметно моложе.

— Ты знаешь, мне тоже! И почему-то это меня не радует, а пугает. И у тебя исчезли морщинки возле глаз.

— Надеюсь, это не зайдет слишком далеко. Помолодеть, конечно, здорово, но если это станет очень заметно... Ладно, что мы застряли на лестнице, пошли в комнаты. Сегодня у меня последний нерабочий день, давай хоть его остаток посвятим друг другу.

На следующий день в министерство опять поехали вдвоем на той же машине. После проверки прошли в кадры, где пришлось расписаться в нескольких журналах, после чего выдали удостоверение и сказали, чтобы зашел к начальнику.

— А Свинелупову от тебя что нужно? — удивился Старостин. — Тоже выиграло любопытство? Так вроде не тот человек. Ладно, давай быстрее, нам еще нужно зайти в финансовый отдел за подъемными.

Худой генерал-майор с невыразительным лицом Алексея не задержал, задал несколько ничего не значащих вопросов и отпустил. Наверное, ему действительно было интересно посмотреть на Самохина. На получение денег ушло всего минут десять, после чего они покинули министерство и направились к своей машине.

— Как приедем, получишь оружие и начинай работать, — сказал Старостин. — Хватит уже бездельничать, а то скоро начнет расти брюхо. Ношение формы необязательно, но я бы тебе все-таки советовал ее носить, по крайней мере в первое время.

— Иосиф Виссарионович, прибыл Берия, — доложил Старостин.

— Ну и где он? — спросил Сталин. — Ему что, нужно специальное приглашение?

— Он в коридоре столкнулся с Самохиной, — Старостин замялся. — Вы же знаете Лаврентия Павловича, чтобы он просто так прошел мимо красивой женщины... Сейчас пробует ее обхаживать.

— Скажи ему, Михаил, что если через минуту не будет здесь, может сразу же уезжать.

Подполковник вышел из кабинета и подошел к Берии, который задержал Лиду в коридоре и сейчас ее о чем-то расспрашивал.

— Лаврентий Павлович! Товарищ Сталин приказал вам передать, что у него мало времени, поэтому если вы сейчас же не пройдете в его кабинет, он вам его сегодня уделить не сможет.

— Ну мы еще с вами поговорим! — сказал Лиде Берия, бросил недовольный взгляд на Михаила Гавриловича и скрылся в кабинете.

— Зря вы надели эти штаны, — с досадой сказал Старостин Лиде. — Да еще эти туфли. Он бы на вас и так сделал стойку, а теперь вообще так просто не отвяжется. Женщины — это его слабость. Вам он ничего не сделает, а вот Алексею при случае может припомнить. На будущее советую одеваться все-таки не так вызывающе.

В кабинете Сталин, не отвечая на приветствие Берии, несколько минут рассматривал его оценивающим взглядом.

— Я в чем-то виноват? — забеспокоился Берия. — Это из-за этой женщины, да? Михаил доложил? Так ничего не было, просто поговорили. Давно не видел таких красивых женщин, а эта еще очень необычно одета.

— Можешь вокруг нее не увиваться, — ответил Сталин. — Ей, кроме мужа, никого не надо, а он с удовольствием открутит тебе шею. И не помогут ни твое положение, ни охрана. Он тебя и так недолюбливает, не стоит давать ему повод для ненависти.

— И из-за чего у него ко мне неприязнь? — прищурился Берия. — Сам из-за меня пострадал или родные? Это ведь ваш новый майор? Я его знаю?

— Не знаешь, — Сталин достал и раскурил трубку. — И он тебя не знает, просто читал то, что написали другие. Я хотел вас познакомить, а теперь даже и не знаю.

— И что в нем такого ценного, что его обхаживают? Даже на даче поселили!

— Узнаешь. Для начала возьми эту книгу, садись на диван и читай.

— О Никите написали книгу? — удивился Берия, взглянув на фото титульного листа. — Это ведь не печать, а фотографии?

— Пока об этом любителе гопака никто никаких книг не писал, — ответил Сталин. — Ты пропустил самое главное — дату.

— Но, товарищ Сталин, — это же полная чушь, — растерянно сказал Берия. — Я в такое не верю!

— А тебе не надо верить или не верить! Я сказал читать, значит, читай! Начало, включая войну, можешь пропустить. Там есть интересные моменты, но не будем терять время. Захочешь — посмотришь потом. Читай до закладки, закончишь — скажешь. Я тоже пока читаю.

Берия читал около часа. Дойдя до закладки, он закрыл книгу и поднялся с кресла.

— Дочитал? — спросил Сталин, отрываясь от своей книги. — И как тебе прочитанное? Сядь, разговор будет долгим.

— Откуда это? — охрипшим голосом сказал Берия. — Это принес муж той женщины?

— Он мне, Лаврентий, принес не только это, а вообще всю историю до конца века. И помимо книг были другие доказательства. Да и книги... Ты ведь знаешь, что я недоверчивый человек и любого, пришедшего ко мне с дикой историей и пачкой отпечатанных листов, отдал бы разбираться тем, кому этим положено заниматься. Но этот поступил умно. Он сначала пришел к Василию и рассказал ему о моей смерти и о его собственной судьбе.

— И он поверил?

— Видимо, был готов к чему-то такому, — ответил Сталин. — И ему тоже дали почитать книгу. А там ведь не только текст, еще много фотографий. И фотографии можно подделать, но не всегда и не в таком количестве. А в последних книгах на них такое, что даже придумать не хватит фантазии.

— И Василий примчался к вам?

— Сначала позвонил. Хоть в этом его приучили к порядку. Потом приехал, все рассказал и оставил отданную ему часть книги.

— Почему отдали только часть?

— Потому что у них с собой не было фотографий, только это.

Сталин положил на стол устройство чтения и микрофиши.

— Это разрезанные на кусочки кадры фотопленки. Изображения очень маленькие и занимают мало места. А с помощью этого их можно читать. Вот сюда вставляешь, включаешь и читай. Смотри, какое качество фотографий и что на них показано. Сумеешь ты это подделать? А первую книгу он отпечатал уже здесь в фотоателье. Договорился с фотографом, потом его оглушил, связал и выполнил сам всю работу. Деньги, говорит, заплатил, но на всю книгу не хватило бумаги. Я начал читать и не нашел ничего такого, что не могло бы произойти. И еще эти фотографии. Естественно, я захотел дочитать до конца, поэтому позвонил сыну и сказал, что этот пришелец из будущего может меня навестить. Он и навестил, а заодно показал работу устройства связи. Размером и формой напоминает обычные часы, а позволяет не только переговариваться, но и видеть собеседника. И изображение цветное и объемное. Он, кстати, помимо истории принес еще научные книги.

— А для чего он пришел сюда, рискуя собой и женой? Не для того же, чтобы поселиться на вашей даче и стать майором нашего МГБ? Какая цель?

— Во-первых, его никто не спрашивал. Люди и в будущем не умели такого делать. И, во-вторых, Советский Союз развалится, а он бы хотел это предотвратить. Он думает, что этого же хочет тот, кто их сюда послал.

— И кто же это может быть?

— Он не знает, а для нас с тобой это не слишком важно. Давай поговорим о моей смерти. Лаврентий, скажи откровенно, ты бы мог меня убить?

— Да вы что! — вскочил Берия. — Я всем в своей жизни обязан вам!

— Сядь и не дергайся! — приказал Сталин. — И не нужно мне врать! Сейчас ты мне не враг и вреда не желаешь. А что там будет в пятьдесят третьем году, никто сказать не может. О моей смерти в этой книге почти ничего нет, но мой гость читал и другие, где об этом написано много всего. Причем точно известно только то, что меня отравили, и в этом замешан Хрущев. Под подозрение попали еще Маленков, Булганин и ты.

— Да я...

— Помолчи, я сказал! Я не могу полностью исключить того, что и ты принимал в этом участие, но, скорее всего, тебя просто подставили. Потом, чтобы не копался в этом деле, повысили и дали МГБ. Чем все для тебя закончилось, ты читал. После всего, что я узнал долго думал, прежде чем тебя позвать. Я прочитал все книги, а сейчас просто перечитываю их по второму разу. И знаешь, читая, я понимаю, что после правления Хрущева все действительно должно прийти к развалу. Наше будущее можно поменять, и мы его меняем. Хрущева нужно убрать в первую очередь. Насчет Маленкова я еще до конца не решил. А Булганина мы просто заменим надежным человеком. В том, что нужно будет сделать, необходима поддержка армии. А главную ставку я решил сделать на тебя. Даже если я не допущу своей смерти в пятьдесят третьем, долго оставаться у руля не получится. Силы потихоньку уходят, и никаким врачам это не остановить. Пока смогу, я тебе помогу, а потом уже будешь работать сам. Слушай внимательно. К ликвидации Хрущева, да и Маленкова, если до этого дойдет, привлекать министерство нельзя. У меня есть свои люди, но их мало, и я не хочу их использовать. Что можешь посоветовать?

— Через Абакумова действовать нежелательно, — задумался Берия. — Привлечем слишком много внимания. Лучше обратиться к Судоплатову. Его можно использовать, ни во что особенно не посвящая. Спецов у него много, причем таких, для которых это будет нетрудно сделать. Они не обсуждают приказы и будут молчать. Давайте я это возьму на себя. Как думаете, лучше все сделать тихо, или наоборот на шуметь и использовать его смерть в своих интересах? Можно было бы, кстати, под этот шум снять Абакумова и отдать министерство мне. Так было бы гораздо легче работать.

— Об этом еще подумаем, — оборвал его Сталин. — Ты слушай дальше. Давно назрела необходимость провести чистку верхушки партии. Слишком много в ней тех, кто не хочет и не умеет работать и не дают этого делать другим. Ты знаешь, что они и мне не дали провести реформы десять лет назад. И свою опору Никита нашел в них. Я написал Поскребышеву, чтобы собрал компромат на членов ЦК, особенно на тех, с кем дружен Хрущев. Он по моему распоряжению давно кое за кем присматривает. Я думаю арестовать тех, кто замаран, а остальных поставить перед фактом. Заодно выступлю с обращением к народу с просьбой о поддержке. Тогда уцелевшие члены ЦК будут сидеть тихо. Объявим, что со временем проведем внеочередной съезд партии, а сами развернем чистку секретарей обкомов и крайкомов. Всех тех, кто залит кровью, нужно убрать, причем сначала судить и все освещать в печати. Народ это должен поддержать. И нужно передавать власть партии советским органам. Не всю, но большую часть. Тридцать первого августа должен умереть Жданов. Что вскинулось? Меня это по сердцу резануло. Один из единомышленников, можно сказать, друг. Я позвонил и узнал, что у него неважно с сердцем. Он и ко мне из-за этого в последнее время не заезжает, видимся только в Кремле. И в августе он собрался в санаторий. Все, как в книге. После его смерти начнут разбираться с врачами, большинство которых были евреями. Написано, что всех уцелевших потом реабилитировали. Надо будет проследить за этим делом и разобраться. Но меня в связи с его смертью сейчас интересуют не эти евреи с врачебными дипломами, а большая группа партийных и хозяйственных работников, которых расстреляли по делу, развязанному Маленковым и Хрущевым. Это Кузнецов, Вознесенский, Родионов и многие другие. Само дело высосано из пальца, но в результате погибли очень ценные работники. Я на них рассчитывал и непонятно, почему не вмешался. Написано только, что Хрущев с Маленковым подсунули мне сфабрикованные

доказательства их вины. Их осудила ночью партийная комиссия и через час всех расстреляли, так что, может быть, я просто не успел. Тебе они пригодятся. Эту книгу потом хорошо изучи. Почти все, с кем после моей смерти расправился Никита, оказались очень ценными работниками, например, Пономаренко. И неплохо бы тебе поближе сойтись с Алексеем. О его жене сразу забудь, и вообще тебе пора менять свою жизнь. За первыми лицами следит слишком много глаз, а всем рты не заткнешь.

— Если ваш Алексей меня невзлюбил...

— Я с ним поговорю, — пообещал Сталин. — Он тебя совсем не знает, а судит только на основании публикаций. Если увидит, что ты работаешь на благо страны, и отношение будет совсем другое. Он слишком много знает и может быть очень полезным.

— А кто он вообще? — спросил Берия.

— Управление разведки Генерального штаба. Он был капитаном в каких-то отрядах специального назначения. Слышал уже, наверное, как он разбрасывал орлов Власика?

— Передали, — кивнул Берия.

— Я ему поручил описание непонятных слов, которых много в книгах, а попутно пусть тренирует охрану.

— А кто его жена? Да я не в том смысле, мне просто интересно!

— Окончила Университет и пару лет работала директором завода. Но, вообще-то, она хороший художник. Меня хочет нарисовать. Ладно, сходи в охрану и передай Алексею, чтобы зашел ко мне, а сам начинай заниматься Никитой. Только действуй осторожно. Может быть, не будешь обращаться к Судоплатову, а обойдешься своими людьми?

— Я буду осторожен, товарищ Сталин, — пообещал Берия. — Судоплатов умный человек и знает, что Абакумов вечно на своем посту сидеть не будет. А в этом министерстве часто при чистках замы идут доведком к руководству. А я все еще ваш человек. Поэтому я попробую подключить его, а если не получится, буду действовать сам. Пойду в охрану, сегодня уже не увидимся. Постараюсь заехать завтра, почитать эту книгу.

Через пятнадцать минут после его ухода постучался Рыбин и доложил, что прибыл Самохин.

— Вызывали? — спросил Алексей, заходя в кабинет.

— Видел Лаврентия? — спросил Сталин. — А теперь садись, поговорим. Как ты себе представляешь чистку партийных рядов? Убрали Хрущева с Маленковым или Берию, и все партийное руководство разом поумнело, перестало зубами держаться за власть и лить кровь? Ты их просто не знаешь, а я знаю. Знаешь, кто делает революции? Большинство — это неудачники, у которых не хватило ума или способностей устроиться в жизни. Поэтому, вместо того чтобы менять себя, они пытаются изменить окружающий мир. А меньшинство, к которому отношусь и я, думает уже не только о себе, но и о других. Нельзя изменить мир к лучшему, думая только о себе. Вот ты взъелся на Лаврентия из-за того, что кто-то вылил на него ведро помоев. Но это книжный Лаврентий, настоящего ты не знаешь. А он у нас очень способный человек, не заваливший пока ни одного поручения. Одна слабость — бабы. Но идеальные люди встречаются редко, а во власти их нет вообще. Для чистки партийных рядов это идеальная кандидатура. И я не верю, что он принимал участие в покушении. Копаться в этом не стал, потому что меня уже все равно не вернуть, а своя шкура одна, и другой не будет. Ну и кость ему бросили, чтобы успокоить. И все еще только должно произойти, но не произойдет, если мы это переиграем. У нас есть много молодых и способных, но им еще рано брать власть, они ее просто не удержат, а Лаврентий сможет удержать и не дать на

расправу этих молодых и способных.

— Мало он их сам репрессировал? — недовольно буркнул Алексей.

— Немало, — согласился Сталин. — Но гораздо меньше, чем другие. И у него были связаны руки. Я сам часто вынужден был делать не то что хотелось, а то что позволяли. Все не мог делать даже император. И потом, ты судишь с позиции своего времени. Сунуть бы тебя в те годы! Ты знаешь, что половина высланных и расстрелянных этого заслуживала? А почти все остальные проходили по обкомовским спискам. И не подписывать их в то время я не мог. Мне бы тогда много чего припомнили, хотя бы то, что уравнил в избирательных правах рабочих и колхозников или альтернативные выборы, которые так и не состоялись. Уклонение от ленинской линии партии и ревизионизм! Какие еще могут быть альтернативные кандидаты, когда есть секретарь обкома? Ну проявил бы я тогда принципиальность, думаешь, было бы лучше? Меня бы убрали, а эти списки визировал бы кто-нибудь другой, причем не только тогда, но и сейчас! Петр Первый лил людскую кровь, как водицу, причем и боярскую, и простонародья. Думаешь, это ему доставляло удовольствие? А не делал бы он это, и где бы мы сейчас жили? В какой-нибудь Германии, Англии или даже Голландии. Не было бы ни СССР, ни Российской Империи! Я мог бы тебя не убеждать, а просто приказать, но хочется, чтобы ты помогал Лаврентию делать дело от души, а не по приказу. Если кто и сможет удержать в узде партию, сохранить государство и сделать его сильным и богатым, то это он. Есть и другие, но ему это будет проще сделать. А потом он уйдет, и на его место придут те другие, которых ты имел в виду.

— Что-то случилось? — забеспокоилась Лида, увидев мужа. — Что ты такой печальный?

— Сталин все переиграл, — сообщил Алексей. — Он не собирается ликвидировать Берию, наоборот, сделал его главной фигурой, а меня в очередной раз убедил в том, что я ни хрена здесь не знаю.

— Ну и что? — не поняла жена. — Я в здешней жизни понимаю еще меньше тебя, но не делаю из этого трагедии. Ты хотел все передать Сталину, и ты это сделал. Ты же понимаешь, что самостоятельным игроком быть не можешь. Ты мне сам говорил, что нужно убрать Хрущева. Сталин от этого не отказался? Значит, дело будет сделано, а чьими руками это уже не так важно.

— Все так, — согласился Алексей, — только я в таком случае особой ценности не представляю: у Берии своих костоломов достаточно.

— Тебя сегодня на ваших тренировках по голове не били? — насмешливо спросила Лида. — Или вместе с телом у тебя помолодели и мозги? Сколько мы здесь живем? По-моему, меньше месяца. И ты хотел сразу во всем разобраться? Тебя сейчас Сталин оскорбил или унизил?

— Да нет, наоборот, можно сказать, уговаривал.

— Ну и откуда тогда хандра? Хороших бойцов и здесь хватает, твоя ценность в другом! Ты передал всего несколько книг, так даже в них без твоих объяснений не разберутся. А сколько ты вообще всего знаешь? А в здешней жизни разберемся — это только вопрос времени. Что тебе говорил Сталин?

— Говорил, что Берия — это единственный из его окружения, кому по силам обуздать партию и провести реформы. И хотел, чтобы я ему помог.

— Ну так помоги! Я тебя, милый, в последние дни не узнаю. Когда мы сюда попали, рядом со мной был железный человек, а сейчас, когда у тебя все начало получаться, ты почему-то расклеился.

— Это, наверное, из-за Берии. Я понимаю, что Сталин прав, но мне очень сильно не нравится, что мы с тобой будем полностью зависеть от этого человека. Пусть не сейчас, а позже. Может быть, он самая лучшая кандидатура, но мне вколотили в голову, что он мерзавец, и избавиться от этого трудно. Да и надо ли?

— А что если тебе с ним попробовать сблизиться? Вам придется много общаться, а человек из будущего наверняка вызовет у него интерес.

— Учитывая его репутацию бабника, скорее, у него интерес вызовешь ты, — мрачно сказал Алексей. — Правда, я читал, что ни одну из понравившихся женщин к нему насильно не возили. Но ведь и способы уламывания могут быть разные.

— Уже понравилась! — засмеялась Лида. — Ну и что? Сталин на него шикнул, и он сразу же побежал в кабинет. Мне кажется, что для Берии дело важнее его пристрастий. Красивых женщин много, на мне свет клином не сошелся, а ты прекращай валять дурака и подумай лучше обо мне.

— Я о тебе и так все время думаю.

— Плохо думаешь! — она подошла к нему и села на колени. — Тебе не тяжело? Нет? А скоро будет! Как ты думаешь, во что я превращусь, если буду три раза в день обедаться той

вкуснятиной, которую готовят на здешней кухне, а потом валяться на веранде или сидеть за мольбертом? Даже в постели у нас в основном работаешь ты.

— Хочешь возобновить занятия?

— Хочу, только не в чем. Не знаю, продаются ли здесь костюмы для тренировок, но пижамы я в магазинах видела. Купи мне парочку на размер больше, чтобы не мешали двигаться. И еще несколько мужских маек к пижамным штанам. И учти, что тех упражнений и йоги, которые ты мне дал, будет мало. Кто-то обещал научить меня драться. Это прекрасно, когда рядом муж-костолом, но я тоже хочу научиться бить морды! Тому же Берии врезать при необходимости. Ну что, займешься женой, или у тебя все силы уходят на охрану? Подожди, кто-то стучит. Сиди, я подойду сама.

Стучал Старостин. Он пришел в сопровождении двух офицеров, тащивших небольшой, но, тяжелый сейф, который они занесли в гостиную и с облегчением поставили у стены. После этого они обласкали взглядами фигуру хозяйки, попрощались и вышли.

— Пусть пока постоит так, а потом принесем что-нибудь вроде тумбочки, — сказал Михаил Гаврилович. — В нем лежат твои пленки и устройство для их чтения. Вот ключи. Что со всем этим делать, ты знаешь. Он велел спросить, не нужна ли печатающая машинка.

— Даже здесь пользоваться сейфом? — спросила Лида. — В этих комнатах, кроме нас и уборщицы, никого не бывает, а она убирает в моем присутствии.

— Пока не бывает, — сказал Старостин, выделив слово «пока». — И потом существуют правила работы с секретными документами. У нас и Хозяин их повсюду не разбрасывает. Так что насчет машинки?

— Да ну ее, — отказался Алексей. — Много шума, да и не привык я на ней работать. Почерк у меня очень разборчивый и писать стараюсь аккуратно, а в тишине думается лучше. И ручку принес из будущего, которая пишет без всякого нажима. Вот бумага будет нужна.

— Бумагу я тоже положил в сейф, — сказал Старостин. — Чернила не нужны?

— Спасибо, не нужно, — Алексей взял авторучку и провел ею по лежавшей на столе салфетке, оставив тонкую черную линию. — Видишь, как работает? Это не чернила и не паста, а не пойми что. Такое впечатление, что она как-то меняет бумагу. Так что для работы у меня все есть. Послушай, Михаил, мне нужно смотаться в Москву. Надо купить для жены пару пижам и майки. Она в четырех стенах закисло и хочет заниматься спортом.

— Спортом в пижаме?

— А чем тебе не нравится пижама? От нее нужны только штаны, но и верх пригодится, если будет использовать по прямому назначению. Если есть что-то другое, можно купить и его. Лишь бы была просторная одежда из тонкой, прочной ткани. Я хорошо вожу машину и, если доверяете, могу смотаться сам, только я эту Москву плохо знаю, особенно на окраинах.

— Машину-то я тебе доверю, — ответил Старостин, — но есть указание тебя одного никуда не отпускать. И дело здесь не в недоверии. Ты слишком ценен, чтобы так рисковать. Мало ли что может случиться! Давайте я сегодня съезжу домой на пару часов раньше обычного, и все сам куплю. Спрячь свои деньги, потом рассчитаемся. А тебе, Лида, никто не запрещает гулять по территории. Вот за ворота одну не выпустят.

— Вот ты у нас какой ценный кадр! — сказала Лида, когда подполковник попрощался и ушел. — Охраняют почти как Сталина. И пистолет дали. Заряжен, кстати?

— Да, сегодня выдали, но пока не пристрелял. Ладно, раз принесли работу, работой и займусь. А как твои дела с моим портретом?

— Все быстро вспомнилось, — ответила жена, — но о результатах говорить еще рано,

так что я тебя прошу в мои рисунки не лезть.

Берия был в растерянности. Он был слишком умным и предусмотрительным человеком, чтобы не задумываться о своей судьбе после смерти Сталина. Врагов и просто тех, кому он мешал в борьбе за власть, было предостаточно. Ему же уже вся эта суeta начала понемногу надоедать. Сказывалась и усталость, накопившаяся за годы войны. Ирония заключалась в том, что он не мог все бросить и уйти. Это для него было равносильно самоубийству. Поэтому единственным спасением было сохранить власть, а лучше — забрать ее как можно больше. Именно это ему сегодня предложил вождь. Поначалу он не поверил ни в каких пришельцев из будущего. Коба постарел, и нашелся ловкач, который запудрил мозги старику. По мере чтения книги в нем зародилось и начало крепнуть ощущение того, что все так и должно случиться, что написан не чей-то вымысел, а самая настоящая действительность. Он хорошо знал всех, о ком писалось, и знал, чего от них ожидать. Так вот в тексте он не нашел ни одной нелепости, а многочисленные фотографии придавали прочитанному достоверность. Когда Сталин спросил, мог бы Лаврентий его убить или нет, Берию прошиб холодный пот. Он хорошо знал вождя и понял, что за этим вопросом скрывается что-то страшное лично для него. Рассказ об убийстве Сталина только укрепил его в этой мысли. Мог ли он в этом участвовать? Конечно, мог, а может быть, и участвовал. За пять лет Сталину могло многое прийти в голову, могла прийти и мысль обновить свое окружение. Их многое связывало, но в политике личные пристрастия значат очень мало. Поэтому в случае угрозе жизни он бы не колебался. Жизнь — это высшая ценность, без которой все остальное вообще теряет смысл. Так почему тогда он, а не Коба? Слава богу, что так вовремя принесло этого пришельца! Если все написанное в книге верно, этот Алексей спас ему жизнь. А может, наоборот, сократил. Берия отдавал себе отчет в том, какую тяжелую ношу взвалил на него вождь. Схватка с верхушкой партии будет насмерть. Поддержка Сталина значит многое, без нее за это не стоило и браться, но и с его поддержкой можно было запросто остаться без головы. Стоит ему только ошибиться, а им понять, что именно затевается и какие ставки, и лучше будет застрелиться самому. Ну ничего, работы он не боялся, а рисковать своей шкурой все равно пришлось бы, не сейчас, так позже. Лучше уж сейчас вместе со Сталиным. Надо тщательно продумать, что говорить Судоплатову, а завтра обязательно съездить к Сталину дочитать книгу. И с этим Алексеем нужно познакомиться ближе. Он его видел один раз и очень недолго, но парень понравился. Это что же должны были написать о нем, если этот Алексей его заочно так невзлюбил? А в его жене есть что-то необычное. Чем-то она его зацепила, жаль, что придется оставить в покое. Но увидеть ее снова он бы не отказался.

— Общая подготовка у вас ни к черту! — сказал Алексей двенадцати офицерам, построившимся перед ним в шеренгу. — У большинства неплохо развиты мышцы, но плохая дыхалка, да и растяжки... тоже хреновые. Для кабинетных капитанов и майоров все выше всяческих похвал, но, с моей точки зрения, у вас «на отлично» только стрельба, да еще большинство неплохо управляется с ножом. Рукопашники из вас слабые. Могу подтянуть, но придется поработать. Кто к этому не готов, лучше уйдите сразу. Ну не хотите — как хотите! Я вас предупредил. И учтите, что я все буду выполнять вместе с вами и не потребую ничего такого, чего бы вы не в силах были сделать. А для начала разомнемся и пробежим вокруг дачи двадцать кругов.

— Ну ты и зверь! — сказал Старостин, когда Самохин закончил тренировку. — Ребята

от тебя ушли чуть живые. Может быть, уменьшишь нагрузку? А то ведь разбегутся.

— Я это сделал специально, — признался Алексей. — Двенадцать человек для группы многовато, поэтому я их малость прижал, чтобы отсеялись самые слабые. И мне будет легче работать с остальными, и им больше пользы. Михаил, вы натащили слишком много матов, поэтому я у вас парочку на время конфискую. Ковер на веранде хороший, но его мало для занятий. Да, кстати, ты привез, что собирался купить?

— Привез и уже отдал, — ответил Старостин. — Давай помогу донести один мат, тебе оба сразу нести неудобно, заодно и рассчитаешься.

Они свернули каждый по одному мату, обвязали веревками и понесли к воротам.

— Уже не устраивают диваны? — спросил дежуривший майор. — Правильно, на полу спать просторней.

— Хватит зубоскалить! — прервал его Старостин. — Открывайте лучше ворота.

Через десять минут маты оказались на веранде, а Самохины, поблагодарив Михаила Гавриловича за помощь, направились обедать. В коридоре они столкнулись с вышедшим из прихожей Берией.

— Здравствуйте, — сказал Берия. — Далеко собрались?

— Здравствуйте, Лаврентий Павлович! — поздоровалась Лида. — Идем на кухню за обедом.

Алексей ограничился приветствием.

— Вам разве не подают? — удивился Берия. — Ладно, если вы не против, пообедаем вместе. Я тоже себя как-нибудь сам обслужу. У товарища Сталина обед поздно, а я уже проголодался.

— Мы не против, — сказал ему Алексей. — У товарища Сталина малая столовая, на мой взгляд, мала только по названию.

Они прошли на кухню и, взяв подносы, подошли к поварихам. При этом Берия шел последним.

— Как же так... — растерялась старшая из них. — Лаврентий Павлович, что же это вы сами? Сейчас вам все накроем...

— Ничего, я и сам возьму, — ответил он. — Накладывайте всем по очереди.

За столом Берия сел слева от Лиды. Все утоляли голод молча, а когда первое и второе были съедены, он спросил у Алексея:

— Не скажете, что там такого было написано в ваших книгах, что вы на меня по-прежнему смотрите букой, даже после разговора с товарищем Сталиным? Этот вопрос уместен за столом? Я вам не испорчу аппетит?

— В пору моей молодости всю вашу деятельность на посту наркома сводили к развязыванию репрессий, — ответил Алексей. — Даже после отставки Хрущева эта оценка не изменилась. Ну и, само собой, женский вопрос. Причем ходили слухи, что женщин для вас чуть ли не отлавливали на улицах. Я здесь недавно и лишь вчера узнал о вас кое-что от товарища Сталина. Нелегко, знаете, сразу отбросить все, что столько лет вдальблывали в голову, тем более что я не уверен, что все это неправда.

— Значит, репрессии, — кивнул Берия. — Я примерно так и думал. Ну что же, придется мне вас немного просветить. Вы знаете, что при Дзержинском массовых репрессий не было? Хорошо. Феликс Эдмундович набирал кадры ВЧК, не обращая внимание на их национальность. Он был поляком, но взял в центральный аппарат только одного своего соотечественника. Для него главным были преданность делу революции и деловые качества.

Все началось, когда наркомом стал польский еврей Ягода.

— А при чем здесь евреи? — спросила Лида.

— Сейчас объясню, — улыбнулся ей Берия. — Сам Ягода был в органах случайным человеком. Все годы своего управления он тащил в ОГПУ и наркомат евреев, заменяя ими работавших там чекистов. Беда была в первую очередь в том, что проверенные специалисты заменялись буквально людьми с улицы. Был бы еврей, а остальное приложится. Когда туда пришел Ежов он с громадным трудом убрал из центрального аппарата больше пяти тысяч евреев. Всех ему так и не удалось вычистить, спился. Когда туда пришел я, пришлось продолжить чистку. И это только в Москве! А сколько таких случайных людей, не обязательно евреев, было в органах! Вы думаете, их так легко было контролировать? Слава богу, к началу войны удалось навести относительный порядок, в том числе и в организации разведки. И потом не нужно думать, что все, кого мы арестовывали, были невинными овечками. Были аресты по политическим мотивам, брали и случайных людей, но основная масса арестованных в мое время шла за дело. Хотя, конечно, за действия всех сотрудников я отвечать не могу. И надо мной существовала власть партии, а в ней всякие люди бывают. Я не безгрешен, но и не дьявол, каким меня описывали в ваше время. А женщины... Было, но я, в отличие от Ягоды, не арестовывал мужей своих женщин и не травил их ядами. Им даже не угрожали. Связи с женщинами плохо сочетаются с образом коммуниста, но я понемногу исправляюсь. Постарайтесь отринуть предубеждение и руководствоваться не клеветой, а собственным опытом. Товарищ Сталин хочет, чтобы мы с вами работали вместе. Я ничего против не имею, вы мне симпатичны, как и ваша жена. Так что дело за вами. Вы чем сейчас занимаетесь?

— Пишу комментарии к книгам и гоняю охрану.

— И долго вам этим заниматься?

— Комментариями с месяц, а насчет охраны сказать трудно. Но за месяц дам достаточно, чтобы потом могли заниматься сами.

— Значит, месяц, — подвел итог Берия. — Предлагаю вам после этого поработать со мной. Говорят, вы хороший боевик. Сможете работать телохранителем?

— Там своя специфика, но нас учили и этому. Думаю, что смогу.

— Вот и хорошо. Это вам самому будет очень полезно. Сидя на этой даче, вы не вращаете в нашу жизнь, со мной это будет сделать легче. А ваша жена может остаться здесь, если не будет против хозяин дачи. Мы сюда все равно будем часто приезжать, а вам так спокойней. Подумайте, а я еще поговорю на эту тему с товарищем Сталиным.

— Ну и как он тебе? — спросила Лида, когда они вернулись к себе.

— Если не врет, то ничего.

— Если ты через месяц начнешь бывать здесь только наездами, нужно усиленно тренироваться. Я уже до твоего прихода сделала асаны. Все получилось, но с трудом. Давай через три часа, когда уляжется обед, ты меня начнешь учить приемам. А я верну себе форму сама через три-четыре дня.

— Ты только не перестарайся и ничего себе не потяни, — предупредил Алексей, — а то будут тебе тогда занятия.

— Леш! — Лида подошла и прижалась к мужу. — Мы точно молодеем. Я сегодня утром не обнаружила на лице ни одной морщины. Посмотри, какая кожа. Я такой была только в восемнадцать лет! И тебе твоих лет уже никто не даст. Я думаю, пройдет немного времени, прежде чем это кто-нибудь заметит. Что если это и в самом деле бог?

— Мне трудно поверить в бога, — сказал он, сажая ее на колени. — Понимаешь, нас воспитали атеистами, не верящими ни в бога, ни в дьявола. Верующие были, но они были сами по себе и с нами в жизни не пересекались. А поверить современному человеку в то, что написали тысячу лет назад...

— Писавшие могли отразить свое понимание бога. Оно не обязательно будет истинным. А людям нужно во что-то верить, почему не в это?

— Ну и что это для нас меняет, малыш? — спросил он. — Он нас использует и поощрил молодостью, но рассчитывать все равно нужно только на самих себя. Вряд ли, если мы напортачим, он станет вмешиваться, иначе давно все сделал бы сам.

— Значит, не надо портачить! — сделала вывод Лида. — Слушай, ты не очень устал? Давай погуляем по территории? Я сейчас быстро надену форму и пойдем! Я воздухом дышу только на веранде, а там хоть что-то вроде леса.

Они гуляли, обнявшись, часа полтора, вызывая зависть у охраны. Когда уже хотели возвращаться, послышался шум мотора, и через открывшиеся ворота въехали две машины ЗИС-110. Из передней вышел невысокий усатый мужчина с пенсне, одетый в строгий костюм коричневого цвета. Он целеустремленно зашагал к даче, но, увидев Самохиных, передумал и направился к ним.

— Это Молотов, — успел шепнуть Алексей жене.

— О чем шепчемся? — спросил подошедший Молотов. — Не меня обсуждаете?

— Как можно, — улыбнулся Алексей. — Я, Вячеслав Михайлович, просто сказал жене, кто приехал.

— Вы здесь недавно, — утвердительно сказал Молотов. — Я здесь частый гость, а вас вижу в первый раз. Вы не тот майор, о котором судачат в верхах?

— Не могу знать, — ответил Алексей. — Я, Вячеслав Михайлович, в верхи не вхож и поэтому сплетен о себе слышать не могу. Но на даче у товарища Сталина мы всего несколько дней.

— И как вас зовут?

— Алексей и Лидия Самохины.

— Я, вообще-то, министр иностранных дел, — сказал Молотов. — На этой даче останавливались гости нашего государства, можно сказать, великие люди. И всегда я о них знал заранее, а фамилию Самохин почему-то слышу в первый раз.

— Все когда-нибудь случается впервые, — заметил Алексей. — Если мы пока не прославились, не все потеряно: у нас еще вся жизнь впереди.

— Вы мне понравились, молодой человек! — одобрительно сказал Молотов. — А ваша жена — это вообще идеал женщины. Надеюсь, еще увидимся.

Он повернулся и ушел в дом.

— Пошли и мы, — предложила Лида. — А то уже появились комары. Лещ, а кто он такой? Что министр, я слышала и, кажется, что-то о нем читала, но уже не помню. Должности меня не интересуют, скажи, что он за человек?

— Твердокаменный большевик с партийным билетом под номером пять, — ответил Алексей, прихлопнув севшего на лоб комара. — Ты права, разлетались гады. Пойдем быстрее, закроем окна на веранде, а то потом не дадут спать. А Молотов — это один из самых близких Сталину людей. Если верить тому, что я о нем читал, — это порядочная сволочь, причем сволочь убежденная. Через несколько лет должен пострадать с согласия Сталина.

— Здравствуй, Коба! — поздоровался Молотов. — Лаврентий у тебя?

— Здравствуй, Вячеслав, — недовольно сказал Сталин. — Занят Лаврентий. Неужели один вечер не можете без него обойтись?

— Я подожду, — сказал Молотов. — Мне он нужен ненадолго. Интересный у тебя появился майор. А жена у него настоящая красавица, где только такую достал! Лаврентий на нее еще стойку не сделал?

— Не нужен ей наш Лаврентий. Где ты их увидел?

— Гуляли возле дачи. Я подошел и поговорил. О них уже ходят сплетни, мне вчера Микоян говорил, вот и стало интересно, с чего им такая честь. Так этот майор меня вежливо отшил. Молодец!

— Может не узнал? — предположил Сталин.

— Назвал по имени-отчеству. Жена, говорит, не узнала. Но с ней я и не говорил. Кто они такие, не скажешь?

— Кто он, ты знаешь, а она хороший художник. Ты ко мне приехал или к Лаврентию?

— Он мне нужен по делу, а тебя я всегда рад видеть, ты же знаешь.

— Сейчас я его оторву от дела, а то тебе придется долго ждать. Я тоже сегодня занят. Все перед приездом звонят, один ты сваливаешься, как снег на голову. Смотри, когда-нибудь просто не пустят.

Прошла неделя. Алексей, как обычно делал утром, передал дежурящему телохранителю пакет со своими вчерашними записями и направился в здание охраны заниматься с офицерами. Ученики у него подобрались упрямые, поэтому не ушел ни один. Форму он им немного подтянул и продолжал этим заниматься, правда, уже не так усердно, как в первые дни. А со вчерашнего дня занялись отработкой приемов. Алексей понимал, что мало что успеет за месяц-два, поэтому начал обучать своих учеников десятку самых полезных связок. Главное — научить, отработать они смогут и сами, было бы желание. Хорошо, что в группу отбирали тех, кто не занимался самбо. Хуже нет — кого-нибудь переучивать.

Берия приезжал почти каждый день. Пару раз они вместе обедали, а вчера к вечеру он поднялся к ним в комнаты.

— Пока товарищ Сталин мне вас не отдает, — сказал он Алексею, — и я с ним согласен. Вы слишком много знаете, чтобы использовать вас, как боевика. Он сказал, что после этих объяснений, которыми вы занимаетесь, придет черед отвечать на его вопросы. А я смогу воспользоваться вашими услугами, когда возьму власть. Тогда книги по науке будут переданы тем, кто у нас занимается атомом. Вы, скорее всего, тоже поедете туда. У ученых тоже будет много вопросов.

Пожалуй, он был этому рад. Несмотря на симпатию, которую к ним демонстрировал Берия, сближаться с ним как-то не тянуло, а Алексей привык доверять своей интуиции. Лида по-прежнему не показывала свою работу, и, пока его не было, много занималась упражнениями, а перед ужином они больше часа разучивали три связки.

— Тебе, малыш, больше и не нужно, — говорил он жене в ответ на упрек в том, что он ей дает мало приемов. — Лучше один хорошо заученный прием, чем три десятка, которые ты знаешь кое-как. Не умеешь драться — лучше убегай, но не пытайся отмахиваться, разве что прижмут так, что уже не убежишь. А этих трех связок тебе хватит с головой, главное — это делать их без ошибки и с максимально возможной скоростью. В скорости главный успех.

Будешь выполнять медленней, чем нужно, и тебя не спасет никакая техника. В борьбе нет чудес, почти все в ней очень просто. Тренируйся, не жалея себя, развивай тело и учи приемы так, чтобы не думать над их выполнением. Я почему валяю ребят, как хочу? Просто потому, что намного быстрее их. Они видят все мои движения, но даже понимают их цель с опозданием, а о том, чтобы отреагировать, вообще нет речи. Потренируются год—два, станут гораздо быстрее, а мастерами с тем, что я дал, не станут никогда. Для этого нужны годы упорных тренировок с моим участием.

— Что, и мне тренироваться годы? — ужаснулась Лида.

— Чтобы набить морду Лаврентию, тебе хватит месяца, — успокоил ее Алексей. — Через пару месяцев сможешь вырубить и кое-кого из здешних ребят, если ударишь внезапно, и от тебя не будут этого ждать. В дополнение к остальному мы с тобой через пару дней займемся бегом. Здесь есть нормальный маршрут от фонтана к гаражу, потом вокруг дачи и к воротам. Для начала пробежим раз десять, а потом сама доведешь до сотни. Тогда уж точно не растолстеешь и так укрепишь мышцы ног, что хрен тебя кто догонит.

Алексей зашел в дежурку и поздоровался с сидевшими в ней офицерами.

— Алексей Николаевич, — обратился к нему один из них. — Старостин просил передать, что у вас сегодня занятий не будет. Вчера вечером товарищ Сталин предупредил, что после завтрака поедет в Кремль, а из ваших учеников больше половины входят в выездную группу.

— Ну и ладно, я себе тоже устрою выходной, — ответил ему Алексей. — Я тогда заходить не буду, а вы передайте тем, кто остается, что могут отдохнуть. Будет неплохо, если сделают разминку и поработают с тем, что я им дал.

Сталин уехал через два часа. В четыре ЗИСа загрузились два десятка бойцов «девятки» а в пятый сел Иосиф Виссарионович с еще одним из телохранителей. Первыми выехали две машины с охраной, потом сталинский ЗИС и следом с минимальным интервалом пристроились остальные автомашины. Ребята говорили Алексею, что когда не было этих бронированных монстров, то впереди пускали две машины с открытым верхом, чтобы охране было удобно вести огонь во всех направлениях.

Хозяин вернулся через шесть часов и не один. Вслед за машинами дачи через ворота въехали еще четыре ЗИСа. «Свои» машины высадили Сталина и «девятку» и уехали к гаражу а ЗИСы гостей остались стоять вдоль дороги. Вышедшие из них люди разделились. Группа из четырех человек пошла вслед за Сталиным, а остальные направились к воротам.

— Гости приехали, — сказал жене Алексей, смотревший во двор из-за шторы на веранде. — По-моему, среди них были Берия с Молотовым. Еще двоих не узнал.

— Опять сидеть в комнатах! — с досадой сказала Лида. — А я хотела прогулять.

Через десять минут к ним пришел Старостин.

— Видели мы ваших гостей, Михаил, — сказала ему Лида. — Можете не предупреждать, мы никуда не выйдем.

— Как раз вас, Лида, просят выйти, — ответил он. — Приехали те, кто часто навещают Сталина. Кроме Берии, там еще Молотов, Маленков и Микоян. Вот Маленков и пристал к Хозяину. Где вы, говорит, товарищ Сталин, держите красавицу, о которой столько разговоров? Не пора ли разбавить нашу чисто мужскую компанию хоть одной женщиной? Сталин ему ответил, что вы замужем и здесь по делу. Приглашать без мужа неприлично, а мужу в их компании делать нечего. Так Маленков все равно не унялся. Я, говорит, слышал, что она художница. Вот мы ее в этом качестве и пригласим. Пусть нас хоть карандашом

изобразит. Заодно и посмотрим. За осмотр, мол, деньги не берут, а от вас не убудет. Сталин не стал возражать, сказал, что на ваше усмотрение. Пойдете?

— Одну связку я уже изучила, — задумчиво сказала Лида, — и вроде выполняю достаточно быстро. Как ты думаешь, милый? Я думаю, что отказываться неудобно. Хотят, чтобы я их нарисовала? Почему бы и нет? Я очень сомневаюсь, что кто-то из них при Хозяине вздумает приставать, а если такое случится, так я на нем твою связку и продемонстрирую. Вот только во что мне себя упаковать? Знаешь, что... Надену я, пожалуй, то платье, в котором сюда пришла, и, само собой, туфли на каблуках. Серьги тоже не помешают.

— Хочешь произвести на них впечатление? — спросил Алексей. — Зачем?

— На Хозяина уже поздно производить впечатление, а Лаврентий, если ты не заметил, и так уже ходит под впечатлением. Молотову все равно в тапочках я или на каблуках, а вот двое остальных... Не все ли тебе равно, что они подумают, а мне будет легче держать дистанцию.

— Я в основном беспокоюсь из-за Берии. Почистишь перышки, а у него поедет крыша. И что тогда?

— Михаил, скажите им, пожалуйста, что я сейчас соберу все, что мне нужно для работы, и приду. Послушай, Леш. Ты все еще смотришь на Лаврентия под впечатлением когда-то прочитанного. Я ведь уже давно не девочка, какой сейчас выгляжу, и научилась разбираться в людях. Так вот, в Лаврентии нет подлости. Да, он задавил свою совесть и отстранился от того, что творили в его наркомате. И это понятно. Ни один умный врач не станет сочувствовать своим пациентам, он их будет просто лечить, иначе ему самому скоро понадобится помощь коллег. В той жизни и в той борьбе, которую сейчас ведут люди, нет места чистюлям. И ты тоже рано или поздно запачкаешься. Власть многое дает людям и немало у них отбирает. Люди всегда остаются людьми, и многое они делают в первую очередь для себя. Но одни льют кровь только тогда, когда без этого не обойтись, и борются не только за свое место под солнцем, но не забывают и о других, а для других все средства хороши, лишь бы удержать власть, а лучше — захватить ее еще больше. Так вот Лаврентий из первых. А тяга к красивым женщинам... Она ведь есть в каждом из вас, у него просто больше возможностей и плохие тормоза. А в случае со мной можешь не бояться: он не перейдет черты.

— Почему ты так думаешь?

— Во-первых, потому что ему через год будет пятьдесят, и он думает не тем, что между ногами, а головой. И понимает, что в качестве мужчины мне никогда не будет нужен, а ты для него окажешься потерянным. А он, как я тебе уже говорила, человек дела.

— Есть и во-вторых?

— Есть. Дело в том, что я его уже и так зацепила очень сильно. Мне его жаль, но моя совесть чиста: я перед ним хвостом не крутила. Так вот, есть разница в том, чтобы завести короткую, ни к чему не обязывающую интрижку и развлечься с понравившейся тебе женщиной, особенно когда она сама не против, и навязываться той, которая запала в душу, но совершенно к тебе безразлична. Мерзавцу все равно, ему — нет. Так что хуже, чем есть, ему уже не будет.

— Смотри сама, ты у меня женщина самостоятельная.

— Я у тебя в первую очередь женщина замужняя. Если ты против, я туда совсем не пойду, хотя и обещала. Просто я думаю, что могла бы не только дарить тебе любовь, но и

помочь в делах. А для этого нужно хоть иногда выходить из этих стен и показываться на людях. Почему не начать сейчас? Подожди, придет время, они нас с тобой еще будут к себе приглашать. По крайней мере те, которые уцелеют.

— Ладно уж, иди приводить себя в порядок.

Через десять минут Лида вышла из спальни и повернулась, давая себя осмотреть.

— Ну и как я тебе?

— Для меня ты во всех видах хороша, а их сразишь, несмотря на возраст. А Лаврентию я заранее сочувствую. Надеюсь, что ты не ошиблась в его оценке. Не забудь карандаш и бумагу.

— Да, сейчас возьму. Пожелай мне удачи!

— Удачи. И долго там не задерживайся, а то приду забирать. Шучу, иди уже и не вздумай рисовать на них шаржи. Не те люди, могут не понять.

Лида поцеловала его в губы, обдав ароматом духов, и вышла из гостиной.

— Лидия Владимировна, — сказал Рыбин. — Вас ждут в большом зале. Давайте я вас провожу.

— Спасибо, Леша, — поблагодарила Лида. — Не скажете, почему большой зал? Гостей же всего четверо, а в малой столовой восемь мест. Такие встречи всегда проводятся в большом?

— Часто, — ответил Алексей. — Я думаю, что из-за проигрывателя. Да и грампластинки почти все там.

Они вышли в прихожую, где у двери в большой зал стоял Пушкарев.

— Счастливый у вас муж! — сказал он, с восторгом глядя на Лиду. — Вы красивые, как актриса, даже еще лучше!

— Спасибо, Гриша, — сказала она. — Пойду рисовать руководство.

В зале, оказавшемся в три раза больше совсем не маленькой малой столовой, стоял длинный стол, за который можно было посадить полсотни человек. Сейчас за этим столом обедали пятеро. При появлении Лиды все прекратили разговоры и повернули головы в ее сторону.

— Подойдите сюда! — сказал ей Сталин. — Вот товарищи хотели, чтобы вы их нарисовали. Сможете?

— Да, конечно, — ответила Лида. — Только мне нужно где-нибудь присесть. Я могу занять одно из пустых мест?

— Садитесь, где хотите, — кивнул Сталин. — Меня тоже можно рисовать.

«Хоть бы представил, — подумала она, садясь за пять мест от Маленкова. — Чем-то он недоволен. Моим появлением или внешним видом?»

Разложив свои принадлежности, она начала рисовать круглое лицо Маленкова, постоянно ловя на себе любопытные и восхищенные взгляды. Через пятнадцать минут на листе ватмана был выполнен портрет Георгия Максимилиановича, и она перенесла внимание на Молотова. Когда они поели, у Лиды уже были готовы три портрета, и вскоре она должна была закончить четвертый.

— Долго еще? — спросил Сталин.

— Четверых нарисовала, — ответила она. — Остались только вы. Мне нужно еще минут десять–пятнадцать.

— А почему меня рисуете последним? — полюбопытствовал он.

— Я всегда последней стараюсь сделать самую сложную работу, товарищ Сталин.

— Ну, рисуй, — кивнул он. — Лаврентий, поставь что-нибудь из пластинок, послушаем музыку. Или, может быть, споем?

— Выпили всего по рюмке — какие песни? — сказал Маленков. — Споем позже.

Берия включил радиолу, подождал, пока прогреются лампы и поставил пластинку.

— Я закончила! — Лида встала из-за стола и раздала рисунки. — Я могу идти?

— Интересно! — Молотов протянул свой портрет Маленкову. — Посмотри, Георгий. Как на фотографии, вот только взгляд... Разве я так смотрю?

— Смотришь, — ответил Маленков, возвращая портрет. — Меня точно изобразили, спасибо! Сохраню на память.

— А вы маслом рисуете? — спросил Микоян. — Я бы вам заказал портрет.

— Рисую, — ответила Лида. — Но сейчас я работаю с портретом мужа, а потом буду рисовать товарища Сталина.

— Спасибо, Лида! — подошел к ней Берия. — Спасибо за то, что рассмотрели.

— Это что же в тебе такого увидели? — спросил Молотов. — Покажи рисунок.

— Я его уже убрал в портфель, — отказался Берия. — Как-нибудь потом.

— Лаврентий, пластинка доиграла, — сказал Сталин. — Поставь что-нибудь из песен. А вы идите сюда. Это я?

— А вам не нравится? — спросила Лида. — Наверное, это из-за того, что вы были чем-то недовольны, поэтому получился образ хмурого вождя. Если бы вы смеялись, был бы совсем другой портрет. Художник только отражает действительность. Чтобы я ее могла менять, я должна лучше вас знать, а я вас видела всего от силы полчаса за все время, пока мы живем на этой даче.

— Девушка молодец! — сказал Маленков. — Такая работа нуждается в поощрении, не правда ли, товарищи? Вот что бы вы хотели?

— А на рояле можно сыграть? — спросила она, глядя на Сталина. — Я, правда, лет десять не играла, но одну вещь должна помнить.

— Ну если только одну, — Сталин указал ей рукой на рояль. — Лаврентий, подожди с пластинками.

Лида прошла в другой конец зала, откинула крышку рояля и села на стул. Он был нужной высоты и регулировать не потребовалось.

«Надеюсь, ничего больше не попросят играть!» — подумала она и положила пальцы на клавиши.

— Что это была за вещь? — взволнованно спросил Молотов, когда отзвучали последние аккорды. — Я ее ни разу не слышал, но хватает за сердце!

— Я не знаю, — соврала она, возвращаясь в ближний к двери конец зала. — Меня ее научила играть мама. Давно, еще девчонкой. Так мне можно уйти?

Молотов хотел возразить, но Сталин его опередил:

— Конечно, идите. Спасибо, вы нас развлекли.

Лида вышла, чувствуя спиной их взгляды. Кивнув Пушкареву, она открыла дверь в коридор и через пару минут уже была в своей гостиной.

— Ну как, малыш, развлеклась? — спросил Алексей, обняв жену и прижав ее к себе. — Как они на тебя отреагировали?

— По-моему, Сталин был недоволен, — ответила она, устраиваясь на его коленях. — Наверное, он рассчитывал на то, что я откажусь. Мог бы тогда хоть намекнуть. Он вообще со мной ведет себя не слишком вежливо. Сейчас никого мне не представил, да и меня не назвал. Портретом остался недоволен. А что я могу нарисовать, если он сидит, насупившись, как сыч? Таким и нарисовала. Всем остальным понравилось. Микоян так вообще хотел заказать себе нормальный портрет, а Берию проняло. Нет, не мой внешний вид, а то, как я его нарисовала. Он на меня смотрел такими глазами, что ты бы не выдержал и набил ему морду. Я его с этим взглядом и изобразила. Поблагодарил и сразу же спрятал в портфель. А под конец я им сыграла одну вещь... Там в углу стоит шикарный рояль.

— Не знал, что ты умеешь играть.

— А много ты обо мне знаешь? Когда умерла мама, отец отдал меня в привилегированную гимназию для девочек. Там нас всех учили пению и музыке. Причем разучивали на рояле одну единственную мелодию. Написал ее кто-то из композиторов

вскоре после взрыва. Классная вещь, но если бы ты знал, как она нам тогда осточертела! Но этой компании понравилось.

— Я думаю, что после сегодняшнего вечера слухов в Кремле прибавится, причем на этот раз не о непонятно откуда вынырнувшем майоре, а о его жене. Ты ведь на это рассчитывала? Только ведь эти слухи цепляют и вождя. Слышала поговорку о том, что седина в бороду, а бес в ребро? Говорить, понятно, никто не станет, но подумать могут. Вот тебе и причина его недовольства.

— Скоро все должно измениться, — пожившись, сказала Лида. — Всем будет просто не до нас. — Не думаю, что Берия будет долго тянуть. А остальные... Понимаешь, Леша, Сталин ведь их всех приговорил. Я, когда рисую, замечаю все нюансы поведения, особенно когда люди ничего не скрывают. А он не скрывал, значит, все произойдет очень скоро.

— Сталин не вечен. Пусть лучше все произойдет сейчас, пока у него есть еще силы и работает голова. И если все скоро начнется, Берии точно будет не до тебя.

Все началось на следующее утро. Новость сообщил приехавший Старостин.

— Здравствуй, — поздоровался он с Алексеем. — Вы еще наверняка не слышали новость. Сегодня в пять часов утра от острой сердечной недостаточности скончался Хрущев. Савченко арестовал врачей, которые обслуживали ЦК компартии Украины и, по-моему, правильно. Не бывает такого, чтобы здоровый мужчина его лет взял и окочурился. А раз случилось, значит, или преступная халатность, или сговор. Ты здесь человек новый, а я знаю, как он на посиделках глушил водку и полночи отплясывал гопак. В Киев собирается комиссия ЦК. В котором часу от нас вчера отъехали гости?

— В десять с копейками.

— Значит, Сталин должен встать как обычно. Ты ребят сильно не гоняй, потренируйтесь немного и хватит. Если Дед ездит в Кремль, то обычно часа в два-три, но сегодня может уехать раньше.

Сталин в этот день никуда не поехал, обошелся телефоном. Вторую новость им привез один из охранников, который ночевал не в общежитии, а в Москве. Ему дали задание забежать по делам в министерство, там он все и узнал. Сегодня вышел приказ, что их министра снимают с должности и направляют руководить Главным управлением лагерей. Новым министром ГБ стал Лаврентий Берия, сохранивший за собой пост заместителя председателя Совета Министров СССР. Особое удивление вызвало то, что, кроме Абакумова, никто из руководства министерства не пострадал. О смещении Булганина узнали на следующий день. Он остался членом Политбюро ЦК, но лишился должности министра Вооруженных Сил. Новым министром назначили маршала Василевского.

— Наверное, некоторые товарищи задают себе вопрос, зачем мы их сегодня собрали в таком составе, — сказал Сталин, посмотрев на девятнадцать мужчин, сидевших в его кремлевском кабинете, и продолжил. — Здесь присутствуют все члены Политбюро, кроме отсутствующих по уважительной причине Жданова и Кагановича, члены Оргбюро ЦК и Секретариат. Нам с вами, товарищи, сегодня нужно решить ряд чисто партийных вопросов. К сожалению, Политбюро не собиралось на совещания целых полгода, а деятельность Оргбюро свелась к решению немногочисленных кадровых вопросов. Это наша с вами общая ошибка, а ошибки нужно исправлять. Все вы знаете, в каком тяжелом положении находится СССР. В минувшей войне мы понесли огромные потери. Нужно срочно восстанавливать экономику, строить жилье и улучшать жизнь людей. Кроме того, возникла серьезная угроза

самому существованию нашего государства. Американские империалисты и их союзники запустили производство атомного оружия и стягивают силы к нашим границам. Есть попытки не признавать за нами статус великой державы. В такой обстановке весь советский народ должен сплотиться вокруг партии и приложить все силы в борьбе за укрепление Родины. Мы видим у простых советских людей и понимание тяжести момента, и стремление своим трудом улучшить жизнь. Тем большую озабоченность вызывают действия части партийного руководства. Некоторые товарищи то ли не хотят работать, то ли до сих пор этому не научились. Более того, не работая сами, они мешают это делать другим. Вызвано это некомпетентностью или другими причинами, но, по сути, это ничем не отличается от вредительства. Сейчас я говорю о членах нашего ЦК. Сразу хочу уточнить, что не имею в виду никого из присутствующих. Поэтому назрела необходимость разобраться с теми, к кому имеются серьезные претензии. Вы хотите что-то сказать, товарищ Молотов?

— Может быть, по этому вопросу собрать пленум ЦК? — предложил Молотов.

— Это негодное предложение, — возразил Сталин. — Проштрафилось большое количество членов ЦК, и вы предлагаете им же с этим разбираться? Вы бы еще предложили задействовать Комиссию партийного контроля.

— И много таких... проштрафившихся? — счел возможным спросить Маленков.

— Пока задержано и доставлено в Москву пятнадцать человек, — ответил Сталин. — И работали только по Российской Федерации. Хочу сразу всех успокоить. Эти люди пока не арестованы, а задержание связано с работой специальной следственной комиссии МГБ. Ее возглавляет лично товарищ Берия. Все вы получите возможность беспрепятственно ознакомиться с результатами следствия. Если обвинения подтвердятся, мы этих людей осудим, как бывших коммунистов, а суд будет их судить по всей строгости закона. Все это широко осветим в партийной и советской печати. Умалчивать такое нельзя, а люди нас поймут и поддержат. Со своей стороны предлагаю создать партийную комиссию, которая займется нашими товарищами, еще не попавшими в поле зрения органов. Цель не в том, чтобы шельмовать партийные кадры, а в том, чтобы вовремя разобраться в недостатках в их работе. Где можно поправить товарищей, это нужно будет сделать, кому этим уже не поможешь, тех будем менять. Если в результате наших проверок вскроются преступная халатность или злой умысел, таких руководителей будем передавать комиссии МГБ. Мы с вами были свидетелями и участниками многих чисток и знаем, во что они порой выливаются, но эта отличается от прочих. Раньше мы боролись с агентами империализма, шпионами и вредителями всех мастей. Сейчас такие остались только на западных границах, и с ними борются органы, нашего непосредственного участия в этом не требуется. Но опасность разложения части руководства партии, по моему мнению, является еще более серьезной угрозой. Ряд секретарей обкомов и крайкомов, многие из которых так же являются членами ЦК, обвиняются ни много ни мало в массовых убийствах. Уже проведенными проверками установлено, что при их попустительстве, а то и по инициативе, были расстреляны десятки тысяч людей, не имевших вины перед советской властью. Имеют место и многочисленные хозяйственные преступления. Но всем этим, как я уже говорил, будет заниматься товарищ Берия, а наша комиссия займется теми, кто, занимая высокие партийные посты, позорит звание коммуниста. Барские замашки, пренебрежение нуждами трудящихся, злоупотребление служебным положением и некомпетентное вмешательство в работу советских органов власти. Кому многое дается, с тех нужно много спрашивать. В дальнейшем контроль над работой руководящих кадров должен быть постоянным, чтобы не

допускать компаний подобных этой и не дискредитировать партию в глазах людей. Кто-нибудь хочет сделать замечание или дополнить?

— Разрешите мне, товарищ Сталин, — поднялся со своего места Молотов. — Хочу сказать, что согласен с каждым вашим словом, но такая масштабная чистка только силами Политбюро и его органов может вызвать...

— Я понял, что вы имеете в виду, — кивнул Сталин. — Мы сообщим о созыве съезда партии, который обсудит наши действия. Но организация съезда и его проведение требуют много времени, которого у нас нет. В ближайшее время о факте задержания ряда крупных партийных работников узнают многие. Чтобы не допустить распространения слухов и панических настроений в среде партийных работников, я сегодня же выступлю с обращением к народу. Я объясню, чем вызваны наши действия и попрошу людей их поддержать. Вот и посмотрим, как на это отреагируют простые члены партии и беспартийные. Если нас поддержат, в чем я не сомневаюсь, вряд ли кто-то посмеет выступить против, по крайней мере открыто. Надеюсь, никто из вас не даст нам поводов для разочарования. Теперь я предлагаю вам проголосовать списком за следующих членов комиссии: Сталин, Мехлис, Суслов, Кузнецов и Шверник. Комиссия небольшая, но, я думаю, ей надо дать право в случае необходимости использовать возможности Секретариата ЦК и Комиссию партийного контроля. Кто за эти предложения?

— Думаете, Кузнецов справится? — спросил Берия Сталина, когда они двумя часами позже в одной машине ехали в Кунцево.

— Если не справится, очень меня разочарует, — ответил Иосиф Виссарионович. — Он об этом знает, так что будет стараться. Ты хорошо подготовил совещание. Задержался один Молотов, как мы и ожидали. Как идет проверка?

— По большинству никаких сложностей не возникает, — пожал плечами Берия. — Следствия, за редким исключением, никто не проводил даже формально. Никому из них и в страшном сне не снилось, что за это когда-нибудь придется оправдываться. Заодно чистим и свой аппарат на местах. Понятно, что не там, где брали под козырек, а инициаторов.

— Четыре часа, — посмотрел на часы Сталин. — Сейчас должны передавать мое обращение. Завтра оно появится во всех газетах.

— Надо будет усилить охрану дачи, — сказал Берия. — Большинство, безусловно, горячо поддержит, хотя будут опасаться перегибов. Но будут и несогласные.

— Несогласные будут, когда начнем чистить руководство компартий в Союзных республиках, — сказал Сталин. — Но я говорил с Радионовым, так что к тому времени армия будет готова. Пусть только попробуют проявить свое недовольство. Развалить страну никому не дадим. А дача и так хорошо охраняется.

— С Молотовым и Маленковым так и не решились?

— Пусть пока работают, — недовольно сказал Сталин. — Убрать недолго, лучше использовать. Я даже Мехлиса не тронул, хотя надо было. Толковых молодых не так много, как хотелось бы, пока они еще наберутся опыта... Да и я к новым людям уже привыкаю плохо. Хрущев был сволочью, но он был из своих. А теперь через пару недель не будет Жданова. Его многие не любят, но мне без Андрея будет тоскливо. Если сейчас еще убрать остальных, с кем я останусь? С тобой? Скажи, Лаврентий, как там Василий? Он ко мне уже месяц не появляется.

— Пьет меньше, это многие заметили и на язык стал более сдержан, вот только

женщины...

— А как на это смотрит Катерина?

— Возится с дочкой, а на мужа, похоже, махнула рукой. Она ведь опять ходит беременная. А, может быть, ничего и не знает, потому что он стал осторожней. Да, совсем забыл за делами. Звонила Светлана и хотела вас навестить, так что я распорядился послать машину. По времени она уже должна быть на даче.

Через десять минут подъехали к воротам дачи, которые охрана тут же распахнула. Их машина свернула к дому, а ЗИСы охраны выгрузили «девятку» и уехали в гараж.

— Дочь здесь? — спросил Сталин встретившего его в прихожей Рыбина.

— Приехала, товарищ Сталин, — ответил Алексей. — Узнала, что вы еще не возвращались, и ушла в Малый дом. Позвонить?

— Не надо, я сам, — отказался Сталин. — Самохин бумаги оставлял?

— Да, все в комнате на вашем столе.

— Что там можно столько писать? — спросил Берия, который вслед за Сталиным зашел в рабочую комнату.

— Ты прочел только одну книгу, — сказал ему Сталин. — Начнешь читать остальные — поймешь. Мало того, что сильно изменилась жизнь, еще и непонятна связь между записями. Ничего, через неделю закончит, а потом еще посидит над моими вопросами.

— А для чего это, если мы все поменяем? Все равно все измениться.

— Все не измениться, — возразил ему Сталин. — Много повторится, особенно в других странах. И потом это ты увидишь, как оно там будет, а мне интересно заглянуть в будущее самому. Не мешай, займись чем-нибудь, я хочу позвонить дочери.

Светлана ждала в небольшом домике, построенном в сотне метров от главной дачи, сразу взяла трубку и после короткого разговора пошла к отцу. Зная, что она не любит Берию, Сталин вышел ее встретить в прихожую и отвел в свой кабинет.

— Что должно было случиться, чтобы ты вспомнила об отце? — спросил он дочь, садясь на диван. — Садись и излагай.

— Может, я соскучилась. Ну ладно, услышала, что ты поселил на даче красавицу и решила оценить. Это правда?

— Правда, — не стал он отрицать.

— А как же Валя?

— Сколько раз я тебя просил об этом не говорить? Не помнишь? Женщина, о которой ты говоришь, замужем.

— И когда такая мелочь вас останавливала? Твой Власик...

— Все, я сказал! Ты сюда приехала поругаться? Эта Лида больше чем вдвое моложе меня и живет наверху со своим мужем. За месяц я ее видел всего несколько раз, да и то мельком. Да, красива, но меня интересует не она, а ее муж. И ее, кроме мужа, никто не интересует. Это Лаврентий по ней сохнет, причем на простое увлечение не похоже.

— Да ну? — удивилась дочь. — Я ее могу увидеть?

— Оставайся и увидишь. Они с мужем после шести гуляют и любят сидеть в беседке между дачей и Малым домом. И не надо на меня так смотреть: я за ними не слежу. Если ты не забыла, я иногда тоже гуляю. И с веранды их прогулки видны.

— Ты когда будешь обедать?

— А ты проголодалась?

— Еще нет, но скоро проголодаюсь. Просто твой обед совпадает с моим ужином,

почему бы не посидеть вместе? Только если не будет Лаврентия.

— Не будет, — проворчал Сталин. — Чего, спрашивается, взъелась на человека? Сейчас мы с ним поговорим, и уедет.

Самохиных она встретила около шести, как и говорил отец, в большой беседке. Красивый, широкоплечий парень лет двадцати в форме майора ГБ сидел рядом с изящной женщиной, тоже одетой в форму, но без погон. Светлана видела эту Лиду со спины, поэтому, когда Самохина повернулась на звук шагов, была поражена ее красотой и какой-то необычностью.

«У Лаврентия не было никаких шансов — подумала она, заходя в беседку. — Вот почему так устроено, что кому-то в жизни дается все, а на ком-то природа экономит?»

— Здравствуйте, — первой поздоровалась она. — Узнала, что у отца гости и захотелось на вас взглянуть. Если не считать отцовых соратников, гости здесь — это редкость.

— Здравствуйте, Светлана! — поздоровался парень. — Я Алексей, а это моя жена Лида. Если честно, мы в гости к хозяину не набивались, просто ему так было удобно.

— Вы, наверное, совсем недавно поженились? — спросила она. — Я бы вам, Лида, и семнадцати не дала.

— Да, недавно, — ответила Самохина, переглянувшись с мужем. — Но, вообще-то, мне больше лет, чем кажется.

— Вам, наверное, здесь скучно одной, когда муж на службе?

— Пока не почувствовала, — засмеялась Лида. — Алексей уходит только на полдня, а потом работает в наших комнатах. Я ведь, Светлана, художник и сейчас заканчиваю портрет мужа и буду рисовать вашего отца. Кроме этого, время уходит на занятия спортом. И книг я набрала в вашей библиотеке. Нет, пока не скучаю.

— И отец согласился? — удивилась Светлана. — Его рисовали многие, но почти все по фотографиям. Он ужасно не любит позировать даже фотографам.

— Хорошему художнику не нужно долго позировать, — сказала Лида. — Главное для него — это понять характер, суть человека, а для остального делаются несколько эскизов. Муж у меня позировал всего час. Правда, портрет я рисую уже месяц. Фактически почти закончила, остались детали.

— Покажете? — неожиданно для себя спросила Светлана.

— Пойдемте, — поднялась со скамейки Лида. — Для меня общение с новым человеком — это подарок судьбы. Сiju на этой даче уже полтора месяца и не общаюсь ни с кем, кроме мужа и Лаврентия. Охранники не в счет: мне с ними не о чем говорить.

— А как вы относитесь к Берию? — заинтересовалась Светлана.

— Мужу он неприятен, — засмеялась Лида. — Но это и понятно: кому понравится влюбленный в твою жену мужчина! А мне его жалко. Рядом со Сталиным ангелов нет, но Лаврентий сохранил остатки порядочности. Правда, он их запрятал поглубже, потому что так проще жить. А я не из тех дур, которым нравится пленять мужчин и разбивать им сердца. Красота должна дарить радость, а не причинять страдания. Ладно, пойдемте, пока не разлетались комары. Покажу вам картину и пойдем ужинать.

Портрет Алексея Светлане понравился. Самохин смотрел немного сверху вниз с такой любовью и нежностью, с какой на нее саму не взглянул ни один мужчина. Внезапно стало так тоскливо, что на глаза навернулись слезы.

— Это он так смотрит на вас? — дрогнувшим голосом спросила она. — Вы счастливая! А у меня ничего такого не было. Один раз влюбилась, когда еще училась в десятом классе, в

еврея лет на двадцать старше. Отец евреев вообще не любит, а здесь прямо взбесился. Схватил меня за руку, подтащил к зеркалу и кричит, мол, смотри, дура, нужна ты ему такая, когда вокруг него выются артистки? Ему не ты, ему я нужен! Конечно же, он был прав. Позже вышла замуж за другого, родила сына и разошлась. Вот и вся личная жизнь.

— Все еще у вас будет! — обняла ее Лида. — Вам ведь немногим больше двадцати. Разве это возраст? Ладно, уже семь, пора ужинать.

— Отец в это время еще только обедает. Совершенно ненормальный образ жизни. И что-то говорить совершенно бесполезно. Я обещала поесть с ним, но, наверное, поужинаю с вами. Вы где питаетесь, в малой столовой?

— Да, — ответил подошедший к женщинам Алексей. — И сами себя обслуживаем. Когда Берия первый раз пришел вместе с нами с подносом к поварихам, у них чуть не случился удар.

— Представляю, — засмеялась Светлана. — С его замашками и стать с подносом на раздачу! Крепко же вы его зацепили, не думала, что он на такое способен.

— И что ты думаешь делать? — спросил Маленков Молотова.

Они никогда не были друзьями, но помимо работы общались и дома, поскольку жили в одном подъезде дома на улице Грановского, только на разных этажах. Вот и сейчас Маленков, вернувшись из Кремля и поужинав, спустился на этаж поговорить с Вячеславом. Обычно домой возвращались поздно, сегодня их отвезли на пару часов раньше.

— А у нас есть выбор? — вопросом на вопрос ответил Молотов. — Коба уже все за нас решил. Собрать пленум не получится, а на съезд, который будет уже после чистки, соберутся новые люди. Догадываешься, какие решения будут приняты? Сам-то что думаешь?

— Я в принципе не против чистки, — начал Маленков, — особенно если пустить кровь тем, кто сам в ней вымазан с головы до ног. Я узнал у Берии, кого взяли. На каждом тысяч по десять смертей. Коба им припомнит, как его приперли к стене и заставляли подписывать списки. Но ведь это только начало! Таких еще наберется немало, просто хвосты у них покороче. И только этим он не ограничится! А если начнем чистить тех, у кого есть упущения в работе или подпорчен моральный облик... Под это дело можно подвести любого! Он нас всех потому и успокоил, мол, к вам нет претензий, работайте спокойно. Сейчас нет, потом могут появиться. Нас с тобой он поставил перед фактом, но удивлены были не все. Некоторых предупредили, и я знаю, чья это работа.

— Понятно, что все подготовил Лаврентий, — согласился Молотов. — Кажется, Коба определился с преемником. А нас с тобой или уже списали, или могут это сделать в любой момент.

— Абакумова просто отправили на понижение, — сказал Маленков. — И Булганина только лишили министерского поста. Для тех, кого будут вычищать, мы с тобой люди Сталина, поэтому при победе его противников разговор с нами будет короткий. И открыто противиться мы не можем. Он все точно рассчитал. Зачем нас убирать, когда можно заставить делать дело? Молодые у него есть, но пока еще у них прорежутся зубы! Я вижу только один выход — помогать Лаврентию, доказав тем самым свою лояльность. Иначе разделим судьбу Никиты.

— Думаешь, его убрали? — спросил Молотов.

— Почти уверен. Да ты сам его вспомни! У него из всех проблем со здоровьем — одна лысина! Какая там сердечная недостаточность! В МГБ достаточно спецов, которые и нам с

тобой такую же недостаточность организуют по первому приказу. Коба хорошо подстраховался. Почти все арестованные — это дружки Никиты. ЦК сейчас ополовинят, съезд отложат, а армия в руках Василевского, который получил власть от Сталина и из его воли не выйдет. И еще это обращение. Думаю, завтра реакция на него будет повсеместно восторженная! Понятное дело, что восторгаться будут не все, но такие постараются не выделяться. Надо будет завтра походить по улицам и послушать, что будут говорить люди. В газетах и так ясно, что напишут.

— В России все должно получиться, — согласился Молотов. — Разве что с Кобой что случится, да и то не факт, что Лаврентий не доведет начатого до конца. В национальных компартиях будут проблемы.

— Пока в союзных республиках нет национальных армий, на эти проблемы можно наплевать! — махнул рукой Маленков. — И чистить их не все сразу, а по одной. Если где-нибудь поднимут бучу, им же будет хуже.

На следующий день Кузнецов сформировал два десятка групп из работников Секретариата, членов Комиссии партийного контроля и привлеченных коммунистов, присланных Поповым. К концу дня часть набранных для этих комиссий работников по разным причинам отсеяли и к каждой прикрепили по одному следователю МГБ, а в Москву доставили еще трех задержанных членов ЦК. На следующее утро все группы начали работу с партийными архивами и документами, переданными им Поскребышевым.

— Они уже вышли за рамки ЦК, — сказал Маленков Молотову в перерыве, — а следствие уже передает первые дела в суд. Там все прозрачно, поэтому долго канителиться никто не будет. Первые приговоры должны быть уже через неделю. Умно сделали, пустив первыми этих: после них ни у кого уже не будет никаких сомнений в справедливости суда.

— К тебе еще Берия не подходил? — спросил его Молотов. — Значит, подойдет. Коба хочет, чтобы в «Правде» время от времени появлялись публикации видных деятелей партии в поддержку принимаемых мер. Мы с тобой пока еще видные, нам и писать. Меня он попросил это сделать завтра.

— Я его еще сегодня не видел, — ответил Маленков. — Обратится — напишу.

— А Коба хитер, — сказал Молотов, оглянувшись перед этим посмотреть, нет ли кого поблизости. — Всем накрутил хвосты и уехал в Кунцево.

— Если дело не выгорит, он может и выкрутиться, сдав Лаврентия, — понизив голос, сказал Маленков. — Хотя, если все так пойдет и дальше, то это вряд ли. Ему не простят.

— Нам никому не простят, — вздохнул Молотов. — А этими статьями мы себя привязываем к Лаврентию. Теперь уже, хочешь не хочешь, придется идти до конца. Да и не верю я в то, что все ограничится статьями. Смотри, Лаврентий и, похоже, к нам.

— Здравствуй, Егор! — поздоровался Берия. — Тебя я еще сегодня не видел. Вот что, товарищи, есть мнение, что все члены Политбюро с сегодняшнего дня должны быть обеспечены надежной охраной. Работников комиссий это тоже касается. Не исключена возможность терактов. На работу и домой вас будет отвозить не только служебный автомобиль, но и машина с охраной. И просто так вам пока нечего разгуливать. Позвоните, и приедет охрана. И это не шутки и не перестраховка. За одну статью можете получить пулю. Будут задеты интересы слишком многих, а у партийных работников оружия достаточно.

— Смотри, как поливает! — сказала Лида, подходя к окну. — И, похоже, что это надолго.

— Что же ты хочешь, малыш, — Алексей отложил газету и, подходя к ней, обнял, — уже середина сентября. Для дождей самое время.

— Я тебе говорила, что не люблю осени? Она мне всегда напоминала о смерти.

— Тебе ли думать о смерти? — засмеялся муж. — Мне впору записывать себя в соавратители малолетних. Светлана правильно сказала: больше семнадцати тебе не дашь. Если бы ты была такой, когда мы встретились, тебе не пришлось бы проявлять инициативу, я бы сам из штанов выпрыгнул!

— И никто этого почему-то не замечает!

— И не заметит, — Алексей подошел к висевшему на стуле кителю и достал удостоверение. — Посмотри на фото. И заодно на дату рождения.

— Переделал? — спросила она.

— Если бы. Ты свой паспорт давно раскрывала?

— Вообще не раскрывала. Как положила в шкаф, так он там и лежит.

— Вот возьми и посмотри. И учти, что я его тоже не касался.

— Как такое может быть? — растерянно спросила Лида, открыв паспорт. — Фотография изменилась и дата рождения на десять лет позже...

— Наверное, тот, кто подарил нам юность, не хотел, чтобы его подарок нам навредил. Отсюда и изменения в документах, и то, что никто не замечает нашей молодости. Я думаю, все изменилось не только в наших документах, но и в паспортном учете, и в моем деле в министерстве. Благодарю своего бога, или кто он там есть на самом деле. Только все это нам дали авансом, нужно будет еще отработать.

— Хрущева нет, чистка ведется, чего же еще? Что там нового в газете?

— Ничего нового, — ответил Алексей. — Все, как и было, и слава богу. Уже больше недели нет ни одного смертного приговора. Сажаят, снимают с должности, а то и просто в ней понижают, но расстрелы прекратились. Основных мерзавцев убрали, осталась мелочь. И своих орлов на периферии Берия почистил. Теперь любителей искать заговоры там, где их нет, поубавится. После смерти Жданова арестовали всего трех врачей.

— А они виноваты?

— Мне, малыш, об этом забыли доложить, — Алексей улегся на диван и позвал жену. — Ложись рядом, полежим. Все равно тебе нечего делать.

— Если хочешь, я дело найду! — игриво ответила Лида, ложась рядом. — С этой неожиданной молодостью я рядом с тобой просто так долго лежать не могу. И ты вон на меня реагируешь!

— Это позже, — сказал он, отодвигаясь. — Так вот, о врачах. В мое время об этом разное писали, причем не исключали и заговора. Уж очень неприятной фигурой был Андрей Александрович. Возмущало не столько наказание тех, кто его лечил, сколько масштабы репрессий. Начали с врачей, причем посадили многих, потом перекинулись на евреев.

— Я смотрю, у вас их вообще не любят, особенно руководство.

— Руководство их как раз любит, — рассмеялся Алексей, — причем в самом буквальном смысле. Почти у всех руководителей жены являются еврейками. Исключением

были Ленин, Сталин и Калинин, может быть, кто-то еще, но они погоды не делают. Понимаешь, в антисемитизме виноваты сами евреи, их неумное стремление пролезть во власть и все взять под свой контроль. Такие, конечно, не все, но многие, а остальным приходится за них отдуваться. Их в нашей стране всего четыре процента, а во властных органах временами набивалось до половины. Их мало там, где нужно тяжело и долго вкалывать, но много, где чистая и выгодная работа. И объясняли это в мое время некой еврейской гениальностью. Мол, никто не мешает и русским становиться известными врачами, композиторами и режиссерами. Никто не спорит, что среди них немало способных людей, но настоящая еврейская гениальность в другом. Они очень хорошо могут использовать поддержку своих соотечественников для устройства личных дел. В результате, если этому не противодействовать, получим непропорционально большое представительство людей этой национальности во всех значимых органах государства. И кому, кроме них самих, такое понравится?

— Я вспомнила, что отец как-то говорил, что до взрыва евреи контролировали больше трети мировых финансов. О чем был разговор, уже забыла, а это почему-то запомнилось.

— Ну их! — сказал Алексей. — Ругать евреев это все равно что жаловаться друг другу на плохую погоду. Скажи лучше, когда отдашь Сталину его портрет? Мне очень интересно, как он отреагирует на твою работу.

— Светлана просила без нее не отдавать. Она хотела сначала посмотреть сама.

— Мне ее, если честно, жаль. Она к тебе привязалась, а нам скоро отсюда уезжать.

— Дурак ты, Леша, — Лида перевернулась так, чтобы лежать к мужу лицом, и рукой взъерошила ему волосы. — Это она не ко мне, это она к тебе привязалась. Какие же вы все-таки мужчины невнимательные! А ты в этом многих переплюнул. Мне пришлось самой раздеваться и забираться к тебе в кровать, чтобы обратить на себя внимание! Да, что ты только что сказал насчет поездки?

— Я уже несколько дней ничего не пишу, а Лаврентий говорил, что после этой работы нас должны отправить в один из закрытых научных центров. Лично я уеду с радостью — так надоела писанина. И тебе там будет гораздо интересней.

— А как же твои родители? Ты ведь думал съездить и взглянуть одним глазом?

— Как думал, так и передумал, — ответил Алексей. — Понимаешь, когда я сейчас думаю о таком визите, сразу накатывает страх, и я не могу понять его причины. Раньше такого не было. Наверное, мне так показывают, что этого делать не стоит. Мама сейчас, кстати, беременна мной.

— Когда ты так сказал, мне тоже стало страшно! — Лида прижалась к мужу. — Что если из-за изменений в будущем с тем тобой что-то случиться? Ты не исчезнешь?

— Вряд ли, — подумав, ответил он. — В любом случае его судьба не повторит мою, а, значит, это уже будет другой человек с моей внешностью. И раз я еще не исчез, не исчезну и дальше.

В дверь постучали.

— Кого еще принесло! — Лида вскочила с дивана, поправила прическу и пошла открывать дверь, которую они днем запирали. — Света! Вот не ожидала, что ты приедешь в такую погоду. Снимай быстрее плащ, а зонт положи в угол. Да не закрывай, быстрее высохнет.

— Я от машины до дачи дошла под зонтом, — сказала Светлана, снимая плащ. — Понимаете, ребята, почему-то вдруг стало тоскливо и захотелось вас увидеть. Оставила сына

няне и вызвала машину. Не прогоните?

— Плохое настроение это еще не основание для того, чтобы говорить глупости! — отчитала ее Лида. — Садись в кресло, а я сейчас сбегаю на кухню и принесу горячий чай.

— Можно позвонить, — кивнула на телефон Светлана. — Они сами принесут.

— Мне легче сбежать самой. А вы пока поболтайте.

Она через ступеньку сбежала вниз и быстро пошла по коридору в сторону кухни. Дверь сталинского кабинета распахнулась, заставив ее испуганно шарахнуться в сторону.

— Дочь у вас? — спросил ее Сталин.

— Только что приехала, — ответила Лида и неожиданно для самой себя добавила. — Вы так резко распахнули дверь, что чуть не засветили мне по лбу. Я хотела напоить Светлану чаем...

— Не надо так носиться по коридору, — проворчал он. — Возвращайтесь и скажите дочери, чтобы шла в малую столовую, и сами туда приходите. Я позвоню насчет чая.

— И где обещанный чай? — спросил ее муж. — Почему с пустыми руками?

— Что-то в лесу сдохло, — ответила она. — Поднимайтесь, хозяин приглашает нас на чай. Давайте я заодно отдам ему портрет. Ты хотела взглянуть?

— Как у тебя это получилось? — спросила Светлана, с удивлением всматриваясь в работу Лиды. — Он и на фотографиях так на себя не похож, как на твоём портрете! О других портретах я вообще не говорю. Я его таким помнила только девчонкой. Правда, он был моложе. А потом между нами словно пробежала черная кошка. Наверное, я была виновата больше него, но таким я его уже не видела. Я еще и из-за этого редко к нему приезжала. Вряд ли он этот портрет кому-нибудь покажет, а, по-моему, только его и нужно показывать. Что плохого в том, что люди увидят в своем вожде человека? Пока ко мне не приставили охрану, я все время была среди людей и слышала, как они относятся к происходящему. Отца и раньше многие любили, но было немало тех, кто его боялся, так вот сейчас любящих большинство! А когда он написал статью против культа своей личности, любить стали еще больше!

— Что, сильно мешает охрана? — спросила Лида.

— Не то слово! — ответила Светлана. — И не возразишь: в Юру Жданова стреляли даже с охраной. А я сейчас вынуждена работать только дома. Наберу книг... Ладно, пошли быстрее, а то отец будет сердиться.

— Долго ходите, — недовольно сказал Сталин, когда они зашли в малую столовую. — Чай почти остыл, да и булочки тоже.

— Здравствуй, папа! — сказала Светлана, подошла и поцеловала его в щеку. — С чем сдоба?

— Твои любимые, — ответил он. — С яблоками. А вы что стоите? Ждете отдельного приглашения? Это портрет? Поставь где-нибудь, попьем чай, потом покажешь.

Чай был горячий и вкусный, а булочки — еще вкуснее. Алексей тоже любил сдобу с яблоками, но съел только одну булку, глядя с какой быстротой их разбирали женщины.

— Вредно есть столько теста, — заметил Лиде Сталин. — Ты мужа должна кормить, а вы ему ничего не оставили.

— Вредно, когда часто, — возразила она. — Спортom я занимаюсь много, если и растолстею, это будет еще очень нескоро. И булочки это не еда, а подарок судьбы, а подарки должны делать мужчины, мы для того и выходим замуж!

— Ну если так, тогда будем считать, что я с тобой за портрет расплатился, — сказал

Сталин. — Ты свой подарок получила, теперь черед твоего мужа. Он сильно рисковал, когда решил прийти сюда и все-таки пришел и выполнил все, что требовалось. Есть решение наградить его орденом Красной Звезды. Награду я вручу лично. На днях вы оба выедете на Урал в небольшой поселок, куда доступ посторонним закрыт. Там будет создана лаборатория, в которой ученые изучат ваши книги, ну а вы им в этом поможете. Условия жизни там немного похуже, но вас обеспечат всем необходимым. Лучше вам ближайшие год-два пожить там. И пользу принесете, и безопасно. А теперь покажи, что ты там нарисовала.

На свой портрет он смотрел долго, потом спросил Светлану:

— Что думаешь, дочь?

— Я уже забыла, когда ты был со мной таким, — сказала она, отведя глаза. — Прости, я перед тобой виновата.

— Ты не получишь известности с этой работой, — сказал Лиде Сталин. — Хотя выполнено, несомненно, талантливо, не думаю, что покажу его многим. Но пирожков за такое мало. Я подумаю, что к ним еще добавить. А тебе надо развивать свой дар. Там, куда вы едете, это будет сделать трудно, но можно. Недалеко расположен Челябинск, и вы сможете в нем бывать. Лаврентий в вашем поселке тоже будет появляться, если потребуется, всегда поможет. Что пригорюнилась, дочь? Они уезжают не насовсем. Надеюсь, ты и в их отсутствие не забудешь сюда дорогу.

Орден привез на следующий день Берия, а вручил, как и обещал, Сталин.

— Обмоешь как-нибудь сам, — сказал он, отдавая Алексею коробочку и удостоверение. — Будут результаты от вашей поездки, будут и награды. Трудись, майор, а мы о тебе не забудем. И заberi это.

Он положил на стол метатель.

— Завтра поедешь в министерство, — сказал Берия, когда они вдвоем вышли из кабинета Сталина. — Все документы для тебя будут готовы. Получишь подъемные, и собирайте вещи. Часов в семь вечера сюда прибудет машина с сотрудником, который будет сопровождать вас до объекта и поможет устроиться. Поезд у вас отходит в восемь с минутами, так что успеваете нормально. Ехать меньше двух суток, поэтому лучше вам затариться продовольствием на кухне. Я скажу, чтобы приготовили. Майор, который с вами поедет, тоже будет не с пустыми руками. В поезде есть питание, но я бы вам его не советовал. Я отправил указание директору комбината Мазуркову, так что вас должны хорошо устроить. Лаборатории еще нет, и ученые не приехали, так что пока отдыхайте и обживайтесь на новом месте. Там можно хорошо порыбачить, да и охота неплохая. Только не лови рыбу в озерах. Работа начнется через пару месяцев, когда подберем кадры и обеспечим вас всем необходимым. Пока найдем временно помещение в городке, а весной выстроим здание КБ, где в дальнейшем будете работать. Запомни, что никто из ученых не должен знать, откуда вы взялись. Их предупредят, что излишнее любопытство наказуемо. И вы об этом должны постоянно помнить. В случае утечки лично вам ничего не будет, а вот они могут пострадать. Возможно, исключением будет академик Курчатов. Но в таком случае тебя предупредят. Научную информацию по вашей теме можешь выдавать любую, все остальное под запретом. Я туда периодически навещаюсь, так что встретимся. Не знаю, получится ли завтра увидеться, поэтому прощаюсь сейчас. Скажи жене... В общем, удачи вам!

— Подождите, Лаврентий Павлович! — остановил его Алексей. — Вы нас, случайно, не

в Челябинск-40 отправляете?

— Так! — остановился Берия. — Так ты о нем знаешь? Откуда?

— Я о нем еще в своем времени слышал, — ответил Алексей. — Все-таки работал не в аптеке. А потом в будущем ползая по Сети. Ну это такая система, в которой можно было узнать почти все. Меня интересовало, какие виды оружия массового уничтожения могли еще придумать. Кроме микроволновых излучателей, ничего не нашел, но посмотрел конструкции атомных и водородных бомб. В моем времени все знали только принцип, подробностей нигде не излагали, а мне стало интересно.

— А почему молчал?

— Да я как-то не придавал этому значения. Мало ли что я знаю! Сказали, что наукой займемся потом, я и ждал. Да и под наукой понимал в первую очередь то, что принес в книгах. Знаю-то я до фига, вот только вытащить эти знания из головы и связно изложить будет трудней, чем писать комментарии к книгам.

— Ничего, вытащим! — заверил его Берия, выразительно посмотрев на Алексея. — Слушай внимательно. Сопровождать вас будут двое сотрудников. С тебя по приезду возьмут кучу подписок, а пока закрой рот и держи все свои знания при себе. Если появится Курчатов, ему разрешаю говорить все, что помнишь по атомному и водородному оружию. И больше ничего! Понял? Ну тогда все.

— Вернули метатель? — сказала Лида, когда он вернулся к себе и бросил оружие на стол. — Что это ты какой-то взъерошенный?

— очередной раз сделал глупость. У наших сейчас гонка с американцами, кто быстрее наделает атомных бомб. Они свои уже испытали, а мы это сделаем только в следующем году.

— А ты тогда при чем? — спросила Лида. — Если наши через год их взорвут, то конструкцию уже наверняка знают.

— Атомную знают, в с водородной только начали заниматься. Да и у американцев ее пока нет. А я как-то не придавал значение своим знаниям. Сейчас сказал Берии, а тот едва сдержался, чтобы не покрутить пальцем у виска, но лицо у него при этом было очень выразительное. Ладно, возьми наш первый орден и куда-нибудь пристрой.

— Может быть, пристроить его на твоём кителе? — спросила Лида. — Где делать дырку?

— Нигде не нужно дырок, — ответил он. — Будем скромней. Я все равно в дорогу надену костюм, а приедем на место, тогда посмотрим. Я завтра должен съездить в министерство за документами и деньгами. Надо будет это сделать со Старостиным. Тогда заодно уломаю Михаила остановиться у того дома, где мы сделали тайник. Надо все забрать с собой. Кто его знает, когда удастся в следующий раз приехать в Москву. Ты сможешь сама уложить вещи или тебе помочь?

— Уложить-то я уложу, только нам двух чемоданов будет мало. Купи еще один и на всякий случай хозяйственную сумку с крепкими ручками.

На следующий день сразу после завтрака Алексей надел форму и пошел прощаться со свободными от дежурства офицерами. Для всех он уже стал своим, поэтому попрощались тепло.

— А где Старостин? — спросил он у дежурного, перед тем как покинуть здание охраны.

— Он эту ночь не ездил домой, а ночевал в общежитии, — ответил офицер. — Пока не подходил.

— Не меня ищешь? — спросил зашедший в дежурку подполковник.

— Тебя. Ты в курсе, что мне нужно в министерство?

— Тебе нужно, а я должен быть в курсе? — хохотнул Михаил. — Что, хочешь съездить вдвоем? Вообще-то, можно, но только если ненадолго, а то у меня через два часа дежурство.

— Туда и почти сразу же обратно, — заверил Алексей, — и на пять минут заскочим в одно место. Заодно и поговорим. Знаешь, что мы сегодня вечером уезжаем?

— Откуда мне знать? Дед не говорил, ты тоже молчишь. Куда и насколько?

— Я сам только вчера узнал от Бери, — виновато сказал Алексей. — Надо было найти тебя и посидеть, но он мне малость накрутил хвост, и все вылетело из головы. Уезжаем на Урал, а насколько — этого я пока сказать не могу. На год-два, не меньше.

— Служба, — философски сказал Михаил. — Жаль, я к вам привык. Пошли за машиной, а поговорим в дороге.

Время на поездку потратили совсем мало, да и в министерстве все прошло быстро и без волокиты. Все документы были готовы, и в кассе очереди не наблюдалось.

— Действительно, быстро, — садясь за руль, сказал Михаил. — Говори, куда хотел заехать.

— Я тут перед тем, как к вам идти, припрятал на всякий случай деньги и кое-какую мелочевку, — сознался Алексей. — Уезжаю надолго и решил забрать. Это всего минут десять езды.

— Ладно, конспиратор, — проворчал Михаил, — говори адрес.

Через десять минут остановились у нужного дома и Самохин сходил за шкатулкой.

— Ну и что ты тут прятал? — спросил Михаил, когда Алексей вышел из подъезда с ней в руках. — Есть что-нибудь запрещенное?

— По-моему, ничего, — ответил Алексей, садясь на свое место и открывая шкатулку. — Посмотри сам. Это деньги, украшения жены и боеприпасы к моему оружию.

— Что, вернули?

— Сталин вчера отдал после награждения орденом.

— И каким же орденом тебя наградили, орденоносец?

— Красной Звезды. Ну чего ты на меня так смотришь? Я же сказал, что вчера был в растрепанных чувствах, какое там обмывание!

— Когда отъезд?

— В семь должна прийти машина, а поезд в восемь. Ты еще будешь на дежурстве.

— Дед в это время обедает, и я ему не нужен. Хоть ты и свинья, все равно провожу. Машину ради вас на дачу не пропустят, так хоть вещи помогу донести.

— Тормозни у магазина, — попросил Алексей. — Совсем забыл, что нужно купить чемодан и сумку. Я быстро.

— Какой-то ты не такой, как обычно, — заметил Старостин, когда купленный чемодан отправился на заднее сидение, а ЗИС опять понесся по московским улицам. — Был собранный и уверенный в себе офицер, а сейчас... даже слов не подберу! Неужели из-за вчерашней взбучки?

— Вряд ли, — подумав, ответил Алексей. — Просто я слишком долго прожил на вашей даче и сильно расслабился. Я ведь знал, что придется уезжать, и все равно резко отреагировал. Наверное, еще из-за того, что посылают к черту на кулички, и вся жизнь теперь пойдет совсем по-другому. А взбучка пошла уже довеском.

Жена собрала вещи в два чемодана и ждала его приезда в кресле на веранде.

— Поставь чемодан у дивана, — сказала она Алексею. — Я для него отложила

оставшиеся вещи. Потом сама сложу.

— Отдыхаешь? — спросил он, садясь в соседнее кресло.

— Скорее, прощаюсь. Не от чего мне отдыхать. Скучновато здесь жить, но и хорошего было немало. Наверное, еще буду с сожалением вспоминать. Все сделал?

— Да. Все взял в министерстве и шкатулку тоже забрал. Я ее положил на диван.

— Михаил не интересовался, что ты забыл на чердаке?

— Я ему сам все рассказал. Он на меня обиделся за то, что сказал только сегодня о награждении и отъезде.

— Правильно сделал. Я заметила, как к тебе тянутся самые разные люди. Мы с тобой здесь живем три месяца с половиной, а Михаил уже считает тебя своим другом. А с друзьями не прощаются мимоходом. Где он сейчас?

— На дежурстве. Обещал вечером проводить.

— Ладно, я перед ним за тебя извинюсь, а сейчас соберу вещи и затащу тебя в кровать. Кто его знает, когда следующий раз доведется побыть вдвоем, так что надо пользоваться, пока есть такая возможность. Или сделать это после обеда?

— Лучше сейчас, — решил Алексей. — А потом можно будет повторить ближе к вечеру. Ужинать сегодня придется раньше, поэтому давай раньше и пообедаем.

На ужин был сюрприз: работники кухни сами накрыли им стол в малой столовой.

— Смотри, красная икра! — удивленно сказала Лида, оглядывая богато уставленный стол. — Я ее ела только в детстве. И это все на ужин? В меня столько не влезет! И эти сумки тоже нам?

— Лаврентий говорил, что нам приготовят продукты в дорогу, — пояснил Алексей. — Нечего разглядывать эту кулинарию, ее кушать нужно. Садись и постарайся съесть побольше, а то обидятся. На новом месте таких разносолов точно не будет. А вот и Михаил!

— Здравствуй, Лида, — сказал зашедший Старостин. — Товарищ Сталин передал, чтобы после ужина зашли к нему. Он будет в кабинете.

— Присядь с нами, Миша! — попросила Лида. — Посиди хоть немного, заодно и поешь. Нам здесь наложили на четверых. И извини этого охламона, он обещал исправиться.

— Ну если обещал... — Старостин сел за стол и помог им его очистить.

Заодно немного пообщались.

— Посуду уберут без вас, — сказал он Самохиным, когда закончили есть. — Сумки я сам отнесу, а вы идите в кабинет. Дежурит Гриша, его насчет вас предупредили.

— Подойдите ближе, — сказал Сталин, когда Пушкарев пропустил их в кабинет. — Я обещал расплатиться за портрет. Это тебе.

Лида взяла из его рук неожиданно тяжелый пакет и достала из него пистолет. Сбоку над спусковым крючком желтела небольшая золотая пластинка, на которой было выгравировано несколько слов: «Лидии Самохиной на память И. В. Сталин».

— Не люблю, когда у женщин в руках оружие, — сказал ей Иосиф Виссарионович. — У дочери отобрал, но тебе дать можно. Ты сильная и глупости не сделаешь. Это хорошо, что муж учит драться, но несерьезно. От пьяницы отобьешься, но от него проще убежать. А для серьезных врагов лучше это. В пакете патроны и удостоверение. Лаврентий сам подписал и сделал нужные отметки, так что и там, куда вы едете, сможешь пользоваться. Муж научит. Дочь хотела проводить и попросила прислать машину, но я запретил. Пусть на меня обижаются, но ей это ни к чему. И лучше о моем подарке не распространяться. Идите, скоро уже прибудет машина. Михаил вам поможет.

Они попрощались и вышли в коридор, где рядом с телохранителем их ждал Старостин с сумками в руках.

— Что вы их держите, Михаил! — сказала ему Лида. — Они же тяжелые. Вынесите их и поставьте на пол в тамбуре, а мы сейчас сходим за вещами и переоденемся в дорогу. Нет, чемоданы нести не нужно. Они набиты одеждой и очень легкие.

Через десять минут они втроем шли к воротам, за которыми был слышен шум мотора подъехавшей машины.

— Расщедрились для вас, — сказал Михаил, сгружая сумки в просторный багажник сто десятого ЗИСа. — Давайте чемодан, Лида, а Алексей свои уложит сам. А теперь я вас дружески поцелую. Счастливо вам, ребята, добраться и устроиться на новом месте! Держите бумажку и постарайтесь не потерять. Это мой адрес. Вы у нас люди секретные, так что на отсутствие писем не обижусь, но если будете в Москве и не заедете, можете больше не показываться на глаза!

— Давайте, товарищи, не будем терять время! — поторопил Самохиных майор ГБ, сидевший в середине салона. — Садитесь на задние сидения.

Они попрощались со Старостиным и заняли указанные места, после чего шофер развернул машину и хорошо разогнал ее на почти пустом в это время шоссе.

— Куда так несемся? — спросил Алексей. — До отхода поезда еще не меньше часа.

— Нужно забрать напарника, — пояснил майор. — Будем знакомы. Я Николай Волков, отдел «ДР». Вас я заочно знаю, так что можете не представляться.

— Вы на объекте уже были или, как и мы, в первый раз? — задал вопрос Алексей. — Спрашиваю потому, что задание у вас не по профилю отдела. Это не из-за нас?

— Из-за вас, — Николай кивнул на шофера. — Поговорим на эту тему потом. — Мой напарник из отдела «К» и едет на объект уже не в первый раз.

На подъезде к столице шофер сбавил скорость и через двадцать минут езды по плохо освещенным улицам по команде майора остановился возле большого дома, наверное, еще дореволюционной постройки.

— Не надо сигналить, уже идет, — сказал ему Николай.

Напарником оказалась женщина лет тридцати в звании капитана.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровалась она, передавая майору небольшой чемодан. — Подержи, Николай, а то у меня еще сумка. Не будем тратить время на багажник. Поехали, Семен. Что вы так долго-то? Ведь договаривались на половину восьмого. Да, Елена Баляева.

— Немного задержали машину, — объяснил Николай. — Ничего, время в запасе еще есть, успеем.

Без десяти восемь прибыли на Казанский вокзал, взяли носильщика и через десять минут уже устраивались в своем купе.

— Как на ней можно спать? — спросила Лида, имея в виду верхнюю полку. — Если оттуда упасть...

— Женщины у нас будут спать внизу, правда, майор? — сказал Алексей. — Они существа нежные и ранимые. А если с полки спикирует один из орлов Судоплатова, это ему ничем не грозит.

— Это точно, — подтвердила Елена. — Был уже случай проверить.

— А я что, возражаю? — пожал плечами Николай. — Наверх, так наверх. Ужинать никто не будет? Ну и ладно. Давайте уложим ненужные вещи и дождемся отправления, а

потом возьмем постели и завалимся спать. Не знаю, как вы, а я постоянно недосыпаю.

Поезд тронулся через пятнадцать минут, а еще минут через пять к ним пришла проводница. После ее ухода мужчины покинули купе, чтобы дать женщинам возможность переодеться.

— Не куришь? — спросил Николай Алексея. — И правильно делаешь. Терпеть не могу дыма, а у нас почти все курящие. Наверное меня из-за этого с вами и направили. Что ухмыляешься? Выкурил бы я сейчас пару папирос и закрылся с вами в купе. Ну что, переоделись они или еще нет?

— Сейчас я возьму у проводницы постели, тогда и зайдем, — сказал Алексей. — Я тебе сочувствую. Курильщиков сам не терплю, а курильщик в купе — это мрак, особенно когда нельзя открыть окно.

Он сходил в купе проводницы, забрал постели и отказался от предложенного чая. Через полчаса в шестом купе спали все, кроме Лиды, которая лежала на боку и смотрела во тьму за окнами, слушала перестук колес на стыках рельсов и гроыхание сцепок. Вскоре она заснула и была разбужена резкими рывками вагона, светом станционных прожекторов и шумом проезжавших мимо составов. Их поезд остановился возле ярко освещенного здания вокзала и долго стоял, пока опять не двинулся, уходя от света и шума в темноту ночи. Она просыпалась еще несколько раз, удивляясь тому, что всем остальным не мешают спать ни шум, ни свет, ни даже рывки состава, от которых ее постель ерзала по полке.

Проснувшись она не сама, разбудил муж.

— Малыш! — легко потряс он ее за плечо. — Ты собираешься сегодня вставать или нет? Мы тут уже все давно клацаем зубами от голода, чай остывает, а ты храпишь и не думаешь просыпаться. Вот меня все купе и делегировало тебя поднять.

За окном рассвело, но было пасмурно и шел дождь, а на столике действительно стояли четыре стакана с чаем в металлических подстаканниках. Николая в купе не было, а уже одетая Елена скатала свою постель и сидела у окна с книгой в руках.

— Я выйду в коридор, а ты приводи себя в порядок, — сказал Алексей. — Постель убирать не нужно, мы и на ней посидим. И можешь надеть пижаму, я думаю, что Николай это переживет.

— Ну что, разбудил, благоверную? — спросил Николай. — Она, наверное, в поездах вообще не ездила. Вчера осматривала купе, открыв рот, а ночь наверняка толком не спала. Без привычки так оно и бывает. Нас предупредили, что вы люди со странностями, но в причинах этих странностей разбираться чревато крупными неприятностями. Кстати, если жене нужно будет посетить туалет, обязательно проводи, иначе это нужно будет делать мне. Или отправим с ней Лену.

— Елена не оперативник? — спросил Алексей. — Спрашиваю, чтобы знать, на что можно рассчитывать с ее стороны.

— Не оперативник, но и не кабинетный работник, так, немного того, немного другого.

— Заходите уже, голодные! — сдвинув дверь, сказала Лида. — Шевелитесь, а то чай действительно остынет.

— Давайте посмотрим, что нам здесь наложили, — предложил Алексей, доставая сумку с провизией. — Чувствует мое сердце, что мы все это и вчетвером не съедим.

— Ничего, Алексей, — сказала Елена. — Мы будем в Челябинске рано, и все кафе и столовые будут закрыты. И из города мы уедем еще до их открытия, а пока доберемся до места... А потом, квартиру-то вам дадут, но пустую. Раскладушки с матрасами обеспечат и

все. У вас там даже посуды не будет. Столовые есть: одна в городке, а другая на комбинате, но разносолов там не ждите. Еще год-два все будет строиться и приводиться в порядок, тогда там будет неплохо. А пока школу построили, а больницы нет, даже городской парк сделали только наполовину. Есть магазин, но вряд ли вы в нем найдете все необходимое. Составите список покупок, а я для вас организую машину в Челябинск. Вот там можно будет купить все. Так что вы продуктами не разбрасывайтесь, они вам еще и самим пригодятся.

— Учту, — пообещал Алексей. — Только еще не зима, и половина этого богатства до завтра протухнет. Отравимся, и с вас снимут не только погоны, но и головы. Поэтому дружно навалились и съели все скоропортящееся. А то, что может полежать, я, так и быть, пока уберу. А для начала попьем чай.

— А куда прячешь сдобу? — запротестовала Лида.

— Сдоба полежит, а ты ешь мясо, паштет и яйца. Нам с тобой даже любимую печеную картошку Деда отдали. Мажь на хлеб масло и ешь. Да и других продуктов здесь навалом. Нет, Лена, вашу курицу мы оставим на обед, а то и на ужин. У нас ведь еще одна сумка есть. Что там? Так, красную икру нужно съесть в первую очередь!

— Чуть по привычке не сказала «наркомовский паек», — засмеялась Лена. — Вы не министра ограбили? Я ее только к праздникам беру.

— Нас, дорогая Лена, тоже в детстве икрой не закармливали, — сказал ей Алексей, доставая балык и ветчину. — Все поняли задачу?

— Я поняла, — кивнула Лида. — Но чтобы с ней справиться, мне нужно кое-куда отлучиться.

— Я с тобой, — поднялась Лена. — Возьми мыло, а я прихвачу полотенце, одного хватит.

— Вас с нами надолго командировали? — спросил Алексей, когда женщины ушли.

— Командировка бессрочная, — ответил Николай. — Ни у меня, ни у Лены нет семьи, нас, наверное, еще из-за этого выбрали. Отозвать, конечно, могут в любой момент, но не раньше, чем пришлют замену.

День прошел скучно. Расспросить Елену о городке не удалось. Она ответила на пару вопросов, потом стала уводить разговор в сторону, а под конец просто отказалась говорить на эту тему, сославшись на инструкцию. Треп ни о чем быстро угас, и все до обеда разбрелись по своим полкам. Мелькавший за окнами серый пейзаж, перечеркнутый косыми струями дождя, ничего, кроме уныния, не вызывал. После обеда Николай достал колоду карт, и они часа два резались в «дурака», научив этой игре Лиду. Потом мужчины рассказали по нескольку анекдотов, и на этом лимит общения был исчерпан. Вечером поужинали очень рано и совсем немного, после чего все улеглись спать. На этот раз плохо спавшая прошлой ночью Лида заснула одной из первых и ночью просыпалась всего один раз, да и то ненадолго. В Челябинск прибыли в семь утра. Дождя в городе, к счастью, не было, поэтому обошлись без зонтов. Крикнули носильщика с тележкой, с помощью которого перебрались в зал ожидания вокзала, где Самохины вместе с Еленой остались ждать машины, а Николай, взяв такси, поехал за ней в территориальное Управление МГБ. Вернулся он только через пару часов.

— Пришлось долго ждать начала рабочего дня, — хмуро сказал он Самохиным. — О нас сообщили, но кто-то решил, что мы можем подождать. Я не стал разбираться, кто именно у них там такой самостоятельный, а то бы приехал еще позже. Передам в министерство, пусть разбираются, если сочтут нужным. Машина ждет на площади, поэтому сейчас поедem. Это рядом, так что обойдемся без носильщиков. Продукты мы подъели, а чемоданы у вас легкие.

Мужчины нагрузились вещами, оставив женщинам по небольшому чемодану, и все вместе вышли на привокзальную площадь. В полусотне метров от вокзала их поджидала новая «Победа». Водитель уже открыл багажник, и в него сгрузили все вещи, кроме продуктовых сумок Самохиных.

— Перекусим по дороге, — пояснил Алексей. — Сейчас сядем, и я всем сооружу бутерброды с ветчиной. Сколько нам ехать?

— Часа два, — ответила Елена. — Но если хотите есть, нужно этим заняться сразу, потом будет неважная дорога.

Сначала было неплохое шоссе, и они с удовольствием съели по паре бутербродов, потом дорога пошла хуже, и машину стало трясти, поэтому шоферу пришлось немного сбавить ход. Километра за два до городка дорогу перегораживал шлагбаум, возле которого было построено небольшое одноэтажное здание для охраны. Сама охрана КПП в составе лейтенанта ГБ и пяти автоматчиков профессионально окружила машину.

— Предъявите документы! — приказал лейтенант.

Стоявший рядом с ним сержант подбежал к «Победе» и, собрав у всех документы, отнес начальству. После их просмотра лейтенант приказал Самохину выйти из машины.

— Почему в гражданском? — спросил он, с явным недоверием осматривая Алексея.

— А какое вам дело, лейтенант? — ответил тот. — Я могу приехать хоть в домашнем халате и тапочках, вас это не касается. Что-то не так с моими документами? Тогда прямо и скажите!

— У вас не может быть указанного в документах воинского звания! — с неприязнью сказал лейтенант. — Ваш возраст не подходит!

— К вашему сведению, в жизни случаются исключения из правил, — пояснил Алексей.

— Василий Сталин, например, в двадцать шесть лет стал генерал-лейтенантом. Так что для меня звание майора это еще не предел. Но если вам что-то кажется, и вы не верите офицерам центрального аппарата МГБ, которых отправили меня сопровождать, и бумагам с подписью министра, флаг вам в руки и барабан на шею. Я вижу, здесь проложена телефонная связь. Позвоните в комендатуру, пусть они пришлют машину и отвезут меня к себе. Там уже будет видно, с кем они станут дальше разбираться, со мной или с вами. Нет у меня никакого желания выяснять здесь с вами отношения.

— Пойдите здесь! — решил лейтенант. — Я доложу начальству.

Он ушел в домик охраны и вернулся через несколько минут.

— Ваша фамилия есть в списках, — сказал он Алексею. — Возьмите, пожалуйста, документы и садитесь в машину. Онищенко, открой шлагбаум!

— Ну и почему вы им не предъявили свои бумаги? — спросил Алексей, когда пост охраны скрылся за поворотом дороги.

— А зачем? — сказала Елена. — Это только первый пост, проверять вас будут в городке. Наши бумаги не для этого лейтенанта. О вас предупреждены все, кому положено знать, а действия охраны могли привести только к потере времени. Ну отвезли бы вас для проверки на другой машине, что с того? Нам все равно туда ехать. Так, поворачиваем направо и потом еще раз через пару кварталов. Там я скажу, где остановиться.

— Кто вам виноват, что так молодо выглядите? — добавил Николай. — Думаю, вы из-за этого еще не раз столкнетесь с недоверием.

Его слова оказались пророческими.

— Вы в звании майора? — недоверчиво уставился на Алексея пожилой майор, на стол к которому отправились сопроводительные документы на Самохиных.

— Надо было не соглашаться с Берией и просить, чтобы дали младшего лейтенанта, — вздохнул тот, добавляя к бумагам свое удостоверение и командировочное предписание. — Вы этим офицерам верите? Вот у них и спрашивайте, где они меня такого нашли. А то, может быть, я американский шпион с неудачно подделанными документами?

— Все в порядке, Александр Евгеньевич, — усмехнулась Елена. — Там, откуда его взяли, шпионов не бывает. А возраст... Он еще постареет. Давайте побыстрее закончим, нам потом их еще устраивать.

— Вы кто по специальности? — спросил майор Лиду. — В сопроводительных документах стоит прочерк.

— Художник, — ответила она. — Но ничего не оканчивала, кроме школы.

— Оружие имеется?

— У меня штатный «ТТ», а у жены «Вальтер-ППК». Лида, покажи документы.

На стол легло еще одно удостоверение.

— Надо же! — сказал майор, увидев роспись министра и отметки. — Таких клиентов у меня еще не было. Интересоваться вами мне запрещено, есть указание оказать содействие. Вы их сейчас куда, в администрацию?

— Да, — ответила Елена. — Повезем устраивать их, а потом приедем к вам устраиваться сами. Паспорта для прописки я потом передам.

— Временные отметки вам сделали, — сказала она, когда все опять сели в машину. — Сейчас поедем вас устраивать, а по пути я покажу, где столовая, магазин и баня. Школа вам не нужна, а больше здесь пока ничего нет. Железнодорожный вокзал в километре от городка, а парк, как я уже говорила, только начали делать. На комбинат, если будет нужно,

съездим позже. Как устроитесь, возьму у вас паспорта. Всех местных прописывают в Челябинске.

Устроили их очень быстро.

— Насчет вас есть указание Ванникова, поэтому квартира подготовлена, — сказал им представительного вида мужчина. — Директор распорядился поселить вас на Школьной, там у нас живет все руководство. Подождите, я сейчас оденусь и съезжу с вами — так будет быстрее.

Уже через десять минут их провели в двухкомнатную квартиру, оставили два ключа от замка входной двери и помогли перенести вещи. Пообещав позже навестись, Николай с Еленой поехали устраиваться сами.

— Да, не дача Сталина, — сказала Лида, осматривая комнаты. — Вся квартира меньше одной нашей гостиной.

— Не ворчи, нам с тобой по местным меркам и так досталась царская квартира, вот только всей мебели — это две раскладушки и табуретка на кухне. Обещали еще привезти матрасы и подушки, и какую-нибудь посуду сегодня купим в магазине, а на завтра попробуем выбить грузовик, и я сметаюсь в Челябинск. Денег навалом, так что постараюсь сразу все купить. Давай здесь все внимательно осмотрим и составим список того, что нужно, а то я обязательно что-нибудь забуду.

Жилой площади в обеих комнатах на глаз было меньше сорока квадратов, кухонька была совсем маленькая, но туалет и ванная комната находились в отдельных помещениях. Окно кухни и балкон в гостиной выходили во внутренний двор с видом на громаду комбината, а окно в спальне смотрело на Школьную улицу, пожалуй, самую приличную в городке.

— Смотри, какая просторная прихожая, — сказал Алексей. — Сюда и одежный шкаф войдет. Бери ручку, бумагу и пиши.

— А что писать? — растерялась Лида. — Я на электрической плите ни разу не готовила, я вообще почти ничего не умею готовить! И как здесь стирать? Может быть, здесь есть прачечная?

— Это вряд ли, малыш, — Алексей подошел к жене, обнял ее и поцеловал в макушку. — Не бойся, ничего такого сложного в домашнем быте нет. Угораздило же меня жениться на миллиардерше, теперь всему придется учить самому. Ничего, у нас с тобой два месяца отпуска, все потихоньку сделаем, всему научишься. А стирать я буду сам, не женское это дело. А потом, может быть, возьмем домработницу, а то или ты до своего мольберта не доберешься, или я помру от голода. Ну что, идем в магазин?

Магазин был единственным и продавались в нем продукты и кое-какая хозяйственная мелочь, в том числе и посуда. Ее и купили, выбирая самое необходимое.

— Остальное купим в Челябинске, — сказал Алексей. — Там больше выбор. Вообще-то насколько я знаю, закрытые города очень неплохо снабжались, просто здесь все еще только начинается. Через год будет все, и не придется мотаться в Челябинск.

Через полчаса после их возвращения во двор дома заехал грузовик, и солдаты внесли Самохиным небольшой стол, табуретку и постельные принадлежности.

— Живем! — сказал жене Алексей. — Матрасы, подушки и одеяла у нас есть, даже постельное белье привезли. Сегодня будем спать, как белые люди. Давай сложим сумки с остатками провизии на балконе, чтобы ничего не пропало, а пообедать сходим в столовую. Заодно оценим здешний общепит, а поужинаем дома. Наши сопровождающие все равно не скоро придут, им самим еще нужно устраиваться. Это не командировка на несколько дней,

они здесь надолго застряли.

Столовой остались довольны.

— Не кухня Сталина, но лучше той московской столовой, где мы ели, — сделала вывод Лида. — Если не захочется готовить, можно будет поесть здесь. Плохо только, что очередь. Пошли домой, я хочу отдохнуть.

В квартиру они зашли за несколько минут до прихода Николая.

— Я уже договорился насчет машины, — с порога сказал он Алексею. — Завтра будь готов к девяти. Я тоже поеду и кое-что себе куплю. Не мебель, конечно, она у нас казенная. А вообще, планируй покупать тяжелые и громоздкие вещи. За мелочевкой съездим отдельно на легковушке. О вас, кстати, уже справлялись. Через несколько дней должен приехать кто-то из научного руководства, которому ты будешь нужен, но это точно не завтра. Так что готовься к поездке. Лишь бы не было дождя, а то ее придется переносить. С соседями еще не познакомились?

— Когда бы мы успели? — спросила Лида. — Сами только въехали и все время в бегах.

— Тогда хочу дать один совет. Ты ведь и дальше будешь ходить в гражданском?

— Наверное, не все время, — ответил Алексей, — но без необходимости надевать форму не хочу. Лиду, вон, галифе смешат, да и людей пугать...

— Вот насчет людей и хочу предупредить. Сразу говори, где служишь. Пусть кого-то поначалу отпугнешь, потом не будет проблем. А если с кем-то сблизись, а потом сами узнают, подумают, что скрывал. Нас мало кто любит, и сам знаешь за что. Ладно, я смотрю, Лида уже зевает. Она в первую ночь в поезде почти не спала, поэтому пусть отдыхает. Я к вам зашел только сказать насчет поездки.

Лида после сытного обеда действительно засыпала на ходу, поэтому Алексей поставил одну из раскладушек и быстро разобрал постель. Кое-как раздевшись, жена забралась под одеяло и тут же заснула. Он поставил и свою кровать, но не стал на нее ничего стелить, кроме матраса, на который и прилег, поменяв перед этим костюм на домашнюю одежду. Спать ему было нельзя, иначе пошел бы коту под хвост ночной сон, поэтому он просто лежал и обдумывал события последних дней и прикидывал, что нужно будет сделать в первую очередь. Ему очень не понравился сегодняшний инцидент на КПП. Не сам по себе, а потому что стало ясно, что их внезапной молодости не замечали только Сталин и его окружение, включая охрану. Всем остальным она бросалась в глаза. Он понимал этого лейтенанта: сам не видел таких молодых майоров, капитаны и те были старше. Сейчас, имея за спиной Берию, на это можно было не обращать внимания. Хотя, с другой стороны, не будешь же всем ссылаться на министра... И что делать, если все равно ничего сделать не можешь? Правильно — выбросить из головы!

Долго он спать Лиде не дал: в пять вечера разбудил и погнал умываться, а в шесть они достали с балкона продукты и немного разогрели все в духовке. Алексей вскипятил в купленном чайнике воду, и они заварили чай, после которого пришел черед булочек.

— Завтра утром подьем все запасы, — предупредил он Лиду. — Я постараюсь что-нибудь купить в Челябинске, но не уверен, что будет возможность мотаться по гастрономам, поэтому купи чего-нибудь здесь. Если обедать пойдем в столовую, пригодится на ужин. Я смотрю, ты опять не прочь завалиться спать. Этот номер не пройдет: раньше девяти не ляжешь. Вредно спать с полным брюхом, а ты уговорила шесть пирожков! Зачем мне толстая жена?

— А чем заниматься? — спросила она. — Если тем, о чем ты подумал, я для этого

слишком сильно наелась, а больше в голову ничего не приходит. Надо было забрать у Николая карты.

— Я еще с тобой в карты не играл! — рассмеялся Алексей. — В дороге с попутчиками, чтобы убить время, это еще куда ни шло, но не дома. Мы займемся делом. Доставай из чемодана свой именной пистолет, буду тебя учить им пользоваться. Кстати, надо будет купить для тебя дамскую сумочку. Не в кобуре же его носить, если будет нужда, да и не дали ее тебе.

Все премудрости обращение со своим оружием Лида освоила за полчаса.

— Где бы здесь пострелять? — задумчиво сказала она, демонстративно оглядывая комнату.

— Быстро учишься, — заметил муж, отбирая у нее пистолет. — Хватит баловаться! Пожалуй, надо тебе будет достать и кобуру. Под свитером на ремне удобно носить. Кстати, вот еще одна проблема, которую нужно срочно решать. У нас с тобой три чемодана одежды, и вся летняя. Скоро уже начало октября, а октябрь для этих мест почти зима. Так что послезавтра, если не принесет Курчатова, едем за зимними вещами.

— А денег нам на все хватит?

— Хватит. Мне в качестве подъемных выдали три оклада, да еще получил деньги за сентябрь. И в шкатулке тоже было много, я их так и не посчитал, вот и займись нашими финансами. В нашей семье ими занималась мать, а в моей — бывшая жена. Не будем нарушать традиций.

— Леш, а почему вы разошлись? Ты ее разлюбил, да?

— Зачем тебе это, малыш? Было и нет, так зачем вспоминать о том, чего никогда не случится?

— Для тебя это было. И я бы хотела знать, из-за чего! Вдруг ты и меня вот так... А я без тебя точно умру, ты это должен знать!

— Глупенькая! — он прижал ее к себе. — Я похож на мужчину, который бросит доверившуюся ему женщину? Бросил не я, бросили меня. А почему... Просто нашелся тот, кто для нее стал дороже. Я поспешил жениться сразу после училища, потому что позже это сделать трудней. Вечные сборы, спецкурсы, учения. Наверное, повлияло еще и то, что меня подолгу не было дома. А тот другой никуда не мотался, да и зарабатывал побольше меня.

— Какое значение имеют деньги?

— Это они для тебя не имеют значения, потому что ты в них никогда не нуждалась. Для большинства жен зарплата их мужчин стоит совсем не на последнем месте. Так что если ты меня не бросишь сама, жить нам с тобой рядом до глубокой старости, потому что я тебя люблю и буду любить!

— Докажи!

— Знаешь что, малыш, — сказал он, ссаживая жену с колен. — Давай доказательствами займемся завтра, когда у нас будет нормальная кровать. Еще не затопили, и на полу, даже на матрасе, сейчас холодно, а раскладушка это несерьезно. И тебе уже пора спать.

Недовольная Лида легла на свою раскладушку и скоро уже спала, а он задержался и теперь не мог уснуть из-за шума у соседей, которые устроили гулянку. Музыку толстая стена глушила почти полностью, а вот топот ног — уже нет. И ничего им не скажешь в девять вечера. К десяти они уgomонились, и он наконец уснул.

Утром Алексей, стараясь не разбудить жену, позавтракал, надел форму, рассовав по карманам документы и деньги, и спустился во двор, заперев за собой входную дверь.

Заметно похолодало, поэтому он успел замерзнуть за те двадцать минут, пока ждал машину.

— Легко оделся! — осмотрел его Николай, вышедший из кабины тентованного грузовика ГАЗ-51.

Сам он был одет в шинель.

— Теплых вещей совсем нет, — сказал Алексей. — Были две куртки, и те оставили на даче. Надо будет завтра выбить легковушку и съездить еще за барахлом.

— Ладно, полезай в кабину, а я пойду на лавки в кузов. Там еще четверо солдат для погрузки мебели, но все тепло одеты, не то что ты.

На поездку потратили полдня, но купили всю мебель, нужную посуду и кое-какую тяжелую мелочевку вроде ручного инструмента или утюга.

— Совсем другой вид у квартиры! — сказала довольная Лида, села на одну из двух составленных вместе кроватей и покачалась на панцирной сетке. — Почему купил две?

— А ты попробуй найти хорошую двухспальную кровать, — ответил Алексей. — Полуторки были, но на них спать вдвоем... Ничего, положим матрасы, все выровняем, тебя потом с них не стонишь.

— Начинай укладывать и выравнивать! — скомандовала жена, освобождая кровать. — Опробуем твои покупки.

— Подожди, — остановил он ее. — Ты в магазин ходила? Чем будешь кормить утомленного и голодного мужа? А то я ведь уложу, выровняю и этим ограничусь.

— Пошли быстрее в столовую! — заторопила Лида. — Она закрывается только через полтора часа. Я кое-что купила, но без тебя готовить не стала.

Когда поели и возвращались домой, в первый раз встретили жильцов одной из соседних квартир. Поздоровавшись, зашли к себе и стали наводить порядок в комнатах. В этот вечер они успели привести в порядок только кровати, после чего все остальное перестало существовать до следующего утра. Утомившись, они уснули и проснулись утром от стука в дверь.

— Черт! — выругался Алексей, взглянув на ручные часы. — Проспали! Уже восемь, а я на это время договорился с Николаем насчет машины. Наверное, это он тарабанит. Живо приводи себя в порядок, а я его попрошу немного подождать. В Челябинске первым делом куплю будильник!

В этот раз они потратили еще больше времени, объездив два десятка магазинов и купив себе все, что требовалось, начиная от зубного порошка и заканчивая шерстяными вещами, пальто для Алексея и шубой для Лиды. Николай тоже немало всего накупил и для себя, и по заказам Елены. По его совету Алексей еще заказал в ателье форменную шинель.

— Растратили почти все деньги, — сказал он жене, когда уже выехали из города. — Осталась всего пара тысяч, а следующая зарплата только через месяц. Правда, купили все, что нужно, даже шинель оплатили, а на продукты много денег не нужно.

— Две тысячи на месяц питания — это по-царски, — сказал ему Николай. — Другие обставляют квартиру полгода, а вы все сделали за пару дней. Молодцы!

Когда возвращались, на КПП была смена того самого лейтенанта, который проверял документы первый раз. Он осмотрел салон машины и махнул рукой, чтобы поднимали шлагбаум.

— А документы не проверил, — заметил Алексей, когда КПП скрылся из вида. — Непорядок.

— Служебная машина, — пояснил Николай, — и он знает, что у нас постоянные

пропуска. Нужна бдительность, а не формализм. Хотя ты прав, и при проверках за такое ему не поздоровится, но о проверках обычно знают заранее. Кстати, здесь, с самого начала работ не было серьезных нарушений режима. Сейчас забросьте меня с барахлом в общежитие, а потом поедете к себе. И тебя просили предупредить, чтобы в ближайшие три дня из городка никуда не отлучался.

Они сильно устали за день мотания по магазинам и стояния в очередях, поэтому просто сложили всю купленную мелочевку на стол в гостиной, а одежду запихнули в шкаф и занялись приготовлением ужина, после которого Лида улеглась на кровать с книгой в руках, да так и заснула. Алексей еще походил по квартире, намечая работу на завтрашний день, и тоже лег спать. Встали рано, позавтракали тем, что смогли приготовить из остатков вчерашних продуктов, и занялись квартирой. Когда приехал Курчатов, Алексей стоял у окна гостиной на табуретке с молотком в руках и закреплял гардины.

— Леша, к тебе пришли! — крикнула ему из прихожей жена.

Лица Курчатова он не помнил, но сразу же узнал его по усам и дурацкой бородке. Стоявшего рядом с ним мужчину в гражданском с военной выправкой он не знал.

— Здравствуйте, Игорь... — он замялся. — Извините, отчество запамятовал.

— Васильевич, — удивленно сказал Курчатов. — Вы меня знаете? Откуда?

— Раз спрашиваете, значит, вам обо мне ничего не говорили, — сделал вывод Алексей. — Лида, выйди, пожалуйста, в спальню, нам нужно поговорить. Только товарищ Берия разрешил мне откровенничать с вами, ни о ком другом речи не было.

— Валентин Иванович, подождите меня, пожалуйста, в машине! — обратился Курчатов к своему спутнику, и тот вышел из комнаты.

Алексей выглянул в прихожую, после чего пригласил академика присесть на диван.

— Разговор у нас с вами будет недолгим, но зачем же стоять на ногах? Вам говорили, что я знаю особенности конструкции атомного и водородного оружия?

— Об атомном вы еще можете знать, хоть и непонятно откуда, — усмехнулся Курчатов, — а водородного пока, по моим сведениям, вообще не существует. Есть только понятие самого принципа и кое-какие наметки. Как можно знать о том, чего еще нет?

— Если вам дадут допуск, я как-нибудь расскажу, — ответил Алексей. — Так об атомном оружии не рассказывать? Сразу перейдем к термоядерному?

— Переходите, — согласился Курчатов, с веселым любопытством следя за молодым парнем, который принес от окна табуретку, положил на нее лист бумаги и взял в руку авторучку.

— Условий, возникающих при подрыве ядерного заряда, недостаточно для того, чтобы инициировать реакцию синтеза в дейтерии, — начал Алексей, — но вот в дейтериде лития-6 она возникнет. Это соединение тяжёлого изотопа водорода — дейтерия и изотопа лития с массовым числом шесть. Дейтерид лития-6 — это твердое вещество, с ним удобно работать. Смотрите на рисунок. Водородная бомба состоит из двух ступеней: триггера и контейнера с термоядерным горючим. Триггер — это небольшой плутониевый ядерный заряд с усилением мощностью в несколько килотонн. Его задача — создать необходимые условия для разжигания термоядерной реакции — высокую температуру и давление. Контейнер с термоядерным горючим — основной элемент бомбы. Внутри него находится горючее — дейтерид лития-6 — и расположенный по оси контейнера плутониевый стержень, играющий роль запала термоядерной реакции. Оболочка контейнера может быть изготовлена из урана-238 или свинца. Контейнер покрывается слоем нейтронного поглотителя для защиты

топлива от преждевременного разогрева потоками нейтронов после взрыва триггера. Расположенные соосно триггер и контейнер заливаются специальным пластиком, проводящим излучение от триггера к контейнеру, и помещаются в корпус бомбы. Вот, собственно, и все. Конструкция может быть и сферическая. Принцип действия тот же, но нет плутониевого запального стержня, а вместо него используется плутониевая полая сфера, находящаяся внутри и перемежающаяся со слоями дейтерида лития-6. Это более эффективная конструкция. На чертеже я вам все записал. Надеюсь, это сэкономит вам пару лет работы. Вопросы мне можете не задавать, поскольку по водородной бомбе я больше ничего не помню. Был еще расписан процесс, но, зная конструкцию, вы его выведете сами. Подробности по атомным бомбам нужны?

— Ну и что сказал Курчатов? — спросил Сталин.

— В меня он в первую очередь вцепился, как клещ, по поводу личности Самохина. Когда я задал вопрос о водородной бомбе, отозвался осторожно. Ни у Тамма, ни у Зельдовича пока нет больших подвижек в этом направлении. Мысли, говорит, интересные, но надо еще думать и все посчитать. А вот по атомной бомбе сразу заявил, что нужно вносить изменения в проект.

— Вот что, Лаврентий, — сказал Сталин. — У ученых свои заморочки, а это может сказаться на деле. Проконтролируй, чтобы Курчатов не занимался новым оружием сам. Из-за его амбиций и так уже отсеялся кое-кто из физиков. Пусть все силы бросит на атомную бомбу, а остальное отдаст Зельдовичу. Если изменения в проекте сильно не скажутся на сроках, пусть меняет, а если из-за этого придется надолго откладывать испытания, пусть заканчивают так. Потом все исправят. И предупреди, чтобы не хитрил. Напомни, что у нас незаменимых нет. Что там по Самохиным?

— Получили и полностью обустроили квартиру. Сейчас знакомятся с соседями, и Алексей учит жену готовить. Пару раз выбирались за город пострелять из вашего подарка. Должно быть, уже маются от безделья.

— Как идут дела с формированием научной группы?

— Почти закончили. Нас сдерживают строители. Через месяц должны сдать два дома, тогда отправим пять человек. Я думаю до начала строительства центра ограничиться ими. Пусть пока ознакомятся с его книгами и составят свое заключение, ну и разработают план дальнейших работ. Сейчас пока нет никакой ясности, что им потребуется для работы, и кого еще придется привлекать. И обнаружилась интересная подробность. Я сначала, когда узнал, не поверил. Это касается возраста Самохиных.

— А что не так с их возрастом?

— Они помолодели лет на десять. При этом изменились и их учетные данные и документы. Помолодели изображения на фотографиях и изменились даты рождения. Причем их такими забирали уже отсюда. Когда сделали запрос работникам, которых посылали для сопровождения, они это подтвердили. У Алексея даже были проблемы на КПП. Понятно, какой майор в двадцать лет? А вот мы с вами этого не заметили. Не заметили и охрана, я узнавал.

— Лаврентий, скажи честно, ты в бога веришь? — неожиданно спросил Сталин.

— Нет, наверное, — смешался Берия. — Когда-то верил...

— Вот и я верил, еще мальчишкой, а когда учился в семинарии, уже не верил. Как думаешь, почему их прислали ко мне? Что молчишь? Ладно, подумай вот о чем. Я изучил все

книги, но обо мне сказано только в первой. И о смерти написано как-то невнятно. Нигде не утверждается, что это было отравление, мог быть и insult. Понимаешь, что это для тебя может значить? Если мы Никиту отменили, то insult не отменишь. И времени у тебя не слишком много. Россию вы почистили, на очереди Прибалтика. За год нужно заканчивать со всеми и созывать съезд. Твоя власть в партии крепка, но ты у нас тоже не бессмертный. Нужно сделать так, чтобы после тебя все замыкалось на Кузнецове. Этот не из тех, кто ударит в спину, и прекрасно понимает, что за тобой он, как за каменной стеной. Честолюбив, но в меру. Меня беспокоит, что народ к тебе относится с прохладцей. Сила и авторитет у тебя есть, а любви к тебе нет, и ты ничего не делаешь для того, чтобы была. А ведь моя основная сила именно в этом! Проработай этот вопрос. Нужно посмотреть, кого из арестованных в прежние годы можно амнистировать. Только смотри, не выпустите тех, кого не надо. Можно еще немного понизить цены на продукты питания или выступить с критикой темпов строительства жилья. Смотри сам, но работать в этом направлении нужно. Я бы на твоём месте выступил с разъяснениями о состоянии наркомата и его работе, когда ты сменил Ежова. Многие просто не понимают, в каких условиях приходилось работать. Объяснишь — будут совсем по-другому относиться. Раньше было нельзя, теперь уже можно. Когда закончите с бомбой и будем награждать отличившихся, я сам объясню твою роль в проекте. С этим все. Скажи, когда думаешь быть на «Сороковке»?

— Дней через пять–десять, точнее пока сказать трудно.

— Узнай, что им нужно и помоги. И проверь насчет помещения для лаборатории. Вытянете, потому что никто пока не оценил важности этих реакторов и всего остального. Электроэнергии не хватает и еще долго не будет хватать. Давай, наверное, отправляй своих ученых прямо сейчас. Пусть их пока устроят в общежитие, а когда будут квартиры, помогут перевезти семьи. И привези мне их новые фотографии, хочу посмотреть.

— Фото Лидии у меня с собой, — сказал Берия.

Он достал из нагрудного кармана кителя небольшую фотографию и протянул ее Сталину.

— Совсем еще девчонка, — сказал тот. — А ведь ей было около тридцати. Надо подумать, что сделать, чтобы у Алексея из-за этого не было проблем. И дочь попросила передать им это письмо.

— Ну и метет! — сказал Николай, оббивая снег с валенок. — Чуть не засыпало, пока до вас добирался.

— Почему Елену с собой не взял, изверг! — недовольно сказала Лида. — Очень мне приятно слушать ваши разговоры!

— Я, Лидочка, не виноват, — начал оправдываться Николай. — Могу поклясться, что я ей предлагал! Предлагал даже нести на руках. На последнем, правда, не настаивал, но она сказала, что придет своим ходом как-нибудь в другой раз.

— Отряхни от снега шинель и иди на кухню, — сказал ему Алексей. — Горячий чай на столе. Только сначала давай газету. Сам статью прочел?

— Прочел. Там пишут только то, что сообщали по радио. Немножко только написали о перестрелке. Смотри на второй странице.

Алексей расправил сложенную в несколько раз «Правду» и сел на диван в гостиной. В небольшой статье пересказывали вчерашнее сообщение об убийстве секретаря ЦК Маленкова и его жены. Сосед услышал выстрелы и с пистолетом выскочил на лестничную

площадку. Дверь в квартиру Маленковых была распахнута, а на пороге лежал сам Георгий Максимилианович. Когда из квартиры начали выбегать злоумышленники, сосед открыл огонь на поражение и сумел убить одного из них и еще одного ранить. Потом его самого тяжело ранил третий бандит. Прибывшие работники ГБ обнаружили в подъезде двух убитых ножами работников охраны, а в квартире Маленковых, помимо тела хозяина, его жену, которую убили тремя выстрелами. Раненый бандит позже скончался, так и не придя в сознание. В одном из убитых опознали бывшего партийного работника, снятого с должности в результате чистки. Дальше шли изъятия соболезнования и обычные в таких случаях призывы сплотиться вокруг партийного руководства. Алексею в этом происшествии было непонятно все. Если смогли тихо убить ножами двух вооруженных мужчин, зачем тогда поднимать шум, стреляя на лестничной площадке? И кому нужен был Маленков, который, судя по газетным публикациям, отошел от дел и потерял былое влияние. Просто месть руководству?

— Что думаешь об этом? — спросил он Николая, зайдя на кухню. — Лично мне непонятно, кому это нужно. И выполнено очень топорно.

— А кто выполнял? — сказал Николай. — Оpoznанный Ветров воевал в Красной армии но пришел в нее из махновцев. Тогда же умудрился вступить в партию, скрыв от товарищей этот факт своей биографии. В тридцатых из-за чисток кое-где можно было быстро продвинуться, именно это он и сделал. Не поставили к стенке только потому, что на нем не было крови. Кроме того, он выступал, как свидетель, против своего руководства, на котором кровь как раз была. Поэтому даже не посадили, хотя было за что. Но большую часть имущества конфисковали и лишили кормушки. Вот его и использовали. А то, что непрофессионально сработали, понятно. Откуда у них взяться профессионализму? Да и не так уж они рисковали. Если бы не этот сосед со своим стволом, спокойно ушли бы. А кому нужно... До Берии попробуй добраться, а в подъезде, где жили Маленковы, всего два охранника. Непонятно, почему открыл дверь хозяин, сейчас всех призывают к осторожности. Может дело в том, который сбежал? Он мог знать его лично. Это убийство не так бесполезно, как ты думаешь. Не отреагировать не могут, а лет десять назад единственной реакцией была бы волна арестов. На это и был расчет.

— Откуда знаешь по исполнителю? — спросил Алексей.

— Сегодня прислали кое-какие данные по линии ГБ. Руководство опасается, что эта акция не последняя, поэтому меры безопасности однозначно усилят. Хотя сюда сунутся вряд ли.

— Я Алексей Самохин, консультант центра, в который войдет лаборатория, — представился Алексей, протянув руку для приветствия.

— Михаил Гольдберг, — высокий симпатичный мужчина лет сорока ответил крепким рукопожатием. — Сказали, что буду эту лабораторию возглавлять.

— А почему вы один? — спросил Алексей. — Обещали пятерых.

— Остальные должны приехать через несколько дней, а я здесь пока осмотрюсь. И насчет чего вы нас будете консультировать, Алексей? Мне вообще ничего неизвестно о тематике работ.

— Вот что, Михаил, — Алексей вернул вошедшему документы. — Возьмите ваше предписание и все остальное и раздевайтесь. Пойдем на кухню, напою вас горячим чаем. Если предпочитаете водку или коньяк, то вам не повезло: в этом доме спиртного не пьют. Позже подойдет жена и накормит вас обедом. Судя по дате отметки, вы приехали сегодня. Уже устроились?

— Да, — ответил Михаил, снимая пальто. — Дали место в общежитии. Через пару недель закончат отделочные работы в доме, где всем научным работникам лаборатории должны дать квартиры. Тогда заберу жену с сыном.

Они прошли на кухню, где Алексей налил в чашки кипятков и пододвинул заварочный чайник.

— Заварку добавляйте по вкусу. Я обычно много не лью, но здесь любят крепкий чай. Вот сахар. По поводу лаборатории... Понимаете, в чем дело... Вам обо мне что-нибудь говорили?

— А как же! — сказал Михаил, который сделал себе чай и взял чашку в руки, грея ладони. — Предупредили, что у вас есть уникальная научная информация, степень важности которой нужно будет оценить. И добавили, что ни о чем другом, кроме науки, с вами разговаривать нельзя.

— Это перегиб, — засмеялся Алексей. — Для вас табу — это любая информация, связанная с прошлым моей семьи. На все остальные темы общаться не возбраняется. У нас могут быть странности, старайтесь просто не обращать на них внимания. О себе скажу только то, что старше, чем выгляжу, и работал в войсковой разведке. Сейчас для удобства работы перевели в МГБ, звание — майор. Жена у меня художник. Надеюсь, вы от таких особистов, как я, не шарахаетесь?

— От таких не шарахаюсь, — улыбнулся Михаил. — А образование у вас есть, или это тоже табу?

— Образование чисто военное, но и науки давали, хотя к вам в научные сотрудники не пойду. Давайте я немного расскажу о том, чем будем заниматься. Три дня назад в городок приезжал Берия и вместе с ним привезли все наши материалы. В исходном виде это были заснятые на фотопленку книги. Для нашего удобства их распечатали в нормальном формате. Всего пять книг и еще несколько отдельных статей. Каждый источник для удобства выполнен в пяти экземплярах. Все храниться в секретном бюро рядом с лабораторией. Пока лаборатория — это пять комнат со столами и стульями. Выделенная нам часть здания тщательно охраняется и попасть в нее можно только по специальным пропускам.

— Получается, что вся наша работа сведется к тому, чтобы сидеть и читать?

— Еще попробуйте понять прочитанное и оценить его важность. Нужно будет составить план работ по освоению рабочих тем. Туда уже включите необходимое оборудование и все остальное.

— Я уже могу узнать, что описано в этих книгах?

— Уже можете. В первую очередь это рабочая конструкция низкотемпературного термоядерного реактора для получения примерно пяти миллионов киловатт электроэнергии. Это там самое простое.

— А что же тогда сложное? — невозмутимо спросил Михаил.

— Все остальное предназначено для создания компактных устройств накопления электрической энергии огромной емкости. Это не конденсаторы и не химические источники тока, а что-то совсем другое. При их изготовлении должны использоваться процессы, о которых пока никто ничего не знает. Их описанию и посвящены остальные книги и статьи.

— Я правильно понял, что вы сами их не знаете? — спросил Михаил. — Как же вы в таком случае будете нас консультировать?

— Я знаю многое другое, — объяснил он. — Не гарантирую, что смогу помочь, но попытаюсь.

— Но вы хоть сами читали эти книги?

— Читал только ту, в которой описан реактор, но мало что понял. Внешне все просто. Существует большая камера, в которой создается вакуум. С помощью системы электромагнитов образуется магнитное поле специальной формы, захватывающее и удерживающее в себе ионизированный дейтерий, плотность которого очень низка. Система электродов, создающая сильное электрическое поле, и очень мощный микроволновой излучатель нейтрализуют силы отталкивания атомов дейтерия, в результате чего идет синтез гелия с выделением тепла. Я не знаю, из-за чего так раздули размеры установки, но это позволяет использовать прямое преобразование тепла в электрическую энергию за счет огромного числа полупроводниковых преобразователей с очень высоким КПД. Такой реактор после запуска требует минимального присмотра. Фактически нужно лишь подпитывать систему дейтерием и очень редко менять выгорающие ячейки преобразователей.

— Но за счет чего происходит эта нейтрализация вы не поняли, так?

— Я не физик. Почитаєте, может быть, поймете вы. Мне сказали, что там нет ничего сложного для понимания. Кто сказал, можете не спрашивать, все равно не отвечу. Жена пришла, сейчас вас накормим.

— А сам этого сделать не мог? — спросила Лида, услышавшая из прихожей слова мужа. — Жена у соседей, а ты, вместо того чтобы накормить гостя, поишь его водой! Здравствуйте! Сейчас я все быстро сделаю.

— Не стоит вам беспокоиться, — попробовал отказаться Михаил. — У меня еще остались продукты с поезда.

— Так вы только приехали? Тогда тем более поедите! Вас как зовут? Очень приятно, Михаил, я Лида. Вы, случайно, не из тех физиков, которых мы ждем?

— Наверное, из тех. По крайней мере, я физик и буду работать с вашим мужем.

— Жена-то у вас есть, физик? — спросила Лида, быстро разогревая вермишель по-флотски. — Берите ложку. Вот вам хлеб, а это соленые грибы.

— Есть жена, — ответил Михаил. — И сын есть. Только они сюда приедут не раньше, чем через месяц. Пока получу квартиру, пока ее обставлю...

— Месяц я потерплю. Нас, Михаил, поселили в самом лучшем месте городка. На этой улице в пяти домах живет все руководство комбината и города, но большинство из них или в возрасте, или такие... в общем, неважно. В нашем доме есть только одна девушка, с которой мне интересно общаться, да и та часто задерживается на работе и сильно устает. А у меня, кроме готовки, других дел нет, вот и маюсь от безделья. Я неплохой художник, но здесь и рисовать нечего, все вокруг засекречено! Скажите, у остальных тоже есть жены?

— Дай человеку покушать, — сказал жене Алексей.

— Да я уже поел, — сказал Михаил, отодвигая от себя пустую тарелку. — Спасибо, все было очень вкусно. Насчет жен могу сказать только о двоих, остальных просто не знаю. У одного жена лет под тридцать, а у другого — на десять лет старше. Благодарю за гостеприимство, но мне пора идти. Куда и когда мне подойти?

— Завтра ждите меня возле своего общежития в девять, — сказал ему Алексей. — Сходим оформить пропуск, а после покажу вам где лаборатория и отправляйтесь в столовую. Придете сами, когда позавтракаете.

— Ни черта не понял! — сердито сказал Олег Свечин. — Сколько уже можно их читать? Пять ссылок на термины, которые ты не смог объяснить! Консультант! И как это все связать?

— Ну и чем ты так недоволен? — осведомился Алексей. — Ну не знаю я этих терминов, но без меня вам было бы еще хуже! Как бы ты контролировал структуру термоэлементов с помощью лазера, если не знаешь, что это такое? А я вам эти лазеры преподнес на тарелочке. Хотите рубиновые? Вот вам чертежик, хотите газовые... Только полупроводниковые не помню. Зато теперь вы знаете и биполярные транзисторы, и полевые! Светодиоды тоже объяснил и не только их. Готовьте теперь карманы под премиальные!

— А я и не говорил, что от тебя нет толку, — пошел на попятную Олег. — Все это ценно, но к пониманию работы реактора не приблизило ни на шаг. Если и дальше будем плавать, придется все подтверждать экспериментально, а это годы! Маленькую модель не слепишь, а для большой все нужно готовить с нуля, ничего нет! Как изготовить излучатель, разобрались, электрические поля сделаем, хотя придется повозиться. А сколько времени уйдет на соленоиды? И с этими термоэлементами не все ясно. Каналы в кремнии... Как делать написано, но все нужно проверять!

— По-моему, ты неправильно понимаешь свою задачу, — спокойно сказал Алексей. — Тебе нужно только высказать свое мнение и расписать, кому и что делать, и в какой очередности. Здесь работа для десятков предприятий.

— Вот-вот, — ехидно сказал Иван Синицин. — Выскажешь мнение, заработают эти десятки предприятий, а на выходе получишь пшик! И мне это мнение никто не припомнит?

— Я, конечно, не физик, — возразил Алексей, — но и мне понятно, что для проверки не обязательно городить рабочую установку. Взять обычную вакуумную камеру, запустить в нее малость ионизированного дейтерия и без всяких магнитов обработать полями. Перед этим можно на всякий случай убратся подальше. Уж реакцию приборы должны показать. И термоэлемент можно сделать без контрольной аппаратуры. Ну угробите вы девять образцов из десяти, но вам-то и нужен всего один! А в заключении так и напишите, что, поскольку в тексте даны ссылки на неизвестные науке эффекты, требуется экспериментальное подтверждение. И проводить его лучше там, где для этого есть условия. А потом можно построить и опытный реактор.

— Так и сделаем, — сказал оторвавшийся от книги Михаил. — Пусть принцип работы

проверяют другие. Пока они сделают излучатель и все опробуют, пройдет минимум полгода. И лазерами есть кому заниматься без нас, и твоими транзисторами. А у нас вон еще сколько книг. Я только начал копать в принципе накопления и сразу встал. Много ссылок на другие работы. Они здесь есть, но все нужно изучать. И получится ли сейчас понять — это тоже вопрос. Но сделать сможем, не сейчас, так лет через пять. Маловато нас, и совсем нет экспериментальной базы, а за центр возьмутся только весной. В этих книгах техническая революция, а то и не одна, а революции делают партии, а не кружки. Так что заканчивайте базар и беритесь за чтение, вам за это платят деньги.

Прошло уже три недели, как вслед за Михаилом приехали остальные члены группы. Все с интересом стали читать книги и с не меньшим интересом выслушивали Алексея, когда ему было что сказать. Но пока полного понимания прочитанного не было ни у кого. Неделю назад физикам дали квартиры, и они на пару дней оторвались от работы, завозя в них с помощью солдат казенную мебель. Ездить за ней в Челябинск и тратить деньги никто не захотел. А вот за недостающими вещами съездили. Михаил связался с руководством и сообщил о готовности принять семьи, и вот уже два дня все с нетерпением ждали близких. В этом была причина нервозности ученых, раньше они к своим неудачам относились спокойней.

— Это вы базарите и мешаете заниматься другим, а я и так читаю, — сказал Сергей Остроумов, — хотя пора бы уже прерваться для обеда.

Зазвонил телефон, и Алексей взял трубку.

— Заканчивайте чтение и сдавайте книги, сказал он, кладя ее на рычаг. — Приехали ваши семьи. Я думаю, на сегодня закончим. Топайте разбирать родных.

— Что это ты сегодня так рано? — спросила Лида Алексея, когда он отряхнул с себя снег и зашел в прихожую.

— Специально пришел проверить одежный шкаф, — пошутил Алексей, но жена не поняла шутки.

— А зачем его проверять? — наморщив лоб, просила она.

— Темнота! — сказал Алексей. — Не знаешь, для чего женщине нужны шкафы!

И рассказал ей два анекдота про любовников.

— А если серьезно, приехали семьи моих физиков, поэтому они все бросили и разбежались. И правильно, толку от их чтения...

— Ничего не получается? — сочувственно спросила жена.

— Отделение не бросают штурмовать укрепрайон, — ответил он. — Такими силами мы сможем только обозначить проблему. Я думаю, руководство ставило именно эту задачу, но ученые ожидали большего и теперь бузят. Ничего, их жены сегодня ночью заставят поработать так, что завтра сил останется только на чтение.

— Ты подал хорошую мысль, — задумчиво сказала Лида. — Я ничем не хуже их, а тебе, в отличие от физиков, даже на чтение силы беречь не нужно.

— А я разве против? — он обнял жену и поцеловал в губы. — Можем даже...

Во входную дверь постучали.

— Кого-то принесло, — Алексей отстранился от Лиды и пошел открывать.

— Обогреете путника? — спросил его стоявший на пороге Курчатов.

— Заходите, Игорь Васильевич, — Алексей посторонился, пропуская ученого в прихожую. — Здравствуйте. Куда дели охрану?

— Здравствуйте, — Курчатов разделся и прошел в комнату. — Лида, я не ошибся?

Замечательно выглядите, завидую вашему мужу. Охрану, Алексей, я пока отпустил. Перед тем, как от вас уходить, я им позвоню. Возьмите это предписание и ознакомьтесь.

— Значит, разрешили, — сказал Алексей, прочитав подписанный лично Берией документ. — Чаем напоить или, может быть, поедите?

— Нет, спасибо, ничего не нужно, — отказался Курчатов. — Уже пообедал. Я видел ваших физиков, хотя пока ни с кем подробно не говорил. Я прилетел в Челябинск военным бортом, заодно прихватил и их семьи, так что им пока не до разговоров. Давайте поговорим с вами.

— Если не хотите чаю, садитесь на диван, — сказала Лида. — Мне уйти?

— Сиди, — сказал ей Алексей. — Раз Игорь Васильевич в курсе наших дел, не будем заниматься ерундой. Что бы вы хотели узнать? Только хочу предупредить заранее, что по атомному оружию я рассказал все, что помнил.

— О работе вашей лаборатории я подробно осведомлен из отчетов Гольдберга, — начал Курчатов. — Есть и отчеты Волкова, которые идут по линии вашего министерства. В последнее время от вас поступило много ценной информации, не связанной с изучаемыми источниками. Все это вспомнили вы. Но к тем вопросам, которыми я сейчас занимаюсь, ваши сведения прямого отношения не имеют.

— Я вам об этом и говорил, — пожал плечами Алексей. — Могу только рассказать о сильном радиоактивном загрязнении большой территории отходами комбината в следующем году и крупной аварии на нем же, которая должна произойти в пятьдесят седьмом. В следующем году у вас будут перегружены выпарные установки, и чьи-то умные головы примут решение выливать высокорadioактивные отходы прямо в реку Теча. Облучится уйма народа. Лаврентий Павлович советовал мне здесь порыбачить. Поймать ему, что ли, здешней рыбки и угостить? В пятьдесят седьмом из-за выхода из строя системы охлаждения емкости с радиоактивными отходами, в ней произошел мощный взрыв. Радиоактивное облако поднялось на высоту двух километров. Оказались загрязненными комбинат, большая часть городка и две сотни поселков. Сотни тысяч людей подверглись облучению. Не знаю, какие меры были приняты, чтобы такого не случалось впредь, но я бы ставил резервную систему охлаждения.

— Учтем, — сказал Курчатов. — Спасибо. Расскажите, как вообще развивалось ядерное оружие. Ведь были же, наверное, и ошибки.

— Сначала основное внимание уделяли мощности взрыва, — ответил Алексей. — Были даже заряды на десятки мегатонн. Потом от этого отказались. Доставить к цели такую дуру очень сложно и дорого, да и ненужно. Гораздо проще использовать несколько не очень сильных зарядов. Стратегическую авиацию сильно не развивали, сделав упор на межконтинентальные баллистические ракеты. Часть была на суше в шахтах, часть — на подводных лодках с атомной силовой установкой. Головные части ракет сделали разделяющимися. Такая головная часть несла несколько боеголовок, каждая из которых наводилась на свою цель. Чтобы затруднить перехват ядерных зарядов, применялись ложные боеголовки и покрытия, поглощающие радиоизлучение. Много было и тактического ядерного оружия. Давайте я, наверное, все это изложу на бумаге и передам обычным порядком, как и все остальное. Все равно вам эти сведения сейчас ничем не помогут.

— Жаль, что вам нельзя задать другие вопросы, — с сожалением сказал Курчатов, — а хочется!

— Могу еще кое-что посоветовать, — подумав, сказал Алексей. — При случае

передайте Берии. Это касается ядерных вопросов, так что и вам знать не помешает. В следующем году в Китае окончательно победят коммунисты, а через несколько лет мы с ними будем крепко дружить и окажем помощь в развитии атомной промышленности. Пройдет совсем немного времени, и от дружбы останутся одни воспоминания и растущие ядерные арсеналы Китая. И придет время, когда они будут пущены в ход.

— Это касается только ядерных технологий? — прищурившись, спросил Курчатов.

— Это касается всего и не только в Китае! — ответил Алексей. — Я представляю, что имелось в виду, когда Лаврентий Павлович запрещал мне с вами откровенничать во всем, что не касается науки. Думаю, что об этом сказать можно. За свою историю СССР кому только не помогал! На это были выброшены огромные средства, которым нашлось бы применение и внутри страны.

— Выброшены?

— Именно. Возьмем, к примеру, Польшу. Вы общались с поляками?

— Встречался, — осторожно сказал Курчатов. — По вашему тону я чувствую, что вы их не любите. Я не прав?

— Правы. Почему я их должен любить, если они сами никого не любят, кроме самих себя? Уже во времена социализма Польшу очистили от всех инородцев. Мы десятилетиями снабжали их за бесценок горючим, продавали по дешевке свою продукцию, пичкали кредитами и практически безвозмездно оказывали научно-техническую помощь. И что в итоге? Они далеко нас послали вместе с социализмом, вошли в НАТО и стали одними из наших самых последовательных врагов! При мне этого еще не было, но я смотрел потом. Мы простили африканцам и прочим друзьям долги чуть ли не на сто миллиардов долларов! Чего ради?

— Ну чего ты завелся? — сказала мужу Лида. — Это уже не наука, а политика. Захочешь, сам скажешь Берии. И получится это у тебя более аргументировано. А Игорю Васильевичу от этих знаний только лишняя головная боль и неприятности.

— Да, меня куда-то не туда понесло, — сказал Алексей. — Не нужно вам никому ничего говорить, я скажу сам. А насчет Китая просто запомните на всякий случай.

— Ладно, если нельзя говорить о будущем, поговорим о настоящем, — сказал Курчатов. — Я понимаю, что, несмотря на ваши знания, вы не являетесь ученым, но хотел бы все-таки узнать мнение по поводу дальнейшей работы группы.

— Изучать дальше реактор нет смысла, — ответил Алексей. — Ваши физики все выучили наизусть, но суть процесса нейтрализации сил отталкивания в атомах так и не поняли. В книге имеются ссылки на явления, которые в наших источниках не описаны. Мы сегодня как раз говорили на эту тему. Общее мнение такое, что нужно изготовить излучатель и в упрощенном виде воспроизвести описанную реакцию синтеза. Если все получится, надо строить сам реактор. И отдельно кому-нибудь передать работы по преобразователю тепла в электрический ток. Здесь для этого нет никаких условий, а собранный научный коллектив может разве что провести предварительную оценку работ. И реактор я бы здесь не строил.

— Почему? — спросил Курчатов. — Место достаточно удобное. И режим легко обеспечить, и производственная база рядом.

— Прежде всего, потому что я не верю, что вы обойдетесь без аварий на комбинате. Я вам рассказал только о тех, о которых читал сам. А сколько их было всего? Вы устроили гонку с американцами и не щадите ни себя, ни других. Я понимаю всю важность вашей работы, но не хочу здесь жить и работать. Одно дело приехать пусть даже на полгода, совсем

другое — жить несколько лет. Строить здесь центр, потом реактор... Ваша производственная база не справляется даже с нуждами комбината. Значит, сюда нужно везти тысячи рабочих и гробить им здоровье! Я думаю, что руководство просто не осознает, сколько всего нужно вложить, чтобы выйти на промышленное строительство реакторов. Они вместе с накопителями сделают нас первыми в мире, но пока государству это не потянуть. Вот наделаете вы своих бомб, восстановим экономику, тогда и возьмемся. А пока, как я и говорил, нужно делать подготовительную работу. Она много сил не потребует. А к весне нас всех отсюда нужно убрать.

— Я доложу руководству ваше мнение. Чем Гольдберг собирается занять людей?

— Мы подготовим все материалы по уже проделанной работе, после чего все займется накопителями. Там много сложных моментов, которые только начали изучать.

— Я примерно так и думал, — кивнул Курчатов. — Задержусь на объекте на пару дней, так что еще увидимся. Спасибо за советы. С вашего позволения, я от вас позвоню.

— Не замечала за тобой склонности к болтовне, — заметила Лида, после ухода Курчатова. — Если Берия узнает, выйдешь из доверия. И твое желание отсюда уехать — для меня новость. Только обжились...

— Оно и для меня новость! — мрачно ответил муж. — Я поначалу думал осесть здесь лет на пять, пока не построим реактор. На полгода я бы сам взял казенную мебель с бирками. Понимаешь, малыш, он ведь не хочет, чтобы мы здесь жили. Уже с месяц во мне зреет желание все здесь бросить и уехать. А когда я пытаюсь понять причину, приходит страх.

— Но до пятидесяти седьмого года еще столько времени! С чем это может быть связано?

— Если бы я знал! Мы ведь уже сильно поменяли то будущее, которое помним. Уцелели одни люди, попали под нож совсем другие. Поменялась значительная часть руководства, а это скажется на судьбах миллионов людей. Уже начинает сказываться. И не факт, что все изменения будут в нужную сторону. Даже случайная ошибка может наделать бед. А здесь... Они ведь с самого начала сливали в водоемы всякую дрянь, только раньше она была со слабой радиацией. Думаешь, я сказал об аварии Курчатову, и сразу же станут строить новые выпаривающие аппараты и емкости для хранения отходов? Это очень сложные и дорогие устройства, и для их строительства нужно время. А времени нет: летом должны взорвать бомбу. И мало испытать одну или две, их производство нужно поставить на поток! А оружейный плутоний производят только здесь. И потом у Курчатова свое отношение к радиоактивности. Читал я, как они таскали руками плутоний. Я ему сказал, что пострадают сотни тысяч людей, а он принял к сведению! Появится Берия, я еще ему начну долбить.

— А может, этот, ну который нас сюда прислал, и от радиации прикроет? Вернул же он нам молодость.

— Как-то не тянет проверять. Если бы нам не вредила радиация, вряд ли меня толкали бы в спину отсюда уезжать. Непонятно только, почему этого не сделать сразу.

— Ладно, Курчатову ты сказал, меня напугал, а Берии скажешь потом. Больше от тебя сейчас ничего не зависит, поэтому давай на время об этом забудем. Через две недели Новый год. Как будем отмечать?

— Возьму на комбинате счетчик Гейгера и выберу елку, которая излучает поменьше рентгенов. Правда, игрушек нет ни одной. Может быть, съездить в Челябинск?

— Я не елку имела в виду, — сказала Лида. — Пригласим кого-нибудь, или опять просидим вдвоем?

— Квартира маленькая, многих сюда не пригласишь, — задумался Алексей. — Я бы пригласил Михаила с женой, но у них ребенок. И потом, я не знаю его планов. Может быть, он уже с кем-то сговорился из ребят.

— Ты что, что-то имеешь против детей? — вскинулась жена.

— Ну что ты, малыш! — успокоил он ее. — Ничего не имею, даже против чужих, особенно если они не шумят. Просто мальчишке еще нет семи лет и он быстро устанет и заснет. Ночь напролет мы за столом сидеть не будем, а оставить его у нас негде. И что, через весь городок в мороз тащить спящего ребенка на руках? Жили бы рядом, тогда дело другое.

— Тогда, может, нас кто-нибудь пригласит?

— Вот этого я не знаю, — засмеялся Алексей. — Завтра поговорю на эту тему в лаборатории, у кого какие планы.

Через неделю в Саров приехал Берия. Первым делом он посетил директора КБ Зернова.

— Здравствуйте, Павел Михайлович! — сказал он, быстрым шагом зайдя в кабинет. — Чем обрадуете? Как изделие?

— Все идет по графику, — ответил Зернов. — Если бы нам разрешили его доработать, сделали бы на месяц раньше. И вес был бы наполовину меньше.

— Он решил не рисковать, — ответил Берия. — У американцев взорвалась, должна взорваться и у нас. А доработки введете уже во вторую. Ускорить никак нельзя?

— Может, и можно, — пожал плечами директор, — только без меня. Голова у меня на плечах только одна, как бы ее невзначай не оторвали за неудачу. Вы с какой целью приехали? От меня что-то нужно?

— Побеседую с людьми и проверю ход работ, — ответил Берия, — в Москве отчитаюсь. Я узнал, что Курчатов уже два дня здесь. Он у себя?

— Минут двадцать назад звонил, что пошел во второй заводской корпус. Он бы не успел вернуться, поэтому ищите там. С вами пройти?

— Не нужно, не заблужусь, — отказался Берия.

Искать Курчатова не пришлось, он сам вышел из заводского корпуса вместе с главным конструктором Харитоном, когда Берия и сопровождавший его телохранитель были от него в полусотне шагов.

— На ловца и зверь бежит! — довольно улыбнулся Берия. — Здравствуйте, товарищи!

— Здравствуйте, Лаврентий Павлович, — одновременно с Харитоном поздоровался Курчатов. — Вам кто из нас нужен?

— Вы и нужны. А с Юлием Борисовичем мы поговорим позже. Давайте просто прогуляемся по территории. Мороз вроде несильный. Я хочу, чтобы вы рассказали о поездке в «Сороковку». Выудили что-нибудь ценное из нашего пришельца?

— Выудил, — хмуро сказал Курчатов. — Дела на комбинате идут хреново, и на это меня натолкнул ваш Алексей, хотя он на нем ни разу не появлялся.

— В чем дело? — насторожился Берия, всю веселость которого как ветром сдуло.

— Он мне рассказал о двух известных ему авариях и сказал, что их было больше. Вторая, которая сопровождалась сильным взрывом и вызвала загрязнение двух сотен поселков и самой «Сороковки», меня пока не волнует, до нее еще ждать восемь лет. А вот первая случится уже в следующем году.

— И что это будет?

— Он сказал, что выйдут из строя выпарные аппараты, и мы начнем сливать все в реку

напрямую. Пострадают сто тысяч человек, да и сама «Сороковка» загрязниться еще больше. Нам Алексей не верит и считает строительство там центра и реактора дурным делом.

— Что-нибудь предприняли?

— Поехал к директору и потребовал собрать совещание главных специалистов. Как выяснилось, из-за высокой нагрузки корпуса выпарных аппаратов слишком быстро разрушаются от коррозии. Никто не рассчитывал на такую концентрацию солей.

— А почему молчали?

— Объясняют тем, что до весны все равно ничего не получится сделать. Разгильдяйство, конечно. Наверняка так и рассчитывали, что мы дадим добро на слив в реку. Деваться-то все равно некуда.

— А что можно реально сделать?

— Много чего. Котлованы в мороз рыть не будем, но завезти цемент нужных марок для бетонирования нужно. И корпуса новых аппаратов нужно заказывать прямо сейчас. Емкости из нержавеющей стали под отходы можно будет варить на месте уже через пару месяцев. Я отдал все рекомендации Ванникову.

— Я с Борисом Львовичем сам на эту тему поговорю. А что там по реактору?

— До конца разобраться не могут, поэтому предлагают проверить по упрощенной технологии. Если пойдет реакция, значит, никаких сомнений нет, и можно строить опытный реактор. Там несколько задач, которые нужно распределить между исполнителями. Сами пока пытаются разобраться с накопителями. Я говорил с ребятами. Нет у них особых надежд во всем быстро разобраться, слишком уж там все сложно. Но говорят, что сделать можно, если не прямо сейчас, то в недалеком будущем.

— А что говорит Алексей?

— Он говорит, что в его книжках будущее страны, но нам это пока не по зубам. Нужно малость оклематься после войны и немного развязаться с атомным оружием. Слишком уж велики масштабы работ. Но исследования и подготовку к ним уже нужно вести и даже строить опытный образец, но только не в «Сороковке». И я с ним согласен. Производственные мощности комбината замкнуты на него самого. Фактически для разработчиков и строителей все нужно строить с нуля. Так почему там, а не в другом месте? Мне не понравилось, что когда разговор зашел о том, что им там остаться надолго, он стал сильно нервничать, хоть и старался это скрыть.

— Думаете он что-то знает и не хочет говорить?

— Вряд ли, — подумав, ответил Курчатов. — Ему нет никакого смысла скрывать что-то опасное, наоборот. Я бы сказал, что он что-то чувствует. Что-то такое, что вызывает беспокойство, но не поддается объяснению. Он хотел кое-что передать мной для вас, но потом решил рассказать сам при случае. Но это не имеет отношение к комбинату.

— Что за информацию он предоставил по вашей части?

— Кое-что по полупроводникам и оптическим генераторам. Некоторые идеи уже проскакивали в научных публикациях, но не смогли реализовать, а вот он дает описание технологий. Очень приблизительные, но можно доработать. Пока засекретили и консультируемся, кому передать. Перспективы огромные, но нужно время.

— Его информацию думаете использовать во втором изделии?

— Уже начали. Но Алексей только кое-что уточнил и подтвердил наши собственные доработки. Информация по водородному оружию более ценная. Год-полтора он нам точно сэкономил.

— Последний вопрос. Игорь Васильевич, как вы смотрите на то, чтобы отдать проект генератора Капице? Вас мы не хотим снимать с атомной темы.

— Положительно смотрю. Хороший ученый, но мне с ним было трудно работать. Хорошая кандидатура, если опять не откажется. Тема-то скользкая, можно и шею сломать.

— Ладно, — подвел итог Берия. — Сделаем все, чтобы «Сороковка» работала без аварий и сбоев. Кроме нее, плутоний нам не даст никто. Я по своей линии сделаю все возможное, а вас прошу проконтролировать руководство комбината. Не специально, а когда будете там по другим делам. А группу Гольдберга весной уберем. Пусть там зимуют вместе с Самохиными и читают книги, а я пока дам задание подобрать место для центра.

Алексей шел по пустому коридору Центра в свой кабинет за оставленной в нем шубой. Сегодня была суббота тридцать первого, и директор отпустил весь персонал на три часа раньше, а Алексея задержала проверка помещений, в которой он, как один из заместителей Капицы, должен был участвовать. Время подбиралось к шести часам, и пора было бежать домой, где Лида вместе с женами остальных ребят заканчивала оформление новогоднего стола. В новую трехкомнатную квартиру он мог пригласить всех, с кем они хотели провести праздник. До своего кабинета Алексей не дошел, остановившись у приоткрытой двери в приемную директора. В ней было темно, но через узкую щель в двери кабинета Капицы пробивался свет. Постучав, он открыл дверь и вошел. Пётр Леонидович сидел за массивным столом и, казалось, спал. На стук он не отреагировал, и Алексею на мгновение стало страшно. На мгновение, потому что Капица тут же открыл глаза.

— Не собираетесь домой, Петр Леонидович? — с облегчением спросил Алексей. — На улице пурга и сильный ветер. Вызвать дежурную машину?

— Если бы я хотел, я бы и сам позвонил, — сказал Капица. — А вы что бродите по Центру? Я вас всех когда еще отпустил, неужели нужно столько времени проверить опечатанные двери? Или жена дома не ждет?

— Вас Анна Алексеевна тоже наверняка ждет, — сказал Алексей, садясь на один из стульев для посетителей. — Не хотите вызывать машину, давайте я вас провожу.

— Полгода, как меня выдернули с дачи и поставили сюда вашим директором, — сказал ему Капица. — До сих пор я сам подбирал себе кадры, здесь меня этой возможности лишили, иначе я бы вас никогда не взял замом.

— А я в замы не рвался, — спокойно ответил Алексей. — Мне и консультанта было выше крыши. Или хотите сказать, что от меня нет пользы, и я даром ем свой хлеб?

— Да нет, так я не скажу. Даже за эти полгода вы подали столько идей, что свой хлеб окупили с лихвой. И большинство тем, над которыми работают в бывшем моем институте физических проблем, исходит от вас. Это и удивительно, потому что вы никакого отношения к науке не имеете. Тематика Центра не связана с вами?

— Связана, — не стал отрицать Алексей. — И что из этого?

— Почему вы пришли сюда? — с интересом спросил Капица. — В Англии, например, вы за эти сведения получили бы несравненно больше. Я уже не говорю о том, что тогда они стали бы достижением всего человечества!

— Умный вы человек, Петр Леонидович, — с сожалением сказал Алексей. — Мне досадно, что вы и за три жизни не дорастаете, но иногда говорите глупости. Где вы видели это человечество? Есть самые разные страны, населенные разными народами. А национальные элиты эгоистичны по своей природе. Пока вы в своем Кембридже вместе с Резерфордом двигали чистую науку, вам никто в этом не мешал, а вот когда наука начинает приносить большие деньги, позволяет увеличить экономическую или военную мощь государства, сразу же заканчивается всякая свобода. Мне понятен Жюль Верн с его идеализмом, но вы-то живете совсем в другое время! Почему к вам спокойно приехал Дирак, и вам никто не мешал общаться? Да потому, что ни англичане, ни мы не видели от вашего общения никакого вреда. Попробуйте сейчас обменяться знаниями по ядерной тематике с кем-нибудь из коллег в США. Ничего не получится, даже если наши разрешат.

— Хотя я, по вашим словам, способен на глупости, но прекрасно понимаю, о чем вы говорите. Такое не может нравиться, но понятно, чем вызвано. А чем вызвана секретность с вашими реакторами? Их при всем желании не используешь в военных целях! А в содружестве с другими странами все можно сделать гораздо быстрее. И пользовались бы тогда не одни мы, а все человечество, о котором вы высказались так пренебрежительно!

— Этому человечеству мы в лучшем случае не нужны, а в худшем — мешаем. Знаете, что обычно делают с теми, кто мешает? Вас не убедило образование НАТО и американские планы атомных бомбардировок Советского Союза? Вы действительно такой космополит, каким кажетесь, или в вас все-таки есть капля патриотизма?

— Я патриот! — сказал Капица. — Просто я не верю в угрозу войны.

— Ну и глупо, — отставив дипломатию, сказал Алексей. — Если бы все были такими чистоплюями и отстранились от атомного проекта, нас бы уже не было. Силу можно остановить только силой. Этот закон жизни, а не только физики. Говорите, что нет приложения в военной сфере? А в сфере экономики реакторы что-нибудь дадут?

— К чему этот вопрос? А то вы сами не знаете!

— Знаю, потому и говорю. Изобилие электроэнергии сильно увеличит возможности экономики, в том числе и в области производства вооружений. И, к вашему сведению, помимо государственных или военных секретов существуют еще и коммерческие. И потом я вам гарантирую, что, приди я в ваш Кембридж, англичане и не подумали бы привлекать вас к работам. Вот со Штатами поделились бы, а даже с соседями—французами уже вряд ли. И вы меня разочаровали. От такого ума, как ваш, я не ожидал...

— Меня в глупости столько не обвиняли за десять последних лет, — сказал Капица.

— Заслужили! — отрезал Алексей. — Вы убедились в том, что конструкция накопителя должна работать?

— Принцип проверили, и даже в нем разобрались. Ну и что?

— А то, что имея изобилие электрической энергии и способы ее накопления, можно создавать такое оружие, что противников вам не будет. С работами по рубиновым лазерам знакомы? И лучевое оружие это только одно из многих возможных. Можно использовать плазму, микроволновое излучение и электромагнитные орудия. Это уже не говоря о боевых машинах на электричестве. Вот, полюбуйтесь, — он достал из кобуры метатель и выпустил очередь иголок в деревянную настенную панель.

— Что это? — спросил Капица.

Он вышел из-за стола и подошел к тому месту, где иглы почти полностью вошли в дерево.

— Ручное оружие, — пояснил Алексей. — Магнитное поле ускоряет иглу, придавая ей свойства пули. Из этой штуки можно стрелять несколько тысяч раз подряд. И иглы могут быть отравленными. Вы и сейчас станете утверждать, что наша секретность вредит человечеству?

— Можно посмотреть? — спросил Капица.

— Пожалуйста, — Алексей протянул метатель. — И на меня его можете не направлять: стреляю из него только я. Распознавание осуществляется по отпечаткам пальцев.

— И вы дали такую силу этому режиму? Они же залиют весь мир кровью!

— Вы думаете? — усмехнулся Алексей. — А кто я, по-вашему, вообще такой?

— Тут и думать нечего, — Капица вернул оружие и сел на соседний стул. — Вы представитель цивилизации другого мира. Никогда не верил выдумкам, но не верить фактам

не могу.

— Несколько дней назад, когда в Центр приезжал Берия, и у нас с ним состоялся разговор, — сказал Алексей. — Обсуждали главным образом то, что мне можно о себе говорить и что нельзя. Мне уже надоели вопросительные взгляды, в том числе и ваши. Нельзя годами жить и работать с людьми, оставаясь для них загадкой. Лаврентий Павлович меня выслушал и признал правоту. Почему — поймете позднее. Мы очертили круг тем, которых мне запрещено касаться. Остальное — на мое усмотрение. Так вот, уже могу вам сказать, что не имею к пришельцам из других миров никакого отношения. Я прибыл сюда из вашего будущего, моя жена — тоже. Что смотрите так недоверчиво? Не верите, что время обратимо? Ну и зря. То, что оно обратимо для элементарных частиц, будет доказано лет через пятьдесят.

— Вы не частица и не могли прийти сюда из будущего! — упрямо сказал Капица.

— Я и не пришел, — кивнул Алексей. — Нас с женой сюда просто кто-то забросил. Один умный человек считал, что это сделал бог. Бог это или нет, но он нас щедро наградил, вернув молодость. На самом деле мы гораздо старше.

— В это я могу поверить, — согласился Капица. — Не в бога или путешествия во времени, а в ваш возраст: мальчишки так себя не ведут.

— Вы многократно писали письма товарищу Сталину и на многие из написанного он отреагировал и даже, кажется, пару раз вам ответил. Как вы думаете, он очень доверчивый человек?

— Думаю, что нет.

— Я тоже имел возможность в этом убедиться, — кивнул Алексей, — но мне он поверил.

— И как же вы к нему попали?

— Передал одну из своих книг через его сына. Не те, которые изучаете вы, у меня были и другие. Книги, в которых подробно описывалась история страны до конца века. Причем не просто текст, еще около тысячи фотографий. Можно подделать несколько, но не столько же. А на многих было такое, на что у ваших современников просто не хватило бы фантазии.

— Ему нельзя было такое давать!

— Это, дорогой Пётр Леонидович, эмоции! — возразил Алексей. — На днях мы отмечали его семидесятилетие. Люди не вечны, а ему не безразлично, что после него останется. Чтобы объективно оценить роль этой личности, нужно знать намного больше того, что вам известно. Мне на эту тему говорить запрещено. Могу лишь сказать, что сейчас ликвидируются последствия многих ошибок, а еще больше таких, которых не будет вовсе. Не нужно все валить на этого человека, уверяю вас, что было много других, при которых было бы гораздо хуже. Вспомните своих детей. Бывало же, что они кричали, капризничали и мотали вам нервы десятком других способов?

— Дети — это дети, — сказал Капица. — С возрастом все проходит. Главное — правильно воспитать.

— Золотые слова! — кивнул Алексей. — Подпишусь под каждым. У общественного строя, как и у человека, есть период становления. Вы же не убиваете маленького ребенка за эгоизм и жестокость, а стараетесь вытравить их из него воспитанием. Вам понравилось в Англии? Впрочем, можете не отвечать. А теперь вспомните их историю. Как нарождался капитализм в Англии, и сколько крови пролилось! Эту их демократию пришлось вырывать у правящего класса зубами. И учтите то, что Англия долго доила половину мира, а у нас в

активе была послевоенная разруха и нищее безграмотное население.

— А почему вы вообще пришли? В чем цель? Подмять под СССР весь остальной мир?

— Пуп надорвем его под себя подминать, — ответил Алексей. — Много было желающих рулить миром, так ни у кого не получилось, по крайней мере долго. И мои книги дадут только временное преимущество. Главная цель не в реакторах, а в исправлении допущенных ошибок. А пришел... Просто все пришло к очень печальному финалу и кто-то решил это переиграть.

— Неужели война? — недоверчиво спросил Капица.

— Нет, войны не было. Так, обменялись ядерными ударами с Китаем. Геологический катаклизм и длительное изменение климата. Девять людей из десяти погибли, а выжившие... многим из них лучше было бы тоже погибнуть. Но все это еще очень нескоро.

— И это нельзя предотвратить?

— Вот что, Пётр Леонидович, — сказал Алексей, посмотрев на часы. — Мы с вами заговорились, а уже восьмой час. Давайте собираться и идти домой. Сначала к вам за Анной Алексеевной, а потом все вместе ко мне. У меня большой стол, а пригласили только три пары, так что вас усадим без труда. И елка у нас есть, в отличие от вас. Я вам потом, если хотите, многое расскажу. Говорить об этом другим не советую, все равно никто не поверит. Скажут, что у вас умственное расстройство из-за чрезмерной научной деятельности. А сейчас нужно обо всем забыть и немного отдохнуть и повеселиться. Я вам расскажу хорошие анекдоты, а Гольдберг принесет гитару. Вы когда так сидели с друзьями, ни о чем не думая?

— Уже и забыл, — немного растерянно ответил Капица. — Говорите, там сильный ветер?

— Метет, но не настолько сильно, чтобы вызывать машину. За десять минут дойдем. Не знаю, как для вас, а для меня в такой погоде есть своя прелесть.

— Ты хочешь, чтобы я приехал на заседание? — спросил Сталин Берия. — Зачем это нужно? С кем-то сложности?

— Ничего такого, с чем я бы не справился, — поспешно сказал Берия. — Просто Ворошилов пару раз высказался в том смысле, что я действую за вашей спиной и не обо всем ставлю в известность. Не хотелось бы действовать жестко. Ваше появление на Политбюро пошло бы на пользу.

— Я после этого юбилея что-то не слишком хорошо себя чувствую. Давай сделаем не так. Не я поеду разбираться с Климентом, а пусть он приезжает сюда. После совещания бери его и Кузнецова и приезжайте. А то у меня в последние два месяца из гостей нет никого, кроме тебя. Посидим за столом, а потом я с ним поговорю. У тебя есть кандидатура на его место?

— Я бы его заменил Шаталиным. После смерти Маленкова мы с ним сблизились. И Молотова, по-моему, пора убирать из Политбюро. Он в последнее время сильно сдал и редко появляется на заседаниях. Фактически он сейчас вообще ничем не занят.

— Подготовь все свои соображения по кадрам. Вам еще сколько чистить партаппарат?

— За пару месяцев должны управиться.

— Тогда запускай подготовку к съезду. На нем всех и поменяем.

— Все сделаю. Сегодня же скажу Кузнецову. Не курили бы вы? Врачи ведь...

— Поздно мне бросать, Лаврентий. Ты недавно ездил в этот Центр? Не ошиблись мы, послав туда Капицу?

— Работает нормально. Ему на даче уже все осточертело, поэтому долго не ерепенился. Пытался ставить свои условия, но ему сразу сказали, что другого предложения не будет. Смутьян, но в работе реактора быстро разобрался. И с накопителями у них большие подвижки.

— Ну и когда это все у нас будет?

— В первом полугодии должны разработать конструкцию, а потом запустим опытный образец. Строить будут года полтора.

— Почему так долго, если известна конструкция? — ворчливо спросил Сталин.

— Нет нужных материалов и пока не решен вопрос охлаждения излучателя. А приборы контроля и управления нужно разрабатывать самим, в книгах о них лишь несколько общих фраз. Много времени займет изготовление термоэлементов. Для их производства придется строить завод.

— А что с нашей собственной бомбой? Ты ведь ездил и в Саров?

— Курчатов обещал, что должны все закончить в конце года. В результатах он не сомневается. А по ним уже будем решать, что запускать в серию. Наш вариант гораздо удобней в использовании и экономичней. После испытания второго изделия сразу же запускаем водородную бомбу, проект уже на выходе.

— Слушай, Лаврентий, если все пройдет так, как обещает Курчатов, надо бы наградить Самохина. Как думаешь?

— Думаю, нужно, — согласился Берия. — Сделали бы и без его подсказки, но время он сэкономил сильно. Да и вообще, от него было много полезного. Физики запустили восемь тем. И это помимо того, чем занимается их Центр.

— Вот что, Лаврентий, — Сталин помолчал, потом закончил. — Готовься после съезда меня заменить. Что-то мне плохо, и совсем нет сил. Нужно опять съездить подлечиться. Ты и так тянешь всю работу, возьмешь и то немного, что еще делал я. Я на съезде скажу. Нужно вообще взять за правило, чтобы не держать стариков у власти. Ты сам читал, чем такое заканчивается. Исполнилось семьдесят и на покой. А тем, у кого еще есть силы и скучно сидеть дома, можно найти другую работу. И еще одно... У тебя кто-нибудь занимается Ракоши?

— Вопрос с Венгрией прорабатывается, — ответил Берия. — Ракоши кое в чем переплюнул нашего Ягоду. Его однозначно нужно убирать. И не его одного. Сейчас решают, как это сделать безболезненно, и кем его заменить. В отношении кандидатуры Надя есть большие сомнения.

— Мама! Смотри, краб!

— Ромка, ты почему опять забрался в воду? — одетая в купальник жена Михаила побежала вытаскивать сына из воды на галечный пляж.

— Здорово у тебя получается! — с искренним восхищением сказал Михаил, смотревший на работу Лиды. — Море как настоящее.

— Не люблю, когда смотрят на незаконченную работу, — недовольно сказала она. — Пошел бы ты, что ли, поплавал с Алексеем?

— Надоело! — ответил он. — Сколько уже можно плавать? Мы три недели только и делаем, что плаваем. Ответишь на вопрос?

— Смотря на какой, — Лида отошла от мольберта и сняла рубашку, которой прикрывала уже облезшие от загара плечи. — Давай свой вопрос, пока я еще не в воде. Мне,

в отличие от тебя, море еще не надоело.

— После катастрофы спаслось много евреев?

— Ну ты и спросил! — удивилась она. — Знаешь, после взрыва интересоваться национальностью было не то что не принято, просто неприлично. Ее и в чип не заносили. Все жители России были русскими, даже негры. Насколько я помню, большие диаспоры евреев были в Штатах и в Европе. Ну и, конечно, Израиль. Из США спаслось миллионы двадцать или тридцать.

— А почему такой разброс в цифрах? — удивился Михаил.

— А ты сам подумай. Кто их тогда считал? Уцелели в основном в южных штатах, а там тогда треть жителей была чиканос, а половина оставшихся — негры. Вряд ли среди них было много евреев. Примерно треть сбежала в Австралию, остальных поначалу принимали в Европе, но потом, когда припекло, всех выбросили вместе с другими эмигрантами. Те, кто не погиб, прибились к нам. А в Европе уцелело совсем немного народа. В основном это немцы, которых осталась четверть, и совсем мало французов. Остальных можно вообще не считать. Что там в Австралии я не знаю. Правительство, наверное, поддерживало какую-то связь, но если в Сети об этом что-то было, я тогда не интересовалась. Спроси Алексея, он может знать. Читала только, что до них кислотные дожди не достали. С другой стороны, попробуй прокормить пятьдесят миллионов ртов, если как минимум десять лет нельзя ничего выращивать. И нужно топливо, потому что температуры сильно упали. Мы выжили только из-за диктатуры, а австралийцы могли продолжать играть в демократию.

— Это из-за анархии?

— Президент с помощью армии национализировал все запасы продовольствия и всю энергетику. Потом временно забрали под государственное управление вообще всю экономику. Большую часть эмигрантов бросили на постройку реакторов и подземных производств продовольствия. Отец как-то говорил, что из них по разным причинам погиб каждый четвертый. Ну и половину населения Дальнего Востока потеряли из-за войны с Китаем. Я думаю, что если евреи были у нас до взрыва, то и после него должны были сохраниться. Но я ни среди своих знакомых, ни среди знакомых отца чисто еврейских имен и фамилий не припомню.

— Что-нибудь знаешь насчет Израиля?

— Извини, Миша, но там вряд ли кто уцелел. Америка, которая их всегда поддерживала, исчезла, а атомное оружие уже было и у арабов. И терять им было нечего. Да и без арабов... Нефть для себя у них еще была, а продовольствие — уже вряд ли. Наши потом сообщали, что атомное оружие там точно применяли, но кто и против кого, я не знаю. У нас считалось, что на Ближнем Востоке людей не осталось. А для чего это тебе? Неужели для тебя это так важно?

— А ты как думаешь?

— А я, Миша, вас, если честно, не понимаю. Мне национальность человека безразлична. Если он живет в моей стране, значит, соотечественник. Нас приучили не смотреть на внешность, а в бога тогда вообще мало кто верил, поэтому и на это не обращали внимания. Ваша семья — очень хорошие люди, поэтому мы и дружим. У меня муж не то чтобы не любит евреев, скажем так, недолюбливает некоторых из них, а о тебе сразу сказал, что классный парень.

— И в чем же причина его неприязни?

— Ты меня неправильно понял. У него нет неприязни ко всем евреям, он

недолюбливает тех, кто упорно лезет во власть, используя поддержку тех, кто уже там обосновался. Он говорит, что такие не все, но из-за них и к остальным не слишком хорошее отношение.

— Он не прав, — вздохнул Михаил. — Давай ненадолго присядем, и я постараюсь тебе объяснить. Алексей не прав в том, что причина неприязни к нам в еврейской упертости во власть. Что ты знаешь об истории евреев?

— Почти ничего не знаю, — она поднялась с камней. — Подожди, хоть рубашку подстелю, а то все слишком нагрелось от солнца. Я помню, что евреи были рабами фараонов, и их оттуда увел какой-то пророк и сорок лет водил по пустыне.

— Это было слишком давно и к делу не относится, — сказал Михаил. — Все началось с исхода евреев из Палестины в пору владычества Рима. Я тебя не буду утомлять долгим рассказом, скажу только о том, что поначалу евреи расселились по всей Римской империи, а после ее падения стали селиться в Европе и Азии. Бывало, что какое-то время они очень неплохо жили в отдельных местах, но основная масса терпела постоянные притеснения. И длилось это чуть ли не две тысячи лет. Причем их грабили и убивали не только в древние времена на Востоке, еще совсем недавно в Российской империи еврейские погромы были обычным делом. Вот могли бы вы нормально жить, рожать и воспитывать детей, зная, что можете всего лишиться в любой момент? Евреев не защищало даже богатство, наоборот, оно было лишней причиной для грабежей.

— Хочешь сказать, что они лезут во власть, чтобы обеспечить себе безопасность? Что-то слабо верится, их же оттуда периодически вычищают. Какая тут безопасность?

— Чем вы там занимаетесь? — крикнул выходящий из воды Алексей. — Сидите и воркуете, как два голубка, вместо того чтобы купаться.

— А ты уже накупался? — спросила Лида. — Тогда подожди, я сейчас тоже окунусь и пойдем обедать. Ладно, Миша, как-нибудь потом договорим.

— О чем болтали, что жена даже забыла о своей работе? — спросил Алексей, усаживаясь на камни.

— Рассказывал Лиде об исходе евреев из Палестины, — ответил Михаил. — Пойду смывать песок.

— Странную вы выбрали тему для пляжа, — хмыкнул Алексей. — Идите купаться, а я пока обсохну.

В свои комнаты возвращаться не стали, сразу пошли в столовую. Михаил взял уставшего Ромку и посадил себе на плечи.

— Он сейчас будет карабкаться наверх до ужина, — сказал он недовольной супруге. — Ничего не забыли? Тогда вперед!

После обеда Михаил с Викой повели сына спать, а Самохины пошли в одну из парковых беседок.

— Для чего Михаил взялся тебя просвещать? — спросил Алексей жену. — Не замечал за ним раньше любви к истории.

— Он у меня спросил, сколько евреев осталось после взрыва, а когда ответила, заговорили о том, почему к ним такое отношение, и я пересказала твою версию.

— Надо же, — удивился Алексей. — Впрочем, у каждого в голове свои тараканы. Я тебе выдал не столько свою, сколько обывательскую точку зрения. Настоящая причина сложнее. А ты постарайся в дальнейшем на эти темы не говорить. Если человек нравится, наплюй на то, какая у него национальность. Тебя, по-моему, так и учили. А сволочей в любой нации

достаточно.

— Ладно, буду плевать, — согласилась Лида. — Леш, ты не мог бы меня устроить в ваш Центр хоть кем-нибудь? Сил больше нет сидеть дома! В большом городе я бы себе занятие нашла, а в нашем городке без тебя никак.

— Я поговорю с Капицей, как приедем, — пообещал муж. — Может быть, он что-нибудь придумает, мне ничего в голову не приходит.

Зазвонил телефон, и она подняла трубку.

— Лидия Владимировна, это Орлов с КПП. Приехал министр электростанций. Через десять минут будет у вас.

— Спасибо, Толя, — поблагодарила она и сразу же начала обзванивать нужных людей. — Гараж? Ребята, найдите Василия, и чтобы через десять минут машина директора стояла у подъезда. Дежурный? Санеев далеко? Найдите и передайте, чтобы по моему звонку уводил всех из монтажного зала. Да, это секретарь директора. У нас гости, так что пусть немного раньше пообедают. Столовая? Это Самохина. Приготовьте малый зал. Времени? У вас примерно час, может быть, чуть больше. С директором будут гости. Думаю, не больше двух-трех человек. И из сборочного могут раньше прийти на обед.

Закончив, она встала из-за стола и зашла к Капице.

— Петр Леонидович, минут пять назад звонили с КПП. Приехал Жимерин, сейчас будет здесь. Наверняка будет осматривать объект. Шофера я предупредила, людей из монтажного уведут, как только вы туда поедете. В столовой все тоже будет готово. В гостиницу я пока не звонила. Зовут его Дмитрий Георгиевич.

— Спасибо, Лида, вы незаменимый человек. Что бы я без вас делал?

— Это вам спасибо, — улыбнулась она. — И за работу, и за комплимент. Да, совещание с главными специалистами переносить не будем?

— Пока нет, — ответил Капица. — Если выйдет задержка, я вам позвоню.

Лида вышла, а он невольно проводил ее взглядом, в очередной раз подумав о том, насколько внешний вид этой женщины не соответствовал ее деловым качествам. Он не слишком хотел брать ее на эту должность, но за три прошедших месяца ни разу не пожалел о своем решении. Она выглядела старшеклассницей, но сразу же смогла продемонстрировать и ум, и организаторские способности, сходу освоила работу секретаря, взяв на себя заодно и кое-что из того, что ему до нее приходилось делать самому. Вот только ее красота временами напрягала, вызывая зависть к заму и заставляя остро чувствовать свой возраст.

Лида села за свой стол и начала разбирать почту. Через несколько минут дверь в приемную отворилась и вошел худощавый мужчина в очках, одетый в пальто, отделанное каракулем. Следом за ним вошли еще двое.

— Здравствуйте, Дмитрий Георгиевич! — поздоровалась она. — Проходите, пожалуйста, директор вас ждет. Товарищи пока могут подождать здесь. Если желаете, можете снять верхнюю одежду, у нас тепло.

Министр скользнул взглядом по ее фигуре, задержал его на лице, хмыкнул и, мотнув головой, прошел в кабинет. При некоторой фантазии этот кивок можно было принять за приветствие. Остальные, удивленно посматривая на красивую девочку, расстегнули пальто и сели на стоявшие у стены стулья.

— Здравствуйте! — поздоровался с Капицей Жимерин. — Я вижу, вам обо мне уже доложили.

— Здравствуйте, — приподнялся Капица, приветствуя гостя. — Мне звонили несколько дней назад по поводу вашего приезда. Не хотите снять пальто? Или поедем сразу посмотреть объект?

— Я бы начал с осмотра, — ответил Жимерин. — Заодно вы бы ввели меня в курс дел.

— Тогда я сейчас оденусь и поедем. Вы один?

— Нет, со мной два ответственных работника министерства. Они сейчас в приемной.

— Тогда подождите, — Капица взял телефонную трубку. — Лида, товарищам, приехавшим с министром, нужно посетить объект, проверь их предписания.

— Откуда вы только взяли такую секретаршу! — неодобрительно сказал Жимерин. — Я бы не рискнул.

— А я вам Лиду и не предлагаю, — засмеялся Капица. — Она старше, чем выглядит, и уже два года замужем. Причем работает так, что я скоро разучусь говорить. Стоит о чем-то подумать, а она это уже сделала.

— Петр Леонидович, — сказала зашедшая в кабинет Лида. — У остальных из предписаний нет нужной отметки, поэтому пропусков на объект не оформят. Возьмите их с собой, посидят в охране, а потом вместе пообедают. Пропуск для Дмитрия Георгиевича оформлен, а Санееву я позвонила. Да, в почте ничего срочного нет.

— Хорошо, — кивнул Капица. — Мы поехали. Возьмем мою машину, вашу к объекту не пропустят.

— Реакторный зал находится под землей, — полчаса спустя объяснял Капица, направляясь вместе с гостем к лифту. — Там же и все вспомогательные помещения.

Спускаться пришлось довольно долго.

— Мы только полгода рыли котлован, бетонировали и строили помещения, — продолжил он, когда после короткого коридора ввел Жимерина в большой зал, освещенный парой сотен светильников. — Сам реактор еще только начали монтировать.

— Ничего себе! — пораженно сказал министр, уставившись на огромный цилиндр, установленный в центре зала на высоких опорах. — И вы говорите, что он еще не полностью смонтирован?

— В длину он будет около ста метров, диаметр составит пятнадцать метров. Пока сварили примерно две трети. Сварку ведут и изнутри, и снаружи, потом швы шлифуют и полируют готовую часть корпуса.

— А что это за трубы?

— Это волноводы излучателей. Мы их убрали из реактора и ставим три вместо одного. Это позволяет решить вопрос охлаждения и увеличивает надежность. По нашим расчетам они должны проработать без замены десять лет. Единственный пока нерешенный вопрос — это надежность датчиков. Раз в год реактор придется останавливать на сутки и их менять. Для этого предусмотрены люки. Но я думаю, что и это со временем решим. В соседнем зале стоит источник высокого напряжения и вся аппаратура контроля и управления. Подстанции, которые преобразуют постоянный ток в переменный нужного напряжения будут стоять наверху. Их запланировано десять. А вот эта пластина и есть преобразователь тепла в электричество. Такие преобразователи покроют почти всю поверхность реактора. Видите у него с одной стороны штыри? Это для охлаждения. Здесь все будет обдуваться сильным потоком воздуха. Нагретый воздух думаем потом использовать для горячего водоснабжения и других нужд. Но это уже в самую последнюю очередь, поначалу будем его просто выдувать наружу. Радиации здесь практически не будет.

— И сколько вы еще это будете строить? — обвел рукой зал Жимерин.

— Вопросов с конструкцией нет, излучатели нам скоро поставят, а преобразователи начали выпускать серийно. Из-за того что их нужно очень много и большого объема монтажных работ, все закончим только через год, и то при условии, что нас не подведут смежники. Но все вроде должны поставить в срок, заминка пока только с проводами для магнитов.

— Дорого обойдется ваш реактор! — сказал Жимерин. — А в Госплане уже хотят все перспективное строительство ориентировать на них.

— Дорого, — согласился Капица. — Но этот реактор даст столько электроэнергии, сколько дали бы десять таких станций, как ДнепроГЭС. Я не экономист, но мне и без расчетов ясно, что выгодней строить. При серийном изготовлении стоимость реакторов уменьшится, а затраты на их эксплуатацию ничтожны. Об остальных преимуществах и говорить не буду: сами должны понимать.

— Значит, к съезду партии сделать не успеете, — с сожалением сказал Жимерин. — Жаль, но вижу, что торопить вас нет смысла. Из слов вашей секретарши я понял, что вы нас собираетесь кормить. Давайте, наверное, этим займемся, а потом мы уедем. Представление о вашей работе я получил, а задерживаться не вижу смысла.

— Заходи, Снегурочка! — Алексей помог жене снять шубу, вышел на лестничную площадку и несколько раз энергично встряхнул, выбивая снег. — Надеюсь, ты уже в наших рядах?

— Приняли, — сообщила Лида. — Билет выдадут позже. Проголосовали единогласно.

— Еще бы им не проголосовать! — засмеялся муж. — Ты бы на них потом отыгралась! Дураков нет обижать секретаря директора.

— Ты давно дома?

— Уже час. Изучаю материалы съезда.

— Ну и что там интересного? Колись, я уже тоже коммунист!

— Обновляют Политбюро. Отправили на пенсию Ворошилова, по состоянию здоровья освободили Андреева, а Молотова, как написано, перевели на хозяйственную работу. Ворошилова давно надо было убрать, Андреев, насколько я помню, начал терять слух, а Молотова, похоже, просто вытурили. До него еще никому хозяйственная работа не мешала оставаться членом Политбюро. Ему еще повезло: раньше живыми из Политбюро не уходили. За исключением этого, пока ничего интересного не нашел. Все депутаты выступают с поддержкой курса руководства на очищение партийных рядов, но это было ожидаемо: большинство из них и выдвинулось после этой чистки. Да и закончилась она с месяц назад, так что задним числом почему бы и не одобрить, тем более что вычищали всякую сволочь, и чистка проходила открыто и освещалась в печати. Попробуй что-нибудь возразить. Ладно, пойдем на кухню попьем горячего чая с домашним печеньем.

— И откуда у нас домашнее печенье? — осведомилась Лида. — Колись, кто у нас был!

— Да ладно тебе, колись, да колись! — деланно возмутился Алексей. — Я и так от тебя ничего не скрываю. Ну пришла Вика, ну повалял я ее на диване, ну расплатилась она печеньем собственного изготовления — что в этом такого? А драться-то зачем?

— А чтобы ты меня не дразнил! Вику он валял, как же! У нее свой валяльщик есть, не хуже тебя. А для тебя она, по сравнению со мной, вообще старуха!

— По сравнению с тобой у нас все жены старухи. Хорошо хоть, что ты вроде прекратила молодеть. Местные к тебе уже привыкли, а все, кто приезжает по первому разу, недоумевают, что эта красивая девочка делает в приемной директора. Ты бы хоть обручальное кольцо носила и всем демонстрировала, а то Капицу будут черт-те в чем подозревать.

— Ты на мои пальцы посмотри! Я бы носила, если бы оно держалось на руке, а ювелиров здесь нет. Спроси у ваших мастеров, может быть кто-то возьмется обжать? Ой, как пахнет ванилью! Слушай, ты, наверное, почти все съел и оставил мне совсем чуть-чуть?

— Чтобы я объел свою жену? Ну съел десяток паучков, но в кулке еще пара осталась.

— Ах ты!

— Да шучу я, шучу. Вот тебе чай, вот печенье. Садись, а я буду на тебя любоваться, а потом схвачу в охапку и унесу в спальню! В мое время утверждали, что в любви от молодых девчонок толку мало. Врали, наверное. Чем больше ты молодеешь, тем больше я от тебя теряю голову!

— Я от тебя ее давно потеряла, — Лида доела печенье и передвинула свой стул ближе к мужу. — Леша, как ты думаешь, когда у нас будет ребенок? Так хочу малыша — сил нет! Ну

что ему стоит? Вроде мы с тобой уже все сделали! Может быть, дело не в нем, а в ком-то из нас?

— Меня проверить легко, — задумчиво сказал Алексей. — Позвать ту же Вику...

Последняя шутка привела к тому, что ему пришлось спасаться бегством. Убежал он в спальню, где все завершилось на недавно купленной двуспальной кровати. Устав, некоторое время просто лежали.

— Леш, — сказала Лида. — Вот закончите вы этот реактор, а что дальше?

— Наверное, наше КБ начнет доработку опытного реактора до серийного, а остальные займутся накопителями.

— Я тебя не об этом спрашиваю. Я хочу понять, где наше место в этой жизни. Ты все еще вспоминаешь не одно, так другое и часто даешь дельные советы, но вечно так продолжаться не будет, рано или поздно ты выложишь все свои знания. Ты ведь не ученый, ты военный, а теперь еще и офицер ГБ. Тебя поставили заниматься наукой, а чего хочешь ты сам?

— А чего от жизни хочешь ты? — спросил он, притягивая к себе жену. — Насчет малыша можешь не повторять, это я уже слышал. Тебя устраивает работа у Капицы?

— Пока да.

— Ну и я тебе могу ответить примерно так же. Кто его знает, как повернется жизнь. Мы с тобой помолодели до предела возможного. Еще чуточку и потеряем право на самостоятельность, твое и так уже подвергают сомнению. У нас впереди целая жизнь, много всего можно будет поменять. И это при условии, что мы начнем взрослеть.

— Как это? — не поняла Лида.

— А вот так! Ты уверена, что мы и через двадцать лет не останемся такими, как сейчас? Я вот уже ни в чем не уверен. Кто его знает, что для нас запланировали на будущее? Может быть, из-за этого и откладывается твое материнство?

— Ты это специально говоришь, чтобы оправдать свою лень? — спросила она, стаскивая с мужа одеяло. — Я же вижу, что ты уже отдохнул! Кто врал, что теряет голову?

Заснули они в тот вечер поздно. Следующий день оказался богатым на неожиданности.

— Слышали, что только что передали по радио? — сказал вошедший в лабораторию Иван Синицин.

— Интересно, как бы мы это могли слышать при отсутствии радио? — спросил Сергей Остроумов. — Давай уже, излагай.

— Передали, что в Советском Союзе состоялось успешное испытание второй атомной бомбы! Вчера взорвали.

— О первой промолчали, отделались намеками, — сказал Алексей, — а сейчас заявили во всеуслышание. Я думаю это свидетельствует об успехе работ и уверенности руководства.

Вторую новость Алексей услышал от Капицы, когда по делу зашел в его кабинет.

— Минут десять назад услышал новость, — сказал ему Пётр Леонидович. — Сталин уходит.

— Как это уходит? — не понял Алексей. — Куда?

— Включил приемник, а там передают информационное сообщение съезда, — пояснил Капица. — Выступил Сталин и заявил, что не в силах больше занимать посты Генерального секретаря партии и предсовмина. Предложил доверить их Берии. Мол, он и так выполнял эту работу и выполнял прекрасно. Его попытались уговорить остаться, но не преуспели. Он вообще посоветовал не оставлять высших партийных и государственных постов тем, кому

перевалило за семьдесят. Надо сказать, что он меня приятно удивил. Сообщили, что съезд все утвердил. Как вы думаете, к чему это приведет?

— Хуже не будет, — ответил Алексей. — Берия и так всем заправлял. Скорее всего, следует ждать от него каких-то действий, направленных на увеличение его популярности. Снизят цены или кого-нибудь реабилитируют. И взрыв второй бомбы подгадали к съезду. Наверняка Сталин донес до депутатов роль Берии в атомном проекте.

— Он действительно очень много сделал, — сказал Капица. — Ладно, перейдем к делам Центра. Я думаю использовать лабораторию Гольдберга для подготовки выпуска накопителей. Реактор достроят и без них, там дело только за строителями. Что скажете?

— Правильно думаете, — согласился Алексей. — В разработке КИП они не участвуют а больше там пока ученые не нужны. Если что-то будет неясно при монтаже, они и так всегда смогут помочь. Только я вот остаюсь не у дел. Не понял я, если честно, как эта хрень накапливает электроны. Отдельные элементы мозаики понятны, но в голове в ясную картину не складываются. Так что помощи от меня будет...

— А вы не расстраивайтесь, — сказал Капица. — Не вы один такой. Из лаборатории Гольдберга в накопителях полностью разобрался только он сам. Там все довольно сложно. Но для вашей задачи это неважно. Нужно изучить все производственные процессы и дать свои рекомендации и замечания. До этого вы неплохо помогали в такой работе.

Вечером Самохины сами прослушали новости съезда по недавно купленному радиоприемнику. Ничего важного к утреннему выпуску добавлено не было.

— Теперь Лаврентий Павлович по объектам мотаться не будет, пошлет кого-нибудь другого, — с грустью сказала Лида. — Знаешь, я, в отличие от тебя, по нему соскучилась.

Ее слова оказались пророческими: через неделю после окончания съезда вместо Берии на объект прибыл один из новых секретарей ЦК Капустин. Через десять минут после того, как он зашел к Капице, туда же вызвали Лиду.

— Лидия Владимировна, — обратился к ней директор. — Где Алексей Николаевич? В лаборатории? Вызовите его, пожалуйста, и зайдите ко мне вдвоем.

Она вышла от Капицы и позвонила в лабораторию Гольдберга.

— Олег? Алексей далеко? Дай ему, пожалуйста, трубку. Леш, приехал секретарь ЦК, который сейчас у Капицы. Как я поняла, он будет нами заниматься вместо Берии. И директор для чего-то вызывает нас вдвоем. Подходи, я жду.

Для того чтобы появиться в приемной, Алексею потребовалось меньше пяти минут.

— Что за секретарь? — спросил он у Лиды.

— Яков Федорович Капустин, — ответила она. — Ребята с КПП передали данные, у меня его в списках не было. Наверное, из новых. Заходи первым.

— Лаврентий Павлович говорил мне о вашей молодости, но по личным делам я вас все-таки представлял старше, — сказал гость, с любопытством разглядывая Самохиных. — За содействие развитию науки комитет по Сталинским премиям при Совете министров наградил Алексея Самохина второй Сталинской премией в размере пятидесяти тысяч рублей. Возьмите медаль и диплом лауреата. Подождите, это еще не все. Кроме того, вы награждаетесь орденом Трудового Красного Знамени. Вот орден и свидетельство. К сожалению, Лидия Владимировна, лично для вас у меня ничего нет.

— Ничего, Яков Федорович, — улыбнулась она. — У нас в семье все на двоих. Мы можем идти?

— Вы давно с ними работаете? — спросил Капустин Капицу, когда Самохины вышли.

— С самого первого дня пребывания в Центре. До этого Алексей работал в той же лаборатории, но на одном из атомных объектов. А что вас в них заинтересовало?

— В первую очередь, конечно, возраст. По документам вашей секретарше двадцать один год, а я бы дал всего шестнадцать. Да и ее муж выглядит ненамного старше, просто очень хорошо развит.

— Я понял, что это люди Бериин, — сказал Капица. — Всех, кто с ними работает, предупреждали, чтобы не вздумали интересоваться их личной жизнью. Даже подписку взяли. Я и не интересуюсь. Так что вам лучше справиться у него.

— Он сейчас сильно занят, — пояснил Капустин. — Мы говорили всего минут десять, причем обсуждали перечень моих задач, а не странности работников вашего центра. Меня послали в ознакомительную поездку и попросили вручить награды. Кто-то посчитал нежелательным вызывать Самохина в Москву. Ладно, не будем больше терять время. Выделите мне кого-нибудь в сопровождение.

— Я вас сам провожу и все покажу, — сказал Капица. — Реактор почти готов, его сейчас обшивают преобразователями. Дело это долгое, а почему — сейчас увидите сами.

Второй раз в Центр Капустин приехал через три месяца.

— Как видите, мы сильно продвинулись с монтажом, — сказал ему главный инженер объекта, когда они зашли в реакторный зал. — Здесь осталось работы на четыре месяца. Нужно закончить с пластинами преобразователей и монтировать магниты. Вентиляторы для обдува и все оборудование уже готовы. В соседнем зале идет доводка контрольно-измерительной аппаратуры, остальное уже принято. Здесь мы все закончим раньше срока, а вот силовые подстанции пока задерживают поставщики. Вы бы надавили на них, Яков Федорович! Там все делать на поверхности, поэтому хотелось бы закончить до зимы. И ЛЭП тянут очень медленно. А там две линии общей протяженностью около двухсот километров. Реактор хоть и экспериментальный, но энергию должен выдавать не хуже серийного. А пока мы не обеспечим минимальной нагрузки, его даже опробовать нельзя.

— Я посмотрю, чем можно будет помочь, — пообещал Капустин. — Мне сказали, что Самохин в генераторном зале, но я его что-то не вижу.

— Был здесь минут двадцать назад, но ушел к себе. Наверное, вы с ним разминувшись.

— Тогда и я пойду к ученым. Нет, сопровождающего не надо, сам доберусь.

Алексей был в своем кабинете, сидел за столом и что-то записывал в тетрадь.

— Ну как у вас успехи? — спросил Капустин, после того как они обменялись приветствиями. — На объекте я уже был, хотелось бы узнать, чем занимаетесь вы.

— Накопителями мы занимаемся, — ответил Алексей, закрывая тетрадь. — Вы в полном объеме ознакомились с проектом?

— О накопителях читал, но мельком. У меня, кроме вашего Центра, еще три подобных объекта. И помимо этого есть дела, да и недолго я на этой работе.

— Вас интересуют накопители или лично я? — спросил Алексей.

— Вы меня тоже интересуете, — улыбнулся Капустин. — Я о вас спросил товарища Берию.

— И что же он вам ответил?

— Сказал, что в перечне моих работ вы не значитесь, а если меня заело любопытство, могу обращаться лично к вам. И было заметно, что он на эту тему разговаривать не хочет. Естественно, я его больше не беспокоил.

— Решили побеспокоить меня, — кивнул Алексей. — А цель? Что вами движет, только любопытство?

— Я могу рассчитывать на то, что этот разговор останется между нами? — спросил Капустин.

— Мне трудно вам что-то обещать, не зная темы разговора. Вы ведь знаете, что я офицер ГБ?

— Тема — это вы. Сейчас в руководстве партии и в правительстве появилось много новых людей. Естественно, что они интересуются всем окружением первых лиц. Это полезно и для работы, и для собственного здоровья.

— И один из таких руководящих — это вы? Или вы выступаете от чьего-то имени? И непонятно, при чем здесь я? Да, я знаю Лаврентия Павловича, но к его близкому окружению не отношусь.

— Вы загадочная личность, Самохин! — усмехнулся Капустин. — И вы, и ваша жена. После того, как вы несколько месяцев были личными гостями товарища Сталина, о вас пошло много разговоров. Ни до вас, ни после он никому такого уважения не выказывал. И присвоение вам звания старшего офицера госбезопасности не осталось без внимания. Потом в копилку фактов легло покровительство Берии и ваши награды. Вы не ученый, но по вашим идеям трудятся три института. И еще ваша молодость, которая прямо режет глаза. Наверняка за всем этим скрывается нечто очень важное, о чем пока знают очень немногие.

— И вы бы хотели войти в круг знающих? — утвердительно спросил Алексей. — А для чего я буду с вами откровенничать? Что мне это даст, кроме возможных неприятностей в будущем? Да, Берия разрешил мне кое о чем говорить, но то, что могло бы вас заинтересовать, как раз под запретом. А то, что я могу сказать, не принесет вам никакой пользы, только добавит к старым сплетням новые, а если дойдет не до тех ушей, может вообще оказаться опасным. Так что не буду я с вами откровенничать, вы уж извините. Да, докладывать о нашем разговоре я тоже не собираюсь.

— Жаль! — поднялся Капустин. — Я рассчитывал на другой ответ. Но вы еще хорошо подумайте. Я к вам не в последний раз приезжаю. Если передумаете, скажете сами. Вредить я вам не собираюсь, а польза может быть обоюдная.

Больше в этот день они не встречались, а вечером Капустин уехал.

— Захотелось сладкого? — спросил Алексей жену, когда она ему вечером к чаю положила начатую плитку шоколада.

— Я не покупала, — ответила она. — Это Капустин подарил. Он сегодня вокруг меня больше часа вертелся, засыпал комплиментами вперемежку с вопросами. Отвечать не хотелось, поэтому пришлось изображать дурочку. Он меня быстро раскусил и отстал.

— У меня с ним тоже был разговор. Шоколадом он меня не кормил и не обхаживал, а задал вопрос в лоб. Расскажи ему кто мы и откуда. Я его вежливо послал.

— А зачем мы ему сдались?

— Я думаю, он и сам этого не знает. О нас в Москве ходят слухи из-за Иосифа Виссарионовича и наших странностей. Кое-кто предполагает, что за всем этим скрывается что-то важное, а знание — это сила. Не слышала такого выражения? В нашем случае это так и есть, но я с ним откровенничать не стал. Если вдобавок ко всем остальным слухам пойдет гулять слух о пришельце из будущего, который сыпет идеями направо и налево, это может кое-кого заинтересовать. Не сейчас, понятно, а когда СССР оставит всех позади. Мне во всем этом не понравилось то, что к нам обратились вопреки желанию Берии. Он, правда,

прямо не запрещал, но высказал неудовольствие. Раньше этого любому хватило бы с головой. В чем причина? То ли позиции Берии не так крепки, как кажется со стороны, то ли во власть пришла молодежь, которую еще толком не били.

— Молодежь! — фыркнула Лида. — Капустину под пятьдесят.

— Неважно. Они толком не напуганы, а сейчас еще усилен контроль над органами со стороны нового ЦК. А Берия во всем вынужден опираться на них, вот и начинаются вольности.

— И чем это нам может грозить?

— Пока, я думаю, ничем. Вот если вслед за Сталиным уйдет и Берия, тогда может быть плохо. Придут новые люди, которые рано или поздно начнут разбираться с его делами. И одно из таких дел — это мы с тобой. Тот же Капустин приедет, а у нас за спиной никого нет. Думаешь, он по-прежнему будет деликатничать? Еще и мой отказ припомнит. И эта молодость, которая может выйти боком. Не понимаешь? Если кто-то из них узнает, что мы реально стали молодыми, нужно будет делать ноги. В руководстве молодых раз, два и обчелся, а власть это не гарантия долгой жизни. И никто не поверит в то, что это нам дано свыше. Самое малое — это начнут исследовать в какой-нибудь закрытой клинике, и не факт, что мы из нее выйдем. А ведь может кончиться и допросом в подвалах Лубянки.

— Почему кончится? — вздрогнула Лида.

— Потому что то, что от нас останется, на свободу не отпустят. Я говорю не для того, чтобы тебя пугать, просто ты должна это знать. Нужно будет подготовиться к тому, чтобы срочно покинуть Центр. Мы с тобой расслабились, а для нас расслабляться опасно. Все наше благополучие, вся безопасность держатся только на одном человеке.

После этого разговора прошло больше четырех месяцев. Пришло лето, заканчивался октябрь. Когда Алексей в середине июля попытался достать путевки на море, ему отказали, сославшись на директора.

— Я здесь ни при чем, — сказал ему Капица. — Не хотел вас расстраивать, но было письмо за подписью Капустина. Вам предписывается на время летнего отпуска не покидать Центр. Обоснование — производственная необходимость. Чушь, но выполнять придется. Если можете что-то сделать, попробуйте, у меня такой возможности нет.

Поначалу Лида сильно расстроилась, но им и без поездки удалось неплохо отдохнуть. В лесах вокруг Центра было много земляники и грибов, а во время одной из вылазок нашли небольшую лесную речку с холодной, но чистой водой, к которой стали часто приходить купаться. Капустин за все время приехал только один раз. Лида держалась с ним подчеркнуто холодно, а с Алексеем он не встречался. Реактор полностью закончили, в том числе и подстанции, а сегодня наконец подключили и вторую ЛЭП. На завтрашний день был запланирован пробный пуск реактора.

— Как ты думаешь, заработает? — спросила Лида за ужином. — Столько трудились, столько всего угрохали, представляешь, что будет в случае неудачи?

— Не будет неудачи, малыш, — успокоил он ее. — Реакция будет, это уже проверено. Может быть ниже мощность, или откажет что-нибудь из оборудования, но это неприятность, а не провал. Я думаю, что завтра все будет хорошо. Конструкция должна работать, а сделано все на совесть.

— А накопители у вас все же получились здоровые, — сказала Лида. — Я вчера к вам заходила, так Олег показывал. Килограммов десять весит!

— Зато местная промышленность освоит без труда, — возразил Алексей. — Потом

понемногу уменьшат размеры, главное, что все работает. В электромобили уже можно ставить. А если закрепить за спиной, можно использовать и для оружия.

В эту ночь во многих квартирах Центра спали плохо, а наутро в аппаратной собрались те, кому было поручено осуществить пуск. Аппаратную для безопасности устроили в небольшом отдельно стоявшем доме, и ее оборудование на время испытаний дублировало диспетчерский пункт реактора. Здесь же были Капица и все три его заместителя, в том числе и Алексей. Они не участвовали в пусковых работах, поэтому сели так, чтобы никому не мешать. В час дня начали. Первыми включились вентиляторы охлаждения реактора, и все услышали шум выбрасываемого наружу воздуха. Потом в реактор подали ионизированный дейтерий, и включили магнитную ловушку.

— Подали напряжение, — сказал Капица. — Сейчас включат излучатели...

— Пошла реакция! — сказал кто-то из испытателей. — Температура корпуса растет, фон излучения низкий. Можно было работать и внутри.

— Там сильный шум от вентиляторов, — возразил старший группы. — Лучше уж отсюда. Внимание, температура корпуса растет. Подключайте первую подстанцию! Уже пятьсот. Вторую подстанцию!

Через полчаса старший группы испытателей подошел к Капице.

— Пётр Леонидович, — реактор работает на треть мощности. Больше по этим двум ЛЭП не передашь. Температура корпуса шестьдесят процентов от максимально-допустимой.

— Получается, что полная мощность всего три тысячи мегаватт, — подсчитал Капица. — Мы рассчитывали на пять. Надо улучшать преобразователи. Какая температура выбрасываемого воздуха?

— Больше восьмидесяти градусов.

— Выбрасываем уйму тепла, — сказал Алексей. — Его хватит отопить небольшой город. Надо строить станции рядом с городами, все равно от них нет никакой опасности.

— Дадим свои рекомендации, — кивнул Капица. — Ну что, товарищи, позвольте поздравить всех с успешным пуском первого в мире термоядерного реактора! Считайте, что мы с вами за полтора года построили четыре ДнепроГЭСа! Испытания будем продолжать. Реактор пусть работает, отключать только при возникновении аварийной ситуации или если отключатся потребители. Синхронизация прошла?

— Да, товарищ директор, — ответил один из испытателей. — Все выходные параметры по станциям в норме.

— Сейчас бы выпить! — сказал кто-то из инженеров.

— Все вечером! — повернулся к нему Капица. — Устроим в столовой торжественный ужин. Заслужили!

Никто об их успехе не напечатал в газетах и не сообщил по радио, но на третий день в Центр приехал сам Берия с большой свитой, в которой находился и Капустин. После их отъезда группу руководителей и главных специалистов Центра наградили орденами Трудового Красного Знамени и Сталинскими премиями, а все, кто работали на объекте, получили крупные премии. Алексей получил еще один орден и пятьдесят тысяч рублей.

— Даже мне расщедрились на две тысячи, — похвасталась жена. — Вношу в общую копилку!

— Деньги лишними не бывают, — сказал Алексей. — А у нас их больше ста тысяч. Лишь бы в чью-нибудь светлую голову не пришла мысль о денежной реформе. Что же это ты

к Лаврентию не подошла? Заметила, что Капустин был какой-то дерганый? Точно ждал, когда мы побежим жаловаться.

— А что к нему подходить, — со скрытой обидой ответила жена. — Он с тобой за руку здоровался, мог бы и сам пригласить. Значит, так надо!

— Зря на него обижаешься, — заступился за Берию Алексей. — Видела, какой он за собой приволок хвост? Не хватало еще, чтобы глава партии и государства с нами где-нибудь закрылся и точил ляды. Тебе мало тех сплетен, которые уже есть?

Прошло девять дней, и мир рухнул. Все началось с сообщения о смерти Сталина. После отдыха и лечения его самочувствие улучшилось, и вот такое... Многие просто отказывались верить услышанному. Во вторник девятого декабря он, как обычно, поздно лег, а утром его обнаружила мертвым приехавшая на дачу дочь. Диагноз консилиума медиков был единодушным — вождь умер от острой сердечной недостаточности. По всей стране был объявлен день траура, повсюду были вывешены скорбные флаги.

— Как же так? — растерянно говорила Лида. — То прожил до пятидесяти третьего, а сейчас умер на три года раньше?

— У меня только одно объяснение, — сказал ей Алексей. — Мы очень сильно изменили будущее, судьбы многих людей, в том числе и его. А в его возрасте толчком к ухудшению состояния может стать что угодно. Люди иной раз и от радости умирают. А он сделал все, что хотел. Лишь бы его смерть опять не использовали для расправ и сведения счетов. Надеюсь, Василий на этот раз не станет валять дурака.

— Светлану жалко! — вздохнула Лида. — Неужели она опять уедет из Союза? И как это еще скажется на положении Берии. Власть ему передал Сталин, но потом постоянно поддерживал.

Три дня москвичи и многочисленные делегации прощались со Сталиным, после чего его гроб доставили к Мавзолею Ленина и после траурного митинга занесли внутрь. Никаких гонений, арестов или отставок высокопоставленных лиц не последовало. Даже его лечащих врачей никто не тронул, что уже само по себе вызвало удивление.

После похорон Сталина работа в Центре вошла в привычную колею. Реактор, к которому спешно тянули еще две ЛЭП, работал без сбоев, а небольшая смешанная группа ученых и инженеров разбиралась в результатах испытаний и готовила свои рекомендации по увеличению выработки энергии и удешевлению конструкции. Одновременно в правительство был послан отчет о результатах работ по накопителям с предложениями по развертыванию их производства и областях применения. Вскоре из Москвы затребовали специалиста по накопителям с образцом, и Капица отправил Михаила с двумя готовыми изделиями и охраной. Через неделю Гольдберг вернулся обратно.

— Готовьте карманы для премии, — сказал он, появившись в лаборатории. — Мы своими изделиями всех поразили. Правда, до гражданских электромобилей дело дойдет не скоро, но военную технику хотят перевести на электричество. Не всю и не сразу, но многое. В ближайшее время определят завод, а нашей задачей будет помочь запустить производство. В дальнейшем таких заводов будет еще два или три.

На этот раз Сталинских премий почему-то не было, но всем дали по пять окладов. За десять дней до Нового Года лабораторию перебросили куда-то на Северный Кавказ. Алексей, как заместитель Капицы, остался в Центре. Пётр Леонидович простыл и Новый год провел в кровати, а Самохины отпраздновали его только вдвоем. Был большой стол, уставленный деликатесами, была нарядная елка, не было только одного — праздничного

настроения.

— Сидим, как на похоронах, — в сердцах сказала Лида. — Праздник, а на сердце тревога, все время ждешь беды. Разве так можно жить? Слушай, Леш, давай все бросим и уедем куда-нибудь далеко-далеко? Денег много...

— А ребеночка ты уже не хочешь? — спросил Алексей. — Я бы сам с удовольствием все бросил, но пока Берия у власти, и нам ничего не угрожает, надо держаться. Ну сбегу я сейчас и что? Забыла уже, что я не только зам у Капицы? Из моего министерства не убегают. Из него даже уволиться трудно. Искать нас будут однозначно. Тот же Берия с них шкуру спустит, если не найдут. А я тех изготовителей фальшивых паспортов сдал, а других не знаю. И зимой подаваться в бега трудно.

— А если попросить Берию? — жалобно посмотрела на мужа Лида. — Пользы от нас особой нет, неужели не поможет?

— Может быть, и поможет, — задумался Алексей. — Совсем без присмотра вряд ли оставит, но уволить из органов может. Его присмотр я бы пережил, это не то что сейчас, когда о нас знает уйма народа. Только как ты думаешь с ним связаться? Он сам здесь может больше не появиться, а нам к нему ходу не будет, даже если приедем в Москву. Разве что попытаться через Светлану... Она с ним в последнее время перед нашим отъездом вроде больше не собачилась.

— А если через Капустина? — предложила Лида. — Скажешь ему, что ответишь на вопросы после того, как он нам поможет связаться с Лаврентием. Ведь необязательно потом говорить все. Если уйдем в тень, это будет не так страшно.

— Можно попробовать. Только вначале поговорю с Капицей. Давай завтра к ним сходим вдвоем. Ты развлечешь Анну Алексеевну, а я с ним объяснюсь.

Утром первого Лида замесила тесто и испекла пирог с земляничным вареньем. С этим пирогом и пришли в квартиру директора, где их с радостью встретила Анна Алексеевна.

— Молодцы, что пришли! — сказала она, принимая блюдо с пирогом. — Это у вас что? А пахнет-то как! Обувайте тапки, полы холодные. Заходите в гостиную, а я сейчас поставлю чай. Муж у себя, если хотите, можете зайти.

— Давайте я вам помогу, а мужчины пока пусть общаются друг с другом, — предложила Лида. — А мы потом зайдем.

— Хорошо, что вы пришли, — обрадовался при виде Алексея Пётр Леонидович. — Не люблю жаловаться или признаваться в собственных слабостях, но мне как-то тоскливо. Дети и друзья далеко, а здесь только подчиненные. Начал сходить с Гольдбергом, так и его забрали, а с вами интересно поговорить.

Он сидел на своей кровати, одетый в теплый халат и укутанный еще пледом.

— По-моему, в вашем присутствии в Центре больше нет необходимости, — сказал ему Алексей. — Скоро здесь вообще будут не нужны ученые, тем более вашего масштаба. Я тоже уже не нужен, поэтому хотел бы подать рапорт о переводе, а перед этим поговорить с вами.

— Правильно решили, — одобрительно кивнул Капица. — Вы можете быть кем угодно, но наука — это не ваше. Вы принесли много пользы, но только за счет чужих знаний, ничего своего вы в науку не внесете. И не нужно на меня обижаться за правду, просто надо искать свое.

— Да я и не обижаюсь, — сказал Алексей. — Сам так же думаю. Я хороший военный, этим и займусь. Что скривились, не любите армию? А зря! Армия необходима в любом государстве, и общество должно содержать свою, если не хочет кормить чужую. Это не я

придумал. Чтобы избавиться от армии, нужно изменить природу людей.

— Мне с вами трудно спорить, — примирительно сказал Капица. — Уже проверено. У вас всегда найдутся примеры на все случаи жизни. И то, что мне что-то не нравится, еще не значит, что я не признаю его полезности. Только постарайтесь не дать погибнуть таланту вашей жены! Она художник от бога, а работать может очень редко. Если меня освободят от этой ссылки, я свой портрет покажу признанным мастерам. Она его выполнила просто здорово! А картина, которую вы привезли с моря? На мой взгляд, она не хуже картин Айвазовского.

Дверь в комнату распахнулась и на пороге появилась бледная Лида.

— Только что передали по радио, что Берия убит!

— Как это случилось? — спросил Алексей. — Лидочка, да успокойся ты, ради бога!

— Я не знаю! — заплакала она. — Как услышала, все внутри сразу оборвалось! Застрелили его, а кто не сообщали! Сказали только, что произведены аресты и ведется следствие. Ну и, как обычно, набор лозунгов: наймиты империализма, сплотимся вокруг партии...

— А я думал пересидеть здесь до тепла, — сказал Алексей Капице. — Подпишите заявление на увольнение?

— Вы же знаете, что я не распоряжаюсь кадрами, — вздохнул Пётр Леонидович. — Даже для того, чтобы уволить уборщицу, нужно разрешение, а вы мой зам.

— Ладно, все равно я легально не уйду, — Алексей подошел к жене и обнял. — Успокойся, наконец! Этого уже не изменишь. Дня три-четыре у нас в запасе точно есть, а, скорее, гораздо больше. Мы никуда не денемся, а дележка власти — дело первостепенное. Пётр Леонидович, к вам будет просьба. Возьмете себе ее картины? Жалко будет, если пропадут.

— Мог бы и не спрашивать, — ответил Капица, неожиданно переходя на «ты». — Всем, чем сможем, постараемся помочь. Деньги нужны?

— Вот чего у нас достаточно, так это денег! — сказал Алексей. — Проблемой будет уехать отсюда с барахлом. Я думаю, что охрана нас с кучей чемоданов просто не выпустит, а вас я в это вмешивать не хочу. Короче, буду думать об этом завтра, а сейчас принесем сюда пирог с чаем и посидим, поговорим — когда еще доведется увидеться.

За пирогом посидели, но недолго, потому что Лида все никак не могла успокоиться.

— Для вас он посторонний человек, на котором к тому же много крови, — возразила она Капице, когда тот сказал, что Берия не стоит ее слез. — А мы с ним немало общались. Он меня любил и многим нам помог. А по поводу всего остального уверена, что другой на его месте действовал бы не лучше. Он как-то рассказал, в каких условиях приходилось работать. Конечно, он не ангел, но много вы видели ангелов?

— У меня самого к нему было очень плохое отношение, — добавил Алексей. — Потом имел возможность убедиться, что он очень толковый управленец и трудяга. И авторитет у него был, да и побаивались по старой памяти. Тому, кто займет его место, придется трудно. Одна надежда, что он все-таки выдрессировал свою команду и почистил руководство от типов вроде Ворошилова. Может быть, обойдется без резни.

Дома Лида ушла в спальню и попросила ее не трогать.

— Дай мне выплакаться, — сказала она. — Это вы мужчины все держите в себе, а мы так не можем. Все последние годы на нервах, а теперь еще и это! Опять срываться, бросать квартиру и где-то прятаться! Так что успокойся: я не из-за одного Берии буду реветь!

Он терпел ее всхлипывания минут десять, после чего пришел в спальню, посадил на колени и стал гладить волосы и целовать. Закончилось все в постели. Утром по радио передали подробности. Берию убил выстрелом в затылок один из охранников Кремля. При попытке его обезоружить погибли еще два охранника, и был ранен один из телохранителей. В перестрелке убийца получил два огнестрельных ранения и через час скончался. Были арестованы старший смены и начальник управления охраны МГБ. В тот же день на срочное заседание собрали Совет министров и Политбюро. Решили не совмещать председателя

Совмина с постом Генерального секретаря. Правительство возглавил Вознесенский, а партию — Кузнецов. Второе января объявили днем траура, а похороны назначили на пятое.

— Все так, как я и хотел с самого начала, — сказал Алексей. — Только сразу это вряд ли получилось бы. Сталин все сделал гораздо лучше. Надеюсь, что теперь многих ошибок удастся избежать. Единственное, что меня беспокоит, кроме нашей судьбы, это судьба книг. Когда мы уезжали, они были у Сталина. Уверен, что после его смерти Берия забрал их себе. А вот в том, что их найдут и передадут кому следует, я уже не уверен. Берия умирать не собирався и мог их хорошо припрятать.

— Ну и что? — спросила Лида. — Свою роль они сыграли, а будущее все равно сильно поменялось.

— А подумать? — постучал себя по голове Алексей. — Ты же умница и должна понимать! Во-первых, ценность этих книг по-прежнему велика. Пусть многое изменится, особенно в нашей стране, но тенденции развития и события в мире повторятся и знать о них будет очень полезно. В тех книгах упоминались и природные катаклизмы. Но самое главное — это книга о взрыве. Нашей целью было не только спасти СССР, но и подготовить его к катастрофе. И что теперь, если книги пропали? Правда, где-то еще остались микрофиши, но они могут храниться вместе с книгами, вряд ли Сталин их кому-то отдал.

— Еще один комплект есть у тебя.

— И его как-то нужно будет отдать руководству и убедить их, что все это не липа. Понимаешь теперь, что для нас еще ничего не закончилось? И прямо сейчас я бы ничего отдавать не стал. Если вдруг опять начнут делить власть, можем лишиться вообще всего. Нужно подождать, пока механизм государственной власти заработает стабильно, и страна придет в порядок после войны. Сейчас всем будет просто не до какого-то там катаклизма через сотню лет.

— А как будем уходить уже придумал? И куда?

— Я над этим думаю, — ответил Алексей. — Сколько у нас чемоданов, три?

— Есть еще большой саквояж, — вспомнила Лида.

— Вот в них и нужно будет уложить самые необходимые вещи. Позавтракаем и начинай их отбирать. А я отнесу твои картины Капице и помогу с укладкой.

Вещи они собрали быстро. В основном это были: верхняя одежда, белье, в том числе и постельное, и обувь. В чемоданы с саквояжем все вошло, и вес получился не слишком большой. Два самых легких чемодана могла унести даже Лида.

— Не торопи, — сказал жене Алексей, когда она опять стала спрашивать насчет отъезда. — Сегодня день траура, и все равно ничего не получится. Завтра я кое с кем поговорю, а если не договорюсь, подготовлю что-нибудь другое. С шумом нам уходить нельзя. До ближайшего города семьдесят километров, да еще из него попробуй выбраться. Успеют обложить и взять, даже если захватим машину. Нам с тобой нужно как минимум полдня, а потом пускай ловят конский топот.

Следующий день был рабочим, и разговор об отъезде состоялся уже дома.

— Выяснил в охране, что никаких новых указаний в отношении нас не было, — сказал жене Алексей, — так что выпустят нас без проблем и даже отвезут в город. Вопрос упирается в вещи. Можно, конечно, все бросить, но не хотелось бы. И дело не только в деньгах, попробуй потом все это купить. Я договорился с Капицей взять его служебную машину. Директорский ЗИС осматривают поверхностно, а если ехать в смену Пашки Васильева, запросто проскочим.

— А когда эта смена? — спросила Лида. — Не подведем мы твоего Пашку под монастырь?

— Послезавтра. Я для него что-нибудь придумаю, а если начнут разбираться, все промолчат. Это будет по всем инструкциям общее упущение, так что и влетит всем, если кто-нибудь распустит язык, а там ребята умные. И к тебе у нашей охраны исключительно хорошее отношение. Не скажешь, в чем причина?

— Молодая и красивая, — улыбнулась Лида, — и всех их знаю поименно и узнаю по голосам. Им приятно уважительное отношение, не так уж часто они с ним сталкиваются. Ладно, подождем.

Ждать им не пришлось: на следующее утро в Центр с плановой проверкой охраны из министерства прибыл подполковник ГБ. До обеда он занимался охраной, а потом зашел в кабинет Самохина.

— Это вам! — сказал он, передавая Алексею большой запечатанный конверт из плотной бумаги. — Я из-за этого сюда и приехал. Проверка — это только предлог, ее через две недели должен был проводить совсем другой человек. Пакет на случай своей смерти оставил Берия. Министр в курсе и сделает все, что необходимо. Возьмите бумагу и пишите рапорт на увольнение из органов. Подпишите его двадцатым декабря. Удостоверение я у вас заберу после того, как покинете Центр. Приказ о вашем отзыве в министерство уже подписан, и я его отдал в кадры, так что проблем с вывозом вещей у вас не будет. Приказ на ваше увольнение будет подписан, как только я передам рапорт. В пакете должны быть паспорта на другую фамилию, комсомольские билеты и удостоверение лейтенанта ГБ. Последнее — липа. Дается на всякий случай. Выполнено качественно, но проверку не пройдет, имейте это в виду. Кроме того, там ваши свидетельства о рождении, трудовые книжки и военный билет, согласно которому вы свое уже отслужили. В паспортах есть выписка с прежнего места жительства. И внимательно изучите вложенные распечатки с биографией. По пакету все. Сможете здесь разжиться транспортом? Не хотелось бы вас вывозить самому.

— Не проблема, — ответил Алексей. — Директор даст свою машину. Спасибо вам большое! Когда вы выезжаете?

— Выезжаю в три часа, тогда нормально успеваю на поезд. До города поедете следом за мной, а на вокзале сдадите удостоверение. Оружие можете оставить себе.

— О смерти Берии ничего не скажете?

— Следствие только начато, и все материалы засекречены, так что я сам ничего толком не знаю. Слышал краем уха, что дело очень мутное, и все концы хорошо подчищены. Лично я не верю в то, что это разборки в верхах. Не те сейчас люди у власти, а свои посты они и так бы получили лет через пять, причем много неприятной работы выполнил бы Берия, а теперь им ее придется делать самим. Скорее всего, это или месть за чистки партийного аппарата, или заграничный след. У вас есть здесь дела, которые нужно сдавать?

— Я здесь уже месяц только изображаю деятельность, — ответил Алексей. — Какие там дела! Сейчас сдам ключи от сейфа и кабинета и схожу к директору домой насчет машины. Можно позвонить, но заодно прошусь. Он все еще болен. Вот жену сейчас нужно срочно кем-нибудь менять, но это уж пусть болит голова у других. К трем часам мы будем на КПП.

Подполковник ушел, а Алексей забрал конверт, запер кабинет и заглянул к жене в приемную.

— Лида, срочно все бросай, через полтора часа уезжаем. Позвони в кадры, пусть дадут замену. Меня отзывают в министерство, и приказ уже у них, так что и тебя никто не задержит. Отдай заодно мои ключи, а я побегу к Капице. Договорюсь насчет машины, заодно и прощусь.

Дома он первым делом вскрыл пакет. В нем было все, о чем говорил подполковник, и еще письмо Берии, адресованное Лиде. Капица жил в соседнем доме, поэтому визит к нему много времени не занял.

— Значит, он вам и после смерти помог! — сказал Пётр Леонидович, выслушав Алексея. — Надо же! Значит, не таким уж плохим был человеком. А насчет машины звони в гараж сам. Я уже говорил Василию, он в курсе. Поцелуй за меня Лидочку. Такого толкового и молодого секретаря у меня до нее не было и уже вряд ли когда будет. Если будет нужда, всегда обращайся, жаль только, что не могу сейчас дать адрес. Как думаешь, можно кому-нибудь рассказать о вашем вулкане? Я имею в виду там, за границей.

— Думаю, не стоит, — ответил Алексей. — Они и сами о нем узнают в конце века и будут отслеживать состояние. А случится все внезапно. Да и что можно сделать, убирать страну с четырьмя сотнями миллионов населения? И потом это случится еще через сто лет. Вам почти никто не поверит, а того, кто поверит, не станут слушать правнуки. Мало ли что там фантазировал свихнувшийся прадед. Доказывать, что их не нужно спасать по другим причинам, не буду: вы все равно не поверите тому, что можно дойти до такого маразма.

— Мне действительно трудно поверить в то, что есть причины из-за которых можно обречь на смерть столько людей.

— Тогда посмотрите на все это немного с другой точки зрения, — сказал Алексей, уже давно пожалевший о своей откровенности. — Ученым не так сложно просчитать, что меньше всего пострадают СССР и Австралия. Ресурсы Австралии не очень велики, а в Союзе они гораздо больше, и он находится рядом. В моей реальности между нашими странами войны не было, здесь, если вам поверят, она неизбежна. В результате и Америка погибнет, и мы не спасемся. Поймите, излишков пищевых ресурсов в двадцать первом веке практически не будет, и чтобы создать запас продовольствия для прокорма населения Штатов хотя бы лет на пятнадцать, придется его забирать у других народов, обрекая их на голод и смерть. И они это с легкостью сделают. Не беритесь судить о будущем на основе ваших теперешних представлений, слишком уж сильно все должно измениться. Если я доживу и буду хоть что-то значить в то время, постараюсь спасти и американцев. Но не всех, а только тех, кто этого заслуживает и захочет, чтобы его спасали. Я вас не убедил?

— Я уже зарекался с вами спорить, — с горькой улыбкой сказал Капица. — Мне будет трудно молчать, но я постараюсь. Посланцу бога виднее.

— Зря я вам это рассказал! — сказал Алексей. — Теперь будете терзаться. Поймите, я прав не потому что меня направляет высшая сила, я прав в принципе. Вижу, что общие рассуждения до вас не доходят. Давайте перейдем к конкретике. Представьте, что в то будущее попали вы. У вас есть надежный дом с запасом горючего и продовольствия, позволяющий выжить два десятилетия вам, вашим детям и внукам. Впритык, но до тепла и первого урожая вам всего хватит. А за забором бродят десятки людей, которые замерзают на ваших глазах, мучаются от голода и молят о помощи. И среди них много женщин и детей. И вы знаете, что стоит вам только открыть ворота, как все эти люди заберутся в ваш дом, и у вас уже не хватит ни сил, ни духа выставить их на смерть. В финале вы все съедаете за пару лет и дружно умираете от голода. И те, кто и так бы погиб, и вы со всеми вашими родными.

И это еще в лучшем случае. Ведь не исключен и такой вариант, что часть этих несчастных, отогревшись и немного утолив голод, прикинет численность едоков и решит их радикально сократить. В таких случаях обычно начинают с самых сердобольных, то есть с вас. Ваши действия?

— Не дай бог стать перед таким выбором! — поежился Капица, — но я понял, что вы имели в виду.

— Так вот, повсюду в мире поступили одинаково, выбросив всех чужих, а заодно и часть своих. Исключением стали Россия и Австралия. Причем большую часть беженцев приняли мы, за что потом и поплатились вырождением собственной нации из-за потери духовности и дикого искажения многих сторон жизни людей. Думаете, почему я здесь? Ведь несколько сотен миллионов выживших и уцелевшая промышленность это неплохие условия для возрождения цивилизации. Так вот, не знаю, как в Австралии, а у нас ее возрождать было некому. Можно было удержать разваливающееся общество в узде, бросив его на захват почти пустой Европы, но это была бы только отсрочка. Человек — это звучит гордо только для Горького. Мы в СССР попытались сделать, чтобы это было действительно так. И в чужие дела мы лезли немного и только поначалу. С теми же американцами, которые развязали с полсотни войн, никакого сравнения! А нам мешали все. Друзья мешали тем, что почти всех их приходилось подкармливать, а враги вовлекли в гонку вооружений, которая в конце концов подорвала экономику и привела к краху! Вы судите о Западе по миру науки, в котором вас приняли, как равного, а он многогранен и в целом настроен к нам враждебно. Ладно, я разболтался, а время идет. Если когда-нибудь увидимся, еще поговорим.

— Не беспокойся, Алексей, я буду молчать, — сказал Капица. — Удачи вам. Пусть у вас все получится!

Лиду Алексей застал за чтением документов.

— Откуда это богатство? — спросила она.

— Это посмертный подарок Берии, — пояснил он. — Там еще есть для тебя письмо, но считаешь позже. Я немного заболтался и забыл о времени. Вещи у нас собраны, нужно только срочно настрогать бутербродов на ужин, да и завтра на утро перекусить. У нас с тобой двадцать минут, потом подъедет Василий. Капица попросил тебя поцеловать, но это тоже перенесем. Давай ты займешься бутербродами, а я разложу деньги и документы. Возьми один экземпляр биографии, в поезде надо будет выучить. И не вздумай сейчас реветь.

— Не буду я реветь, — пообещала Лида. — Тоже перенесу на потом. И обязательно нарисую его портрет. Хоть так отблагодарю. Куда мы хоть едем?

— В Москву нам нельзя, — сказал он, укладывая все документы, кроме паспортов и удостоверения, обратно в пакет, — но и забиваться в какую-нибудь щель не хочется, поэтому думаю поселиться во Владимире. Город достаточно большой и до Москвы можно добраться по железной дороге часа за четыре. Держи газеты, будешь заворачивать бутерброды. Яйца успеем сварить? Ну и черт с ними. Собрала? Тогда одеваемся и выходим. Дверь запирать не будем, а ключи оставим на столе. Чемоданы не хватай, я их сам отнесу в два приема, возьми только сумку с продуктами.

— Хорошо здесь было! — сказала Лида, в последний раз с грустью оглядывая гостиную.

— Пошли, а то Василий уже сигналит! — поторопил ее Алексей. — Все еще у нас с тобой будет!

У КПП их уже ждали. Машина подполковника выехала за шлагбаум, а он сам

нетерпеливо расхаживал возле помещения охраны.

— Задерживаемся, — недовольно сказал он Алексею, вышедшему из машины на время проверки. — Если еще задержимся в пути, можем застрять на полдня в Кунгуре.

— Ребята, проверяйте быстрее! — попросил Алексей охрану. — В машине три чемодана, саквояж со шмотками и сумка с продуктами. Если нужно, я вам любой чемодан открою, только проверяйте быстрее.

— Все в порядке, товарищ майор, — сказал ему старший наряда по КПП, искоса взглянув на столичного подполковника. — Счастливо вам добраться и устроиться на новом месте! И вам счастья, Лидия Владимировна!

— Спасибо, ребята! — поблагодарил их Алексей. — Прощайте. Все, загружаемся и едем!

Последний снег прошел неделю назад, поэтому дорога была расчищена и укатана, и до города добрались за полтора часа. У небольшого двухэтажного здания вокзала попрощались с Василием, который помог внести вещи в зал ожидания. Возле кассы стояли всего трое, поэтому через пятнадцать минут Алексей вернулся к Лиде с билетами. Подполковник забрал у Алексея удостоверение и куда-то ушел. Больше они его не видели.

— Ждать еще больше часа, — сказала Лида. — Посмотреть, что ли, биографию? В нашей части зала все равно никого нет.

— Кому какое дело, что ты там читаешь, — отозвался Алексей. — Только если будешь разговаривать, говори потише.

Он тоже вытащил лист с текстом и углубился в его изучение. Имя и отчество ему оставили прежние, а фамилия оказалась созвучна пункту прибытия — Володин. В указанные двадцать четыре года его жизнь уложилась в несколько слов: школа, армия, завод. Ему повезло окончить среднюю школу и осенью сорок пятого года забрали служить в армию. После армии вернулся в родную Пермь и поступил учеником токаря на машиностроительный завод. Через год после этого женился на Лиде Ветлицкой, которая работала на том же заводе секретаршей. Причину, по которой они сорвались из города Перми, в биографии не прописывали, оставив это выдумывать им самим. Биография была короткая — всего на половину страницы, и ее изучение много времени не заняло.

— Мне девятнадцать лет, — сообщила Лида. — Уже хорошо: в то, что мне двадцать один год, никто не верил. И с секретаршей как угадали, может быть, опять устроюсь на эту работу.

— Сначала повзрослей, — вздохнул муж. — Такую соплю никто в секретари не возьмет. И Капица брал неохотно, хотя знал, что не дура и гораздо старше, чем выглядишь. Репутацию ты ему подмочила. А вообще лучше тебе посидеть дома и порисовать. Денег достаточно, да и я еще пойду работать, чтобы не привлекли за тунеядство. Понятно, что не токарем, хотя простую работу выполнить смогу. Наверное, самое лучшее будет устроиться в милицию. В армии дослужился до старшего сержанта, снайпер и борец. Такого парня при нынешнем дефиците кадров возьмут с руками и ногами. Я ведь еще и десятилетку закончил, а сейчас этим не все могут похвастаться. У многих только семилетка, а то и ее не закончили. Так что старшего сержанта твоему мужу точно дадут, а то и старшину. Мне ведь или в милицию, или в грабители: кроме битья морд, ничего не умею. Все, прячем бумаги и идем на перрон. Давай мне еще сумку, а сама бери эти чемоданы. Поезд будет на первом пути, а вагон у нас шестой, это как раз где-то напротив выхода.

Они прошли к одному из двух выходов к поездам и сложили чемоданы на перроне в

месте, где было меньше грязи и окурков. До прихода поезда оставалось десять минут, и из вокзала к перрону потихоньку подтягивался народ. У каждого второго во рту дымила папироса, и некурящие Самохины испытали большое облегчение, когда наконец появился поезд. Они почти угадали, и к шестому вагону пришлось пройти всего метров двадцать. В их купейный вагон больше никто не садился, поэтому полная пожилая проводница, подождав, пока они подняли свои вещи и поднялись сами, задвинула лестницу и закрыла дверь. Почти тотчас же состав дернулся и пополз вдоль перрона, постепенно ускоряя движение. В их купе уже ехала пожилая пара, которая заняла нижние полки. Увидев Самохиных, попутчики вышли в коридор, чтобы молодежи было удобней устроиться. Алексей вынул из саквояжа одежду переодеться, а потом отправил его вслед за чемоданами на багажную полку.

— Переодеваться и стелить постели будем потом, — сказал он жене. — Сначала поужинаем и получим белье. Открывай дверь, пусть заходят.

— Виктор Федорович, — представился мужчина. — Моя жена Елена Николаевна. Расправьте одеяло и садитесь, мы пока лежать не будем.

— Алексей и Лида, — сказал в ответ Алексей. — Далеко едете?

— Выходим во Владимире, — сказала Елена. — Еще больше дня ехать.

— Вот хорошо! — обрадовалась Лида. — Мы едем туда же, а города совсем не знаем. Вы нам не расскажете, где в нем лучше устроиться?

— А почему вы едете к нам? — спросил Виктор. — Если не хотите, можете не отвечать, просто так мне будет понятней, что вам посоветовать.

— Причина в ней, — кивнул на жену Алексей. — Простыла и долго болела. Теперь каждую зиму проблемы. Мы к уральским морозам привычные, а ей нужно место потеплей.

— А откуда вы? — спросила Елена Лиду.

— Из Сталинграда. Эвакуировали в сорок втором году.

— А почему не вернуться туда?

— Некуда ей возвращаться, — ответил за жену Алексей. — Дом разнесло снарядам еще до эвакуации, отец погиб на фронте, а мама застудила легкие и умерла за год до нашей свадьбы.

— Сейчас в Сталинград ехать не стоит, — сказал жене Виктор. — Город еще долго будут восстанавливать. Вы ведь не строитель?

— Нет, я токарь, — ответил Алексей. — А жена работала секретаршей. Но хочу устроиться в милицию, а ей пока вообще лучше не работать. Пусть сидит дома и рисует картины.

— А почему в милицию? — любопытствовал Виктор. — Не самая легкая работа, и зарплаты у них небольшие.

— У меня всего-навсего второй разряд, — начал объяснять Алексей. — Денег получаю мало, а работа... не мое это. Я ведь служил в воздушно-десантных войсках. Там нас учили многому, что и в милиции пригодится.

— А Лида училась на художника? — спросила Елена, с сомнением глядя на девушку.

— Что вы! — засмеялась Лида. — Мне всего девятнадцать. У нас с Лешей только десятилетка. — А рисую я сама с детства. Если хотите, могу и вас нарисовать.

Она попросила мужа достать один из чемоданов, из которого извлекла тетрадь и несколько простых карандашей.

— Пересядьте к мужу, — попросила она Елену. — А я сяду за столик. Это недолго, минут по десять на рисунок. Леш, пока я работаю, сходи сам к проводнице. Отдай билеты и

возьми постели. Вам не обязательно сидеть неподвижно, можете говорить или читать, мне это не мешает.

Через двадцать минут она закончила оба рисунка, привычно расписалась на каждом и отдала их попутчикам.

— А у вас, несомненно, талант! — сказал ей Виктор. — Мы здесь как живые. И характеры прекрасно переданы, а не просто внешнее сходство! Вам обязательно нужно учиться.

— А зачем? — спросил его давно вернувшийся Алексей. — Чему ее могут научить? Видели бы вы, как она рисует красками. Человек на портрете получается как живой. Просидеть в училище несколько лет только для того чтобы получить бумажку о его окончании?

— А куда вы дели ее работы? — спросил Виктор. — Они у вас не с собой?

— Подарили другу, — ответила Лида. — Мы не знаем, где придется жить, какие тут картины!

— Подъезжаем к Перми, — сказал Алексей. — Попрощайся с городом.

— Все равно я сюда приеду посмотреть на могилу мамы, — сказала Лида, всхлипнув.

«Какая актриса пропадает, — подумал Алексей. — Даже слезы потекли, Елена сейчас сама прослезиться».

— Так вы жили в Перми, не в Кунгуре? — спросил Виктор. — А в него как попали?

— Там живут мои единственные родственники, — объяснил Алексей. — Семья брата отца. Мои родители тоже умерли. Мы, когда уволились, поехали к ним погостить и посоветоваться. Дядя за свою жизнь объездил весь Союз, вот и хотели узнать, куда лучше приткнуться. Он нам Владимир и посоветовал. Жил у него в нем еще до войны друг, так дядя к нему пару раз ездил. Город ему понравился. Еще тем хорошо, что недалеко от Москвы.

— Хотели бы со временем перебраться в столицу? — с пониманием сказал Виктор. — Так вы едете к другу дяди?

— Его друг погиб, так что едим мы просто так, наудачу, — ответил Алексей. — А Москва... Посмотрим, как устроимся во Владимире. Если плохо, можно будет съездить в столицу и попробовать найти работу. Ехать в нее просто так глупо.

— Вы не по возрасту умны, — сделал ему комплимент Виктор. — Вам, молодые люди, повезло. Я во Владимире не последний человек, так что устроиться вам поможем.

— Да, — поддержала его Елена. — Завтра, как приедем, забираем вас к себе, а потом Виктор договорится, и вас устроят на работу. Квартиры сразу никто не даст, а вот комната в общежитии будет. У вас как с деньгами?

— С деньгами у нас проблем пока нет, — сказал Алексей. — Свои были, да еще дядя помог. И вещей надавали. К двум нашим чемоданам добавили еще два своих. Так что для жизни у нас все есть, было бы где жить. Если поможете, можете всегда на нас рассчитывать.

— А с меня портреты, — улыбнулась Лида. — Маслом.

— Остановка, — Виктор поднялся и потянулся за пальто. — Пойду пройду по перрону. Стоянка минут двадцать, так что я и разомну ноги, и покурю.

— Никак не отучу его от курения, — пожаловалась Елена, когда муж вышел из купе. — Две-три папиросы за день обязательно выкурит. Вы, ребята, не беспокойтесь: если он сказал, что поможет, значит, так и сделает. Вы и ему, и мне понравились. Виктор работает в горисполкоме, и с ним в городе считаются.

— Спасибо, Елена Николаевна, — поблагодарил Алексей. — Пойдем и мы пройдемся.

Не на перрон, просто постоим в коридоре и посмотрим на вокзал. С этой стороны видны только составы.

Они вышли в коридор и стали у окна напротив двери в свое купе.

— Интересно, это нам опять так повезло, или этот свыше помог? — тихо сказал Алексей. — Не похож Виктор Федорович на человека, который бросается всем помогать.

— А я знаю? — пожала плечами Лида. — Может помог, а может мы им действительно понравились. Дорога часто сближает людей, а ничего особенного он и не сделает. Один звонок нужному человеку... Мы бы устроились и сами, просто с ним будет меньше мороки. А портреты я нарисую. Поддерживать с ними связь будет нелишним. Уже объявили отправление, где его носит?

— Вон бежит, — показал рукой Алексей. — Стоял в очереди к киоску.

Через минуту в коридоре показался недовольный Виктор.

— Хотел взять свежего хлеба, но не успел, — пожаловался он. — Деликатесов набрали, а хлеб закончился.

— Ничего, — сказал ему Алексей. — У нас с собой достаточно бутербродов. На ужин всем хватит, а завтра хлеб достанем. Наверное, после Перми начнут разносить чай, тогда и поужинаем. А потом ляжем на полки, чтобы завязался жирок.

— Мне это лишнее! — хохотнул Виктор. — А вам еще рано думать о жирке. Все, поехали.

Через двадцать минут проводница начала разносить чай. У них было третье купе от ее служебного, поэтому долго ждать чая не пришлось. Алексей извлек сверток с бутербродами, а Виктор добавил к ним нарезанную буженину.

— Еще что-нибудь достать, или достаточно? — спросил он.

— Я думаю, хватит, — остановил его Алексей. — Не знаю, кто как, а я еще не очень проголодался и на ночь много есть не буду, тем более что здесь все мясное. А если кому будет мало, недолго и достать.

— Разумная позиция! — одобрил Виктор. — Ну что, навалились?

Они съели все, что было выложено, а потом по очереди посетили туалет, переоделись и легли на расстеленные Алексеем постели. Начало темнеть, но света пока не включали.

— Спи, — сказал Лизе Алексей. — Ночью будут остановки, и опять будешь просыпаться, так что отсыпайся впрок.

Утром Алексей на первой же остановке пробежался по киоскам и купил хлеб, печенье и халву. Купил и газету, чтением которой занялся после завтрака.

— Ну и что интересного пишут? — спросил Виктор, который дочитал свою книгу и теперь маялся от скуки.

— Скоро дочитаю и отдам вам, — пообещал Алексей. — За рубежом ничего интересного. Есть статья об убийстве Берии, но ничего нового я в ней не вычитал, только повторение того, что сообщали по радио, и общие рассуждения. Скорее всего, покушение выполнено так, что со смертью убийцы не осталось никаких следов. Арестованных отпустили, но из органов выгнали. Вины за ними не нашли, просто надо было кого-то наказать, вот они и пострадали за халатность. Еще повезло: раньше точно поставили бы к стенке.

— Смело говорите, — заметил Виктор, — но, по сути, правильно. А сами как думаете, месть это или работа империалистов?

— Я думаю, что ему все-таки отомстили наши. Слишком много значительных людей

расстреляли, сослали или просто убрали от кормушки. А ведь вместе с ними пострадали и их родственники. С самого начала было ясно, что после покушения уйти не удастся: или убьют, или схватят, и еще неизвестно, что хуже. За деньги на такое не идут. По крайней мере, я бы никогда не пошел. Это или ненависть, или помутнение рассудка. А нашим урок на будущее. Не должна охрана так топорно работать. Прошли в Кремль и расслабились. Вот и результат! И охрану Кремля нужно ставить не так. Там каждый в наряде должен присматривать за остальными. Слишком высокая цена доверия.

— А вы не думали пойти учиться? — спросил Виктор. — Стали бы офицером. Вы слишком умны для рядовой работы.

— Посмотрим, — неопределенно ответил Алексей. — Если и пойду, то не сейчас. Сначала нужно устроиться и хоть немного поработать, а потом будет видно.

День прошел в разговорах. Только после обеда, который организовали из запасов попутчиков, все улеглись на свои полки и задремали под перестук колес и мягкое раскачивание вагона. Вечером выпили чай и поужинали халвой с печеньем. Виктор предлагал достать грудинку, но остальные от мясного дружно отказались.

— Завтракать пойдем в вагон-ресторан, — сказал Алексей жене, когда они перед сном вышли в туалет. — Не будем наглеть и объедать Громаковых. Прибываем днем в два часа, поэтому пообедаем позже в городе.

Вторая ночь ничем не отличалась от первой, разве что где-то долго стояли. Утром сходили в вагон-ресторан, где их не слишком вкусно, но сытно накормили кашей с мясом. Последние часы перед прибытием во Владимир просто сидели и смотрели в окно. Поезд прибыл по расписанию, поэтому стоянку не сокращали, и все без спешки спустились на перрон со своими вещами. Алексей крикнул носильщика, на тележку которого поставили всю свою кладь и два чемодана Громаковых. На площади перед вокзалом с ним расплатились и направились к такси.

— Алексей, ставьте свои чемоданы в прихожую, — сказал Виктор. — Раздевайтесь, Лидочка, и проходите в комнату. Плохо, что уже конец рабочего дня, но сейчас попробуем созвониться с вашим будущим начальником. Обычно он задерживается на работе допоздна.

Алексей помог жене и Елене снять верхнюю одежду и разделся сам. Уже снявший шубу Виктор сел на большой кожаный диван и пододвинул к себе стоявший на низком столике телефонный аппарат, после чего перелистал блокнот и быстро нашел нужный номер.

— Николай? Это Виктор говорит. Узнал? Хорошо, что ты на месте. Да, только что приехали. Послушай, я звоню не просто так. Тебе работники нужны? Да, нашел ценного кадра. Служил в ВДВ, старший сержант, окончил десятилетку и умен настолько, что лично я сразу дал бы майора, но вы жмоты, поэтому он согласен на меньшее. Парень — кровь с молоком! Да в поезде и познакомились. Тут одна проблема. Он приехал в город с женой и пока нигде не остановился. Ну, не хочешь, как хочешь. Я его тогда предложу Зайцеву. Ему на завод был нужен заместитель начальника охраны. А кто тебе такое говорил? Конечно, решай. Но сегодня ты их у себя устрой. Если этим займусь я, ты его больше не увидишь. Мой адрес еще не забыл? Спасибо — это хорошо, но мало! Это уже лучше. И Катерину свою обязательно захватишь, а то моя по ней соскучилась. Ладно, я им скажу, чтобы ждали внизу.

Он положил трубку на рычаг и посмотрел на Алексея.

— Все понял?

— Спускаться и ждать во дворе? — спросил тот. — Машина?

— Я бы тебе не майора, подполковника дал, — вздохнул Виктор. — Сейчас приедет дежурная машина, и вас отвезут в общежитие для семейных сотрудников. Завтра утром за тобой зайдут и отведут куда надо, а там уже будут решать, нужен ты им такой умный или нет. Понял? Если решат, что не нужен, из общежития выселят. У них там всего две комнаты свободны, поэтому абы кому не дадут. Думаю, что у вас все будет хорошо, но если нет, заходи. В охрану на любом предприятии устрою без проблем. Зарплата у них не меньше, а работа гораздо спокойнее, и почти на каждом заводе есть места в общежитии.

— Товарищ директор! — в кабинет к Капице заглянул новый секретарь. — Звонили с КПП. Приехал Капустин с двумя сопровождающими. У всех документы на полный допуск. Сейчас им выписывают пропуска.

— Хорошо, Виктор, — поморщился Петр Леонидович. — Как появятся, пусть заходят.

Он не долечился и чувствовал себя паршиво, а тут еще принесло этих. Капустина он недолюбливал и ничего хорошего от его визитов не ждал, особенно сейчас после отъезда Самохиных. Гости появились через полчаса.

— Здравствуйте, Петр Леонидович! — поздоровался Капустин, заходя в кабинет в сопровождении одного из своих спутников. — Познакомьтесь с Игорем Львовичем Кожиним. Это новый директор объекта. Здесь уже нет надобности в присутствии ученого вашего уровня, поэтому вам предлагается вернуться в Москву. Возьмите этот конверт — посмотрите на досуге. Здесь вам предложены несколько мест работы. В зависимости от того, что вы выберете, вам предоставят квартиру ближе к месту работы.

— А мой прежний институт? — спросил Капица. — Его в вашем перечне нет?

— Там уже другое руководство, — ответил Капустин. — Люди давно и нормально

работают. Если хотите, можем вам в нем создать отдельную лабораторию. Прежде чем что-то решать, лучше прочесть все, что вам предлагают. Вы себя неважно чувствуете?

— Да, сильно простыл и десять дней провалялся дома. Надо бы поваляться еще, но уже неважноту. Как быстро я смогу уехать?

— Передадите дела и можете уезжать. Только раньше передайте свое решение. Надо будет еще подготовить квартиру и помочь вам переехать. Я вам оставляю Игоря Львовича, а сам бы хотел встретиться с Самохиным. Не скажете, где он сейчас?

— Он уволился и уехал вместе с женой, — ответил Капица, с интересом ожидая реакцию Капустина.

— Как уволился? — не понял тот. — Он не мог сам ни уволиться, ни уехать!

— Приехал подполковник из министерства и привез приказ, — пояснил Капица. — Все есть в кадрах. И настоял, чтобы быстро оформили. После этого Самохины собрались и уехали. Мебель свою, кстати, оставили, так что новый директор может занять их квартиру. Она не меньше моей, а мебель, пожалуй, будет получше.

— Так вот почему у вас новый секретарь! — зло сказал Капустин. — Как мне узнать фамилию этого подполковника?

— Пройдите в бюро пропусков, там вам, Яков Федорович, должны сказать. У нас гости бывают редко, а этот был несколько дней назад, так что найдут сразу, — Капица подождал, пока Капустин выйдет из кабинета и обратился к новому директору: — А вас, Игорь Львович, я сейчас сведу с главным инженером. Я почти не занимался вопросами эксплуатации, а он у нас в курсе всех дел. Пока я еще здесь, займите кабинет Самохина. Он был у меня одним из замов. И советую вам посмотреть и занять его квартиру. Там не только мебель, там вообще все оставлено. Они взяли с собой только одежду, так что вселяйтесь и живите. Никто вам никаких претензий предъявлять не станет.

— Говоришь, служил в ВДВ? — спросил полковник, разглядывая стоявшего возле стола парня. — И где конкретно?

— Разведка, — лаконично ответил Алексей.

— И чему тебя там научили?

— Прежде всего — дисциплине, — позволил себе улыбнуться Алексей, — а вообще, многому. Думаю, что в боевом отношении у вас для меня противников немного.

— А если мои ребята тебя сейчас повозят носом по матам? — насмешливо сказал полковник.

— Это вряд ли, товарищ полковник, — ответил Алексей. — Я был в полку одним из лучших.

— Проверим, — сказал полковник, берясь за телефон. — Громов? Вот что, Николай, кто у тебя сейчас свободен из ребят? Мне нужно два-три человека проверить одного новичка. Утверждает, понимаешь, что он твоих ребят одной левой... А? Хорошо, мы сейчас спустимся.

Он положил трубку на рычаг и поднялся из-за стола.

— Пошли, нас ждут в зале. Учти, парни не любят хвастунов. Бить не будут, но, как я и обещал, носом по матам повозят.

— А если у них ничего не выйдет? — спросил Алексей.

— Тогда мы с тобой будем разговаривать дальше.

Разговор продолжился через полчаса в том же кабинете, только, кроме них двоих, в нем

еще присутствовал молодой майор, который, наверное, и был Громовым.

— Ладно, то что не наглец и правильно себя оценил, это я понял, — сказал полковник, садясь за свой стол. — Как стреляешь?

— Снайпер, — ответил Алексей. — Профессионально могу водить все виды транспорта, только нет документов. Так что могу у вас работать шофером.

— Это хорошо, что у тебя все нормально с юмором, — одобрительно кивнул полковник, — только пока придержи его при себе. Что скажешь, Николай? Использовать его на обычной работе — это расточительство, отдать тебе, так у тебя одни офицерские должности, а я ему выше старшины ничего дать не могу.

— Ну так и дайте старшину, — посоветовал Громов, — и определите в ППС. Мы имеем право привлекать к работе, вот и привлечем. Тебя как зовут? Алексей? Можешь позаниматься с нашими офицерами? У тебя интересный стиль боя, никогда такого раньше не встречал.

— Могу, конечно, — согласился Алексей, — только у них самих должно быть желание, иначе ничего не выйдет.

— Пришлось немного продемонстрировать свои таланты, — говорил он жене двумя часами позже. — Почувствовал, что еще немного, и мне укажут на дверь. Потребность в кадрах у них была, но не такая, чтобы из-за нее отдавать нам одну из двух свободных комнат, тем более не офицеру, а всего лишь старшине. А в заводскую охрану мне почему-то идти неохота. Как тебе комната?

— Жить можно. Хотя после нашей последней квартиры...

— Это понятно, — согласился Алексей. — Метраж небольшой, но мебель есть и проход между ней тоже имеется. Сегодня сдвинем кровати, и я передвину стол к окну. Да, замок я обязательно поменяю. Коменданту об этом говорить необязательно, но нам здесь посторонние не нужны. Я еще свободен, пока в кадрах будут проверять документы, поэтому прикинь, что нам нужно, и я постараюсь все купить. Еще ни с кем из соседей не познакомилась? Ну ничего, в общежитиях это быстро. Так, дверь нужно уплотнять. В коридоре курит какая-то сволочь, а нам тянет дым. Летом — куда ни шло, а сейчас не слишком-то проветришь.

— А если попросить не курить? — спросила Лида. — Или здесь можно?

— По идее, нельзя, — задумчиво сказал муж. — Я это, конечно, уточню у коменданта. Только понимаешь, малыш, правила это одно, а их исполнение — совсем другое. А большинству курильщиков на твои неудобства... в общем им все равно, лишь бы им было удобно. Такие понимают только силу, а ее в моем положении применять чревато. Здесь почти все офицеры, а я всего-навсего старшина. Рукоприкладство к старшему по званию. И неважно, что не на службе, а в быту. Даже если не привлекут, врага себе наживешь. А здесь таких должно быть много. И самое главное, что они все свои, а я пока чужак. Это не значит, что я буду подставлять лицо под плевки, но и сам нарываться на неприятности не стану. Тебя это, кстати, не касается. Если прицепится какая-нибудь сволочь, можешь использовать все, чему я учил. И уж тут я смогу действовать, наплевав на звания.

Дверь приоткрылась и к ним в комнату заглянул мужчина лет сорока в гражданских штанах, майке и с дымящейся папиросой во рту.

— Новенькие? — спросил он, выпустив в комнату клуб дыма.

Лида, ничего не говоря, подошла к двери и резко выбросила руку, впечатав ему кулак в горло.

— Открой, пожалуйста, форточку, — попросила она мужа, прикрывая дверь. — Слушай, а он не встает. Я его не могла...

— Хороший удар! — оценил Алексей. — Только бить надо было в челюсть и немного быстрее, а еще лучше — не драться вообще. У тебя получилось только потому что он такого не ожидал. Надо бы с тобой опять заняться, да негде. Да не бойся ты, живой он. Слышишь, матерится?

— Что засунул, по тому и получил, — ответила Лида. — Мне и так было неудобно бить из-за его роста. А об его челюсть я бы ободрала себе костяшки.

Минут пять они проветривали комнату, потом из-за холода форточку пришлось закрыть. Вскоре к их двери кто-то подошел и требовательно постучал. На стук вышел Алексей.

— Чем обязан? — спросил он коменданта — невысокого полного мужчину с пышными усами, одетого в галифе и китель без знаков различия.

— Откройте дверь! — потребовал тот.

— Не могу! — развел руками Алексей. — У вас в коридоре так накурено, хоть топор вешай. И это зимой. Я еще не читал правила, но почти уверен, что ими это запрещено. Мало того, еще всякие хамы без спроса лезут в нашу комнату с папиросами в зубах. Если вы пришли по поводу того, что моя жена одного такого выкинула из комнаты, то она в своем праве, а он пусть благодарит судьбу за то, что она ему не выбила зубы, и делает выводы.

— А что сделали вы?

— А я его пальцем не тронул, — улыбнулся Алексей, — просто не успел. Но жене сделал внушение. В следующий раз она будет бить по-другому.

— Вам надо отсюда уходить, — сказал ему комендант. — Это не шутки. Майору Лыкову, скорее всего, придется обратиться к врачу. А насчет курения я при всем желании ничего сделать не смогу. Здесь курят почти все, в том числе и женщины. Как ваша жена думает готовить на кухне, если там все курят во время готовки? Будет драться с женами офицеров? Так они ее саму отлупят. А о сегодняшнем случае я обязан доложить.

— Все слышала? — спросил Алексей, вернувшись в комнату. — Против лома нет приема, а мы с тобой здесь свои порядки не наведем. Нужно срочно искать комнату или начинать курить. Завтра попробую что-нибудь найти. И готовкой пока заниматься не будешь. Здесь недалеко есть столовая, походим туда. Нам еще не хватало драк с женщинами!

С утра заняться поисками жилья не получилось: за ним прислали дежурную машину.

— Как это понимать, старшина? — спросил полковник. — Устраиваем драки и калечим сотрудников, которые намного старше вас по званию? Нам такие в кадрах не нужны! Никакая полезность не заменит дисциплины. Что можете сказать?

— Хочу сказать, что мое заявление к вам было ошибкой, — спокойно ответил Алексей. — Хотел максимально реализовать свои способности на пользу обществу, да видно зря. Считайте, что я забрал свое заявление назад. И общежитие мы вам освободим. Если не будете меня задерживать, постараюсь это сделать уже сегодня.

— Из-за чего случилась драка?

— Я не знал, что все общежитие курит, иначе никогда бы туда не вселился, — начал объяснять Алексей. — Мы с женой не курим и этой гадости не переносим, а там в коридорах и на кухне нечем дышать. И толком из-за холода не проветришь. А пострадавший майор без стука влез к нам в комнату с папиросой и все задымил. У меня жена еще молодая и не всегда может сдержаться. Я бы это хамло просто выпер, тем более что формы на нем не было, а она не удержалась и врезала. Комендант мне потом сказал, что он не в силах с этим бороться и

мне не советует. Совет был один — убираться оттуда в какое-нибудь другое место, что я и собрался делать с утра. Теперь нужно искать жилье. Деньги у меня пока есть, остается найти комнату.

— Если все так и было, мы ее к ответственности привлекать не станем, — сказал полковник, — но предупредите, что проявляем снисхождение в первый и в последний раз. Чтобы рук больше не распускала. А с поисками комнаты поможем. Только у вас ведь на ее оплату уйдет половина жалования. На что собираетесь жить?

— Жена отличный художник. Она не только умеет бить морды, она еще неплохо их рисует. Если не будет хватать денег, заработает. Я вам сейчас не нужен, товарищ полковник?

— Куда торопишься? Сказал же, что квартиру найдем.

— Дома жена волнуется, — пояснил Алексей, — и она голодная. Продуктов мы еще не покупали, хотели с утра сходить в столовую, но не успели, а сама она не пойдет.

— Голодная жена — это страшно, — согласился полковник, — особенно такая, как твоя. Можешь идти. Машины не даю, доберешься сам. Здесь всего три остановки троллейбусом.

Лида действительно проголодалась и сильно переживала за мужа. Решив заглушить голод водой, она вышла из комнаты и прошла на кухню, в которой были две раковины для мытья посуды. На одном из трех составленных в ряд столов стояла электроплитка, на которой жарила что-то мясное пожилая невысокая женщина.

Лида поздоровалась и, стараясь не обращать внимания на запах, от которого рот сразу наполнился слюной, подошла к мойкам. Никакой посуды не было, поэтому она открыла кран и принялась пить так.

— Ты что делаешь, шальная? — женщина, отставила свою сковородку и оттащила Лиду от воды. — Пьешь ледяную воду! Совсем ума нет?

— Сильно захотелось пить, — объяснила смутившаяся девушка, — а мы только вчера въехали и не успели разжиться посудой. Да и плитки, я смотрю, у всех здесь свои.

— Конечно, свои, — кивнула женщина. — А попросить было нельзя? Или после вчерашнего не хочешь ни к кому обращаться? За что ты приголубила нашего майора? Неужели приставал? Раньше за ним такого не водилось. Хотя ты очень славная.

— Да нет, не поэтому, — ответила Лида и рассказала, как было дело.

— Только из-за папиросы? — не поверила ее собеседница. — Ну и глупо! Здесь многие курят, а нравы... тоже простые. Не хочешь, чтобы к тебе заходили без приглашения, просто запирай дверь. Здесь все так делают. А ты сразу драться. Он, между прочим, почти не мог говорить, но жену разбираться не пустил, никому ничего объяснять не стал и, уверена, что не жаловался. А вот комендант наверняка доложил. Получается, что ты нарушила закон и нанесла побои человеку, который тебя и пальцем не тронул, да еще работнику милиции. Знаешь, что за такое бывает? Вот я и говорю, что дура! И никто здесь тебя не поймет, все осудят, даже некурящие. Я сама не курю и никакой радости от табачной вони не испытываю, но рук не распускаю.

— И долго вы здесь живете?

— Третий год и, я надеюсь, последний. В следующем мужу обещали квартиру. Вот и терпим. Это, милая, общежитие, здесь не все под тебя, а ты под остальных должна подстраиваться. А не можешь — уходи.

— Мы думаем уйти и снять комнату, — сказала Лида.

— И чем вы за нее будете расплачиваться? Звание-то у мужа какое?

— Обещали старшину. А деньги заработаем.

— Детский сад, — вздохнула женщина. — Мой — майор, и то нам снимать комнату накладно. Заработаем! Не так они просто зарабатываются! Что ты все глотаешь слюну, голодная?

— Хотели с утра пойти в столовую, а мужа срочно вызвали.

— Горе луковое! Пойдем, угощу тебя хоть чаем с печеньем, пока твоего мужа чихвостят за вчерашние художества.

Женщина взяла свою сковородку с котлетами и пошла к выходу из кухни. Жила она через две комнаты от Самохиных.

— Садись за стол, — пригласила она Лиду, — а я сейчас схожу на кухню поставлю чайник. Что уставилась на папиросы? Не мои это, муж курит.

— Здравствуйте, Алексей Александрович! — поздоровался Капустин.

— Здравствуй, Яков Федорович, — сказал Кузнецов. — Нормально съездили? Есть результаты?

— Директора заменил, а по вашему распоряжению ничего сделать не смог. Извините, Алексей Александрович, но Федотов в пожарном порядке отозвал Самохина в министерство. Ему тут же оформили увольнение и вывезли с женой в Кунгур на машине директора. О спешке свидетельствует еще то, что он даже не стал ждать, пока оформят расчет и оставил в квартире не только очень качественную и дорогую мебель, но вообще все. С собой они забрали только несколько чемоданов с одеждой.

— Вы Петру Васильевичу не звонили?

— Министра я тревожить не стал, послал своего человека в их кадры. Алексея уволили на основании его собственного заявления.

— Они что, всех так увольняют?

— Формально он имел право уволиться, — пожал плечами Капустин. — Я хотел поговорить с подполковником Ярцевым, которого посылали с проверкой, но он сейчас в длительной командировке.

— Плохо! — сказал Кузнецов. — Вне всякого сомнения Самохины были людьми Берии. Пока он был жив, они не хотели идти вам навстречу, справедливо полагая, что давить на них никто не позволит. Стоило ему умереть, и они тут же срываются с места, бросая все нажитое. И, похоже, что госбезопасность им в этом помогает.

— Мы не тронули руководство министерства после смерти Лаврентия Павловича, — со значением сказал Капустин.

— Полагаете, он им оставил приказ на случай своей смерти? Очень похоже. Но это только лишний раз подчеркивает их важность. Товарищ Сталин их явно высоко ценил и передал Берии, а вот Берия с нами почему-то делиться не захотел.

— Может быть, просто не успел? — предположил Капустин. — У товарища Сталина было время. Кстати, есть один человек, который может пролить свет на причины пребывания этой семьи в Кунцево. Полковник Старостин тогда был порученцем Сталина и по свидетельству охраны много занимался Самохиными и близко сошелся с Алексеем.

— Поговорите с ним, Яков Федорович, — сказал Кузнецов. — Как коммунист он должен помочь. Если начнет ссылаться на секретность, задействуем министерство. Что у нас по самому Алексею?

— Все его идеи нашли экспериментальное подтверждение, но от большинства пока

мало пользы.

— Почему? — спросил Кузнецов. — Есть причины?

— Причина одна, — ответил Капустин, взглянув в глаза Генеральному секретарю. — По мнению физиков, мы до их практического применения просто пока не доросли.

— А майор ГБ, значит, дорос? Все эти книги, которые дали такой толчок энергетике, его?

— Я думаю, да. Он работал вместе с Гольдбергом, когда проводилось их предварительное изучение, а потом долго консультировал ученых.

— И это при том, что он сам внешне совсем мальчишка.

— Я считаю, что в его случае не стоит обращать внимания на внешность, — сказал Капустин. — Я с ним несколько раз разговаривал и могу утверждать, что он гораздо старше, чем выглядит. То же касается и его жены. На вид Лидии всего лет шестнадцать, ну пусть семнадцать, но на должности секретаря показала себя превосходно. Она за Капицу делала почти все, что не касалось науки. И по разговору она тоже гораздо старше.

— У нас ничего нет, кроме этого полковника?

— Есть еще одна ниточка, — нерешительно сказал Капустин. — Не знаю только, стоит ли за нее тянуть. Охрана Кунцево показала, что первый раз Самохин туда приехал вместе с сыном Сталина. И за несколько дней до этого Василий Сталин посетил отца. Если учесть, что в то время он к нему ездил не каждый месяц, это наводит на мысль, что на Сталина Алексей вышел через него.

— Очень логичный ход, — одобрил Кузнецов. — А почему не хотите трогать Василия?

— Он после смерти отца немного не в себе, — пояснил Капустин. — Его даже на время отстранили от командования. Полагаю, лучше вначале поработать со Старостиным, а Василия Сталина оставить на тот случай, если полковник откажется помочь.

— А с дочерью Сталина не говорили? Она часто бывала у отца.

— Я бы ее, Алексей Александрович, не хотел привлекать.

— Какие причины?

— Она очень сдружилась с Самохиными, и, по словам одного из телохранителей, влюбилась в Алексея. Вряд ли она знает то, что нам нужно, а если что-то знает, не скажет.

— Действуйте, Яков Федорович, — сказал Кузнецов. — Этот Алексей через Василия вышел на Сталина с чем-то очень важным, причем это не могли быть научные книги. С ними Алексея направили бы в Академию Наук или, скорее всего, в ведомство Абакумова. Да и Василий Сталин не мог никого привезти в Кунцево без разрешения отца. Значит, Сталина чем-то заинтересовали, да так, что он этих Самохиных несколько месяцев держал у себя. Зачем? У нас Алексей консультировал ученых, похоже, на даче он тоже давал консультации. Может быть, и там были свои книги? Если так, Сталин наверняка передал их Берии, как и все остальное. Значит, нужно поискать еще и в этом направлении. Но этим я сам озадачу Федотова.

Этот разговор имел продолжение на следующий день.

— По вашему лицу могу предположить, что с полковником у вас ничего не получилось, — после обмена приветствиями сказал Кузнецов. — Ничего не знает или не стал говорить?

— Второе. Ему, видите ли, приказал молчать сам Сталин! Заявил, что считает Самохина другом и уверен, что никакого вреда государству он не причинит. Все, что мог, он уже передал руководству страны, а если уволился и уехал, значит, были основания. И вообще, если ему доверял товарищ Сталин...

— Новый подход имеет и недостатки, — заметил Кузнецов. — Года три назад ответ был бы другим. Сделаем так. Я договорился с Федотовым, что вас допустят к бумагам, которые были в кабинете Берии и его домашнем сейфе. Если ничего в них не найдете, возьмемся за Василия Сталина. Ну а полковника оставим на крайний случай. Раз не захотел открыть добром, придется его уламывать с помощью министра.

— Здравствуйте, Ангелина Васильевна! — поздоровался Алексей с хозяйкой дома.

Когда он уходил на службу, она спала, поэтому они сегодня еще не виделись.

— Здравствуй, Леша, — ответила она. — Что-то ты сегодня рано вернулся.

— Отпустили на время, — объяснил он. — Сегодня придется задержаться на службе. Лида дома?

— Сидит в вашей комнате и рисует. Вы бы на нее подействовали, Леша. Нельзя так мало есть и так много работать! Она у вас такая худая и бледная, что прямо хочется плакать!

— Я подействую, — пообещал он, стягивая сапоги.

Они уже три недели жили в этом доме, и он был доволен всем, за исключением удаленности от места работы и чрезмерно заботливой хозяйки, которая взялась опекать его жену. Одинокая шестидесятилетняя Ангелина Васильевна буквально влюбилась в свою постоялицу. Будучи сама довольно полной женщиной, она считала худобу одним из смертных грехов, а стройность Лиды в ее глазах от худобы ничем не отличалась. Выяснив, что девушка любит сдобу, Ангелина начала чуть ли не каждый день печь пирожки и угощать ими жену. На него такая забота не распространялась.

— Ты стала гораздо быстрее работать, — сказал Алексей, заставив жену вздрогнуть. — Рисуешь пару недель, а портрет почти готов.

— Ты бы хоть кашлянул, что ли, — недовольно сказала она. — Подкрался и напугал. Что так рано-то?

— Отпустили на тебя посмотреть, — пошутил он. — Кое-кто заболел, поэтому сегодня придется дежурить. Позже обещали прислать машину. Пирожок можно сжевать?

— Не перебивай аппетит. Сейчас закончу и тебя накормлю. А пирожки возьмешь на дежурство, а то зайдет Ангелина и будет меня потом пилить, чего это я тебя угощаю ее пирожками! А портрет мне еще столько же рисовать.

— Не надумала его еще продавать?

— А что ты так колотишься? У нас мало денег?

— Нет, тут другое, — сказал Алексей, взяв все-таки с тарелки пахнущий ванилью пирожок и садясь так, чтобы его не застала врасплох хозяйка. — Во-первых, надо легализовать наши доходы, а во-вторых, я не хочу, чтобы ты днями напролет смотрела на свою несостоявшуюся любовь. И если мы его продадим местным чекистам, твою работу увидят многие, а не только мы с Ангелиной.

— Посмотрим еще что получится, — неопределенно сказала Лида, — и захотят ли они его брать и вешать на всеобщее обозрение. Для них лучше нарисовать Железного Феликса. Ты Громаковым звонил?

— Позвонил, но Елена Николаевна сказала, что они никак не могут выбрать время. А я думаю, что баба с возу — кобыле легче. Не хотят, и не надо. Людям предлагают за так нарисовать портреты, а они кочевряжатся. Тебе же лучше. Когда-нибудь за твои работы будут драться лучшие музеи мира!

— То-то потомки Капицы обогатятся, — засмеялась Лида. — И у Светланы остались

два портрета. Она твой выклянчила, и портрет отца наверняка забрала с дачи. Как потеплеет, надо будет нарисовать Успенский собор или хотя бы какой-нибудь вид покрасивее, а то все творчество — почти одни портреты. Ладно, Берия подождет, а ты сейчас умрешь от голода. Иди мыть руки, а я согрею обед.

Днем печь топилась постоянно, поэтому разогреть борщ было делом нескольких минут. Лида сидела рядом с мужем и с удовольствием смотрела на то, как он ест.

— Что ты на меня так уставилась? Ни почавкать, ни облизать тарелку, — пошутил он.

— Леш, послушай, — сказала ему Лида. — Ты не думал над тем, чтобы как-то сделать копии книг и подбросить их кому-нибудь из правительства? Один раз ведь уже печатал, почему бы не повторить?

— А почему тебя это так беспокоит? — спросил Алексей. — Что ты еще надумала?

— Я подумала, что если у них будут эти книги, может быть, у меня все-таки будет ребенок?

— Я подумаю, — пообещал он. — В любом случае я с этим спешить не буду. Наберись терпения, года два-три точно пройдет.

— Ну что сказал полковник? — спросил Кузнецов.

— После моего рассказа о разговоре с Василием Сталиным, он перестал упираться и добавил к тому, что нам известно, много интересных подробностей, — довольно сказал Капустин. — Подтвердил, что Самохины действительно пришли из будущего и сумели это доказать. И самое главное — это то, что книга была не одна. Он точно не помнит, но их было то ли пять, то ли шесть. Самохин их принес в виде пластинок, на которые наклеивалось много кадров крошечной фотопленки. Их можно было читать с помощью специального устройства или сделать фотографии страниц. Алексей распечатал только одну книгу и то не полностью. Потом для Сталина их кто-то печатал. Берия, когда приезжал на дачу, все их прочитал. Больше, насколько он знает, Сталин их никому не давал. А Самохин на даче писал расшифровку непонятных слов, а потом отвечал на вопросы Сталина.

— Как расшифровку? — не понял Кузнецов.

— Мне сначала тоже было непонятно, — кивнул Капустин, — но Старостин объяснил. В будущем появятся новые слова, а некоторые из известных сейчас приобретут другие значения, а книги писались для современников, поэтому мы без объяснений не все поймем.

— И Сталин их после этого отпустил!

— Значит, поверил! — сказал Капустин. — Они предложили помощь сами, ничего не попросив взамен. И ценность Самохина в научной программе неоспорима. Он ведь еще и Курчатова консультировал. Водородная бомба уже почти готова, а без его помощи еще с год провозились бы.

— А как они доказали Сталину, откуда пришли?

— В книгах очень много фотографий, кроме того, у Самохиных был прибор связи из будущего и какое-то оружие. При сеансе связи можно было видеть собеседника, но не так, как на экране телевизора, а просто в воздухе возникали цветные и объемные изображения.

— Что-нибудь еще узнали?

— Он добавил, что Самохина великолепно рисует. Ей позировал Сталин, и так остался доволен работой, что подарил именное оружие.

— И где же этот портрет?

— После смерти отца забрала Светлана. Еще раньше она выпросила у Лиды портрет

Алексея. Я ее посетил и посмотрел обе работы. Выполнено талантливо. Алексей на портрете как живой, а Сталина я не узнал.

— Неужели так непохож?

— Нет, здесь другое. Посмотрите фотокопии. К сожалению, фотографии черно-белые. Светлана над этими портретами трясется, даже показывать поначалу не хотела, а у меня есть на них виды. Я предлагаю прославить Лидию Самохину, и сделать это с помощью портрета Сталина. Таким человечным его еще никто не изображал, и люди это оценят. А она не сможет сидеть без дела, все равно не удержится и будет рисовать. Пусть у них с собой много денег, но им и многое нужно, в том числе и где-то жить. И плохо жить они не захотят. Она сама единственная дочь одного из очень богатых людей будущего, а Самохин по профессии военный. Много наработает человек, который умеет стрелять и сворачивать шеи? В армию он не пойдет — это его сильно свяжет. Может быть, устроится в милицию, да и то вряд ли. А на картинах можно неплохо заработать, причем совершенно легально. А если она еще будет продолжать по привычке ставить на картины свой автограф...

— То найти ее будет делом времени, — закончил за него Кузнецов. — Эти пластины с негативами были большие?

— Нет, примерно вот таких размеров. И они очень тонкие. Все книги умещались в пачке толщиной сантиметра полтора.

— Если бы я ушел в прошлое, я бы постарался подстраховаться, — сказал Кузнецов. — Мало ли что могло случиться с одним комплектом этих пленок! Их надо найти, Яков Федорович, и как можно быстрее!

— Ну и кто его у тебя такого купит? — скептически сказал Алексей. — Я, конечно, понимаю, что между вами любовь и все такое, но повесить этот портрет на стену в госучреждении...

С обсуждаемого портрета на него с любовью и нежностью смотрел Лаврентий Павлович.

— Это уже не говоря о том, что могут задаться вопросом: где ты его таким видела, — добавил он. — Я не Отелло, но хранить такое дома будет неприятно. Предлагаю, когда поедем в Москву, подарить твое произведение его семье.

— Думаешь, его жена обрадуется? — с сомнением спросила Лида. — Если бы ко мне с твоим портретом заявила какая-нибудь... ну ты понял. Я бы ей внешность точно испортила. Слушай, давай не будем продавать, а просто подарим в художественную галерею! Здесь она точно есть. И вряд ли они откажутся брать. И работа очень хорошая, и по политическим соображениям. Так и сделаем! И попросим ее туда передать Виктора Федоровича. Завтра воскресенье, вот и сходим. Надеюсь, тебя не заставят опять работать?

Ему не испортили выходной, и они около двенадцати, купив пирожные, постучали в квартиру Громаковых. Дверь им открыла Елена.

— Ребята! — искренне обрадовалась она. — Проходите и раздевайтесь. Муж у соседей, сейчас должен прийти. Что это у вас? Пирожные? Это хорошо, а то меня Виктор ограничивает в сладком. Сам уже в штаны не влезает, а за женой следит! Это картина? Неужели вы нас нарисовали?

— Нет, не вас, — ответил Алексей. — Вы пока успешно отбрыкиваетесь. Но из-за этого портрета мы к вам и пришли. В городе ведь есть художественная галерея?

— Есть и немаленькая, — подтвердила Елена. — Виктор заведует культурой в горисполкоме, так мы с ним в нее несколько раз ездили. Там не только картин, там и икон много. А вы хотите поместить туда свою работу? Боюсь, что ничего не получится.

— А вы сначала посмотрите, — сказал Алексей, проходя в гостиную. — Сейчас мы его развернем.

Елена долго смотрела на портрет, потом подошла к окнам и полностью отодвинула шторы, после чего рассматривание продолжилось.

— Это ведь Берия? — сказала она. — Интересно вы его изобразили.

— Я его хотела нарисовать не вождем, а человеком, — пояснила Лида. — Таким, какой он дома со своими близкими.

— Странная тема для начинающего художника, — сказала Елена, — но нарисовано здорово. Что стоите? Садитесь на диван, а я приготовлю чай.

Она еще раз взглянула на портрет и ушла на кухню.

— У нас, оказывается, гости! — сказал в прихожей Виктор. — И кто?

— Мы это, Виктор Федорович, — отозвался Алексей. — Володины.

— А, герой пришел! — обрадовался Виктор. — И жену с собой взял. Молодец! Меня на днях ваше начальство благодарило. Ценного, говорят, кадра нашел. Слышал, тебя собираются представить к награде. Расскажешь за что, или это секрет?

— А почему я об этом ничего не знаю? — спросила Лида. — Что ты еще натворил? Колись!

— Как-нибудь потом, — поспешно сказал Алексей. — Виктор Федорович, посмотрите на этот портрет.

— Великолепная работа! — оценил Виктор. — Руководитель партии и правительства, погибший на посту! Только он у вас здесь какой-то не такой.

— Потому к вам и пришли, — сказал Алексей. — Сначала хотели продать этот портрет нашим чекистам, но потом передумали. Лида изобразила Лаврентия Павловича таким, какой он, по ее представлениям, в кругу семьи, вот мы и решили с вашей помощью подарить эту работу в городскую картинную галерею. Можно попросить мое начальство, но вам это будет проще сделать.

— Попробую, ребята, но ничего заранее не обещаю.

— Давайте все за стол, — выглянула с кухни Елена. — Только сначала помойте руки. И учти, Виктор, что это не я покупала пирожные, ребята принесли.

— Петр, ты еще не смотрел сегодняшнюю «Правду»? — спросила мужа Анна Алексеевна.

— Еще нет, — ответил Капица. — А что в ней?

— Большая статья о нашей Лидочке и портрет Сталина ее работы. Пишут, что еще никто из художников его так талантливо не изображал, и что для этой работы она долго жила на его даче. Теперь этот портрет выставят в Третьяковской галерее. Хотят найти ее остальные работы и сделать экспозицию. Вот слушай, что написали: «Несмотря на свой возраст Лидия Самохина уже успела нарисовать немало замечательных картин. Мы просим тех, к кому они попали, прислать их в адрес Государственной Третьяковской галереи. Если владельцы согласятся, картины у них выкупят, если нет, то после согласованного срока им их вернут вместе с вознаграждением. Узнать ее работы можно по автографу в правом нижнем углу». И здесь же в статье приводят автограф. Совсем такой, как на наших картинах. Хорошо, что мы уже в Москве. Давай позвоним в Третьяковку. Я думаю, будет лучше, если на ее картины посмотрят многие, а не только мы и твои коллеги. Только твой портрет продавать нельзя, отдадим им его на время.

— Ну вот, портрет пристроили, можешь рисовать дальше, — довольно сказал Алексей, когда они простились с Громаковыми и вышли на улицу. — Рекомендую нарисовать Ангелину Васильевну и назвать картину «Портрет русской толстушки».

— Зря смеешься! — улыбнулась жена. — Вот возьму и нарисую. Она очень хорошая женщина с трудной судьбой. Это она с тобой мало делится, а мне многое рассказывает. Ей будет тяжело, когда мы уйдем. Понимаешь, она ведь ко мне относится так, как относилась бы к дочери. Если бы еще не закармливала сдобой. Я ее, конечно, люблю, но не настолько.

— А у нее дети есть? — спросил Алексей. — Я лично ни разу не видел, чтобы хоть кто-то приходил навестить или помочь. Даже дровишки рублю я, только мне почему-то ееготовки не достается.

— Было два сына. Один погиб на войне, а другой... другого, можешь считать, тоже нет. Бросил он ее и уехал, перед этим забрав из дома все ценное и последние деньги. А мужа у нее никогда не было. И не вздумай ее осуждать, нет в этом ее вины. Расскажи мне лучше из-за чего тебя решили наградить, и почему этот факт твоей героической биографии не доведен до моего сведения. Что жмешься? Выкладывай как на духу!

— Да ничего особенного не было, — недовольно сказал Алексей. — Ну участвовал я в

операции нашего уголовного розыска в Собинке. Пришлось немного помахать руками и пострелять. Года три–четыре назад это было бы обычным делом, сейчас от перестрелок стали отвыкать. Одного из парней у нас тогда ранили, ну а мы их взяли всех. Трех уже холодными и еще двое отделались побитыми мордами.

— Морды небось сам бил?

— Пришлось, — пожал он плечами. — Если бы не я, их бы там тоже положили. А так наши следаки вытянули из них немало полезного. Начальство оценило. А тебе не говорил, чтобы не волновалась.

— А ты обо мне подумал, когда полез геройствовать?

— Ну вот, началось! Малыш, я в милиции работаю или устроился дворником? А если в милиции, то в ней иногда стреляют. Успокойся, это случается редко. И я не лезу сдуру под пули. А погибнуть человек может от чего угодно. Сосулька упадет на голову, машину занесет или просто съест не тот гриб. А ты у меня сильная и умная и в случае чего сама все сделаешь. Эй, а драться-то зачем?

— Я за тебя вышла замуж, чтобы потерять и остаться одной в этом диком мире? Отвечай, не то еще не так тресну! Хочешь помереть и даже не оставить мне ребенка? Так знай, что я в тот же день из своего пистолета и застрелюсь! И плевать я хотела на весь остальной мир! Понял? Вот и живи так, чтобы такого не случилось!

— Здравствуйте, Алексей Александрович! — поздоровался Капустин. — Знаю, что вы скоро уезжаете, поэтому заскочил буквально на пару минут.

— Слушаю вас, Яков Федорович, — сказал Кузнецов.

— Прежде всего хочу сказать насчет картин. Кроме двух портретов, которые мы забрали у Аллилуевой, еще четыре картины передал академик Капица. Все выставлено в Третьяковке. Пока других предложений не поступало. Как вы знаете, в бумагах Берии мы ничего для себя не нашли, вот я и подумал... Почему мы решили, что Сталин ему все передал? Книги он читал на даче, может быть, они на даче и остались?

— Возможный вариант, — согласился Кузнецов. — И что вы предлагаете?

— Вы не ставили в известность Вознесенского?

— Пока нет, думаете надо?

— Мы, конечно, можем привлекать к своей работе госаппарат, минуя правительство, но это ограничивает наши возможности, да и узнают рано или поздно. В Кунцево сейчас музей, и я не могу в него приехать с обыском. Да и много я там найду? Нужно привлекать Федотова, а делать это в обход главы правительства... Я думаю, Петр Васильевич и так уже доложил о моей активности.

— Не хотелось бы выглядеть в глазах Вознесенского фантазером, — задумался Кузнецов. — Доказательств много, но они все косвенные, либо просто слова. В другом случае их было бы вполне достаточно, но уж больно о диких вещах идет речь. И расширять круг людей, посвященных в историю с книгами, тоже не хочется, но вы правы, без толковых следователей работать тяжело. Я поговорю с Николаем Алексеевичем, а вы подумайте о том, что можно сказать Федотову.

Разговор Генерального секретаря с председателем Совмина состоялся на следующий день. Кузнецов коротко рассказал историю Самохиных и обо всем, что было сделано после их исчезновения.

— Интересно, — сказал Вознесенский. — Об их жизни в Кунцево я слышал и, как и все,

терялся в догадках, чем это было вызвано. А об участии Самохина в атомном проекте и создании новых электростанций слышу в первый раз. Да и эти работы в институтах... Говоришь, совсем молодой?

— По документам сейчас должно быть двадцать пять, но внешне и на двадцать не тянет, хотя высок и физически хорошо развит. Но по разговору дашь все тридцать. А жена вообще смахивает на несовершеннолетнюю пигалицу, правда, необыкновенно красивую. Но на месте секретаря освободила Капицу от всей рутинной работы. Персонал о ней отзывался, как о прекрасном организаторе.

— И еще талантливый художник. Интересная семейка. Все бросили и уехали? Да, похоже на бегство. Но это уже ваша вина. Вместо того чтобы спросить самого Берия или попросить это сделать меня, вы начали на них давить в обход него. И что я бы подумал на их месте после его смерти? Конечно, что опять заявиться твой Капустин и снова начнет давить. Но на этот раз его уже не больно пошлешь. Ладно, с Федотовым я поговорю. Ты прав, какие-то инструкции насчет Самохиных Берия им оставил. Не верю я, что это может быть чья-то инициатива. Какая еще нужна помощь?

— Дай ему распоряжение выделить в помощь Капустину оперативную группу из трех-четырёх опытных работников. Люди должны быть такие, которых можно допустить к любым секретам и оставить после этого в живых. Нужно тщательно обыскать все внутренние помещения дачи. Там может быть тайник с книгами.

— Не верю я, если честно, ни в каких пришельцев, — сказал Вознесенский, — но история интересная и таинственная. Что-то важное за всем этим, безусловно, стоит. Держи меня в курсе и скажи своим, чтобы предприняли меры против утечки. Мне недавно Федотов сообщил, что нашей электростанцией и всем с ней связанным заинтересовались на Западе. А это не шутки. А когда мы начнем строить запланированные пять реакторов, их интерес взлетит до облаков, а у нас где-то бегают человек, которому известны все их секреты. Пусть он сам ни к кому не побежит их продавать, но ведь есть и другие возможности. Если на них выйдут и нажмут на него через жену, всякое может быть. Так что найти их нужно в любом случае. А потом будем разбираться.

— Вот и объясни все Федотову. Помогли им сбежать, пускай теперь сами ищут. Только чтобы работали деликатно. Самохины не враги, нам просто нужно убедить их вернуться. Или заставить, но без применения крайних мер.

На следующий день следственная группа МГБ вместе с Капустиным выехала в Кунцево. Перед отъездом старший группы майор Вехлин передал Капустину запечатанный конверт.

— Приказали отдать вам. Здесь новые паспортные данные семьи Самохиных. Новая их фамилия — Володины. Возраст немного уменьшили, особенно у жены Алексея. Сейчас запущен их поиск по прописке. Должны уложиться в неделю, но, скорее всего, найдем раньше. Теперь по нашей работе. Что именно нужно искать?

— Несколько книг, — ответил Капустин. — Содержание их неизвестно, и вам с ним знакомиться нежелательно. Помимо книг, могут быть и записи. Все это где-то спрятано.

— Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что, — резюмировал Вехлин. — Ну что же, будем искать. Кто их прятал, сам хозяин или кто-то другой?

— Или Сталин, или Берия вскоре после его смерти. Так что начинать нужно с комнат, которые занимал Сталин.

— Маловато нас для такой работы, — откровенно предупредил Вехлин. — Площадь поисков очень большая, поэтому на быстрые результаты не рассчитывайте.

Первый день прошел безрезультатно, а на второй за деревянной облицовочной панелью в кабинете обнаружили связанную кипу исписанных листов. Часть записей была сделана рукой Сталина, остальное, судя по образцу почерка, писал Алексей Самохин.

— Сталин писал вопросы, Самохин на них отвечал, — докладывал Кузнецову Капустин. — Кроме того, есть записи, где Алексей комментировал отдельные события, делая ссылки на книги и номера страниц. Есть еще два листа с объяснением слов. Все слова пронумерованы и начинаются с трехсотого. Остальные листы отсутствуют. Книг пока не нашли, но там работы самое малое на неделю. Скорее, мы раньше найдем Самохиных, чем книги.

На следующий день позвонили из Третьяковки. В музей прислали картину с автографом, идентичным тому, который приводился в «Правде». Имя и отчество художницы совпадали, не совпадала фамилия, но директор Владимирской картинной галереи решил, что ее просто перепутал кто-то из его работников.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нашли, — сообщил по телефону Капустин. — Они во Владимире. Оттуда прислали портрет Берии с автографом Самохиной. Я сейчас в музее. Интересная, надо сказать, картина. Сегодня уже поздно, а завтра с утра возьму людей и отправлюсь туда.

Рабочий день подходил к концу, когда Алексея нашел дежурный и приказал срочно явиться к полковнику. В кабинете вместо начальства сидел улыбающийся Капустин.

— Что же это вы, Алексей Николаевич, доставляете столько хлопот? — спросил он невозмутимо смотревшего на него Самохина. — Знали бы вы, сколько мне пришлось побегать! Теперь с вас коньяк!

— Надеюсь, не ящик, — сказал Алексей. — Я с вашего позволения сяду. Как нас нашли?

— По портрету Берии, — пояснил Капустин. — Ваша жена теперь известна на весь Союз. У нее даже в Третьяковской галерее своя экспозиция.

— Умно, — признал Алексей.

— Спасибо, — поклонился Капустин. — Но и без этого вам оставалось недолго бегать. За поиски взялось министерство, а ваши документы они делали сами.

— Что же случилось, если они на это пошли? — поинтересовался Алексей.

— Прямой приказ Вознесенского. Они могли вас прикрыть от меня, если бы я действовал по своей инициативе, но не от первых лиц.

— Сами виноваты, — сказал ему Алексей. — Помниться, я вас спрашивал, кто за вами стоит, но ответа так и не получил. И чего вы хотите сейчас?

— Я должен привезти вас в Москву, разумеется, вместе с женой. У вас есть какие-нибудь сведения о книгах или микро пленки?

— Все-таки раскопали. Раз спрашиваете, значит, сами книг не нашли. Кого кололи, Старостина? Надеюсь, без применения крайних мер?

— За кого вы нас принимаете? — изобразил обиду Капустин. — Он упирался до тех пор, пока не узнал, что мы говорили с Василием Сталиным. Потом рассказал все, что знал. Вы не ответили на мой вопрос.

— А вы — на мой. На кого работаете? Раз, по вашим словам, к работе подключили председателя Совмина, это должен быть Кузнецов. Я прав?

— Правы, — кивнул Капустин.

— Вот с ним я и буду разговаривать. И не стоит мне напоминать мое место, подумайте

лучше о своем. Не все государственные тайны полезны для здоровья.

— А вы сами?

— Послушайте меня, Яков Федорович! Я к этим тайнам не рвался и не упрашивал делать меня их носителем! С каким удовольствием мы с Лидой все сбросили бы со своих плеч!

— И кто же вам не дает их со своих плеч сбросить? Хотите, подставлю свои?

— Сейчас это бесполезный разговор. Выход на книги у меня есть, но об этом я буду разговаривать либо с Кузнецовым, либо с Вознесенским, а лучше сразу с обоими. У вас с собой есть машина?

— У меня с собой три машины. Мы сюда из Москвы ехали своим транспортом.

— Вот и дайте мне одну. Надо съездить за женой и забрать вещи. Если хотите, можете ехать со мной. Всем эскортом туда являться не стоит: уж больно будет смахивать на арест.

— Тяжелый вы человек, Самохин, — вздохнул Капустин. — Ладно, сейчас дам машину. Сколько вам нужно времени?

— С час. Плохо, что в Москве будем ночью. Не могли приехать раньше?

— Ну вы и тип! — покачал головой Капустин. — Выезжая во Владимир, я знал только о портрете, вас еще нужно было найти, а это тоже время.

— Какой есть, — поднялся со стула Алексей. — Вас бы на мое место. Здесь сами уладите дела? Хорошо, тогда давайте машину.

К дому подъехали на сто десятом ЗИСе. Кроме шофера, в нем сидели еще два офицера ГБ.

— Значит, так! — сказал он дернувшимся следом за ним офицерам. — Стоять возле калитки и в дом не входить. Были бы вы в гражданском, куда ни шло, а то хозяйку сейчас напугаете до смерти. Тебя как зовут? Михаил? Вот ты и пойдешь со мной, поможешь с вещами.

Забрав шофера и оставив возле машины недовольных офицеров, он вошел в дом и сказал встретившей его в прихожей хозяйке:

— Съезжаем мы от вас, Ангелина Васильевна! Ничего не поделаешь — вызывают в Москву!

— Лида, нас ждет машина, — сказал он стоявшей за мольбертом жене. — Уезжаем в Москву. Я начинаю собирать вещи, а ты успокой хозяйку. И вот еще что... Если начнет сильно убиваться, спроси, согласна ли будет переехать к нам. Конечно, это при условии, что будет такая возможность. Все поняла? Поговорим потом, а то сейчас сюда примчится толпа офицеров, и тогда Ангелине уж точно будет конец.

Он отдал шоферу два чемодана с летними вещами и бельем, которые они не открывали, а сам стал собирать саквояж. Когда затянул ремни, возвратился шофер и пришла вся заплаканная жена.

— Ты-то чего реवेशь? Лида, сейчас Миша отнесет саквояж, а ты давай переодевайся в дорогу и собирай свои краски. Михаил, скажи, что нам нужно еще минут десять уложить вещи и переодеться. Последний чемодан я как-нибудь донесу сам.

— Она согласна, — сказала Лида, вытирая лицо. — Мы ее действительно возьмем?

— Если будет куда и позволит наше положение. Малыш, шевелись быстрее! Нам еще часов пять ехать. Давай уложу кисти и краски. Картину вместе с мольбертом положим отдельно. Так, я все забираю, иду к машине и жду тебя.

Его появление сопровождающие встретили с видимым облегчением. Уже хорошо.

Значит, не арест, иначе хрен бы кто его слушал. Он положил в багажник последний чемодан, а сверху пристроил мольберт с холстом.

— Нечего вам мерзнуть, — сказал он офицерам. — Садимся в машину и ждем. Сейчас выйдет жена, и поедем.

Через несколько минут Лида вышла, но не одна, ее провожала плачущая хозяйка. У калитки девушка ее поцеловала и выбежала на улицу.

— Садись, — сказал ей открывший дверцу Алексей. — Ну же! Все, поехали.

Когда подъехали к горотделу милиции, в их машину сел Капустин.

— Прекрасно выглядите, — сделал он комплимент Лиде. — Михаил, поезжай за головной машиной. Алексей, могу вас обрадовать: в милиции вы больше не служите. Надеюсь, настоящие документы сохранили? Если хотите, можно восстановить вашу работу в министерстве.

— Там будет видно, — неприязненно ответил Самохин.

Появление Капустина опять круто меняло их жизнь, а к худу или к добру эти перемены, еще предстояло выяснить. Он сохранил самообладание, хотя прекрасно понимал, насколько мало от него сейчас что-либо зависело. Ни о каких условиях с его стороны речи не шло. Стоит им взяться за Лиду, и он сделает все, что потребуют. Ладно, они еще поборются.

— Куда мы едем? — спросил он Капустина. — То, что в Москву, понятно. Куда вы нас определите?

— Переночуете в гостинице ЦК, а где вам жить потом, решать буду уже не я.

С час выбирались из города, после чего смогли увеличить скорость. Еще через час начало темнеть. Вскоре уже ехали при свете фар. Вся дорога заняла немногим больше четырех часов, и потом еще поколесили по Москве, пока не остановились у гостиницы «Октябрьская». Формальности заняли несколько минут, после чего Самохиных проводили в номер и принесли в него вещи.

— Я могу быть уверен в том, что вы до утра никуда не исчезните? — спросил Капустин.

— Я похож на идиота? — сказал Алексей. — Не собираюсь я никуда бежать. Сказали бы тогда, что от Кузнецова, вообще бы никуда не бегали. Не верите — ложитесь в гостиной, там есть где пристроиться.

Сказанное не соответствовало истине, но Алексей прекрасно понимал, что теперь их без присмотра не оставят, и убежать не дадут.

— Как они нас нашли? — спросила Лида, когда их оставили в номере вдвоем.

Номер мог прослушиваться, но ничего страшного в этом Алексей не видел. Пусть слушают, если есть желание.

— Вознесли тебя на вершину славы и устроили выставку картин в Третьяковке. Не веришь? Мне об этом сказал Капустин. Забрали у Светланы портреты, после чего расхвалили во всех газетах и написали, что примут с распростертыми объятиями всех, у кого есть твои работы. Наверное, привели твой автограф.

— Дура! — сказала о себе Лида.

— Ладно, хватит заниматься самобичеванием, — сказал ей Алексей. — Давай ложиться спать. Раз за нас взялось правительство, нашли бы и без твоих картин. В министерстве все равно знали наши новые документы, сами делали. Даже если бы забились в какую-нибудь глушь, только дольше погуляли бы.

— И что теперь?

— Слышала, что сказал Капустин? Завтра будут решать, что с нами делать. Придется

делиться информацией раньше, чем я планировал. Надеюсь, что разговор будет все-таки с первыми лицами, и что я в них не ошибся.

— А если нет?

— А если нет, то пусть этот мир спасает себя сам! — разозлился Алексей. — Что ты себя раньше времени накручиваешь? Мы с тобой сейчас все равно ничего не можем сделать! Можем только надеяться на ум тех, с кем будет разговор. Со Сталиным и Берией договорились, а Кузнецов с Вознесенским должны быть не глупее. Постараюсь их убедить в своей правоте. А ты ложись и спи, пока живот от голода не подвело. Кормить нас сегодня никто не будет. Говорят, здесь куча ресторанов, но все уже закрыты. Можешь помолиться нашему покровителю о ниспослании руководству здравого рассудка.

— Ты это серьезно? — не поверила она.

— Все, ты как хочешь, а я ложусь спать! — сказал Алексей, снимая пиджак.

Когда приезжали за вещами, он сменил милицейскую форму на костюм и снял кобуру с метателем. Лида тоже начала раздеваться, достав перед этим из чемодана халат. Минут через десять они выключили свет и легли в кровати. Дневная нервотрепка, неопределенность положения и нарастающее чувство голода долго не давали заснуть, поэтому они проснулись, когда за окнами уже начало светать.

— Подъем! — скомандовал проснувшийся первым Алексей. — Вставай, соня, уже девятый час. Пока приведешь себя в порядок, пока поедем... Я не думаю, что нам с тобой дадут долго валяться.

Когда они около девяти вышли из номера, в коридоре их уже ждали.

— Далеко собрались? — спросил Капустин, рядом с которым стояли двое крепких мужчин в гражданском.

— Не знаю, как вы, а мы хотим есть! — сказала ему Лида. — Если я сейчас умру от голода, будущие поколения вам этого не простят. Лучше покажите, где здесь общепит, чтобы мы его не искали сами.

— У вас есть в вещах что-нибудь ценное? — спросил Капустин Алексея.

— Только деньги и ордена, — ответил тот. — То, что вас интересует, у меня с собой.

— Все равно в вашем номере подежурят, — сказал он, давая знак одному из своих людей. — Оставьте ему ключи, а сами идите за мной. Сейчас позавтракаете, только попрошу это сделать быстрее: через час нас ждут в Кремле.

Вкусный и сытный завтрак немного поднял настроение.

— Яков Федорович, — обратился к Капустину Алексей, когда вернулись в номер за верхней одеждой. — У меня с собой есть несколько необычное оружие, которое я не рискнул здесь оставить. Но и брать его с собой... Все равно придется сдавать, а охране Кремля его видеть ни к чему.

— Наш человек останется здесь, — сказал Капустин. — Оставьте здесь и свое оружие. Покажите, что оно собой представляет.

— Пожалуйста, — Алексей расстегнул и снял пиджак, после чего освободился от кобуры с метателем. — Вот эта штука, похожая на пистолет. Действует только в моих руках.

— Положите в любой чемодан и быстрее одевайтесь! — поторопил его Капустин. — Нам еще ехать до Кремля, а вам проходить контроль. Возьмите документы и идем.

До назначенного срока они успели, хоть и впритык.

— Подождите в приемной! — сказал заметно нервничавший Капустин. — Вам скажут, когда заходить.

Сам он о чем-то переговорил с секретарем и зашел в кабинет. Через несколько минут пригласили и их. Кроме Кузнецова с Капустиным, в большом и почти пустом помещении никого не было.

— Проходите, товарищи, садитесь! — пригласил их Кузнецов.

Самохины прошли через весь кабинет по красной ковровой дорожке к стульям, которые для них поставили шагах в пяти от стола генсека.

— Я бы хотел, чтобы вы о себе рассказали сами, — продолжил Кузнецов, когда они сели. — Мы о вас слишком мало знаем, чтобы начинать с вопросов.

— Я расскажу, — кивнул Алексей. — Жаль, что меня не послушали, и здесь нет Николая Алексеевича. Его все равно придется во все посвящать. А вот насчет товарища Капустина я в этом так не уверен. Лично против него ничего не имею...

— Яков Федорович вел ваше дело и достаточно много узнал, — перебил его Кузнецов, — и я ему доверяю.

— Как хотите, — пожал плечами Алексей, — тогда слушайте. Помимо обычных вулканов на Земле есть вулканические образования, которые люди назовут супервулканами. Извержение таких вулканов в тысячи раз мощнее обычных. Они бывают раз в сотни тысяч лет и сопровождаются масштабными геологическими и климатическими катастрофами. При этом иной раз гибнет значительная часть всего живого. Когда в две тысячи сорок втором году началось извержение такого вулкана на территории Соединенных Штатов, больше трехсот миллионов американцев погибли в первые же часы. В атмосферу были выброшены тысячи кубических километров пыли, которые превратили день в ночь на много лет. Резко упали температуры, а в большинстве стран прошли дожди из раствора серной кислоты, погубившие и растительность, и животный мир. В последующие годы от голода погибли девять жителей планеты из десяти. До света и тепла дожили очень немногие. Меньше всех пострадали Россия и Австралия. Россия даже приняла часть населения Америки и Европы.

— Мне показалось, или вы специально говорите «Россия», подразумевая не часть СССР, а самостоятельное государство?

— Вам не показалось, Алексей Александрович. Советский Союз в конце века распался на союзные республики, в которых был реставрирован капиталистический строй. Одновременно прекратили существовать социалистические режимы во всех странах Восточной Европы. Строил коммунизм только Китай, но он у них был очень специфический.

— А в чем причина такого распада?

— Крах экономики, вызванный действиями одного из генеральных секретарей, многочисленными ошибками других и непомерными расходами на оборону, которые нас заставили нести. Но этот вариант будущего уже начал меняться. Умер Хрущев, который должен был стать этим секретарем, и очищены руководящие органы партии.

— Значит, смертью Хрущева мы обязаны вам?

— Мне вы обязаны жизнью! — сказал Алексей. — И вы, и Вознесенский. Вас обоих в моей реальности расстреляли после смерти Жданова в рамках так называемого Ленинградского дела в пятидесятом году. А перед этим в течение года пытали и допрашивали. Все было сфабриковано Маленковым и Хрущевым, и, кроме вас, пострадали сотни партийных работников. Сталину подсунули сфабрикованные доказательства вашей вины. Почему он не разобрался и не стал вмешиваться, я не знаю. В книгах об этом ничего не было.

— И что было после развала? — спросил слегка побледневший Кузнецов.

— Распад Союза вызвал разрыв связей между тысячами предприятий, что еще больше усугубило экономический кризис. Ну и Запад нас своим вниманием не обделил. Кроме того, все почему-то сразу забыли о братстве народов. У нас хорошие отношения остались разве что с белорусами. Не буду я вам об этом рассказывать, потом почитаете сами. Скажу только, что после страшных невзгод и невиданного ограбления народа началось восстановление экономической и военной мощи, но прежнего уровня мы так и не достигли.

— Теперь от мировых проблем давайте перейдем к вам. Кто вы?

— Посланцы бога, — улыбнулся Алексей. — Что, не верите? Я тоже не верил ни в бога, ни в черта. В черта я и сейчас не верю, а в отсутствии бога уже сомневаюсь.

— И что дает основание для таких сомнений?

— Путешествия во времени в прошлое принципиально невозможны. Это вывод не современной науки, а той, которая будет через сто лет. И молодость людям возвращать так и не научились.

— А вам, значит, вернули?

— Нас, Алексей Александрович, не только сделали моложе на пятнадцать лет, нам, похоже, вообще убрали старение.

— Это как? — не понял Кузнецов.

— С тех пор, как мы стали молодыми, прошло больше года. В нашем возрасте за год люди заметно меняются. Так вот, у нас этих изменений нет.

— И для чего это по-вашему было сделано? — спросил Кузнецов.

— Я могу только строить предположения, — сказал Алексей. — Судя по тому, что с нами происходит, кто-то не хочет, чтобы итогом развития человечества стали его гибель или вырождение. Сам он по каким-то причинам действовать или не хочет, или не может, поэтому использует нас. Помимо перемещения во времени и молодости, была и помощь другого рода. Нам необыкновенно везло на участливых людей. Похоже, что эта сила их мягко подталкивала проявлять к нам сочувствие и оказывать помощь. Да и мне самому иной раз приходили в голову мысли, скорее всего, навязанные свыше.

— Примеры привести можете?

— В самом начале мне нужно было добраться до Москвы и где-то переночевать. Документов не было никаких, а одет я был в костюм получше вашего. Представили такого типа, бегущего поздно вечером по обочине дороги в Москву? Возле меня тормознула машина с военными, которые без разговоров подвезли до города, а один из офицеров отдал ключи от своей квартиры, чтобы я мог переночевать. Пусть он хороший человек, а в квартире давно не было ничего ценного, все равно поступок нехарактерный. Когда меня забросило в будущее, большую помощь оказал один историк. Он скептически отнесся к моему рассказу, но тем не менее помог, причем дал мне не только информацию, которую я у него просил, но и книги по вашему времени. У меня не было никаких оснований считать, что вернусь обратно в прошлое, но меня словно кто-то подталкивал под руку, заставляя изучать историю и готовить микрофильмы с книг.

— Что-то я не понял, — сказал Кузнецов. — О каком будущем вы говорите?

— Об этом я еще не рассказывал. Я сам жил еще в Советском Союзе и был перенесен из семьдесят восьмого года в две тысячи шестьдесят пятый. Там уже узнал и о развале Союза, и обо всем, что было дальше. И фильмы смотрел, и в книгах об этом читал. А Лида сама из того времени. Мы там поженились и с тех пор вместе.

— Кем вы были в своем времени? — спросил Кузнецов.

— Я был офицером Главного разведывательного управления Генерального штаба, а Лида — дочерью одного из крупных промышленников. По настоянию отца окончила Промышленный университет и пару лет проработала директором одного из его заводов. Потом бросила.

— Почему?

— Я была у отца единственным ребенком, — пояснила Лида, — а ему надо было кому-то все оставлять. Мужа у меня не было, детей — тоже, оставалась я сама. Но это не мое, хоть работала вроде неплохо. Я хотела рисовать, но в мое время это уже никому не было нужно.

— Насколько богат был ваш отец?

— Он входил в первую десятку олигархов России. А к чему этот вопрос? Той жизни уже нет и никогда не будет. Он, кстати, знал, что если у Алексея все получится, его мир исчезнет, и все равно помог. Если бы не эта помощь, нас бы здесь не было.

— Расскажите о книгах.

— Книг несколько, — начал Алексей, доставая пакет с микрофишами. — Четыре из них описывают жизнь четырех Генеральных секретарей партии. Фактически в них описана

история СССР до конца века. Понятно, что дается и описание самых значимых событий в мире. Даже если наша история пойдет совсем по-другому, многое в мире повторится. И это будут не только такие природные явления, как засухи или наводнения, но и социальные изменения в самых разных странах. Поэтому книги по-прежнему представляют ценность. В пятой книге собрана информация по американскому супервулкану. Вам не все в них будет понятно. Мне пришлось для Сталина делать комментарии, отвечать на его вопросы и объяснять значения новых слов.

— Почти все эти записи сохранились, — сказал Кузнецов, — а вот сами книги мы так и не нашли. Непонятно, почему такой предусмотрительный человек, как Берия, ничего нам о них не сказал.

— У меня на этот счет есть предположение, — сказал Алексей. — У Берии книг просто не было. Он лишь прочитал их в Кунцево. Сталин наверняка передал бы книги Берии, если бы не внезапная смерть. Он знал, что в моей реальности умер в пятьдесят третьем году, поэтому и не торопился с передачей книг. Почему он прожил меньше, я не знаю. Я отдаю вам микрофиши, но прошу после снятия копий мне их вернуть.

— Зачем они вам? — удивился Кузнецов. — Вы всю информацию передали нам. Теперь это будет делом правительства.

— Давайте я попробую объяснить, — сказал Алексей. — Эти книги нельзя размножать и отдавать в работу многим. Знать о них и ими пользоваться могут лишь единицы, в первую очередь это вы, Вознесенский и, возможно, два-три ваших ближайших помощника. Я прав?

— Скорее всего, так и будет.

— Пятую книгу я бы не показывал вообще никому, кроме вас и Николая Алексеевича. Почему — сейчас поймете, но прежде поговорим о другом. Я уже один раз все отдавал в руки государства в лице товарища Сталина. И где это все? Если бы я не оказался предусмотрительным и не захватил второй комплект фотокопий, вам бы сейчас пришлось верить мне на слово. Вам должно быть понятно, что если бы я заявился к Сталину и начал ему объяснять такие вещи на словах, то быстро попал бы к товарищу Абакумову, да не на ковер, а в подвал. В более поздние времена таких сажали в психушку. Сейчас у власти нормальное руководство, почищена партия и взяты под контроль органы, но вы не можете дать гарантии, что так будет всегда. Природа у человека такая, что пока существует власть, люди будут продолжать за нее бороться. Кто будет на вашем месте через десять или двадцать лет? Меня не интересуют книги о генсеках, это просто доказательный довесок к пятой книге. Что бы ни делало человечество, в положенный час разразится катастрофа, и у нас есть все шансы к ней подготовиться. И не в спешке, что чревато большими потерями, а за сотню лет. Это даст нам возможность сохранить свое население и выбрать тех беженцев из других стран, которые окажутся полезными. А когда через пятнадцать-двадцать лет климат начнет возвращаться к исходному, перед нами окажется почти свободная от людей планета. Мы можем спасти даже часть растительного и животного мира, погибшего в катастрофе, и позже восполнить потери.

— А предупредить американцев не хотите?

— И не подумаю. Поймите, собрать жизненные ресурсы, чтобы кормить население Земли двадцать лет, все равно не получится. Если те же американцы начнут готовиться к катастрофе, они это будут делать в значительной мере за счет других. А об Америке и американцах я вам расскажу тогда, когда прочитаете книги. Сейчас вы мне все равно не поверите. Даже если бы у меня была возможность их спасти, я бы не стал этого делать.

Отдельных американцев спас бы, всю нацию — нет. То же касается и многих стран Европы, в первую очередь Западной. Врагов спасают только блаженные. И мы им поводов к вражде не давали.

— Вы у нас, получается, будете вроде хранителей тайны? — сказал Кузнецов. — Даже если все так, как вы говорите, я не могу отдать такие материалы постороннему человеку, пусть вас выбрал хоть сам Господь Бог!

— Если хотите, можно сделать по-другому, — предложил Алексей. — В России была одна служба в ранге министерства. Название у него было длинное — министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Поэтому в ходу было сокращение — МЧС. Это была военизированная организация, в которую входили пожарные, спасатели и работники гражданской обороны, обеспечивающие живучесть населения в войнах с применением оружия массового поражения. Можно создать что-то подобное в ранге комитета при Совете министров. Пусть занимается землетрясениями, пожарами и другими бедствиями и потихоньку готовится к Судному дню. Сейчас рано проводить какие-то масштабные мероприятия. Слишком много должно пройти времени, да и возможности государства пока ограничены. Хватит и того, что будем строить реакторы, которые в будущем помогут выжить. Позже, по мере роста возможностей, займемся строительством необходимых подземных производств, закладкой в зоне вечной мерзлоты складов с продовольствием, ну и многим другим. Я думаю, для меня там найдется работа. Заодно буду хранить микрофиши.

— Старостин говорил о каком-то приборе связи, — сказал Кузнецов. — Вы можете его продемонстрировать?

— Если заработает, — пожал плечами Алексей. — Понятия не имею, насколько разряжены накопители. Коммуникаторы у нас с собой.

Он вызвал Лиду, и она тоже включила связь. Их голографические изображения возникли на несколько секунд, потом замерцали и исчезли.

— Сдохли, — констатировала Лида. — Жаль.

— Значит, сделаем так! — решил Кузнецов. — Сейчас вам определяют место для проживания. Перемещаться за его пределы пока будете под охраной. Это не из-за недоверия к вам, а просто мера предосторожности. Позже прикрепим машину. Нам с вами еще долго работать, так что с вашей службой определимся позже. Пока обживайте квартиру. И составьте пояснительную записку по предлагаемому вами комитету. Его состав, задачи и необходимые средства.

— Сейчас я вас отведу в мой кабинет, — сказал Капустин Самохиным, когда они попрощались с Кузнецовым и вышли в приемную. — Подождете там, пока я договорюсь насчет квартиры. Как у вас дела с деньгами? Спрашиваю потому, что, скорее всего, мебели в квартире не будет. Я могу достать для вас казенную, только стоит ли? Вам там жить долго.

— Хватит у нас денег, — ответил Алексей. — Только организуйте машину и людей. Вы правы: казенная мебель нам не нужна. Да и, помимо мебели, нужно много чего покупать. Мы все оставили, когда уезжали, взяли только одежду и обувь.

Они спустились на один этаж и прошли в конец коридора. Капустин открыл дверь кабинета и пропустил их внутрь. Он сделал несколько телефонных звонков, после чего сообщил им о результатах.

— Нашел вам трехкомнатную квартиру на Арбате. Освободилась на днях на Поварской

улице. Одна комната совсем небольшая, зато две другие очень просторные. Сказали, что даже осталась мебель.

— А куда делись хозяева? — спросила Лида.

— Ничего такого, о чем вы сейчас подумали, Лидия Владимировна, там не было, — усмехнулся Капустин. — Жила семейная пара лет под восемьдесят. На днях старик похоронил жену, а наутро умер сам. В этой истории странно, почему их не уплотнили, но это уже неважно. Сейчас поедем в гостиницу за вашими вещами, а потом на квартиру. Домоуправ нас будет ждать. Посмотрите, может быть, вас по первому времени и их мебель устроит. Говорят, что близких родственников у прежних жильцов не осталось.

Дом был явно еще дореволюционной постройки. Просторная прихожая, высоченные потолки и даже камин в одной из комнат, красиво украшенный изразцами. Сами комнаты тоже были просторными. Их размеры не сильно скрадывала громоздкая, но красиво сделанная старинная мебель. Были даже два ковра на стенах, и один лежал на полу в гостиной.

— Вовремя успели, — сказал Капустин и пояснил. — Обычно в случаях, подобных этому, все ценное из квартир быстро растаскивают, а здесь даже сабли на ковре сохранились. А обстановка богатая, видно, непростые старики здесь жили. Смотрите сами, что будем менять. Я этим с вами, естественно, заниматься не буду, пришлю людей.

— Знаете что, Яков Федорович, — сказал ему Алексей. — Давайте не будем с этим спешить. Мы здесь все хорошо осмотрим, а уже потом решим. В любом случае это не горит. А вот легковую машину завтра пришлите. Наверняка придется покупать разную мелочевку или продукты. К вам будет просьба. Не сейчас, а где-то через месяц, привезти из Владимира хозяйку дома, который мы там снимали. Адрес я скажу.

— Зачем она вам сдалась? — удивился Капустин.

— Она одинокая женщина и привязалась к жене, как к дочери. Когда уезжали, мы обещали, если будет такая возможность, забрать ее к себе. Сейчас возможность появилась. И ей не будет так тоскливо, и Лиде с готовкой не возиться.

— Хорошо, — кивнул он. — Скажете, когда привозить. Машину я вам на завтра обеспечу, остался телефон.

— А это не он подключался? — спросил Алексей, показывая на обрезанный кусок телефонного провода в прихожей.

— Все-таки сперли! — с досадой сказал Капустин. — Хорошо, что есть линия. Товарищ! Подойдите сюда!

— К вашим услугам! — подскочил к секретарю невысокий, полный домоуправ.

— Услуга от вас потребуется только одна! — сверля его взглядом, сказал Капустин. — Чтобы через час здесь стоял телефонный аппарат! Не найдете тот, который отсюда украли, поставите свой! Где второй комплект ключей? Давайте сюда. Здесь вы больше не нужны, идите заниматься телефоном. Алексей, я ухожу, а позже узнаю ваш номер и позвоню. Сами по городу не мотайтесь. Видели на углу столовую? Вот в нее можете ходить без охраны, больше никуда! Мне говорили, что у вас остался пистолет.

— Есть тот, который выдавали в министерстве.

— Вот и прекрасно. Я не смогу вам уделять много времени, у меня своя работа. Завтра подойдет прикрепленный сотрудник, с которым будете решать все дела. Скажите ему номер ствола, и он оформит удостоверение. И чтобы без оружия не выходили. Это и вас касается, Лидия Владимировна. Подарок товарища Сталина еще не потеряли? Пользоваться умеете?

— Не потеряла, — ответила Лида. — И пользоваться могу, даже есть разрешение. Только кобуры нет.

— Все вопросы завтра к тому, кто придет. Да, завтра же, часов в одиннадцать, перед тем как прислать машину, пришлют слесаря. Он вам поменяет замки во входной двери. Оружие из будущего у вас заберут. Начнете работать — вернут. Хранить его будете в служебном сейфе, квартира для этого не годится.

Он уехал, а они сели на огромный диван в гостиной и посмотрели друг на друга.

— Очередная квартира! — сказала Лида. — Станет ли она по-настоящему нашей? Или и из нее придется уходить? А ты еще хочешь привезти сюда Ангелину!

— А ты не хочешь? Я ведь потому и не спешу, чтобы определиться с положением. Надо ей будет передать денег. Пусть заплатит соседям, чтобы присмотрели за домом. Ей здесь будет гораздо лучше, а тебе не стоять у плиты. Известная художница должна творить, а не печь булочки, пусть даже с ванилью. И спальня для нее есть. Пойдем хорошенько посмотрим свою. Мебель здесь старомодная, но красивая и добротная, поэтому нечего, я думаю, ее менять. А вот кровать нужно посмотреть. И часть домашней утвари нужно будет заменить. Сегодня составь список, а то заниматься этим завтра будет некогда. И ненужные нам вещи стариков нужно будет кому-то отдать или просто вынести во двор. Кому надо, заберут.

Они с полчаса осматривали содержимое комода и двух шкафов, когда постучали в дверь.

— Вы сами сможете его подключить? — спросил домоуправ, протягивая Алексею телефонный аппарат. — Моя вина: не уследил, а соседи унесли. Больше ничего не нужно? Ну тогда я побежал!

Когда они уже определились с вещами, отложив целую кучу на отдачу, зазвонил подключенный Алексеем телефон, и звонивший Капустин продиктовал их номер. После этого сообщил свои номера для рабочего и домашнего телефонов и отключился.

— Вещи я вынесу позже, — сказал жене Алексей, — а сейчас вооружаемся и идем в столовую. Пообедаем, а заодно и поужинаем. Плохо, что нет холодильников и первый этаж. Был бы балкон, можно было бы хранить продукты и меньше мотаться по магазинам.

Столовая находилась рядом, большой очереди в это время не было, и поели очень хорошо. Проголодались, конечно, за полдня, но и готовили здесь вкусно.

— Всего два с половиной года прошло с тех пор, как мы сюда попали, а снабжение продовольствием заметно улучшилось, — сказал на обратном пути Алексей. — И не только в Москве, во Владимире тоже. Мы-то заметить не успели, но я у ребят спрашивал. Понятно, что из хороших продуктов и готовка вкуснее. Я думаю, будем ходить кушать сюда.

Когда пришли домой, он в два приема вынес вещи стариков во двор и сложил все на лавочку, предварительно смахнув с нее снег. После этого Лида занялась уборкой, а Алексей менял ей воду в ведре и вытирал пыль там, где она сама не доставала.

— Хватит! — наконец сказал он, отбирая у нее тряпку. — Отдохни, и так все блесит. Позже разложим вещи, а сейчас я займусь кроватью. Застелем ее gobеленом, поменяем белье, а завтра купим новые одеяла. Список покупок составила? Значит, будем отдыхать.

Через час они уже легли в кровать и Алексей, притянув к себе жену, поцеловал ее в губы.

— Леш, — задыхаясь после поцелуя, сказала она. — А если квартиру прослушивают, а я начну...

— Вряд ли, — ответил он. — А если слушают, черт с ними! Пусть завидуют!

Говорят, что на новом месте плохо спиться. Самохины этого не заметили. После долгих ласк и бурного финала они быстро заснули и проспали до рассвета. После подъема привели себя в порядок и до прихода слесаря успели сходить позавтракать. Сразу же, как только он заменил оба замка, приехал порученец Капустина.

— Сергей Анатольевич Вехлин, — представился он, показывая заодно свое удостоверение. — Майор. Временно прикрепили к вам. Есть какие-то проблемы?

— Я вас видел в министерстве, — сказал ему Алексей. — Заходите в комнату. Может быть, обойдемся одними именами? Мы с вами в одном звании, я от своего, правда, отказался.

— Не имею ничего против, — ответил Вехлин, заходя в гостиную. — Здравствуйте, Лидия Владимировна.

— Тогда и я для вас просто Лида, — улыбнулась ему Самохина. — У нас, Сергей, по вашей части пока вопросов нет. Разве что найти мне кобуру для этого красавца.

Она протянула ему свой пистолет.

— «Вальтер—ППК», — он прочитал дарственную надпись Сталина и почтительно вернул ей оружие. — Сегодня же сделаю. Номер вашего ствола, Алексей?

— Держите, — Самохин передал ему лист бумаги. — А это оружие, которое до времени нужно припрятать. Ни стрелять, ни разобрать ни у кого, кроме меня, не получится. Машина у нас есть?

— Да, я вам оставлю ту, на которой приехал. Подбросите меня, а потом пользуйтесь.

По магазинам ездили полдня, но купили все, что было в списке, и многое из того, что Лида забыла в него внести. Дома долго раскладывали покупки, а потом пошли обедать.

— Иди дорисовывать свою Ангелину, — сказал Алексей жене, когда вернулись домой, — а я начну работать над пояснительной запиской для Кузнецова. Вообще-то, не делается такая работа на дому. Хотя я у них нигде не числюсь и грифов на свою записку ставить не собираюсь, надо будет завтра потребовать у Сергея сейф.

За пару часов работы черновик пояснительной записки был готов. Алексей потратил еще минут двадцать, переписывая ее начисто, потом вложил в заранее купленный конверт, заклеил и подписал адресат. Конверт был вручен на следующее утро Вехлину, который приехал в одиннадцать и привез Лиде кобуру.

— Передам, — сказал Сергей о конверте. — Держите свое удостоверение. Чем сегодня думаете заниматься? Машина нужна?

— Черт его знает, — сказал Алексей. — Задание я выполнил, а другой работы пока нет. И жена не будет весь день стоять за мольбертом. Достали бы вы, что ли, хоть билеты в какой-нибудь театр? А то мы уже два года трудимся, как заведенные, и ни разу никуда не выбрались.

— Впечатляет! — сказал Вознесенский. — Я прочел все четыре книги. Первая читается легче других. Почти все понятно, и в пояснения лазить не нужно. Если правда то, что в ней написано, мы с тобой им действительно обязаны жизнью, да и все остальные пострадали бы из-за этой сволочи. Ты знаешь, я Лаврентия недолюбливал, хоть он мне помог подняться. Но после прочитанного на многое начинаешь смотреть другими глазами. Без чистки руководства все так и закончилось бы, как описано в твоих книгах. И Сталин Берию только поддерживал, всю грязную работу он проделал сам.

— Убедился?

— На липу не похоже. Уйма фотографий, которые пуп надорвешь подделывать, да и фантазии на написанное ни у кого не хватит. А если еще работала их связь... Все это слишком сложно для чьей-то игры. И потом у него ведь не только эти книги были, ученые от них тоже немало получили.

— Была еще одна книга, которую я тебе пока не давал.

— И в чем причина?

— Понимаешь, первые четыре книги, несмотря на изменения в истории, содержат много полезного. Полезного для нас с тобой и для тех, кто будет на нашем месте в этом столетии. А вот последняя не дает в этом плане никаких преимуществ, но позволит нашим потомкам собрать все человечество в одном государстве. Точнее, его остатки. Через сто лет разразится страшная катастрофа, после которой уцелеет только каждый десятый житель Земли. Если к ней как следует подготовиться, можно сохранить свое население и получить для него почти пустой от людей мир. Так вот истинная цель Самохина и того, кто его послал, как раз и состоит в том, чтобы сделать нас инструментом объединения и основой нового человечества. Не дать развалиться СССР, сделать его сильнее других и подготовить к катастрофе. Стоит об этом узнать другим, и в следующем веке разгорится такая битва за ресурсы, что выживших не будет совсем. Дело в том, что Соединенные Штаты должны погибнуть. Погибнет почти четыреста миллионов американцев, а их территория станет непригодна для проживания. А мир в то время будет уже достаточно плотно заселен. Исключением будет только наша страна. Догадываешься, к чему это приведет?

— И кто же это послал Самохина?

— Он считает, что это некто вроде бога.

— Ты что, серьезно? Он, часом, не свихнулся от всех передраг?

— Исключительно здравомыслящий молодой человек. Действительно молодой, больше восемнадцати не дашь, хотя здоровый, как лось. И похоже, что они с женой такими молодыми и останутся. Самохин считает, что это не подарок, а средство дожить до катастрофы и сделать все, что от них требуется. А мы с тобой убедимся, прав он или нет. Нужно только подождать лет пять и посмотреть на их внешний вид. Он мне много чего говорил, пересказывать не буду, пушу запись, а ты послушай.

Он включил воспроизведение и они оба минут двадцать слушали записанный разговор.

— Возьми пятую книгу, — сказал Кузнецов, передавая Вознесенскому тонкую сшивку фотографий. — А это рассуждения Самохина по поводу нового комитета. Почитай, я думаю, его создание будет нелишним. Самохину его, конечно, не доверим, но поручить ему отдел можно. Пусть работает на будущее. И эти... микрофиши отдам ему на сохранение. В том, что он говорит, есть резон. Почитай, обдумай, потом обсудим. И нужно еще очертить круг работников, которых полезно будет частично посвятить в историю с книгами. Конечно, ни о Самохиных, ни о пятой книге никто ничего знать не должен. Если создадим комитет, в курсе будет только его руководитель.

— Ты с этим Алексеем уже несколько раз общался. Как он тебе? — с интересом спросил Вознесенский, укладывая все в портфель.

— С ним интересно, — задумчиво сказал Кузнецов. — Одно дело читать краткие выжимки, изложенные в виде книг, другое — говорить с тем, кто жил в те времена, которые в них описаны. Он очень много знает, а кое-что испытал на собственной шкуре. Если не давить авторитетом, он говорит то, что думает, и неплохо аргументирует свое мнение. Так он категорически против того, чтобы экономическая выгода приносилась в жертву

политическим интересам. В отдельных случаях и очень ненадолго друзьям можно пойти на уступки, но это не должно становиться системой. Помогать нужно, но нужно брать за свою помощь достойную цену. Друзья, которых нужно подкармливать, для него ничем не лучше врагов. И в книгах мы с тобой прочитали, чем оборачивается такая дружба. Он настаивает, что все ресурсы государства должны быть направлены на внутренние нужды. Если мы станем сильнее других, если наш народ будет жить лучше остальных, то никакой пропаганды коммунизма не потребуется. Я с ним не во всем согласен, но кое в чем он меня убедил.

— И в чем же? — спросил Вознесенский.

— Помнишь, была дискуссия о возможной продаже технологии новых реакторов? Не сейчас, а лет через двадцать. Мы, мол, себе обеспечим первенство, а потом еще подработаем на патентах. Иначе они все равно до всего дойдут сами.

— Помню, конечно. Я тогда сказал, что это несвоевременный разговор. Пройдут эти двадцать лет, тогда будет видно.

— Он утверждает, что подобное было бы большой ошибкой. Весь цикл производства и сборки реакторов хорошо прикрыт, поэтому что-то узнать очень сложно. То же связано и с накопителями. И там все гораздо сложнее. Реакторы и накопители очень скоро позволят неузнаваемо изменить армию, транспорт, производство, в том числе и сельскохозяйственное, и быт населения. Никакая газификация, например, не будет нужна. Протянуть линию электропередачи, это не тянуть газопровод с его подстанциями. А вот нашим друзьям и на Запад газ поставлять нужно. Это и источник валютных поступлений и политический рычаг. Ну об этом тоже читали. Если отдать наши секреты, этот газ никому не будет нужен. И отношение к нам будет соответствующее. Хотя сейчас, когда мы вырвемся вперед, недовольства будет много.

— Плевать! — сказал Вознесенский. — Танк на накопителях идет до тысячи километров. Не нужны заправщики и привязка к базам снабжения. У них же не только двигатели электрические, уже есть наработки по электромагнитной пушке и боевым лазерам. И попробуй его поджечь! Конечно, если повредить накопители, от танка мало что останется, но они так прикрыты, что сделать это очень сложно. И такой выигрыш почти во всем. Есть сложности в переводе на электричество реактивной авиации, но конструкторы утверждают, что это дело времени. А после армии возьмемся за гражданский транспорт. Электромобиль меньше обычного авто, гораздо дешевле и не отравляет воздух. Делиться этим с кем-то? Спасибо, я читал, как все вооружения, которыми мы снабжали союзников, потом использовались НАТО. Нам хоть кто-нибудь что-то дал, чем-нибудь поделился? Сами копировали с их образцов. Так что Самохин прав: будем сильными, и ни одна собака не гавкнет. Американцев не больно-то кусали, а у наших все пятки были обгрызены, хотя мы давали для этого гораздо меньше поводов. Нам бы только быстрее восстановить экономику, тогда мы очень многих сможем удивить.

— Можешь меня поздравить, — сказал Алексей, не дожидаясь вопроса жены. — Теперь я начальник Управления продовольственных резервов и один из четырех замов нашего министра.

— Все-таки министерство, не комитет? — спросила Лида. — И чем ты будешь официально заниматься?

— Решили, что лучше создать министерство. А заниматься буду продовольствием. Нужно создать продовольственные резервы на случай стихийных бедствий и ядерных войн.

А если таких войн не случится, съедят в следующем веке. В мое время такие резервы тоже были, правда, не в тех объемах, в каких нужно нам. Хранили продовольствие, а когда хранить было уже нельзя, пускали в продажу, заменяя свежим. Нас такая система не устраивает — слишком много мороки, а с нашими будущими объемами это вообще нереально.

— Ты же сам говорил, что заниматься продовольствием еще рано.

— Им рано заниматься для катастрофы после взрыва. Мы с тобой сильно поменяли всю историю. У нас атомных войн не было, сейчас я их возможности не исключаю. И стихийные бедствия никуда не денутся, например, засуха в семьдесят втором. Так что продовольствие будем по мере возможности собирать. В первую очередь — это зерно. Но будем работать и на перспективу. Нужно озадачить ученых вопросом длительного хранения продуктов в условиях вечной мерзлоты. С зерном больших проблем нет, а вот мясо, рыба и жиры... Я этим никогда не занимался и не специалист, но уверен, что проблем будет много. Положи в морозилку холодильника кусок мяса или рыбы, а потом попробуй из него что-нибудь приготовить через несколько лет. Съешь, конечно, если не будет ничего другого, но в морозилке больше десяти градусов и мясо не хранится пятьдесят лет. В вечной мерзлоте, насколько я помню, не такие уж низкие температуры. Просто так мясо не положишь, оно успеет подпортиться раньше, чем полностью промерзнет. Даже если закладывать уже замороженное, с ним перед этим нужно что-то делать. Вот пусть ученые и подумают, что именно. И с самой мерзлотой нужно разобраться и найти подходящие места, близкие к транспортным магистралям. Промышленным выращиванием грибов в пещерах можно будет заняться уже лет через пятнадцать. Подвести электричество, и вперед!

— Все так просто? — усомнилась Лида.

— Конечно, нет, — он обнял жену. — Нет людей, нет опыта, пока нет вообще ничего, но есть твой муж! Так что, даешь грибы! Хлореллой пока заниматься не будем, кормами из нефти — тоже. Всему свое время.

— Что, людей совсем нет?

— Ну почему совсем? Из Министерства внутренних дел перейдут люди, которые занимались пожарной охраной, Пономаренко передает мне несколько своих спецов из министерства заготовок, кое-кого отрываем у Федотова и других министров. Но остальные штаты придется заполнять самим. Деньги выделены, помещения и транспорт уже тоже есть, осталось найти нужных специалистов. Этим и буду заниматься в первую очередь. А как дела у тебя? Портрет Ангелины в музей отвезла?

— Отвезла. Приняли и тут же при мне повесили рядом с остальными картинами. Ты знаешь, ведь возле них все время полно людей. И смотрят не только на портрет Сталина, но и на все остальное. Повесили портрет Ангелины, так народа еще больше набежало. И это Третьяковка! Они смотрели на картины, а я смотрела на них и думала, насколько эти люди отличаются от тех, кого мы оставили в моем времени. Конечно, не все у нас были дерьмом и не все здесь ангелы, но разницу чувствуешь сразу. Здесь люди живут, там они существовали.

— Ты еще не решила, что будешь рисовать? Тогда мой тебе совет: нарисуй себя. Я не шучу. Если бы во мне была хоть капля твоего таланта, я бы вообще рисовал только тебя. Люди всегда стремились запечатлеть красоту, а ты ею наделена в избытке, и телесной, и духовной.

— И когда же ты все это рассмотрел? Неужели сразу, как познакомились?

— Сразу я увидел только красивую перепуганную женщину, — засмеялся муж, — потом

холеную светскую стерву, а все остальное...

— Я не могла себе позволить такую роскошь — быть самой собой. Во всем мире был лишь один близкий человек — это отец, но он мало уделял мне внимания. Близких подруг не было, так, приятельницы. За все в жизни нужно платить, пришлось и мне заплатить одиночеством за миллиарды отца. Думаешь, что я в тебя так вцепилась? Видел, какие меня окружали мужчины? И на тусовках у подруг они все были ничем не лучше. А в тебе я сразу почувствовала, помимо силы, еще внутреннюю чистоту! Я видела, что тебе не нужна и боролась за тебя, как могла! Сначала была только постель, потом я поняла, что просто не могу тебя отпустить. Что ты уйдешь, и для меня все кончится. Все случилось как-то быстро, я не могла этому противиться, да и не хотела. Как ты думаешь, это не он нас толкнул друг к другу?

— А если даже и так? — Алексей с нежностью посмотрел ей в глаза. — Что это меняет? Какая разница, чем вызвана любовь, если она уже есть? Любовь к тебе придает мне силы, заставляет бороться за будущее. Возможно, будь я один, плюнул бы на все и постарался просто лучше устроиться в жизни. Так что, может быть, ты права, но для меня это не имеет никакого значения.

— Лида, подойди сюда! — попросил Алексей. — Американцы запустили свой реактор!

— Не хочу, — отозвалась жена, которая работала за мольбертом в соседней комнате. — Это было ожидаемо, что они могут сказать интересного? С союзниками поделятся?

— Не хочешь идти — не иди. Подожди тогда, пока я просмотрю новости, а потом скажу. Незачем нам перекрикиваться.

Алексей еще десять минут смотрел телевизор, потом его выключил и пошел в маленькую комнату, в которой жена устроила себе мастерскую.

— Реактор у них потянул на три миллиона, — сказал он, усаживаясь в кресло. — Следующий будут делать мощнее. А с европейцами поделятся, это и к бабке ходить не надо. Ради того чтобы грохнуть наш газовый бизнес и оторвать от трубы Западную Европу, можно и союзникам помочь. Только без газа они все равно еще лет десять не обойдутся, а потом перекроем трубы. Газ и самим пригодится. Ты сегодняшнюю газету читала?

— Не буду я ее читать, — сказала Лида. — Вон она на столике лежит, можешь взять. Там же и вчерашняя, которую ты тоже не смотрел. Только, прежде чем браться за газеты, рассказал бы хоть, как у вас идут дела, а то ты в последнее время стал неразговорчивый. Будто и нет в доме мужа.

— Надоело мне все, Лидочка! — сказал он жене. — Покупаем продовольствие, роем землю, как кроты, и все прячем. Дело давно запущено и делается фактически без моего участия. Так, вожу рукой. Подземные производства сейчас строят другие, и слава богу! Мне и грибы уже давно в печенках сидят! А производство БВК из нефти отдали Комитету по кормам. Со следующего года начнем заниматься хлореллой, но кому поручат, пока не ясно.

— И это говорит мой муж! — делано возмутилась Лида. — Знаешь, как тебя называют в министерстве?

— Знаю! — буркнул он. — Вечный Алекс. Ну и что? Знаешь, как уже надоел этот грим?

— Мне, что ли, поплакаться? — рассердилась Лида, бросая работу. — Ты думаешь, мне ничего не надоело? Регулярно закрашивать несуществующую седину, делать морщины и председательствовать в Союзе Художников! Некрологи эти бесконечные! В последнее время я себя даже за кисти заставляю браться! И я все это терплю из-за тебя и твоего дурацкого бога, который лишил меня радости быть матерью! Зачем мне вечная молодость, которую приходится скрывать от людей, если за нее нужно платить такую цену? Я хотела взять ребенка из детского дома! Напомнить, что ты мне тогда сказал? Ты остался молод телом, но ведешь себя, как старый дед! Когда мы с тобой были близки в последний раз? Или тебе и постельная работа уже надоела? Конечно! Столько телодвижений и без малейшего результата. А то, что мне нужно твое тепло и хоть капелька радости, уже не в счет? Ты мне когда-то говорил, что любовь ко мне придает тебе силы. Сейчас ты жалуешься на то, что этих сил у тебя больше нет! Значит, нет и любви?

— Что ты такое говоришь! — Алексей вскочил и обнял дернувшуюся жену. — Прости дурака! Как любил, так и люблю, но мне стало казаться, что ты меня сторонись. И еще чувство вины...

— Точно дурак! — она уткнулась ему в грудь и неожиданно сказала то, что говорить не собиралась. — Леша, Старостин умер. Мне Галя звонила три дня назад, когда ты был в командировке. Обширный инфаркт. Его уже похоронили. Не хотела тебя расстраивать...

— Ладно, — он погладил ее волосы. — Я уже к этому стал привыкать. Пройдет еще лет десять, и не останется никого из тех, с кем я начинал, а нам тогда никакой грим не поможет. Хотя многие уже просто привыкли, что руководство приходит и уходит, а Самохины остаются.

— Недавно видела Кузнецова, — сказала Лида. — Старенький стал и ходит с палочкой. Ему год назад исполнилось восемьдесят. Еще пошутил, что его стараниями тебя все председатели Совмина передают своим преемникам, как символ власти.

— Не меня, а книги, — невесело усмехнулся Алексей. — Раньше они были при мне, а теперь я при них. И министерство на меня спихнули после того как похоронили трех министров, наверное, для того чтобы больше не тратиться на похороны. Я тебе тоже не хотел кое о чем говорить, чтобы не расстраивать. Еще это испортило настроение. Мне сообщили, что нами всерьез заинтересовались на Западе. Информация пришла от англичан, но где англичане, там и американцы. Так что и мне, и тебе увеличивают охрану.

— Да, это паршиво, — согласилась Лида. — Мне и одного телохранителя было выше крыши, тем более что и шофер вооружен. Что этих сволочей привлекло, наш возраст?

— Наверное, — сказал Алексей. — Да и о моем особом положении в правительстве слишком многим известно, хотя причин этого никто, кроме первых лиц, не знает.

— У меня и так почти не было настроения работать, а теперь оно пропало окончательно, — сказала Лида, откладывая кисти. — Сейчас недельное обозрение новостей. Иди включать телевизор. Посижу с тобой и посмотрю, что делается в мире.

Они прошли в гостиную, где Алексей включил телевизор и пододвинул для жены второе кресло.

— Американцы вчера запустили очередной пилотируемый корабль к своей станции, — сказала она мужу. — Пока не началось обозрение, скажи, что там с нашими кораблями. Уже два года никуда не летаем.

— И пока не полетим, — ответил он. — Спутники для разведки, связи и метеорологов запускаем, а пилотируемые полеты — это слишком дорогое удовольствие, которое почти не дает отдачи. Вот закончим с ядерным двигателем, тогда можно будет летать, а химия — это несерьезно.

— И сколько вам с ним еще возиться? — с иронией спросила Лида. — Даже до взрыва никаких подвижек с этим не было. Только слабые реакторы для плазменных двигателей.

— У нас тоже будет для плазменных, только мощность раз в пятьдесят больше, ну и ресурс гораздо больше. Но работы там еще лет на десять. Все, начали обозрение.

Они замолчали и с полчаса слушали выступление политического обозревателя, прерываемое показом коротких роликов.

— Все то же самое, — сказала Лида, когда он закончил. — Повсюду собачатся. Войны и в Азии, и в Африке. В Израиле террорист-смертник на машине врезался в автобус. Это уже второй за неделю. Здесь хоть ехали солдаты, а не дети. Опять наши на Кубе сбили американский самолет. Какой уже по счету?

— А я знаю? — пожал плечами Алексей. — Американцы, наверное, сами им счет потеряли. Самолеты радиоуправляемые, долго ли их наделать? Смысла в таких полетах нет, разве что трепать всем нервы. И так с помощью спутников все прекрасно видно.

Американцы — ерунда, меня больше Китай беспокоит. Слава богу, мы им не помогали с атомом, но два года назад они все-таки взорвали свою бомбу. Почти двадцать лет выгадали, но время нарастить ядерные арсеналы у них все равно будет. Способная нация, жаль только что неуживчивая. После того как получили от нас по носу, переключились на Индию и Вьетнам.

— Леш, а для чего нам столько реакторов? Уже на вторую сотню пошли. И объявляли, что в планах их строительство в трех следующих пятилетках.

— Окончательно переводим на электричество всю авиацию — это раз! — начал объяснять Алексей. — В этом году вступит в строй завод легковых электромобилей, в следующем — еще один. Это два! Раньше делали только такси, теперь будут выпускать для личного пользования. А через пару лет появятся мини-вертолеты. Пока только для организаций, но скоро будут продавать и населению. И потом вам хватило полусотни реакторов, потому что в России осталось всего сотня миллионов населения, а у нас их с учетом союзных республик будет в три раза больше. Так что по планам их число будут доводить до двухсот. Ладно, это все суете сует, ты лучше расскажи о своем музее. Ты думаешь, это здравая идея?

— А ты думаешь, это нормально, что полсотни моих полотен висели в Третьяковке? Я что, лучше всех? Да, хороший художник, но хороших художников много. Чем я заслужила такую честь? Тем, что нарисовала Сталина человеком? Или тем, что кому-то просто понадобилось нас найти? Пусть лучше желающие ходят на мою экспозицию. Не думаю, что их будет много.

— Когда открытие?

— Завтра в одиннадцать. А что, думаешь приехать?

— Если не случится чего-нибудь ужасного, обязательно буду.

— Как там твоя Людмила? Все по тебе сохнет? — с иронией спросила Лида. — Очень эффектная женщина, не понимаю, о чем ты думаешь? Или уже не думаешь, и на меня просто не хватает сил?

— Слушай, Лида, хоть ты не капай на рану! — скривился как от зубной боли Алексей. — Я сам не знаю, что делать! Она втюрилась так, что уже не в силах этого скрывать, а у меня не поднимается рука ее убрать. Она работает просто идеально, а перевод у нас однозначно воспринимается как наказание. Я просто боюсь сломать ей жизнь.

— Рука у него не поднимается! Лишь бы у тебя на нее ничего другого не поднялось! Если женщина сохнет от любви, и ты ей ничего не можешь дать, либо удали ее, либо удались сам. Иначе рано или поздно доиграешься! Захочется разнообразия... На меня уже не смотришь!

— Ну ты сама виновата, договорилась! — Алексей вскочил и подхватил из кресла жену. — Теперь держись!

Держалась она долго, у него силы кончились раньше.

— Давно ты со мной таким не был! — счастливо сказала Лида, положив голову мужу на грудь. — Прямо растерзал. Только непонятно, злость это была или любовь?

— Опять подзуживаешь? — сказал он и поцеловал жену в макушку. — Или тебе мало?

— А ты способен на большее? — спросила она. — Нет? Ну и лежи спокойно, я на твое внимание больше не претендую. Слушай, Леш, может ну его на фиг, этот ужин? Если честно, вставать нет ни сил, ни желания. Давай сегодня раньше заснем?

Утром пришла горничная, которая быстро приготовила и поставила завтрак. Когда они

пошли, пришла гример, которая сначала поработала с Алексеем, а потом занялась Лидой. Он и уехал первым, поцеловав жену в щеку. Рабочий день у него начинался с планерки. Сегодня на ней присутствовали два его заместителя и все двенадцать начальников отделов.

— Есть срочная почта? — спросил он у сидевшего здесь же секретаря. — Ну если нет, тогда начнем. Давайте вы первый, Сурен Вахтангович.

— По плану на август приобрели большую партию американской тушенки, — начал докладывать начальник отдела внешних закупок. — Приобретали, как и всю американскую продукцию, через посредников. Обошлась она нам дешево, поэтому взяли все, что предлагалось. А теперь Госплан пытается наложить лапу на то, что куплено сверх контрольных цифр. У них, видите ли, невыполнение плана по тушенке!

— И много хотят взять?

— Треть. Это двадцать миллионов банок.

— А сроки там какие?

— Хорошие там сроки, Алексей Николаевич! Вы же знаете, что мы просроченную продукцию не берем!

— Хорошо, я поговорю с Гриневским. Думаю, половину этого количества мы отобьем.

— Разрешите, дальше продолжу я, — сказал начальник бюро, отвечавший за монтаж оборудования на объектах переработки продовольствия. — «Насосэнергомаш» срывает сроки поставки вакуумных сушильных агрегатов. Я звонил в Сумы, но раньше середины сентября они нам продукцию не отгрузят.

— Две недели, Олег Юрьевич, это для нас допустимо, — сказал Алексей. — Если нарушат и этот срок, тогда выставляйте в государственный арбитраж. Кто следующий? Да, Людмила Викторовна, что у вас?

— У меня, Алексей Николаевич, сухофрукты. В этом году был очень большой урожай, и месяц назад вы дали добро принимать эту продукцию без ограничения. Мы и принимали. Все промежуточные склады уже заполнены, а их продолжают везти, и по опыту прошлых лет могу сказать, что подвоз будет еще с месяц. А фрукты мы отправляем на окончательную обработку и заложение только в конце октября. Может быть, дать отбой?

— Отказываться не будем, — не согласился Алексей. — Просто перенаправим груз. Плохо, что придется возить туда-сюда, но еще хуже его лишиться. В следующем году фруктов будет меньше. Найдите свободные площади под хранение. Нам они и нужны-то на месяц. Если не найдете, подключайте меня. Что у вас, Павел Максимович?

— У меня сводка по катастрофам, — сказал начальник Управления спасательными операциями. — Точнее, не сводка, а одно сообщение. В Союзе все нормально, сообщение пришло из Камеруна. У них мощный выброс углекислого газа из озера Ньос с многочисленными жертвами. Больше полутора тысяч погибших, но нашим спасателям там делать нечего.

— У меня по вчерашнему дню ничего серьезного, — увидев вопросительный взгляд министра, сказал начальник Управления пожарной безопасности. — Сводку я оставил, как обычно.

— Никто ничего больше не хочет сказать? — спросил Алексей. — Тогда совещание закончено, все свободны.

С час он работал с почтой, после чего вызвал секретаря.

— Вадим Александрович, заберите письма с моими заметками и составьте ответы. И пусть подадут машину. Если будут звонить, я должен вернуться к двенадцати.

К выставке жены он приехал за десять минут до ее открытия, но у дверей в помещение, в котором располагалась экспозиция, уже толпились люди. Поодаль никем не узнанная стояла Лида. Он вышел из машины и в сопровождении двух немного приотставших телохранителей подошел к ней и вручил купленный утром букет.

— Поздравляю! А ты еще сомневалась, будут ли посетители. Еще не открыли, а полсотни людей уже собрались. А со мной и моей охраной так и еще больше. Где, кстати, твоя?

— Вон Сергей стоит, — показала она на крепкого парня, отошедшего шагов на десять в сторону. — Я знала, что ты приедешь, и попросила его отойти. Не бойся, он свое дело знает. Ой!

Алексей повернулся в ту сторону, куда, приоткрыв рот и округлив глаза, уставилась Лида. К зданию музея шел он сам об руку с женщиной лет двадцати пяти. Лево́й рукой он прижимал к себе девочку. Малышке вряд ли было больше пяти лет. В открывшиеся двери музея начали заходить люди, туда же зашла и пара, за которой наблюдали Самохины. Девочку перед этим опустили на асфальт, и она, задирая ножки, сама преодолела все ступени, придерживаясь за руку отца.

— Он сейчас на семь лет старше того меня, которого ты увидела в первый раз, — сказал Алексей. — Не похоже, чтобы был военным. Но с семьей вроде все в порядке. Что ты плачешь?

— От зависти, — призналась Лида. — Подержи букет, я вытру глаза. Спасибо. Не стоит тебе туда заходить, увидишь все как-нибудь в другой раз. А я должна идти.

Еще 35 лет спустя

— Алексей Николаевич! Вас хотел видеть Генеральный секретарь. Звонок был пять минут назад. Олег Игоревич сказал, что будет у себя.

Было шестое сентября и стояла по-летнему солнечная погода, поэтому он не стал одеваться, а просто спустился по лестнице к выходу и минут через пять вошел в главный корпус Кремля. В приемной его встретил секретарь.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич, заходите, пожалуйста, вас ждут.

Ждали его двое. Хозяин кабинета — шестидесятилетний Олег Игоревич Сотников — сидел за столом на своем обычном месте, а второй мужчина — Виктор Александрович Зорин, которому пять дней назад праздновали семидесятилетие, — занял один из стоявших у стены стульев. Оба с любопытством уставились на вошедшего. Алексею было все равно, на него уже давно по-другому никто не смотрел.

— Заходи, — сказал ему генсек. — Садись ближе, будет важный разговор. Послушай, Алексей, ты знаешь закон. Исполнилось семьдесят, и на отдых!

— Мне недавно исполнилось сто, — равнодушно ответил он. — Я готов уйти хоть сейчас, и вы это знаете.

— Знаем, — кивнул Олег Игоревич, — но речь не о тебе. Ты у нас вне возраста, и этот закон писан не для тебя. А вот Виктору Александровичу пора освобождать кресло председателя Совмина. Он у нас тоже не возражает, вопрос в преемнике. Он рекомендовал тебя, и я склонен его рекомендацию поддержать. У тебя громадный опыт и отменное здоровье! Кому, как не тебе! И ни к кому не нужно ходить с книгами.

— Я устал, товарищи, — по-прежнему равнодушным тоном сказал он. — И жена устала. Фактически я уже сделал все, что от меня требовалось. Созданы нужные производства и продовольственные запасы, построены резервы жилья. Мы сможем укрыть и сохранить все свое население а, если будем еще двадцать лет продолжать увеличивать запасы, сможем принять до ста миллионов эмигрантов. Мы даже построили подземные зоопарки и создали банки семян не хуже тех, которые есть в Западной Европе. Построены реакторы в Болгарии и ГДР, и их правительствам настоятельно рекомендовано запастись продовольствием. Теперь нужно только сохранить тайну и, когда придет час, отобрать беженцев.

— Вас с женой во всем мире зовут Вечными, а вы расклеились, — улыбнулся Олег Игоревич. — Рано вам пока на покой. Мы обошли всех и в производстве, и в военной силе, но это еще не гарантия безопасности. Вы прекрасно знаете, что творится в мире. Безверие, отсутствие идеалов, яд вседозволенности и право силы! Во многих странах свирепствуют войны, голод и анархия. Польша и Венгрия ушли от социализма, Чехословакия к этому близка. Югославия воюет с Албанией, и мы решили в их войну не вмешиваться. Китай стремительно набирает экономическую мощь, не забывая о военной. Мало подготовиться к катастрофе, до нее еще нужно дожить! И желательно это сделать без серьезных военных конфликтов, а то нам и ваши запасы не больно помогут. Честное слово, когда посмотришь на то, что творится в мире, и припомнишь о грядущем взрыве, сразу вспоминаешь о Боге и очищающем Землю от скверны Апокалипсисе.

— Я о Боге вспоминаю каждый день, кроме воскресенья, — улыбнулся Виктор Александрович. — Как его увижу, так и вспоминаю. Не выпендривайся, Алексей. За сто лет нельзя устать от жизни. И ты не от нее устал, а от своей работы. Вот и сменишь. Помимо опыта, у тебя во всем мире нужна репутация. Знаешь, как к тебе относится большинство?

Конечно, он знал. Все началось пять лет назад в Соединенных Штатах. В газете «Нью-Йорк Таймс» появилась статья под заголовком «Дети Люцифера». Немаленькая такая статья на пару газетных страниц. И с фотографиями его и Лиды. Конечно, это был правительственный заказ, слишком уж много приводилось фактов, которых не нарыл бы никакой писака. Вранья было на удивление мало, хотя во многих событиях их роль сильно преувеличили, а фактам давали свою трактовку. Написано было талантливо, а многочисленные факты приводились со ссылками на авторитетные источники. Сенсацию подхватили другие газеты, тем более что со стороны руководства СССР никаких опровержений не последовало. Уже никто давно не глушил передачи западных радиостанций, вещавших на Союз, поэтому о новости скоро стало известно и здесь.

— Врать не будем, — сказал ему тогда Виктор Александрович. — Говорить всей правды — тоже. Ну а у вас больше не будет мороки с гримом.

Тогда вышло информационное сообщение Советского правительства, в котором признавалось, что Алексей и Лидия Самохины уже семьдесят лет не подвергаются старению. Проведенные медико-биологические исследования не выявили у них никаких отклонений от нормы. Факторов объясняющих этот феномен не обнаружили, а поднимать шум не захотели, поэтому по просьбе самих Самохиных никаких публикаций на эту тему не было. Это сообщение подлило масла в огонь, и где-то на полгода они стали излюбленной темой не только для прессы, но и для пересудов обывателей в большинстве развитых стран. Больше всего, конечно, досталось ему. Их проживание в гостях у Сталина вызывало наибольший интерес. Что такого могло оказаться в молодой паре, чтобы кровавый тиран

оказал им такую честь, поселив рядом с собой на долгое время в покоях, где жил сам Черчилль? Что интересно, сексуального подтекста никто не мусолил. Если верить газетным публикациям, он был отцом советского ядерного оружия и подарил своей стране термоядерные реакторы и накопители. Некоторые шли еще дальше, приписывая ему и научно-техническую революцию пятидесятых. Впрочем, в том что СССР была их родиной, высказывались большие сомнения. Поговаривали о пришельцах, но в такое мало кто верил. Естественно, что обратили внимание и на его теперешнюю работу. Всплыли кое-какие факты, позволившие сделать выводы о том, что в Советском Союзе создаются большие запасы продовольствия. Это сразу же вызвало подозрения в миролюбии оплота социализма, тем более что как раз в это время запустили программу производства сотни многоцелевых самолетов, способных ненадолго выходить в космическое пространство. Фактически это были перехватчики ракет и истребители орбитальных лазерных батарей, которые США собрались повесить над Советским Союзом. До конца шум не утих до сих пор, хотя писали и говорили об этом гораздо меньше: тема уже приелась. В СССР о них тоже писали, хотя и поменьше, чем на Западе, и отношение повсеместно было самое благожелательное. Единственным светлым моментом во всем этом было то, что отпала необходимость в гриме. И потом гримом можно скрывать молодость лет тридцать, но не сто.

— И чего вы хотите добиться этим назначением? — спросил он. — Нас и без того боятся, станут бояться еще больше.

— Что и требуется, — сказал генсек. — Не хотят дружить, пусть хоть боятся. Нам их соседство осталось терпеть двадцать лет. А здесь народ за вас кого угодно на клочки порвет. В связи с событиями в мире я не исключаю принятия непопулярных решений. Если такое придется делать, лучше если это сделаешь ты.

— Китай? — спросил он.

— В первую очередь, — кивнул генсек. — По всей видимости, столкновения все-таки избежать не удастся, а людей терять не хочется. Сколько ни наращивай оборону, все равно стопроцентной ее не сделаешь. Китай это не Штаты, мы с ними спинами тремся. Уже Сибирь мы прикрываем плотно, но Дальнему Востоку достанется. Сколько у нас резервного жилья?

— Для комфортного проживания его на тридцать миллионов, — ответил Алексей, — но если ужаться, можно поселить в три раза больше. Но мы его планировали для эмигрантов.

— До взрыва еще двадцать лет, — сказал Зорин. — Даже чуть больше. Успеем построить еще. Переселять многих и в пожарном порядке нельзя: вызовем панику, и насторожим китайцев. Нужно прежде всего выселить тех, кто живет в приграничных территориях. Не все согласятся, но всех и не нужно. Край бросать нельзя, кто-то должен за всем присматривать. Воякам такое не поручишь, у них свои задачи. И людей мало переселить, их нужно обеспечить всем необходимым, в первую очередь работой. И, хочешь не хочешь, придется выделять из резервов средства на усиление обороны. Поскупимся сейчас — потом будем кусать локти. Планируй эту работу лет на десять.

— Мой отказ не предусматривается? — спросил Алексей. — А то ведь я знаю много молодых и способных.

— Вот и заставляй этих молодых и способных работать, — ответил ему генсек. — Никто тебя самого не заставляет пуп надрывать. Считаю, что ты согласен. Бросай свою работу и езжай домой, обрадуй жену. Твоя команда и сама сделает все, что нужно. Да, подумай о кандидатуре на свое место. И дней через пять проведем традиционную пресс-

конференцию. Подумай над тем, что будешь говорить. Ну это мы еще успеем обсудить.

Он подумал и решил последовать совету. Звонить не стал, просто приехал домой и отпустил машину. Жена не работала в студии, как он думал, а лежала в гостиной и читала книгу.

— Что это ты сегодня так рано? — спросила она. — Есть хочешь? Лена все приготовила, и я ее отпустила до утра. Обедать будешь? Если да, то все еще горячее на плите, сейчас я наложу.

— Лежи, — остановил он ее. — Что я сам без рук? Слушай, малыш, мне, наверное, придется возглавить правительство.

— Так наверно или придется? — спросила она, садясь и откладывая свою книгу.

— Придется, — вздохнул он, садясь рядом. — И квартиру тоже поменяем. Знаю, что не хочешь, но сделать это тоже придется. Сегодня со мной уже говорили на эту тему. И не солидно главе правительства ютиться в старой трехкомнатной квартире, и охранять нас с тобой здесь толком не смогут.

— Значит, ко всему прочему я теперь еще и первая леди! Ты хоть сопротивлялся?

— Могла бы и не спрашивать, — он обнял жену и она сделала то же самое. — Нам осталось только двадцать лет! По сравнению с прожитым — это ерунда. А потом, может быть, у тебя будут дети.

— Ты знаешь, — сказала Лида, — я ведь уже и детей не хочу. Я, наверное, брошу рисовать. Найдешь для меня какую-нибудь работу? Больше убивает не возраст, а однообразие. Когда у тебя пресс-конференция?

— Обычно через три дня после назначения. Пока еще не объявили, так что, думаю, дней через пять. А работу найду. Хочешь быть министром вместо меня?

— Шутишь? — улыбнулась она. — Мне бы что-нибудь попроще. Ладно, это подождет. Пойдем на кухню, пообедаю вместе с тобой.

Следующий день Алексей посвятил передаче дел и согласованию своей позиции на предстоящей пресс-конференции. Его зама, выдвинутого кандидатом на должность министра, даже не обсуждали — утвердили сразу. Заместитель был в курсе почти всех дел, поэтому уже к обеду Алексей от министерства освободился. После этого состоялся разговор с Сотниковым, на котором окончательно определились с ответами на наиболее вероятные вопросы. На следующий день вышло сообщение о его назначении, после чего до обеда пришлось принимать дела у Зорина, а потом осматривать новую пятикомнатную квартиру в правительственном доме, куда был закрыт доступ посторонним. Все их вещи быстро собрали и перевезли, но раскладывали они их сами с помощью своей горничной. Естественно, что старую мебель в новую квартиру не повезли, выбрали по каталогам новую, и ее быстро доставили и установили в соответствии с пожеланиями хозяев.

— Просторно, светло и красиво, — сказала Лида, когда все закончили. — Но в старой мне было как-то уютно. А здесь чувствуешь себя так, как будто пришел в гости.

— Ничего, привыкнешь, — успокоил муж. — Жить и работать в ней будет удобней. Жаль, что бросила рисовать, здесь для этого больше возможностей, чем в комнатухе Ангелины.

— Не надо мне о ней напоминать, — попросила Лида. — Я на ее портрет до сих пор стараюсь не смотреть. Столько уже лет прошло, как она умерла, а все равно больно. Теперь я лучше понимаю отца, когда он попросил убрать портрет мамы. Старикам хорошо: к концу

жизни время многое стирает из их памяти, а я все помню так, как будто случилось только вчера.

— Как тебе спальня? — спросил Алексей, чтобы поменять тему разговора.

— Сегодня ночью проверю, — улыбнулась она, — и спальню, и мужа. А то зададут вопрос на тему твоей мужской состоятельности, а мне придется врать.

— Не придется тебе врать! — обнял он жену. — И на пресс-конференцию я тебя не возьму, и ночью сегодня погоняю. Какие наши годы!

— Я такой пресс-конференции не припомню, — сказал Алексей Сотникову, сидевшему с ним рядом за одним столом.

— Да, много их набежало, — согласился генсек, осматривая полностью заполненный зал. — Сложно будет работать.

— Ничего, мы сейчас все упростим, — пообещал Алексей и обратился к залу: — Дамы и господа! Товарищи! Вас в этом зале больше трехсот, и большинство пришло не просто на меня посмотреть, но и задать свои вопросы и выслушать мои ответы. Так вот, чтобы ответить на большее число вопросов, мы немного изменим процедуру проведения конференции. Я выбираю кого-нибудь из вас, а вы, не называя себя, задаете вопрос. Потом каждому дадут записку, на которой вставят кто есть кто, а мне это неважно. Все ясно? Тогда начнем. Кто хочет мне задать вопрос? Как я и думал, хотят все. Ладно, будем джентльменами и начнем с дам. Прошу вас.

— Кто вы и откуда?

— Это уже два вопроса. Спросили коротко, я отвечу так же. Я родился в Москве и к пришельцам никакого отношения не имею. Следующий вопрос.

— Ваша молодость не может быть случайной, потому что она и у вашей жены. Кто вам ее подарил и для чего?

— Не знаю, мы с ним не встречались. Дальше!

— Чем было вызвано расположение Сталина?

— А кто вам сказал, что он был к нам расположен? — сказал Алексей. — Сделали вывод из-за нашего проживания на его даче? Так там было несколько причин, в том числе и работа жены над его портретом. Других причин я касаться не буду.

— Вы принимали участие в советской ядерной программе?

— Совсем немного. Поделился кое-какими мыслями с академиком Курчатовым.

— А реакторы?

— Здесь я работал достаточно долго. Даже получил орден.

— Вас награждали не один раз. Многие вам приписывают и другие открытия. Это правда?

— Вы сами ответили на свой вопрос. Это действительно приписки, не имеющие ничего общего с действительностью.

— Для чего Советскому Союзу такие запасы продовольствия? Мало того что вы закладываете на длительное хранение часть своего, вы еще закупаете его у других!

— Это по-настоящему важный вопрос. Ответ на него дать просто. В течение ближайших пятидесяти лет в опасной близости от Земли пролетят шесть астероидов. Падение любого из них приведет к сильным разрушениям и глобальной климатической катастрофе. Нас очень слабо успокаивает тот факт, что такого не было в последние несколько тысяч лет, поэтому мы построили избыточные энергетические мощности и

резервное жилье в сейсмически устойчивых районах и вывели на орбиту космический корабль с силовой ядерной установкой. По расчетам он сможет два раза разогнаться до скорости в тридцать километров в секунду и полностью ее погасить. Если появится опасный астероид, мы его попытаемся уничтожить или изменить орбиту. Если этого сделать не получится, будем переживать катастрофические последствия столкновения с помощью своих запасов. Они нам пригодятся и в том случае, если кто-нибудь осмелится напасть с атомным оружием. Сами мы ни на кого нападать не собираемся.

— Кого вы имели в виду, когда говорили о нападении, США или Китай?

— Какая разница? — демонстративно пожал плечами Алексей. — Пусть нападают хоть вместе. Мы неоднократно показывали мировому сообществу возможности своей противоракетной обороны. Если на нашу территорию что-то и попадет, — это будет только один процент от запущенного. Тоже ничего хорошего, но напавшие получают много больше. Естественно, это приведет к заражению атмосферы и изменениям климата. Это придется переждать. Еще раз хочу подчеркнуть, что сами мы подобного оружия никогда первыми не применим.

— А как же остальные страны?

— Какие остальные? — спросил Алексей. — Их много. Своим немногочисленным друзьям мы помогаем, а недоброжелателям ничем не обязаны. Если меня чему-то научила жизнь, так это тому, что есть свои, и есть все остальные. Вы не хотите стать для нас своими? Ну и ради бога! Мы никому свою дружбу не навязываем, но и вы нам в таком случае не нужны. Живите, как хотите. С самого момента образования Советского Союза многие страны Европы, особенно Западной, и Соединенные Штаты последовательно проводили в отношении нас враждебную политику. Были ли примеры дружбы и помощи? Лично я их не помню.

— А помощь Америки в годы войны с Гитлером?

— Вы считаете это дружеской помощью? Ну и зря. Это была акция, выгодная для США и с политической, и с экономической точек зрения. Вы не могли себе позволить остаться один на один с блоком фашистских государств. Думаете, Германия ограничилась бы Советским Союзом? Дружбой там и не пахло, был голый расчет. До последнего тянули с открытием второго фронта, чтобы максимально ослабить нас и самим понести меньше потерь, а за свою помощь получили от нас золото, в том числе и за погибшие грузы. Справились бы и без вас, хотя было бы труднее. А как только в нас отпала необходимость, сразу перекрестили из союзников в Империю Зла. Вам посчитать, сколько раз мы пытались наладить нормальные отношения с Соединенными Штатами? Вам не на кого обижаться, кроме самих себя. Дальше!

12 апреля 2042 года за три дня до взрыва

— Я знаю, что многие мои распоряжения, сделанные за последний месяц, воспринимались вами с недоумением, — сказал Алексей собранным в кабинете министрам. — К сожалению, я не мог вам открыть мотивы своих действий. Сейчас без их знания вы просто не сможете выполнить то, что от вас требуется. Через три дня состоится конец света. Не стоит, Николай Игнатьевич, на меня так смотреть: я не свихнулся от долгой жизни. Через три дня произойдет извержение Йеллоустонского вулкана. Большая часть жителей США погибнет в первые несколько часов после начала катастрофы. Пострадают Канада и Мексика. В атмосферу будет выброшено много соединений серы и вулканической пыли. Во многих странах пройдут кислотные дожди, которые полностью или частично уничтожат животный и растительный мир. Но самое страшное — это пыль. Она на два года закроет от нас солнце и вызовет сильное похолодание. Почти по всей планете в течение двух десятков лет нельзя будет заниматься земледелием. Голод и холод уничтожат девяносто процентов населения. Вижу, что многие по-прежнему не верят и пытаются понять для чего я вам рассказываю эти ужастики. Да, мы не можем предсказывать извержения вулканов, да еще с точностью до часа, но я вам говорю не о предсказании. Я прибыл из будущего, в котором эта катастрофа уже произошла. Длинная жизнь дана мне для того, чтобы помочь к этому подготовиться, мы и готовились. Все последние семьдесят лет создавались резервные энергетические мощности, строились убежища и подземные производства продовольствия. И запасалось само продовольствие, как свое, так и приобретаемое за рубежом. Теперь мы сможем спасти все свое население и принять около ста миллионов беженцев из других стран. Вижу, что большинство из вас уже осознало серьезность положения. Сейчас я вкратце скажу о том, чем вам придется заниматься, а потом каждый из вас получит развернутую программу действий по вашим министерствам. Учтите, что с этого момента каждый ваш шаг будет взят под контроль. Все три дня вы будете заниматься только делами, а для отдыха вам отведены специальные помещения. Каждый наденет электронный браслет, контролирующий все переговоры по любым каналам связи. Кроме того, в моей приемной вас ждут люди, которые в течение этих трех дней станут вашей тенью. Мы не имеем права рисковать. Если кто-то из вас случайно или намеренно допустит утечку этой информации, и ей поверят, последствия могут быть трагичными, начиная от паники с человеческими жертвами, и кончая массированными ядерными ударами. Если в Соединенных Штатах станет известно о том, что мы все знали и не предупредили, обрекая их на гибель, следует ожидать акта возмездия. У руководства США еще останется время задействовать свои ракетно-ядерные и тактическую авиацию на базах вблизи наших границ. Мы готовы к такому повороту событий, но все равно понесем потери. Всем все ясно? Тогда перейдем к тому, что нужно сделать. Сначала займемся министерством вооруженных сил. С сегодняшнего дня все виды войск переводятся в режим повышенной боевой готовности. В полную они будут приведены за десять часов до извержения.

— Сделаем, Алексей Николаевич, — сказал министр вооруженных сил маршал Брагин.

— Слушайте дальше, Александр Иванович, — продолжил Алексей. — Сразу же после

катастрофы на всей территории Союза вводится военное положение. Обеспечением порядка по-прежнему будет заниматься министерство внутренних дел, но в случае осложнений привлечем и вас. Своих сил у них может не хватить, тем более что мы на них повесим и другие задачи. Главное, что вы должны выполнить, кроме своих обычных обязанностей — это надежно перекрыть сухопутные и морские границы и обеспечить контроль воздушного пространства. К нам бросятся искать помощь миллионы людей, и многим мы эту помощь окажем. Многим, но не всем. Поэтому на границах фильтрацию беженцев будут вести члены специальных комиссий. Этот вопрос буду курировать лично я. Кроме специальных пропускных пунктов, других мест проникновения через границу быть не должно. Поэтому уже завтра начинайте выдвигать к границам необходимые средства усиления в помощь пограничным войскам. Особый контроль за условиями их размещения и снабжения. Пока обходитесь своими силами, а через месяц в указанных вами местах начнут работать строители. Размещение планируйте на год, после этого войска уберем. Выживших вблизи наших границ останется немного, так что с их контролем справятся сами пограничники. Теперь дальше. Готовьте к перелету на Кубу все свои десантные экранолеты «Ковчег». Каждый из них способен нести тысячу десантников, поэтому штатских за один рейс перевезем не меньше ста тысяч, а если будет много детей, то и больше. По планам за месяц нужно будет эвакуировать воздухом два миллиона кубинцев. Болгарией и ГДР займемся позже и используем средний десантный транспорт. Понятно, что авиацию пошлем только при отсутствии сильных возмущений в атмосфере. Теперь что будет нужно от вас, Николай Павлович.

— Слушаю вас, Алексей Николаевич, — сказал Главнокомандующий ВМФ адмирал флота Васильев.

— Атомные торпедные и многоцелевые лодки должны выйти в район перехвата американских ракетноносцев, находящихся к моменту катастрофы на базе в порту Нью-Лондон. Все, что поплывет в Австралию или Канаду, будем топить. Основные силы Черноморского флота направите в рейд к восточному побережью США в порты Нью-Йорк и Ньюпорт-Ньюс. Все живое в них должно быть уничтожено сернистым газом, поэтому противодействия мы не ожидаем. Ваша задача — найти и перегнать к побережью Кубы крупные суда, пригодные для перевозки большого числа пассажиров ну и вообще там осмотреться. Кубинцы будут спасать себя, а заодно перегонят к нашим берегам все отобранное. В последнюю очередь осмотрим боевые корабли. Если на них кто-то выжил, попытаемся договориться, не получится — топим. У них там много тактического ядерного оружия, да и химия есть. Оставлять такое нельзя. Теперь ваша задача, Федор Иванович, — обратился Алексей к министру морского флота. — Суда, о которых мы с вами говорили, готовы?

— Да, их подготовили, — ответил Зеленский. — Каждому конвою в сопровождение выделены боевые корабли.

— Выйти раньше начала катастрофы они не смогут из-за американцев, — продолжил Алексей. — Да и неясно, как извержение повлияет на погоду. Если не будет слишком сильных штормов или цунами, три миллиона кубинцев вы эвакуируете своими силами. Больше восьми миллионов мы их вообще брать не будем. Кубинцев поставят перед фактом, что забирать станем только молодежь, армию и специалистов, остальных пусть спасают сами, тем более что такая возможность у них будет. Теперь поговорим о Комитете государственной безопасности. Вас, Василий Петрович, фактически расформируют.

Оставим только часть центрального аппарата и тех, кто работал на границу. Остальных передадим в помощь МВД. В бумагах, которые вам передали, все подробно расписано. А вот о вашей работе, Дмитрий Сергеевич, поговорим подробней.

— Готов выполнить любой приказ, — сказал министр внутренних дел.

— Приказов вам будет много, — вздохнул Алексей. — И спросим за исполнение по всей строгости, имейте это в виду. На ваше министерство возлагается контроль за переселением людей и распределением пищевых ресурсов. Для обеспечения этой задачи в министерство передается Управление продовольственных резервов МЧС и, как я уже говорил, большая группа работников госбезопасности. Вы должны выполнить фильтрацию заключенных в тюрьмах и лагерях. Сразу же после начала извержения и введения военного положения все осужденные за тяжкие преступления должны быть расстреляны. Остальных разобьете на две группы. Легких закрепим за предприятиями, остальные отправятся на Дальний Восток. Освободившиеся конвойные войска будут приданы ОМОНу для оперативного использования. Для нас главное — обеспечить порядок и не допустить паники и насилия. Если упустим ситуацию, исправлять придется кровью. Также будете помогать Николаю Игнатьевичу, а в чем, я сейчас скажу. Группы подготовлены?

— Людей и технику подготовили, Алексей Николаевич, — ответил министр заготовок. — Задачу, понятное дело, ни до кого не доводили, мне она самому неизвестна.

— Вашим людям нужно будет взять под свой контроль все пищевые ресурсы села, в первую очередь это посевное зерно и скот. Сеять еще долго ничего не будем, а на будущее зерно отложено. Скот сейчас в стойлах, и кормов хватит на полгода, так что будем вести отбраковку и забой только для восполнения запасов мяса. На будущее оставим согласованное число животных для размещения в подготовленных помещениях. По мере высвобождения, людей из небольших хозяйств будем переводить в города, где их гораздо легче занять делом и обеспечить всем необходимым. Все ценное имущество они будут сдавать на склады. Выживут — получают обратно.

— Не все отдадут последнее, да еще после катастрофы, — сказал министр. — Некоторые побоятся, что о них потом просто забудут. Вам, конечно, верят...

— Может случиться и такое, — согласился Алексей. — Пусть объясняют, что мы никого не бросим на произвол судьбы, а на своих запасах они все равно двадцать лет не протянут. Электричество у них останется, так что не замерзнут, но распределять продовольствие по небольшим деревням мы не будем. В ваши группы будут включены сотрудники МВД. Только они вам даются для наведения порядка и пресечения паники. Применять силу для изъятия продовольствия запрещаю. Не захотят отдавать, и бог с ними. Пусть сидят в своих домах и едят своих коров сами. Как все подъедят, попросят помощи. Хочу заранее вас предупредить, а вы предупредите своих людей. Если где-то жители села отдадут продовольствие и скотину, а о них потом забудут, таких забывчивых будем расстреливать. Я думаю, что в Российской Федерации у вас особых проблем не будет, а чтобы их не было и в союзных республиках, в центральные органы их власти отправляется большая часть работников аппарата КГБ. Любые проявления местничества и нарушение наших директив нужно наказывать по законам военного времени. Если понадобится, они привлекут армию. У вас все готово, Игорь Юрьевич?

— Все средства массовой информации готовы передать экстренную информацию, — ответил министр связи, — нужен только текст.

— За два часа до извержения прекратится работа во всех рабочих коллективах, кроме

тех, где этого сделать нельзя, — сказал ему Алексей. — Временно будет заблокирована сотовая связь. Сразу после начала извержения всеми средствами массовой информации нужно довести до населения, что происходит, и как себя следует вести. Текст у вас есть в бумагах. Через три дня в действие вступит военное положение и вся власть сосредоточится в наших руках. Я очень надеюсь на то, что мы ни в ком из вас не ошиблись. По законам военного времени будем судить не только насильников, грабителей и прочую шваль. Если по вине кого-то из вас неоправданно погибнут люди или понесем большие материальные потери, его тоже накажут без скидок на занимаемое положение. Я возьму на себя комиссии, которые будут решать, кому жить, а кому нет. Кубинцев будем сортировать перед отправлением. Если ошибемся, для отбраковки останется только Дальний Восток, а они там зимой долго не протянут. С болгарами и немцами придется деликатничать больше, а вот со всеми остальными не будем деликатничать совсем. Критерий только один — нужен человек или нет. Таких будет восемьдесят миллионов, и прием продлится года три. После этого придут единицы. У нас для комиссий отобрано пять тысяч человек, но этого очень мало. Нужно по крайней мере в пять раз больше. Я вас попрошу, Александр Иванович, подобрать мне порядочных офицеров. Не прямо сейчас, а через пару недель. Я думаю, вам это будет нетрудно, а у них изучение инструкции много времени не займет. Основной поток беженцев пойдет к осени, когда все поймут, что тепла не будет. Все, товарищи, можете быть свободны. Вас, Николай Павлович, я попрошу ненадолго задержаться. Давайте отойдем в сторону. Вы подготовили подлодку?

— Завтра она уйдет на задание, — сказал адмирал. — Не беспокойтесь, Алексей Николаевич, всех ваших людей заберем, лишь бы они выбрались в условленное место.

— Обедать я еду домой, — сказал Самохин своему секретарю. — Распорядитесь насчет машины.

Бронированный электромобиль, весящий шесть тонн, домчал его до дома за десять минут. Лида уже работала в его Секретариате, но сегодня он ее от работы освободил.

— Ты в квартире одна? — спросил он жену.

— Ты освободил меня, а я освободила Лену, — ответила она. — Что у меня нет рук наложить тебе уже готовое?

— Тяжело мне, малыш! — сказал он, прижав к себе жену. — Еще ничего не сделано, а я уже на пределе. А вскоре придется убивать людей налево и направо, пусть и чужими руками. Когда-то я убеждал Капицу, что иначе нельзя. Его совесть я тогда успокоил, кто бы теперь успокоил мою! Знаю, что не получится быть добрым, а внутри всего корежит! Будь проклят тот, кто позволил мне до этого дожить! Мое равнодушие обернется смертями сейчас, моя доброта будет отнимать жизни после. И я уже не могу уйти, подставив вместо себя кого-нибудь другого.

— Не переживай так! — сказала Лида. — Подожди всего несколько дней. Я помню, как это было. Когда день превратится в ночь, а лето в зиму, и маленькие дети начнут спрашивать матерей, почему им дают так мало есть, на многое начинаешь смотреть иначе. И ты не убиваешь, ты просто отказываешь в помощи. Я тоже не рада тому, что дожила до взрыва. Знаешь, чего мне хотелось в последний год? Я ведь знаю, где мы жили.

— Хочешь увидеть мать? — догадался он.

— Очень! И боюсь, что приду, а у отца в доме совсем другая женщина. Он-то должен был родиться, а вот их свадьба уже под вопросом. Слишком сильно все поменялось. Даже если там мать, то она не совсем такая, какой я ее знала. И ребенок у них, если он есть, это

тоже не я. В каждой женщине скрыта маленькая девочка, которой хочется, когда ей плохо, прижаться к материнским коленям. У меня тоже есть такое желание, а может быть, даже возможность, но я не могу. Представь себе картину: вбегает первая леди Союза и бросается обнимать колени молодой женщины, заливая ее слезами. Она точно станет зайкой.

— Поплачь на моей груди, — предложил Алексей, — а у родственников лучше не появляться: они совсем не те люди, которых ты любила и помнишь. А лучше пойдем пообедаем, и ты мне расскажешь, как это выглядело. Я ведь чувствовал, что тебе неприятно это вспоминать и никогда не расспрашивал.

— Пойдем, — согласилась Лида. — Я тоже с тобой поем. А выглядело... Когда сообщили, первый день ничего не менялось, а потом начали наползать тучи. Знаешь, какие бывают при сильных грозах? Только при грозе они хоть и черные, но все равно немного отсвечивают синим. А тогда было впечатление, как будто сидишь в кастрюле и кто-то надвигает на нее крышку. Когда крышка легла на место, стало темно. Днем еще было видно, как в лунную ночь, а ночью наступала полная мгла. Немного светлеть начало через пять—шесть месяцев, а совсем посветлело только к концу второго года. Но все равно небо было серым. Холодно было все время. Апрель вообще прохладный месяц, а после взрыва уже через несколько дней начались морозы, сначала небольшие, потом такие, что даже в зимней одежде долго не побегаешь. Хорошо, что у нас в армии зимняя форма с электрообогревом, вот в ней было неплохо. Помню, среди беженцев было много обмороженных.

— Да, я читал, — сказал Алексей. — Что у нас, борщ? Скоро уже такого не поедим. Запасли мы столько, что питаться будем лучше, чем вы тогда, но свежего все равно почти ничего не будет. Продукции теплиц даже для детишек не хватит, будем подкармливать зеленью только два—три раза в неделю. Есть планы по их строительству, но это еще нескоро.

— Как ты думаешь, мы начнем когда-нибудь стареть или это навсегда?

— Спроси что-нибудь полегче, тогда отвечу.

— Поедешь еще сегодня на работу?

— Конечно, малыш. Сейчас доем и поеду. Работы много, просто захотелось тебя увидеть и немного поплакаться. Скоро придется много мотаться, даже видаться будем редко.

15 апреля 2042 года за полчаса до взрыва Куба, Гавана

— И вы не могли сказать об этом раньше? — спросил председатель Государственного Совета Кубы Эрнесто Гарсия Сароса. — Что можно сделать за оставшееся время?

— Я лишь выполняю распоряжение своего правительства, — пожал плечами посол СССР Валентин Балакшин. — И не так уж у вас мало времени. Еще с полчаса до извержения и часов пять, пока оно у вас не проявится. Вы должны не хуже меня понимать, чем было вызвано молчание. Я сам получил этот пакет час назад, и все это время за мной наблюдали, чтобы я, не дай бог, не позвонил куда-нибудь помимо вас. Вам-то и нужно только срочно загнать большую часть населения под крыши и после начала объяснить, что творится, и что им окажут помощь. Во всем мире, кстати, такую помощь получают только два государства, вы — третье.

— Восемь миллионов — это чуть больше половины населения, а остальные?

— Вам построили реактор, для остальных его должно хватить. Утепляйте дома и собирайте продовольствие. А позже направьте команды на восточное побережье Штатов.

Там бесхозного продовольствия должно быть много. Если перевезете к себе и будете экономить, должно хватить. Может быть, и мы поделимся, но это не гарантируется. И учтите, что стариков мы брать не будем. В наших условиях они двадцать лет не протянут и зря отнимут жизни у тех, чьи места займут. К сожалению, мы должны это учитывать. Все подробности в бумагах. Первый воздушный транспорт, если позволит погода, прибудет уже завтра, корабли будут в ваших портах через неделю. По мере того как будем забирать людей, вам будет легче обеспечить оставшихся. Да, первыми же экранолетами вам доставят легкие скафандры, которые хорошо защищают от пыли и кислотных дождей. Не очень много, но для команд, которые будут заниматься продовольствием, вам должно хватить. Аппараты для очистки воды и контейнеры с теплой одеждой прибудут с кораблями. Пока идет эвакуация весь персонал посольства будет здесь, потом останутся только связисты. Я свое задание выполнил, а вам советую не терять время и не говорить о причинах до четырех часов. Если по вашей вине случится утечка, наши отношения будут скорректированы в зависимости от ее последствий.

15 апреля 2042 года за полчаса до взрыва США штат Вайоминг автострада I-25

— Послушай, Сергей, надо отъехать дальше! Мы только проехали Каспер, и до этого чертова вулкана всего двести километров! Давай доберемся хотя бы до Шайена! Там все и заснимешь. Не выберемся, на фиг! И так, наверное, получим втык. До Сан Антонио еще девять часов хода и это при условии, что не будет пробок, а они точно будут. Ты думаешь, нас будут ждать?

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского, — отмахнулся от своего спутника высокий, крепкий парень лет двадцати пяти, крепивший к кронштейну на крыше электромобиля видеокамеру. — Такого еще никто и никогда не снимал! Что там снимут со спутника! А отсюда мы уйдем. На двадцать пятой машин будет мало, а по десятой ехать всего пятьсот км. Для нашей птички это семечки, тем более с ее оборудованием. Достань лучше, Олег, на всякий случай из багажника маски и брось на задние сидения.

Тот, которого называли Олегом, выругался и подошел к открытому багажнику. На пустой автотрассе со стороны Шайена показалась быстро приближающийся электромобиль. Он подъехал к ним и остановился рядом.

— Эй, парни! Что случилось? — спросила молоденькая рыжая девчонка, сидевшая в открытом «форде». — Помощь не нужна?

— А помогать будете вы, мисс? — засмеялся Олег. — Или миссис?

Было видно, что он шутит: девчонке исполнилось от силы шестнадцать и на миссис она никак не тянула. Несмотря на столь юный возраст, смотреть на нее было приятно. Скуластенькая с большими глазами и немного вздернутым носом она чем-то напоминала белочку. Рыжие, коротко стриженные волосы усиливали сходство.

— Нет, я не замужем, — улыбнулась она. — А что вы здесь собрались снимать? Снимать нужно в Йеллоустоне. Говорят, там сейчас такие гейзеры! Я как раз еду туда. Если хотите, можно поехать вместе. Вы вроде ничего.

— Закончил! — сказал Сергей, прыгнув с подножки. — Тебя как зовут, Бельчонок?

— Бельчком меня зовет дядя, — засмеялась она. — Я Джейн, а вас как звать?

— Я Олег, а это Сергей, — ответил Олег, с которого слетела вся веселость. — Мь

русские.

— Первый раз вижу русских! — она вышла из машины и подошла к парням. — Это советский электромобиль? Здоровый! Я дядю тоже просила купить одну из ваших моделей, но он купил «форд». Сказал, что покупать ваши машины не патриотично. Машина моя, просто он подарил. А я бы...

Сильный толчок бросил ее в сторону и, чтобы не упасть, девушка ухватилась за Сергея.

— Ой, что это? — сказала она, не разжимая рук.

— Мы ее возьмем с собой, — по-русски сказал напарнику Сергей.

— Сбрендил? — покрутил тот пальцем у виска. — Кто ее пустит в подлодку?

— Пустят, есть у меня такое право, — Сергей погладил испуганную девчонку по голове и перешел на английский. — Вы туда не поедете, мисс. Там сейчас проснется вулкан, а это смерть. Если хотите жить, оставайтесь с нами. На своей открытой машине вы далеко не уедете, отравитесь. Олег, возьми еще одну маску, закрывай багажник и отправляйся с нашим трофеем на задние сидения. Минут через пять начнется.

Олег усадил оторопевшую девушку и сел сам. Сергей немного поправил камеру и занял место водителя.

— Все пристегнитесь! — сказал он. — Джейн, ничего не бойся, мы плохого не сделаем.

— Отпустите меня! — рванулась пришедшая в себя девушка. — Я буду кричать!

— Посиди смирно всего пару минут, — сказал ей Олег. — Если после этого захочешь уйти, я тебя выпущу. Ну что за дурочка, тебя же никто руками не трогает!

Сначала не было ни звуков, ни сотрясения почвы. Просто где-то на северо-западе из-за горизонта в небо рванулся огненный столб. Он прожег облака и стал заметно шире и ярче. Не прошло и минуты, как сильный удар подкинул и едва не перевернул машину. Последовавшие за этим толчки снесли ее с шоссе на обочину. Мужчин удержали ремни, а Джейн успел схватить Олег.

— Шевелись! — заорал он Сергею. — К черту съемки, эта сволочь расширяется!

Огненный столб на глазах увеличивался вширь, изображение ходило ходуном и стало мутнеть. Сергей вывел дергающуюся от толчков машину на шоссе и погнал ее прочь от вулкана. Местами шоссе пересекали трещины, но пока еще они были узкие и не сильно мешали.

— Держи, — сквозь зубы сказал Сергей, бросив Олегу пульт управления камерой. — Разверни ее назад и постарайся удерживать!

— Быстрее не можешь? — крикнул Олег.

К гулу, который начался вместе с землетрясением, добавился грохот извержения, и чтобы быть услышанным, приходилось кричать во весь голос.

— Больше двухсот пока не могу, — тоже крикнул Сергей. — Один сильный толчок, и улетим с дороги. И трещин полно!

— Вот зараза! — заорал Олег. — Если выберемся, хрен я с тобой еще хоть раз куда-нибудь пойду! Посмотри, что творится!

Во все стороны от столба с неба изливался огонь, а его основание вспучилось и начало приближаться буквально на глазах.

— Минуть через двадцать здесь все сгорит! — закричал Сергей. — Наддай, черт с ними, с трещинами — здесь точно сгорим. Что там по газу?

— Приборы пока газов не показывают! Скорость двести пятьдесят, больше не могу: дорога все время вихляет, и Шайен скоро.

Через десять минут Сергей уменьшил скорость вдвое и въехал в город. Несмотря на то что ширина автострады не уменьшилась, в отдельных местах проехать было трудно из-за брошенных автомашин. Один раз даже пришлось сдавать задним ходом и ехать в объезд. Когда выехали за город, увидели, что столб шире не стал, пожалуй, наоборот уменьшился в размерах, но огненный вал, катившийся от его основания заметно приблизился. Шум уже не оглушал, и можно было не надрывать горло.

— Неужели лава сюда дойдет? — сказал Олег. — Это же четыре сотни километров!

— Что для него твои четыре сотни! — ответил Сергей. — Если даже не достанет лавой сожжет газами. У нас корпус может держать только триста градусов, да и то недолго. Пристегни Джейн, нечего ее лапать, а я увеличу скорость. Дорога вроде стала лучше.

Еще сорок минут до самого Денвера они проигрывали гонку, и только тогда, когда выехали из города, вал огня позади замер и стал медленно удаляться.

— Едем быстрее лавы! — обрадовался Олег. — Кажется, ушли!

— Накаркал! — сквозь зубы сказал Сергей.

Их нагнала волна жара, накрыла и ушла вперед. На глазах желтели и вспыхивали деревья и кустарники, задымилось покрытие дороги.

— Триста пятьдесят! — прочитал показания датчиков Сергей. — Диоксида серы десять процентов. Включил охлаждение — какое-то время продержимся. Хорошо, что не вспыхнул асфальт, видимо, еще не успел прогреться. Но дорога начала скользить.

— А я все думал, почему нет пепла, — сказал Олег, гляди на густо повалившийся черный снег.

Видимость сразу упала.

— Ты бы лучше меньше думал, — ответил Сергей. — Хорошо, что дорога пошла прямая. Через час большой город, причем заваленный мертвецами и брошенными машинами. Вот там придется попариться.

— Что показывают приборы? — спросил Олег.

— Плохо. Температура за двести и полно ядовитых газов. А нам баллонов хватит часов на пять максимум. Как там Джейн?

— Еще не отошла от шока. Не скажешь, зачем ее взял?

— Она и внешне и по поведению повторяет мою сестру. Даже странно. Только разный цвет волос. Но она, наверное, красится.

— Как ты думаешь, выберемся?

— Если не завалит пеплом дорогу, то должны. Нам бы этот Сьюдад-Хуарес проскочить, а там до Сан Антонио всего пара часов езды. Но метет сильно, может быть, придется включать визор, а по приборам так не погонишь. Надеюсь, что у побережья газ сдует, а то нам масок надолго не хватит. Сволочь!

— Что там еще?

— Сдыхает климат-контроль. Но температура упала, растительность уже не горит. Заблокируй дверь со стороны Джейн, а то очухается и откроет. И будет нам тогда кирдык. Смотри, сколько уже машин на дороге! Мать!

Впереди на дороге был затор из десятка столкнувшихся машин. Пришлось тормозить и объезжать по обочине. Но это были только цветочки, ягодки начались, когда они въехали в город. Мало того, что мела настоящая метель из пепла, город горел и клубы дыма в отдельных местах заставляли ориентироваться только по экрану ультразвукового визора. Через мертвый город пробирались три часа. Охлаждение почти сдохло, но и температура

снаружи упала до сотни градусов и в салоне пока было терпимо.

— Слава богу, выбрались! — сказал Сергей, когда прибор перестал показывать контуры домов. — Судя по навигатору, мы на десятой автостраде. И газа в воздухе стало гораздо меньше. Может быть, эта дрянь до Сан Антонио не дошла.

— Не дошла сейчас, может дойти потом, — Олег достал бутылку с водой и приложился к горлышку. — Хочешь?

— Нет, спасибо, попой девушку. Ты прав: вулкан будет извергаться не один день, поэтому я на месте выживших сбежал бы в Мексику или через океан. Наверное, те, кто поумней, так и сделают. Пьет она воду?

— Выпила.

— Джейн, ты как? — спросил Сергей. — Говорить можешь?

— Вы знали, что так будет! — с горечью сказала девушка. — Почему молчали? Хотели все забрать себе? Правильно про вас говорили! Я читала об этом вулкане, только не верила. И никто не хотел верить. У нас все погибли?

— Миллионов двадцать в южных штатах уцелеют, — ответил Сергей. — Потом будут искать спасения в разных странах. — Поможет только мы и Австралия.

— А Европа? — с недоверием спросила она. — Неужели Европа не поможет?

— Это только начало, — сказал ей Олег. — По всему миру от голода и морозов погибли миллиарды людей. Просто вы были первыми. А европейцы к нам еще сами придут за помощью. Ты спросила, почему не сказали, и сама же ответила.

— Это когда? — не поняла Джейн.

— Когда сказала, что вам о нас правильно говорили. Американскому народу вдолбили в голову, что мы враги. Все ваше оружие готовилось в первую очередь против нас. Мы неоднократно протягивали вам руку, и по ней неизменно били. С какой стати вам помогать?

— А почему тогда помогли мне?

— Отдельные люди это не вся нация, — пояснил ей Сергей. — У нас будет немало американцев. А ты просто сильно похожа на мою сестру, вот и пожалел. Но насильно тебя никто спасти не будет. Приедем на побережье и, если захочешь, сможешь нас покинуть. Только не советую. В такие времена многие люди звереют, и ты одна без поддержки не выживешь. Олег, температура совсем упала, а газа меньше процента. В городе наверняка будут живые. Приготовь оружие.

— Зачем вам оружие? — спросила девушка.

— Затем, милая, что никакого закона и порядка в Сан Антонио не будет, — сказал ей Сергей. — Пепла падает гораздо меньше, но не видно не зги. Сейчас ночь, может быть, хоть что-то увидим утром. Через полчаса баллоны опустеют, возьмите маски.

Когда дышать стало тяжело, надели маски и слегка приоткрыли одно из окон. Вместе с воздухом в окно задувало и пепел, но не слишком сильно.

— Фильтрующих свойств масок хватит только на десять часов, — сказал Сергей. — Пепла совсем мало, поэтому включу фары. Накопители, кстати, тоже садятся, но главное, что до города доехали, а до побережья рукой подать.

— А зачем вы снимали извержение и так собой рисковали? — спросила Джейн.

— Потому что дураки, — объяснил Олег. — Он дурак потому что загорелся снять то, что никто до него не снимал и уже никогда не снимет, а я дурак, потому что поддался на его уговоры. А тебе от нашей глупости одна выгода, она тебе спасла жизнь.

— А кто вы вообще, шпионы?

— Ну насмешила! — засмеялся Олег. — Где ты видела таких глупых шпионов? Хотя... — он задумался — что-то общее есть.

— Ты его меньше слушай, — сказал Сергей. — Шпионы наносят вред, а наши действия никому не навредили. Мы с ним программисты. Америка нас кое в чем обогнала, а мы эти достижения позаимствовали. Не поняла? Ваши корпорации не включают свои локальные сети в государственную. Наши люди долго работали, пока нашли к ним подход. А потом приехали мы, взломали защиту и передали все нужное через спутники связи. Взлом хорошей защиты никогда не проходит бесследно, вскоре поднимается шум. Если бы мы вскрыли одну сеть, остальные эту лазейку перекрыли бы, а при массовом вскрытии сразу бы догадались, чьих рук дело. А это чревато крупными неприятностями. А когда эту работу проводят за день до извержения, даже если успеют что-то раскопать, уже никто не отреагирует, и труд тысяч ученых и инженеров спасен для человечества!

— А под человечеством вы понимаете себя, — горько сказала она. — Я должна вас ненавидеть, но почему-то не получается.

— Ничего, — пообещал ей Олег. — Ты меня еще полюбишь. На всякий случай запомни, что я холостой, а Сергей тебе уже брат!

— Замолчи, балабон! — прервал его напарник. — Въезжаем в город.

— Вот и свершилось, — сказал жене Алексей, выключая экран настенного коммуникатора, который вчера установили в его домашнем кабинете. — Вид со спутника меня не впечатлил.

Катастрофа произошла, и можно было без ограничений использовать в работе современное оборудование, что и делали. Возможные утечки информации больше никого не волновали.

— Лично мне такие впечатления и даром не нужны, — сказала Лида. — Если бы кто-то умудрился заснять, как лавовые потоки сжигают города, я бы такую запись уничтожила. В картинах катастроф есть что-то притягательное, но они разрушительно действуют на психику. Ты сейчас на работу?

— Нет, останусь с тобой. Все, что нужно было сделать, я сделал, сейчас работают другие. Мне встречать в их работу — это только мешать. Понадоблюсь, свяжутся по комму. Время для моей работы еще не пришло, поэтому сегодняшний день проведем вместе.

— Интересно, как на это отреагируют другие, — Лида встала со своего кресла и перебралась мужу на колени. — Включить телевизор?

— Не стоит, — ответил Алексей, обнимая прильнувшую к нему жену. — Сейчас передают только наше информационное сообщение, все остальные каналы заблокированы. По новостному каналу комма можно послушать, что передают наши люди, но лучше это сделать позже. Пока еще никто толком не понял, что произошло.

— А когда поймут?

— Скоро. Мы передаем для своих, но по открытым каналам, так что слушают многие. Только поверить в такое без доказательств... Спутников над Штатами много, поэтому информация пошла, но нужно время определиться, что с ней делать и как теперь жить. И как сказать людям, что прежней жизни пришел конец, а в новой им места нет. Удел большинства стран — это паника, анархия и хаос. В вашей истории, кроме России и Австралии, что-то похожее на государства сохранили немногие. В Европе такими были немцы. По Латинской Америке у вас вообще не было никакой информации, может, на юге кто-то и уцелел. Кислотой их сверху не поливали и было достаточно тепло. Вот только питание...

— По Канаде тоже не удалось узнать, — сказала Лида, — а Африкой даже не интересовались.

— А что ими интересоваться, — пренебрежительно сказал муж. — Там и без катастрофы в большинстве стран такое творилось... Тепло это еще не все. Могли и выжить, если опустились до людоедства, но вряд ли их осталось много. И никакой государственности точно не сохранится, по крайней мере в Черной Африке. А большая часть Канады превратилась в ледник.

— Ты не любишь негров? — удивилась Лида.

— Люблю я только тебя, — Алексей поцеловал жену в макушку, — а их мне с какой стати любить? Но и неприязни к ним у меня нет. Дело ведь не в цвете кожи, а в воспитании. И отбирать людей мы будем не по расовому признаку.

— А как вы их вообще будете отбирать? Ну что ты кривишься, мне это действительно интересно. У нас принимали всех подряд, а потом самые бесполезные посылались на те

стройки, на которых их выжило очень немного.

— И к чему вы пришли? — спросил Алексей. — Набрали полезного дерьма, да еще и сами кое-что поощряли. Я понимаю, что ресурсов у вас было гораздо меньше, но это не основание, для того чтобы разрушать нравственные устои.

— Я в правительстве не состояла, и катастрофа для нас разразилась так же внезапно, как и для всех остальных. Мы к ней семьдесят лет не готовились.

— Уела, — согласился муж. — Я действительно слабо представляю, что бы мы делали, свались все это нам на голову внезапно. — Снимаю шляпу перед вашим президентом! Ладно, давай коротко расскажу. Кто у нас в соседях? Пойдем по кругу, начиная с севера. Финляндия, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Турция, Иран, Афганистан, Китай Монголия и Северная Корея. Кажется, никого не забыл. Турцию, Иран и Афганистан можно не считать. Там граница будет полностью закрыта и никаких беженцев принимать не будем.

— Ислам?

— И ислам, и многое другое. Правоверных и у нас и своих хватает, но их давно приучили верить потихоньку и не навязывать свою веру другим. Ваша история показала, что и они могут оказывать разрушающее действие на государственные устои, но мы такого не допустим. Если что-то начнется, даже не потребуется никого выселять, просто перекроем продовольственные поставки, и все! Китай тоже можно из этого списка отсеять. У нас на Дальнем Востоке живет примерно полмиллиона китайцев, и нам их вполне хватит. Монголам мы помогать не стали, потому что не сможем их прикрыть от Китая. Точнее, сможем, но выйдет слишком дорого и ослабит нашу собственную оборону. Монголию Китай, скорее всего захватит, потому что до нее не дойдут кислотные дожди, сильно осложнившие жизнь самим китайцам. Ну и неплохой плацдарм для нападения на нас. При этом большинство монголов просто перебьют, а часть успеет перебежать к нам. Их там всего три с половиной миллиона, поэтому спасется тысяч триста. Для нас это немного, поэтому примем всех. Из Северной Кореи принимать никого не будем. Там неплохой, работающий народ, но с повернутыми мозгами. Когда тебе чуть ли не сто лет говорят, что черное это белое, такое для психики бесследно не проходит. Конечно, они там такие не все, но у нас и без них проблем будет выше крыши. Следующей отпадет Польша.

— Я знаю, что ты их не любишь.

— Это не я их, малыш, это они меня не любят. И тебя тоже, и всех остальных, кроме самих себя. Мы им совсем отказывать не будем, но отбор проведем по жесткой схеме, так что поляков много не будет.

— Если так отсеивать всех соседей, у тебя вообще никого много не будет, — сказала Лида. — Давай я пересяду в кресло, а то отсидела тебе колени.

— Вы из соседей тоже взяли немногих, — возразил Алексей. — Финляндия превратиться в ледник, а финнов восемь миллионов, и три четверти из них нам и даром не нужны.

— А последняя четверть?

— Также не нужна, но миллиона полтора приютим, если придут. К нам ведь массово пойдут не сразу сейчас, а позже, когда убедятся, что тепла нет и не будет, а есть станет нечего. Очень скоро с европейцев слетит налет цивилизованности. Все дружно забудут об общих ценностях и интересах и начнут отстаивать свои собственные. А в условиях отсутствия сильной власти подобное отстаивается кровью. Полномасштабных войн в вашей истории в Европе не было, но мелкие драки и переделки остатков ресурсов кипели повсюду.

Плюс голод и холод. Многие просто не могли добраться до наших границ. Кто в основном прибыл к вам тогда? Те, кого вытурили немцы, французы и прочие. Сначала набрали эмигрантов, а когда прижало, дружно избавились от балласта. А американцы плыли по большей части в ту же Европу, а уже потом к нам. Часть из них переправились в Австралию из Латинской Америки, часть — вместе с англичанами, когда те покидали свой замерзающий остров.

— Ну хорошо, — сказала Лида. — Мы в свое время брали почти всех, хоть потом треть из них уморили. И набрали всего миллионов восемьдесят, если не меньше. А ты хочешь многих отсеивать, хотя возможностей гораздо больше. Зачем тогда столько строили?

— А я хочу помочь боливийцам, — объяснил Алексей, — и еще кое-кому в Латинской Америке. На Кубе свет клином не сошелся. А там очень неплохой человеческий материал. Жалко будет, если они все погибнут. Главное — это не разбавить наш народ слишком сильно, а умеренное вливание свежей крови пойдет ему только на пользу.

— А то, что они там все католики, это ничего?

— Во-первых, это больше относится к прошлому веку, сейчас так истово мало кто верит, во-вторых, будем брать молодежь, а в-третьих, отбор будем проводить и там.

— С чего начали, к тому и пришли, — сказала Лида. — Как будете отбирать?

— Все будет делаться по одной схеме, — начал объяснять Алексей. — На нашей территории вблизи пропускных пунктов огораживается довольно большая площадка, на которой устанавливаются типовые конструкции надувного типа. Надуваются они полимерной пеной, а после ее затвердения остается установить освещение и обогрев. Линии электропередачи туда протянуты заранее, поэтому работу выполняют за пару дней. В каждом помещении устанавливается пять сотен столов с компьютерными терминалами. На этом оборудовании каждый эмигрант должен сдать два теста. Первый из ста вопросов нужно сдавать всего за три минуты, поэтому времени на обдумывание нет. Во втором всего три десятка вопросов и дают уже десять минут. Каждое место оборудовано скрытыми датчиками, позволяющими снимать такие параметры испытуемого, как частота пульса, давление и дыхание, причем машина фиксирует все эти изменения по каждому из ответов. В результате все делятся на три группы: тех, кого безусловно берем, тех, кому указываем на дверь и всех остальных, с которыми нужно еще разбираться. В базе машин есть данные на полмиллиона людей, полезность которых не вызывает сомнения, но и они тоже должны будут пройти тесты. Даже если получают неудовлетворительные результаты, все равно возьмем, но потом с ними будут работать или переместят в те места, где вред будет минимальный, а пользу принесут. Понятно, что семьи никто разбивать не станет. Кого выгоняем, я думаю, объяснять не нужно. Нам нужны уживчивые, порядочные люди без психических или сексуальных отклонений, которые или примут нашу идеологию, или просто с ней смирятся.

— И со многими придется беседовать? — спросила Лида. — Справятся твои комиссии?

— Куда они денутся? У меня в них скоро будет двадцать пять тысяч работников. Подбираем тех, кто знает английский или испанский, а для остальных привлекаем переводчиков. Я думаю, что пропустить три тысячи человек за год сможет каждый. Нужно быстро решить, брать или нет человека, который представляет интерес, но вместе с тем вызывает сомнения. Поскольку я не смогу оценить работу членов комиссий, нужно будет оценить их самих. И естественно, что сам я это делать не буду, но люди для этого есть. Удовлетворена?

— Получила примерное представление, а чтобы разобраться, нужно читать ваши тесты и знать, как машина оценивает ответы. Но что бы вы там ни придумали, не хотела бы я быть на месте членов вашей комиссии. Как представляю себе вереницы голодных, замерзающих людей, с надеждой заходящих в ваши надувные здания... А потом кто-то их выслушивает и выгоняет обратно на мороз. Я бы так не смогла. Дети как-нибудь влияют на выбор?

— У проблемных добавляются баллы. А если, к примеру, мужа пускать нельзя, а у него жена с ребенком, ей предлагают остаться или оставить ребенка. Детьми мы считаем тех, кто младше четырнадцати. Но у проблемных редко есть жены с детьми, а вот супруг с взятым на воспитание ребенком может быть.

— Никогда этого маразма не понимала, — сказала Лида. — Точно с жиру бесятся. Ладно, пойду я немного поваляюсь. Когда надумаешь включать комм, позови.

Первые отклики на катастрофу пришли только через четыре часа после взрыва, когда уцелевшие и обезумевшие от страха американцы повалили через сухопутную границу с Мексикой, причем не только в положенных местах, но почти на всем ее протяжении, ломая при этом мешающие металлические ограждения. Они скупали продовольствие и транспорт, после чего старались как можно быстрее убраться подальше от границы. Беглецов было так много, что скоро в приграничных городках покупать стало нечего. Деньги были не у всех, поэтому не обошлось без воровства и грабежей. Местные власти попросту растерялись. Еще через пару часов край неба с американской стороны потемнел, и полоса черноты стала быстро приближаться, погружая мир в жуткий полумрак. Люди зажигали фонари, жгли на улицах костры, бросая в них все, что могло гореть и истово молились о прощении грехов. Те, на ком грехов было слишком много, не рассчитывая на милосердие и пользуясь темнотой и бездействием властей, грабили, насиловали и убивали, пытаясь жестокостью и текилой заглушить леденящий душу страх.

— Началось, — сказала Лида. — А власти Мексики так и не выступили. А ведь наверняка знали о ваших передачах. И в Европе пока молчат.

— Испуг и растерянность, — ответил Алексей. — Вся связь со Штатами пропала почти сразу. Нас они перехватили, да и национальные космические агентства наверняка отчитались о вулкане. Я бы на их месте мобилизовал армию и вводил военное положение, а потом избавлялся от лишних ртов. Они, скорее всего, будут действовать так же, но не сразу. Нелегко на такое решиться, после того как семьдесят лет убеждали всех в приверженности правам и свободам граждан. Да и исчезновение старшего брата, которому смотрели в рот, выбило из колеи. Ничего, завтра, когда на нас начнут надвигать крышку кастрюли, молчать уже не смогут.

— А ведь нас будут подозревать, Леш, — сказала Лида. — Я бы на их месте сразу вспомнил о наших закупках продовольствия.

— Ну и что? — возразил он. — Мало того, что мне теперь на это наплевать, так еще в чем нас могут обвинить? В предусмотрительности? Не в том же, что мы проковыряли дыру в Йеллоустоне? Подожди, меня кто-то вызывает.

Вызывал министр связи.

— Алексей Николаевич, — сказал он. — Население оповещено всеми видами связи. Сотовую связь разблокировали и продублировали сообщение на все телефоны. Это все, что можно сделать. В газетах будут печатать статьи о катастрофе и ее последствиях. Ваше распоряжение о распределении всему населению фонарей из подготовленного резерва сейчас выполняется. В сельские районы их развозят по воздуху. Завтра в первой половине

дня должны закончить. По крайней мере, меня в этом заверили работники республиканских министерств.

— Хорошо, Игорь Юрьевич, — сказал Алексей, — спасибо за работу.

— Что еще за фонари? — спросила жена.

— Совсем забыл тебе сказать. Подожди минутку, сейчас принесу.

Он ненадолго сходил в кабинет, после чего вернулся в гостиную и протянул ей небольшой фонарик.

— Изготовили для всех, включая детей старше пяти лет, — пояснил он. — Светодиодный излучатель и накопитель. Светит очень ярко и непрерывно работает месяц. Яркость можно регулировать. Вечером или ночью без них никто не будет ходить. В городах будет светло, но вне зон освещения видимость почти нулевая. В квартирах и рабочих помещениях число светильников будем увеличивать. Хоть как-то компенсируем отсутствие солнечного света. Я читал, что в ваше время у многих из-за его отсутствия появлялось состояние депрессии.

— А что будет в газетах?

— Объявим о введении военного коммунизма, — невесело усмехнулся Алексей.

— Я серьезно спросила, Леш.

— А я тебе серьезно ответил. Вот же черт! Ведь уже, по сути, почти построили материальную базу коммунизма! Каждый имел нормальный дом или квартиру и за пару лет мог скопить деньги на электромобиль, а о шмотках я уже не говорю. Любая техника или мебель — бери на выбор! Питание у всех было хорошее, и каждый мог прекрасно отдохнуть! А теперь все коту под хвост! С завтрашнего дня мы отменяем деньги. Точнее, не отменяем, а временно прекращаем использовать. Деньги будем начислять на счета, но сами счета заморозим. Единственное, что можно будет сделать — это передать деньги со счета на счет. Специально оставили для стариков, которые своих денег уже не увидят. Что так смотришь? Зачем нам деньги? Кормить всех будем бесплатно. На предприятиях и в больших домах откроется много столовых, где каждый сможет поесть три раза в день, регистрируя все на свой чип. Их, кстати, выдадут всем детям старше пяти лет. Проживание и все коммунальные услуги теперь бесплатно, городской транспорт — тоже, а междугородний только по служебной надобности и специальным разрешениям. Если куда разрешат поехать, снимут деньги со счета. Одеждой и обувью всех обеспечим, а все компьютерные салоны и кинотеатры будут бесплатные. Даже бытовую технику будем давать просто так, если выйдет из строя или эмигрантам. Чем не коммунизм, жаль только, что он никого не обрадует!

— Да ладно тебе огорчаться! — успокаивающе сказала Лида. — По сравнению с тем, что будет у других, это точно коммунизм. А почему не напечатали сегодня?

— Потому что завтра, когда у них отберут солнце, потеря всего остального уже не будет восприниматься так остро. Многие еще до конца не поверили нашему сообщению. Им легче думать, что я сбрендил, чем поверить в гибель мира.

— Ты когда завтра поедешь на работу?

— Как обычно в девять. Вместе поедем. Это я сегодня дал поблажку и себе, и тебе. Один из законов военного коммунизма заключается в том, что все должны работать. Исключение — это старики, беременные и больные. Ну и те, у кого малыши до двух лет.

— Да я не против, — засмеялась Лида. — Просто хотелось бы знать, каким у нас с тобой будет пенсионный возраст? Или теперь вкалывать вечно?

На следующий день затмение началось около трех часов. Алексею передали, что фронт

пыли будет над Москвой через десять минут, и он позвонил в секретариат и вызвал Лиду к себе.

— Хочу встретить это вместе с тобой, — сказал он жене. — Можешь смеяться, но с тобой мне не так страшно. Сколько себя к такому ни готовь...

— Не надо! — сказала она, обняв мужа. — Пошли к окнам, они как раз выходят на запад.

Они стояли, обнявшись, у одного из двух окон кабинета и ждали. Минуты через три край неба подернулся дымкой, а потом следом за ней появилась черная полоса, которая на глазах начала наползать на город. Сразу же потемнело, свет убывал, пока не стало так темно, что глаза с трудом воспринимали контуры предметов.

— На два года нам убавили свет! — сказал Алексей, доставая из кармана фонарик. — Но на улице будет светлей, ориентироваться без освещения все-таки можно.

Подсвечивая себе ярким лучом света, он дошел до двери в приемную и включил освещение.

— Взяла свой фонарь? — спросил он Лиду. — Впрочем, это неважно: везде уже включили свет. Беги на свое место, у меня сейчас будет много работы. Диктатор я или погулять вышел?

Когда жена, улыбнувшись ему на прощание, вышла, Алексей сел за свой стол и уронил голову на руки. Хотелось вот так сидеть и не оборачиваться, чтобы не видеть темноту за окнами, но он поборол слабость и включил коммуникатор.

Прошли пять первых и самых тяжелых дней. Как это ни казалось дико, но все начали потихоньку привыкать и к темноте, и к ограничениям. Людей грела мысль, что это не навсегда. Два года как-нибудь можно было перетерпеть. На улице похолодало, но пока не слишком сильно. Сегодня было минус пять, но температура все время понемногу падала. Питались почти так же, только порции немного уменьшили, и не было уже большого выбора. В городе постоянно горел свет и каждый день бригады монтажников устанавливали все новые светильники.

— Скоро и солнца будет не нужно, — глядя в окно, пошутила Лида. — Реакторы все это потянут?

— Если у нас чего навалом, так это энергии, — ответил Алексей, — а если будет мало, наделаем еще. Людей все равно нужно чем-то занять.

Они отработали свое и уже были дома, но Алексею сейчас звонили и домой. Сегодня тоже были два вызова. Первым на связь вышел министр заготовок.

— Алексей Николаевич, извините, что беспокою дома, но вы сами сказали доложить, а у меня раньше не было полной картины.

— Не стоит извиняться, давайте, Николай Игнатьевич, переходите к делу.

— Дела идут не лучшим образом. Примерно треть колхозников отказывается сдавать продукты и скотину. Прямо в лоб мало кто отказывает, но тянут резину, зная, что у нас на них нет времени. Как вы и говорили, таких берем на карандаш и оставляем в покое. Это в своем большинстве мелкие хозяйства, причем на западе Украины отказы почти повсеместно. На Кавказе другая беда. Нам нужно спустить с гор всех крестьян, но почти никто не хочет ни спускаться, ни отдавать скот. На них не повлияла темнота и понижение температуры. Поблагодарили за фонари, на этом все и закончилось. Я боюсь, что если дней через десять ударят сильные морозы, мы оттуда мало кого выведем.

— В местные органы власти обращались?

— Там сидят такие же... извиняюсь! На словах соглашаются, а делать ничего не хотят. Не все, но многие.

— Успокойтесь, Николай Игнатьевич, — сказал Алексей. — Силу применять нельзя, а сейчас не то время, чтобы кого-то уговаривать. Мы им все объяснили и предложили помощь. Не верят или не хотят? Дело их. Пускай, когда приморозит, спускаются со своих гор сами! Как дела в Средней Азии?

— Там, на удивление, все идет нормально. Как только ударят морозы, проведем массовый забой скота и заморозку мяса. А крестьян уже вывозят в города.

Потом позвонил один из заместителей министра вооруженных сил.

— Алексей Николаевич, это вас беспокоит генерал Гращенков. Звоню по просьбе нашего посла в Гаване. Вопрос срочный, поэтому он не обратился по своим каналам, а передал с нашими пилотами. На Кубе сейчас температура воздуха в районе нуля, и завтра уже будут заморозки, а у них у трети населения нет никакой теплой одежды. Дома утепляют, но эта работа на месяц. Им отправили сотню контейнеров с теплой одеждой, но корабли подойдут только через три дня, да и маловато им будет посланного. А у нас чуть ли не каждый день десантная авиация туда летит порожняком. Дать бы им хоть что-нибудь из резервов? Жалко, хороший там народ, но к морозам непривычный. И если есть войлочная обувь, тоже бы подкинуть.

— Хорошо, Иван Павлович, — сказал Алексей. — Я посмотрю, что можно сделать. Сколько у вас завтра вылет? После двух? Попробуем успеть. Как идет эвакуация?

— Хорошо идет, — ответил генерал. — Каждым рейсом перевозим сто тысяч. Выделяют молодые семьи с детьми. Проверку пока делаем поверхностную. И люди вроде хорошие, и времени нормально всех проверить все равно не хватит.

— Перебьются без войлока, — сказал Алексей жене, которая слушала их разговор. Будем массово забивать скотину — получим много кожи. Синтетика вещь хорошая, но с кожей все равно не сравнится. Поэтому отправим им из резерва кожаную обувь. На Кубе все равно наших морозов не будет.

Прошло еще три дня, и в Москву прилетел председатель Европейской комиссии Хюго Петерссон. В тот же день Алексей дал ему аудиенцию.

— Господин премьер-министр! — обратился он к Самохину. — От имени...

— Нет, — перебил его Алексей. — Продовольствием мы с вами делиться не будем, нам его нужно растянуть на двадцать лет. И брать ваших граждан к себе я не собираюсь, они никак не вписываются в наше общество. Могу только приютить ваших специалистов по списку. Это всего где-то двадцать тысяч человек. Ну и, само собой, членов их семей. Еще можете передать своих детей в возрасте от пяти до восьми лет. Этих возьмем хоть миллион.

— Почему такой возраст? — оторопел Петерссон.

— С более маленькими будет тяжело, — любезно пояснил Алексей, — а более старшие могут нам припомнить своих матерей. Это все, чем мы вам можем помочь. Могли бы еще помочь с реакторами, но просто не успеем. Да и не поможет это вам, энергией сыт не будешь, а продовольствия у вас хватит от силы на год. Извините, господин Петерссон, но вас семьсот миллионов, а мои возможности ограничены. Я вам при всем желании ничем не могу помочь. И никто не сможет. Скоро ваша Объединенная Европа начнет делиться и менять свои приоритеты. Англичане сбегут в Австралию, немцы пошлют всех... далеко и, скорее всего, уцелеют, пусть и не все. Судьба остальных достойна сочувствия. Если вы отклоните

мои предложения, возможно, мы кого-то из европейцев и приютим, но тогда все будет решаться на нашей границе в индивидуальном порядке.

— Не ответите мне на один вопрос? — спросил гость. — Почему он выбрал вас?

— Не понял вопроса, — сказал Алексей. — Что вы имели в виду?

— Я хотел узнать, почему Бог, очищая Землю от нас, отдает ее вам. Чем мы хуже?

— Он не объясняет мне своих мотивов, — ответил Алексей старику, который с жадным любопытством смотрел ему в лицо. — Выбрал и заставил жить. Я могу только догадываться, но вы моим догадкам не поверите: мы с вами слишком по-разному смотрим на мир.

Только Алексея покинул европейский гость, как позвонил секретарь и сообщил, что должен подъехать адмирал Васильев.

— Он передал, что хочет поговорить лично.

— Как только приедет, пусть сразу заходит, — распорядился Алексей. — Я его жду.

Через десять минут главком ВМФ уже сидел в его кабинете.

— Много новостей, — пояснил он Самохину. — Можно было бы поговорить и по закрытому каналу, но я решил доложить лично.

— Правильно решили, Николай Павлович, — одобрил Алексей. — Выкладывайте, с чем пришли.

— Основная флотская группировка сейчас занимается портом Нью-Йорк. Взяты на заметку сотни судов с самыми разными грузами. Это и продовольствие, и ширпотреб, и промышленное оборудование. Очень много бытовой электроники. На Кубу перегнали пять круизных лайнеров и сейчас отправляют корабли с продовольствием. Разгрузят и своими командами отправят в наши порты. Позже начнем переправлять к ним суда с самыми ценными грузами. Эти уже разгружаться не будут, просто меняем команды и сажаем столько кубинцев, сколько смогут увезти.

— Самим-то кубинцам что-нибудь оставите или очистите все побережье?

— Шутите, Алексей Николаевич? — улыбнулся адмирал. — Там одних кораблей останется столько... А мы еще не брались за Ньюпорт-Ньюс. Да и в Нью-Лондоне, помим боевх кораблей, есть грузовые. И это не единственные порты на побережье, просто самые для нас интересные. Погода начала портиться. Скоро, наверное, будет штормить, да и морозы... Плавать однозначно будет трудней, да и суда в портах могут пострадать. Из-за погоды кубинцы, наверное, и до берега сейчас не доберутся, удовлетворятся кораблями. Само побережье, кстати, пострадало мало, пепла почти нет. Но в Нью-Йорке много сгоревших домов, а улицы завалены телами. Наши ребята туда не совались, просто наблюдали инфракрасной оптикой и облетели на вертолетах. Живых не видели. Если кто-то и уцелел, наверное, успели сбежать. Там и яхт, и катеров навалом, и накопители у многих заряжены под завязку. До Мексики вполне можно доплыть.

— Вы из-за мародерства не забыли о подлодках? — пошутил Алексей.

— Как можно! Сейчас перейду к ним. Что касается тех, которые были на боевом дежурстве, все дружно двинулись в Англию. Видимо, получили приказ командующего американскими войсками в Европе. Мы их перехватить не успели, да и не ставилось перед нами такой задачи. В Канаду или Австралию пока не отправилась ни одна, поэтому их и топить не пришлось.

— Как наблюдали за лодками, «Паутиной»?

— Да, три дня назад развернули систему. Связные и навигационные спутники работают нормально, а вся оптика сдохла, поэтому «Паутина» — это единственное средство. Только

вряд ли она продержится больше нескольких месяцев. И накопители сядут, и мусора на орбите много, а антенная система разбросана на сотню километров.

— Больше вам и не понадобится. Через месяц—два англичане начнут эвакуацию.

— Теперь по Нью-Лондону, — продолжил доклад адмирал. — Выход судов из Темзы мы блокировали и провели воздушную разведку. В порту несколько боевых кораблей и пять подводных лодок. Обнаружили людей, которые при виде вертолета махали руками, пытаясь привлечь внимание. Мы подсветку не убрали, поэтому нашу символику они наверняка рассмотрели, но не испугались. Я думаю, что их там выжило немного и на полноценные экипажи не набирается, поэтому больших проблем договориться не будет. Город тоже мертвый. Теперь по вашим людям. Забрали все пять групп, хоть и не без приключений.

— Что еще там стряслось? — спросил Алексей.

— Одна из групп работала в штате Колорадо и, вместо того чтобы дернуть оттуда после выполнения задания, направились в соседний Вайоминг поближе к вулкану.

— Повредились головой?

— Понадеялись на возможности тех машин, которыми их снабдили, и решили заснять извержение.

— Кто же это у меня такой безбашенный? — спросил Алексей.

— Я фамилий не запомнил. Самое интересное, что им удалось заснять начало извержения и уйти оттуда живыми. А ведь подобралась почти вплотную, километров на двести до вулкана. Мало того что удрали сами, так еще привезли с собой молодую девчонку. Она решила полюбоваться на гейзеры, а они ее завернули.

— Красивая девчонка? — улыбнулся Алексей.

— Я ее не видел, — вернул улыбку адмирал. — Говорят, симпатичная. Лет ей всего шестнадцать, но уже есть на что посмотреть. Но там дело было в другом. У старшего в группе есть сестра, которая отличается от этой девчонки только цветом волос. Вот он ее и пожалел.

— Повезло, — сказал Алексей.

— Повезло, — согласился адмирал. — И не только ей, но и им. Через Сан Антонио им проехать не удалось: дороги были перегорожены машинами и завалены телами, да и накопители разрядились.

— Что за новости? — удивился Алексей. — Как они могли разрядиться?

— Им пришлось немало поездить, а потом еще на полную мощность гоняли охлаждение, чтобы не изжариться. В общем, пришлось этой троице идти пешком через полгорода. Где-то уже на выходе их обстреляли, и вашего сердобольного программиста тяжело ранили. Второй отбилсЯ и с помощью девчонки потащил друга дальше. Когда сил тащить уже не осталось, она взяла один метатель и ушла искать машину. Потом, когда добрались до побережья, им еще пришлось нести раненого до места встречи. Вот и получилось, что он спас ее, а она — его. Без помощи этой девушки его напарник не справился бы. Мой капитан поначалу не хотел ее брать на борт, но пришлось.

— И что же его вынудило изменить решение? — поинтересовался Алексей.

— Второй ваш специалист. Он сказал, что тоже останется. Так что ее забрали, и сейчас вся команда с ней носится, как с родной. Капитан сказал, что замечательная девушка.

— Были бы они все такие! — сказал Алексей, имея в виду американцев. — Как состояние раненого?

— Гораздо лучше, но полежать придется. Им еще плыть пару дней до Севастополя.

— Извините, Александр Николаевич, — вмешался в их беседу секретарь. — С вами хочет говорить премьер-министр Японии. — Соединять?

— У меня пока все новости, — поднялся Васильев. — Не буду вас задерживать.

С экрана коммуникатора Алексею поклонился пожилой японец, одетый в черный костюм.

— Приветствую, ваше превосходительство! — сказал он, шевеля губами не в такт произносимым словам. — Прошу вас уделить мне несколько минут для важного разговора.

— Приветствую вас, господин Сатоми Морисима, — поклонился в ответ Алексей. — Ваша программа переводит и мой разговор? Или мне включить свою?

— Вы говорите на хорошем японском, — слегка улыбнулся премьер-министр. — Если позволите, чтобы вас не задерживать, я бы хотел перейти к делу. Мы знаем, что к катастрофе вы подготовились лучше всех и даже хотите принять к себе часть беженцев. У нас к вам деловое предложение. Вы можете принять восемь миллионов наших детей? Прошу вас не спешить говорить «нет». Дети будут в возрасте от пяти до десяти лет. Едят они не много, не много доставят и беспокойства. На каждые пятьдесят малышей мы отдаем одну девушку, которая будет за ними ухаживать. В оплату мы можем отдать вам любые технологии и много уникального оборудования. И уцелевшие никогда не потребуют своих детей обратно. Мы предпринимаем большие усилия для спасения населения, но всех спасти не сможем, а детям придется труднее всего.

— Мы вам поможем, — ответил ему Алексей. — Только детей вам самим придется доставлять во Владивосток, а мы их оттуда эвакуируем. Тянуть с этим не стоит, так как мы ожидаем осложнений с Китаем. Да, с оборудованием можете не спешить, а информацию по технологиям передадите по каналу, который вам предоставят.

— Не ожидала я от них такого! — сказала Лида, когда Алексей вечером рассказал ей о договоре с японцами. — Ты европейцам сам предложил, и, наверное, откажутся, а эти...

— Потому что в Европе полно придурков! — охарактеризовал Европу муж. — Они еще не до конца осознали всю серьезность положения, а когда осознают, поезд уже уйдет. Да и не смогут они ни о чем договориться, перемрут вместе с детьми. А японцам сейчас не позавидуешь. Их острова и пятидесяти миллионов не прокормят, а населения почти в три раза больше. Море, которым тоже кормились, сейчас почти ничего не даст, а купить ничего не получится. И еще эта их Фудзи начала плеваться огнем. К соседям тоже не сунешься — не те у них соседи, и кислотой сверху поливает. Но в отличие от европейцев, это правильный народ. И организованный, и дети для них — это высшая ценность, а мы им даем жизнь. И не только им, они нам под шумок сплавляют сто шестьдесят тысяч своих девочек.

— И ты их берешь. А как же бразильцы?

— У нас, малыш, хватит места и для бразильцев. В крайнем случае возьмем меньше американцев или негров из Европы. Хотя это я сказал, не подумав: у вас от белых европейцев было больше неприятностей. Понимаешь в чем дело... мы ведь можем взять и сто миллионов, и двести. Сейчас у нас всего вдосталь и так будет еще долго. Хлореллу будем добавлять в пищу только через пару лет, когда съедим текущие запасы и начнем раскупоривать свои склады в мерзлоте. Сейчас запланировано только строительство подземных теплиц, чтобы обеспечить овощами и зеленью сначала детей, а потом и всех остальных. Но если брать людей со стороны больше, чем планировалось, придется их же бросать на строительство грибных комбинатов и производство хлореллы. Опять нужны будут теплицы, и не помешает построить десяток реакторов и дополнительную жилплощадь. Все это решается, но!

— Что «но»? — спросила Лида.

— Но мы этого делать не будем. Мы не можем сильно размешивать свой народ чужими, ни к чему хорошему это не приведет. Сто миллионов — это потолок, и чем больше среди них будет детей, тем лучше. Русский — это не столько национальность, сколько состояние духа. Язык, культура и образ мысли! Мы этих японских ребятишек в казармах держать не будем, а раздадим по русским семьям. Там они быстро освою язык и пойдут в школу, где через несколько лет ничем, кроме внешности, от своих сверстников отличаться не будут. А женщины — это те же дети. Выйдут эти японки замуж и через несколько лет будут тараторить по-русски и делать все, что скажут их мужчины. В этом они еще лучше наших.

— Я тебя давно последний раз лупила?

— Не пихайся, малыш, у тебя локти острые! Шуток не понимаешь.

— Думаешь, многие возьмут?

— Ты газету внимательно читала? Вижу, что поняла. Если у женщины уже есть ребенок, но она не хочет вести скромный образ жизни, то обязана каждый раз перед этим делом принимать таблетку. Рождение ребенка будет наказываться. Средство безвредное и абсолютно надежное. Удовольствие не гарантируется, а вот отсутствие последствий — вполне.

— Ты сегодня за вечер уже дважды пошутил! Что у нас сдохло в лесу?

— Больше не буду. Я к чему веду разговор? Многие женщины хотят малышкой, а если

нельзя иметь своих, разберут чужих. Да и жалостливый у нас народ, а дети потребуют от них только времени и любви, все остальное им даст государство. А женщин, у которых в общей сложности три ребенка или больше к работе привлекать не будем. Мало того, мы им будем на счет начислять деньги. Так что детей разберут, еще и в очередь будут становиться. Подожди, кто-то вызывает через комм.

Звонил министр иностранных дел.

— Можете уделить мне несколько минут? — спросил он после взаимных приветствий. — Мы по вашему поручению дали задание послу в Бразилии организовать ваш разговор с президентом. Оно выполнено. Вас соединят с президентом через десять минут. Алексей Николаевич, пока меня еще не освободили от должности из-за отсутствия отношений с соседями, хочу вам напомнить о необходимости эвакуации на родину персонала всех наших посольств и консульств. И долго с этим тянуть нельзя, многих, возможно, уже не вывезем.

— Я хотел для этого использовать «Ковчеги», но они освободятся только через три недели. Вот что, Алексей Павлович, завтра запросите через всех послов в Европе, кроме ГДР и Болгарии, разрешение на пролет малых десантных судов «Шторм». Разрешат — сразу же всех заберем, а если не разрешат, обойдемся без разрешения. Все равно они невидимы для радаров, а с этой теменью вообще никто ничего не заметит. А в Латинской Америке и Канаде всех заберем с помощью военных моряков. Там сейчас группировка наших кораблей. По остальным будем думать завтра.

— Сейчас будешь говорить с Бразилией, — сказала Лида, когда министр отключился. — Мне уйти?

— Если интересно, можешь послушать, — разрешил муж, — только пересядь подальше от камеры. Можешь забраться на диван, только не кашляй и не сморкайся.

— Что-то ты сегодня явно не такой, как всегда, — заметила она, забираясь с ногами на диван. — Я от тебя уже давно ни одной шутки не слышала. Не скажешь в чем дело?

Загудел коммуникатор, и Алексей дал разрешение на связь. На экране возник пожилой мужчина, напомнивший Самохину его министра заготовок. Только усы побольше, и было хорошо видно, что он сильно устал.

— Приветствую сеньора президента! — обратился к нему Алексей. — Наш переводчик с португальского неидеален, поэтому я поставил испанский, вы не возражаете?

— Не имею ничего против, — ответил президент. У нас на этом языке говорят многие. Чем обязан честью общаться с вашим превосходительством?

— Скажите, вы еще контролируете страну? Этот вопрос связан с тем, что я хочу вам предложить.

— Контролирую и намерен контролировать впредь. Конечно, в отдельных местах возникают беспорядки, но было бы странно, если бы обошлось без них.

— Так получилось, что мы подготовились к случившемуся лучше других, — сказал Алексей. — Настолько лучше, что можем оказать им помощь, принимая к себе. Уже есть договоренность с Кубой и Японией, а скоро начнут привозить людей еще из одной европейской страны. Понятно, что взять всех мы не в состоянии. Прежде чем говорить дальше, может быть, скажете, что намерены предпринять? Мы долго готовились к чему-то подобному и проработали разные варианты действий. Возможно, я вам смогу помочь советом.

— Мне бы сейчас очень не помешала более существенная помощь, — криво усмехнулся президент. — Но я понимаю, что в ситуации, подобной нашей, никто не станет

разбрасываться ресурсами. Расскажите лучше свое видение того, что нас ожидает.

— Можно и так, — согласился Алексей. — Пыль рассеется через два года. Не вся, но будет светло. Температура воздуха будет падать. У вас, скорее всего, до морозов не дойдет, но все равно без теплой одежды, утепления жилищ и отопления вы не обойдетесь. Окончательно потеплеет через двадцать лет. Но это у нас, у вас это случится раньше. Значит, вы должны примерно пять лет обогревать жилища и пятнадцать лет чем-то кормить население. Ваши леса скоро погибнут, потом настанет черед пастбищ. Зерна у вас мало для людей, скот вы им кормить не будете. Если просто взять под контроль все продовольственные ресурсы, вам их хватит на год, ну максимум на два, если урежете потребление. С имеющимися запасами у вас может выжить миллионов тридцать, остальные лишние.

— И что вы можете посоветовать?

— Если сумеете удержать власть и мобилизовать население, сможете его сохранить. Вряд ли все, но хотя бы половину. Будет очень тяжело и, скорее всего, старики и дети не переживут первый год. И не нужно мне напоминать, что на год у вас есть продовольствие, вам его придется растягивать надолго. Прежде всего, вам будет нужно много электроэнергии. Это свет и отопление для городских квартир и для сельскохозяйственного производства. В деревнях можно топить дровами. Нефть у вас, по-моему, есть.

— Есть, — кивнул президент. — Раньше мы ее экспортировали, сейчас почти не используем. Все электростанции работают на газе. Договаривались с американцами о постройке реакторов, но не сошлись в цене.

— Из нефти можете делать пищу для скота или кур, а для людей выращивать грибы и хлореллу. Если добавлять обычную пищу, жить можно. Подготовьте своих людей, мы их научим, как этим заниматься, и дадим рассаду. Мы все делаем под землей, но у вас гораздо теплее, поэтому можете просто строить деревянные дома. Все равно леса погибнут, так что их можно не экономить. У вас хорошо развитая экономика, поэтому реакторы построить сможете. Дадим вам полный комплект документации на английском и поможем с оборудованием, а дальше вы уже сами.

— И что вы хотите за помощь? — дрогнувшим голосом спросил президент.

— От вас? — даже удивился Алексей. — Дорогой сеньор Мантега! Нам от вас ничего не нужно. Я просто хотел предложить спасти часть ваших детей. Я недавно говорил жене, что мне нравится ваш народ, и будет жалко, если он исчезнет. Японцы, например, передадут нам восемь миллионов своих детишек. Наверное, им тяжело на такое идти, но альтернатива для них — это смерть.

— И вы их нам потом вернете?

— Нет, — отрицательно покачал головой Алексей. — Это навсегда. Точнее, мы никого у себя насильно удерживать не станем, поэтому берем только маленьких детей. Они у вас погибли первыми, а у нас обретут новый дом и семьи. Подумайте, а потом сообщите свое решение. Поможем мы вам в любом случае, для нас это будет нетрудно.

— Молодец! — похвалила Лида, когда потух экран коммуникатора. — Как ты думаешь, много их уцелеет с нашей помощью?

— С той, которую я обещал, уцелеет мало, — покачал он головой, — а продовольствием мы никому помогать не будем. Хорошо, если они сохранят пятьдесят миллионов, а их больше двухсот. Но я думаю, что будет меньше. Пока еще все заработает на полную мощность! И то это при условии, что к ним не заявятся соседи на предмет поделиться. Давай

об этом закончим. Скажи лучше, чем думаешь заниматься завтра?

— Я не поняла, что ты имеешь в виду, — сказала жена.

— Заработалась? — спросил Алексей. — Один выходной мы у всех забрали, но второй-то остался, а завтра воскресенье.

— И ты не поедешь в Кремль? — не поверила Лида.

— Поеду, но ненадолго, а потом буду только носить ручной комм. Кому понадобится, те найдут. Хочу совместить приятное с полезным и навестить «Ковчег Алекса». Не хочешь составить компанию?

— Тебя и здесь увековечили! — засмеялась жена. — Поеду с удовольствием. Помню, сколько ты со всем этим возился. Много животных набрали?

— А разве я тебе не говорил? — задумался Алексей. — Да, пожалуй, мы с тобой на эту тему последние года два не разговаривали. Животных у нас, малыш, больше трехсот видов, из них с полсотни крупных. И только слонов у нас десяток, остальных гораздо больше. И подбирали их чуть ли не из разных концов света. Птиц в «Ковчеге» без малого не дотягивает до пяти сотен видов, а есть еще много насекомых, рыб и прочей живности. Вся эта зубастая братия там очень неплохо содержится, пятая часть производимого БВК идет туда, остальное — на фермы. И мясом с ними немного делимся, и гранулированным кормом. За всем этим хозяйством наблюдают и ухаживают пять тысяч ученых и рабочих. Все подобрано так, чтобы потом можно было возродить несколько пищевых цепочек. Сколько во все это вложено денег и труда! Мы ведь не только собрали животных, но еще храним сперму для искусственного оплодотворения самок. Без этого число живности нужно было бы увеличить самое малое в десять раз. Завтра съездим посмотреть, а то я уже год туда не наведывался. Впечатлений будет много, жаль только, что там, несмотря на хорошую вентиляцию, сильно воняет.

— Сколько вы всего нарыли возле самой Москвы! — удивилась жена. — Столько там помещений?

— Ты даже не представляешь, сколько, — довольно засмеялся Алексей. — Когда мы все выпустим — это будет заметная прибавка к той живности, которая умудрится уцелеть.

Утром Алексей не стал ждать Лену, собрался, вызвал машину и уехал, успокоив жену тем, что позавтракает на работе. В приемной его уже ждал министр иностранных дел.

— Не спится, Алексей Павлович? — спросил Алексей. — Я сегодня вскочил ни свет ни заря, а вы уже на работе.

— Какой сейчас свет! — махнул рукой министр. — Единственная разница в том, что ночью гасят половину фонарей. А спал я действительно плохо — вы правы. Вы сейчас свободны?

— Проходите, — пригласил его в кабинет Алексей. — Что у вас за вопрос?

— Я вчера, после нашего разговора, связался с болгарами и немцами. Бартель сказал, что они к нам никого посылать не будут. Энергии у них много, с жильем и одеждой тоже проблем нет, а продовольствия они набрали года на четыре. Он поблагодарил и попросил прислать специалистов по выращиванию грибов и хлореллы. БВК они и раньше делали, теперь будут только расширять производство. Глядишь, еще и своим западным родичам помогут.

— А что болгары?

— А эти не отказывались, но еще будут решать, кого выделяют на переселение. Если честно, я бы их много не брал.

— А много и не будем, — сказал Алексей. — Когда дело дойдет до конкретных цифр, предлагайте забрать пятьсот тысяч детишек нужного нам возраста. Взрослых брать не будем, разве что к детишкам добавим немного молодых девушек по японской схеме, а то с малышами на первых порах будет трудно общаться. А если откажутся, то поможем с грибами, но пусть вначале все подготовят. Если кочевряжатся, значит накупили много продовольствия. Теперь по поводу нашего вчерашнего разговора об эвакуации персонала. Сам я этим заниматься не буду. Люди ваши — вам и карты в руки. Соединитесь с Брагиным и от моего имени попросите помочь. У них должны быть экранолеты «Призрак». По моему, как раз для ваших целей. В скрытом режиме их вообще ничем обнаружить нельзя, разве что пролетят совсем рядом. Нет у нас сейчас возможности действовать по дипломатическим каналам, да и желания тоже. Выделит вам Александр Иванович с десятков аппаратов, думаю, хватит. Их делали для дальней разведки, но и вооружение такое, что при необходимости разгонят любую толпу. В каждый можно запихнуть под сто человек, а у нас их ни в одном посольстве столько не было. Вот только в Китай лучше обратиться официально. Власть у них сохранилась, возможности противодействия большие, и с нами они церемониться не будут. Вы ведь вывезли оттуда часть персонала?

— Мы, Алексей Николаевич, незадолго до катастрофы всех лишних вообще отовсюду убрали, а в Штатах не осталось никого, кроме охраны посольства. Ими пришлось пожертвовать. Им оставили скафандры и транспорт высокой проходимости, но до побережья никто не добрался, и по радио не отвечают. А в Китае осталась охрана и несколько дипломатических работников — всего двадцать три человека. И официально их не выпустят.

— Тогда и этот вопрос обсуждайте с Брагиным. Может быть, у них есть что-нибудь получше «Призраков», я всех возможностей военных не знаю, просто не интересовался. Что из посольств передают по радиосвязи?

— Из Пекина было несколько попыток связаться, но все каналы глушат китайцы, большинство остальных передают о беспорядках, пожарах и отсутствии связи с официальными лицами. О видимости порядка и наличии связи с местным руководством сообщают очень немногие. А с каждым третьим посольством вообще нет связи. Я поэтому и тороплю.

Больше никто по его душу не пришел, не было и звонков, поэтому Алексей сходил в столовую позавтракать, решил несколько оставшихся со вчерашнего дня вопросов и, созвонившись с женой, вызвал машину. Когда он подъехал к дому, Лида уже ждала у подъезда.

— Ты хоть позавтракал? — спросила она, садясь рядом с ним на заднее сидение, — или опять заработался и забыл?

— Позавтракал, — ответил он. — Работы было совсем мало. И слава богу. Мы уже выполнили почти все, что было намечено, причем без авралов. Народ потихоньку привыкает к новой жизни, а возникающие проблемы быстро решаем. Теперь до наплыва эмигрантов будем жить спокойно.

— Если бы у вас после семидесяти лет подготовки были авралы и неудачи, вас бы всех нужно было разогнать! — сказала жена. — И начать с тебя. Что у нас на границах?

— Тишина. Возвращаются те, кто уезжал за границу и по каким-то причинам не смог или не захотел вернуться раньше. Мы ведь не могли кричать на весь мир, чтобы все бросили дела и бегом мчались в Союз. Кого смогли, тех предупредили и постарались, чтобы было меньше выездов за границу по служебным делам. От соседей наведались всего несколько сот

эмигрантов. На них опробовали систему. Но уже с сегодняшнего дня японцы начнут по воздуху перебрасывать детей. Во Владивостоке к этому готовы, и скоростные поезда сейчас перебрасываются на Дальний Восток. В день перевезут только пятьдесят тысяч, поэтому если не задействуют флот, все растянется на пять месяцев. Мы столько ждать не можем, поэтому через пару недель, как только закончим с кубинцами, перебросим в Японию «Ковчеги».

— А как у нас обживаются кубинцы?

— Пока не интересовался, — пожал плечами Алексей. — Раз по ним ничего не выносится на Совет, значит, все идет так, как запланировали. А самой Кубе с одеждой помогли. Через пару дней начнут прибывать те корабли, которые мы взяли у побережья Штатов. Кубинцев они везут немного, но ценных грузов там... много. Вот пока и все новости. А вот и «Ковчег Алекса».

Машина свернула на съезд с шоссе и заехала на огороженную территорию, застроенную десятком многоэтажных зданий.

— Здесь живет большинство работников «Ковчега», — пояснил жене Алексей. — Нам нужно к главному корпусу.

У входа в большое девятиэтажное здание их встретили двое. Один, который оказался директором объекта, представился Лиде Вячеславом Андреевичем Ольховским, второй — его заместитель по хозяйственной части — только поздоровался, передал мужу какие-то бумаги и ушел.

— Дай нам кого-нибудь в гиды, Вячеслав, — попросил директора Алексей, — иначе мы с женой у вас заблудимся, а то и вовсе попадем в вольер к кому-нибудь из хищников, а вам потом долго придется отписываться.

— Если наши питомцы вас съедят, я отписками не отделаюсь, — пошутил Ольховский. — Лучше я с вами похожу сам. Если вы не возражаете, насекомых, пресмыкающихся и земноводных я вас смотреть не поведу. Их в основном содержат при пониженных температурах, поэтому эти секции не зрелищные. Рыбы интересуют?

— На сковородке, — засмеялась Лида. — Шучу. Давайте ваших рыб и ракообразных отложим напоследок, а начнем с животных.

— Желание женщины — закон! — галантно наклонил голову Ольховский. — Особенно такой, как вы! Прошу вас!

Они прошли мимо охраны к лифту и спустились на четыре этажа.

— А почему так глубоко? — спросила Лида.

— Верхний этаж используется для административных нужд, — начал объяснять директор. — На нем же находятся склады с продовольствием. Два следующих этажа — это наши питомцы, причем для мелочи используются помещения с обычной высотой потолка, а для более крупных животных два этажа свели в один. Сейчас сами увидите. А последний этаж инженерный. Там у нас нагреватели и вентиляторы. Воздух еще ионизируется и меняется его влажность. Кроме того, здесь расположены криогенные хранилища спермы. Прошу вас сюда, здесь у нас самые крупные звери.

Он открыл дверь в коридоре, которым они шли от лифта, и пропустил вперед Самохиных.

— Да, пахнет, — сказала Лида, осматривая огромных размеров помещение, разбитое на секции металлической оградой.

— А что вы хотели? — пожал плечами директор. — Здесь полсотни видов животных,

число которых немного не дотягивает до двух тысяч. Вентиляция просто не справляется. Но пахнет не слишком сильно. Мы уже принялись и не замечаем.

— А вообще, здорово! — сказала Лида, подходя к ближайшему вольеру. — Не просто пол, вы им устроили царские условия!

— Если не учитывать решеток, то все действительно по-царски, — согласился Ольховский. — Насыпали землю, несколько лет высаживали траву, превращая все в дерн, а уже потом выпускали животных. Само собой, посажены деревья и кустарники, а в бетонированных каналах течет питьевая вода. Такой красоты нет только у копытных. Они эту травку вмиг оприходуют и все разроют. Моча усваивается растительностью, но кал приходится убирать.

— Не люблю медведей, — сказала Лида. — Что-то в них есть неприятное. Хотя медвежата забавные. Пойдем дальше. Это волки? И опять много детенышей. Это специально?

— Да, у нас очень много детенышей, причем взрослые им не родители. Странно, смотрите, что они вытворяют!

Три десятка волчат, повиливая хвостами и громко твякая, устремились к посетителям. Собравшись у решетки они пытались просунуть через нее голову, повизгивали и умильно заглядывали в глаза. А некоторые падали на спину и дрыгали лапами.

— Совсем как щенята! — сказала Лида, присаживаясь на корточки и протягивая руку к одному из малышей. — Смотрите, он урчит от удовольствия! Они у вас всегда такие?

— Я их такими еще не видел, — растерянно сказал директор. — Лидия, вытаскивайте свою руку, пока вам не отхватили пальцы! Это дикие звери, а не домашние щенята. Странно, что они себя так ведут, обычно при виде посторонних прячутся и выбегают только на кормежку.

— Ничего они не сделают! — сказала она, лаская волчат. — Они не кусаются, просто лижут руки.

— Лида, отойди! — сказал жене Алексей. — Сюда идут взрослые.

К вольере молча подходили взрослые волки, впереди которых выступал крупный самец. Щенячьего восторга они не выказывали, но и не скалились.

— Это их вожак! — сказал Ольховский. — Подлая зверюга!

«Подлая зверюга» подошел к решетке, не обращая внимания на пузатую мелочь под ногами, посмотрел в глаза Алексею и ткнулся здоровенной башкой в решетку.

— Никогда не думал, что у вас столько безрассудства! — держась за сердце, выговаривал Алексею Ольховский, когда они шли прочь от волчьего вольера. — Этот не пальцы, он руку мог отхватить! Кому сказать — не поверит!

— Никому ничего не надо говорить, — перебил его причитания Алексей. — Слышали, Вячеслав? Не было ничего. Нам еще слухов не хватало.

Мимо других хищников директор постарался провести гостей как можно быстрее, но у вольера с лисами повторилась та же самая история, что и с волками. Два десятка лисят разных возрастов собрались у решетки и устроили восторженные танцы.

— Ну этих-то погладить можно? — спросила Лида.

— К этим можете даже войти, — разрешил Ольховский, прикладывая палец к окну считывателя. — Только не распахивайте сильно калитку, а то разбегутся.

Лида зашла в вольер и села на лежавшее в траве бревно.

— Жаль не взяли камеры, — сказал ей Алексей. — Тебя из-за них не видно, одна голова

торчит. Они тебя не поцарапают? А взрослые что-то не спешат присоединиться. Ладно, поиграла и пошли. А то эти любители курятины тебе все платье испачкают.

Несколько вольеров прошли, не заинтересовав их обитателей. Следующую остановку сделали у обезьян. Их было всего два вида: шимпанзе и какие-то мартышки. Что интересно, у двух самок шимпанзе были малыши.

— Для них решили сделать исключение, — пояснил директор, увидев вопросительный взгляд Лиды. — Их у нас потом заберут. Что, тоже хотите пообщаться? Так они вроде к вам обниматься не лезут.

— Я с ними сама обниматься не собираюсь, — заверила его Лида. — Просто хотела рассмотреть малышей, а мамыши далековато.

Ольховский вздохнул и открыл калитку.

— Не вздумайте трогать малыша, — предупредил он гостью. — Самка или убежит, или укусит. А зубы у них здоровенные и грязные.

Все трое прошли по дорожке к группе деревьев, под которыми сидело полтора десятка шимпанзе. Еще столько же обезьян небольшими группами сидели по всей площадке. Лида подошла к той из мамаш, которая была ближе, и присела на корточки в трех шагах от нее. А потом произошло неожиданное. Неодобрительно смерив взглядом Лиду, самка оторвала от себя протестующе запищавшего малыша, сунула его в руки опешившей женщины и, отойдя на несколько шагов, улеглась спать. Малыш, очутившись на руках, сразу перестал орать, попробовал ухватить грудь, а когда это не получилось, начал играть, дергая Лиду за волосы.

— И что мне с ним делать? — спросила она Ольховского. — Я, конечно, мечтала о ребенке...

— Давай вернем его этой лежебоке, — сказал Алексей, — пока он тебе все волосы не повывергивал. Нам нужно идти дальше, уже и так потратили много времени. Да положи его сверху на мать, он не упадет.

Зверей смотрели до тех пор, пока один из слонят не облил Лиду водой и убежал прятаться за взрослых.

— Где здесь можно обсохнуть? — спросила она растерявшегося директора. — Звери у вас какие-то ненормальные. Я их себе как-то не так представляла. Наверное, нам на сегодня хватит. Приедем к вам как-нибудь в другой раз.

— Пойдемте быстрее на первый этаж! — заторопился Ольховский. — Там у нас душевые, а в них горячий воздух. Обсохнете за несколько минут.

— Ну и как тебе «Ковчег»? — спросил муж, когда уже ехали назад. — Жаль, мы совсем мало посмотрели, но по-хорошему там и дня не хватит все увидеть.

— Впечатлений много, — согласилась она. — А твой Ольховский, по-моему, получил их еще больше меня. Хорошо, что не было персонала, наверное, он всех выгнал из секции до нашего приезда. Нам еще не хватало свидетелей братания с хищниками. Это ведь не просто так? Директор до самого конца нашей экскурсии ходил с открытым ртом. Есть мысли, что бы это могло значить?

— А черт его знает! — высказался Алексей. — Но, вообще-то, приятно. Только лисы это как-то несерьезно. Надо было для проверки зайти к тиграм. Да шучу я, зачем толкаться! Нет у меня объяснений. Если можешь, придумай сама.

— Завтра первые поезда с детьми придут в Новосибирск, — сказал Алексей

министрам. — По мере заполнения подготовленных интернатов, часть детей будем отправлять в Свердловск, где создан большой резерв по жилью. Потом уже эстафету примет Челябинск. Остальных разместим в Московской области. Ответственным за эту работу назначен Холодов. Прошу вас, Николай Борисович.

— Для детей оборудуем интернаты, используя в первую очередь санатории и профилактории, — начал свой доклад один из заместителей Алексея. — В них очень удобно размещать детей и осуществлять за ними уход. Обычный жилой фонд для этих целей подходит хуже. Основная задача — это перед раздачей детишек по семьям хоть немного научить их русскому языку. Мы собираем людей, знающих японский, но по нашим потребностям их слишком мало. Первичное общение будет проходить через прикрепленных девушек, каждая из которых перед отправкой из Японии снабжается электронным переводчиком. С детьми отправляют их личную одежду и обувь и то, что они захотят взять в семьях, так что на первое время они всем обеспечены. Мы думаем сначала по интенсивной методике обучить девушек, а уже с детьми они будут работать сами. Резервы у нас большие, так что спешить нет никакой необходимости. Большинство присылаемых детей младше восьми лет, поэтому японкам с ними будет трудно управиться. Сейчас им в помощь начали готовить наших девушек, срочно обучая их японскому на уровне, обеспечивающем общение на самые насущные бытовые темы. С применением спецоборудования на это уходит пять дней. Для решения всех этих вопросов создана специальная комиссия. Пока все идет нормально и помощи не требуется. Я сегодня вылетаю во Владивосток, чтобы лично проверить, как пойдут дела.

— Японцы передали нам авансом огромный объем научно-технической информации, — сказал Алексей. — Из Японии отправлено пятнадцать грузопассажирских кораблей с уникальным промышленным оборудованием, которые тоже везут детей. Мы взяли бы этих ребятшек без всякой платы, но если от нее не отказались, то это налагает на нас дополнительную ответственность. Уверен, что японское правительство захочет проверить, в каких условиях находятся дети, и мы им в этом препятствовать не будем. Надеюсь, что все необходимое будет выполнено без проволочек и в полном объеме. Предупредите своих работников, Николай Борисович, что с проштрафившимися никто церемониться не будет. К вам это тоже относится. Дмитрий Сергеевич, что у нас по кубинцам?

— Все согласно планам, — ответил министр МВД. — Переправляем из Севастополя и пока не выучили язык, селим компактно. Ко всем прикреплены администраторы со знанием испанского. Сначала помогаем налаживать жизнь, а потом сажаем за парты. Присылают детей и молодежь, поэтому никаких сложностей не вижу. Но это уже не мои проблемы. Нам нужно только доставить и обеспечить всем необходимым. Срок окончания их доставки будет зависеть от погоды. Это примерно две-три недели.

— Что там по болгарам, Алексей Павлович? — спросил Алексей. — Заодно дайте справку по Европе. Есть хоть что-то новое?

— Болгары еще не ответили, Алексей Николаевич, — сказал министр иностранных дел. — В Европе ругань и кавардак. Единственные, кто занят делом, это немцы, и восточные, и западные. Причем западные, скорее всего, первыми начнут избавляться от эмигрантов и сделают это в самом ближайшем будущем. Французы об этом кричат с пеной у рта, но раскочуются позже. У них и положение хуже, чем в ФРГ, а о дисциплине я вообще не говорю. Англичане в европейскую склоку не лезут, видимо, уже поняли, что на своем острове не отсидаются. Хуже всего положение в странах Северной Европы. Там уже

температуры под тридцать градусов, а резервы продовольствия, по нашим оценкам, месяца на три–четыре. Энергетика чисто тепловая: используют преимущественно газ. Пока энергии хватает, но температуры продолжают падать. Скоро народ поймет, к чему все идет, и побежит. Учитывая общую обстановку, никакой помощи они не получают, и до наших границ дойдут единицы. Давать информацию по остальным странам? Нет? Хорошо, тогда перейдем к нашей границе. Пока к ней выходит две–три тысячи беженцев в день. Принимаем примерно половину, остальных заносим в базу и предупреждаем, чтобы вторично не обращались. Я ожидаю резкого увеличения притока беженцев примерно через десять дней. Что-то прогнозировать на более длительный период не берусь. Сегодня мы забираем весь дипломатический персонал из европейских государств, кроме ГДР и Болгарии, и оценивать там события можно будет только по перехвату радио и телепередач, и по сообщениям сотовой связи. У меня все.

— Тогда давайте я вам кое-что сообщу и на этом закончим, — сказал Алексей. — Мы уже начали перестраивать промышленность, ориентируя ее на новые потребности, но перестройка идет недостаточно быстро. Еще допускается выпуск отдельных видов продукции, которая окажется невостребованной двадцать лет. Каждый из присутствующих здесь министров промышленных министерств получил список обнаруженных нарушений. Я вас всех один раз предупреждал, второго предупреждения не ждите. Нам нужно увеличивать выпуск того, что потребуется для выживания и приема эмигрантов, а не предметы отдыха у моря. У каждого из вас есть программа, извольте ее выполнять! В сегодняшних документах по министерству кормов есть ряд изменений. Наши куриные фермы откармливали птиц комбинированным кормом из пшена и БВК. Ученые разработали куриный корм из одного БВК. Испытания прошли успешно, и теперь мы сможем многократно увеличить производство курятины. Аналогичная ситуация и с кроликами. Пока мы проедаем забитый скот, никто дефицита мяса не испытывает, но через год его частично придется заменять грибами. Перед вами поставлена задача — развернуть производство нового корма, построить фермы и ввести в строй еще три реактора. Тогда мы сможем существенно увеличить рацион и сделать его более разнообразным. Если появятся вопросы, которые вы не сможете решить сами, выносите их на следующее заседание Совета.

— Как там, по-прежнему метет? — спросил премьер-министр Снор Эгген. — Садись, надо поговорить. Сейчас распоряжусь насчет чая.

— Не нужно чая, — отказался министр иностранных дел Раймонд Урфьелл. — Я перед поездкой напился впрок. Погода паршивая, и со вчерашнего дня она лучше не стала, наоборот, сегодня еще больше похолодало. У меня комм показал тридцать семь. Но ты ведь позвал меня не для разговоров о погоде?

— Хотел посоветоваться. Ученые дают прогноз по холодам на десять лет. Через год-два посветлеет, но это мало поможет. Продовольствия в стране на пару лет максимум, и у моря мы много не возьмем. Обращаться за помощью к соседям бесполезно: они в таком же положении, если не хуже. Я говорил с королем, но единственный результат этого разговора — это передача мне всей полноты власти. Поскольку Стorting сейчас не соберешь, можно сказать, что эта власть у меня была и без него. И теперь я хочу от тебя услышать, что мне с ней делать.

— Выходов всего два, — ответил Раймонд. — Точнее, для большинства он один — пришла пора умирать. Но кого-то, может быть, удастся спасти.

— Предлагаешь все запасы продовольствия оставить отобранной группе? Я об этом думал.

— Это тоже можно сделать, — кивнул Раймонд, — если получится. Даже в такой ситуации многие будут цепляться за жизнь, и им не понравится то, что ты захочешь ее укоротить. Это приведет к беспорядкам. И чью сторону займет армия, я сейчас утверждать не берусь. Жизнь — это высшая ценность, угроза ее лишиться заставляет забыть о многом. Тебе мало Петтерсонов?

— Уроды! — высказался Снор. — Опуститься до людоедства!

— Ну, они не опустились, они просто убили и заморозили в сарае с полсотни прохожих. Так сказать, запас мяса на черный день. Но я хотел предложить тебе другое. Из нашего посольства в Японии передали сообщение о том, что русские приняли несколько миллионов японских детей. Причем брали их только младших возрастов. С ними еще отправили небольшое число девушек. Но это и понятно: для каждого ребенка переводчиков не хватит даже у японцев.

— Предлагаешь нам сделать то же самое? — задумался Снор. — А чем будем расплачиваться? Надо вызвать их посла и поговорить, может быть, договоримся.

— А не с кем разговаривать, — сказал Раймонд. — Посольство СССР опустело дней десять назад. Тебе разве не докладывали? Я думаю, что нужно всем сказать правду и предложить спасти маленьких детей. Наверное, малышей наберется тысяч восемьсот. Только ведь многие их тебе не отдадут, хорошо, если согласится половина. Ну и к ним еще можно добавить немного девушек, они у нас не хуже японок. Если решишь, можно попробовать связаться с их правительством по радио. У нас есть выделенный канал. Если наберем триста или четыреста тысяч, сможем доставить за один рейс. И нужно торопиться: в море уже полно льдин. Еще две-три недели и воды у берегов скует лед. Похоже, что скоро к нехватке

продовольствия добавится и недостаток энергии. Если температура понизится до пятидесяти, нам электроэнергии не хватит. По-хорошему, людей нужно свозить в большие помещения и отключать от электричества частные дома, но разве их уговоришь...

— Свяжись. Узнай, кого они согласны принять и на каких условиях. Если договоримся, тогда я буду говорить с народом.

то же время Франция, Париж

Последний президент Французской Республики Фредерик Гибер был разочарован и во Франции и французах. Он делал все возможное для спасения нации, но все оказалось впустую. Единственное, в чем его поддержали, — это в изгнании новых граждан государства. Всех тех, кто был принят за последние тридцать лет вместе с их семьями выпроводили на немецкую территорию. Заодно избавились от всех темнокожих и вытурили итальянцев в Италию. Перекрыть все границы было нереально, и, чтобы выгнанные не вздумали возвращаться, пришлось применить оружие. Вертолеты летали над удобными для перехода участками границы, и солдаты через инфракрасные прицелы отстреливали всех замеченных. Но и оставшихся шестидесяти миллионов было слишком много. Реакторы давали достаточно энергии, чтобы осветить города и отопить жилища, но продовольствия было в самом лучшем случае на пару лет. Деньги моментально обесценились, а когда правительство решило конфисковать продовольственные запасы, большинство складов уже были пустыми. Крупные оптовики оказались предусмотрительнее. Сбор продовольствия в сельской местности тоже провалился. Продовольственные магазины мигом опустели и воцарился хаос. Началось массовое дезертирство из армии, причем дезертировали, прихватив оружие. Полиция и жандармерия еще не разбежались потому что им платили продовольственными пайками из быстро тающих государственных запасов. Так же платили и энергетикам, и немногим государственным служащим. Остальные оказались предоставленными самим себе. В стране, еще имевшей немалый продовольственный запас, половина жителей уже голодала. Взрослые еще держались, но дети кое-где уже начали умирать. Попытки использовать демократические институты власти оказались несостоятельными перед лицом человеческого эгоизма, а вводить диктатуру было поздно. Все должно было закончиться очень быстро. Через пару месяцев у правительства не останется продовольствия, а значит, и остатков силы. Полицейские и жандармы, которые и так уже не справляются с грабежами и насилием, уйдут, а потом останутся и станции. Те, кто запасся продовольствием, рано или поздно замерзнут, потому что десять лет не отопишь дом, сжигая все, до чего можешь дотянуться. Пока на улице только пятнадцать мороза, а скоро будет вдвое больше. И убеждать кого-либо бесполезно: власть уже никто не слушал. Вчера ему сообщили, что недалеко от Тулузы группа вооруженных людей захватила один из реакторов и заняла городок энергетиков, и что у них очень много продовольствия, а теперь и энергии. Эти, может быть, и выживут.

то же время Англия, Лондон

— Мне это не нравится, сэр! — зло сказал главнокомандующий объединенными

вооруженными силами НАТО в Европе адмирал Рейдмон Виллард премьер-министру Великобритании Уильяму Кевину. — И это очень не понравится моим людям! Вы должны оказать помощь моим уцелевшим в катастрофе соотечественникам!

— Я никому из них ничего не должен, адмирал! — отрезал премьер. — У меня своего населения семьдесят пять миллионов! И переправить в Австралию я смогу в лучшем случае миллионов двадцать! Остальные останутся здесь умирать, а вы хотите, чтобы я еще взял на себя заботу о ваших беженцах. Мало того, что они прибывают вообще без ничего, это в основном темнокожие выходцы из южных штатов. Мы своих черных выгнали, а теперь заниматься вашими? И кто меня поймет?

— У меня здесь каждый третий солдат — темнокожий! А в идущем к вашим берегам шестом флоте таких как бы ни половина!

— Не нужно меня уговаривать, и не вздумайте мне угрожать, — непреклонно заявил премьер. — Я и в Канберре договорился только насчет англичан! И то их пришлось припугнуть и пообещать, что мы привезем продовольствие как минимум на год для каждого! Я думаю, что американских солдат они как-нибудь пустят, учитывая флот за вашей спиной, но ораву беженцев... Попробуйте, но тогда сами их переправляйте и кормите. Мы не русские, и ни к какой катастрофе не готовились. Вот, кстати, интересный вопрос. Как вы думаете, кто будет править миром после того, как все закончится? Мы в лучшем случае просто выживем, причем с большими потерями. А они не только выживут, но станут гораздо сильнее! Они сейчас по всему миру собирают маленьких детей. Миллионы детей, адмирал! Вам сказать, кем их вырастят и воспитают, или догадаетесь сами? Почему вы не нанесли им удар? Ведь наверняка часть стратегических сил не пострадала!

— Я почему-то не вижу у вас готовности принять в этом участие, — мрачно сказал Рейдмон, — хотя у вас самих не так мало возможностей. Не хотите, чтобы они разрядили в вас свои арсеналы? Ну так и я этого хочу не больше вашего! У них мощная противоракетная оборона, и ущерб будет минимальный, а вот нам достанется! И потери понесем, и пыли добавим в атмосферу, причем радиоактивной. И я связывался с генералом Александером. Центр стратегического командования уцелел, и потери среди персонала небольшие, но все базы стратегической авиации погибли, а две трети постов на шахтах не отвечает. Остальные докладывают о сильных повреждениях и ракет, и самих шахт и просят помощи. Их там сильно трясло. И с базами флота тоже нет связи. Ракетоносцы пришли почти все, и наши базы в Европе и Турции сохранились, а вот базы в Японии не отвечают. И вы хотите в таких условиях начать войну? Они ведь могут не ограничиться Англией, а ударить заодно и по Австралии. И куда тогда поплывете, если уцелеете? Я не больше вас люблю русских, но я не идиот. Пусть они лучше бодаются с китайцами: тем все равно сейчас терять нечего и нужно избавляться от лишнего населения. Ладно, я вижу, что помощи от вас не дождешься. Как только подойдет флот, я начинаю погрузку людей и техники. Если останется место, возьмем соотечественников, сколько сможем. А место в Австралии мы себе найдем и продовольствием заставим поделиться. Если откажут, нам ведь, как и китайцам, терять будет нечего, а поменять цели для ракет дело не слишком долгое.

то же время Республика Польша, Варшава

— Значит, действовать вместе никто не хочет, — разочарованно подвел итог президент

Богуслав Грабинский. — Жаль, я рассчитывал на другое.

— Не на кого нам сейчас рассчитывать, — мрачно сказал министр иностранных дел Войцех Мацкевич. — Немцы заняты сами собой, англичане, похоже, скоро сбегут, а Франции больше нет. Остальные не только не помогут, скорее, навредят, если узнают о наших запасах.

— Запасы! — раздраженно сказал президент. — Вы читали заключение академии? Двадцать лет! А запасов хватит в лучшем случае на четыре года! И далеко не все согласны сдавать продовольствие. Мы с такими церемониться не собираемся, но на своих запасах все равно не дотянем. И производство БВК мы сами не запустим. Нет нефти, нет оборудования, ничего нет! И за помощью к Самохину я обращаться не хочу! Сами знаете, что он нам может припомнить и что скажет. И мы не можем, как другие, кого-нибудь выгнать: от всех чужих уже давно освободились.

— Самохин принимает малышей, — сказал министр. — Много берут у японцев и договорились с бразильцами. Может быть, и нам своих так же? Если будет тяжело, все равно перемрут.

— Пусть лучше перемрут, чем отдать этим! — со злостью сказал президент. — Еще предложи подложить под них наших женщин!

— У нас красивые девушки, — нерешительно сказал министр. — Через них можно было бы воздействовать...

— Вы себя, пан Войцех ни с кем не путаете? — язвительно сказал президент. — У них получается действовать через женщин, а у вас не выйдет! Не те у нас женщины. В этом они ничуть не лучше русских: муж для них важнее бывшей родины! К Самохину обращаться не будем и никого туда не отдадим! Энергии много, продовольствия пока много, так что подождем. Надо будет только снизить нормы потребления. Русские будут помогать восточным немцам, а мы попросим их поделиться опытом. В этом они нам не откажут. А потом, может быть, Бартель поможет и более существенно. Нам есть что ему предложить.

то же время Индия, Дели

— Доложите обстановку, — приказал президент Самир Баччан. — По штатам Бихар и Кашмир попрошу подробней.

— За прошедшие сутки обстановка изменилась мало, — начал доклад премьер-министр Киран Сингх. — Несмотря на массовую выдачу ручных осветителей и налаженную раздачу продовольствия, не утихают волнения и столкновения, в том числе и на религиозной почве. Большие проблемы из-за холодов, особенно в сельской местности. Все запасы теплой одежды мы уже раздали, но ее надо было в три раза больше. В штате Гуджарат положение удерживаем только с помощью армии. Пришлось несколько раз применять оружие. В штате Бихар не утихают беспорядки, спровоцированные мусульманскими общинами. Полиция не справляется, и власти штата требуют помощи армии. Численность жертв в межобщинных столкновениях идет уже на десятки тысяч. Мое мнение, что нужно действовать жестко, пока столкновения не перекинулись на соседние штаты, и мы имеем возможность использовать армию. Есть все основания полагать, что в самое ближайшее время она нам понадобится для отражения нападения китайцев.

— Продолжают наращивать силы? — спросил президент.

— Да, данные разведки показывают, что их силы на границах со штатами Кашмир и Аруначал-Прадеш за последнюю неделю увеличились вдвое. Разведка велась «Невидимками», но два аппарата у нас все-таки сбили. Мы повысили степень боеготовности войск и начали их переброску. В первую очередь это артиллерия. В Совете Национальной Безопасности очень надеялись на то, что Китай все-таки нападет на советский Дальний Восток, но они выбрали нас. Больше половины Китая сильно пострадала от кислотных дождей, а нас эта напасть миновала. У нас гораздо теплее, чем на востоке СССР и имеются немалые запасы продовольствия, а руководству Китая сейчас жизненно важно вывести население их восточных областей и увеличить продовольственные запасы. Кроме того, война поможет отвлечь население и сократить его нашими руками. Поскольку им нужна земля, вряд ли в зоне боевых действий применят что-нибудь из ядерных или химических арсеналов, а вот нанести удар по столице или другим крупным городам они могут.

— И что вы намерены предпринять?

— А что мы можем предпринять сверх утвержденного плана? — пожал плечами премьер-министр. — Части противоракетной обороны ведут круглосуточное дежурство в режиме полной боевой готовности, и стратегические силы готовы нанести удары по самым крупным городам Китая. Раньше мы хотели, в случае начала войны, эвакуировать часть городского населения в сельские районы, но теперь это нереально.

— Мало нам было этого вулкана, так теперь еще и война! — в сердцах сказал президент. — А как наш договор с Вьетнамом? Что там у них творится?

— Почти то же самое, что у нас, только хуже. Не будут они воевать, если китайцы не полезут сами. У остальных соседей положение еще хуже. Исключение — это Лаос, но нам они не помощники.

— Вы узнали, с чем связана эвакуация советского посольства?

— Связались по выделенному радиоканалу с их министром иностранных дел. Они эвакуируют свои посольства по всему миру. Как нам сказали, тесного сотрудничества с другими странами не планируется самое малое пятнадцать лет, а отдельные вопросы можно решить по радиосвязи. Причем из-за беспорядков и развала государственности в ряде стран потеряна четверть дипломатического персонала. По нашей просьбе они сбросили нам всю имеющуюся информацию по извержению и свой прогноз о восстановлении климата. Освещение вернется к норме через два года, а тепло для нас — через пятнадцать лет. Первые посадки можно будет пробовать через десять лет, а у нас только трехлетний запас продовольствия. Они дали свои советы, но считают, что мы потеряем до девяноста процентов населения, да и то только при отсутствии войн и крупных внутренних потрясений, и еще при условии, что сразу возьмем под контроль все продовольствие и резко ограничим его потребление.

17 мая 2042 года СССР, Москва

— Собирайся, едем домой, — сказал Алексей жене по коммуникатору. — Или у тебя есть желание поработать сверхурочно?

— Одеваюсь и иду вниз, — ответила Лида. — Пусть сверхурочно негры работают, у нас их твоими стараниями скоро станет много.

Алексей надел шубу и спустился вниз. У выхода на ступеньках стояла Лида и смотрела

на падающий снег.

— Я всегда любила на него смотреть, — сказала она мужу. — Еще девчонкой лежала в кровати и смотрела, как за окном в свете фонаря ветер несет снег. Что-то в этом есть завораживающее.

— Пойдем, — взял он ее за руку. — Сядем в машину, из нее любуйся, сколько душе угодно. Из-за этого завораживающего зрелища тысячи людей завтра с утра займутся чисткой улиц и дорог.

— И за этого мужчину я когда-то вышла замуж! — сказала она. — Приземленный ты человек!

До дома, как всегда, доехали очень быстро и через десять минут уже прошли пост контроля и поднялись на свой второй этаж. Ужинать было еще рано, поэтому оба расположились в обнимку на диване в гостиной и минут двадцать молча сидели, пока Алексею не захотелось поговорить. В последнее время подобные посиделки стали привычными и помогали снимать напряжение прошедшего дня.

— Помнишь, мы с тобой говорили о японских детях? — спросил он. — Ну когда я говорил, что наши женщины будут становиться в очередь на усыновление. Так вот они уже становятся. Японские девчонки из первых партий уже сносно говорят по-русски и начали ему учить своих подопечных. Научат, как проситься на горшок, и начнем их раздавать. Языку потом доучатся в школе. Завтра привозим последних и перебрасываем «Ковчеги» в Норвегию. Они отправили своих детей морем, но все на корабли не поместились, а второй рейс сделать не успевают, иначе просто не доберутся в порты. Море начало замерзать. Да и тяжело детям столько дней плыть в этих замороженных коробках.

— А девушек тоже берете? — спросила Лида.

— А как же. Скандинавки нам не помешают.

— Ты, случайно, не планируешь вводить многоженство? — пошутила Лида. — Тянешь отовсюду девиц, а у нас их и так было больше, чем парней.

— Хочешь, чтобы у меня была вторая жена? — пошутил Алексей.

Шутка получилась неудачной: жена обиделась.

— Если надумаешь брать, бери постарше, — посоветовала она, отодвинувшись от мужа. — Молодой от тебя никакого проку. Ты уже забыл, зачем нужны молодые. Я, наверное, так никогда и не узнаю, сняли мне запрет на детей или нет. Плохо, когда тело молодо, а душа постарела.

— Может, ты и права, — сказал он, не делая больше попытки ее обнять, — но я думаю, малыш, что дело не в старости и даже не в том, что я устал от однообразия жизни. Просто такое время. Повсюду смерть и горе, и то, что нас это обошло, ничего не меняет. Я почти не устаю физически, но морально к концу дня сильно измотан. Мы ведь до сих пор получаем сводки из разных стран. Наших там нет, работают местные, которым мы заплатили продовольствием. Им это нетрудно, а мы в курсе их дел. Понимаешь, мне по вечерам хочется прижать тебя к себе и не отпускать, а заниматься любовью нет никакого желания. А ты молчишь. Если тебе нужно, стоит только сказать.

— Дурак! — услышал он в ответ.

— Может быть, — согласился Алексей. — Годы не делают человека умнее, только добавляют ему опыта. А если заниматься все время одним делом, то и опыта много не будет. Ну станешь асом в своем деле и будешь верно оценивать людей с первого взгляда, но и только. Тебя я должен знать, как облупленную, ну и что? Иной раз и общаться не нужно, и

так знаю, что ты думаешь и скажешь в следующую минуту, а иногда невинная шутка вызывает такой вот эффект. Если я постарел душой, наверное, это коснулось и тебя. Раньше ты никогда на подобное не обиделась бы, и не почувствовала бы себя ущемленной. Подошла бы и разорвала на мне трусы!

— Считай, что я их на тебе разорвала! — сказала Лида. — И что дальше?

— Известно что, — ответил Алексей, подхватил ее на руки и унес в спальню.

Вышли они из нее минут за десять до прихода Лены, которая в это время занималась ужином. До окончания подготовки опять сели на диван.

— Знаешь, мы, наверное, не будем воевать с Китаем, — сказал Алексей. — Они решили, что Индия предпочтительней стылой тундры или замороженной Сибири. И индийцы, как противники, будут послабее. Хотя за последние тридцать лет они многого добились. Продовольствия, кстати, много набрали. У них же раз в несколько лет все заливают водой, поэтому скупают продовольствие и делают запасы, благо средства имеются. А тут еще три года подряд были свои очень неплохие урожаи. При их численности все равно, конечно, не хватит, но если им китайцы эту численность сильно сократят...

— Атомное оружие? — спросила Лида.

— Конечно. У индийцев много городов с очень большой численностью населения, а защиты вроде нашей и у американцев не было. Они, как противники, примерно равноценные, поэтому, если сцепятся, потери с обеих сторон будут огромные.

— Неужели они этого не понимают? Я имею в виду китайцев.

— Понимают, но у них просто нет другого выхода. Или внутренняя свара, или война с внешним врагом. Ну и, наверное, подготовили какие-то сюрпризы. А города им все равно покидать, там сейчас из-за кислотных дождей жить тяжело. Всех при этом выводить не будут: и некуда, и все равно лишние люди. А индийцы теряют больше, хотя бы потому что у них основные запасы продовольствия хранятся в городах.

— А нам эта война выгодна, — сказала Лида. — Ведь так?

— Нам выгодно, что не нам драться, — вздохнул Алексей. — В уничтожении индийцев никакой выгоды нет. Нам они ничем не мешали, наоборот. Понимаешь, мы ведь все равно не подгребем под себя весь мир, да никто и не ставит такой цели. Будем основной силой нашего мира, но не единственной. Освоим Европу, оставив кусочек немцам, и займем часть Штатов. Потом, может быть, будут какие-то территории в Азии. После катастрофы останется слишком мало людей. Во всем мире их будет не больше, чем у нас, причем разбросанных небольшими группами. И все они потянутся к нам, потому что за двадцать лет одичать не успеют, а современное производство всего необходимого малой группой людей не создашь. Даже такой стране, как наша, была выгодна кооперация. Поэтому я считаю выгодным помогать другим. Не всем и без большого ущерба для себя, но помогать. Выживут и будут помнить.

— Будут ли?

— Кубинцы с бразильцами запомнят, и японцы тоже, а вот у большинства поляков это будет только лишним поводом для неприязни. Поэтому мы им помогать и не станем, разве что кое-кого пустим к себе, когда у них закончатся припасы. Сейчас Грабинский удавится, но к нам не обратится. Он знает о том, что я ему скажу.

— Что, неужели совсем не поможешь? Не верю!

— Помогу я им, помогу, но не в ущерб себе и на моих условиях. И еще заставлю отработать. Это будет только справедливо. А после оттепели им придется смотреть нам в

рот, любят там они нас или нет. Это еще если хоть кто-нибудь уцелеет. Отношение между людьми — это одно, а между государствами — совсем другое, а я должен в первую очередь заботиться об интересах своей страны и своего народа. И никто не сможет меня упрекнуть. Ресурсы у нас не безграничные, и жаждущих помощи гораздо больше, чем мы ее можем оказать. Так что выбирать, кому оказывать помощь, а кому отказать — это наше право. Хотя по-человечески мне жалко их всех, даже поляков. Люди не заслужили такой судьбы, тем более если это дети.

— А что у нас на границах с Европой?

— Пока подходят всего несколько сотен человек в день. Считай, никого нет. Но скоро должны появиться те, кого выгнали сами европейцы, а потом те американцы, которым не нашлось места на уходящих в Австралию кораблях. А по данным «Паутины» англичане уже начали отправлять караваны судов. Флот у них большой, но им наверняка, помимо пассажиров, нужно еще везти провиант. Одним рейсом не обойдутся, а море скоро застынет. Сейчас они всю используют авиацию, но все равно вряд ли вывезут даже треть своего населения, кому в таких условиях нужны американцы! Кстати, к Англии подошел один из их флотов, судя по всему — шестой. И где-то еще должен болтаться седьмой, остальные они расформировали. Наш информатор сообщает, что на него грузят кое-какую боевую технику и американских солдат. И все ракетноносцы там, а значит, их придется отпустить. Наши моряки захватили в порту Нью-Лондон четыре уже прошедшие ремонт атомные подлодки и одну, на которой он еще только начат. На базе спаслось несколько человек. В основном это технический персонал. Они нам ее сдали в обмен на спасение. Сейчас помогают нашим ребятам осваивать американские подлодки и грузить в контейнеровоз все ядерное оружие, которое было в арсенале базы. А там его много, причем и тактическое, и стратегического назначения. Оставлять такое нельзя, поэтому все вывезем к себе и разберем где-нибудь в безопасном месте. Химию тоже надо забрать, ее уничтожить еще проще. Там, помимо подлодок, пришвартована пара эсминцев, но их пока придется оставить. На все просто не хватит рук. Проследят, чтобы кубинцы отогнали к нам последние из отобранных кораблей, и пойдут в Севастополь. Пару бортов ненадолго задержим, чтобы забрать дипломатов. Сделают, и тоже домой. Нужно заканчивать с плаваньем. Холодно, темно, а теперь еще начинаются шторма, и все чаще встречаются льдины и даже айсберги. Возможно, из-за вулкана сполз в океан ледник в Антарктиде, вряд ли все это успело замерзнуть само.

— Что, сильно болит? — спросила Ольга.

Она только что вернулась из школы, бросила в прихожей свой рюкзачок и первым делом пошла в комнату брата. Он сидел на кровати и пил чай из чашки, держа ее здоровой рукой. Увидев сестру, поставил чашку на столик и мотнул головой в сторону двери.

— По-моему, она опять плачет. Пойди успокой. Да нормально все, скоро буду бегать, по крайней мере на одной ноге. Но и вторая когда-нибудь заживет.

Ольга послушно пошла в комнату Джейн и еще на полпути к ней слышала тихие всхлипывания. Вот как их мог слышать брат, и почему он всегда чувствовал, когда она ревет? Неужели он влюбился в ее американскую двойняшку? Девушка подошла к новой сестре и обняла ее за плечи.

— Не надо плакать, — сказала она по-английски. — Сейчас повсюду горе, а ты спаслась. Нужно радоваться, а не разводить сырость.

Английский она знала хорошо, лишь иногда немного задумывалась, вспоминая нужное

слово. Сестра пока могла говорить на русском только на самые простые темы, но она быстро училась.

— У меня, как и у вас, не было родителей, — сказала Джейн. — Только дядя и его семья. Но он был замечательный. Я ведь совсем не помню родителей, а его, когда была маленькой, вообще называла отцом. Он и не возражал, возражала тетя. А теперь они все погибли. Почему? За что нас покарал бог?

— А ты верующая? — спросила Ольга. — Крестик я у тебя на шее видела.

— Не знаю, — шмыгнула носом Джейн. — Наверное. Крестили, но в церковь я не хожу. У нас в нее и старшие не часто ходят. Может быть, из-за этого? А ты не веришь?

— В те сказки, которые написаны в священных книгах точно не верю, — задумалась Ольга. — И вообще раньше ни во что такое не верила. Я ведь комсомолка! А теперь думаю, что, может быть, что-то и есть. Ты же знаешь о нашем главе?

— О Вечном? У нас о нем много всего писали. О нем и о его жене. Только их чаще связывали не с богом, а с дьяволом.

— А что у вас о нас вообще говорили хорошего? Много можешь вспомнить? Вот ты уже месяц знакома с моим братом, можешь сказать, что в нем плохого?

— Вы хорошие люди! — вытирая лицо платком, ответила Джейн. — Но и у нас таких много. И если к вам не все относились хорошо, то виновато правительство и те, кто заправляли пропагандой.

— А нам намного легче, что не виноват народ, если он нас считает злом и производит горы оружия? — возразила Ольга. — Ладно, не будем об этом. Я тебе начала говорить о Самохиных. Так вот, у нас мало кто сомневается, что он знал об этом извержении и как-то сумел убедить правительство. Мы ведь очень долго готовились к катастрофе, и он руководил подготовкой.

— Мы тоже знали, что когда-нибудь он может бабахнуть, — сказала Джейн. — Кое-кто из ученых даже считали, что это может случиться лет через тридцать–сорок. Вот уже несколько лет, как лава перестала подниматься. Но я не слышала, чтобы хоть кто-то готовился. И как мы к такому могли подготовиться?

— Если бы знали точно, то подготовились бы! — возразила Ольга. — Выход бы нашелся, особенно у Соединенных Штатов. А на основании чьих-то предположений и у нас никто не стал бы десятки лет что-то строить и запасать продовольствие. Ты просто не представляешь, сколько всего было построено!

— Хочешь сказать, что они знали?

— Я тебе об этом уже пять минут говорю. Они знали и сто лет готовились! И готовили страну. И все это время оставались молодыми. Никто не верит в то, что это не связано. А недавно по рукам пошла гулять одна запись. У нас построен огромный зверинец, чтобы сохранить зверей, птиц и других. Погибнут же не только люди, но и часть растительности и большинство животных. У нас этот зверинец зовут ковчегом. Так вот недавно его посетили Самохины. Они пошли в отделение к самым крупным животным, а директор перед этим вывел оттуда весь персонал. Так вот, к ним там половина хищников ластилась, а обезьяны отдавали своих детенышей. И это все дикие животные, прирученных там нет!

— А как же тогда узнали, если директор всех разогнал? Сам растрепал?

— Нет, — засмеялась Ольга. — Кто-то спер записи регистраторов и потом размножил. У нас дома компы не у всех, но их куча в салонах. Так люди туда специально бегают смотреть.

— И ты тоже видела?

— Только запись с волками. Там сначала волчата сбежались к Лидии Владимировне, а потом подошли взрослые, и их вожак подставил Алексею Николаевичу почесать свою башку. Ну он и почесал, а волк ему потом облизал руки. А пасть у него, знаешь, какая? А директор стоял рядом весь белый и хватался за сердце. Скажи, может такое делать простой человек?

— Почему же он ничего не сказал нам?

— А ты немного подумай сама. У нас писали, что мы пять раз предлагали вам кардинально сократить вооружения, подписать договор о ненападении и убрать все препятствия в торговле и каждый раз получали отказ! Не мы окружили ваши Штаты военными базами, а вот ваши на наших границах были повсюду. Не мы вас сделали врагами, вы этого добились сами! Вчера, когда к Сергею приходил Олег с еще одним парнем из их группы, они как раз об этом спорили. Мне было интересно, и я немного подслушала. Так вот, они сошлись на том, что если бы вы все узнали заранее, то стали бы спасаться за счет нас.

— О чем ты говоришь? — не поняла Джейн. — О продовольствии?

— Вас было четыреста миллионов, — начала объяснять Ольга. — Как ты думаешь, где можно поселить такую прорву народа? И не просто поселить, но еще обеспечить всем необходимым? Европа перенаселена, и свободных ресурсов в ней нет. Европейцам самим всего не хватает. И везде примерно то же самое, кроме Австралии и Канады. Но в Австралии нормально всех не устроишь, а Канада сама сильно пострадала от вашего извержения. И кто остается? Только мы. И свободной территории навалом, и ресурсов. А если очистить от населения, то больше вообще ничего не нужно делать — живи на всем готовом!

— А вы бы не поделились? — спросила Джейн. — Ведь все равно не используется!

— У тебя есть большая, просторная комната и лишний диван, — сказала ей Ольга. — А у соседа сгорела квартира. Пустишь ты его к себе жить, да не на время, а насовсем? И, прежде чем ответить, учти, что этот сосед тебе всю свою жизнь делал гадости и тебя саму ни в грош не ценит и считаться с твоими интересами не будет. Немцев из ГДР мы бы точно к себе пустили, может быть, даже японцев, если бы их острова начали тонуть, но не ваш народ. И брат говорил, что ваша враждебность это даже не основное. У нас слишком разное мировоззрение. Быть добрыми соседями мы бы могли, но в одной квартире не ужились бы. Подобное вообще трудно, поэтому мы больше спасаем детей. Не только из-за того, что их жалче, их проще сделать своими. Но и американцев будем принимать. Нам говорили, что это будет уже скоро.

— Ну что, успокоила? — спросил брат.

— Больше не плачет, — неопределенно ответила Ольга.

— И чем же это ты ее успокоила? — не отстал Сергей. — Что-то тебя долго не было.

— Послушай, а как ты к ней относишься? — неожиданно спросила Ольга. — Как к сестре, или она тебе нравится, как женщина?

— Какие еще из вас женщины, — пренебрежительно ответил брат, но было видно, что он смутился. — Детский сад! Тебе еще два года ходить в школу, а она только чуть-чуть старше тебя. Возьми чашку и, если тебе нетрудно, принеси горячий чай.

На кухне Ольга увидела Джейн, которая включила чайник и доставала из шкафа банку с чаем.

— Так! — сказала она. — Ставим чай, глазки отводим, и щеки зарумянились. Подслушала?

— Это вышло случайно, — еще больше смутилась Джейн. — Я просто хотела зайти и услышала конец вашего разговора.

— Ну ладно, он мне врет, может быть, скажешь ты? Тебе Сергей нравится?

— Оля, а мне обязательно быть ему сестрой?

— Все, дальше можешь не продолжать: все признаки налицо. У тебя хоть были парни?

— Был один, с которым я дружила, мы с ним даже поцеловались. Только ты Сергею не говори.

— А почему разбежались?

— Сходили в молодежное кафе и выпили стодж. А потом дядя опробовал на моей заднице новый ремень, а его турнул. Его родители еще приходили разбираться и назвали его консерватором. А меня дядя после всего еще отвел к врачу, который сделал пару уколов, чтобы не могла пробовать дурь.

— Так стодж это наркотик?

— Скорее, галлюциноген с веселящим эффектом. Удовольствия, как от наркотика, нет, но весело. Все предметы искажаются, но не страшно, а смешно. И этим можно управлять. У стойки стояла толстуха, похожая на корову. Я захотела, и у нее выросли хвост и рога. Это безвредно и не вызывает привыкания, ну или почти не вызывает. Но дядя меня тогда сильно выдрал. Он сам даже не курил и почти не употреблял виски. Говорил, что бог дал человеку ум, не для того чтобы тот его пичкал дурью.

— Правильный человек, — одобрила Ольга, — жаль, что погиб. А разве у вас наркотики продаются свободно?

— А разве можно ограничивать людей? — удивилась Джейн. — Таким, как я, чего-то по-настоящему сильного не продадут, но если тебе больше двадцати одного года, продадут все. С тех пор как научились снимать зависимость, это не проблема. Пробуют все, подсаживаются только придурки. Послушай, ты говорила, что погибнет растительность. Это из-за морозов?

— По-разному, — ответила Ольга. — В тропиках, где не будет морозов, гибель наступит из-за недостатка света, а если ударит мороз, то и из-за него тоже. Нам на биологии объясняли. А у нас из-за морозов деревья спят и нехватка света на них сильно не скажется, а вот длинная зима убьет двадцать процентов хвойных и треть лиственных деревьев. У

кустарников отомрет только верхняя часть, потом начнут расти от корня. Лягушки, тритоны и рыба в большинстве выживут, особенно в мелких водоемах, которые быстро промерзнут. Может быть, сохранится и животная мелочь, но крупные животные все погибнут. Пойди, отнеси Сергею чай, ему будет приятно. Не хочешь? Тогда пойдем вдвоем. Прихвати печенье. Это еще со старых запасов.

— Пришли навестить болящего? — спросил Сергей при виде девушек. — Что это ты, хозяйка, расщедрилась на печенье?

— А это тебе от меня подарок за сделанную запись. Сегодня ее показывали старшим классам. Там и Джейн была в обнимку с Олегом. Но извержение, конечно, класс!

— Это получилось случайно, — смутилась Джейн. — Был сильный толчок...

— На какой, интересно, скорости вы оттуда удирали? — спросила Ольга. — Пейзаж так мелькал, что рябило в глазах. Наша училка еще высказалась, что за эту съемку безумцу, который ее сделал, нужно поставить памятник. Меня почему-то терзает подозрение, что для таких съемок ты со своей кабинетной специальностью — не самая лучшая кандидатура. Колись, сам туда поперся?

— Зато спас Джейн, и у тебя теперь есть сестра, — сказал Сергей, забирая у нее чай. — Положите печенье на столик.

— Ладно, безумец, — сказала ему Ольга. — Государственная премия и невеста — это неплохая компенсация за два пулевых ранения. Ешьте свое печенье, а я пойду отдохну после школы.

— Ты сегодня собираешься домой? — спросила Лида, зайдя к мужу в кабинет. — В секретариате уже нет никого, кроме дежурного. Я ждала звонка...

Алексей сидел за своим столом, откинувшись в кресле, и выглядел очень уставшим.

— Извини, — сказал он. — Конечно, сейчас пойдем. Суматошный день: слишком много всего случилось, поэтому немного устал.

— Да, я заметила. Весь день наши работники носились, как наскипидаренные. И почты было больше обычного. Но меня это не коснулось. Я пошла одеваться и буду ждать внизу. Не задерживайся, а то вместо меня увидишь снегурочку. Смотри, как метет.

Спустившись, он увидел ждущую его в вестибюле Лиду.

— Даже с моей любовью к снегу — это чересчур, — сказала она Алексею, кивнув на снежную круговерть за окном коридора. — Решила подождать тебя здесь.

— Давай руку, — сказал он ей, протягивая свою, — а то унесет. Снег становится проблемой. Надо запустить дополнительное изготовление снегоуборочной техники, а то имеющаяся не справляется. И конца этим снегопадам не видно.

До стоявшей в полусотне шагов машины добежали уже все облепленные снегом.

— Давай быстрее, Коля! — сказал Самохин шоферу, — а то весь этот снег сейчас растает. И мы намокнем, и вся машина будет мокрой. Улицы все равно пустые.

— Не имею права, Алексей Николаевич! — отказал шофер. — Наоборот, поедем медленней: слишком плохая видимость. А снег с вас Валентин отряхнет.

Он, не разгоняясь, поехал к выезду из Кремля, а телохранитель перегнулся через сидение и помог им немного очистить одежду. До дома ехали вдвое дольше обычного. Видимость не превышала пятидесяти метров, поэтому шофер сильно не гнал и включил навигатор.

— Позвони Лене, чтобы сегодня не приходила, — сказала Лида, когда зашли в квартиру.

— Ни к чему ей мотаться по такой погоде, ужин я и сама прекрасно приготовлю.

Она быстро заварила чай и приготовила яичницу с грибами, после чего они поели и ушли в гостиную на диван.

— Что у вас сегодня случилось, что все так носились? — спросила Лида. — Хорошее или наоборот?

— Было и хорошее, — ответил он, — но, вообще-то, сегодня страшный день. Когда-нибудь его наряду с датой извержения будут поминать минутой молчания. Если сегодня погибло меньше народа, чем при извержении, то ненамного.

— Война? — спросила она.

— Да, примерно с одиннадцати часов утра до часа дня наши спутники зафиксировали мощные вспышки, которые просветили пылевой слой. Около сотни на территории Индии и в два раза меньше в Китае. Мощность зарядов по нашим оценкам составила от ста до трехсот килотонн. Мы сделали запросы по выделенным каналам, но ни индийцы, ни китайцы нам на них не ответили.

— И что теперь?

— А черт его знает! — ответил муж. — Скорее всего следует ожидать массового наплыва беженцев из Китая. Мы привели в полную боеготовность все войска в районе границы. Приказ один: никого на нашу территорию не пускать. Выбор средств на усмотрение командования. Они почти все обречены и в скором времени умрут. Вот и пусть это делают на своей земле!

— Тяжело? — спросила она, взяв его руку в свою.

— Гораздо тяжелей, чем я думал, — ответил он. — Кто-то сказал, что гибель одного человека — это трагедия, а миллионов — статистика. Его бы на мое место! Легко быть добреньким, попробуй одним росчерком пера лишить жизни миллионы людей! Я понимаю, что должен так поступить, но все равно чувствую себя мерзавцем!

— Что еще случилось? Ты сказал, что было что-то хорошее.

— На фоне этой войны все остальное выглядит мелким. Кое о чем ты должна была слышать в секретариате. Детей из Японии вывезли, поэтому сейчас вывозим с дальневосточного побережья рыбу и оленей.

— Нет, не слышала. Насчет оленей понятно, а что за рыба?

— В прошлом году мы на Дальнем Востоке выгребали всю рыбу, до которой смогли дотянуться. Все это морозилось и хранилось на побережье в термоконтейнерах. Сейчас по железной дороге вместе с мороженными оленьими тушами перевозим вглубь страны. Население с побережья, видимо, будем убирать. Оставим только самый минимум, чтобы присматривать за городами и охрану границ с Китаем. Слишком упали температуры и очень сильные ветра. Незачем мучить людей, если их есть куда переселить. Просто возьмем немного меньше чужих. Беженцы, кстати, пошли валом. Это пока не американцы, а те, кого выгнали из ФРГ, Франции и некоторых других стран. Хотя попадают и те, кого никто не выгонял. Находятся умные люди, которые трезво оценивают обстановку и рассчитывают укрыться у нас. А на подходе вторая волна. Вот то будут уже американцы и часть брошенных англичан. Поляки их не хотели пропускать через свою территорию, но немцы чем-то пригрозили. Им не улыбается задерживать беженцев на своей территории. По беженцам еще две новости. Во-первых, болгары решили обойтись своими силами. Просят только поставить им нефть и помочь с производством БВК. Естественно, что поможем. Я их, если честно, особо и не рвался брать. Второе — это то, что по всем вопросам договорились с

бразильцами. Детей уже начали доставлять, а скоро придут и их специалисты. Документацию по реактору им отправили, пусть изучают.

— А девушки от них будут?

— Зная твою реакцию на девчат, я на них внимания не акцентирую, тем более что они все чертовски красивые, почти как ты. Присылают бразильцы девушек, как и все остальные. Мы уже детей больше брать не будем, эти последние. Я имею в виду специально большими партиями. Если придут с беженцами, отказа не будет.

— А что у тебя еще есть такого, о чем я не знаю?

— Сегодня было на удивление много самых разных хозяйственных вопросов, которые вынесли на правительство, но ничего интересного среди них нет. Разве что принято решение о строительстве большегрузных экранолетов. Это те же «Ковчеги», только грузовой вариант. Если не уменьшится интенсивность осадков, нам будет очень сложно очищать все железные дороги и автострады. Все равно будем строить дополнительные реакторы, а при наличии энергии это самый удобный в теперешних условиях вид транспорта. Полностью от дорог не откажемся, но использовать будем только тогда, когда без этого трудно обойтись.

Несколько раз прозвучал вызов коммуникатора. Звонил министр иностранных дел.

— Извините, Алексей Николаевич, за то, что беспокою так поздно, — сказал он. — К нам по одному из выделенных для Штатов каналов пришел вызов от командующего американским седьмым флотом вице-адмирала Гарри Крейга. С нами он разговаривать не захотел, просит соединить с вами.

— Соединяйте, Алексей Павлович, — сказал Самохин. — Несколько необычный вызов. Посмотрим, что он скажет. Пусть на канале больше никто не сидит, я сделаю запись.

— Мне уйти? — спросила Лида.

— Ни в коем случае, — возразил Алексей. — Наоборот, твое присутствие будет нелишним.

На экране коммуникатора появилось изображение мужчины лет пятидесяти в черном адмиральском мундире. Он сидел в кресле за небольшим столиком и, увидев на экране Алексея с женой, привстал и поклонился.

— Вы говорите по-английски, ваше превосходительство, или мне включить переводчик? — спросил он на родном языке.

— Говорите, что хотели, адмирал, — сказал ему Алексей. — Здесь вас все хорошо поймут.

— Прежде всего хочу поприветствовать вас и вашу супругу! — наклонил голову Крейг. — Я много о вас слышал и никогда не верил тому бреду, который печатали газеты. Я имею в виду козни дьявола.

— Мы вас тоже приветствуем, адмирал, — сказал Алексей. — Я знал, что ваш флот должен был уцелеть, но все системы слежения, кроме одной, вышли из строя, а у нее ограниченный район наблюдения. Мы с вами обменялись любезностями, теперь хотелось бы услышать, чем вызвана ваша просьба о разговоре.

— Я должен решить, что делать дальше, — глядя ему в глаза, сказал адмирал. — Моя страна погибла, и те немногие, кому повезло спастись, ищут спасение у других. Мы сейчас у берегов Японии. Идти в Австралию у меня нет никакого желания. Возможности этой страны не так велики, чтобы годы содержать свое население и прибывающих англичан. Скажите, сколько это еще продлится?

— Долго, — ответил Алексей. — Без учета выбросов от полутора сотен ядерных

взрывов, которыми обменялись Китай с Индией, окончательно посветлеет через два года. А климат станет более или менее нормальным только через пятнадцать—двадцать лет.

— Да, это долго. Мы знаем о войне в Китае, но думали, что с ними воюете вы. Мы заходили в Японию и узнали о том, что вы приняли к себе миллионы их детей. У них самих дела обстоят плохо, но часть населения спасут. Жаль, но нам среди них места нет. Нас не примут, и среди моих людей мало желающих там остаться. Слишком у них все ненадежно, а мы всегда будем чужими. Вы не скажете, как обстоят дела в Европе?

— Как и везде, плохо. Вы ведь уже наверняка связались с адмиралом Виллардом? Значит, должны знать, состояние дел в Англии. Франции уже нет. Обе Германии должны сохранить большую часть своего населения, но ФРГ освободилась от всех, в чьих жилах не течет немецкая кровь. У остальных все по-разному. У кого-то больше порядка, у кого-то его меньше, то же самое и по продовольствию. Мы еще помогаем болгарам, а остальные вряд ли дотянут до тепла, по крайней мере, большинство населения.

— Я слышал, что вы себе взяли детей и у норвежцев, — сказал адмирал. — Это очень умно, если у вас есть возможность их вырастить.

— Мы их взяли и у бразильцев, — усмехнулся Алексей, уже понявший, что ему сейчас скажет собеседник. — И у нас достаточно ресурсов.

— А вы принимаете только детей или не откажетесь и от взрослых?

— Сейчас на наших границах с Польшей идет отбор тех, кому мы можем предоставить убежище. Понимаете, адмирал, возможности у нас большие, но нужно чтобы принимаемые люди смогли вписаться в наше общество и не действовали на него разрушительно. Пока разбираемся с теми, кто когда-то иммигрировали в Европу и сейчас оказались в ней лишними, а через пару недель появятся и ваши соотечественники с англичанами. Наверное, из-за морозов и голода доберутся не все.

— И какие критерии отсева? — невозмутимо спросил адмирал, но Алексей прекрасно видел, что его невозмутимость напускная.

— Сколько у вас людей? — не отвечая на вопрос, спросил он.

— С остатками персонала наших баз у меня двадцать три тысячи человек.

— Я не сильно горю желанием брать вас к себе, — откровенно сказал он Крейгу, — но пойду навстречу, учитывая то, что вы сможете натворить, устраиваясь самостоятельно. Какой состав флота?

— Один ударный авианосец, три многоцелевые атомные подводные лодки и двенадцать других кораблей разных классов.

— Теперь слушайте, что я могу вам предложить, — сказал Алексей. — Вы сейчас ведете свой флот во Владивосток и ставите корабли на консервацию. Сдадите все персоналу базы и будете отправлены вглубь страны. С Дальнего Востока почти всех убираем. Не из-за китайцев, а из-за погодных условий. Мало радости десять лет просидеть в зданиях, не высовывая наружу носа без риска его лишиться. Там даже в одежде с подогревом будет некомфортно из-за ветров. Примем мы всех, но тесты все равно сдадите. За теми, у кого результаты будут неудовлетворительными, будем присматривать. Если будут нарушать наши правила, не выгоним, но поселим изолированно. Есть у нас такая возможность. До тепла доживут, а потом поможем добраться, куда захотят.

— Не все такое примут, — осторожно сказал Крейг.

— Послушайте, что я вам скажу, адмирал! — перебил его Алексей. — Я вам нравлюсь ничуть не больше, чем вы мне, но тем не менее вы мне позвонили. Сказать почему? Вам

просто некуда податься. Штаты завалены пеплом и трупами. Конечно, можно зайти в один из портов и там переждать. Я даже допускаю, что вы там найдете для своих людей достаточно продовольствия, а атомные реакторы дадут вам тепло. И что дальше? Вы все потеряли своих близких и уже долго третесь друг о друга спинами в своих кораблях. Жить в них еще как минимум десять лет? Без нормального общества, без женщин? Да у вас люди через несколько месяцев начнут сходить с ума, и вы это прекрасно знаете. В Австралию вы идти не хотите и правильно делаете, там и без вас нахлебников хватает. Австралийцы были вынуждены принять беженцев под угрозой применения силы. Вы думаете, что после того как такая угроза исчезнет, они вас будут терпеть? Часть, наверное, оставят, а от балласта освободятся. И решать, кто им нужен, а кто нет, будут они, а не вы. А у большинства ваших людей, кроме флотских специальностей, других нет. И в любой другой точке земного шара вам вряд ли обрадуются. Сейчас почти везде беспорядки и хаос. И мир забит оружием, поэтому расчистить себе место силой у вас тоже не получится. Можно попробовать обменять ваши корабли на право на жизнь, если найдете желающих идти на такой обмен. И не факт, что у них получится выжить и будут держать данное вам слово. А как бы вы к нам ни относились, знаете, что здесь вас не обманут. Я вам уже свое предложение сделал, и других не будет. Поговорите со своими людьми и расскажите им все, ничего не скрывая. Если кто-то не захочет к нам идти, выделите им корабли, и пусть устраиваются самостоятельно.

— Я поговорю, — сказал адмирал. — А вы, пожалуйста, сообщите о нас своей береговой охране.

«Проклятые поляки! — думал Патрик Берто, ежась на холодном ветру. — Сволочи и ворюги!»

Основания так думать у него были. Если при въезде в Польшу его только обезоружили, то теперь за десять километров до советской границы польские пограничники высадили их всех из машины, которую тут же угнали. Теперь приходилось шагать на своих двоих, мерзнуть и тащить все свои пожитки. Даже восьмилетней Мишель отдали нести небольшую сумку. Хорошо, что вместе с ними идут другие, а то в случае нападения и отбиться нечем! Патрик не имел никакого отношения к эмигрантам, он был чистокровным французом. Не был он и дураком. Когда опустели магазины, он провел ревизию домашних запасов и сказал жене, что нужно уезжать.

— Никогда не думал, что французы до такого дойдут, — говорил он Николь. — Правительство упустило власть, и лучше уже не будет, только хуже. Еды нам хватит на месяц, а потом мне останется только вас застрелить и застрелиться самому. Или открыть окна и замерзнуть. Говорят, это самая легкая смерть.

— И куда же мы поедem? — спросила испуганная жена.

— Надо ехать к тетке Марии, — подал голос пятнадцатилетний Алан, слышавший разговор родителей.

— Твоего мнения пока не спрашивают! — оборвал его отец. — Сестра нам не обрадуется, а в ее доме мы проживем на месяц-два больше. И что потом? Нет, нужно немедленно ехать к русским. Они единственные приготовились к катастрофе и принимают беженцев. Если приедем одними из первых, есть все шансы спастись. Провозимся и протянем время, а они наберут нужных людей и укажут нам на дверь!

— Они и сейчас не всех берут, — не унялся сын. — Я слушал радио. Поляки передавали

на французском. Третью беженцев заворачивают обратно.

— Больше верь полякам! — рассердился Патрик. — Они с русскими всегда были на ножах, даже когда жили в одной стране. И они не хотят, чтобы по их Польше бродили толпы беженцев, вот и отпугивают людей такими передачами. А если это даже и так, все равно поедем. Там есть надежда, что хоть пристроим вас, а здесь нас всех ждет только смерть. А на машине мы туда доберемся за пару дней.

Долго жену уламывать не пришлось, поэтому в этот же день собрали все самое необходимое и все продукты, погрузились в «Пежо» и покинули Париж. Через два часа уже были в Страсбурге, откуда, переговорив с охранявшими границу военными, перебрались в немецкий Кель. Немцы приняли их неприветливо, но, узнав о цели приезда, сразу потеряли всякий интерес. До ночи пересечь ФРГ не успели, поэтому остановились в небольшом городке, откинули кресла и до утра неплохо выспались. Когда из-за горизонта выползло бледно-желтое пятно солнца и стало хоть что-то видно, соорудили себе бутерброды, наскоро позавтракали и двинулись дальше. На границе с ГДР никаких проблем не возникло, а вот на польской у него отобрали револьвер.

— С оружием на нашу территорию въезд запрещен! — непреклонно заявил польский лейтенант. — Это запрещено даже полякам, а тем более тем, кто едет к русским. Уже были случаи грабежей и убийств наших граждан. Или сдавайте оружие, или поворачивайте обратно!

Пришлось подчиниться, поэтому вторая ночевка, которую сделали неподалеку от небольшого города Замбрув, прошла на нервах. Если в начале поездки по Польше дорога не внушала страха и подозрений, то во второй половине дня вдоль трассы стали попадаться сожженные машины, а кое-где, лежали и присыпанные снегом тела. Похоже, поляков подобное не волновало. А утром перед самой границей у них отобрали машину. Возле шлагбаума толпилось с полсотни беженцев. Как оказалось, у двух семей точно так же забрали транспорт, а остальные проделали путь от ФРГ на своих двоих.

— Нужно выйти всем вместе, — говорил один из них. — Идти здесь недалеко, но оружия нет, поэтому могут убить и ограбить те, кого прогнали русские. А на большую группу нападать не станут, оружия и у них тоже нет.

Так и сделали. До контрольного поста на границе добирались три часа из-за ветра и засыпавшего дорогу снега. Замерзли даже те, у кого еще работал электрообогрев. На полпути Мишель обессилила, села в снег и заплакала. Пришлось Патрику нести дочь на руках. Когда перешли границу, русские пограничники быстро посадили всех в автобус и отвезли к расположенной неподалеку огороженной площадке, застроенной большими зданиями, похожими на надувные ангары. У входа в одно из них всех и выгрузили. Здесь им велели очиститься от снега и дали с час посидеть в тепле, напоив горячим какао. Каждому выдали инструкцию, отпечатанную на трех языках. В ней кратко описывалась процедура отбора. Детей до десяти лет от нее освобождали, для остальных никаких исключений не делалось.

— Возьмите дочь с собой, — сказал Николь один из проверяющих. — Пусть девочка все время будет с вами, чтобы ее потом не искать. Это у нас сегодня затишье, обычно людей намного больше.

Все прошли в большой зал, уставленных столами, на которых стояли то ли компьютеры, то ли терминалы. Время прохождения тестов каждому считалось отдельно, начиная с первого ответа. Все выбирали родной язык и быстро проставляли напротив вопросов один из предусмотренных тестом ответов. Если кто-то начинал не укладываться в отпущенное время,

система подгоняла его звуковыми сигналами. Первый тест все прошли быстро, на второй времени отвели гораздо больше. Проверяющие быстро рассортировывали всех на три группы. Человек тридцать безусловно принятых, в число которых вошла вся семья Патрика, кроме него самого, отвели в небольшое помещение и велели ждать. Пятерых, которым было отказано, куда-то увели. Остальных стали по одному вызывать в шесть небольших кабин для беседы. Вызвали и Патрика.

— И что с вами делать, месье Берто? — спросил его уже немолодой офицер, сидевший за небольшим столом. — Присаживайтесь, побеседуем. Мы уже два месяца ведем здесь прием желающих получить помощь. Как правило, ее получают, но некоторым приходится отказывать. Не потому что у нас нет возможности их принять, просто они по той или иной причине нам не подходят. С вашей семьей нет никаких проблем.

— А чем вам не угодил я? — похолодев, спросил Патрик.

— Вы слишком конфликтны, — пояснил офицер. — Сейчас вы прижаты обстоятельствами и готовы согласиться со многим, но пройдет совсем немного времени, и эта черта вашего характера даст себя знать.

— Но мою семью вы примите? — спросил он, поднимаясь со стула. — Они это не я.

— Сядьте! — повелительно указал на стул офицер. — Я вам еще не отказал, иначе вас бы вывели на улицу с теми пятью бедолагами. Как вы себе это представляете? Мы выгоним вас на смерть и возьмем сына? И он нам никогда не припомнит смерть отца? Да и ваша жена этому вряд ли обрадуется. Безусловно принять я могу лишь вашу дочь. У вас нужная нам специальность и высокая квалификация. Вы безусловно можете стать полезны, но можете принести и вред. Я вам могу предложить следующее. Мы вас принимаем на срок в один год и будем присматривать. Не бойтесь, ходить за вами хвостом никто не собирается. Просто в случае, если вы в ответ на обиду или оскорбление сломаете кому-нибудь руку или выкинете еще что-нибудь подобное, очутитесь опять у поляков.

— Так что, все терпеть? — вырвалось у него.

— А я вам такого не говорил, — возразил офицер. — Люди есть люди, и они без конфликтов жить не могут, даже наши, что уже говорить о недавно принятых эмигрантах. Можете судить по себе. Только настоятельно советую учиться держать себя в руках. Запомните, что во всех местах общественного пользования установлены камеры видеорегистраторов. Раньше такого не было, да и сейчас их ставят только там, где селят эмигрантов. По мере того как вы станете своими, аппаратуру будут убирать. В комнатах ничего такого не устанавливалось и не будет. Если у вас возник конфликт, обратитесь в ближайший орган власти или к своему участковому работнику милиции. Имея запись, будет легко определить виновного. Если что-то случилось в вашей или чужой квартире, включайте запись комма. Тогда, даже если вас вынудят на рукоприкладство, разбираться будут с обоими по записи. Идите к своей семье, они наверняка волнуются. Через полчаса вас воздухом доставят в Центр, где накормят и поселят на ближайшие десять дней. Это время отведено для начального обучения русскому языку и правилам нашего общежития. После этого дадут уже нормальную квартиру. И сходите за вещами, увозить вас будут через другой выход.

— Так чем все закончилось с этим флотом? — спросила Лида за ужином. — То, что корабли во Владивостоке, я знаю, меня интересуют моряки.

— Один корабль адмирал отпустил, — сказал Алексей. — На нем уплыли три сотни

сторонников мужской любви. Вряд ли их кто-то примет с распростертыми объятиями, но любовь — это святое! Да, ядерное оружие с него сняли. Слушай, не мешай ужинать, а то я из-за этой рыбы на обеде нормально не поел. Терпеть не могу рыбу, а меня еще уговаривали заняться ее разведением. А речная, по-моему, еще хуже морской: одни кости.

— Так мы не разводим карпов только из-за того что ты их не любишь? — удивилась Лида. — У тебя совесть есть?

— Тебе лучше знать: сто лет живем вместе. А не разводим потому что слишком много канители. В открытых прудах рыба дешева и заниматься ею легко, под землей это сложнее. С курятиной мороки меньше, да и вообще...

— Ладно, кушай, потом поговорим. Не знаешь, что сегодня в выпуске новостей?

— Сейчас я закончу с ужином и расскажу тебе все новости не хуже телевизора. Да и нет сегодня ничего особенного, разве что на границе с Польшей появились первые американцы.

Через десять минут он, уже умывшись, подошел к жене, которая взяла коммуникатор и забралась с ним на диван.

— Раз у тебя нет новостей, давай я покажу тебе одну запись, — предложила она Алексею. — Мне ее на твой комм сбросила одна знакомая.

— Не надо никому давать мои каналы связи, — недовольно сказал муж. — Могла бы записать на мобильную память. Ладно, показывай, что у тебя такое интересное.

— Мы с тобой, — пояснила Лида. — Узнаешь?

— Ты в роли мамыши, — прокомментировал запись Алексей. — А это волки. Как я забыл о регистраторах! И давно это смотрят?

— Уже пару месяцев, если не больше. И мне никто не говорил, сама случайно увидела. Я еще думала, что это на меня все таращатся, теперь ясно. Как же — обезьянья Мадонна!

— Мне, между прочим, тоже никто даже словом не обмолвился. А ведь наверняка смотрели. Я еще кое с кем разберусь. Плохо, но раз это пошло по рукам, нужно использовать для дела. Дам команду кому нужно, чтобы ненавязчиво распространили эти записи среди иммигрантов и довели до их сведения, что животные настолько страшные, что к ним даже обслуживающий персонал боится подходить.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Помнишь, что о нас писали в западной печати? А ведь они одну ее и читали. Что-то в голове наверняка отложилось. Как ты думаешь, много у них будет уважения к стране, в руководстве которой такая одиозная личность, как я? Они ведь к нам сюда прибежали не от большой любви, а из-за страха смерти. Благодарны, конечно, но благодарность имеет обыкновение проходить. Уважение мы у них заработаем, а нам надо чтобы не только уважали, но и любили. Не нас с тобой, а наш народ, нашу страну. Только тогда они станут своими. А пока пусть смотрят. Наши-то ни в какую божественность не поверят...

— Ты уверен? — спросила Лида. — Подержи комм, я сейчас приду.

Она ушла на кухню и через пару минут вернулась с ножом в руке.

— Вроде чистый... — с небольшим сомнением в голосе сказала она. — Смотри! Зажмурившись, она провела ножом по ладони. Порез сразу же окрасился кровью.

— С ума сошла! — Алексей отбросил комм, схватил у нее нож, порезав при этом палец. — Черт! Пойдем смоем кровь и продезинфицируем!

— Не суетись, — сказала Лида. — Тоже порезался? Так даже лучше. Смотри, вытираю все платком. Вуаля! Теперь давай свой палец. Как тебе?

— Давно узнала? — спросил он, с удивлением рассматривая палец, на котором не было и следа пореза.

На ладони жены виднелась тоненькая ниточка шрама, которая исчезала прямо на глазах.

— Вчера порезалась и обалдела. Хороший факт в копилку нашей божественной природы? Что молчишь?

— Вспоминаю, когда я порезался прошлый раз.

— Ну и когда же? Мне что-то не вспоминается. Было, наверное, но давно.

— Я с готовкой почти не вожусь, поэтому вроде не резался, а вот руку хорошо ободрал года три назад. Только когда все затянулось, я не знаю. Наложили повязку, и через час я об этой ране забыл. А сняли только через пару дней. Врач еще удивился отсутствию шрама, но я тогда не придавал этому значения.

— Но ведь не на глазах же затянулось? Вот я и говорю, что мы изменились. Может обследоваться?

— Я все сделаю сам, — пообещал Алексей. — У меня есть лаборатория, где проведут анализы и ничего никому не скажут. Может быть, и найдем что-то полезное для других, но я в это не верю. Простой раз ничего не нашли, не найдут и в этот.

Когда их остановили люди в полушубках и меховых шапках с козырьками, Мартин решил, что это конец. Сейчас их пристрелят из висящих за плечами автоматов, а жену... Оказалось, что это просто польские пограничники, которые не пропускали никакой транспорт.

— Выметайтесь! — грубо по-английски сказал один из них. — Здесь недалеко, дойдете и без колес. Русские обойдутся и без вашей тачки, а за проход нужно платить!

К ехавшей за ними машине тоже подошли и забрали, правда, без хамства: в ней сидели белые. На машинах приезжали меньше половины, остальные шли пешком. Смотря на них из окна автомобиля, Мартин приходил в ужас от одной только мысли, что и им тоже пришлось бы идти своим ходом через Бельгию, обе Германии и Польшу в холод и ветер. В Бельгии их хоть пускали переночевать в пустые сейчас школы и поили горячим чаем, а в Восточной Германии слегка подкармливали, но поляки не давали ничего и не позволяли у себя задерживаться даже ненадолго. Ходили слухи, что они убивали всех, кому русские отказали в приеме. Возможно, это было гуманно, так как сил на обратную дорогу у этих людей не осталось. И куда идти? Он всю дорогу гнал от себя мысль, что и их тоже... Чувствительный удар прикладом в спину прогнал мысли и заставил торопиться. Он подхватил одной рукой Сьюзен, а в другую взял тяжелый саквояж, а Элизабет одела рюкзак и забрала сумку с остатками провизии. Джастин и Дарси, которым принадлежала машина, тоже поспешно нагрузились вещами, и обе семьи влились в бредущую по заснеженной дороге колонну людей. Идти пришлось два часа. За это время Мартин дважды видел, как идущие впереди люди падали навзничь и уже больше не пытались подняться. Их или обходили, или оттаскивали в сторону и освобождали от теплой одежды и вещей. Никто на такое не реагировал, все были на пределе и жили только одной мыслью: дойти до конца, а не лежать вот так у обочины дороги мертвыми и обобранными. Когда толпа впереди начала редеть, увидели два десятка автобусов, в которые солдаты, похожие по виду на польских пограничников, направляли людей. В том, что это не поляки, он убедился, когда они подняли упавшего в снег мужчину и отнесли его в один из автобусов. Вместо отъезжающих, наполненных людьми автобусов подъезжали уже пустые. Подгонять беженцев садиться в автобусы не требовалось, они сами бежали к машинам на остатках сил. Пограничники лишь распределяли людей по автобусам и следили, чтобы не было давки. До места, где решалась их судьба, доехали минут за пятнадцать. Их подвезли к одному из нескольких десятков зданий и запустили внутрь. Прежде всего заставили сдать все вещи.

— Внимание! — прозвучал говоривший по-английски голос. — Сейчас сдаете свои вещи и получаете временные чипы. Если вас примут, ваши вещи доставят по месту жительства, если нет, вам их вернут. Прошу всех действовать быстро и соблюдать очередность. Если с вами есть маленькие дети, возьмите их на руки. Если кто-то себя очень плохо чувствует и не сможет пройти тестирование, пусть свернет в третий проход, ему окажут помощь. Перед прохождением тестирования прочитайте выданные вам памятки.

Они прошли в помещение, где отдали все, кроме сумки с продуктами, которую отказались брать.

— Берем только багаж! — торопливо сказал Мартину принимавший вещи парень. — Держите чип, при тестировании вставьте его в терминал. Вот вам памятка. Следующий!

Мартин взял на руки Сьюзен и вместе с свцепившейся в его руку Элизабет прошел в большой зал, заставленный столами. Часть из них была занята людьми, остальные были свободны.

— Не задерживайте других! — сказал им один из встречающих. — Садитесь за свободные терминалы, читайте памятки и начинайте работать.

Они сели за соседние столы и прочитали короткое и предельно ясно составленное руководство. Сьюзен Мартин посадил себе на колени, потому что повсюду чуть ли не бегом моталось множество людей. Малышку запросто могли сбить. Вставив чипы в считыватели, они приступили к тестированию. Мартин управился быстрее, а жена едва уложилась в отпущенное время.

— Смотри, что у меня на экране, — растерянно сказала она мужу. — Семье Бейкер пройти в кабину номер восемнадцать. Это что значит? Приняли нас или нет?

— Наверное, там и узнаем. Вставай, вон у них на стенах указатели. Восемнадцатая это туда.

Перед дверью с нужным номером стояли десятка три мужчин, поэтому своей очереди пришлось ждать больше часа. Когда зашли, увидели небольшую комнату и сидевшего за столом мужчину в военной форме. Стулья для посетителей были, но им садиться не предложили.

— Ваши чипы! — сказал офицер. — Быстрее, пожалуйста. Так, Мартин и Элизабет Бейкер. К вам один вопрос. По тестам детей у вас нет, но в чип включена пятилетняя Сьюзен Бейкер. Кто она вам?

— Это дочь брата, господин офицер, — ответил Мартин. — Мы гостили у него, когда все началось. Это в Алпайне, небольшом таком городе в Техасе.

— Что случилось с родителями? Они живы?

— Я думаю, что нет, — ответил Мартин. — После того как сильно потрянуло и обвалилась часть дома, мы поймали на комм передачу об извержении. Не сразу, а только через полчаса. Брат отдал мне вторую машину и велел забирать в доме все ценности и продовольствие, а сам поехал в Форт Стоктон за женой. Это около шестидесяти миль. Она там гостила у подруги, а связаться по комму почему-то не удалось. Дочь он отдал нам и сказал, чтобы ехали в Мексику и там их дожидались.

— Понятно, — офицер что-то быстро занес в чипы. — Девочку удочерите, оформите опеку или отдадите государству?

— Если вы нас примете, она останется с нами, — ответил Мартин. — А что там с удочерением?

— Каждая женщина, имеющая хотя бы одного ребенка, следующие десять лет должна предохраняться от зачатия, — сказал офицер. — Если удочерите, это будет касаться и вашей жены. При опеке она сохраняет право на рождение своего ребенка.

— Тогда опека! — сказал Мартин. — Так нас приняли?

— Если бы не приняли, с вами никто бы не разговаривал. Держите свои чипы и идите на посадку. На стенах указатели, так что найдете. Быстрее, пожалуйста!

К выходу на отправление подошли тогда, когда собравшихся там уже увели в автобус, поэтому пришлось немного подождать, пока наберется следующая группа. Ехали минут десять, после чего автобус подкатил к большому летательному аппарату овальной формы, стоявшему на дороге, которая с этого места становилась в два раза шире. Мартин уже летал на экранопланах, но таких больших никогда раньше не видел. Их провели на верхнюю

палубу, где уже сидели человек двести. Прибыли еще три автобуса, после чего посадку закончили, и они наконец взлетели. Короткий разбег, при котором всех мягко вдавило в спинки сидений, и огромная машина с большой скоростью заскользила на высоте нескольких метров над дорогой, оставляя за собой шлейф поднятого в воздух снега.

— Прослушайте информацию, — прозвучал в салоне мужской голос. — Через десять минут вы будете размещены в приемном Центре города Кобрин. Первым делом вас всех накормят, а потом распределят на временное жилье. В Центре вы будете находиться десять дней. За это время выучите русский язык в объеме, достаточном для общения в быту, изучите наши правила жизни и определитесь с работой. После этого вас будут распределять на постоянное место жительства. Просьба выполнять все распоряжения сотрудников центра и не нарушать правила, с которыми вас знакомят. Сегодня же доставят ваши вещи.

Вскоре их транспорт снизился и уже не летел над дорогой, а катился по ней на шасси, гася скорость реверсом двигателей. Остановились рядом с площадкой, на которой их ждали пять автобусов. Город был совсем недалеко, но его надежно скрывали от глаз пелена падавшего снега и полумрак пасмурного дня. Ехать пришлось совсем недалеко, а после приезда в Центр, представлявший собой городской микрорайон, всех развели по двум столовым, предварительно спросив, есть ли те, кто ничего не ели больше трех дней. Тех, кто отозвался, кормили отдельно.

— Прослушайте информацию, — услышали они из громкоговорителей. — Сейчас вас всех расселят, а через час доставят ваши вещи. К каждому пойдет работник Центра, которому вы можете сказать, каких предметов быта или одежды вам не хватает. Сегодня же наши медики всех обследуют. Остаток дня будете отдыхать. Ужин здесь же, и о его времени вас предупредят. С завтрашнего дня все, начиная с семилетнего возраста, начнут изучение языка, а с взрослыми дополнительно займутся изучением правил, которым будет подчиняться ваша жизнь. Дети будут проходить обучение в своих группах, а для самых маленьких есть детский сад-ясли. На каждом этаже имеется дежурный администратор, к которому можно обратиться с любым вопросом. Позже с каждым из вас побеседуют по вопросу будущей работы. Постоянно вы будете жить и работать с людьми, по большей части не знающими английского языка, поэтому просьба отнестись к учебе со всей серьезностью. От знания языка будет зависеть ваша полезность, а значит, и отношение окружающих вас людей. Конечно, за десять дней вы получите только самый необходимый минимум, но не усвоив его, не сможете дальше заниматься самостоятельно. Спасибо за внимание.

— Вкусно покормили, — сказала Элизабет, вытирая Сьюзен рот салфеткой. — Быстрее бы поселили, а то она сейчас заснет. Если честно, я как во сне и до сих пор не могу поверить в то, что все уже закончилось.

В Центре семейным давали одну большую комнату, одиночек в такую селили по четыре человека.

— Когда отсюда уедете, получите двухкомнатную квартиру, — сказал им работник Центра, распределявший комнаты. — Туалет у вас есть свой, а душевые общие. На чей чип регистрировался багаж? Давайте его мне, с багажом вам его и вернут. Подумайте, чего из необходимых вещей у вас нет. Перед медосмотром я к вам зайду, тогда скажете.

Он ушел, и Бейкеры первый раз за последние четыре месяца почувствовали, что у них есть то, что с небольшой натяжкой можно было назвать домом. Сьюзен уложили на одну из трех кроватей, и она тут же заснула.

— Может быть, и ты отдохнешь? — спросил Мартин сидевшую на кровати жену и

увидел, что она плачет. — Родная, не надо плакать, все уже позади!

— Какие вы все-таки мужчины толстокожие! — негромко всхлипывая, ответила Элизабет. — Для нас все кончилось хорошо, а для твоего брата или моих сестер? У нас с тобой в этом мире теперь не осталось никого, кроме этой девочки! Впереди жизнь среди незнакомых и совсем чужих людей, которых у нас всегда, сколько я себя помню, представляли врагами! И когда еще вернутся тепло и солнечный свет! Миллиарды людей погибнут, жизнь остальных изменится, а Америки никогда больше не будет! Дай мне тихонько поплакать, я не разбужу Сьюзен. Я ведь за все четыре месяца так ни разу и не заплакала, держалась изо всех сил, а сейчас сдерживаться не хочу. И не надо меня жалеть, мне просто нужно выплакаться.

С утра отвели племянницу в садик и отправились на занятия. Первые дни занимались только языком, потом им начали дополнительно объяснять сущность общественного строя и основы законодательства. На пятый день их навестил работник Центра, назвавшийся Сергеем, с которым состоялся разговор о будущей работе.

— Ваша специальность у нас никогда не будет востребована, — сказал он Мартину, — а у вашей жены ее нет вообще. Вот перечень работ, где вам придется проходить обучение. А здесь работа, которая его не требует. Но это в основном для женщин. Цифры напротив профессий — это примерная сумма месячного вознаграждения. Сейчас деньги не используются, и вы все получаете бесплатно, но деньги на ваши счета все равно будут начисляться. Когда мы вернемся к нормальной экономике, они вам пригодятся. Первым лучше выбрать вам, Мартин, поскольку вы наверняка будете зарабатывать больше жены. А ее выбор неизбежно сузится той работой, которую она сможет получить по месту жительства.

— А чем занимаются с этой специальностью? — спросил Мартин. — Я смотрю, оклады достаточно большие.

— Водители этих землеройных агрегатов работают на строительстве подземных производств, в первую очередь это выращивание грибов.

— Тогда я бы хотел ее изучать, — выбрал Мартин.

— Я бы пока не хотела учиться, — сказала Сьюзен. — Выберите мне чего-нибудь сами в том месте, куда нас пошлют.

— Сами выберете, когда будете на месте, — сказал ей Сергей. — Но я бы вам рекомендовал уборку грибов или работу в одной из столовых. Можно в ясли, но там все равно нужно учиться, да и язык для этой работы вы еще знаете плохо. Я внесу вас в базу, а завтра скажу, куда вас распределили.

— Вы можете сказать, сколько моих соотечественников принято? — спросил Мартин. — Или это секрет?

— Что в этом может быть секретного? — удивился Сергей. — Точных цифр я не знаю, но примерно шесть миллионов человек. Это по польской границе, но американцы к нам прибывают и морем, хоть и в гораздо меньшем числе. Мы рассчитывали на двадцать миллионов, но, скорее всего, не наберем больше десяти. Пока каждый день через два пункта на границе проходят триста тысяч беженцев.

Десять дней прошли очень быстро и ничем особенно не отличались один от другого. Сегодня с ними провели последний урок и вручили каждому самоучитель для самостоятельных занятий.

— Я вам советую дома между собой как можно больше говорить на русском, — сказал на прощание их учитель. — Это вам здорово поможет. И учтите, что язык — это душа

любого народа. Вы никогда не поймете нас и сами не станете своими, если не будете его знать в совершенстве.

Их отправили в Куйбышев. Вместе с ними туда же из Центра летели около двухсот человек. В Центре Бейкеры все свободное время проводили в своей комнате, поэтому ни с кем из его обитателей близко не сошлись и попутчиков не знали. Когда прилетели в аэропорт, их встретил работник службы трудоустройства эмигрантов, посадил в два автобуса и развез по месту жительства, передав их другим.

— Я ваш куратор, — представился Бейкерам мужчина лет пятидесяти. — Пойдемте, я вас заселю, а потом поговорим об остальном. Английский я знаю, но не слишком хорошо, поэтому буду его использовать только в случае, когда вам не хватит знания русского.

Квартира, в которой были две комнаты, кухня и совмещенный санузел, после всего пережитого показалась сказкой, хотя по меркам их прежней жизни условия были весьма скромными. В комнатах имелось все необходимое для жизни.

— Скромно, — сказал куратор, — но жить можно. Строилось специально для эмигрантов, и построить нужно было как можно больше, поэтому только две комнаты и вся сантехника в одном месте. Ничего, останетесь жить у нас, со временем будет жилье лучше.

— Спасибо, — поблагодарил Мартин, который понял только половину слов, но смысл сказанного уловил. — Нам и здесь будет хорошо.

— Теперь слушайте дальше, — продолжил куратор. — Холодильник на кухне стоит, хотя толку от него сейчас... Остальную технику вам привезут, когда закажете. Вот список всего имеющегося, а вот номер коммуникатора, по которому нужно делать заказ. Постельное белье получите у Марии. Она у нас здесь всем заведует, а где сидит, я вам покажу. У нее же, если нужно, разживетесь посудой. Можно брать продовольственные пайки и готовить дома, но большинство предпочитает столовые. Кормят вкусно и не слишком однообразно, и никакой мороки с готовкой. Столовая в этом же здании, так что никуда выходить не нужно. То же касается детского сада. Место для вашей девочки в нем забронировано. Вам дается три дня на отдых и ознакомление, а потом наступят трудовые будни. Ваш учебный центр, Мартин, находится довольно далеко, но вы в него легко попадете на метро. Станция от нас недалеко. Там же учится один из ваших соседей. Это бывший американский военный из двести пятнадцатой квартиры. Очень неплохой парень, советую подружиться. Он, кстати, тоже семейный. С месяц назад взял в жены одну из наших японок. А ваши грибные плантации, Элизабет, совсем рядом. Закончили их всего месяц назад и еще не запустили на полную мощность. А вход в сквере в трех кварталах отсюда. Они под сквером и располагаются в несколько этажей.

— В городе? — удивился Мартин.

— А почему нет? — сказал куратор. — Какая разница, если все равно строят под землей? Главное, чтобы рядом не было высотных зданий, а в остальном всем удобно.

Он повел их по дому, показав где находятся садик и столовая. Заодно познакомились с Марией, которая оказалась ровесницей Элизабет, и взяли у нее постельное белье.

— Давайте я вам все-таки подберу и посуду, — сказала Мария, — а вечером за ней подойдете. Если меня не будет здесь, зайдите в двести пятидесятую квартиру, я там живу. А если хотите, приходите в гости, и захватите с собой этого замечательного ребенка. Она у вас на куклу похожа!

Ее поблагодарили, простились с куратором и пошли к себе. Открыв дверь одним из двух

выданных ключей, они включили свет и тщательно осмотрели свое жилище. Мартин открыл прејскурант с двумя десятками бытовых приборов и тут же позвонил и заказал телевизор, ионизатор и универсальный уют.

— Холодильник с плитой есть, — сказал он. — А стирать все будем сдавать в прачечную. Послушай, Бет, я решил не брать машину для мытья посуды. Ультразвук, конечно, удобней ладони, но все равно выбрали столовую. А больше здесь ничего интересного нет.

— Мартин! — она обняла мужа и уткнулась ему в грудь лицом. — Ты не захотел удочерять Сьюзен. Хочешь, чтобы у нас был свой малыш?

— Обязательно! — сказал он и поцеловал ее в макушку. — Только не сейчас, а немного позже. Нам нужно сначала стать здесь своими. А пока пусть будут таблетки.

Вечером, уже после ужина к ним в дверь постучали. Когда открыли, в комнату зашли здоровенный парень и маленькая изящная девушка, больше похожая на девчонку. Очевидно, это была та самая пара, о которой им говорил куратор.

— Узнал, что появились земляки и решил навестить! — широко улыбаясь, сказал парень. — Ник Сандерс, а это моя жена Кимико. Она не знает английский, а вы, наверное, еще плохо говорите по-русски, поэтому я для нее поработаю переводчиком.

Мартин представил свою семью и пригласил гостей сесть на одну из кроватей.

— Дивана, к сожалению, нет, а стулья заняла Сью. Она строит в детской домик для кукол. А ты хорошо знаешь русский? Давно здесь?

— Садись, Кими, — Ник усадил жену на кровать и сел рядом. — Я в Союзе уже два месяца. Наш адмирал сдал русским весь седьмой флот, кроме одного корабля, на котором уплыл цвет американской нации. А мы привели корабли во Владивосток, провели консервацию всех систем и отправились поездом через всю страну в один из Центров. Потом, как и все, учили язык и были распределены кто куда. Мне повезло попасть сюда.

— А почему повезло? — полюбопытствовала Элизабет. — Чем здесь лучше?

— Повезло потому что здесь была Кими! — засмеялся Ник, обнял жену и быстро пересказал ей по-русски, о чем говорили.

— Я не понял насчет уплывшего корабля, — сказал Мартин. — Какой еще цвет нации на нем уплыл?

— Голубой, — хмыкнул Ник. — Придурки поплыли в Австралию, как будто они там кому-то нужны!

— А вот нас не взяли, — сказала Элизабет. — Англичане вообще не брали американцев, тем более темнокожих, а на боевые корабли забрали почти одних военных.

— Вы этому должны радоваться, Бет! — убежденно сказал Ник. — Там такое будет, что я не удивлюсь, если из них вообще никто не выживет! Придурки! Навязали себя силой людям, у которых своих детей нечем кормить! А австралийцы терпеть не могут тех, кто на них давит. Забыли, от какого корня пошла их нация? Было бы у них еще время подготовиться, тогда куда ни шло. Если отбросят демократию и засучат рукава, вполне могут выжить, если не все, то многие. А ради англичан никто надрывать пуп не будет. Вечно они на своих кораблях не просидят, а обычного оружия и у австралийцев хватает. Я думаю, что полезных они оставят, а весь балласт, в число которого попадет большинство приезжих, отправят или на корм рыбам, или на каторжные работы. Но эти работы только отсрочка, итог для них будет один — рыбы. Или отдадут на прокорм своим аборигенам. Смотрел я как-то, какую они жрут гадость, англичане наверняка вкуснее.

— Может быть, — задумался Мартин. — Мы с женой попали бы в разряд балласта, потому что она вообще не работала, а моя специальность теперь никому не нужна.

— Вы шутите, Ник, а мы по пути сюда чего только не насмотрелись! — сказала Элизабет. — Повезло, что нас подвезла одна семья. У них была машина, но не осталось продуктов, а у нас все было наоборот, вот и договорились. В пути вдоль дороги лежали замерзшие тела, так вот, у некоторых были отрублены ноги! Так что этот запрет люди уже преступили. А как здесь оказалась Кимико?

— А вы разве не знаете? — удивился Ник. — В СССР очень хорошо подготовились к катастрофе. Еще бы, когда этим занимались Вечные!

— Подожди, — наморщил лоб Мартин. — Алекс? Писали что-то о дьяволе... У него ведь еще была жена?

— Была и есть, — сказал Ник. — Плюньте вы, Мартин, в рожи тем, кто это писал! Правда, вряд ли вы кого-нибудь из них уже увидите в живых! Я всю жизнь свято верил во все, что мне говорили! Как же я был слеп! Могу вас уверить, что люди здесь ничуть не хуже американцев, а многие так гораздо лучше! А о руководстве я вообще не говорю. Их идеологию поначалу трудно переварить, но если вы сами не занимаетесь бизнесом, то вас она не затронет никаким боком. Вы точно так же работаете, получаете деньги и живете не хуже, чем жили бы в Штатах. Правда, сейчас всех прижали, но это и понятно. Нужно выжить самим и помочь другим. Когда все закончится, пройдет очень немного времени, и они окрепнут еще больше. Это я по привычке говорю «они», говорить нужно «мы»! Это государство будет доминировать в мире, причем никто не станет давить оставшихся, они придут сами. Понимаете, что он сделал?

— Кто он, Ник?

— Бог, конечно, кто же еще? Вспомните, каким был мир. Все развитые страны разделились на две группировки и копили горы оружия, а остальные со страхом за ними наблюдали. Перенаселенность рождала голод и нищету, а оружие грозило поставить на жизни человечества жирную точку! И мы бы не договорились. Слишком Союз мешал тем, кто правил большей частью мира. И пришло очищение! Нашу страну стерли с лица Земли, а их спасли Вечные. Сейчас никто не сомневается в том, что они знали, когда все случится, и сто лет к этому готовились. Теперь в Союз отовсюду забирают не только детей, как это делали раньше, но и взрослых. А для такого нужно иметь просто чудовищные запасы продовольствия!

— Мы слышали о норвежских детях, — сказала Элизабет. — Кажется, что-то говорили и о японцах.

— Японских детей было восемь миллионов, — сказал Ник. — И еще девушки, которые присматривали за малышами. А было еще семь миллионов детей из Бразилии.

— И все маленькие? — спросил Мартин. — Куда столько малышей? Что они с ними делают?

— Всех раздают по русским семьям. Понимаете замысел? Через десять лет это будут такие же русские, как и их приемные родители.

— Мне это трудно принять, Ник, — покачал головой Мартин. — Какое же это очищение, когда погибло столько замечательных людей. Наши родные...

— А если иначе было нельзя? — спросил Ник. — Я тоже пострадал. — Мать наверняка погибла и еще родственники по линии отца. Я думаю, что не бог устроил это извержение, оно произошло естественным путем. Но он помог им и оставил без помощи нас. Наверное,

были основания? Вам еще не привезли телевизор?

— Обещали завтра с утра, — ответил Мартин. — А что?

— Есть у меня интересная запись. Завтра после учебы принесу, чтобы посмотрели. В Союзе не только готовились спасти людей, они еще устроили под землей зоопарк на десятки тысяч зверей и прочей живности и запаслись их спермой. Полностью потерь в природе не восполнят, но хоть частично. И называли все это «Ковчегом Алекса». Это была его идея, и он сам над этим зверинцем работал. Так вот, незадолго до моего появления он вместе с женой приехал проверить, что получилось. С ними ходил директор, который удалил весь персонал из отделения, где были хищники. А потом кто-то любопытный просмотрел записи регистраторов, перед тем как их стереть. Он обалдел, а потом скинул все на мобильную память и показал друзьям. Те скопировали и тоже кому-то показали и пошло-поехало. В том, что касается распространения сплетен и слухов, народ здесь ничем не отличается от американцев.

— И что же там было? — не удержалась любопытная Элизабет.

— Хищные звери облизывали им руки, а обезьяны сами приносили малышей. И точно известно, что все эти животные завезены недавно, и Алекс просто не мог их видеть. Они совершенно дикие, и персонал их обслуживает с соблюдением всех мер предосторожности.

— А не подбросили ли эти записи случайно? — с сомнением сказал Мартин. — С помощью компьютеров можно сфабриковать все, что хочешь.

— Есть такая версия, — согласился Ник. — Только очень сомнительная. Понимаешь, они ведь здесь атеисты. Не все, но большинство. И вся их идеология отвергает наличие бога. И потом, Алекса и его жену знали многие люди двух поколений. И все отмечали их скромность и желание остаться в тени. Он не хотел возглавлять правительство, просто не смог отказаться.

— Я бы на его месте тоже сейчас не захотел править! — передернул плечами Мартин.

— Вот! — сказал Ник. — Ты понял. И станет такой человек распускать слухи о своей божественности? Ты представь, какой он на себя взвалил крест! Сто лет трудиться без отдыха! Он им ведь не только молодость дал, еще запретил иметь детей. Пока все не выполнят...

— Ты ему поверил? — спросила Элизабет, когда Сандерсы попрощались и ушли. — Я на мгновение представила, каково это вот так сто лет... Знаешь, вдруг стало так жутко! Если это все правда, мне их жаль, особенно его жену. Хотя лучше бы ему было все рассказать. Сколько бы людей спас!

— И многие бы ему поверили? — с сомнением сказал Мартин. — Вот ты бы поверила, что там предсказал какой-то русский, спутавшийся с дьяволом? У нас наверняка сказали бы, что, по мнению вулканологов, извержения как минимум в ближайшие тридцать лет не ожидается, а его заявление — это стремление вызвать панику и нанести вред США. Я бы точно никуда не уехал, и брат тоже. Меня удивило, с какой горячностью его защищает Ник! Это же профессиональный военный, да еще пострадавший от этой катастрофы. Я понимаю, что Алекс в ней не виноват, но все равно у меня к нему скорее неприязненное отношение, хотя мы живы только из-за него. По сути, он спас сотни миллионов человек. Было ли когда-нибудь такое? А все равно нет у меня к нему ни любви, ни благодарности. К его стране есть, но не к нему. Может быть, я завидую, может, не могу простить смерть близких — не знаю. Мне трудно разобраться в своих чувствах. Наверное, просто еще прошло слишком мало времени.

— Мартин, а ты в бога веришь? По-настоящему?

— Трудно сказать, Бет, — ответил он. — Моя семья была очень религиозная, но вся эта религиозность закончилась со смертью родителей отца. Уже он в церковь ходил очень редко, а дома никогда не молился. Пожалуй, я верю, что может существовать высшая сила, но я ее уже не связываю с церковью и с тем, чему она учит. Но ведь у нас среди молодых мало кто верил. Почти всех крестили родители, но крест на шее это еще не вера.

— А я все время молилась, — призналась она. — Очень не хотелось умирать. Ведь жизнь еще только началась, и мы с тобой никого не оставили после себя! Я себе сказала, что если спасемся, то я точно поверю! Интересно, здесь церкви есть?

— Наверное, есть, — сказал муж. — Они не одобряют веру, но верить не препятствуют. Завтра узнаешь у Марии.

— Чем будем заниматься завтра?

— Я постараюсь больше времени уделить языку. Слышала, как болтал Ник? Пока не сможем говорить свободно, своими не станем. Даже общаться толком ни с кем не сможем или смотреть передачи. Телевизор завтра привезут, а толку от него... И Сьюзен нужно понемногу учить. Она сейчас все впитывает в себя, как губка. Поиграй с ней в новые слова, она их запомнит быстрее тебя. Малышка скучает по сверстникам, она и в садике сейчас будет сама по себе, и дома таскает своих кукол под перевернутыми стульями. А ведь здесь наверняка есть дети подходящего возраста. Но мы с другими семьями, помимо семьи Ника или Марии, общаться не можем, разве что попадется кто-то еще, знающий английский. А мне еще через три дня идти на учебу. Поэтому первым делом язык.

Вечером позанимались русским, потом уложили Сьюзен в кровать, дождались, пока она заснет и занялись друг другом. За четыре месяца они были близки всего пару раз и сейчас наверстывали упущенное. Утром сходили в столовую и после завтрака засели за занятия. Когда Элизабет надоело зубрить слова, она сходила в детскую, вытащила из-под стульев племянницу и начала учить ее.

— Ты в садике с кем-нибудь подружилась? — спросила она девочку.

— Ну их! — сказала та. — Никто не знает ни одного правильного слова! А няня все показывает пальцами, как глухая. Зачем вы меня туда водите? С куклами интересней.

— У детей свои слова, которых ты не знаешь, поэтому тебе с ними неинтересно. И сейчас мы их будем учить. Мы сами с Мартином сейчас этим занимаемся. И тебя научим, а ты потом научишь своих кукол. А то мы все здесь будем как немые. Ты у нас умная и все быстро запомнишь. Ведь так? А то скоро привезут телевизор, а ты и в мультиках ничего не поймешь.

Телевизор привезли через пару часов. Мастер повесил экран на стену и подключил питание и сигнальный кабель. Английский он знал с пятого на десятое, но объяснить смог.

— Сейчас работает всего пять программ, — сказал он Бейкерам. — Первая общесоюзная, образовательная, детский канал, культура и правительственный канал.

— А остальные заказы? — спросил Мартин.

— Это уже доставят другие, — ответил мастер. — Центр заказов один, но разную продукцию развозят разные отделения. Ушки вам оставлять?

— Какие ушки? — не понял Мартин.

— Так называют радионаушники, — пояснил мастер. — Выключите в телевизоре звук и смотрите передачи, не мешая другим. Их только раз в месяц нужно включать на подзарядку.

Есть и детские. Вот, подбирайте нужные размеры.

Он ушел, а Сьюзен сразу же стала канючить, чтобы ее допустили к телевизору. Чтобы не мешала, ей включили детский канал и надели наушники. Как раз шли мультфильмы. Она мало что поняла в передаче, но, когда выключили телевизор, загорелась учить слова. К приходу Ника с Кимико взрослые выучили по полсотни слов и позанимались грамматикой, а вот Сьюзен запомнила их целую сотню и теперь пересказывала своим куклам. Кимико, увидев малышку, сразу же переключилась на нее, оставив мужа общаться с хозяевами.

— Она сильно скучает по детям, — пояснил Ник. — Те, с которыми возилась раньше, были ей как родные, но их всех отдали в семьи. Она тоже хотела взять, но я отсоветовал. Пусть лучше будет свой. Я принес запись, давайте посмотрим.

Он включил телевизор, вставил мобильную память в разъем и произвел нужные манипуляции.

— Записи идут в том порядке, в каком они были сделаны, — пояснил он. — Первыми у нас волки.

Все три сюжета просмотрели молча.

— Мне почему-то кажется, что это настоящая запись, — сказал Мартин. — Но если так, животные в них что-то почувствовали, хотя и не все. Крупные хищники, кроме волков, вообще никак не отреагировали, а слоненок так и вовсе отнесся без всякого уважения.

— Что ты хочешь от малыша? — возразил Ник. — Волчата с лисятами тоже требовали игры и ласки. А вот взрослые...

— Да, я бы этому волку рук в пасть не совал, — сказал Мартин. — С ними рядом был директор? У него чуть не случился сердечный приступ. А эта обезьяна... Для любой самки маленький детеныш предмет любви и заботы. И вот так сунуть его человеку и уйти спать... Она явно знала, что в этой женщине нет зла. Кто она? О ее муже у нас писали много всякого, а о ней что-то было, но я уже не помню.

— Она прекрасная художница, — сказал Ник. — В основном портретист, но рисовала море и пейзажи. Всего больше сотни полотен и почти все выставлены в Третьяковской галерее. Когда-нибудь обязательно съездим посмотреть, а пока приходится довольствоваться фотокопиями. Придете к нам, я покажу книгу о ее творчестве, там они все есть. Но сейчас она уже не рисует: устала от этой работы за сотню лет. Работает в аппарате правительства и помогает мужу.

— Глупости у нас писали о ее муже! — сказала Элизабет. — Давайте вернем запись назад. Дай пульт, Ник, я сама. Вот! А теперь выделим кадр и увеличим. Смотрите на ее лицо!

— Необыкновенно красивая женщина, — сказал Ник. — И глаза... В них хочется смотреть и смотреть, даже на экране.

— Она святая! — сказала Элизабет. — В глазах любовь и доброта! Я ведь взяла кадр, где она смотрит на мужа. Скажите, может такая женщина сто лет любить человека, в котором есть зло?

— Сегодня пятнадцатое октября, — сказала Лида. — Тебе это ни о чем не говорит?

Они недавно приехали домой, и после ужина она устроилась с книгой на диване в гостиной. Муж сидел тут же и что-то писал в тетради на журнальном столике.

— Полгода со дня взрыва? — отозвался он. — Да, мы сегодня на совещании, можно сказать, подводили итоги.

— Ну и как? — спросила она. — Не думают еще тебя турнуть и поставить кого-нибудь помоложе?

— Попалась неинтересная книга? — поинтересовался Алексей. — Подожди пару минут. Сейчас закончу и уделю тебе внимание.

— Кстати, по поводу книги, — сказала жена. — Ты у нас весь в делах и заботах, поэтому мог не заметить. За все полгода с начала катастрофы не вышло ни одной нормальной книги, да и фильмов я тоже не припомню. Крутят все заснятое раньше. Вы там не разогнали киностудии, а заодно и Союз писателей?

— Что ты подразумеваешь под нормальными книгами? — спросил Алексей, закрывая тетрадь. — Я действительно давно уже не читал ничего художественного.

— Сейчас всем тяжело, — сказала Лида. — Материально большинство живет не намного хуже, чем раньше, но все-таки люди лишились не только лета и солнца, но и свободы передвижения, да и вообще не могут себе позволить делать многое из того, что было доступно еще совсем недавно. Все понимают, что с природой не поспоришь, и вас в этих бедах не винят, наоборот, вам благодарны, но счастливей их это понимание не делает, а тут еще упадок творчества. А ведь людям нужно не только работать, им еще нужно отдыхать! И я имею в виду не отдых в кровати, а развлечения. А у нас из всех развлечений остался один телевизор, по которому крутят старые фильмы и концерты. Ну и библиотеки, в которых чем дальше, тем труднее найти что-нибудь новое и по-настоящему интересное. Обратился бы ты, что ли, к творческой интеллигенции. Для чего мы их кормим? Сейчас нужно почаще выпускать комедии и книги, которые будут читать ночи напролет, а у нас тихо, как на поминках. Или кто-то считает, что если где-то в мире умирают люди, то и нам неприлично смеяться? По-моему, это глупо. Мы им помогаем, но сами-то живем нормальной жизнью! Или нам и любовь отменить? Она ведь тоже приносит радость.

— Я этим займусь, — пообещал он. — Раньше как-то было не до развлечений, теперь уже стало легче. Долго ли только протянется затишье?

— А чего ты ждешь? — спросила Лида.

— Как чего? — удивился Алексей. — Последней волны беженцев. Американцы закончились во всех смыслах, теперь скоро побегут те европейцы, которые доедят продуктовые запасы и смогут до нас добраться. Мы приняли всего тридцать два миллиона, думаю, будет еще столько же, и растянется это на больший срок, так что устраивать людей будет легче.

— А что слышно в мире? — поинтересовалась Лида. — В выпусках новостей все говорится только по Союзу, где там что построили, да о погоде, которая почти не меняется. Я думаю, их уже никто не смотрит.

— Так мы сами мало что знаем, — начал оправдываться Алексей. — С Китаем, например, так и не узнали, почему они не полезли на наши границы. А ведь не могли они

погибнуть все сразу, хоть миллионов двести должно было остаться. А индийское правительство, видимо, после войны потеряло контроль над ситуацией. Мы с ними так и не смогли связаться.

— А с Австралией?

— Связались по выделенному каналу. Знаешь, что они нам ответили?

— Откуда мне знать? — ответила жена. — Я не работаю в министерстве иностранных дел, а в Секретариате женщины болтают о своих мужьях, а не на служебные темы.

— Они нам посоветовали больше заниматься своими делами и меньше лезть в чужие. Мы их заверили, что они нам и на фиг не нужны, так что больше беспокоить не будем. Примерно такой разговор, если вкратце. О том, что бразильцы скоро запустят первый реактор, ты должна знать. Излучатели мы им поставили еще на три. Думаю, хотя бы четверть населения они сохраняют, если не начнутся войны с соседями, у которых дела гораздо хуже. Кубинцы собрали на восточном побережье США все продовольствие, какое успели. Сейчас там полно льда и всякое плавание прекратилось. Но им вроде должно хватить. С Канадой связи нет. Наверное, у них уцелело несколько общин, а центрального правительства нет. Их с одной стороны долбанул вулкан, да еще сверху побрызгало кислотой, а с другой — навалились льды. По арабам и Израилю глухо. Никто не отвечает, а приборы отмечали толчки характерные для взрыва ядерных боеприпасов средней мощности. Да и без войн в этом регионе не было больших запасов продовольствия. В Юго-Восточной Азии не отвечает ни один из наших информаторов, а в Черную Африку мы никого не посылали. На нашей территории еще осталось несколько посольств, но у них никакой связи со своими нет. В Европе все плохо. Подвела их хваленая демократия. Немцы должны уцелеть, западных — треть, восточных — больше половины. Поляки уцелеют, если небольшая группа во главе с правительством запрется где-нибудь в крепком месте и пошлет всех остальных... далеко. В других странах сохраняются небольшие группы людей, наложившие лапу на продовольствие и захватившие электростанции. Остальные, которые не перемрут, скоро окажутся на наших границах. Мы к этому готовы. Опыт приобрели, уже прибывших беженцев расселили и пристроили к делу и увеличили энергетические мощности и производство продовольствия. Вот тебе и все новости. Как только закончим с беженцами, министерство иностранных дел вообще упраздним. Что тебя интересует еще, погода? Снегопады пошли на убыль, но мы все равно начали переводить весь транспорт на воздушный. Сначала грузовой, потом пассажирский, а как окончится зима, будем в большом числе выпускать и личный воздушный транспорт. Возможности для этого имеются.

— Когда начнем вскрывать запасы продовольствия в мерзлоте? — спросила Лида. — Там много самых разных продуктов, а мы, когда закончатся овощи, сядем на кашу с мясом.

— Мы пока израсходовали меньше трети текущих запасов, — возразил Алексей. — Потерпите немного. Однообразие это не еще голод. Все равно продовольствие будем перебрасывать воздухом, а грузовые «Ковчеги» только начали сходить с конвейера.

Разговор прервал сигнал вызова по коммуникатору.

— Что случилось, Алексей Павлович? — спросил он министра иностранных дел. — Вы ко мне по пустякам домой не звоните.

— В очередной раз побеспокоили американцы, Алексей Николаевич, — сказал министр. — По правительственному каналу позвонил один из заместителей командира Стратегического командования Вооруженных сил США генерал Зак Александер. На момент катастрофы он оказался на КП объединенного космического командования в Шайенне,

потому и уцелел.

— И, конечно, он непременно хочет сдаться именно мне?

— Он меня о своих намерениях не информировал, — улыбнулся Алексей Павлович. — Переключать на ваш канал?

— Давайте, — вздохнул Алексей. — Только подождите минуты три, я поменяю халат на что-нибудь более презентабельное. Переключите по сигналу готовности.

Он переоделся и повернул комм так, чтобы Лиде был виден экран, но она сама не попала в объектив камеры. Генерал Александер оказался мужчиной лет пятидесяти с грубыми чертами лица и густыми волосами, обильно усыпанными сединой. На связь он вышел, надев не мундир, а цивильный костюм.

— Рад вас приветствовать, ваше превосходительство! — сказал он Алексею, коротко кивнув. — Надеюсь, я вас не сильно оторвал от дел?

— Здравствуйте, генерал, — поздоровался Самохин. — Вы меня от дел совсем не оторвали, вы меня оторвали от отдыха. Я, вообще-то, ждал вашего звонка месяца через три-четыре. По нашим расчетам продукты у вас еще должны оставаться. Что-то случилось? Что вы на меня так смотрите? Удивлены? А к кому вам еще звонить, как не к нам? Смешно, ей богу! Американские военные, которых готовили в качестве наших противников, ищут у нас же помощи и поддержки. Вы не первый, генерал. Весь ваш Седьмой флот уже четыре месяца стоит во Владивостоке. Точнее, бывший ваш, теперь он уже наш. Хорошо, что адмирал Виллард увел Шестой флот не к нам, а в Австралию! Ладно, выкладывайте, что у вас.

— А как к вам попал Седьмой флот? — спросил Александер.

— Его нам сдал адмирал Крейг. У него была альтернатива — плыть в Австралию, но он оказался умным человеком. У вас же, в отличие от него, никакой альтернативы нет. Я ответил на ваш вопрос? Тогда ответьте и вы на мой.

— Продукты у нас еще есть, хоть и немного, — сказал Александер. — Я бы, наверное, еще подождал пару месяцев, чтобы не обмануть ваших ожиданий, но заканчивается продовольствие у расчетов шахтных пусковых установок. Вывезти их своими силами я не могу, а как себя поведут эти люди перед лицом смерти, не знаю. Большинство неполадок, вызванных извержением, мы ликвидировали...

— Можете дальше не продолжать, генерал. Вы знаете, почему вы еще живы? Нет? Тогда я вам расскажу. Мы знали, что вы займетесь ремонтом и сможете восстановить до половины установок. Кое-кто предлагал, пользуясь практически полностью уничтоженной системой раннего обнаружения, стереть с лица Земли вашу гору, а заодно и все шахты с ракетами. Потратить немного уже ненужных нам ракет и обеспечить себе полную безопасность.

— Тогда почему?

— По нескольким причинам. Выпущенные в нас ракеты несложно было бы уничтожить, да и не верил я, что вы решитесь на такую самоубийственную глупость. Поэтому начинать первыми и еще больше загаживать этот мир, которому и без того немало досталось... Я был уверен, что вы с нами свяжетесь, так и вышло.

— И что вы мне ответите?

— Сколько у вас всего людей?

— У нас около четырех с половиной тысяч человек, из которых на командном пункте тысяча двести. Остальных нужно собирать с большой территории, а у меня для этого нет средств.

— Я думал, у вас их гораздо больше, — удивленно сказал Алексей.

— Много шахт оказались разрушенными, — пояснил Александер, — а кое-где люди пытались спастись самостоятельно.

— К вам вышлют пять десантных машин, — сказал Алексей. — Лететь они будут часов десять-пятнадцать, в зависимости от ветра. Вас они заберут всех за один раз. Одно условие — командный пункт должен быть разрушен. А перед сбором ваших людей передайте им приказ — отключить все системы и максимально затруднить к ним доступ посторонним. Ваша гора заминирована или нам нужно везти все необходимое для подрыва с собой?

— У нас предусмотрена ликвидация объекта, — ответил Александер, — но я ее запущу только после того как вы соберете всех людей. Сигнал можно подать и дистанционно. Что вы нам можете обещать?

— То же, что и все остальным — жизнь! — сказал Алексей. — И не где-то в изоляции, а в нормальном человеческом обществе. Только имейте в виду, что сначала пройдете тесты, и вас осмотрят медики. Мы должны знать, что собой представляют ваши люди. Может быть, они давно свихнулись от одиночества и лишений. Не бойтесь, мы и таких не бросим. Будем лечить, а не получится, поселим отдельно. Учитывая важность того, что вы нам оставляете, вам пойдут на уступки.

— Когда за нами вылетят?

— Завтра часов в девять утра по Москве. И учтите, что захватить машины не удастся: в них будут десантники. Да и не даст это вам ничего: побережье сковано льдом, так что воспользоваться кораблями вы не сможете, а «Ковчеги» от вас до Австралии не дотянут. Говорю для того, чтобы вы знали и не строили несбыточных планов. Кроме того, ничего хорошего вас там не ждет.

— Мы не будем нарушать свое слово и надеемся, что свое выполните вы, — сказал Александер. — Мы подготовим все, что нужно, и будем ждать.

В кабинет командующего Белорусским военным округом генерал-полковника Можайко быстрым шагом зашел начальник разведывательного управления полковник Сотник.

— Началось, Сергей Федорович, — доложил Сотник. — Поляки устроили свару.

— Садитесь, Иван Федорович, — сказал Можайко. — Выкладывайте все, что известно.

— Весь сегодняшний день мы регистрировали активный радиообмен на армейских частотах. Естественно, все кодированное, но передачи велись с польской территории. Уже два дня, как нет ни одного беженца, а до этого, хоть и немного, но шли. Час назад к нам перебежал один из польских пограничников. Сообщил, что в Лодзи и в районе Варшавы идут бои с применением бронетехники и реактивной артиллерии. Парень умный и сразу понял, чем это пахнет, поэтому рванул к нам и готов на все, только бы оставили. Я отдал приказ запустить «Невидимки». Только что передали, что мы потеряли два аппарата из трех. Оставшийся показал передвижение танковой колонны и многочисленные пожары в городе Остроленка.

— Сбивают по тепловому следу? — спросил генерал.

— Да, конечно. Единственное слабое место «Невидимок», особенно в холодный сезон. Мы вернули уцелевший разведчик, поскольку в дальнейшем наблюдении нет смысла. Наверняка, пока идет бойня, никаких беженцев не будет, поэтому я распорядился, чтобы эвакуировали весь персонал обоих пунктов их приема, а пограничников отвели в укрытия. Будут наблюдать с помощью техники.

— Ну что же, это было ожидаемо, — сказал генерал. — В их положении можно было

либо попытаться выжить всем, либо спасти немногих. Они выбрали второй вариант. Теперь идет спор, кому попасть в число выживших. Как бы только в этих разборках не зашли слишком далеко. Но мы в любом случае остаемся в стороне. Переведем войска округа в повышенную боеготовность и будем ждать, чем у них закончится. В любом случае все это ненадолго. А в Москву я сейчас доложу.

— Чем закончилось в Польше? — спросила Лида. — В новостях говорили только о том, что шли бои. Уже прошла неделя, и нет ни одного нового сообщения.

— Я распорядился больше такую информацию не передавать, — хмуро сказал Алексей. — Там еще ничего не закончилось. Судя по немногим отрывочным сведениям между собой делят ресурсы две группировки: президента Грабинского и министра обороны Заневского. При этом и те, и другие уничтожают как беженцев, так и собственное население. Вряд ли они придут к соглашению, поэтому через пару недель поляков почти не останется.

— А что случилось? Ты ведь говорил, что у них должно остаться не так уж мало продовольствия. И ГДР им обещала помочь с БВК.

— Паскудная человеческая природа! — высказался муж. — У нас ведь среди польского руководства были свои люди. Свои не в том смысле, что мы через них как-то влияли на ситуацию, просто нас достаточно подробно информировали обо всем, что происходит в верхах. С такими пакостными соседями это нелишне. Понятно, что в критических ситуациях единоначалие гораздо выгоднее дебатов и голосования, но это только в случае, если наверху достойный человек, который знает, как спасти своих людей, и к этому стремится.

— Такой как ты, — вставила Лида.

— Да, такой как я, — согласился Алексей, — а их Грабинский на эту роль не подходит. И Заневский, который тоже возжелал власти, ничуть не лучше его. И теперь они дружно разрушают города и перемалывают в боях армию, без которой не удастся удержать власть. А в пригородах стоят реакторы, которые ничем не защищены. Жалко мне поляков. Способный и красивый народ, но уж больно спесивый и неуживчивый. И скоро его не останется. И если бы только они такие были. Между Боливией и Бразилией уже идет полномасштабная война. Скажи, есть ли у руководства Боливии мозги? Ведь ясно, что ничего, кроме развалин, они в случае победы не приобретут. В чем смысл? Не получается спастись у нас, так не фиг и вам?

— Я в новостях об этом не слышала.

— Я же тебе сказал, что решили этот негатив не давать. И так в нашей жизни мало поводов для веселья, не стоит омрачать ее еще больше. Сама же говорила, что не снимают комедии. Я недавно поймал министра культуры и пытал с пристрастием. Оказывается, никто на киностудии не давит, они сами не хотят их снимать. Не тот сейчас настрой у людей, так что придется вам пока удовлетвориться старыми фильмами. Ничего, через полтора года увидим солнце, и настроение у людей будет совсем другим.

— Американцев не привезли? Вроде времени уже прошло немало.

— Завтра должны прилететь, — сказал Алексей. — Там пока всех свезли... К тому же мы на каждой пусковой установке заварили двери в шахты и в аппаратную. Это сейчас там никого нет, а потом? А у нас до американского наследства руки дойдут еще не скоро. Там работы на много лет, а нам нужно будет в первую очередь заниматься Европой. Единственное, что надо будет сделать — это создать базы на побережье Штатов и отгонять любителей халявы. Там ведь осталось не только то, что может быть полезным, есть и опасные вещи. И это не только атомное или химическое оружие, там одних биологических центров, работавших на министерство обороны, больше трех десятков.

— Забрали себе остатки американской нации, а потом заберем и все, что от нее осталось?

— А почему бы и нет, малыш? Сколько там уплыло в Австралию тех американцев? Хорошо если будет сотня тысяч, а у нас миллионы. К чему нам возиться с добычей золота, если его можно будет просто взять? Часть их наследства придет в негодность, но немало останется и полезного. А нам еще там все чистить. Очередную порцию лавы Йеллоустон будет собирать десятки, если не сотни тысяч лет, так что материк, несомненно, заселят. Это только кажется, что земли очень много. Подожди, снимем все ограничения на рождаемость, и через двести лет людей опять будет много. И они уже не будут гибнуть в войнах: не позволим мы никому воевать.

Беженцы появились только спустя два месяца. Как и ожидали, ими оказались поляки. По их рассказам можно было представить масштабы катастрофы, вызванной междоусобицей. Города центральной части Польши превратились в руины, погибло почти все их население. На границе с ГДР и на побережье боев не было, но это жителей не спасло. Вся электроэнергия вырабатывалась реакторами, расположенными в Варшаве, Лодзе и Вроцлаве, которые были разрушены в ходе боев. Мало того что была уничтожена большая часть продовольствия, страна осталась без света и тепла. Был еще реактор в Быдгоще, но в этом городе окопались уцелевшие сторонники президента Грабинского, которые поставляли электроэнергию только в соседние районы в обмен на продукты. А температура упала в отдельных местах до сорока градусов. Поляки терпели пока не стало невмоготу, а потом надевали на себя все, что только было, брали остатки еды и брели на восток. Машины были у многих, но накопители в них давно разрядились. Из сорока пяти миллионов населения, бывшего в Польше до катастрофы, к границе вышло немногим больше миллиона, но и из этого числа после тестирования была отсеяна треть. Многие так и погибли в своих домах или замерзли по дороге. Почти все принятые были с обморожениями и сильно истощены, поэтому их первым делом отправляли на лечение.

— Если эта сволочь выживет, будем судить и расстреляем! — сказал Алексей жене о польском президенте. — Такое прощать нельзя. Я считаю, что должно быть две меры наказания за совершенные преступления: для правителей и для всех остальных. И первая должна быть гораздо суровее. К сожалению, сплошь и рядом бывает наоборот.

— Как будем отмечать Новый год? — спросила Лида. — Панихидой или все-таки его отпразднуем? Ах, отпразднуем! Тогда к празднику нужно готовиться. Ты конфеты запас?

— Из сладкого, кроме сахара, в больших объемах запасли шоколад, халву, изюм и фи. Уже можно заходитьники, ну и еще сгущенное молоко. Может быть, есть и еще что-то, надо сделать запрос.

— Вот и сделай, а заодно подумай, что можно раскупорить из наших загашников к праздничному столу. Подарки детям — это хорошо, но нужно и взрослых чем-то порадовать. Елку в Кремле будем делать?

— Наверное, нужно сделать и елку, и праздничный концерт, — подумав, ответил Алексей. — Сегодня же озадачу этим кого следует. За оставшиеся десять дней, я думаю, успеют. А раскупоривать ничего из запасов не будем: все, что нужно, пока можно найти на складах. Вы у нас после катастрофы конфетами и шампанским не питались. На один раз наскребем и на подарки, и на столы. На складах даже елочные игрушки должны быть, так что раздадим тем, у кого их нет. И елки можно рубить без ограничения, все равно мелочь не

выживет. Хочешь взяться за организацию праздника?

— За десять дней? Без чрезвычайных полномочий не возьмусь! — засмеялась Лида. — Иначе все завалю!

— Уже можно заходить? — спросил девушек Сергей. — Долго вы еще будете не пускать больного человека?

— Заходи, больной! — сказала сестра. — У нас все готово! Как она тебе?

— Здорово! — искренне сказал он, осматривая небольшую, украшенную игрушками и дождиком елку. — Вы молодцы.

— А то! — подбоченившись, сказала Ольга. — Мы с Джейн самые лучшие!

— Кто бы спорил, — засмеялся он. — А это презент для самых лучших. Три праздничных пайка! Это наша Вечная выжала из Комитета по продовольствию. Живем?

— Ух, ты! — Ольга с восхищением перебирала высыпанные братом на стол консервы. — Лосось, шпроты, печенка! Лидия молодец, не зря ее все любят. А это что?

— А это, девочки, шампанское! — торжественно сказал Сергей, водружая на стол бутылку. — На работе еще обещали завтра выдать по паре огурцов и зеленый лук! А тебе, как несовершеннолетней, еще положены сладости. Только ты их раньше праздника не увидишь.

— А Джейн?

— А Джейн уже семнадцать, и она в Штатах закончила школу, поэтому ее заявление удовлетворили. Иди сюда, поцелую в щечку. Теперь ты совершеннолетняя!

Девушка подошла к Сергею, обвила его шею руками и поцеловала в губы.

— Так его, сестренка! — одобрила Ольга. — А то от него самого не дожدهшься. Когда свадьба-то?

— Я готова хоть завтра! — сказала Джейн, которая уже довольно чисто говорила по-русски. — Только я пока от него предложения не получала. Может быть, предложить самой? Как думаешь? Или откажет?

— Такой откажешь! — немного смущенно сказал Сергей. — Американки, они все такие?

— Я такая одна! — засмеялась Джейн. — А для тебя так еще одна—единственная. И я тебя тоже люблю! А из-за твоей скромности вынуждена проявлять настойчивость. Ты меня спас? Теперь женись!

— Ладно, вы здесь договаривайтесь, а я пока схожу к себе, — сказала Ольга и тактично вышла, оставив приоткрытой дверь в свою комнату.

— Ты действительно хочешь стать моей женой? — спросил Сергей. — Ты не пошутила?

— Разве таким шутят? — обиделась девушка. — Может я для тебя недостаточно хороша? Может быть, дело в том, что я прибыла из Америки? Или ты меня не любишь?

— Я тебя люблю! — сказал он. — Просто ты выглядишь такой молодой, что до тебя страшно дотронуться. Ты такая маленькая, а я...

— Ничего, — обрадованно сказала она. — Я знаю, как это лечится. И подружки рассказывали, и в сети кое-что смотрела. Если боишься меня тронуть, придется и здесь самой проявлять инициативу. И ждать свадьбы я не буду, это все условности! Подумаешь, отметка в чипе! Главное, что мы любим друг друга! И таблетки мне принимать не нужно. Так что сегодня я к тебе приду, у тебя кровать побольше моей. И хватит смущаться, я уже совершеннолетняя!

— Да я не против, если ты этого хочешь сама, — сказал он, обняв девушку. — Брак

можно зарегистрировать в любом терминале хоть сейчас. Ты права: это формальность. Но свадьбу мы с тобой все равно сыграем. И учти, совершеннолетняя, что ты теперь обязана выбрать себе работу. После праздника я узнаю, что есть для такой малышки, как ты. Кажется, были места в ясли нашего дома. Ты хочешь возиться с малышами?

— Я хочу возиться со своим малышом! — прошептала она, прижимаясь к Сергею. — От тебя! А пока его нет, пусть будут чужие.

— Я не вижу никакого смысла в вашем дальнейшем пребывании в Центре, — сказал генералу Александру куратор. — Вы, в отличие от большинства своих бывших подчиненных, сносно говорите по-русски, поэтому прощайтесь с друзьями, забирайте свои вещи, и я вас отправлю на аэродром.

— Вы нас всех разбросаете по разным местам? — спросил он.

— Вам уже об этом говорили, — напомнил куратор. — Никаких землячеств у вас не будет. Вас распределят по нескольким городам и расселят в дома для эмигрантов.

— И чем они отличаются от остальных?

— Меньшей комфортностью проживания. Мы не в силах сразу дать эмигрантам полноценные, с нашей точки зрения, квартиры. Со временем вас будут переселять. Дома расположены не изолированно, а рядом с обычными, и селят вас в них так, чтобы жили ближе к будущему месту работы. Вам дали право не работать, но мой вам совет, генерал: не замыкайтесь в своем горе! У большинства эмигрантов погибли родные и близкие, сейчас горечь потерь — это обыденное явление. В работе и общении с людьми гораздо легче все пережить и начать жизнь сначала.

— Кто в них живет, американцы?

— И американцы, и европейцы, и кубинцы, и даже наши граждане, которых вывезли с Дальнего Востока. Там сейчас очень неприятно жить из-за ветров и морозов, так что пусть уж лучше они терпят некоторые неудобства здесь. У вас будет всего лишь однокомнатная квартира, а двухкомнатную дадут только в случае женитьбы. Не нужно так горько улыбаться. Вы еще не старик, женщин у нас больше, чем мужчин, а время не только отнимает у нас годы, оно еще и лечит боль потерь.

— И куда меня повезут?

— Куйбышев. Есть такой большой город на Волге.

Его отвезли в аэропорт и посадили в уменьшенную копию тех монстров, которыми их эвакуировали из Колорадо. Полет занял час. После приземления его встретил работник иммиграционной службы, который отвез в город и показал большой шестиэтажный дом.

— Здесь вы и будете жить. Это центральная часть города, а совсем рядом расположена станция метро. Здесь есть лифты, но у вас второй этаж, так что проще пользоваться лестницей. Пойдемте, поселю в квартиру, познакомлю с заведующей этажом и покажу столовую и все остальное. Ну и расскажу то, что вам будет полезным, и отвечу на вопросы.

Квартира ему понравилась. После рассказа куратора он ожидал увидеть что-то убогое, а не просторную комнату, полностью обставленную приличной мебелью. Кухня тоже имелась, хоть и небольшая, но она ему была, в общем, не нужна. Совмещенный санузел имел все необходимое, а освещение было ярче того, к какому он привык. Они вообще на нем не сэкономили, ни в помещениях, ни на улицах. Весь город был так ярко освещен, что в любом месте можно было читать мелкий текст. Понятно, что этим пытались хоть как-то компенсировать отсутствие солнца.

Зак убрал в ящик стола ненужный фонарь, разложил свои немногочисленные пожитки и, как советовал принимающий, сделал заказ на бытовую технику. Делать было нечего, и он сходил за постельным бельем к молодой девушке, которая заведовала этажом и носила до боли знакомое имя — Мария. К счастью, внешне она ничуть не походила на его старшую дочь. Ужин в столовой показал, что кормят здесь так же, как в Центре — вкусно, достаточно, но не слишком разнообразно. Одно время он занимался войсковым снабжением, в том числе и продовольствием, и представлял, какое чудовищное количество продуктов нужно запасти для того, чтобы так кормить четыреста миллионов человек целых пятнадцать лет. Пусть даже они половину продовольствия производят сейчас, все равно получалось, что СССР тратил на закупку еды заметную часть своих валютных доходов в течение десятков лет. Да и собственное продовольствие не все попадало на столы, многое должны были прятать. Такое можно было объяснить только одним: они знали и готовились, и никому ничего не сказали. В нем не было ни ненависти, ни благодарности. На месте Вечного он сделал бы то же самое. Только круглый идиот будет спасать своих врагов, тем более что их спасение нарушит собственные планы и безопасность. А благодарность... Они слишком много отдали за свое спасение, так что благотворительностью здесь и не пахло. Вот спасение десяти миллионов американцев — это благородно, хотя тоже когда-нибудь окупится. И территорию США они заберут себе. Ему об этом прямо сказал прилетевший полковник. Ну и ладно, пусть забирают себе хоть весь мир, если оказались такими предусмотрительными. Уже находясь здесь, он узнал и о детях, и о помощи другим странам. Очень умные ходы. И другим помогли, и соблюли свои интересы. С приходом тепла они начнут строить свой мир, в котором будет только одна сила. Жаль, у Америки не получилось, пусть теперь пробуют эти.

До Нового Года оставалось всего четыре дня, а позавчера было Рождество. Он всегда встречал его в своем доме в Денвере, и всегда на этот праздник к нему съезжались дети со своими семьями. Жена умерла два года назад, и с тех пор он не любил подолгу оставаться дома, уйдя с головой в дела службы. Только в Рождество его дом оживал и становился желанным. Он и в Шайенне задержался из-за того, что впереди были выходные, которые не хотелось проводить дома. И эта задержка его спасла.

Неожиданно в дверь постучали. Он ее не запирает, поэтому крикнул, чтобы заходили.

Вошли двое. Один был крепким мужчиной лет тридцати с открытым лицом и коротко стриженными волосами, а второй — темнокожим парнем лет на пять моложе.

— Извините, сэр, что мы без приглашения, — улыбнулся белый. — Мария сказала, что заселился соотечественник. Мы здесь уже несколько месяцев, может быть, нужно чем-то помочь? Да, забыл представиться. Я Ник Сандерс, а это мой друг Мартин Бейкер.

— Рад знакомству, — искренне сказал он. — Зак Александер. Вы служили, Ник?

— Так точно, сер! — шутливо вытянулся Ник. — Уорент-офицер Ник Сандерс, сэр!

— Вольно, Ник, — улыбнулся Зак. — Вы уже не во флоте, а я уже не генерал.

— Вы были генералом, Зак? — спросил Ник. — Откуда же вы сюда попали? Я сам с Седьмого флота, а Мартин с семьей приехал с другими беженцами из Англии.

— Не вы одни сдались Советам, Ник, — вздохнул Зак. — Я тоже им сдал все оставшиеся стратегические силы.

— Ну и правильно сделали, — одобрил Ник. — Вы ведь здесь недавно? Я так и понял. Поживете подольше, тогда поймете, что никакого смысла у нашей вражды к Союзу не было. Точнее, он был у тех, кому его наличие мешало устанавливать в мире свои порядки. И не

нужно так на меня смотреть, Зак! Никто мне мозги не прополаскивал. Поживете здесь с мое, познакомитесь с самыми разными людьми, потом сами поймете. Сейчас вам что-то говорить бесполезно. Я сам сюда попал таким. Все ждал, когда меня возьмут в оборот и начнут обращать в свою веру. Знаете, я никому в этом смысле оказался не нужен. Только в самом начале прочитали основы устройства государства и прошлись по законам, и все! Все остальное за них сделала жизнь. Наверное, не всем нашим ребятам здесь понравилось так, как мне, но что многим — это точно.

— Поживем — увидим, — пожал плечами Зак.

— Скоро Новый год, — вступил в разговор до того молчавший Мартин. — Здесь мало кто отмечает Рождество, а вот Новый год — это всенародный праздник. В столовых будут кормить по-праздничному, а кто захочет, дадут набор продуктов домой. Повсюду будут празднично украшенные елки. Мы собираемся у нас и приглашаем вас присоединиться. Заодно познакомитесь с нашими семьями. Сейчас у многих горе, и мы тоже потеряли близких. Но человек не должен жить своим горем и не должен быть один, особенно когда все веселятся. Вы придете?

— Если выдадут этот набор, и не отмените приглашение, то приду. Не обещаю, что смогу веселиться, но постараюсь не испортить вам праздник. Перед вашим приходом в коридоре засмеялась девочка. Это не ваша?

— Это моя дочь Сью, — сказал Мартин. — Ей пять лет.

— Тогда точно приду. Жаль, не смогу сыграть Санта-Клауса: совершенно нечего подарить.

— Не беспокойтесь, Зак, — сказал Ник. — В этой стране каждый ребенок получит подарок, а мы вам будем рады и так. И вообще, ни к чему ждать Нового Года, чтобы познакомиться с нашими семьями. Сейчас все в квартире Мартина, поэтому запирайте дверь и идите с нами. Человеку плохо одному не только в праздник.

Альфред Педерсен, сколько себя помнил, не любил русских. Эта нелюбовь досталась ему в наследство от отца. Поэтому когда старший сын Ингер заявил, что забирает жену и дочь и будет пробираться в СССР, глава семейства впал в ярость.

— Можешь уезжать, куда хочешь! — заявил он сыну, только у нас не получишь даже хлебной корки!

Сын выслушал разбушевавшегося отца, плюнул на пол, а на следующий день уехал, не попрощавшись. Увидев, что продуктов в погребе стало заметно меньше, Альфред пошел разбираться к жене, у которой был второй ключ.

— Утомонись! — сказала Жордис опешившему мужу. — Ингер имеет право взять часть того, что он сам тебе принес! И если ты из-за своей бессмысленной злобы готов погубить нас всех, пусть хоть кто-то из семьи будет жить! И они с собой взяли совсем немного, остальным теперь больше останется.

— Небо уже светлеет, — буркнул он, — а скоро придет тепло! Меньше нужно верить столичным умникам. А мы на своих запасах и год продержимся.

Год они не продержались. Прошла неделя с отъезда Ингера, когда к ним приехал чиновник из Тондера.

— Добрый день, херр Педерсен! — поздоровался он, пройдя в дом мимо посторонившегося хозяина. — Есть решение правительства о переселении жителей из частных домов в государственные учреждения и на еще работающие предприятия. У вас ведь есть машина? Вот и хорошо! Только у нас в Тондере вас селить негде, поэтому нужно будет самим добираться в Силькеборг. Понятно, что захватите все продовольствие. Его нужно будет сдать в общественный фонд, потому что там вас будут кормить.

— С какой стати я буду уезжать из собственного дома? — уперся Альфред. — Да еще с кем-то делиться продовольствием! Не пошли бы вы, уважаемый Николас...

— Я пойду, — перебил его чиновник, уже привыкший к подобной реакции, — только через месяц от всех частных домов отключат электричество. Давление газа в трубопроводе упало, и пришлось остановить три электростанции, а скоро остановят еще две. Останутся только реакторы в Хернинге и Копенгагене, поэтому электроэнергию придется экономить. Не угостите чаем? Ладно, пойдет и кипяток. Уж больно холодно на улице, даже машина промерзла.

— Вы как хотите, а я забираю своих и еду вслед за Ингером! — заявил младший сын. — И сестру с собой заберу. Если уедем в Силькеборг, лишимся и машин, и продовольствия. Оттуда нас отпустят только с пустыми руками своим ходом! А оставаться здесь — это верная гибель.

— Возьми и меня, — сказала сыну Жордис. — Оставим отцу больше продовольствия, может быть, проживет еще пару лет. Все равно русские его не возьмут.

— Это почему еще они меня не возьмут? — рассердился Альфред.

— Несколько дней назад слушала радио восточных немцев, — сказала жена. — Они передавали, что тем, кто не любит Союз, лучше туда не ехать, тесты они все равно не пройдут.

— Нет смысла оставлять отцу много продуктов, — возразил Борд. — Здесь он через месяц замерзнет, а в Силькеборге у него все равно все заберут. А нам продукты не

помешают, мало ли как там повернется.

— Я еду с вами! — решил отец. — Даже если меня не примут, лишняя машина в дороге не мешает. Если с вашей что-то случится, доедете на моей, да и продовольствие больше сможем забрать. Сегодня нужно все собрать в дорогу, а завтра с утра выедем. И зарядите все накопители для одежды.

Утром перенесли в багажники обеих машин многочисленные сумки и саквояжи, надели на себя самую теплую одежду, и все взрослые вооружились пистолетами из арсенала Альфреда. Он сам, помимо браунинга, взял с собой карабин. Прошло одиннадцать месяцев с начала катастрофы, и солнце светило уже в два раза ярче, поднимаясь из-за горизонта мутным желтым пятном. Было неплохо видно, поэтому фары не включали. Бросив последний взгляд на оставленный дом, Альфред выехал на расчищенную от снега дорогу и погнал машину по направлению к Тинглеву. Жордис ехала с ним, а в машине Борда сидели его жена Леона с маленьким Марком и сестра Анека.

Через десять минут проскочили почти безлюдный Тинглев и вскоре свернули на магистраль в сторону немецкого Фленсбурга. Границу никто не охранял, а шлагбаума на ней уже сто лет как не было, поэтому о том, что они едут по немецкой земле, можно было узнать только по навигатору. Встречавшиеся небольшие городки, отели и просто отдельно стоявшие дома были безлюдны и имели заброшенный вид, а дорога никем не охранялась. Через полтора часа проехали по окраинам Ноймюнстера. В городе, в котором несмотря на день было включено освещение, впервые увидели военную полицию. Две бронемшины, вооруженные крупнокалиберными пулеметами и лазерными установками, стояли на отводе от магистрали к центру города. Судя по освещению, людей свезли в города не из-за экономии энергии, а в целях безопасности. Попробуй защитить их всех от потока эмигрантов, едущих через немецкие земли. Но останавливаться в брошенных домах или в них жить, было запрещено. Об этом предупреждали надписи на нескольких языках и сожженные машины тех, кто пренебрег предупреждением. Через час проехали Гамбург. Здесь на улицах видели много людей. Городское освещение уже выключили, но из окон большинства квартир лился яркий свет. Здесь их впервые остановила полиция. Выяснили, кто они и куда направляются, предупредили, что ночевать следует в машинах, и разрешили двигаться дальше. До Берлина ехали четыре часа. Границу между Западной и Восточной Германией не заметили. Похоже, что немцы о ней просто забыли. То же было и в Берлине. Стена никуда не делась, но проезд уже никто не охранял, хотя и здесь полиции и военных было достаточно.

— Наверное, после всего произошедшего немцы объединятся, — впервые за все время пути сказала жена. — Вот кому можно позавидовать!

Спустя полчаса проехали мимо Франкфурта и по мосту перебрались через Одер. За все время езды до польского города Желина не встретили ни одного поляка. Здесь вдоль дорог стояло много сожженных и с виду целых машин и кое-где были видны присыпанные снегом тела. Все чаще встречали бредущих на восток людей, а следом за машинами Педерсонов уже ехали несколько автомобилей других беженцев.

Когда въехали в Желин, оказалось, что город мертв. Его никто не разрушал, хотя в паре мест им встретились сгоревшие дома, просто когда исчезло электричество, исчезла и жизнь. Те, кто не решились искать пристанища у восточных соседей, просто замерзли или умерли от голода. Здесь остановились и достали термосы и заранее приготовленную еду. Быстро пообедав, отправились дальше. До Варшавы ехали шесть часов. Вид города всех поразил.

Такое видели только в хрониках о Второй мировой войне. Второй раз поразились, увидев что дорога через город тщательно расчищена от сгоревших машин, бронетехники и обрушившихся зданий. На выезде из города их встретил пост советских солдат. У дороги были установлены большие надувные ангары, в которые солдаты, прохаживающиеся возле трех летающих танков, направляли всех беженцев. Неподалеку еле слышно шумела передвижная электростанция.

— Там тепло и безопасно, — по-немецки пояснил Альфреду солдат. — Если нет своей еды, вас там покормят. Можете, конечно, ночевать в машинах, но мы гарантируем, что их не ограбят и не угонят. Завтра за три часа доедете до Белостока, а там рядом наш приемник.

Альфред хотел было устроить ночевку в машине, но сын отогнал свою на площадку, запер и, получив у охранявшего технику солдата контрольный жетон, вместе с семьей и сестрой вошел в одно из зданий.

— Не упрямясь, — сказала жена. — Видно же, что тебя никто здесь не станет грабить. Охота мерзнуть в машине?

Он не стал спорить, и вскоре вместе с семьей сына ужинал выданными бутербродами. Запив их горячим чаем, все улеглись на стоявшие рядами пластиковые кровати, напоминавшие пляжные лежаки. На них лежали только матрасы и теплые одеяла, но большего было и не нужно. Изголовья были приподняты, а спать ложились в одежде, сняв только шубы. Утром покормили тем же самым, после чего все опять оделись и пошли к машинам. После трехчасовой поездки оказались уже на советской территории.

— Раз у вас свой транспорт, автобуса ждать не нужно, — сказал им один из пограничников. — Поезжайте по дороге до отводка направо. Там есть охраняемая площадка для машин. Забираете все, что вам нужно и идете на тестирование. Если вас примут, машины вам больше не понадобятся, если откажут, тогда возьмете их обратно.

Они все сделали, как было сказано. В десяти минутах езды от границы повернули на съезд с магистрали и припарковали машины на охраняемой площадке вблизи огороженной территории с несколькими десятками зданий, похожих по внешнему виду на то, в котором ночевали на выезде из Варшавы.

— Держите жетоны, — сказал один из охранников. — Если никто не будет возвращаться, отдадите их перед посадкой в автобусы. Оружие есть? Все оставляйте в машинах.

— Берем только вещи, — сказал сын. — Продукты оставляем, нам их все равно в руках не унести.

Нагрузились вещами, а Борд еще взял Марка и закрепил сына за спиной ремнями. Вместе с другими зашли в одно из зданий и сдали вещи, получив взамен чипы. В зале взрослые сели за терминалы, а Марк переключал со спины отца на колени. Прочитали короткое руководство и начали проходить тесты. У закончившей последней Леоны на экране возникло приглашение семье Педерсон посетить кабину номер шесть. Руководствуясь обозначениями на стенах, нашли нужную кабину и стали в небольшую очередь. Люди продвигались быстро, и через двадцать минут все зашли в небольшое помещение, где за столом сидел один человек в военной форме.

— Педерсены? — спросил он. — Нужно решать, что с вами делать. Вы все прошли тестирование, кроме господина Альфреда. Он стопроцентно не проходит. Мало того что он относится к нам, мягко говоря, недружественно, он еще не представляет для нас никакого интереса. Что так на меня смотрите? У нас не богадельня и ограниченные возможности. С

какой стати нам брать на доживание чужих стариков и отказывать в жизни тем, кто молод и может принести пользу? Обычно мы не разбиваем семьи и вы, госпожа, идете со всеми остальными. То же было бы и с вашим мужем, но увы! Я не знаю причины его неприязни, но в подобных случаях исключения делаются редко и только для людей, чья полезность не вызывает сомнения. Есть что сказать?

— И где же это я прокололся? — спросил Альфред.

— Вы при тестировании солгали на несколько вопросов, — пояснил офицер. — Мы это можем контролировать.

— Нет у меня к вам ненависти, — устало сказал Альфред. — Так, неприязнь, перешедшая от отца. Ладно, мою-то семью пускаете?

— Господин офицер! — сказала Жордис. — Нельзя ли все-таки сделать исключение? Мой муж никому не принесет вреда!

— Результаты тестов заносятся в базу, в которой мы ничего не можем править, — с сожалением сказал проверяющий. — Если я просто пропущу вашего мужа, это быстро выяснится. Меня уберут отсюда, а он быстро окажется на границе с Польшей.

— Перед тем как я уйду, можете сказать, приняли ли Ингера Педерсена?

— Это ваш сын? — спросил офицер. — Подождите, сейчас проверю по базе. Да, принят с женой и дочерью. Он еще в Центре, завтра уедет на постоянное место жительства. Так, выйдите все, и пусть сюда пока никто не заходит.

Все вышли, стараясь не смотреть на главу семьи. Минуты через три динамик над дверью голосом офицера пригласил зайти одного господина Альфреда.

— Увидите сына, поблагодарите за жизнь, — сказал ему офицер. — Он у вас очень ценный специалист, поэтому вам решили пойти навстречу. Давайте чип, сделаю отметку.

— Что ты сегодня такой мрачный? — спросила Лида мужа, когда они возвращались с работы домой.

— Дома поговорим, — ответил он, едва заметно кивнув на шофера с телохранителем. — Зато ты у нас веселая за двоих. Есть причины?

— Светлеет, — ответила она. — Мороз перестал усиливаться, и опять пошел снег. Чисто метеорологическое веселье. Нет, вру. У нас еще Нина из отдела статистики родила мальчишку. Сегодня передала запись. Все смотрели, восхищались и сюсюкали, а я еще и завидовала. Вылезай, приехали. Спасибо, ребята!

Телохранитель проводил Самохиных до поста охраны и вернулся, а они пешком поднялись на второй этаж и зашли в квартиру.

— Ну и кто опять загнулся, что у тебя похоронное настроение? — спросила Лида, с помощью Алексея освобождаясь от шубы. — Последний раз что-то похожее было, когда пришлось воевать бразильцам.

— Плохие дела, малыш, — сказал он. — Пошли в гостиную, расскажу. Давай сядем на диван. Я тебе начну плакаться, а ты меня будешь жалеть.

— Что-то действительно серьезное? — встревожилась Лида. — Начинай уже, чего тянешь!

— Решили все-таки выяснить, куда делись китайцы.

— И что?

— И ничего. Нет больше китайцев. Отправили в Китай дальний разведчик. Он шел на двадцати километрах, но освещение уже неплохое, так что оптика работала прекрасно. За

сутки полета он облетел громадную территорию, но нигде не было заметно ни малейших следов человека. Наблюдали и в видимом, и в инфракрасном диапазонах. Обнаружили только мелких зверьков и птиц. Понимаешь? Погибли почти полтора миллиарда человек. Все засыпано снегом, и тела можно наблюдать лишь в тех местах, где его сдуло ветром. Ситуация абсурдная. По самым пессимистическим оценкам они должны были сохранить не меньше ста миллионов человек. Мы испугались и не стали возвращать разведчик, его просто взорвали.

— Думаешь, зараза? — тихо спросила Лида.

— Очень похоже, — мрачно сказал Алексей. — Помнишь, я тебе говорил о китайских сюрпризах? Похоже, что они вывели какую-то дрянь, применили ее против индийцев и подцепили сами. Обычно в таких случаях всегда стараются разработать вакцину, а уже потом применять. Видимо, действительно какая-то молниеносная дрянь, если они ничего не успели сделать.

— А зачем взорвали разведчик? На такой высоте ничего не должно быть.

— Когда убедились в отсутствии живых, его опускали на малые высоты, — объяснил Алексей, — поэтому решили не рисковать. Слушай дальше. Это было три дня назад.

— И ты молчал! — укоризненно сказала Лида.

— Никто ничего толком не знал. А вчера отправили второй аппарат, на этот раз в Индию.

— И там то же самое?

— Угадала. Только с поправкой на то, что почти нигде нет снега, поэтому все прекрасно видно. Представляешь себе полтора миллиарда тел? Хотя нет, их там на двести миллионов больше. Теперь понятно, почему никто не отозвался по радиосвязи: некому было отвечать. А нам в Юго-Восточную Азию вообще соваться нельзя. В ближайшее время обследуем с воздуха всех соседей Индии и Китая. В Австралию, кстати, сообщили и в первый раз удостоились благодарности.

— И что думаешь делать?

— Пускать это на самотек в надежде, что все последствия исчезнут до тепла, нельзя. Если это бактерии, они, может быть, и передохнут, да и то не факт, а если вирусы? Поэтому отправим в Тибет микробиологов. Развернем там стационарную микробиологическую лабораторию и построим городок под куполом. Будут выходить только в легких скафандрах, поэтому риск прихватить заразу минимальный.

— Неужели все вот так взяли и померли от какого-то вируса? — с недоверием спросила Лида. — В том же Тибете есть изолированные общины...

— Если человек болеет достаточно долго, сотни миллионов зараженных могли далеко разбежаться. Да и не все они погибли от заразы. Там и междоусобица была, и атомные удары и голод с холодом. Будем работать и надеяться, что заразу просто некому распространять, или что она потеряет силу. И попробуем найти средство борьбы. Иначе нам останется только воззвать к нашему покровителю, чтобы сделал еще одну попытку. И не с нами: у меня на второй заход просто не хватит сил. Если подумать, то эта зараза тоже результат нашего с тобой вмешательства в историю. У вас китайцы до такого не додумались.

— Да, — кивнула Лида. — Я бы тоже не смогла второй раз. Проще взять пистолет Сталина и застрелиться. Вряд ли мы с тобой такие уникальные, найдет себе кого-нибудь другого. Я вообще думаю, что, возможно, мы с тобой у него не первые.

— Зря я тебе это рассказал, — обнял жену Алексей. — Все равно помочь ничем не

сможешь, будешь теперь только волноваться и переживать.

— И ничего не зря! У нас с тобой все в этой жизни поровну. Ты и дальше держи меня в курсе своих дел. А то мне из тебя все приходится вытягивать. Что у нас с эмигрантами?

— Поток европейцев усиливается. Заканчиваются продукты, вот они и срываются с места. Только многие не доберутся. Машины есть почти в каждой семье, а вот зарядить накопители многие уже не могут. Подземные хранилища газа опустели, а действующие скважины не в силах поддерживать давление в газопроводах. Сейчас повсеместно останавливаются тепловые станции, и продолжают работать только реакторы, да и то только там, где остались правительства, или население напрямую договаривается с энергетиками. А мы свой газ дать не можем из-за поляков. Во время боевых действий они сильно повредили газопровод. Так что холод их тоже гонит не меньше, чем отсутствие еды. На машинах доезжают быстро, а попробуй в мороз пройти половину Европы на своих двоих. Кое-где беженцам помогают, но большинству на них наплевать. А некоторые их грабят и убивают. После американцев пришло двенадцать миллионов европейцев, и ждем еще в два раза больше. Те, кто не сдвинутся с места в ближайшие три месяца, уже вряд ли придут.

— А кому-нибудь еще будем помогать? У нас же еще есть возможности. Ты вроде хотел помочь аргентинцам.

— После того как наша помощь Бразилии обернулась войной, я уже хочу осторожнее. Помогать с реакторами поздно, они их просто не успеют построить. Хотя мы могли бы это сделать и сами. За пару рейсов «Ковчеги» перебросят все, что нужно для сборки реактора, а эту работу мы сейчас делаем за два-три месяца. Только ведь энергия это еще не хлеб и мясо, нужно много всего сделать, а времени у них мало. Я не хочу, чтобы мы за кого-то вкалывали. Кроме того, потеряно время, и аргентинцы успели проесть большую часть продовольствия, теперь их грибы с хлореллой не спасут, а для той же курятины нужно еще развернуть производство БВК и делать корма. Спасать взрослых я не хочу. Здесь за нас отбор беженцев ведут голод, холод и грабители, а мы сами отсеиваем очень немногих. А как делать выбор там? Опять брать детей? Не сильно хочется, но можно. Только желательно, чтобы они вышли на нас сами, а они не выходят. Получается, что мы будем навязывать свою помощь. Когда я с предложением насчет спасения детей еще до их войны обратился к президенту Боливии, тот сразу же стал нас в чем-то подозревать, а потом начал торговаться. А сейчас мы вообще себе плохо представляем, что там творится. Резервов у нас для них примерно на десять миллионов. Вроде и много, но на самом деле это ерунда, даже для численности уцелевших. Поэтому я сам к ним соваться не хочу. Ведь никто не ставил перед нами задачи спасти как можно больше людей. Вспомни вашу Россию. Ее руководство ни к чему заранее не готовилось, но смогло так организовать и направить людей, что спасло почти все свое население, да еще и кучу эмигрантов в придачу. Думаешь, другие так не смогли бы? Каждая страна, имевшая в резерве трехлетний запас продовольствия и развитую экономику, смогла бы сама без посторонней помощи сохранить свое население. А что мы видим? Ни организации, ни порядка, ни желания засучить рукава и вкалывать ради будущей жизни. Проедают продовольствие, пытаясь продлить жизнь и все! А самые хитрожопые еще стараются отнять его у соседей. Сильно размешивать такими наш народ я не хочу. Если иммигрантов будет мало, мы их научим жить по-нашему, а если их будет много, да еще наберем дерьма, то учить будут уже они. Так у вас и получилось.

— Через три недели исполнится год со дня взрыва. Надо бы на это как-то отреагировать.

— Уже рассматривали на правительстве. Решили, что вывесим траурные флаги, я выступлю с речью и объявим минуту молчания.

— Надо бы пообещать, что построим монумент памяти погибшим, — предложила Лида. — Для этого можно даже слетать в Штаты и привезти несколько тел. Любой американец будет считать делом чести почтить память похороненных. Ведь это могут быть и его близкие.

— Молодец, — одобрил Алексей. — Так и сделаем, только позже. Сейчас просто не успеем. Слушай, возьмешь все в свои руки? Заодно напишешь речь для выступления, она у тебя будет получше, чем у моих референтов.

— Инициатива наказуема исполнением? Ладно, попробую. Только тогда пусть меня кто-нибудь подменит. Алексей, ответишь правдиво на вопрос?

— Я тебе и так стараюсь не врать. А что за вопрос?

— Ты для чего три дня назад ездил в «Ковчег Алекса»? Только не ври! Я совершенно случайно узнала об этом в Секретариате, нашла в базе номер комм Олховского и позвонила. Так он начал юлить, а когда я нажала, отослал к тебе. Колись! К тиграм лез?

— Так уж сразу и к тиграм. Там, помимо них, есть с полсотни рысей. Я взял метатель с парализующими иглами и выбрал парочку, которая развалилась у ограды отдельно от остальной клыкастой компании.

— И какая была реакция?

— Знаешь, абсолютно никакой. Я ходил вокруг них, пытался разговаривать, потом набрался нахальства и похлопал одну по заднице. Посмотрела с укоризной и опять прикрыла глаза. Больше я ничего пробовать не стал. Птицы, кстати, реагируют, как и на всех остальных. Орут, клюются или прячутся. Никакого уважения к божественности. Вячеслав Андреевич отключил регистраторы и снимал камерой, потом покажу. Не бойся, больше я экспериментировать не стану. Все равно непонятно, с чем это связано и почему такая разница в поведении. Да, зашел к шимпанзе. У них там сейчас еще один малыш. Я попробовал его погладить.

— Разрешила мамаша? — с любопытством спросила Лида.

— Я это не ты, — засмеялся Алексей. — Она похлопала себя по башке, а потом демонстративно показала мне задницу. Это наш директор тоже заснял.

— А ты не понял? Это она тебе выказала неодобрение потому что приехал без меня. В следующий раз, если он будет, попробуй только уехать один. Мы тогда из-за этого малолетнего хулигана с хоботом почти ничего не посмотрели.

— Доложите Совету министров результаты разведки и работы аналитиков, — сказал Алексей невысокому плотному полковнику, который последнюю неделю руководил специально созданной группой, занимающейся Юго-Восточной Азией.

— По Китаю и Индии у нас ничего нового нет, — начал доклад полковник. — Нам поставили задачу произвести облет сопредельных с ними стран с целью оценки распространения инфекции. Результаты следующие. В Пакистане, Кампучии, Вьетнаме, Бирме, Таиланде, Малайзии, Цейлоне и Непале мы живых не обнаружили. Картина та же что и в Индии. В Индонезии, Сингапуре и на Филиппинах, по всей видимости, заразы пока нет. В Афганистане живых очень мало, но они есть. По-видимому, малое число живых здесь связано не с болезнью, а с тяжелыми условиями выживания. На востоке Ирана вдоль границы с Пакистаном расположены воинские подразделения. Мы считаем, что в Иране

знают об эпидемии у соседей и таким образом перекрыли ее проникновение на собственную территорию. Таким образом, можно считать, что все государства Юго-Восточной Азии, кроме островных, а так же Пакистан, Индия и Китай больше не заселены. Погибла почти половина населения Земли. Что бы ни вывели в Китае, эта болезнь должна характеризоваться крайней заразностью и стопроцентным летальным исходом. Специалисты пока ничего толком сказать не могут. Пандемия произошла слишком давно и никаких данных, кроме съемки, у нас нет. Конечно, наши выводы не могут претендовать на абсолютную достоверность. За неделю полностью исследовать такой обширный район десятком разведчиков невозможно. В некоторых труднодоступных районах, возможно, еще сохранились небольшие группы населения. Теперь по Монголии. Ее границы, как и наши, китайцы не переходили. Мы предупредили монгольское правительство и усилили контроль нашей границы с Монголией, чтобы, в случае возникновения эпидемии у соседей, ее перекрыть. Готовится заброска необходимых сил и средств на удобную площадку в Тибете, находящуюся недалеко от округа Лхаса. На высоте четырех тысяч метров на одном из ледников создадим лабораторию, куда воздухом будут доставляться образцы. Есть еще план направить экспедицию в военную биологическую лабораторию в Шанжао, в которой предположительно разрабатывалось это оружие, но сначала лучше все-таки провести хотя бы предварительные исследования. Возможно, эта экспедиция и не понадобится. У меня все.

— Спасибо, — поблагодарил его Алексей. — Вы можете быть свободны. Хочу добавить, что по всей границе с Китаем сейчас происходит полная эвакуация населения и пограничных застав. Те войска, которые вместе с ними контролировали границу, тоже отводятся вглубь страны. Границу и прилегающую к ней китайскую территорию будем контролировать только с воздуха. Мы со своей стороны сделали все возможное, теперь дело за учеными. Пока стоят морозы вероятность проникновения инфекции на нашу территорию незначительная. С потеплением она сильно возрастет. Длина границы с Китаем и Монголией у нас больше девяти тысяч километров, причем часть ее приходится на леса. Любителей шляться в обе стороны всегда было достаточно. Мы постараемся усилить контроль, используя космические средства наблюдения, и максимально закрыть наиболее трудные для контроля участки, но... Игорь Кузьмич, ваше мнение.

— Но все полностью все равно не перекроешь, — мрачно добавил начальник Главного управления пограничных войск генерал-полковник Воликов. — И придурки найдутся, как ни страдай. И мы не можем гарантировать того, что в Китай не попрутся монголы.

— Будем надеяться, что наши ученые и медики не зря едят свой хлеб, — сказал Алексей. — Но если они не управятся до тепла, а носители сохраняют способность к заражению, заселять приграничные районы не будем, а саму границу превратим в широкую зону выжженной земли. Все, что ее пересечет, будет уничтожаться с помощью авиации и космических аппаратов. Я не знаю, что там вывели китайцы, но это самая серьезная угроза существованию человечества. И нам с вами нужно сделать все, чтобы поставить на ней крест. Если меня назовут паникером и перестраховщиком, я это как-нибудь переживу. Будет несравненно хуже по собственной беспечности потерять людей.

Работы сегодня было меньше обычного, и после совещания желание что-то делать исчезло напрочь, поэтому Алексей, оставил все дела на замов, забрал жену и уехал домой на час раньше. Когда подъезжали к дому, пришел вызов по комму.

— Кому я понадобился на этот раз? — спросил он, увидев кто звонит.

— Пришел вызов от президента Аргентины, — пояснил министр иностранных дел. — Я

вам, Алексей Николаевич, сбросил его координаты на комм. Как и все, он хочет говорить лично с вами.

— Поговорим, — сказал Алексей. — Спасибо, Алексей Павлович. Это уже традиции вести переговоры с их президентами из дома. Единственным исключением была Боливия, да и то я тогда позвонил сам.

— Ну вот он наконец сподобился позвонить, — сказал жене Алексей, когда поднимались по лестнице. — Неприятный будет разговор, кто бы знал, как меня уже все это достало!

— Отказывайся от личных разговоров, — посоветовала жена, заходя в прихожую. — Пусть все переговоры ведет Морозов. Он у тебя министр или погулять вышел? Ах, не хочешь? Тогда не ной, быстрее проведи разговор, а потом я тебя пожалею. А, если хочешь, могу поговорить с ним сама.

— А что, — оживился Алексей. — Поговорите, а я послушаю. Может быть, уберем Алексея Павловича и поставим на его место тебя. Только это работа ненадолго: не будет у нас скоро никаких иностранных дел.

— Подключай канал, — сказала Лида. — Нет, не буду я чистить перышки, сойдет и так. На экране появилось изображение мужчины лет шестидесяти с приятным лицом, пышной, слегка тронутой сединой шевелюрой и черными, как смоль, усами.

«Красит он их, что ли?» — мелькнула мысль у Лиды.

Увидев на своем экране вместо Самохина девушку, президент растерялся.

— Извините, сеньорита...

— Сеньора, — поправила его Лида. — Вижу, что вы меня не узнали. Вы хотели поговорить с мужем? Тогда говорите то, что хотели сказать, он мне делегировал право самой решать, что вам ответить.

— Могу сказать и вам, — он замолчал, собираясь с мыслями. — Я, если честно, ждал, что ваш муж со мной свяжется сам! Вы оказали помощь кубинцам и бразильцам, предлагали ее Боливийскому президенту, но нас почему-то обошли.

— Прежде всего, следовало бы поздороваться. То, что я женщина, еще не дает повода для неуважения, скорее, наоборот. Вы Фернандо Сабелья, или уже кто-то новый?

— Извините за невежливость, — виновато улыбнулся президент. — Ваше появление было немного неожиданным. А президент у нас пока не менялся.

— Извинения приняты. Прежде чем мы будем говорить дальше, я хочу, чтобы вы, сеньор Фернандо, в нескольких словах обрисовали положение в своей стране.

— Положение, как и у всех, неблестящее, — ответил он, внимательно изучая лицо собеседницы. — Продовольствия осталось максимум на два года, да и то только если питаться по минимуму. Основные запасы мы успели собрать и не дали никому растащить, что позволяет сохранять контроль над большей частью государства. Боливия потеряла в войне почти всю армию, а остальные соседи нам не соперники, поэтому боевых действий не ожидается. До катастрофы американцы построили у нас два реактора, да и газа для тепловых электростанций хватит лет на двадцать, поэтому дефицита электроэнергии у нас нет.

— Кислотные дожди вас не затронули, а температура вряд ли опускалась ниже пяти тепла, — дополнила его рассказ Лида. — Я права? Значит, у вас все упирается в недостаток продовольствия?

— В общем, да, — подтвердил президент. — Без посторонней помощи мы не обойдемся. Прогноз наших ученых по холодам еще на восемь лет.

— И вы ждали, что мы бросимся вам эту помощь оказывать, — констатировала Лида, — а не дождавшись, обиделись и вызвали мужа разбираться. До того как вы увидели меня, у вас было такое решительное выражение лица... Почему-то многие считают, что те, у кого всего в достатке, непременно должны делиться с теми, у кого этого достатка нет. Вы тоже из таких? Да, мы помогли кубинцам, с которыми нас связывают общие идеалы и долгая дружба. Потом к нам за помощью обратился президент Бразилии. Была возможность помочь, мы и помогли. А вот когда муж решил сам предложить помощь Боливии, ничего хорошего из этого не вышло. Своих детей нам просто так не отдали, подозревали черт-те в чем и стали торговаться, требуя продовольствия. Не знаю, сколько тех детей сейчас осталось в живых, но думаю, что немного, а моему мужу был хороший урок не навязывать свою помощь.

— Не все такие идиоты, как Луис Морено, — возразил президент. — Мы бы не отказались и не забыли потом, кто нам помог!

— Ладно, не будем об этом, перейдем к делу, — сказала Лида. — Нам от вас почему-то все звонят уже в конце дня, а в это время уже устаешь даже с вечной молодостью. Давайте посмотрим, что мы вам можем предложить. Продовольствием мы ни с кем не делимся, у нас своих едоков достаточно и с каждым днем становится все больше. Но наладить производство собственного, поможем. Как у вас с нефтью?

— Нефти достаточно, — ответил президент. — Предлагаете развернуть производство БВК? Мы об этом думали, но никогда раньше не занимались, просто не было необходимости.

— Через пару дней к вам пришлют «Ковчег», — пообещала Лида. — Подберите сотни две специалистов, которые на месяц отправятся к нам. Научим всему, что знаем сами и поможем с оборудованием. Если вы сохранили часть скота, вам его будет чем кормить. Кроме того, сможете в больших объемах получать курятину, кроликов, грибы и хлореллу. Если не будет хватать энергии, поможем построить реактор. Если хотите, можем принять малышей. Вам и с нашей помощью придется очень трудно, они могут просто не выжить. Много не возьмем, но у вас их много и не наберется. Берем только в возрасте от пяти до десяти лет и не больше пяти миллионов.

— А девушки? — спросил президент.

— Хотите пристроить и их? — улыбнулась Лида. — Вообще-то, проблем с испанским у нас уже нет, но пусть будут и девушки, но только одна на пятьдесят ребятишек. Все подробности завтра обговорите с нашим министром иностранных дел. И вот еще что, сеньор Фернандо... Об этом всем должны сообщить по официальным каналам, но вам я скажу сейчас. Китай, Индия, Пакистан и вся Юго-Восточная Азия находятся под запретом: никакого сообщения с этим регионом быть не должно. Я понимаю, что вам пока не до них, но вы должны об этом знать. Китай применил бактериологическое оружие, и сейчас там, по нашим сведениям, живых нет. Мы от них отгородились и сейчас будем разбираться, соблюдая все меры предосторожности.

— Спасибо за предупреждение и за помощь, — поклонился президент. — Нам сейчас действительно не до них, но будем иметь в виду. Я могу быть уверен...

— Алексей, — обратилась она к мужу. — Хватит сачковать. Подойди к комму и успокой сеньора Фернандо, моего слова ему недостаточно.

— Начинать? — спросил Алексей. — Все готово?

— Да, Алексей Николаевич, — ответил старший смены. — Начинайте говорить по сигналу. Трансляция идет по всем телевизионным каналам. Кроме того, передадим по радио на семи языках. Сигнал! Вы в эфире.

— Дорогие друзья! — сказал Самохин. — Ровно год назад на Американском континенте произошло извержение вулкана, равного которому человечество еще не знало. За несколько часов погибли почти четыреста миллионов жителей Соединенных Штатов Америки, и сильно пострадали южные районы Канады. Но они оказались только первыми жертвами катастрофы. За этот год голод, холод и войны унесли больше пяти миллиардов человеческих жизней. Так получилось, что мы оказались подготовленными к бедствиям лучше многих других и смогли не только полностью сохранить жизни наших граждан, но и принять пятьдесят миллионов беженцев из США, Латинской Америки, Японии и Европы. Но наши возможности не безграничны. Мы еще принимаем европейцев и договорились о приеме аргентинских детей, а так же оказываем техническую помощь ряду стран, но остальным придется рассчитывать только на свои силы. Через год на небе вновь ярко засияет солнце, еще через десять — снова станет тепло. К этому времени по нашим оценкам на Земле будет жить около миллиарда человек, половина из которых — в Советском Союзе. Катастрофа ударила не только по людям. Уничтожена большая часть растительности и животного мира. В новом мире уже не будет того разнообразия видов, которое было всего год назад. Мы предприняли попытку спасти некоторых из них, но это только отчасти восполнит потери. На Земле нет человека, которого не затронула бы беда, поэтому мы решили объявить день пятнадцатого апреля Днем памяти. В этот день повсюду будут вывешиваться траурные флаги, запрещаться увеселительные мероприятия, а в двадцать два часа восемнадцать минут московского времени в память обо всех жертвах Йеллоустона пройдет минута молчания. Принято решение о возведении Монумента памяти, у подножья которого будут захоронены несколько тел, взятых в разных районах США. Когда-нибудь, такой же монумент мы установим и там. Все те, кто потеряли свои дома и близких и нашли в нашей стране новую родину, должны знать, что мы искренне сочувствуем их горю и всегда готовы оказать помощь. Но нельзя жить скорбью! Нужно помнить о прошлом, но смотреть в будущее! Пройдет День памяти, но останется память, и эта память должна вас поддерживать в жизни и давать новые силы! У нас еще много всего впереди. Уйдет мрак и вернется тепло, но перед нами окажется наполовину мертвый мир, который мы должны будем очистить от смерти, и наполнить жизнью! Это трудная, но решаемая задача, ради выполнения которой стоит жить и работать! А сейчас объявляется минута молчания, и мы все отдадим дань памяти погибшим.

— Вполне можно было передать в записи, — недовольно сказала Лида, когда их привезли домой в половине двенадцатого. — Абсолютно ничего бы не изменилось. А для кого вещали на разных языках? Для Австралии?

— Что ты ворчишь, — отозвался Алексей. — Я хотел выступить сам. Запись это не то. А радиовещание на разных языках с сегодняшнего дня будет проводиться ежедневно. Кроме нас никто ничего в эфир для населения не передает. Устала, так давай быстрее ложиться спать.

На следующий день пришли первые результаты из лаборатории, которая уже неделю работала на Тибете. Передали, что болезнь, несомненно, вызывалась бактериями, но пока получить живые формы не удалось. Но ученые не теряли надежды.

— Сказал бы я, где хочу видеть их надежды! — выругался Самохин, когда ему прочли сообщение. — Не нашли, и, дай бог, чтобы и дальше так было. Но монголам с японцами об этом знать не следует. А лабораторию в Шанжао нужно уничтожить. Там еще могут оставаться живые образцы этой дряни. Передайте приказ маршалу Брагину послать туда несколько самолетов стратегической авиации. Пусть все там разнесут и залиют огнем.

Через три дня около одиннадцати с Алексеем связался главнокомандующий ВВС маршал авиации Вершинин.

— ЧП, Алексей Николаевич, — сказал он Самохину. — С час назад со стороны Турции обнаружили скоростную высотную цель, движущуюся к нашим границам. Этой целью оказался ударный истребитель Шестого флота США. С экипажем сразу же связались и направили на один из аэродромов.

— Неужели летели из Австралии? — удивился Алексей. — Это же больше десяти тысяч километров.

— Почти пятнадцать, — поправил Вершинин. — Только это же «Гриф». А они с него вообще все снимали, даже кресла. Посадили свою машину в Армении на последних каплях горючего.

— И кто это так геройствовал? — спросил Алексей. — Говорите быстрее, Евгений Андреевич, у меня через полчаса совещание.

— Это два американских пилота, — заторопился Вершинин. — Смогли удрать из Австралии, где содержались в лагере, по их словам, смахивающим на фашистский. Их еще толком не допрашивали, задали несколько вопросов и позвонили мне. Я распорядился срочно переправить их в Москву. Думаю, нам будет нелишним узнать, что творится в Австралии, так сказать, из первых рук.

— Правильно думали, — одобрил Алексей. — Пусть материалы допросов обработают и выжимку с выводами аналитиков передадите мне. Копию направьте в министерство иностранных дел, пусть еще и они подготовят свое заключение. И пусть на этих американцев сильно не давят. Раз прилетели к нам сами и пошли на такой риск, значит, имели резоны.

Через два дня на стол Алексея лег доклад, после прочтения которого он назначил на следующий день совещание с участием Морозова и Брагина.

— Завтра будем решать, как реагировать на события в Австралии, — сказал он дома жене. — Сегодня читал результаты допросов летчиков. Я тебе еще вчера о них говорил. Страшненький материал.

— А ты, по-моему, ничего хорошего для них там и не ждал, — отозвалась Лида. — Помнишь, говорили о Шестом флоте? Или ты имеешь в виду англичан?

— Я их всех имею в виду. Американцев там по нынешним временам было с гулькинос. Говорят, что всего меньше ста тысяч. Это экипажи флота, те, кого взяли с баз в Европе и Турции, и совсем немного гражданских. А англичан перевезли всего девять миллионов. Должны были отправить корабли в еще один рейс, но им просто не дали уйти из портов. Как я думал, так и вышло. Этот Кевин просто идиот. Нажал на правительство Австралии, выбил из них согласие принять англичан и думал, что кто-то это будет соблюдать. Вот они издержки хваленной европейской демократии! Еще пятьдесят лет назад ни один английский политик не совершил бы подобной глупости. Раз начал действовать с позиции силы, то так

же нужно и продолжать! А они, поверив на слово, убрали с боевых кораблей почти всех, оставив лишь вахты. И американцев заставили сделать то же самое. Их там на суше всех и повязали. В Австралии своих вояк достаточно, так что все проделали чисто, а вахты на кораблях тоже сдались при угрозе уничтожения и самих кораблей, и взятых в плен экипажей. А потом наступил черед англичан. Они ведь не просто привезли людей, еще доставили годовой запас продовольствия на всех привезенных. Продовольствию австралийцы обрадовались, а англичанам — нет. Поэтому их сразу разделили: продовольствие отправилось на склады, а англичан заставили строить себе лагерь. Сначала они жили под открытым небом и питались всякой гадостью, которую не желали есть сами австралийцы, несмотря на все трудности со съестным, а потом к изгородям добавились бараки. Температуры уже были градусов десять, и шли дожди, а англичане привезли горожан, поэтому их основной работой было рытье ям и сваливанием туда умерших. Помимо простуды, свирепствовали и кишечные инфекции. Как сказали пилоты, из девяти миллионов беженцев осталось только два. Экипажи военных флотов держали отдельно от штатских и немного лучше кормили. Видимо, в отношении них были какие-то планы. Может даже собирались использовать потом для управления кораблями и оружием или для того, чтобы учить этому самих австралийцев.

— Трудно поверить, что так поступили австралийцы, — покачала головой Лида. — Пусть даже английский премьер-министр перегнул палку. Рядовые англичане чем виноваты?

— Покопайся в истории Австралии, найдешь немало интересного. И при чем здесь чья-то вина? Речь идет о выживании своих, чужие этому только мешают. Это только мы кое-кому помогаем, других таких примеров я не знаю. Наоборот, нападают на соседей и пытаются отнять последнее. Перед лицом смерти слетает нанос цивилизации и начинают работать инстинкты. Их всех сотни лет воспитывали как ярых индивидуалистов. Права и свободы — вот что самое главное! При этом каждый в первую очередь беспокоится о своих правах, а обязанности маячат где-то на заднем плане. Коллективное начало в людях вытравлено начисто, и если они еще способны заботиться о ком-то, помимо самих себя, то только о своих семьях. Конечно, всегда есть исключения, но они погоды не делают.

— И как же удалось удрать этим пилотам?

— Чтобы они смогли сбежать из лагеря и добраться до своего авианосца, многие из их товарищей заплатили жизнями. Если захочешь, потом считаешь. На самом авианосце было десятка два австралийских солдат. Их просто перерезали те, кто прикрывали вылет.

— Такое можно сделать только для чего-то по-настоящему важного, — задумчиво сказала Лида. — Они ведь прилетели за помощью? Не просто же так гибли эти люди, чтобы могли сбежать два пилота.

— Так и есть, — сказал Алексей. — В первую очередь они хотят освободить американцев, ну и, если получится, уцелевших англичан, и я склонен пойти им навстречу.

— Из человеколюбия?

— Не иронизируй, малыш. Мне их жалко, но на решение повлияло не это. Если сейчас кидаться спасать всех, кто вызывает у тебя жалость... Нет, здесь голый расчет. Им всем здорово досталось. Несчастья и лишения многим вправили мозги. Для тех, кто их выдернет из дерьма и поселит в нормальных условиях, они расшибутся в лепешку. Вояки могут еще пригодиться не только в сражениях, которых, как я надеюсь, не будет. Когда наступит тепло, большинство из них будут еще довольно молоды, а работы по чистке и сбору трофеев в той

же Америке у нас растянутся лет на двадцать, если не больше. Они знают, что такое дисциплина, и будут работать на своей земле. А англичан Уильям Кевин отбирал не случайным образом. Помимо военных, там много ученых и инженерно-технических работников. Австралийцы сделали ошибку, поставив во главу угла продовольствие и не подумав о пользе людей. Хотя, возможно, у них действительно нечем их кормить. И есть еще один момент...

— Австралийцы?

— Разгоню всех министров и сам уйду, — улыбнулся Алексей. — Ты одна такая умная, что заменишь нас всех. Правильно, австралийцы. Забирая у них этих бедолаг, я не только приобретаю для Союза много благодарных специалистов, я лишая их австралийцев. Не исключено, что помучив их в лагерях и сократив в числе, оставшихся все-таки пристроят к делу. А без флотских экипажей Шестой флот это куча плавающих стальных коробок. Пусть попробуют ими управлять лет через двадцать. Усиливать Австралию нам невыгодно, это, по сути, наш единственный возможный конкурент.

— А немцы? Ты их не считаешь?

— Абсолютно. И даже не из-за социализма ГДР. Я вообще думаю, что они скоро объединятся. Просто нам будет легко с ними заключить союз и наладить сотрудничество. Это, пожалуй, самая способная во всех отношениях нация Западной Европы. И нам они не конкуренты. Несмотря на все свои способности, самостоятельно жить у них не получится из-за малой численности. Их и пятидесяти миллионов не будет. Нормально развиваться без кооперации они еще долго не смогут, а в Европе, кроме нас, никого не останется, так, мелочь. А вот в Австралии не так уж сложно создать замкнутую экономику, хотя их там всего миллионов сорок. Это тоже невыгодно и вызовет отставание в развитии, и я на этом хочу сыграть. Но если не найдем общего языка, то они так и сделают. Другой менталитет и уйма ресурсов.

— И как думаешь действовать?

— Кнут и пряник. Ничего лучшего для самих себя люди не придумали. Завтра соберу совещание и будем думать. Все пряники будут только на словах, как аванс на будущее, а вот насчет кнута нужно подумать.

Думали они не слишком долго.

— Я внимательно ознакомился с присланными материалами, — сказал Морозов. — Практически все совпадает с нашим прогнозом. Их премьер-министр личность очень своеобразная. Душка и либерал, но если считает возможным и полезным, может проявить диктаторские замашки. Сам скользкий, как угорь и не обременен совестью. Сейчас, когда они остались одни, а в его руках вся полнота власти, показной либерализм слетел, поэтому говорить с ним нужно только на языке силы, другого он не поймет. Напугаем, он нам их всех отдаст, да еще скажет спасибо. Только учтите, что сразу начнут хамить.

— Чем лучше пугать? — спросил Алексей министра вооруженных сил.

— Арсенал достаточно большой, — ответил Брагин. — Все космические системы продолжают функционировать, толком не работает только оптика, но без нее можно обойтись, сориентировав технику по звездам. Точность будет не та, но когда город обстреливает десяток лазерных батарей, особой точности и не нужно. А они у нас за десять лет полета заполнили накопители под завязку. Если не грозить атомом или химией, можно послать «Стрелы». Прикрыты они не хуже «Невидимок», а для высотных зданий это страшное оружие. Но можно поступить проще. У них построено двенадцать реакторов. По

крайней мере столько их было до извержения. И места их расположения прекрасно известны.

— Вы их отслеживали? — спросил Алексей.

— А как же, Алексей Николаевич, — сказал Брагин. — Это жизненно важные объекты а у Австралии военный договор со Штатами. И свои реакторы они, в отличие от нас, под землю не прятали. Послать один стратегический носитель «Малышей», а потом выпустить их за пару тысяч километров от побережья. По одному на реактор. Ничем, кроме визуального наблюдения их не обнаружишь, а это несерьезно. Они даже двигатель выключают перед заходом на цель, так что и по тепловому следу не собьют. У Австралии неплохая армия, но против нас у них кишка тонка. И если мы возьмемся за них всерьез... Уверен, что они это прекрасно понимают, так что нам вряд ли придется продвинуться дальше угроз.

— Начинайте работать, Алексей Павлович, — сказал Самохин. — Не будем тянуть время, прямо сейчас и решим.

Морозов разложил коммуникатор, вызвал на экран таблицу каналов и активировал нужный. Минуты две ничего не происходило, потом на экране появился пожилой, небритый мужчина, который с нескрываемой неприязнью смотрел на министра.

— Что вам еще нужно? — спросил он. — Кажется, вам ясно сказали, что никакого...

— Послушайте, милейший! — сказал Морозов. — С полномочным представителем великой державы таким тоном не разговаривают. Наверное, ваш Джек Кендал об этом забыл. Я думаю, что залп орбитальных лазеров по Канберре немного освежит его память. После этого я соединюсь еще раз. Хотя нет, пусть на этот раз он меня вызывает сам. Номер канала вы запомните и передадите, если, конечно, останетесь живы.

— Подождите! — заволновался его собеседник. — Я сейчас о вас доложу.

Он исчез с экрана и, видимо, отключил звук, чтобы не слышали его переговоров. Через пару минут он появился вновь.

— Сейчас я вас переключу на секретаря премьер-министра! — сказал он, производя переключение.

На экране возникло другое помещение и женщина средних лет с красивым, строгим лицом.

— Добрый вечер, мисс, — поздоровался Морозов. — Я соединился по поручению главы правительства СССР. Хочу донести до сведения вашего руководства, что уничтожение миллионов людей не может быть оправдано ничем. Вы нарушили не только соглашение, заключенное с правительством Великобритании...

— Вы министр иностранных дел? — перебила она. — Тогда вы должны понимать, что договоры, заключенные под дулами орудий, не грех и разорвать.

— У меня слишком много работы, чтобы что-то доказывать секретарю! — высокомерно сказал Морозов. — Передайте вашему премьеру следующее. Вы должны в трехдневный срок передать нам как всех англичан, прибывших к вам по договору, так и личный состав английского и американского флотов. Их корабли можете оставить себе. В случае отказа, который мы сочтем крайним проявлением неуважения к нам и преступлением против человечности в отношении англо-американцев, к вам будут применены меры военного характера. Они могут быть самыми разными, например, уничтожение части ваших реакторов. Пусть ваш премьер проконсультируется с военными, им наши возможности неплохо известны. И вообще, передайте ему вот что... Лет через пятнадцать климат вернется

к привычным значениям, но вот мир уже никогда не станет прежним. Так стоит ли ссориться с государством, в котором будет жить половина человечества? Мы вас никогда не тронем, если вы не дадите к тому повода, сейчас он очень весом. Мы предлагаем дружбу, смотрите, друзей можно найти и в других местах. Запомните номер канала и постарайтесь не тянуть с ответом.

— У них время на семь часов позже, поэтому ответят утром по Москве, — сказал Морозов Алексею. — И в ответе я не сомневаюсь. Хотя могут попробовать на зуб, но если начнете давить, все выполнят. Как будем забирать людей?

— У меня только один вариант — «Ковчегами», — сказал Брагин. — Только придется для гарантии устанавливать дополнительные накопители. И больше тысячи человек за раз одна машина не возьмет. У нас их теперь сотня, поэтому эвакуация займет полтора месяца.

— Возьмете в дело и грузовые «Ковчеги», — сказал Алексей. — В них и людей больше войдет. Покидают на пол надувные матрацы и пусть сидят. Ладно, это все детали, которые решим. Нужно еще мобилизовать медиков, больных там будет много.

Вызов из Канберры пришел в десять часов утра на коммуникатор Морозова.

— Будете разговаривать сами, или опять мне? — спросил по комму Алексей Павлович. — Ну раз сами, переключаю на вас.

— Не уходите с канала, — сказал Алексей. — Вам будет полезно послушать. Кто вызывает?

— Сам Джек Кендал, — ответил министр. — Даю сигнал.

— Здравствуйте, ваше превосходительство, — поздоровался с Алексеем интеллигентного вида мужчина в массивных роговых очках. — Рад вас видеть.

Учитывая то, что в любом медицинском центре зрение приводили в норму в считанные часы, очки сейчас мало кто носил. В основном это были те, кому они очень шли.

— Нам пришлось приложить усилия, чтобы вы могли проявить свою радость, — ответил Алексей. — Когда присылать транспорт за людьми?

— Они нам не нужны, — сказал Кендал, — и я совсем не против того, чтобы вам их отдать, но мы на них сильно потратились.

— Не будем мы с вами дружить, — задумчиво сказал Алексей. — Таких скупердяев, как вы, еще свет не видел. Вы забрали себе флоты двух великих держав и годовой запас продовольствия на девять миллионов человек, потом заставили их самих строить себе концлагеря и при этом кормили баландой, отправив на тот свет три четверти прибывших и сейчас еще имеете наглость торговаться! Честное слово, у меня возникло большое желание позвонить моему военному министру. Мы с ним вчера прикинули несколько вариантов силовых действий как раз на случай подобного поведения. Америки, для которой мы наготовили массу сюрпризов, уже нет, а во все это вложена бездна труда. Будет жаль, если так ничего и не используем. Вы не находите?

— Вы меня не так поняли, — заволновался премьер. — Я хотел сказать совсем другое!

— Ну так говорите то, что хотели! — зло сказал Алексей. — И не заставляйте меня опускаться до угроз!

Зак в своей комнате играл со Сьюзен, когда в дверь постучали. Он крикнул, чтобы заходили, и в комнату вошли трое мужчин.

— Здравствуйте, генерал, — по-английски сказал один из них. — Я полковник КГБ Рошин, а это два американских летчика из состава Шестого флота США. Вам они

представятся сами.

— Капитан Дарелл Эдвардс, сэр! — вытянулся высокий, худой мужчина лет тридцати.

— Авиакрыло авианосца «Эндрю Джексон», сэр!

— Капитан Джейк Грин, сэр! — представился тот, который был ниже ростом. — Авиакрыло авианосца «Эндрю Джексон», сэр!

— У вас появилась внучка? — спросил Роцин.

— Это ребенок соседей, — ответил немного растерявшийся Зак. — Сейчас я ее верну родителям, потом поговорим. Милая, — сказал он малышке, — надо идти к папе с мамой.

— Не хочу домой, деда, — закапризничала девочка. — Хочу у тебя.

— Я попрошу папу, и он включит для тебя телевизор, — сказал Зак, собирая с пола куклы. — Хочешь смотреть мультики? Вот и молодец! Присаживайтесь, господа, я сейчас освобожусь.

Пристроив Сьюзен, он вернулся к себе, сел на кровать и вопросительно посмотрел на полковника.

— У правительства будет к вам просьба, генерал, — сказал Роцин. — Нужно помочь вашим соотечественникам и англичанам, которые попали в беду в Австралии. Кроме вас мы привлекли адмирала Гарри Крейга. Эти brave летчики несколько дней назад угнали из Австралии самолет и сумели добраться до нас. Сейчас они вам расскажут о своей эпопее, а потом я дополню их рассказ.

Рассказ Дарелла длился минут десять.

— Наше руководство предполагало такой финал, — сказал Роцин, когда летчик закончил говорить. — Им решили помочь. Хочу, чтобы вы знали, что сочувствия в этом решении было мало. Их, конечно, жаль, но сейчас люди гибнут повсюду. Просто среди них немало ценных специалистов, да и австралийцев нужно было поставить на место.

— Поставили? — спросил Зак.

— Они окажут все возможное содействие, — усмехнулся Роцин. — Операция начнется завтра. У вас остался мундир, или вам пошить новый?

Полет длился уже пятнадцать часов и подходил к концу. Огромные машины шли тремя эшелонами. Впереди летели десять экранолетов, на которых располагались десантники и персонал мобильных госпиталей. Здесь же находились и Крейг с Александером. С часовым интервалом за ними отправили группу из восьмидесяти «Ковчегов». Остальные шестьдесят вылетели еще на пару часов позже. Зак не был знаком с адмиралом, так, видел его пару раз, но сразу его узнал несмотря на то, что поверх адмиральского мундира был надет пуховик. Их посадили рядом в одном из «Ковчегов».

— Повезло вам, — сказал Зак. — Умно поступили, что не пошли в Австралию.

— Если бы это было в самом начале, и мы были вместе со всеми, то сейчас вы летели бы спасать и нас, — ответил Крейг. — А так мы уже на многое успели насмотреться, чтобы понять, что в Австралии делать нечего. Надо было делать ставку на того, кто действительно мог помочь. Выбора у нас не было никакого. Как вас устроили?

— Так же, как и всех остальных, только дали возможность бездельничать. Мне это уже стало надоедать, поэтому собирался подбирать работу. Живу, кстати, рядом с одним из ваших офицеров. В соседях еще одна американская семья из беженцев. Я у них вместо деда для дочери. Много общаемся, День памяти провели вместе.

— Да, — сказал Крейг. — Не ожидал от них такого. Я тоже поддерживаю связь кое с

кем из сослуживцев. Не все в восторге от своей жизни, есть и брюзжащие. Так вот, всякое брюзжание после Дня памяти пропало. Повезло им с руководством. А после этой операции отношение еще больше изменится. Одно дело приютить тех, кто к тебе пришел сам, совсем другое — вырвать людей из концлагерей на другом конце планеты.

Они еще некоторое время переговаривались, а потом пообедали и задремали, усыпленные гулом турбин. За час до прилета всех разбудили.

— «Геркулесы», — сказал Крейг, кивнув на десантников, которые упаковывались в скафандры. — Мы тоже разработали очень похожую модель и даже запустили в производство, но в войсках я силовых скафандров не видел. Страшная штука.

— Да, мы смотрели фильмы, — отозвался Зак. — Полтонны вооружения и легко держит очередь из крупнокалиберного пулемета. Лучевое оружие против них тоже бесполезно, по крайней мере, ручное. Гранатомет пробивает броню, но попробуй в него попади с его скоростью. Лучше всего применять управляемые ракеты и зенитные спарки.

— Внимание! До подлета осталось десять минут! — сообщил кто-то из экипажа. — Полная боевая готовность всех систем. Десанту занять места для высадки!

Шестьдесят находящихся на нижней палубе десантников разбились на четыре группы и сосредоточились у выходов. Медики поспешили занять места в модуле госпиталя.

— Солнце восходит, — выглянул в иллюминатор Крейг. — Мы сильно опустились, и уже можно различить волны. А берега пока не вижу.

— Скоро будет совсем светло, — сказал Зак. — Через пару месяцев освещение станет, как в пасмурный день. А сейчас пока темновато, потому и не видите берега. Он уже должен быть недалеко. Кажется, пошли на посадку.

«Ковчеги» шли по радиопеленгу в указанное австралийцами место. Они снижались возле небольших построек, разворачивали турбины и, поднимая тучи пыли, садились на грунт. Через раздвинувшиеся створки люков выпрыгивали десантники, а модуль госпиталя двинулся по аппарели к поднимающимся воротам грузового отсека.

— Мы пока сидим, — сказал американцам подошедший Рошин. — Скажут, когда выходить. Мы у одного из двух лагерей военных, так что скоро будет ваш выход. За бортом пять тепла, так что пуховики можно снять, а то никто не увидит вашей формы.

— Толку от нашей формы! — сказал Крейг. — Можно было обойтись и без нее. Меня там многие знают в лицо.

— Можно было обойтись и без вас, — возразил Рошин, — но с вами лучше. И насчет формы вы неправы, она сильно действует на людей. По комму дали сигнал, так что идем садиться в машину. Я в гражданском, но тоже сниму пуховик, а то еще скажете, что сам грелся, а вас заставил мерзнуть.

— Можете не снимать, — ухмыльнулся Зак, садясь в машину. — Лично я не обижусь, а вы при плюсе пяти через полчаса взопреете.

Штабной электромобиль скатился с аппарели на каменистую, лишенную какой-либо растительности землю и, объезжая громаду «Ковчега», повез их к подсвеченному прожекторами проходу в ограде лагеря. Полсотни барачных корпусов, окруженные колючей проволокой, вызвали в душе гнетущее чувство тревоги. Перед их прибытием австралийцы убрали охрану, но обитатели лагеря об этом еще не успели узнать.

— Езжай туда! — показал рукой водителю Рошин. — Видишь помост? Вот к нему и давай. Сейчас заберемся на него, включим освещение и дадим сигнал сбора. Нам сообщили, что все это есть в каждом лагере. А как соберутся, будете с ними говорить. Возьмите

мегафон. Этим регулируется громкость.

Тоскливый звук сирены ударил по нервам, но сделал свое дело: к освещенному ярким светом помосту стала собираться толпа людей, которые, не веря своим глазам, смотрели на двух неизвестно откуда взявшихся высших офицеров.

— Начинайте, — сказал Крейгу Рошин. — От бараклов уже никто не идет. Похоже, что они здесь все.

— Я бывший командующий Седьмым флотом! — сказал в мегафон адмирал. — Вице-адмирал Гарри Крейг. Среди вас должны быть те, кто меня знает в лицо. В отличие от вашего руководства, я сразу понял, что в Австралии нас не ждет ничего хорошего и привел флот в Советский Союз, где все моряки получили возможность не просто выжить, но и нормально жить. А у многих уже есть семьи. Несколько дней назад двое из вас вырвались из лагеря и смогли улететь в Советский Союз за помощью. За это два десятка ваших товарищей заплатили своими жизнями. Руководство СССР приняло решение вам помочь и заставило ваших тюремщиков дать свободу вам и англичанам! Все желающие будут эвакуированы отсюда воздухом. Сейчас начнут приземляться другие корабли и вам разрешат посадку. За один раз заберем всех, поэтому просьба соблюдать порядок и выполнять все требования экипажей. Есть вопросы?

— А если я не хочу в Союз? — крикнул кто-то недалеко от помоста.

— Разве я неясно сказал? — удивился Крейг. — Не захотите лететь с нами, останетесь здесь. Договаривайтесь с австралийцами сами, если они станут с вами разговаривать. И еще хочу предупредить, что в СССР вам никто ничем не обязан, наоборот, вы всем обязаны их правительству. И тем, что у вас будут теплые удобные для жизни дома, и хорошим питанием, и просто нормальной человеческой жизнью. Поэтому те, кто решит сменить место пребывания, должны знать, что соблюдение всех законов и порядка жизни хозяев является обязательным. Наша страна погибла, наши союзники ищут возможности выжить самим, и им нет до вас дела. Есть только одно место на планете, где вам предлагают жизнь, так постарайтесь вести себя достойно, чтобы никто не отозвал для вас это предложение.

— Неужели действительно все погибли? — крикнули вдаль, но Зак услышал и взял у адмирала мегафон.

— Я был заместителем командира Стратегического командования Вооруженных сил США, — сказал он толпе. — Генерал Зак Александер. Я со своими подчиненными совсем недавно покинул Штаты, когда подошли к концу продукты. Может быть, где-то в убежище еще и остался кто-то живой, но страна мертва. Примерно десять миллионов американцев, которым удалось спастись и добраться до советской границы, сейчас живут вместе с нами, остальные собрались здесь.

— А англичане? — спросил его один из офицеров у помоста, судя по погонам, лейтенант-коммандер. — Что будет с ними?

— То же, что и с вами, — ответил Заг. — Всех выживших доставят в Союз и будут лечить. Военные английские моряки пока останутся здесь и будут помогать ухаживать за больными соотечественниками. Их два миллиона, поэтому вывозить будут месяц.

— Дайте мегафон, — попросил Рошин. — Теперь скажу я. Вы слышите гул турбин. Это идут на посадку наши корабли. Сейчас вы все организованно покидаете лагерь и грузитесь по тысячу человек в каждый из них. Выполнение всех приказов экипажа обязательно! Такого же поведения от вас ждут и по прилете. Когда прибудете на место, вас приведут в нормальный вид и накормят, а потом проведут тестирование. Мы должны знать, что вы за

люди, и чего от вас можно ждать. Заранее могу обещать всем, что к вам отнесутся с уважением, как к новым гражданам государства. И так будет всегда или до тех пор, пока кто-то из вас не покажет, что вы такого отношения не достойны. Если в бараках есть те, кто не могут передвигаться самостоятельно, вы им должны помочь. На борту будут врачи, которые окажут нуждающимся срочную помощь. Всем остальным лучше потерпеть до конца полета. Всем все ясно? Тогда идите на посадку и помните о том, что мы вам здесь сказали.

Зак уже пятый день работал в госпиталях, которые быстро развернули на территории каждого лагеря. На то чтобы вывезти в Союз сто пятьдесят тысяч англичан и вернуться обратно, уходило полтора дня. Число бывших заключенных уменьшалось, но слишком медленно. Многие из них дошли до предела и продолжали умирать даже сейчас, когда их перенесли в тепло быстро возведенных пневмокаркасных госпиталей, уложили на надувные матрасы и оказывали всю возможную в таких условиях медицинскую помощь. В каждом госпитале, помимо врачей, работали три сотни английских военных моряков. Они же каждый день хоронили тысячи тел.

— Мы немного опоздали, — сказал Заку один из врачей. — Здоровье всем выжившим вернем, вот только из тех, кто здесь лежит, сможем вытянуть в лучшем случае две трети. Все зашло слишком далеко, а медицина не всесильна. Летели бы вы домой, здесь и без вас помощников хватает.

Он не мог улететь. В первый день, когда в госпитали несли тех, кто не мог встать и идти самостоятельно, он увидел на носилках одну женщину и обомлел: она была точной копией его Маргарет. Правда, жизнь в этой истощенной копии жены едва теплилась. Он подошел и забрал у одного из матросов носилки. Теперь в перерывах между работой он приходил к ней и сидел, вглядываясь в исхудавшее лицо и синяки под глазами, прислушивался к дыханию и боялся, что однажды на матрасе окажется кто-нибудь другой. Он поймал врача и подвел к ней, задав вопрос, выживет или нет.

— Эта? — сказал врач. — Что, знакомая? Жаль, ее имени никто не знает. Затрудняюсь дать прогноз. Состояние тяжелое, но не безнадежное, а у нас большинство женщин выздоравливает, больше умирают мужчины.

А сегодня она впервые пришла в себя. Случилось это после того, как медсестра что-то ввела ей в вену и поспешила к другому больному. Зак сидел на пустом пока соседнем матрасе и смотрел на нее с состраданием и нежностью. Наверное, он задумался, потому что никак не отреагировал на ее широко открытые глаза.

— Вы кто? — еле слышно спросила она. — И где это я?

— Я Зак Александер, — ответил он, чувствуя, что душу захлестывает радость. — Вы в советском полевом госпитале. Вас вылечат и вместе с другими отправят в Советский Союз, так что все самое плохое для вас уже позади. Не скажете, как вас зовут, мэм?

— Джина Брукер, — ответила она. — Вы не могли бы дать воды? Страшно хочется пить.

— Сейчас я узнаю, что вам можно, — заторопился он, — а заодно приведу врача!

Врача он не привел, притащил.

— Прекрасно! — сказал тот, увидев ожившую пациентку. — Сейчас вас напоят. Так, пульс гораздо лучше! Раз имеем такое улучшение, значит, мы вас первым же рейсом отправим домой и там будем долечивать.

— У меня нет дома, — горько сказала Джина, — и не осталось никого. Зачем вы меня лечите?

— Так дело не пойдет! — решительно сказал врач. — В чем дело, генерал? Вы от нее уже пять дней не отходите. Если эта женщина для вас что-нибудь значит, постарайтесь изменить ее настрой. В том, в каком она находится сейчас, она и при нашем лечении

загнется.

Подошла медсестра и дала Джин что-то выпить, после чего они побежали к другим больным, и с ней остался только Зак.

— Почему вы здесь, Зак? — спросила Джин. — Вы меня знаете? Я вас никак не могу вспомнить.

— Это неважно, — отвел он глаза. — Мы с вами незнакомы, дело в другом. Вы просто копия одной хорошо знакомой мне женщины. Я понимаю, что это глупо, что вы это не она, но ничего не могу с собой поделать. Не прогоняйте меня, Джин, позвольте просто побыть рядом!

— Женщина, на которую я так похожа, ваша жена?

— Да. Она умерла незадолго до извержения от саркомы. Все произошло слишком быстро, медики просто ничего не успели сделать. Нечасто, но такое бывает. Чтобы заглушить тоску, я с головой ушел в работу. Это и спасло мне жизнь.

— А дети?

— И дети, и внуки — все погибли. Сейчас это почти у всех. Сохранили близких очень немногие из американцев. Это кое-кто из беженцев южных штатов и те, кто были за границей. Сейчас они все в Союзе. Я сюда тоже прилетел оттуда. Вы говорили о потере. Кого вы потеряли, мужа?

— Да, его. Мы долго держались, но потом ему стало плохо с животом. Неудивительно, если знать, чем нас здесь кормили. А когда его не стало, почти тотчас же свалилась и я. Все стало безразлично, и сил сопротивляться просто не было. Зак...

— Что, Джин?

— Не бросайте меня, Зак! Я видела, как вы на меня смотрели. Я вам ничего не могу обещать, но даже просто иметь друга, когда в душе не осталось ничего, кроме пустоты...

— Завтра утром я улечу с вами, — решительно сказал он. — Мне близкий человек нужен не меньше, чем вам, а к вам меня тянет так, что сопротивляться я не могу и не хочу. В любом случае на мою помощь и поддержку вы можете рассчитывать всегда!

— Врачи тебе поставят памятник! — сказала Лида мужу, после того как они поужинали, отпустили Лену и устроились на диване в гостиной. — То стояли пустые больницы, а теперь они все забиты.

— Так уж и пустые, — возразил он. — Многих беженцев лечили.

— Я обморожения не считаю, — отмахнулась она, — а у большинства больше ничего и не было. Кстати, сегодня слышала, что вернулась экспедиция на Тибет. Что, так ничего и не нашли?

— Где это ты могла слышать? — удивился он. — Это секретная информация, которая через Секретариат не пошла.

— Профессора Лешкова знаешь? А его жена у нас завсектором и моя подруга. Не вздумай ее чихвостить: Светка ничего никому прямым текстом не болтала, так, проскочило несколько намеков, но мне этого хватило.

— С живыми бактериями у них, на наше счастье, ничего не вышло. Тысячи проб в самых разных местах с одним и тем же результатом: живых носителей нигде нет. Может быть, что-то оставалось в лаборатории в Шанжао, но там все обработали плазмой, так что и эту опасность убрали.

— А в Индии?

— Если они не сохранились в Китае при низких температурах, то в Индии не сохранятся и подавно. И соваться мы туда пока не будем даже в скафандрах. Есть предел психической устойчивости и у наших десантников. Ты просто не представляешь, что там сейчас творится. Морозов нет, но холодно. В таких условиях тела будут разлагаться годами. Да там мухи будут падать на лету, если они еще остались. Чуть позже пошлем туда автоматы и посмотрим одним глазом.

— Значит, опасности больше нет?

— Береженого бог бережет, — ответил Алексей. — Все пострадавшие страны закроем на двадцать лет. За это время точно ничего не останется, а плоть сгниет. Да и не нужны нам пока те территории, с Европой и Америкой возни надолго хватит. А всех остальных строго предупредим, чтобы тоже не совались.

— Остальных — это кого?

— В первую очередь Иран, Монголию и Японию. Ну и островные государства, особенно Сингапур. Тем нужно только восстановить мосты. Конечно, если будет кого предупреждать.

— Получается, сам не гам и другому не дам? — съязвила Лида.

— После катастрофы в своих собственных странах земли будет до фига, так что нет никакой необходимости лезть к соседям. А когда она появится, решим этот вопрос коллективно. Не бойся, все себе не захапаем.

— А как у нас себя ведут новые граждане? На вашем канале об иммигрантах вообще не упоминают, по крайней мере я не слышала.

— Очень сложный вопрос, — слегка поморщился Алексей, — но мы и не думали, что там все будет тихо и гладко. Будет непросто ассимилировать десятки миллионов носителей другой идеологии и культуры. Поначалу беда всех придавила, теперь люди понемногу отходят. Тестами мы отсеяли человеческий мусор, да и то не весь.

— Что, много недовольных? И чем, интересно?

— Не много, но есть. А чем? Да кто чем. Кому-то не нравятся ограничения по спиртному. наших это, кстати, тоже касается. Курильщики недовольны ограничениями на выдачу их отравы и места курения. Есть недовольные уравниловкой и отсутствием денежного обращения, а есть такие, кто выражает недовольство тем, что всех эмигрантов расселяем в разные части страны и не позволяем сбиваться в землячества. А есть наши, которые недовольны самими эмигрантами. Как и прогнозировалось, высказывают недовольство ограничением рождаемости. Среди наших недовольных больше всего в Грузии. А вообще, наши терпят и все недовольство дальше ворчания не идет. Знают, что все ограничения временные и нам верят, разве что любители зеленого змия пытаются себя задурить чем-нибудь другим. Химики хреновы. С пришлыми есть сложности, но и там по большей части все ограничивается ворчанием. Как только с теплом начнем убирать ограничения, большинство поводов для недовольства отпадет.

— До тепла еще далеко, — заметила Лида.

— А я тебе и не говорил, что мы его будем ждать, сложа руки. Люди есть люди, и они всегда будут чем-нибудь недовольны. Ворчание мы как-нибудь переживем, тем более что ворчат с пониманием. А кое с чем никто мириться не собирается. Никто, например, не позволит сборищ по национальному признаку. Дружить семьями или переписываться с друзьями никому не возбраняется, но и только. Мы ведь Комитет полностью не распустили, наоборот, когда отпала надобность в привлеченных сотрудниках, их начали возвращать Василию Петровичу. Сейчас у него создано новое управление, которое будет отслеживать

все процессы в эмигрантской среде. Постараемся мягко исправлять то, что нас не устраивает, но, в случае необходимости, не остановимся и перед крайними мерами. Я прекрасно помню, что у вас творилось. У нас такого не будет. Главное — это выиграть время. Сейчас начался процесс ассимиляции пришельцев. Уже лет через пять большинство из них станет для нас своими, а с меньшинством будем разбираться. Самых крикливых можно вообще вывезти куда-нибудь подальше, чтобы не слышать их криков. Для других будет урок. Мы ведь при приеме всех предупреждали, так что в своем праве. А вообще, я ими доволен. Абсолютное большинство хорошо уживается с нашими и прекрасно работает. Кое-кто опасался, что с ростом эмиграции будет расти и преступность, но этого не произошло. Значительную часть уголовников мы расстреляли, остальные отработывают прощение на Дальнем Востоке, а экономическая основа правонарушений исчезла вместе с деньгами. Еще и отсутствие пьянства сказывается самым благоприятным образом. И это у населения еще сохраняются старые запасы выпивки, а скоро и их не будет. Преступления на бытовой почве, конечно, есть, но не так уж много, и там редко доходит до крайностей. И в этом больше отмечены наши, чем пришлые. Те вообще ведут себя осторожней. Хотя несколько парней из моряков адмирала Крейга уже попались за убийства. Этих расстреляем, другие десять раз подумают, прежде чем хвататься за ножи.

— Леш, а чем вы хотите занять людей? Экономику вы перестроили. Грибов и курятины производим столько, что пора продавать за границей. Закормленные БВК коровы скоро не пройдут в ворота коровников, а мы каждый день едим свежие овощи. При нашей жизни людям мало что нужно, кроме пищи. Понятно, что продолжаем производить одежду, обувь и все остальное, но такое производство не займет все население. И увеличение сферы услуг нам не очень-то поможет. А допускать, чтобы люди сходили с ума от безделья или создавать им видимость работы... Понятно, что лет через десять нам не станет хватать рабочих рук, но сейчас?

— Займем всех, можешь не сомневаться. Мы слишком зациклились на выживании и вынужденно на многом сэкономили. Перед извержением у нашего населения было гораздо меньше интеллектуальной электроники, чем у соседей. Обеспечили производство и учебные заведения, а в остальном упор делали на салоны коллективного пользования. Сейчас это нужно исправить. Разработана программа глобального мониторинга планеты. Через три-четыре месяца мы уже сможем нормально использовать все оборудование спутников и оценить потери в самых разных уголках Земли. Но одними спутниками не обойдемся, поэтому будем налаживать выпуск «Невидимок». Нам их понадобится очень много. Я тебе уже как-то говорил об индивидуальном воздушном транспорте. Вот его собираемся массово изготавливать. Сейчас пока будем использовать только по необходимости, а все остальное пойдет на склад. Разблокируем денежные счета, тогда пусть покупают. Наши коммуникаторы с голо помнишь? Такие же уже есть в проекте на изготовление. А их нужно сотни миллионов штук. Работы и до тепла будет много. Мы ведь сейчас единственные, кто учит десятки миллионов молодых и продолжает развивать науку. Кое-что делают немцы, но с нашими масштабами не сравнить. Постоянно появляется что-то новое, новые открытия и разработки. И это тоже пойдет в производство. Займемся и космосом, хоть это будет уже позже. У тебя на сегодня все вопросы? Тогда спрошу я. Тебе еще не надоело маяться дурью в Секретариате?

— Почему это дурью? — обиделась Лида. — По-моему, я делаю полезное дело.

— Полезное, — согласился муж, — но не свое. С твоим умом и опытом нужно как

минимум возглавлять министерство. У нас, кстати, скоро исполняется семьдесят министру образования. Работает он хорошо, но закон для всех один, так что судьба ему нянчить внуков. Это если ты не найдешь ему какой-нибудь другой работы.

— Уже решил? А это ничего, что я в два раза старше его? И почему именно образование?

— Мы Вечные, для нас законы не писаны, — сказал Алексей. — Не хочешь образование? Ладно, тогда станешь председателем КГБ. Только нужно будет немного подождать: Василию Петровичу исполняется семьдесят только через год.

— Согласна на образование! — быстро сказала Лида. — А то с тебя станется предложить мне пост министра вооруженных сил.

Ник возвращался с работы вместе с Мартином и, прежде чем зайти к себе, подошел к комнате генерала и постучал. На стук опять никто не отозвался.

— Жаль, что Зака до сих пор нет, — сказал он Мартину. — Уехал два месяца назад и пропал. Дочь не перестала спрашивать, куда дели деда?

— Нет, — улыбнулся Мартин. — Она к нему прикипела и очень скучает. Приходите сегодня к нам. Может быть, вдвоем замените одного Зака, а то опять придется отдавать ей телевизор.

— Если жена не будет вымирать, тогда придем, — пообещал Ник.

Кими была на третьем месяце, и беременность протекала тяжело, поэтому ей разрешили работать полдня, а когда было особенно плохо, совсем освобождали от работы. Сегодня она тоже позвонила в свой садик и попросила ее кем-нибудь заменить. Ник открыл дверь и услышал всхлипывания. Кимико сидела на своей кровати вся в слезах.

— Что случилось? — бросился он к жене. — Тебе плохо?

— Не мне! — помотала она головой. — У наших опять сильное землетрясение! Они там все, наверное, погибли!

— Откуда такой пессимизм? — спросил он, обнимая жену и вытирая ей слезы платком.

— Каждый раз, когда передавали о землетрясениях в Японии, всегда сообщали об ущербе! — сказала она, давась рыданиями. — А сегодня только сказали о землетрясениях, а об ущербе ни слова! Их сразу два, и оба больше девяти! И еще какое-то ледяное цунами! Мало им было радиации из Китая, теперь еще постоянно трясет! Как можно что-то строить под землей, когда все это раз за разом разрушается! Ник, я боюсь, что моего народа скоро просто не будет. Останутся только принятые здесь дети и мы! У нас сильный, умный и самоотверженных народ, но он просто ничего не сможет поделать!

Кое-как успокоив жену, Ник решил не ходить сегодня на ужин в столовую, а взять пайки. В коридоре он столкнулся с Заком, идущим рядом с красивой миниатюрной женщиной лет сорока или чуть больше.

— Познакомься, дорогая! — сказал генерал. — Это один из моих друзей и соотечественников Ник Сандерс! А это моя жена Джин! Как у тебя дела? С Кими все в порядке?

— Замучил токсикоз, — пожаловался Ник, — а в остальном порядок. Позвольте вас обоих поздравить! Зак, вы ведь будете менять квартиру?

— К сожалению, я вынужден уехать совсем, — сказал Зак. — Жена биолог с мировым именем, и здесь для нее работы нет. Поэтому ее поселили в столице, а я пошел к ней довеском. Заодно предложили вернуться на военную службу, и я это предложение принял.

Жалко с вами расставаться, но ничего не поделаешь. А сюда я приехал проститься и забрать вещи.

— Запись на мониторе! — сообщил оператор. — Минус десять секунд.

— Никто еще не наблюдал цунами при полуметровой толщине льда! — сказал Алексею академик Гурин. — Правда, море замерзло на километр от берега, но все равно... Смотрите, пошла волна! Магнитуда землетрясения в океане больше девяти, высота волны у кромки льда около тридцати метров, а скорость — немногим меньше ста километров в час. Посмотрите на лед!

Вода отхлынула от берега, и теперь ледяное поле на всем видимом пространстве проседало, разваливаясь на отдельные глыбы, и на все это с сумасшедшей скоростью накатывалась стена воды.

— Лед не дал воде уйти слишком далеко, — говорил Гурин, показывая рукой на экран, на котором на берег вынесло вал льда вперемешку с водой. — Но на километр вглубь берега не осталось ни одного сооружения. Японцев здесь не было, но все, что они приготовили для подледного лова, погибло. Все суда в портах — тоже.

— А что с нашими берегами? — спросил Алексей.

— На Сахалине волна была всего метра три-четыре, а на Камчатке еще меньше. Там даже не разрушился припай.

— А второе землетрясение?

— Это следствие извержения системы Текай, — сказал академик. — Магнитуда около семи. Боюсь, оно причинило японцам гораздо больше неприятностей. С ними до сих пор не могут связаться. Они ведь почти все перенесли под землю, а это уже девятое землетрясение за год. И не одного магнитудой меньше шести с половиной. Каждый раз гибнет много людей и большие потери в ресурсах. Упрямый народ, другие уже давно куда-нибудь сбежали бы.

— Некуда им бежать, — мрачно сказал Алексей. — В Китай или Корею нельзя, да и мы их к себе не приглашали, хотя... Виктор Федорович!

— Да, Алексей Николаевич! — откликнулся начальник Центра правительственной связи.

— Продолжайте вызывать японцев и, если ответят, переключите на меня. А пока дайте связь с маршалом Брагиным. Здравствуйте, Александр Иванович! Объявите повышенную боеготовность экипажам «Ковчегов». Возможная цель — это остров Хонсю, регион Тохоку.

— Японцы?

— Похоже, их нации приходит конец. Эти землетрясения их доконают. Я хочу до теплых времен сдать им в аренду наше побережье. Нам оно пока не нужно, а городов с реакторами там хватает. Есть и все остальное, что мы готовили для себя, но так и не пустили в ход. Выжившим позже найдем место и поможем устроиться. Эти потом отработают. Плохо, что не удастся с ними связаться. Ждем еще сутки, а потом грузите спасателей и отправляете к пяти подземным городам. Не может быть, чтобы они там все погибли. Если будет нужна землеройная техника, перебросите из Хабаровска. Для этого к десантным «Ковчегам» возьмите парочку грузовых.

Он простился с академиком и на выходе из Центра связи столкнулся с женой.

— Не меня ищешь? — спросил Алексей. — Что-то срочное?

— Не тебя, — ответила Лида, — но ты мне тоже был нужен. Разговор буквально на несколько минут. Ты к себе? Тогда давай я провожу, заодно и поговорим. Понимаешь, я хочу

провести реформу языка.

— Ты на мелочи не размениваешься, — улыбнулся Алексей. — Ну и чем же тебе не угодил русский язык?

— Он слишком сложен для изучения, — пояснила жена. — Я, несмотря на свои сто тридцать с чем-то лет, прекрасно помню, как его учила в гимназии. Учишь и думаешь, мол, кому было нечего делать, что он сочинил эти бесконечные правила. Почему одно и то же слово в разных случаях пишется по-разному, зачем эти исключения и миллион правил по знакам препинания. С «не» настоящий идиотизм. Я изучала историю вопроса. Пять раз поднимался вопрос упрощения письменности, а воз и ныне там. Ладно, что половина русских часто делает ошибки в письме, а каково иностранцам? Наши иммигранты в своем большинстве уже свободно говорят на русском, а пишут — тихий ужас! А детям нужно идти в наши школы.

— Да я не против, — сказал Алексей. — И у меня в школьные годы русский к любимым предметам не относился. Только к этому нужно подойти очень осторожно, а то вы реформируете. Убрать явную глупость и анахронизмы и ввести две формы написания на переходной период. А в школу нужно внедрять специальную аппаратуру, которую мы используем для экспресс обучения. Определись с потребностью, тогда запустим в производство.

За полчаса до конца работы его вызвали из Центра связи и переключили на один из резервных каналов, по которому с ними все-таки связались японцы. Появившейся на экране мужчина был Алексею незнаком.

— Я приветствую вас, ваше превосходительство! — сказал он, отвесив поклон. — Мы слышали ваши вызовы, но сами ответить не могли: были слишком серьезные повреждения. Я вас слушаю.

— Нет, это я вас слушаю! — сердито сказал Алексей. — Сообщите, пожалуйста, что у вас случилось, и кто вы, собственно, такой?

— Землетрясение, — внешне спокойно ответил японец. — Очень большие жертвы. Премьер-министр тоже погиб. Ни в один из подземных городов пока пробиться не получается. У нас остался в работе один реактор, который питает города Итиносеки и Осю. В них сейчас осталось три миллиона человек. Я губернатор префектуры Иватэ Икиру Танигава.

— Сколько же человек под землей?

— Еще пять миллионов.

— А остальные? — спросил Алексей, уже зная, что сейчас услышит.

— Это все, — ответил губернатор. — Последний год был нелегким.

— Значит, так! — сказал ему Алексей. — Сейчас к вам вылетят наши спасатели, которые попробуют пробиться к заваленным городам. Всех остальных воздухом эвакуируем во Владивосток. Он рассчитан на полтора миллиона жителей и сейчас пуст, так что вы как-нибудь уместитесь. Энергии там достаточно, а продовольствия на первое время вам подбросят. Потом запустите нефтедобычу и завод БВК. Фермы и подземные производства пищи там есть, все только нужно обслуживать. Сегодня же туда для этого доставят все, что необходимо, и специалистов. Помогут вам и вернутся. Свои продукты есть?

— Да, примерно на полгода. Благодарю вас!

— Надо было обратиться за помощью раньше. Я знал, что вам трудно, но не думал, что дойдет до такого! Как придут «Ковчеги», оставьте несколько тысяч человек в помощь

нашим спасателям, а остальных сразу же отправляйте. До Владивостока по прямой около тысячи километров, так что вас всех за четыре дня переправят. А если будут живые под землей, их уже повезем в Хабаровск. Это дальше, но там в любом случае много людей сразу не наберем. И не нужно гордо молчать! Если что-то нужно, не стесняйтесь просить. Чем сможем, тем поделимся, а если не будет такой возможности, так и скажем. Все поняли?

— Что ты такой мрачный? — спросила Лида, когда приехали домой. — Это не связано с японским землетрясением? Ты ходил в Центр связи, чтобы связаться с Сатоми Морисима?

— Как жить с человеком, который видит тебя насквозь? — сказал Алексей. — Я в последнее время что-то начал слишком близко к сердцу принимать чужие беды. Знал же, насколько трудно придется японцам, а все равно стало тоскливо, когда узнал, что их почти не осталось. Сто миллионов человек! А времени прошло меньше полутора лет. Но на них навалились все напасти: и кислотные дожди, и китайские радиоактивные осадки, и землетрясения с извержениями вулканов. Да и больших запасов продовольствия у них не было.

— И что теперь? — спросила Лида.

— Всех, кого спасем, приютим у себя, — ответил муж. — Досидят до тепла, а потом найдем, где их поселить. Наверное, выждем, как я и хотел, двадцать лет и запустим их в Китай. Разрешим занять на побережье хорошие земли, а они в ответ за все добро почистят для нас Китай.

— Хочешь его все-таки занять?

— Он нам, малыш, не сильно нужен, но занять придется. У нас с ним только на востоке общая граница больше четырех тысяч километров, да и на западе не меньше. Индию у нас занять вряд ли получится, да я туда и не рвусь, а Китай за собой застолбим. А японцев на полноценную нацию уже не набирается. Мы их детей забрали больше, чем их осталось. Так что, скорее всего, войдут они в наше государство на правах автономии. Мы их тянуть не будем, сами попросятся.

— Жалостливый ты стал, как я посмотрю! — усмехнулась Лида. — С чего бы это? Европейцев, которые рядом и вроде бы понятны, мы пропускаем сквозь мелкое сито, а японцев, у которых мозги работают иначе, берем на содержание без всяких тестов. Про англичан я уже не говорю: полмиллиона живых покойников выхаживали!

— Японцы себе продовольствие сделают сами, мы им только поможем, — возразил Алексей. — И со своими людьми мы их мешать не станем. Эта нация, несмотря на всю свою чуждость, знает, что такое честь, и будет благодарна за помощь. А европейцы страдают разжижением мозгов. Не все, но многие. Они не способны долго помнить добро. А за англичанами поперлись на край света и выхаживали, потому что их премьер забрал с собой лучших. Он, можно сказать, провел отбор за нас. И наше участие запомнят не только спасенные, а и все остальные.

— У тебя и жалость в конечном итоге оборачивается трезвым расчетом и выгодой, — вздохнула Лида. — Неужели и я такая же?

— Ты почему-то, — улыбнулся муж. — Каждый вечер что, да почему.

— Потому что ты намного больше знаешь, и сам знаниями не делишься. Сел на диван, обнял, отсидел свою норму и на боковую! Составляли бы хоть итоговую сводку за день для тех министров, которые не протирают штаны в твоём кабинете. Я бы тогда тебя тоже молча обнимала.

На следующий день, перед обедом, Алексею позвонил на комм председатель КГБ.

— Алексей Николаевич, у нас появилась интересная информация. Запустили на обработку записи с камер тех разведчиков, которыми обследовали Китай. Сегодня утром машина отобрала кадры, на которых были самостоятельно перемещающиеся объекты. На одном фрагменте видно, как из-за россыпи камней во что-то вроде пещеры заскочил человек. Пошлем группу?

— Посылайте, Василий Петрович, — сказал Алексей. — Только пусть оденут скафандры, а этого китайца как следует упакуют и поместят в карантин. Не будем зря рисковать, пусть сначала с ним поработают ученые.

Город лежал в руинах. В отдельных местах еще возвышались остатки высотных зданий, но остальное превратились в бетонное и кирпичное крошево, из которого торчали изогнутые металлические конструкции. Входы убежищ были расчищены, и сейчас из них бесконечной чередой к громадам «Ковчегов» шли японцы. Мужчины и женщины, одетые в комбинезоны, которые, как знал Роцин, неплохо защищали от радиации. Стариков он среди них не видел, а дети попались на глаза только пару раз. Проходя мимо него, они кланялись и вежливо улыбались, но в глазах этих людей стыла тоска. Каждый нес в руках только небольшую сумку.

— Городами под землей только занялись, — сказал Роцину шедший с ним рядом японец. — В первую очередь расчищали убежища здесь. А там, если кто-то выжил, могут подождать. Воздуха много, и в каждом городе свой реактор. А землеройной техники у нас много, зря вы привезли свою.

— Посмотрим, — ответил Роцин. — У вас здесь все прекрасно организовано, так что поедем лучше к месту работ.

Вход в один из подземных городов располагался в километре от окраины разрушенного Итиносеки и представлял собой бетонный купол. Неподалеку стояли грузовые «Ковчеги», из которых выгружали нужное оборудование.

— Шахту смяло, — пояснил японец, показав рукой на купол. — Через вход не пробиться, проще прокопать другой. Есть еще два аварийных выхода, но там то же самое. Очаг землетрясения был недалеко...

— Вы свою технику пока не задействуйте, — попросил Роцин. — Лучше подтяните нам электропитание для комбайна. У него есть встроенные накопители, но это только аварийный резерв, а энергии ему нужно много. План верхнего яруса у вас есть?

— Кабель сейчас подведем, — кивнул японец. — План, конечно, есть, только он без точной привязки к поверхности.

— Ладно, найдем сами. За вами кабель.

Роцин подошел к спасателям, которые уже выгрузили комбайн с цистерной уплотнителя и сейчас выгружали остальное.

— Почему дали только два «Ковчега»? — сердито спросил Роцина старший группы. — Мы сможем начать работы только по трем городам!

— Вот и начинайте, — спокойно сказал Роцин. — Грузовые «Ковчеги» заняты на перевозке продуктов. Начали раскупоривать склады с продовольствием, поэтому они все там. Ничего, хватит и этих. Сейчас развезут оборудование и сделают еще один рейс. Японец сказал, что если внизу кто-то выжил, то должны дождаться помощи. Реакторы там есть, и он почему-то уверен в том, что они уцелели. Планы городов у них есть, но долго делать привязку, поэтому действуйте сами.

Старший отдал несколько распоряжений, и спасатели быстро установили в разных местах площадки выгрузки с десятков датчиков. Гроыхнул взрыв, и на большом экране интравизора появилась картина части коридоров верхнего яруса.

— Есть точка врезки! — сказал оператор. — Ставьте комбайн возле пятого датчика!

Загудели электромоторы, и комбайн, задрав в небо блок фрез, переполз в указанное место. К нему подогнали цистерну, и соединили ее намотанным на барабан шлангом. Вовремя подъехала машина японцев, от которой отцепили питающий кабель и быстро подключили его к комбайну.

— Десять градусов влево! — скомандовал оператор. — Угол заглубления — сорок. Пока нормально, потом внесем коррективы. Пошел!

Диск фрез наклонился под нужным углом и комбайн на глазах начал погружаться в землю. Когда на поверхности осталась только его задняя часть, спасатели быстро пристыковали к ней двадцатиметровую транспортную спираль. Опять заработали моторы и комбайн уполз под землю, а за ним поползла спираль, выбрасывающая наружу срезанный грунт. Когда и она скрылась в прорытом туннеле, двигатели остановили и спираль нарастили.

— Стенки пропитываются раствором из цистерны, — пояснил Рошин подошедшему японцу. — Потом все нагревается и твердеет. За час, я думаю, доведем туннель до одного из ходов.

С гулом в небо поднялся первый транспортный «Ковчег», за ним — другой... Последние японцы покидали то, что их предки некогда поэтично называли Страной восходящего солнца.

— Ну и что показал наш китаец? — спросил Алексей. — Ваши материалы, Эдуард Константинович, я почитаю после. Расскажите своими словами самую суть.

— Суть в том, Алексей Николаевич, что после разговора с нашим китайцем лично для меня все еще больше запуталось. Судите сами. Он служил связистом на высокогорной радиорелейной станции. Насколько я понял, цепочка ретрансляторов была резервом на случай уничтожения космической связи. Он там сидел не один, а в компании трех солдат, которые охраняли эту станцию. Ему от нее разрешалось удаляться только в туалет, даже спал он в помещении, смежным с аппаратной. А вот солдаты отлучались часто. Неподалеку была небольшая деревенька, где покупали выпивку и по взаимному согласию валяли деревенских дев. Ну и продукты там для них часто оставляли, чтобы не переться в гору. Делать этому связисту там было абсолютно нечего, поэтому он днями напролет слушал эфир. Когда случилось извержение, для них ничего не изменилось, разве что потемнело, похолодало, да девы стали за развлечения требовать продукты. За пять дней до того как ушли солдаты, внезапно очистился эфир. Ни армейских шифровок, ни просто переговоров, ничего. Это было в тот день, когда Индия и Китай обменялись ядерными ударами. Если после этого кто-то и использовал радиосвязь, то только маломощные передатчики, которые он ловить не мог. Три дня они волновались, а потом солдаты отправились снимать стресс в деревню. На их беду туда добрался какой-то офицер, который уже был болен. Он им и рассказал, что повсюду свирепствует болезнь, которая косит людей, как траву. Никакие лекарства не помогают, не помогают даже противогазы. Его, во всяком случае, противогаз от заражения не уберег. Еще он сказал, что за пару дней до взрывов всех оповестили, что против противника будет использована смертельная болезнь. И сказали, что болеть ею будут только индийцы, а китайцев она либо не затронет совсем, либо просто почувствуют небольшое недомогание. Таким больным предписывалось не выходить из палаток и ожидать помощи.

— Генетическое оружие? — спросил Алексей.

— По описанию похоже, — сказал профессор. — Чистое генетическое оружие пока научились создавать только для негроидной расы. Других оно никак не затрагивает, разве что полукровок. А вот такое же оружие для азиатов, в той или иной мере затронет и европейцев. Если это так, понятно, почему не озаботились вакцинацией. Изготовить нужное количество вакцины при их численности, да потом еще незаметно и быстро обработать сотни миллионов жителей... У индийцев там наверняка была своя агентура, так что узнали бы. Но тогда непонятно, почему вместо легкого недомогания все китайцы взяли и умерли. Одним из неперменных условий создания генетического оружия, является стабильность сконструированных микроорганизмов, а у китайцев были очень неплохие генетики. Не могли они так ошибиться. Я уже даже начал думать, одними ли атомными ударами они обменялись с индийцами? Может быть, и их противники вывели и применили такую же дрянь, но уже рассчитанную на китайцев? Если так, то мы рано успокоились. То, от чего погибли китайцы, нам угрозы не несет, а вот другая культура микроорганизмов может оказаться куда более стойкой и долгоживущей. Хотя лично я в это не верю. Никто не создает такие вещи, сами потом замучаются лечиться. Но проверить не помешает.

— И что было дальше с этим связистом?

— Офицеру стало хуже, и к ночи он умер, а к утру заболели все солдаты и часть

жителей. Связисту об этом сообщили по армейскому коммуникатору, который брали с собой. Он оказался сообразительным парнем и не стал ждать их возвращения. Собрал все продукты, которые были, и побежал в расположенную неподалеку пещеру отшельника. Там и просидел какое-то время, прежде чем выйти. Его искали по комму, но парень не отозвался. На следующий день умер один из солдат, второй после этого прожил еще три дня. Третий нашел в себе силы заложить камнями тела товарищей и ушел. Когда через месяц связист пришел на станцию, там никого не было, не было и продуктов. В деревне живых жителей тоже не осталось, а вот продукты были. Он собрал все, что смог найти, не побрезговал даже остатками замерзшей пищи, которую ели больные незадолго до смерти. Всем этим они питались вместе с отшельником, и никто не заболел. А потом, по его словам, отшельник заявил, что пришел конец миру, и он не видит смысла в жизни. После этого он отказался есть и скоро умер. Там неподалеку действительно была могила, в которой лежало тело буддийского монаха, убитого ударом кинжала в спину. Смерть «уставшего от жизни» отшельника позволила бывшему связисту растянуть продукты до нашего появления. Он ведь не стал прятаться и сдался сам. В пещере к тому времени не осталось ни капли еды, а все, что было в деревне горючего, он сжег. Из рассказа можно сделать кое-какие выводы. Во-первых, болезнь могла передаваться контактным путем. Но это и понятно: при ее заразности так и должно быть. Во-вторых, с момента заражения человек жил от одного до семи дней. Семь дней я беру по офицеру. Получается довольно большой разброс. Ну и, в-третьих, микробы умирают со смертью носителя и не образуют эндоспоры. Я убежден, что в Китае сейчас безопасно, а вот Индию надо посетить и проверить. В тех штатах, где есть высокогорья, должен лежать снег, значит, и часть тел сохранится. Если надо, я готов туда слетать.

— Спасибо, Эдуард Константинович, — поблагодарил Алексей. — После вашего рассказа необязательно читать доклад, но я прочитаю. И вашу готовность буду иметь в виду. Сейчас вряд ли, а через два-три месяца, возможно, такая экспедиция состоится.

Когда профессор простился и вышел, Алексей связался с секретарем.

— До совещания осталось десять минут. Еще никто не подошел?

— Только что вошел Александр Иванович, — доложил секретарь.

— Это кстати, скажи ему, чтобы заходил.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич! — поздоровался вошедший Брагин.

— Здравствуйте, Александр Иванович, — сказал Алексей. — Садитесь ближе. Пока никого нет, обсудим один вопрос. Мы уже приняли около семидесяти миллионов беженцев, пора закругляться. Сейчас их подходит немного, но я ожидаю примерно через полгода еще одну волну, а нам с вами она уже ненужна.

— У них закончится продовольствие?

— Конечно. Как ни уменьшай порции, все равно запасов на все время ни у кого не хватит, если не заниматься производством продовольствия. Они это не мы, и восемьдесят лет еду не запасали. От тех, кто к нам пришел, известно, что никто в больших объемах не производит БВК или что-то другое. Немцы и болгары не в счет, они к нам не побегут.

— И что будем делать? — помрачнел маршал. — Если попрут валом, нам их будет трудно остановить. Полтора года принимали людей, а сейчас в них стрелять? А как на такое отреагируют уже принятые? Ведь не скроешь!

— Без крайней необходимости ни в кого стрелять не будем! — сказал Алексей. — Мы даже прием пока не прекратим, тем более что идут уже мало. Но во всеуслышание объявим,

что больше никого брать не можем и не будем. А немцев попросим распустить слух о том, что мы минируем границы. Поставьте себя на их место. У нас прием беженцев идет только на польской границе, поэтому все идут через немецкие земли. Можно было бы пройти через Чехословакию, но они никого не пропускают и не стесняются применять силу. А если мы начнем всех беженцев заворачивать, куда они пойдут?

— В Польше им делать нечего, поэтому пойдут к немцам, — ответил Брагин. — А им такой радости тоже не нужно. Распустят они ваш слух — это без вариантов. Еще и сами начнут препятствовать.

— А нам надо будет все-таки усилить охрану границы. Мы не французы, чтобы отстреливать людей с вертолетов, но хоть часть завернем.

— А для них что так, что этак — одинаково! — высказался Брагин.

— Для них — может быть, а для нас? Кто только что плакался насчет стрельбы? Мало мы отказывали, выбрасывая людей на смерть по ту сторону границы? А ведь никого, насколько я знаю, не застрелили! Что же вы мне, Александр Иванович, нервы мотаете? Или думаете, что если я сто тридцать лет прожил, то мне уже по фиг чужое горе? Сами же знаете, что мы не можем взять их всех! В общем, продумывайте все, что можете предложить по своему министерству, я тоже подумаю и еще кое-кого озадачу, а потом соберемся и все обсудим.

— Алексей Николаевич, — связался секретарь. — Все собрались.

— Пусть заходят, — отозвался Алексей. — Еще одно, пока никто не зашел. Границу с финнами тоже нужно перекрыть. Мы им поставляем газ за так с условием, что их беженцев на нашей границе не будет, но когда припрет, наплюют на все договоренности. А их там больше шести миллионов человек. Все, закончили. Здравствуйте, товарищи! Рассаживайтесь и начнем. Извините за то, что немного задержал. У нас с вами сегодня на повестке дня не горящий, но важный вопрос. Атмосфера через пару месяцев почти очистится от пыли и мы сможем в полной мере использовать космические средства наблюдения за планетой. В связи с этим я предлагаю организовать комитет, который займется сбором информации об ущербе, нанесенном катастрофой природе и населению во всех значимых для нас участках суши. Одними спутниками они не обойдутся, поэтому уже запущена программа производства большого числа летательных средств дальней разведки. Мы с вами должны знать, что творится в мире, и отслеживать все самое важное. Я думаю, что в этот комитет нужно отобрать профессионалов разведки и ученых из Института стратегических исследований. Всех остальных, кто будет нужен, они уже сами включают в постоянный состав или привлекут на временной основе. Помимо общих задач, у них будут и приоритетные задания. Есть подозрение, что китайцы и индийцы погибли от разных микроорганизмов, и это нужно будет обязательно проверить. Академия Наук внесла интересное предложение. По прогнозам через пять лет в таких африканских странах, как Замбия, останется не больше десяти процентов населения. Государственность в таких условиях не сохранит никто, но тепла и света у них уже будет достаточно для выращивания овощей на грунте под пленочным укрытием. А еще через два-три года можно будет сеять зерновые без всяких пленок. У нас такие условия будут на десять лет позже.

— Они нам предлагают взять себе одну из африканских стран? — спросил министр иностранных дел.

— Правильно поняли, Алексей Павлович, — кивнул Алексей. — Без этого, конечно, можно обойтись, но если возьмемся, можем в изобилии обеспечить всех овощами. Кроме

того, поможем остаткам населения занятой страны наладить нормальную жизнь, да и нам продовольственные резервы не помешают. К этому времени уже можно будет использовать флот, а не все таскать «Ковчегами». К задачам нового комитета я бы еще отнес посылку нескольких экспедиций в Штаты. Там тоже нужно осмотреться, а заодно посмотреть, может быть, что-то нужно подкинуть кубинцам. Задача всем ясна? Персонально ответственность за создание нового комитета мы возложим на Василия Петровича. У него в КГБ кадры достаточно, но можно привлечь и армейцев. Только учтите, что создавать комитет будете вы, а подчиняться его руководство будет лично мне. Вопросов ко мне по этому делу нет? Тогда пойдем дальше. Как у нас дела с японцами, Игорь Юрьевич?

— Хорошо с ними обстоят дела, Алексей Николаевич, — ответил председатель Комитета по эмиграции Ханин. — Все бы так работали, мы бы горя не знали. Повезло в том, что у них оказались разрушены в основном верхние ярусы, где было очень мало людей, поэтому потери составили около восьмидесяти тысяч человек. Хотя докапывались до них долго. Этих перевезли в Хабаровск и в Спасск-Дальний, при этом наших каторжников оттуда пришлось убирать. На островах осталось всего двадцать тысяч японцев. Они готовят к отправке продовольствие и другие грузы, которые мы перебрасываем в занятые ими города. Во Владивостоке и Хабаровске налажено производство БВК, во всех трех городах уже действуют птицефабрики и теплицы. Немного продовольствия мы им подбросили. Это в основном мороженая рыба. Скота дали совсем чуть, пусть себе разводят на будущее. Фактически им теперь наша помощь не нужна.

— Ну и прекрасно, — сказал Алексей. — Сделали доброе дело и при этом почти не потратились. Всегда бы так. Теперь поговорим о наших эмигрантах. Какие сводки за последние дни?

— По обоим пунктам приема в сутки не больше тысячи человек, — ответил Ханин. — Отсеиваем примерно треть.

— Отправляйте-ка вы, Игорь Юрьевич, половину ваших сотрудников в отпуск, — сказал Алексей. — Нагрузка на пункты сейчас будет небольшая, а людям нужно отдохнуть от такой работы. Потом они вернутся, и отдохнут остальные. Я уже говорил Александру Ивановичу говорю и вам. С приемом беженцев будем закругляться. Возможности пока есть, хоть уже и не много, но слишком сильно разбавлять наш народ не стоит. Если будет возможность помочь кому-то еще, не принимая к себе, поможем, но без ущерба для себя. А теперь рассмотрим заявки министерств на производство новых видов техники.

— Спасибо за оборудование, — поблагодарила Лида. — Мы его пока используем только для изучения языка. Обучение ускоряется раза в три. Будет больше — попробуем и для других предметов.

— А как твоя реформа? — спросил Алексей. — Эмигранты не писают кипятком от счастья?

— Не знаю, я их об этом не спрашивала, — улыбнулась жена. — И о результатах судить еще рано. В школах обучать по-новому начнем с начала учебного года, а то у школьников в голове будет каша. Да и самим учителям нужно разобраться. Леш, в сегодняшнем выпуске новостей была информация по Африке. Говорили о том, что уцелело гораздо больше видов растительности и животных, даже крупных. Вы решили рассекретить часть информации Комитета?

— Нет смысла такое засекречивать, — ответил Алексей, — а людям позитивная

информация пойдет только на пользу. Боюсь только что до тепла крупные животные не дотянут, их всех съедят люди. Жителей хоть и мало осталось, но когда это в Черной Африке были запасы продовольствия? Их там, наоборот, вечно не хватало.

— А может, тогда занять одну небольшую страну и подкормить тех, кто остался? Глядишь, и животных спасем. Жалко!

— Я не понял, кого тебе жалко, животных или африканцев? — засмеялся муж. — Открою тебе государственную тайну. Есть планы занять то, что раньше было республикой Замбия. Населения до взрыва было восемнадцать миллионов, а сейчас, насколько могли оценить со спутников, всего тысяч восемьсот.

— А почему так мало-то? — удивилась Лида. — Там же не было сильных холодов.

— У них, малыш, шестьдесят процентов жителей были горожанами, а после катастрофы власть почти сразу же потеряла контроль над ситуацией. Все развалилось на глазах, а города вскоре стали непригодными для проживания. Городское население побежало в деревню, а деревенским оно надо, когда нечем кормить собственных детей? А у них еще население неоднородно в этническом отношении. Одним словом, крови пролилось много, да и соседи не остались в стороне. А среди них еще две трети были больны СПИДом. Лекарство от этой дряни стоит дорого, откуда у них такие деньги? Так что вымирали они быстро, там ведь и людоедство было сплошь и рядом.

— И все это вы узнали только сейчас с помощью спутников? — с сомнением спросила Лида. — Колись, скольких жителей этой несчастной страны вы к нам притащили?

— Комитет доставил только несколько человек, — пояснил Алексей. — Брать больше нет никакого смысла. Центральной власти по-прежнему не существует, так что договариваться не с кем, просто узнали, что у них творилось. Хотели их забрать себе через пять лет для нужд сельского хозяйства, а теперь думаем, что дальше ждать не стоит: через пять лет там почти никого не останется. Язык у них английский, так что договоримся без проблем. Всех вылечим, подкормим и сохраним таким образом флору и фауну. Их соседей придется малость припугнуть, а то они жрать любят не меньше замбийцев, а какие там сейчас границы!

— Только в Замбию летали или еще куда? — спросила Лида.

— Была экспедиция в Индию. Летали в штат Уттар-Прадеш к Гималаям. Там сохранилось достаточно тел для работы наших биологов.

— Ну и что замолчал? Мне из тебя слова клещами тянуть? Узнали то, что хотели?

— Узнать-то узнали, — вздохнул Алексей, — но ничего не поняли. И китайцы, и индийцы погибли из-за одной и той же болезни. Провели генный анализ бактерий, он идентичен. Похоже, кто-то пытался поставить запрет на три основные гаплогруппы китайцев, но не преуспел. Но тогда совершенно непонятно, почему пошли на такой самоубийственный шаг. Если хотели очистить Индию и избавиться заодно от своих лишних ртов, зачем эта затея с обменом атомными ударами? Ведь наверняка была вакцина, и были выделенные для выживания люди, которые погибли, попав под ядерный удар. Китайцы очень умны и свои действия обычно тщательно продумывают, стараясь учесть все последствия, а в этой их войне я ничего, кроме глупости, не вижу. И это настораживает. Конечно, они оказались в отчаянном положении, но это еще не повод для коллективного самоубийства.

— А наш покровитель не мог эти микробы подправить? — предположила Лида. — Я думаю, его главная цель не в том, чтобы сохранить как можно больше людей, а в том, чтобы

дать человечеству пинок для развития. А для этого его нужно в первую очередь объединить, ну и еще не потерять при этом духовность. Видно же, что то человечество, которое было до взрыва, объединиться не в состоянии.

— Не хочется мне все странности относить к действиям высших сил, — возразил Алексей. — Так можно вообще все объяснить божьей волей. Видно же, что он сам по какой-то причине ни во что не вмешивается, а действует только через людей.

— Ага, — согласилась Лида. — В твоём случае все сделал руками китайских генетиков. В нашей реальности, кстати, нормальных китайцев в Китае вообще не осталось. Не считать же нормальными тех мутантов, которые жрали каторжан. А об индусах мы вообще ничего не знали. Но если они сохранились, то совсем мало. Уж слишком много их было, да к тому же каждый третий из них — мусульманин. Без кровавой междоусобицы там не обошлось бы, а если правительству при этом не удалось сохранить контроль, то вообще тушите свет! Так что эти микробы немного поменяли, разве что нам не пришлось от своих границ миллионов сто китайских беженцев. С точки зрения любого человека — это мерзость, но он-то не человек! Не убедила? Ладно, рассказывай, куда еще наведывались.

— Пока больше никуда. Точнее, автоматы много куда посылаем, а люди полетят в Штаты. Ну и на Кубу завернут. Мы с ними обмениваемся сообщениями, но будет нелишним посмотреть самим.

— А что сейчас делать в Америке? — с недоумением спросила Лида. — Там все засыпано пеплом, а сверху еще снег.

— Не все там засыпано пеплом, — возразил Алексей. — На юге Техаса его почти не было, да и снега там немного. Там, кстати, и будем делать базу. Не сейчас, а года через три. Но, вообще-то, меня больше интересуют некоторые города. Тряхнуло их, конечно, хорошо и не один раз, но многое должно было уцелеть. Пепел мог разрушить только крыши и верхние этажи, а подземные должны сохраниться в неприкосновенности.

— Хотите пограбить?

— Грабят, когда у кого-то отнимают насильно. Мы приняли одиннадцать миллионов американцев, у большинства из которых с собой вообще ничего не было. Считай, что это их наследство.

— Что тебя интересует, золото?

— Зачем нам сейчас золото? — удивился Алексей. — Его, конечно, тоже как-нибудь заберем, и не столько вам на украшения, сколько для технических нужд. Но это не горит, пусть себе пока лежит там. Меня сейчас интересует другое, например, завод микроэлектроники в городе Чандлер штата Аризона. Информацию мы у них скачали, но сами долго провозимся. А если позаимствуем хотя бы часть оборудования, уменьшим время на производство новых процессоров в разы. А они у американцев лучше наших. Ну и еще кое-что в этом же духе.

— Через месяц уже вторая годовщина извержения, — грустно сказала Лида. — Небо еще сероватое, но солнце уже светит всюду. А все равно я прежней радости у людей не вижу. И вряд ли дело только в затянувшейся зиме. И наши такие же, хотя, в отличие от эмигрантов, не потеряли близких. На всем теперешнем поколении словно лежит печать Йеллоустона. Может быть, их дети это в себе изживут.

— Излишне драматизируешь, — не согласился муж. — Вернется тепло, и мы снимем все ограничения. Понемногу люди оттают. Хотя нам еще лет тридцать чистить мир и возродить его к жизни, так что, может быть, кое в чем ты и права.

— Леш, а беженцев больше точно не будет? Эта бойня, которую устроили немцы... Мы к ней не имеем отношения?

— Прямого — нет, — ответил Алексей. — Косвенно мы в ней виноваты, потому что прекратили прием беженцев и всем об этом заявили. Многие поверили и решили умирать дома, а тем, кто не поверил и наплевал на предупреждения, помогли умереть немцы.

— Восточные или западные?

— Там были солдаты западных, хотя вряд ли сами немцы сейчас придают значения идейным разногласиям. Их объединила общая беда. А стреляли потому что беженцы пошли в их города. Фактически они всю грязную работу выполнили за нас. Мы не можем строить стену на границе или ее минировать. И что остается? Стрелять? Вот тебе дали автомат и приказали стрелять в толпу людей, вся вина которых в том, что они хотят жизни для себя и своих детей. Стала бы ты это делать? А тебе сто тридцать лет, даже больше. А у нас в армии мальчишки. Мы ведь финскую границу перекрыли без помощи армии. Точнее, перекрываем сейчас. Граница тянется на тысячу триста километров, но тысячу можно сразу выкинуть. На север просто никто не попрется, особенно сейчас.

— Если не солдаты, то что?

— На расстоянии сто метров одна от другой устанавливаем стационарные лазерные установки. Наводятся и стреляют на движение взрослого человека. Ребенок пройдет, если будет идти один. Всех постоянно предупреждаем по радио и передали письменно в Хельсинки. Они пока соблюдают договор и к нам не идут, вот только надолго ли их хватит?

— Три тысячи установок! Когда закончите?

— Еще пара месяцев.

— Что-то мне расхотелось с тобой разговаривать, — встала с дивана Лида. — Когда-нибудь люди все равно обо всем узнают. Понять они смогут, простят ли?

— Мораль и действия правителя и обычного человека сильно отличаются! — сказал муж и тоже поднялся с дивана. — Разница в мере ответственности и цене ошибки. Они несоизмеримо разные, поэтому и руководствуемся мы совершенно разными мотивами. Мне не все равно, что обо мне скажут или подумают люди, и какая обо мне останется память. Но я просто не вижу, как можно спасти народ, который я считаю своим, не пожертвовав при этом чужими. И я на эту работу не рвался.

Он ушел к себе в кабинет, включил лампу на столе и сел в глубокое кожаное кресло. На душе было гадостно и тоскливо. Жена бы сейчас выплакалась, у него это не получалось. Его давил гнет ответственности, и сознание того, что он спас сотни миллионов жизней, не снимало вины за то, что приходилось делать сейчас. Рассудком он понимал, что прав, что ничем не обязан тем людям, которые проклинали его, падая от немецких пуль под Мюнхеном в красный от крови снег, но душу жег стыд. И он ненавидел того, кто дал ему долгую жизнь и заставил нести этот крест. Нельзя столько взваливать на одни плечи! Он пробовал молиться — это не помогло, проклинал — с тем же самым результатом. До сих пор жена поддерживала его во всем, сегодня он впервые почувствовал ее отчуждение. Она все прекрасно понимала, но это было рассудочное понимание, ее сердце такого не принимало. И от этого ему было еще больней. Он знал очень многих, которые выполнили бы его работу не хуже его самого, не испытывая при этом особых терзаний. Тогда почему он? Ладно, последуем совету древних и не станем терзаться там, где от этого никакого толку... По крайней мере попробуем. Он мысленно дал себе еще пятнадцать лет. Надо их как-нибудь вынести. А если его не освободят и после этого, он освободится сам.

— Третья воронка, — сказал Петр. — И полно бронетехники. Чья это, арабов или Израиля?

— Кажется, арабская, — остановил кадр Олег. — Притормози разведчика.

«Невидимка», летевший в двухстах метрах от земли, резко сбросил скорость. На большом панорамном экране проплывала покрытая снегом земля, на которой то здесь, то там виднелись воронки и сгоревшие танки и бронемашины. Повсюду, припорошенные снегом, лежали тела.

— Неплохо поработала авиация Израиля, — сказал Петр. — Уже двадцать километров одно и то же. Смотри, обломки самолета. Это точно израильский. Еще один. А здесь сразу два.

— Это их сняли электромагнитной пушкой. Видишь, лежит на боку? Небольшой шарик на трех километрах в секунду прощьет самолет насквозь, а когда их тысяча, хрен увернешься. Мама моя!

«Невидимка» перелетел гряды холмов, и их глазам открылась долина, забитая боевой техникой.

— Не меньше тысячи единиц, — оценил на глаз Петр. — А это уже израильские танки. Ствол у них гораздо длиннее. Сколько же здесь всего! Странно, многие машины не имеют заметных повреждений. У них же была защита от химии?

— Этот тип танка герметизирован, — ответил Олег. — Газы ему по фиг. Здесь было что-то другое. Слушай, а у арабов были нейтронные заряды? Что-то уровень радиации опять скакнул.

— Думаешь, взорвали над ними? Может быть, надо потом проанализировать характер излучения. А фон все время скачет. Израильцы взорвали три десятка бомб в Сирии и Египте, да и арабы постарались. Вряд ли Израиль бомбил себя сам ядерными зарядами. Сбрось еще скорость, сейчас будет столица. Вот она. С виду целая.

— Толку-то. Тел на улице мало, но они есть. Раз не убрали, значит, это некому было делать. Наверное, когда закончилось пища, просто остались в домах. Морем из-за припая не уплывешь, авиация вся погибла, да и куда лететь или плыть?

— Если не считать Ирана, весь регион вымер, — подвел итог Петр. — Давай покружим над городом, может быть, все-таки остались живые. А потом дай разведчику команду на возвращение.

Два «Ковчега» поднялись с аэродрома Гаваны и, набирая скорость, полетели в сторону Техаса. Один из них должен был забрать тела погибших американцев для захоронения у подножья Монумента Памяти. Девяностометровая, облицованная гранитом игла монумента уже была готова, а до второй годовщины извержения оставалось пять дней. Тела нужно было отобрать по возможности в разных штатах, поэтому экипажу предстояла нелегкая работа. У экипажа второго экранолета, на котором летел Джек Уолш, было другое задание. Нужно было посетить завод, производивший микропроцессоры, и оценить степень сохранности его оборудования. От Гаваны до нужного им Чандлера было четыре часа лета, болтать с десантниками было не о чем, а Виктор Сивцов, которого Джеду дали в напарники, уже спал в своем кресле. Посмотрев на русского инженера, Джек решил последовать его примеру. Их обоих разбудил один из десантников.

— Просыпайтесь, парни! — сказал он. — Минут через пять прибываем. Под нами уже

Аризона.

Драки не предвиделось, но десантники все равно забирались в свои чудовищные скафандры, делавшие их похожими на киборгов из американских фильмов. Джед выглянул в иллюминатор и увидел метрах в трехстах внизу проплывающую белую равнину. Быстро промелькнул засыпанный снегом городок, а через пару минут полета вдали показались небоскребы Чандлера. «Ковчег» подлетел к отдельно стоявшему зданию в тридцать этажей и стал опускаться. Воздух турбин сдул снег и поднял вверх тучу вулканической пыли. Когда «Ковчег» мягко осел на шасси, видимость снаружи была нулевая.

— Придется минут десять подождать, — сказал им майор, бывший старшим в десанте. — Пыли не очень много, и она быстро осядет, а до вечера еще далеко.

Десятью минутами ожидание не ограничились: пришлось подождать вдвое больше, после чего они, надев маски от пыли, вышли из «Ковчеха» следом за десантниками.

— Часть стекол вылетела, — сказал Виктор, показав на кучу битого стекла вокруг здания. — Наверное, разбились при землетрясении.

— Плевать, — ответил Джед. — Нужно нам оборудование на минусовых этажах. Там все должно сохраниться, разве что прорвало водопровод или замкнула проводка, пока еще было электричество. Фонарь взял? Ну и пойдем, парни в своих скафандрах, наверное, застрянут на лестнице. Да и кого здесь опасаться? В здании полно пыли, а на ней любой оставит следы. Вот и посмотрим.

Пыли действительно было много, но в вестибюле никто не наследил. Людей видели, но лежавших уже два года замерзшими у одной из наружных дверей. Лифты, понятное дело, не работали, поэтому инженеры нашли лестницу, и стали по ней спускаться, подсвечивая себе фонариками. Десантники за ними не пошли и остались наверху, слушая их разговоры. Пока связь не гасла. Минусовые этажи порадовали: все оборудование на пяти уровнях выглядело новым и неповрежденным. Был и большой склад уже готовой продукции.

— А вот это мы прихватим, — сказал Виктор, оглядывая большой штабель коробок с процессорами. — Только нужно вытряхнуть наших храбрых десантников из их скорлупы и пусть таскают. Мы вдвоем надорвем пуп.

— А тел здесь совсем нет, — заметил Джед. — Наверное, все выскочили после землетрясения наружу, там их и накрыло. Ладно, пошли быстрее. Нужно со всем управиться до вечера.

Десантники раздеваться не стали, поступили проще. Они, помогая друг другу, сняли со скафандров кучу вооружения, сразу став в два раза меньше. Но килограммов по двести каждый нес, как пушинку.

— Больше не можем, — отмахнулся один из них от Джеда. — Чтобы не перевернутся, вес нужно правильно распределять, а это долго, проще лишний раз сбегать.

За пять часов бесконечных хождений вверх-вниз очистили весь склад готовой продукции, заложив в «Ковчег» все свободное пространство. Оставили лишь узкие проходы. Командир экипажа с неодобрением смотрел на этот бардак и, как только закончили, сразу же взлетел.

— Готовьте карманы для премии, — сказал десанникам Виктор. — По моим прикидкам забрали не меньше двух миллионов процессоров. Руководство оценит.

— Толку от той премии! — проворчал Джед. — Она еще пятнадцать лет будет лежать на счете.

Ворчал он для порядка, на самом деле ему было приятно и из-за премии, и из-за того,

что просто пришли и забрали огромной ценности груз. Было в этом что-то волнующее. Наверное, подобные чувства испытывал один из его предков, который, по семейным приданиям, был пиратом, когда потрошил купеческие корабли.

В другие здания города никто не совался. Десантники немного прошли по одной из улиц и, встретив на перекрестке десяток сгоревших автомобилей и лежавшие повсюду тела, повернули обратно. Мертвый город давил на сознание, поэтому все были рады переключиться на переноску коробок. С еще большей радостью они улетели бы сразу после осмотра, но бросать находку не хотелось.

— Пепла сантиметров пять, — сказал Виктор Джеду. — И это в полутора тысячах километров от вулкана. А в пятистах километрах его уже с метр. Ученые по фото со спутника как-то умудрились оценить. Там все здания под его весом сложились, как карточные домики. Представляешь, что будет, когда потеплеет и пойдут дожди? Собрать бы эту пыль и сбросить ее обратно в Йеллстоун. Там сейчас озеро лавы в десяток квадратных километров. Сожрет и не подавится, только это сумасшедшая работа на десятки лет.

— Господин Горин, — обратился к директору зашедший в кабинет замбиец. — Опять приперлись соседи. Хотят с вами говорить.

— Хорошо, Мукула, — вздохнул, поднимаясь из-за стола Горин. — Хотят говорить, значит, поговорим. Поедешь со мной. Беги, скажи Давиду, чтобы подогнал машину.

Когда он вышел из правления, у крыльца уже стоял его «рено», за рулем которого сидел молодой замбиец из народности тонго. О том, что он тонго, Горин узнал от самого шофера, он в этих тонкостях не разбирался, хоть и жил здесь уже полгода.

— Опять на посиделки с ангольцами? — спросил подошедший Свен. — И опять без меня! Оторвут вам когда-нибудь голову, Василий, а все остальное съедят. Я еду с вами. Мукула, пересаживайся к Давиду.

Здоровенный швед уселся рядом с Гориным и расстегнул кобуру.

— Сделайте так же, — посоветовал он директору. — Никто вас не заставляет стрелять, но метатель будет под рукой, и собеседники не станут чересчур наглеть.

Их овощной совхоз находился в сотне километров от заброшенного сейчас Монгу, и до границы с Анголой было километров тридцать или сорок. Точно никто сказать не мог из-за отсутствия самой границы. До ангольцев ехали минут двадцать по недавно асфальтированной дороге, идущей мимо бесконечного ряда пленочных теплиц.

— Хоть нет этой пыли, — проворчал Свен. — Нужно быстрее асфальтировать дорогу к поселку и за теплицами. Сегодня опять пришлось гонять антилоп. Тянет их из заповедника Лиува к нашей капусте, как магнитом. Может быть, все-таки огородим совхоз, как думаете?

— Потом поговорим, — сказал Горин. — Приехали, вон они стоят.

Пришедших было шестеро: пять мужчин и одна молодая женщина. Это она по местным меркам была женщиной, для Василия Евгеньевича она была тринадцатилетним подростком. Но для африканки очень даже славная. Понятно, для чего привели — менять на овощи.

Вперед вышел самый здоровый из мужчин и что-то сказал. Лицо у него тоже было самое круглое.

— Это их вождь, — начал переводить Мукула. — Он мбунду, их язык похож на бемба, а английского он не знает, только португальский. Врет, наверное. Видно, что бывший военный и людоед. Вон морда какая круглая!

— Ты переводи то, что он говорит! — недовольно сказал Горин. — Твоим мнением я поинтересуюсь потом.

— Он пожелал мира вашему дому и просит их всех вместе с землей забрать к себе. Электричества нет, а без него машины не ездят, а дичь убежала далеко, да и патроны закончились. Осталось только есть людей, но они не хотят. Точно врет! И еще он говорит, что плохо, что у вас нет женщины. У мужчины без нее холодная постель и жестокое сердце. Эту девчонку они вам дарят просто так, но от капусты не откажутся. Говорит, что она не тронута мужчиной, и заразы в ней нет.

Вождь что-то сказал девчонке и толкнул ее к Горину. Та подбежала к машине и вцепилась директору в руку.

— Скажи, что капусту им сейчас привезут, — вздохнув, обратился Горин к своему переводчику: эта малышка за прошедший месяц была уже третьей.

Мукула перевел, а девица поняла, что ее не прогоняют, просияла и, открыв дверцу,

забралась Горину на колени. И не прогонишь: другого места в машине не было.

— Поехали! — приказал Горин шоферу. — А эти пусть ждут. Сейчас высадишь нас у дирекции, а девушку отвезешь ко мне домой к остальным. Мукула, скажи ей, что сейчас ее отвезут в мой дом, а позже осмотрит врач. И добавь, чтобы не ерзала у меня на коленях, соблазнительница хренова.

— Что будете делать со своим гаремом, Василий? — спросил Свен, когда они зашли в директорскую. — Это вы их считаете девочками, они сами думают иначе. Доиграетесь, что вас дружно изнасилуют. И с этими побирушками нужно что-то делать. У соседей, кстати, то же самое, и это только ближние. А когда узнают остальные, что здесь кормят?

— И что вы предлагаете, Свен? — спросил Горин. — Взять еще и этих, а потом следом за Анголой всю Африку?

— Зачем нам Сахара? — усмехнулся Свен. — Да и египтяне с арабами, как бы их мало ни осталось, тоже не нужны. А вот все южнее Сахары я бы забрал. Населения там с гулькин нос, а потенциал огромен. Свою государственность они сами сейчас создадут только через сотню лет, а пока будут жрать друг друга. Вы же не станете отрицать, что здесь все сильно отстали в развитии? Ни французы, ни англичане ими толком не занимались, а сейчас выбито почти все городское население, которое с натяжкой можно было отнести к цивилизованным людям. Если вылечим жалкие остатки населения, приставим их к делу и обеспечим нормальную жизнь, они нам с вами потом памятник поставят! Уже сколько поколений чернокожих жили в голоде и болезнях, они другой жизни и не знают. А люди, в общем-то, неплохие, если ими нормально управлять.

— Я это от вас, Свен, уже в десятый раз слышу! — отмахнулся Горин. — Бремя белого человека и все такое... Только это не нам с вами решать. И не говорите больше, пожалуйста, про гулькин нос! Где вы это только подцепили? Эту фразу уже и русские забыли, а вы с вашим акцентом... Честное слово, смешно.

— Мне нравится, — невозмутимо ответил Свен. — А вы можете смеяться. Смех — это хорошо. Вы же знаете, Василий, что я на вас не обижаюсь. А министру все-таки позвоните. Честное слово, это добром не кончится. Если за что-то берешься, нельзя останавливаться на полпути.

— Алексей Николаевич, — соединился секретарь. — Подошел Прохоров.

— Пусть заходит, — распорядился Самохин и ответил на приветствие вошедшего председателя агропромышленного комитета. — Здравствуйте, Ростислав Александрович! Как слетали? Как там Африка?

— Жаждет нам отдаться, — сказал Прохоров, садясь на предложенный стул. — Все директора в один голос твердят о наплыве населения из сопредельных стран. Наплыв, это они сильно преувеличили, но пришлые всем мешают, кроме тех, кто далеко от границ. С ними приходится делиться продовольствием и чем дальше, тем больше. Мое мнение, что нужно или как-то закрывать границу, или забирать себе все соседние государства. Местное население только «за», лишь бы помогли наладить нормальную жизнь. Я прикинул наши ресурсы...

— Продолжайте, Ростислав Александрович, — вздохнул Алексей. — Что замолчали? Все это было ожидаемо, правда, я думал, что случится годом позже. За пять лет после извержения все народы этого континента оказались отброшены в дикость и так сильно сократились в численности, что иные уже и народом не назовешь, разве что в Алжире

сохранилось подобие государства, и их там больше пяти миллионов. Но это север Африки, да еще ислам, так что мы туда соваться не будем. А вот соседей Замбии, пожалуй, заберем. Там восемь государств, в которых треть плодородных земель континента, а населения осталось всего пятнадцать миллионов. И половина его прячется и выйдет на нас еще нескоро, так что сильно напрягаться не придется. Пока не встал вопрос чистки части американской территории, у нас есть время и ресурсы, и мы все это используем. Все равно до собственных земель раньше чем через десять лет не доберемся даже по самому оптимистичному сценарию, а там можно будет даже под пленкой обеспечить едой и нас, и африканцев. А года через три—четыре избавимся и от пленки, тогда продовольствие вообще некуда будет девать. И мы этим воспользуемся. Вся Европа все равно не вымрет, и мы поможем тем, кто продержится самое трудное время. Это уже будет не слишком трудно и пойдет нам в актив. И мы этой помощи забыть не дадим, когда потребуется, отработают. Начинайте прорабатывать этот план с привлечением всех необходимых министерств, а я постараюсь тоже внести свою лепту. Других вопросов ко мне нет? Значит, когда будете готовы, приходите.

— Алексей Николаевич, к вам подошли товарищи из Третьего комитета, — сказал секретарь по комму. — Вы им назначали на четырнадцать.

Третий комитет при Совете министров занимался Северной Америкой.

— Пусть заходят, — ответил Самохин. — Мы с Прохоровым уже закончили.

Вошли трое мужчин, один из которых был председателем комитета. Все поздоровались и заняли места за столом.

— Охарактеризуйте вкратце состояние текущих дел, — попросил Алексей, — а потом расскажите, что придумали по очистке. Кто начнет?

— Давайте начну я, — сказал председатель. — Первым этапом у нас было создание баз в штатах Калифорния, Техас, Джорджия и Пенсильвания. Все это успешно выполнено. Под базы использовались готовые строения, их только очистили от пепла и отремонтировали. Поблизости от каждой из баз мы запустили по одному реактору. Они питают только базы, зарядные терминалы для «Ковчегов» и оборудование бригад, которые сейчас чистят прилегающую к базам территорию. На базы уже переброшены десантники и тяжелая техника. В планах был ремонт ограждений границы с Мексикой, но мы считаем, что этим заниматься не стоит. Все уцелевшие мексиканцы, по данным Первого комитета, собрались в четырех южных штатах и от границы с Северной Америкой стараются держаться подальше. Центральной власти давно нет, ее заменили несколько враждующих между собой мафиозных кланов. Ну и города Мерида, Вильяэрмоса и Тустла сохранили видимость жизни и независимости. Из ста двадцати трех миллионов человек осталось около двадцати. По оценке экспертов к теплу эта численность уменьшится вдвое. Поэтому население Мексики совершенно ничем не помешает, а если какой-то из кланов заинтересуется нашим присутствием, с ним можно не церемониться. Мексиканская граница точно так же, как и морские границы Штатов, постоянно контролируется спутниками. Теперь по нашим собирателям. Перед нами поставлены две задачи. Первая из них — это очистить территорию США от всего оружия массового уничтожения и демонтировать химические и биологические лаборатории, в которых велись работы по военной тематике. Срок окончания — конец пятидесятого года. Работы только начались, и в некоторых местах сильно мешает толстый слой пепла, но времени еще много, и никаких причин сорвать сроки я не вижу. Вторая задача не менее масштабная и по срокам совпадает с первой. Нам нужно

демонтировать и вывезти к себе уникальное технологическое оборудование примерно с пятисот предприятий, а также запасы драгоценных металлов и стратегического сырья. Эта работа успешно ведется уже третий год. Большие сложности возникают только там, где лежит толстый слой пепла. Мало того, что он сам по себе препятствует работам, из-за него почти полностью разрушены все строения, которые образуют сплошные завалы. Но сил и средств привлечено много, опыт этих работ уже тоже немаленький, поэтому и здесь должны все закончить вовремя. У меня все, а по очистке доложит наш главный специалист Дробышев. Пожалуйста, Федор Борисович.

— Со сбором пыли, Алексей Николаевич, ничего не получается, — начал Дробышев. — Ее оценочная масса на территории Соединенных Штатов приближается к триллиону тонн. Создавать летающие пылесосы на базе «Ковчегов» можно, но потребуется пара тысяч машин и пятьдесят лет непрерывной работы. И технически невозможно собирать такие объемы пыли, не захватывая поверхностный слой почвы. Поэтому уборка пыли будет производиться только там, где она мешает и лежит слоем в несколько сантиметров. Это побережье Калифорнии, южная часть штата Техас, Луизиана, Миссисипи, Алабама, Джорджия, Орландо, Флорида и Майами. Ну и все Восточное побережье США с удалением от береговой черты на расстояние от ста до трехсот километров. Территория шести штатов полностью или частично залита лавой, а толщина выпавшего пепла местами превышает два метра. С потеплением дожди будут постепенно смывать часть пепла в водоемы. Процесс очищения займет пару сотен лет, причем весь пепел все равно не смоет. Частичная очистка, которую мы запланировали, позволит проживать на очищенных территориях и вести на них хозяйственную деятельность. Только первые десять лет все равно нужно будет носить маски. Мы сейчас при проведении всех работ попутно занимаемся захоронением тел. Везде, где получится, до тепла эту работу закончим. Там, где лежит толстый слой пепла, тела извлекать не станем, без его уборки это нереально сложная задача.

— Я думаю, что и озвученный вами объем работ слишком велик, — сказал Алексей. — Вбухаем сумасшедший труд, а полноценно пользоваться землей все равно не сможем. А у нас ее свободной на пару сотен лет вперед. Очистим сначала только южные штаты, а Восточное побережье трогать не станем. Природа напакостила, пусть теперь сама поработает над очисткой, а у нас с вами и других дел полно. Когда будет готова конструкция очистителя?

— Месяца через три, раньше не успеем, — ответил Дробышев. — По расчетам нам их нужно сотню штук.

— Лет за десять сделаем, — сказал Алексей, — Так что до тепла они у вас будут. А вас жду с подробным проектом. Сколько нужно времени? Месяц? Вот через месяц и приходите.

После ухода комитетчиков он некоторое время о чем-то думал, а потом набрал на коммуникаторе код. Ждать ответа пришлось минут пять. На экране появилось изображение мужчины лет шестидесяти с почти седыми волосами и густыми, кустистыми бровями. При виде Алексея он изумленно застыл.

— Здравствуйте, ваше превосходительство! — поздоровался Самохин. — Право, не стоит так сильно удивляться моему звонку. Просто возникла возможность вам помочь.

— А раньше она у вас возникнуть не могла? — спросил собеседник.

Наверняка в вопросе была горечь, которая исчезла при переводе.

— Значит, не могла, — ответил Алексей. — Я все-таки не Господь Бог, с которым меня иногда путают. Когда я вам все расскажу, сами поймете. Но сначала два вопроса. Сколько

вас осталось и насколько вы контролируете ситуацию?

— Три миллиона с небольшим, — ответил президент Португалии. — Пока еще есть нефть и газ, постараюсь сохранить тех, кто остался. Сидим только на тех продуктах, которые производим сами, все запасы съели два года назад. Думаю, что еще пару лет продержимся.

— Я вам могу предложить кое-что получше, — сказал Алексей. — Мы немного прибарахлились и забрали себе часть Африки. У нас настоящее тепло будет только лет через пятнадцать. У вас, пожалуй, немного быстрее, но вы все равно до него не дотянете. Раньше закончатся нефть и газ. Нефти мы бы вам подбросили, но остается вопрос ее транспортировки, а вот газ уже никак, а вашего единственного реактора не хватит. А вот в Африке потеплеет гораздо раньше. Мы уже год выращиваем в Замбии под пленкой сотни тысяч тонн овощей, и их производство постоянно увеличивается.

— И вы хотите предложить нам в этом поучаствовать?

— Лучше, сеньор Барбоза. Я хочу вам отдать в аренду Мозамбик. Мы бы могли всем заняться сами, но очень много более важных дел, и нет надобности в таком количестве продовольствия. Да и с языком у вас, в отличие от нас, проблем не будет. Слушайте, что я вам предлагаю конкретно. Мозамбийцев осталось меньше миллиона, и они небольшими племенами рассеяны по всей стране или перешли к соседям. Кто сейчас соблюдает границы! Вам будет нужно их собрать и пристроить к делу. При этом никакого принуждения быть не должно. Да вам оно и не потребуется, достаточно будет предложить им продовольствие.

— И где я вам его возьму? — спросил президент. — Отниму у своих? Или вы дадите?

— Дам, — кивнул Алексей. — До первого урожая для ваших людей и мозамбийцев еда у вас будет. Дадим пленку, каркасы и семена и поделимся опытом. Я выделяю вам два десятка экранолетов, каждый из которых возьмет на борт две тысячи человек или пятьсот тонн груза. Со сменными экипажами они смогут летать непрерывно, а зарядку накопителей мы обеспечим, пока вы не запустите электростанции в городах. Дадим и немного техники, но больше ориентируйтесь на ручной труд. Вы вполне сможете перебросить туда миллион своих соотечественников и помогать остальным продовольствием. Но есть и условия. Там сохранилось мало животных, поэтому пока постарайтесь обойтись без мяса. У вас будет обширное побережье и должны сохраниться суда, вот и попробуйте ловить рыбу. Второе условие касается темнокожих. Никакого насилия и притеснений. Они работают, вы их кормите и помогаете с жильем. И одновременно с этим займитесь их оздоровлением. Мы все это проверим. Если что-то не получится сделать самим, обращайтесь к нам. Мозамбик отдаем вам не насовсем, а на тридцать лет. Детей у них сейчас практически нет, но если будут жить нормальной жизнью, будут и дети. Тогда поговорим о том, как их учить.

— Можете сказать, зачем они вам нужны? — спросил президент. — В такое время возиться с черными!

— То, что мы берем под свою руку их земли, еще не означает, что мы не признаем прав населяющих их народов, — сказал Алексей, глядя президенту в глаза. — После всего останется не так уж много людей. Всю человеческую историю разные народы дрались за право распоряжаться этой планетой. Так получилось, что вскоре без всяких драк это право окажется у нас. И я не хочу быть тем, кто начнет решать, кто лучше, а кто хуже, кому жить, а кто этого недостоин. Помочь, направлять и контролировать, создавая единое человечество — это я понять могу, но править всеми народами для пользы своего собственного... Для этого я бы не стал тратить сто лет своей жизни.

— Он выбрал достойного! — сказал президент. — Я со всем согласен. Когда мы

сможем начать?

— Можете считать, что мы договорились, — сказал Алексей. — Готовьте первую партию примерно в двадцать тысяч человек. Хорошо, если среди них будут агрономы. Обязательно пошлите несколько сотен солдат. Пусть будут вооружены, но оружие используют только в самом крайнем случае. Нам нужно несколько дней, чтобы забросить туда для вас все необходимое на первое время. Потом мы с вами созвонимся. Завтра утром в Лиссабон вылетит «Ковчег» за группой ваших специалистов. Подберите сотню толковых администраторов, и мы им покажем, как налажено дело в Замбии.

— Вы только к нам обратились? — спросил президент.

— Мы к вам первому обратились, — ответил Алексей. — Попробуем такой же вариант с Бельгией. В Конго французский язык, им подойдет. И, по-моему, они, как и вы, еще держатся.

— Что это ты сегодня такой веселый? — спросила вечером Лида. — Сделал доброе дело?

— Ты даже не представляешь, как угадала! — засмеялся муж. — Отдал в аренду европейцам пару не принадлежащих нам африканских стран. И африканцам хорошо, и европейцам здорово. А мы их таким образом закрепили за собой де-факто и получим назад через тридцать лет уже обустроенными. Да и португальцы с бельгийцами теперь никуда от нас не денутся. Менталитет такой у европейцев — смотреть в рот самому сильному, а нам они еще теперь обязаны жизнью.

— Специально подобрал самых слабых? — спросила Лида. — Немцам, наверное, земли не предложил?

— Правильно понимаешь, — кивнул Алексей. — Так усиливать немцев мы не будем.

— Леш, — Лида подошла к мужу, села рядом и обняла. — Ты в последнее время ничего не почувствовал?

— А что я должен был почувствовать? — спросил он, удивленный и этим вопросом, и ее нежностью.

— Не знаю, как тебе объяснить, но сегодня днем я почему-то твердо уверилась в том, что наконец смогу стать матерью. Это точно была не моя мысль, я сама уже, наверное, этого и не хочу. Я ведь, в сущности, старуха. Странно, что он тебе ничего не сообщил.

— Ну что же, — задумчиво сказал Алексей. — Это не может не радовать. Во-первых, это признание того, что мы свое дело сделали, что все уже утряслось, и это необратимо. Во-вторых, как мне кажется, это конец нашей противоестественной молодости. Теперь мы с тобой должны повзрослеть, состариться и помереть, как все нормальные люди. Ну и дети... Из твоих слов я не понял, хочешь ты их или нет? У нас ведь в любом случае впереди еще лет семьдесят жизни. Доведем всех до тепла и отдадим власть в достойные руки. И что дальше? Дело-то мы себе найдем, но жить опять только вдвоем? Может быть, все-таки найдем в себе силы? Отправлю тебя в декрет, бросишь, к черту, работу...

— Звучит соблазнительно, — засмеялась она. — Не насчет декрета, насчет работы. Как я от всего устала!

— Нельзя устать от того, с чем ты еще не имела дела, — возразил он. — Это я о детях, если ты не поняла. Кто-то мне не так давно рассказывал про сюсюканье и зависть. Врала?

— Ладно, — поднялась она с дивана. — Убедил. Пойдем в спальню. У меня такое чувство, что долго тебе трудиться не придется.

— Э-э-э нет! — Алексей поднялся и подхватил жену на руки. — Дети должны делаться

не в трудах, а в любви! Когда я тебя любил последний раз?

— Я уже не помню, — засмеялась Лида. — Когда-то давно!

— Значит, скопил немало сил! Сейчас буду исправляться, а если перестараюсь, освобожу тебя завтра от работы!

— Сколько вы планируете запусков? — спросил председатель Первого комитета начальника австралийского сектора.

— Да хотя бы пока один, Борис Игнатьевич, — ответил Бармин. — Задача слежения за Австралией входит в число приоритетных, а у нас над ней не летает ничего серьезного. Нам нужны не наскоки «Невидимок», которые все-таки поддаются обнаружению, а несколько спутников с качественной оптикой. Если применим «Гамму», их можно развесить за один полет. А несколько «Гамм» остались со времен еще до извержения. И спутники есть, нужно только прогнать им полную проверку, ну и, может быть, кое-что заменить.

— А космодром?

— Все равно им будут заниматься, почему не сейчас? Выйдите в правительство, Борис Игнатьевич! Эти работы забиты в планах на следующий год. Может быть, изыщут возможности перенести сроки? Австралийцы начали противодействовать нашим разведывательным операциям, и это явно не просто так. А у них там в составе Шестого флота много всякой гадости. Или дешевле опять сажать на боевое дежурство уйму народа?

— Ладно, попробую, — согласился Катаев. — Заодно поговорю с адмиралом Васильевым по поводу вашей операции «Изъятие». Какой умник придумал название? Беляков? Скажи, что из-за своего юмора останется без месячной премии. Что скалишься? Вот как работать, когда не можешь толком наказать подчиненных? Ладно, иди, я потом сообщу о результатах.

— Сергей Владимирович, ко мне должны прийти маршал Брагин и адмирал Васильев. — передал Алексей по комму секретарю. — Как появятся, пусть сразу же заходят.

Через полчаса министр Вооруженных Сил и главком ВМФ уже сидели в его кабинете и пили чай, который принесли из Секретариата.

— Вас можно поздравить? — спросил Алексея Брагин. — Я в новостях не слышал, но с беременности Лидии Владимировны говорят все.

— Зачем нужны информационные системы, когда и без них все слухи моментально разносятся? — улыбнулся тот. — Ладно, поздравление я принял. Теперь говорите, с чем пришли.

— Умники из Первого комитета предложили, как избавить австралийцев от попавшего в их руки оружия, а меня от головной боли, — улыбнулся маршал. — У нас из-за него по-прежнему не законсервирована треть сил стратегической обороны. Я оставлю вам модуль памяти с записью их наработок по операции «Изъятие».

— Ну и название, — хмыкнул Алексей. — Их или ваше?

— Их, конечно, — засмеялся Брагин. — Военные все поголовно романтики. У нас даже половина оружейных систем носит названия лютиков-цветочков. До такого голого цинизма мы не опускаемся. По моему мнению, операция осуществима, хотя и потребует много сил и средств. В первую очередь нужно повесить над Австралией три-четыре спутника с телескопами, чтобы взять ее под плотный контроль. Нашим воздушным средствам разведки они препятствуют, да и нельзя их использовать для флота — привлечем внимание.

— Что, сбивают «Невидимки»? — нахмурился Алексей.

— Нет, настолько не наглеют, — ответил Брагин. — Используют противодействие, создавая мощный уровень радиопомех. Ни управлять «Невидимками», ни передать с них информацию не удастся. Можно, конечно, использовать киберпилотов и выполнять полет по программе, но это резко снижает наши возможности и замедляет получение информации. И ничего не скажешь: это их право.

— Насчет спутников не возражаю, — сказал Алексей. — Все равно хотели заняться космосом, так что просто начнем раньше и заодно приведем в порядок космодром. А что предлагают по флоту?

— Скрытый поход наших атомных многоцелевых подлодок в порт Сиднея, — ответил Васильев. — Атомное и химическое оружие есть на борту двадцати трех кораблей и пяти подводных лодок. По крайней мере, оно там было, но наши специалисты считают, что стратегические носители никто не демонтировал и на берег не сгружал. Это достаточно сложно сделать для большинства систем, а тактическое оружие частично могли и снять. Предлагается первым этапом минирование боевых кораблей как Шестого флота, так и военного флота Великобритании. Потом высаживаем на них свои десанты и обезвреживаем охрану. Раньше она была очень немногочисленная, вряд ли с этим что-либо изменилось. Спутники покажут точно. Ну а дальше просто выводим из строя всю электронику и демонтируем боеголовки. Для того чтобы это сделать быстро и качественно, потребуется десяток подлодок. Возьмем с собой англичан и американцев, которые служили на кораблях. Если что-то не удастся выполнить, корабль потом топим. Если все выполним тихо, снимаем минирование и уходим. Нагло, но если все хорошо подготовить, должны выполнить чисто. На всякий случай прикроем операцию из космоса орбитальными лазерами. Надо будет их подтянуть в нужный район. Австралийцы нарушили договор с правительством Великобритании, а со Штатами вообще никаких договоров по флоту не было, поэтому эти боевые корабли Австралии не принадлежат. Если бы они не вмерзли в припай и не минирование портов, которое провели австралийцы, их бы можно было просто угнать, по крайней мере самые крупные.

— Если устраним угрозу, сможем как минимум на тридцать лет законсервировать почти все оборонительные системы, — добавил Брагин, — да и вообще, сильно сократить все мое хозяйство. А это тоже резервы и немаленькие.

— Начинайте детальную проработку операции, — решил Алексей. — Только это циничное название поменяйте на что-нибудь другое. Еще не все цветочки использовали?

— Говорит флагман, — сказал адмирал Таганцев. — Первая линия, доложите обстановку.

— Флагман, говорит Первый. Нахожусь в акватории порта. Никаких мин не обнаружил.

— Говорит второй. Товарищ адмирал, мины, наверное, выдуманы австралийцами. Везде в зоне действия аппаратуры чисто. Прибыл в расчетную точку.

— Говорит третий. У нас мин тоже нет. К операции готовы.

— Первому, второму и третьему выпускать десант, — отдал приказ Таганцев. — Седьмому буксировать платформу, остальные остаются на своих местах. Первый, какая толщина льда у кораблей?

— Около полуметра, — ответил капитан подлодки, которому в операции присвоили первый номер. — «Манты» своими лазерами прорежут. Выпускаем десант.

На нижние десантные палубы трех уже находившихся в порту подводных лодок забежали десантники, одетые в гидроскафандры с электроподогревом. Они по двое забирались в десантные модули «Мант» и переходили на автономное дыхание. Каждая лодка несла десять таких модулей. Когда все передали сигнал готовности, палубы начали быстро заполняться водой. Разошлись створки обшивки, и три десятка плоских аппаратов, похожих на гигантских скатов, быстро поплыли по пеленгу каждый к своей цели. Дальше все было очень просто. Приблизившись к нужному кораблю, «Манта» принимала почти вертикальное положение, и носовым инфракрасным лазером вырезала во льду круг диаметром три метра. После этого один из десантников покидал модуль и вручную крепил к вырезанной льдине трос. Сдав назад, «Манта» уводила вырезанный кругляш за собой и оставляла его подо льдом. Через десять минут после начала операции в темноте ночи возле выбранных кораблей застыли в готовности шестьдесят десантников. По команде они подбежали к кораблям и, как тараканы, полезли по бортам наверх, не производя при этом никакого шума. Специальные накладки из губчатой резины с электромагнитами, закрепленные на руках и ногах, позволяли быстро перемещаться по стальной обшивке, поочередно подключая нужные магниты к накопителю на поясе. Очувтившись на палубе, они избавились от магнитов и взяли в руки излучатели. Короткий импульс радиоизлучения блокировал у незащищенного человека нормальную передачу сигналов в нервной ткани и ненадолго приводил его в коматозное состояние. Более длительное воздействие убивало. Один из десантников работал излучателем, другой страховал его с автоматом бесшумной стрельбы. Для ориентировки использовали инфракрасное оборудование, подсвечивая себе фонарями. Как показало спутниковое наблюдение, охрана была немногочисленная и велась по большей части формально. Лишь на авианосце пришлось немного напрячься. Через полчаса по сигналу подлодки высадили на лед полторы сотни технических специалистов, служивших раньше на захваченных кораблях. Электронное оборудование уничтожили быстро, с оружием провозились гораздо дольше. Тактические носители спускали на лед и опускали в проделанные проруби, а под водой их цепляли тросами «Манты» и буксировали к огромной подводной платформе, на которой они и крепились. Со стратегических носителей снимали боеголовки, после чего их точно так же отправляли под воду. Напоследок вывели из строя все «Грифы», находившиеся в ангарах второй палубы авианосца. Эвакуация прошла спокойно, а самыми последними ушли боевые пловцы из флагманской лодки. Они после начала операции поставили на днища всех нужных кораблей магнитные мины. Уходя, их сняли. Тяжело груженная платформа вытравила часть воды из цистерн и всплыла над дном, после чего седьмая подлодка потянула ее на буксире к выходу из порта. Пять подводных лодок из десяти так и не приняли участия в операции.

Через девять часов в пять утра по Москве Алексея разбудил сигнал вызова. Набросив халат и чертыхаясь про себя по поводу того, что не заблокировал связь, он подошел к столу и ответил на вызов.

— И как это понимать? — не здороваясь, спросил Джек Кендал.

— Это вы о чем? — сказал Алексей. — Об оружии? Не могли позвонить чуть позже.

— Вы нарушили свое слово! — зло сказал премьер-министр. — Ночью, по-воровски...

— Послушайте, Кендал! — перебил его Алексей. — Помните наш разговор? Если нет, я могу включить запись. Вам отдали корабли, об оружии речи не было. Вы послали премьера Великобритании с его договором, поэтому вообще никакого права на их флот не имеете. То же и с американцами. Я вам отдал корабли, поэтому мы их не тронули, но вот всю дрянь с

них сняли. А действовали ночью исключительно для общего спокойствия. Не могли мы вам оставлять то оружие, оно вам совершенно не нужно. С кем вы собрались воевать, с нами?

— Почему именно с вами?

— Так больше просто не с кем, — доверительно сказал Алексей. — Через двадцать лет в нашем государстве будет пятьсот миллионов человек. Хорошо если всех остальных наберется еще на триста. И большинство, скорее всего, придут к нам. Те же немцы, например. Европа фактически наша, Северную Америку мы заняли, почти всю Африку — тоже. И Азия наша, за исключением той ее части, где еще долго нельзя будет жить. И кто остается? Иран и вы. И вы нам не противники. Фактически, Кендал, все человечество это и есть мы! Мы будем терпеливо работать с теми, кто выжил, помогая и приглашая присоединиться к нам. И большинство присоединится, потому что малые группы людей не смогут нормально существовать и скатятся в дикость. Многие уже скатились. Вы, конечно, если есть желание, можете остаться на своем континенте в изоляции. Мы не собираемся вас трогать и куда-то тащить насильно. Но, если захотите жить вместе со всеми, присоединитесь и вы. Вам это оружие — только головная боль, а мы из-за него подозревали бы вас черт-те в чем и держали бы наготове силы противоракетной обороны и ответного удара. Оно вам нужно?

— А зачем оно вам? — спросил Джек Кендал. — Сказали бы, мы бы его сами уничтожили.

— Нам оно тоже ни к чему, — согласился Алексей, — поэтому все демонтируем. Уран и плутоний пригодятся, а остальное утилизируем. Это, кстати, не такое простое дело. Открою вам секрет: Мы и две трети своего ядерного оружия разбираем, и все то, которое было в Америке.

— А остальное?

— Про астероидную опасность, надеюсь, слышали? — спросил Алексей. — Нам этого проклятого вулкана хватило, чтобы понять, насколько уязвима жизнь на планете. Не хватало еще испытать такое же из-за какого-нибудь булыжника. В ближайшие двадцать лет такой опасности нет, но мы будем готовиться. Если захотите присоединиться, то вместе с вами. Но пока это преждевременный разговор. Мы уже фактически выжили, вам это еще только предстоит.

Коммуникатор подал сигнал вызова, когда Самохины уже собрались спать. Алексей не понял по коду, кто вызывает, и ограничился бывшим на нем халатом. На появившемся на экране бородатом мужчине было тоже нечто вроде халата, только вместе с чалмой.

— Я счастлив приветствовать того, кого Аллах избрал своим мечом! — поклонился он Алексею. — Вам не надо ничего настраивать, мой комм переводит с русского. Простите, что я беспокою так поздно, но хотелось поговорить с вами в домашней обстановке. Позвольте представиться, я президент Исламской Республики Иран Юсеф Лахути.

— Неожиданный звонок, — сказал Алексей, с интересом рассматривая иранца, которому вряд ли было больше сорока лет. — А что случилось с вашим предшественником на этом посту?

— Тяжелые времена и больное сердце, — скорбно наклонил голову Юсеф. — Все мы в руках Аллаха!

— И сколько народа осталось в вашем благословенном государстве? — спросил Алексей. — Из тех, кого не прибрал Аллах? Мы с вами неоднократно пытались связаться по всем каналам, но безрезультатно. Со спутников определили, что вы сохранили государственность и довольно много населения.

— У нас сохранилось пятьдесят пять миллионов жителей, — ответил Юсеф. — Нам повезло, в отличие от соседей!

— Вы очень везучи, уважаемый, — сказал Алексей. — И чем же объясняется такое везение, помимо вашего благочестия? Мы очень долго готовились, поэтому сохранили все свое население и помогли многим другим. У вас наших возможностей не было. Реакторы — ладно, вы при таком количестве газа вполне обошлись бы тепловыми станциями, но продовольствие?

— Нам действительно повезло! — прижал руки к груди Юсеф. — Вечная нехватка питания вынудила наших ученых искать новые пути. У нас до сих пор много нефти...

— БВК используют многие, но только как корм животным и птицам. Неужели вы кормили им людей?

— Мы научились делать глубокую очистку, насыщать его всем необходимым для жизни и придавать самый разный вкус. Это уже не корм для скота, а искусственная пища. Но скот мы им тоже кормили, а в теплицах выращивается много зелени. Без нее умирает много детей.

— Я думал об этом пути, — сказал Алексей, — но решил от него отказаться. Натуральные продукты полезнее, даже консервированные. Но у вас не было выбора. Ну что же, ваше достижение достойно уважения. Остается один вопрос, почему из всех государств у Персидского залива выжили одни вы? Только не надо мне говорить о войне с Израилем и атомных бомбардировках. Основная масса населения умерла от голода, и никто не производил БВК даже на корм скоту. Были основания скрывать свои достижения от соседей?

— Я на своем посту не так давно... Прежнее руководство...

— Позвонили вы, а не я, — прервал его Алексей. — Я ведь могу и выключить комм.

— Вы прекрасно знаете, какие у нас были отношения с соседями! — нервно сказал Юсеф. — За тридцать лет пять войн! Только безумец помогает врагам!

— Я вас не обвиняю, — пожал плечами Алексей. — Просто хочу открытого и

правдивого разговора, а сейчас гадаю, что же такого случилось, если вы сами захотели поговорить. Разобрались в том, кто новый хозяин мира? У вас же запущен десяток спутников?

— Работает только половина, но и этого хватило, чтобы оценить, что из всех великих держав уцелели одни вы.

— Мы не только уцелели, уважаемый Юсеф, — усмехнулся Алексей. — Мы приняли семьдесят миллионов довольно полезных беженцев, забрали себе территорию бывших США и значительную часть Африки. Кроме того, мы помогали выжить населению восьми стран. Когда через тридцать лет можно будет без риска забрать Китай, мы его заберем. Возможно, оставим себе и Индию.

— А Пакистан? — спросил Юсеф. — Как вы посмотрите на то, что его займем мы?

— Я не против, — ответил Алексей. — Есть только одно условие. Ваша республика должна стать светским государством.

— Но какое это имеет значение?

— Для меня — большое! — отрезал Алексей. — Мы не будем иметь никаких отношений с теократией, тем более исламской! И вашего усиления не допустим. Можете забрать пески и нефть своих соседей, но в Пакистан вам ходу не будет, в Африку — тоже.

— И это говорит тот, кого выбрал Он! — воскликнул Юсеф. — Как вы можете?

— Послушайте меня хорошенько! — сказал Алексей. — Я не просил меня выбирать и взваливать на плечи ответственности за человечество, но раз уж так получилось, постараюсь сделать все, чтобы люди меньше собачились по национальным или религиозным соображениям. А вы в этом будете мешать! Я терпимо отношусь к любой вере, в том числе и к исламу. В нашей стране около тридцати миллионов его последователей. Но между ними и вами лежит пропасть. Для большинства наших верующих есть жизнь и есть ислам, а для вас есть ислам и все остальное. Они верят, но не лезут со своей верой к другим и не считают человека неполноценным только потому, что он верит в другого бога, или не верит вовсе. А для вас есть правоверные и все прочие, которые... Впрочем, что я вам объясняю очевидные вещи! У вас вся жизнь пронизана религией, она ею регулируется на каждом шагу, а отношения к чужакам немногим лучше, чем к собакам. Когда-то, еще до крестовых походов, ваши предки были гораздо терпимее к иноверцам, сейчас этого терпения нет и в помине. Вы для нас неприятные соседи, Юсеф! К вам никто не будет лезть, но ваше распространение постараются ограничить. Сможете измениться и научиться уважать чужую веру и чужие обычаи, изменится отношение и к вам. Вы собачились со своими соседями и не стали им помогать. Теперь у вас одни соседи — это мы. Противниками вы для нас не будете уже никогда, а станете ли друзьями, будет зависеть только от вас самих. Я вижу, что вы пока к этому разговору не готовы. Подумайте, посоветуйтесь с руководством и вашими духовными лидерами. Мир неузнаваемо изменился, и чтобы в нем преуспеть, недостаточно научиться есть нефть. Если хотите, чтобы учитывали ваши интересы и уважали вас самих, научитесь делать то же самое по отношению к другим. Захотите поговорить, звоните. Только выбирайте для звонков не такое позднее время. Прощайте!

Он выключил коммуникатор, сбросил халат и пошел в спальню.

— Что случилось, что тебе трезвонят на ночь глядя? — спросила Лида.

— Новому президенту Ирана захотелось пообщаться, — объяснил он. — Давай сюда живот, послушаю, как толкается сын.

На днях жена была в поликлинике, где определили, что у нее мальчик.

— Он сейчас спит, — сказала Лида. — И я бы уже спала, если бы вы так не кричали. Что он хотел?

— Понял, что мы сейчас единственная сила в мире, и хотел прозондировать, на что они могут рассчитывать. Земли своих соседей они смогли бы занять и без нашего ведома, но их интересует Пакистан. Я ему пока отказал. Слушай, давай проведем политинформацию завтра? А то еще немного, и у меня сна не останется ни в одном глазу.

На следующий день Алексей рассказал на Совете министров о вчерашнем разговоре с президентом Ирана и получил полное одобрение своей позиции.

— Будем ждать, что они надумают, — высказался Морозов. — Деваться им некуда, а вы от них потребовали всего лишь уважительного отношения. Политики к этому готовы, население — нет. Психологию народа быстро не поменяешь. Вряд ли вам опять позвонят в ближайшем будущем.

Он оказался прав: в этом году звонков из Ирана больше не было. А через два месяца Лида родила сына.

— Эталон здорового ребенка, — сказал Алексею принимавший роды профессор Шелихов. — Вы знаете, Алексей Николаевич, еще никогда на моей памяти ни один мальчишка не вызывал такого ажиотажа! У нас в клинике все телефоны второй день не смолкают. Вас уважают и любят, но к Лидии Владимировне у всех сейчас особое отношение! Все знают, из-за чего она была лишена радости материнства, поэтому сейчас радуются и переживают.

— И из-за чего же? — спросил Алексей профессора. — Что там еще придумали?

— Ну как же! — сказал профессор. — Сто лет молодости вам дали для работ по спасению страны, а отсутствие детей — это плата за остановку в старении. Может быть, вы не заметили, но вы с женой за последний год стали выглядеть чуть старше. Все радуются и вашему ребенку и тому, что он своим появлением символизирует окончание бедствий.

— И кто же это нам подарил молодость? — спросил Алексей, с любопытством ожидая, что ему ответит профессор.

— Разное говорят... — смешался тот. — Но большинство считает, что это некто вроде бога. В церкви сейчас многие стали ходить и из-за катастрофы, и из-за вас. И эти записи со зверями... Я слышал... Вы ведь помните тот автопортрет, который нарисовала Лидия Владимировна? Так вот, сейчас народ валом идет в Третьяковку, и возле ее портрета всегда стоит люди. И многие крестятся! Я, конечно, не верю...

— Давай сюда Юрку! — сказал Алексей, присаживаясь к жене на кровать. — А куда дела нимб? И зачем так туго пеленать ребенка? Крылышки помните!

— Ты что? — распахнула глаза жена. — Шутишь, да?

— Какие шутки! — с досадой сказал он. — Знаешь, что на твой автопортрет уже крестятся, как на икону Богородицы? А у Богородицы в сыновьях кто был? Не нравится мне этот всплеск религиозности, да еще с нами в главных ролях. Слава богу, что мне на Совете министров еще не кланяются в пояс, да и вообще основная суета почему-то вокруг тебя, а я здесь вроде ни при чем. Точно непорочное зачатие, зря я выкладывался! Ладно, мы это как-нибудь перетерпим, лишь бы эта фигня не прилипла к сыну.

— Слушай, Леш, — сказала Лида, — а не отменить ли нам вообще ограничение на рождаемость? Мы в своих пяти африканских странах выращиваем столько овощей, что не успеваем возить. И рыбы у побережья Анголы много, а через пару лет вообще избавимся от пленки и начнем сеять зерновые. Мне медсестра говорила, что сегодня особенный день:

впервые с начала большой зимы в Москве была положительная температура! Всем уже видно, что самое страшное позади. Я думаю, этому послаблению обрадуются и те, кто не собирался заводить ребенка. Раз разрешаем, значит, уверены, что скоро все закончится! Прикиньте у себя на Совете. Первые дети появятся, когда положение выправится еще больше. Отдай ребенка, ты не умеешь его держать! Видишь, он у тебя заплакал!

Пять лет спустя

— Алексей Николаевич, вас хочет видеть Лидия Владимировна.

— Хорошо, Сергей Владимирович, — ответил Алексей секретарю. — Сейчас товарищи выйдут, и пусть она заходит.

— Значит, мы отдаем старое продовольствие бразильцам и финнам? — сказал Прохоров.

— Только то, что осталось до восемьдесят пятого года заложения, — предупредил Алексей. — В остальном действуйте, как договорились. Все, товарищи, все свободны.

— Ну и какие у тебя вопросы? — спросил он вошедшую жену. — Семейные или служебные?

— Это когда я к тебе моталась в рабочее время по семейным вопросам? — сказала Лида. — Служебные они у меня, и сразу предупреждаю, что много.

— Это понятно, что много, — вздохнул он. — Ты у меня сейчас самый главный министр без всяких скидок на родственные связи.

— А что ты хочешь, если весь мир взялся изучать русский язык? — усмехнулась она. — Даже с учетом того, что от этого мира осталось, приходится крутиться. Ладно, это все лирика, давай заниматься делами.

— Давай, — согласился Алексей. — Излагай.

— Португальцы хотят прислать дополнительно двадцать тысяч студентов.

— Они хотят таким числом изучать русский или сэкономить на продуктах? — спросил Алексей. — У них же уже учится двадцать тысяч! Куда столько?

— За ними обучение русскому населения Мозамбика, — напомнила Лида. — Я тебе нигде не найду столько знатоков португальского. Это в нашей части Африки все болтают по-русски, а остальные его не знают! Если с английским в ЮАР никаких проблем нет, то с французским в Конго уже есть. Много у нас французов? Где брать преподавателей? Нет, пусть уж лучше португальцы с бельгийцами сами обучаются русскому, а потом учат других. Причем лучше и для них, и для нас.

— Куда их пристроить уже придумала? — вздохнул Алексей.

— Эти отправятся в Киев, — сказала Лида. — Это я уже с киевлянами обговорила. А ты прекращай тяжело вздыхать: я еще только начала. Вы почему задерживаете мое оборудование? Кого персонально брать за жабры? Чем дольше у нас просидят иранцы, тем больше проедят твоего продовольствия. А без оборудования они будут сидеть долго!

— Сегодня же разберусь и приму меры, — пообещал Алексей. — Электронная промышленность сильно перегружена. Сама же знаешь, сколько всего делается.

— Притормозите свои компьютеры! — рассердилась жена. — Или отложите запуск какой-нибудь ракеты! Я понимаю, что производство быстро не перестроишь, но я вам о своих потребностях уже который год твержу!

— Дорогая, кто же виноват в том, что твои потребности растут быстрее наших возможностей? — пошутил Алексей. — Все, не нужно на меня так сверкать глазами! Обещал, значит, сделаю. Что у тебя еще? Надеюсь, не австралийцы?

— Нет, те нашли достаточно учителей у себя и к нам с этим не обращаются. И слава богу! У меня в перспективе нехватка начальных классов. Пять лет назад сняли ограничения на рождение, и через два года ожидается наплыв первоклашек. Нужно этот вопрос включить в план обсуждения на Совете и принять меры. Время еще есть, а строить для детей лучше не в пожарном порядке.

— А учителя?

— Учителей у нас будет избыток в старших классах, временно поработают с малышами, потом заменим. А вот компьютеры для новых школ нужно внести в план.

— У тебя все?

— Нет, конечно, — улыбнулась Лида. — Еще много мелких вопросов, но я тебя ими загружать не буду. Ты сегодня не думаешь задерживаться? Тогда я отпущу свою машину и домой поеду вместе.

Жена ушла, и Алексей вызвал председателя Четвертого комитета, который занимался Европой.

— Что у нас по Англии, Герман Платонович? — спросил он. — Какой прогноз?

— У них холода продержатся лет на десять-пятнадцать дольше, — ответил председатель. — Пока восстановится Гольфстрим, да растает весь снег, которым ее засыпало... А что, по ней появились какие-то планы, о которых я не знаю?

— Наши англичане подняли вопрос о захоронении соотечественников. С Америкой с этим управились, теперь на очереди Англия. И желательно начать пораньше, пока там отрицательные температуры. Мониторинг по живым ничего не дает?

— Откуда там живые! — сказал председатель. — Больших запасов продовольствия у них не было, а морозы доходили до пятидесяти градусов. Спутники не зафиксировали ни перемещения людей, ни источников тепла. И ни на одной частоте никто не отвечает. Мы в Англию направляли несколько «Невидимок». Только снег и лед, нет там живых.

— Тем более, — сказал Алексей. — Пятьдесят миллионов тел быстро не захоронишь. Нужно запустить хотя бы один из их реакторов, расчистить дома для тех, кто этим будет заниматься, и забросить туда все необходимое.

— Сделаем, Алексей Николаевич.

— Теперь второе. Поляки как-нибудь реагируют на то, что мы заняли три четверти Польши? Кроме того протеста Грабинского что-нибудь было?

— Ничего не было. Куда им протестовать, когда их там осталось меньше ста тысяч человек! У нас поляков и то в три раза больше. А Грабинского вообще предупредили, что его ждет суд, и что судить будут наши поляки. Он сразу же заткнулся.

— Что по Франции? Я просил Первый комитет послать туда «Невидимок», но еще не получал от них результатов.

— Нам совсем недавно дали. Сохранилось три группы французов общей численностью в двести тысяч человек. У них там что-то вроде диктатуры. До тепла должны продержаться. На наши аппараты особо не реагировали. Правительственных каналов они не знают, но между собой радиообмен ведут. К общению с нами интереса не проявили.

— Ну и черт с ними. Там же тоже будет задержка с теплом?

— Не такая длительная, как в Англии, но будет. Они все-таки тоже сильно зависят от

Гольфстрима.

День был насыщен работой и пролетел быстро.

— Первое лето без снега! — сказала Лида, когда они уже подъезжали к своему дому. — Николай, заверни к третьему подъезду. Возьмем сына отсюда, чтобы не бегать по дому. Валентин, я без твоих услуг обойдусь.

Телохранитель все равно вышел следом за ней и проводил в садик. Вернулись они через пару минут уже с Юркой.

— Пап, а когда поедem к слонятам? — спросил сын, очутившись в салоне машины. — За мной Васька соскучился!

— Неизвестно кто за кем больше соскучился, — проворчал Алексей. — Все, приехали, давай на выход. До свидания, ребята.

— Па, а когда вы будете выпускать зверей? — продолжил допытываться сын, пока поднимались по лестнице. — Меня возьмете?

— Спроси у мамы, — попытался Алексей перевести поток вопросов на жену, но не преуспел.

— Она ничего не знает! — отмахнулся Юрка. — Я спрашивал, так она отправила к тебе.

— Ладно, — сдался отец. — Не скоро мы их еще выпустим. Земля пока не прогрелась и им нечего кушать. И потом, мы их не сразу всех будем выпускать. Сначала самых мелких, за ними тех, кто покрупнее.

— А Ваську когда?

— Заходи в квартиру и снимай куртку, — сказал Алексей, открывая дверь. — Слонов будем отвозить в Африку, у нас для них слишком холодно. И это еще будет только года через три, так что твой хулиган пока остается здесь.

— И ничего он не хулиган! — взялся защищать друга сын. — Подумаешь, облил вас разок водой. Они все обливаются.

— Тебя они почему-то не обливают, — сказала мать. — А я больше в ваш слоновник не пойду.

— Ну мам, я с ними договорюсь и они тебя больше обливать не будут, — пообещал Юрка. — Только папу. И птицам скажу, чтобы не клевались.

Алексей с Лидой переглянулись: несмотря на рождение ребенка и возрастные изменения, отношения к ним животных не поменялось. А дружелюбие к их сыну было выражено еще сильнее: к нему липли даже птицы. Это пытались исследовать, но, как всегда в случае с их семьей, никакого объяснения не нашли. А запись того, как их пятилетний сын, умудрившийся забраться в вольер к тиграм, разъезжает верхом на одном из них, гуляла по бескрайним просторам Союза и уже за его пределами. Пока едва не сошедшая с ума от страха Лида влетела в вольер и стащила сына с полосатой спины, пока догадались спуститься в аппаратную и стереть записи с регистраторов, кто-то уже успел сделать копию.

— А отец, значит, может ходить мокрым? — спросил Алексей. — Давай, помогу разуться.

— Я сам! — пропыхтел Юрка, отдирая липучки. — Пап, тебе что, жалко? Им же там за решеткой скучно, а вода теплая.

— Ладно, — согласился отец. — Потерплю. Рассказывай, что у вас там в садике нового.

— У нас новая девочка, — поведал сын. — Пап, я в нее, кажется, влюбился. И Петьке в ухо дал, чтобы он ее не дразнил.

— А как же он ее дразнил? — спросил Алексей. — Нужно ли было драться?

— Нужно! — сердито сказал Юрка. — Он ее китаезой назвал! А она японка. Она по-русски говорит плохо, но все понимает. Поняла, что он ее хотел обидеть и чуть не заплакала. Пришлось утешать.

— Тогда все сделал правильно, — одобрил Алексей. — И как же ты ее утешал?

— А мне никто про драку не сказал, — вмешалась Лида.

— Еще бы они тебе стали жаловаться, — усмехнулся муж. — И на кого? На нашего сына? Тем более, что он вступился за справедливость. Видел я его Петьку, и ты его должна помнить. Здоровый такой и нахальный парнишка на год старше нашего. Такие слов не понимают, хотя старайся, Юрок, рук не распускать. Из-за нашего положения родители жаловаться не прибегут, но лучше учиться бить не кулаком, а словом. Я тебя научу. Так что там с утешением?

— Я ее погладил по голове и поцеловал в щечку, — потупившись, объяснил сын. — Ей понравилось.

— Молодой, да ранний, — улыбнулась Лида. — Мультики смотреть будешь? Ну тогда до ужина телевизор твой, а мы с папой поговорим. Интересно, откуда в нашем доме пятилетние японки?

— Сейчас узнаем, — сказал Алексей, набирая код домоуправа на ручном коммуникаторе.

Пришел ответ и над его рукой появилось изображение симпатичной женщины лет сорока.

— Здравствуйте, Елена Викторовна! — поздоровался он. — Не скажете, кого из японцев к нам заселили?

— Есть одна семья, Алексей Николаевич! — почтительно ответила домоуправ. — Васильевы надолго уехали в Танзанию и сдали квартиру. В нее вселили семью Такаси. Это родственники последнего японского премьер-министра, приехавшие к одному из принятых нами детей. Семья, которая его взяла, живет у нас, так что и их поселили сюда же.

— Спасибо, — поблагодарил Алексей и отключился. — Теперь понятно, кто наша будущая невеста? А ты еще была против таких приездов.

— Мне это и сейчас не слишком нравится, — сказала Лида. — Пусть японцы решили строить у нас свою автономию, и мы им в этом не отказали, но трогать принятых в другие семьи детей...

— Во-первых, не так много осталось в живых их родителей, — возразил Алексей. — Эти тоже, скорее всего, какие-нибудь дальние родственники. Во-вторых, самых маленьких обычно не трогают, навещают тех, кто постарше и многое помнит. И, в-третьих, всегда требуется согласие новых родителей. Правда, я не слышал, чтобы кто-нибудь отказал. Ребята в массе прекрасно ассимилировались, но и приезжающим родственникам рады. Что в этом плохого? Ну уедет кое-кто в эту их автономию, ну и что? Наладим повсюду скоростную авиацию, будут летать в гости к новой семье, и те тоже поедут к японцам. Да и комм у каждого на руке. Ничего, кроме пользы, не будет. Любые консерватизм и замкнутость не вечны, а наличие «наших японцев» размоет их еще быстрее. Традиции и культуру нужно в меру сохранять, не отказываясь от того хорошего, что есть у соседей, главное, не замыкаться в себе. Мне недавно показывали запись их прилета, когда встречали не дети, а бывшие с ними девушки. Видела бы ты, сколько было радости и слез! И их мужей целовали, как родных, хотя там почти все сплошь наши или американцы. Сейчас все меняются, японцы в этом не исключение.

— Да уж! — сказала Лида. — Если даже иранцы во многом изменились...

— Не слишком ты им верь, — поморщился Алексей. — Они начали меняться и будут продолжать двигаться в нужном направлении, потому что иначе окажутся в изоляции. Но это медленный процесс. Раньше, чем уйдет старшее поколение, серьезных сдвигов не будет. Австралийцы тоже демонстрируют дружелюбие, но пока это только слова. Посмотрим, что за этим последует. Сейчас начнется сближение европейцев, которым удалось выжить. Не совсем ясна позиция немцев. Скорее всего, они еще просто не разобрались в новых реалиях, а мы их пока не спешим просвещать.

— И что дальше?

— Ну ты и спросила, — засмеялся муж. — Тебе все перечислить по пунктам? Лет за сто нам нужно создать мощную цивилизацию и устранить все последствия катастрофы. Лет за двадцать развернем в космосе средства перехвата и уничтожения астероидов, а потом начнем делать жизнеспособные колонии сначала на Луне, а затем и на Марсе. Вот когда все это будет, можно смело говорить о том, что человеческая цивилизация не сгорит в огне какого-нибудь катаклизма. А потом шагнем к звездам. И многое из этого мы с тобой успеем увидеть. Знаешь, что мне на днях сказал профессор Шелихов? Мы с тобой меняемся, но в два раза медленней, чем должны. По его мнению, жить нам еще существенно больше ста лет.

— И причину этого он, конечно, не нашел?

— Не нашел. Регенерация у нас, кстати, по-прежнему очень сильно ускорена, хоть уже не такая сумасшедшая, как была. И у сына то же самое.

— Вы резали Юрке пальцы? — спросила Лида.

— Успокойся, никто твоего сына не резал, сделали микроскопический надрез кожи, который он даже не почувствовал, а потом оценили скорость заживления. Она примерно в пятьдесят раз выше нормы.

— Значит, и жить он должен в два раза больше?

— Я думаю, что и он, и его избранница. Тебе дали то же, что и мне, позволив нам прожить жизнь вместе. Чем наш сын хуже?

— Интересно, на ком это закончится, — задумалась Лида. — Или ни на ком?

— Кто знает, что Он задумал? — пожал плечами Алексей. — Возможно, новый вид людей входит в Его планы. Наверное, в будущем люди все-таки найдут этому объяснение.

— Здравствуйте, Ольга Викторовна! — ответил Алексей на приветствие ведущего социолога Службы иммиграции Немировой. — Чем обязан вашему визиту? Садитесь пожалуйста.

— У меня несколько вопросов, Алексей Николаевич, — ответила Немирова. — Первый касается кубинцев, которых мы приютили по договору. Уже через пять лет на Кубе будут привычные для них условия и возможность сеять все, что сеяли раньше, только почти никто из них не хочет возвращаться. И это касается не только молодых, некоторые из которых нашли себе пару среди наших, а вообще всех. Сейчас постепенно убираем все ограничения и увеличиваем жизненный уровень населения. Через три года должны ввести денежное обращение и отменить все ограничения на поездки. После этого их от нас придется увозить в связанном виде. Люди они прекрасные и работники хорошие, но их ассимиляция может вызвать недовольство руководства Кубы.

— Это меня не беспокоит, — ответил ей Алексей. — Пусть не беспокоит и вас. Мы их приютили и никакой пропаганды остаться не вели. Это за нас сделала жизнь, а они

свободные люди, и вправе решать, где жить и трудиться. Пусть руководство Кубы с ними разбирается само, если у них будет такое желание. Но я не думаю, что они будут этим заниматься, скорее, сами попросят включить их в Союз. И мы им в этом не откажем. С Латинской Америкой все равно придется разбираться, и кубинцы нам будут очень кстати. Что еще? Как у нас идет ассимиляция англичан и американцев?

— Американцы в наше общество вписались идеально, англичане немного более замкнутые, но никакого отторжения ни у кого нет. Они слишком многим нам обязаны и на родине потеряли вообще все. Многие из тех, у кого не было семьи, нашли себе пару или среди соотечественников, или среди наших. Лет через десять вы их от наших людей не отличите.

— А японцы?

— Если вы о детях, то они прижились хорошо. С малышами вообще никаких проблем, те, кто постарше, немного более замкнутые и чаще испытывают к приемным родителям не столько любовь, сколько благодарность. Некоторые из них, несомненно, уедут в автономию. Девушки, прибывшие с детьми, все вышли замуж и ассимилировались еще лучше, чем малыши. А вот взрослые японцы в автономии по-прежнему будут жить своим укладом. Они будут общительны и дружелюбны, но продолжат цепляться за обычаи своего народа. Ничего плохого я в этом не вижу. Это просто их национальная особенность. С европейцами все выйдет по-разному. Те, кого принимали в прежние годы и разбрасывали по стране, в большинстве прижились нормально, даже поляки. Наша политика национальной изоляции принесла свои плоды: никаких землячеств никто не создал, хотя многие по-прежнему поддерживают между собой связи. Если будем принимать сейчас большие группы вроде бельгийцев или португальцев, делать это нужно только на правах автономии. Будут жить компактно и перемешиваться с основной массой населения при поездках на работу и смене места жительства. Процесс очень длительный, но спешить с этим нельзя, да и нет никакой необходимости.

— Иранцы?

— Только деловые контакты. Мешать их с нашими людьми нельзя. У них все преобразования пока больше на стадии намерений. Посмотрим, что из этого выйдет. То же и с австралийцами. Там хоть нет ислама, но очень мутное руководство. Кроме того, наши англичане еще долго будут помнить их лагерь, и мы вынуждены с этим считаться.

— У меня к вам будет просьба, — сказал Алексей. — Мне нужен прогноз по поводу наших отношений с мексиканцами. Специалисты по Мексике есть в Первом комитете. Информации по Латинской Америке они уже собрали много, так что материал для анализа у вас будет. Это последний регион, по которому много вопросов. С Аргентиной отношения просто замечательные, с Бразилией — тоже, но там правительство контролирует только треть территории. Остальное — это такая каша... Населения осталось очень мало, но в разы больше, чем в Африке, и этих капустой не купишь, а с ними нужно будет как-то строить отношения. И даже не как-то, а так, как нам нужно. А для этого прежде всего надо хорошо разобраться с тем, что у них творится. Кроме них, остаются только островные государства Юго-Восточной Азии и Алжир. Но на островах мало кто остался в живых, и они потерпят, а в Алжире после катастрофы совсем рехнулись на почве ислама. Никаких дел с иноверцами они иметь не желают и всех неверных убивают на месте. Мы их, наверное, изолируем от остальных, пока мозги не заработают как положено. В стране девяносто процентов пустыни и горы, но жителей там осталось мало, так что пусть живут по своей вере и к другим не

суются. У вас ко мне есть вопросы? Тогда не буду больше задерживать, а то рабочий день уже заканчивается.

— Закрывается, понимаешь, с интересной женщиной, — сказала жена, которая вошла в кабинет после ухода Немировой, — а родная жена должна ждать в приемной, пока они закончат. Бросай все дела, и поехали домой.

Когда машина въехала во двор дома, увидели возле подъезда садика уже одетого сына, державшего за руку девочку на половину головы ниже его. Рядом стояла одна из воспитательниц.

— Здравствуйте! — первой поздоровалась она с Самохиными. — Ваш сын проявил инициативу. Дышат свежим воздухом и ждут вас. А родители Норики сейчас должны подъехать.

— Нори, это мои папа и мама, — представил родителей сын. — Они очень хорошие. Алла Владимировна, вы идите, а мы Нори сами отдадим родителям.

— Да, да, — подтвердил Алексей. — Мы их дождемся и отдадим ребенка.

Малышка с большими глазами, тонкими чертами лица и выглядывавшей из-под капюшона черной челкой была само очарование. Она низко поклонилась Алексею с Лидой, прижав при этом ручки к груди. Отдав таким образом дань уважения взрослым, она вернула руку ухажеру. Рядом с машиной Самохиных остановился другой электромобиль, из которого вышла молодая пара, сразу же устремившаяся к крыльцу. Узнав Алексея, они подошли и поклонились.

— Рады видеть родителей Юри! — на довольно чистом русском сказал мужчина. — Ваш сын очень настойчивый молодой человек. Раньше Норико была только нашей, а сейчас мы у нее уже на втором месте!

Он говорил серьезно, но глаза при этом смеялись.

— Алексей и Лида Самохины, — сказал Алексей. — Рады видеть родственников почтенного Сатоми Морисима. Это был достойный человек. Кем он вам приходится?

— Он брат моей матери, — поклонился мужчина. — Спасибо вам за добрые слова! Мы Сэдэо и Мияко Такаси.

— Рады знакомству, — вступила в разговор Лида. — Вы сейчас никуда не спешите? Тогда мы приглашаем вас к себе.

12 июля 2067 года

— Ну что, Вячеслав Андреевич, скоро станете безработным? — спросил Алексей Ольховского. — Наполовину ваш «Ковчег» точно опустел.

— Меньше чем на треть, — ответил директор. — Пока выпускаем мелочь, а разводить остальных, используя законсервированную сперму, еще лет десять, не меньше. И знаете, что заметили? Когда выпускаем молодняк, все исправно разбегаются, хотя настоящего страха к людям, свойственного диким зверям, у них нет. А вот животные в возрасте часто просто отказываются выходить из клеток. Их страшат простор и неизвестность. Несколько поколений жили в «Ковчеге», и это не могло не сказаться. Они просто боятся свободы. И, знаете, я сам во многом похож на них. Мы с вами начинали этот проект вдвоем пятьдесят лет назад, и с тех пор я жил только им. А сейчас он идет к завершению вместе со мной. Мне уже семьдесят пять, и я его точно не переживу. Мне уже просто незачем будет жить. Алексей Николаевич, я ведь могу хотя бы с натяжкой считать себя пусть не другом...

— А глупости зачем говоришь, Слава? — с обидой сказал Алексей, впервые в общении с Ольховским переходя на «ты». — Долгая жизнь, помимо преимуществ, имеет и недостатки. Одним из таких недостатков у меня можно считать отсутствие тяги к общению. Если ты подумаешь, то поймешь, чем это вызвано. Знаешь, как больно терять близких людей? А мы их потеряли столько, что уже боимся привязываться к людям. Именно поэтому наша дружба несколько неполноценна, но она есть. Поверь, что ты для меня немало значишь.

— Тогда можешь мне ответить, кто за всем этим стоит? Это действительно бог? Честное слово, я никому не скажу!

— Если бы я это знал сам! — сказал Алексей. — Кто-то запредельно могучий, кому явно небезразлична судьба человечества. Он бросал нас сквозь время, подсказывал иной раз, что нужно делать, и дал молодость, но о его природе не было даже намека. А если и был, мы его не заметили или не поняли.

— Жаль. Ты знаешь, эта девушка... Ну Нори. Она ведь во многом стала такой же, как твой Юрий. Сначала, когда он ее сюда привел, в ней не было ничего необычного. А с прошлого года все изменилось. Вся живность ее сразу признала. И еще я заметил с месяц назад... Она ободрала ладонь об угол вольеры. Уже через час на месте ранки была чистая кожа. Это ведь из-за него? Им только четырнадцать, но у них точно любовь... У вас ведь тоже так?

— Когда-то все затягивалось прямо на глазах, а сейчас просто очень быстро заживает. Это исследовали, но причин так и не нашли. Насчет Нори я предполагал, что будет что-то такое.

— Алексей, — Ольховский помолчал, потом продолжил. — Можешь сказать, зачем решил уйти? Многие боятся твоего ухода, и я тоже. К тебе все слишком привыкли. Все знают, что вся твоя жизнь для людей, что ты не злоупотребишь доверием и всегда все сделаешь лучше других. Сейчас снова ввели деньги, и опять будут никому не нужные выборы, в результате которых к власти могут прийти не самые хорошие люди. Зачем это?

— Ради себя и ради вас, — ответил Самохин. — Не понимаешь? Ты мне говорил с

«Ковчеге» и о зверях, боящихся свободы. Не видишь аналогии? Я у вас, как зверинец, названный моим именем, и вам в нем спокойно и сытно, хотя в вольере особенно не побегаешь. Нельзя жить, все время прячась за спину кого-то одного и радуясь тому, что у него есть много опыта и совесть. Я, Слава, жутко устал. Устал от власти, от ответственности, от своей однообразной жизни. И жена устала. Она ведь так и не захотела второго ребенка. Мы с ней хотим отдохнуть и осмотреться. Наверное, найдем для себя полезное и интересное дело. Но собой управляйте сами. Думаешь, ты первый, кто нам такое говорит? Бухаются на колени и упрашивают, а отдельные... просто даже не знаю, как таких назвать, еще и крестятся! И это тоже показатель того, что нам не уходить, нам бежать нужно! Все самое сложное уже позади, а проблемы... их всегда будет много.

— Ну как, простился? — спросила Лида. — Чего это ты такой мрачный?

— Я ему так и не сказал, что больше не приду, — ответил муж. — Просто не хватило духа. Слава сильно постарел и скоро уйдет, и мне его будет не хватать. Сколько раз давал себе зарок не привязываться к людям. Я ведь его пятьдесят лет называл по имени-отчеству, а обратился на «ты» только сейчас. Он мне рассказал о Нори. Как мы думали, так и получилось. Очень рано, но видно, что у них уже все решено.

— То, что они любят друг друга, я и так вижу, — сказала Лида. — Что у нее там, звери?

— И звери, и регенерация. Интересно, что за задачи Он придумал для них?

— А в то, что это просто благодарность нам, не веришь? — спросила Лида. — Был бы сын обычным человеком, и что хорошего? Ты бы его сам похоронил через семьдесят лет.

— Не хочу без толку ломать голову. Пусть ломают ее сами, если придет их время. Душу я в сына вложил, а знания и опыт пусть добывает самостоятельно.

— Кого думаешь оставить вместо себя до выборов?

— Все уже обговорено. Пока останется Батищев, а потом пусть решают сами.

— И куда поедет? Уже решил?

— Если ты не возражаешь, я бы поехал к морю. В Крыму много законсервированных правительственных дач. Займем одну на пару месяцев. С обслуживанием договоримся.

— А что, можно, — кивнула Лида. — Только ведь вода еще лет пять будет холодной.

— Я и в холодной искупаюсь, — улыбнулся Алексей. — Да и не в купании дело. Просто я люблю море. И спокойное, и когда шторм. Будем сидеть с тобой на берегу, слушать шорох набегающих волн и вспоминать тех, кто оставил след в наших сердцах. Таких было много: у меня все сердце в зарубках. Все мечтают о жизни без конца, не давая себе труда подумать. Жизнь это цепь из приобретений и потерь. В конце длинной жизни приобретения перестают радовать, а потери по-прежнему больно жалют в сердце. И если этому нет конца... Человек просто на такое не рассчитан. Я ведь боялся, что когда-нибудь просто не хватит сил и придется самому...

— Не надо! — Лида обняла мужа и прижалась щекой к его груди. — Все будет хорошо! Любая усталость снимается отдыхом и переменами в жизни. И никто нам не мешает все это сделать. Когда поедет? Я могу сдать замминистра хоть завтра.

— А я уже фактически разделался с делами. Можно обо всем договориться по коммуну, но я все-таки съезжу в последний раз. Иначе будет просто по-свински, хоть мне все простят. Надо будет попросить Мияко присмотреть за молодежью. Денег у сына будет достаточно, а вот опыта самостоятельной жизни нет. Надеюсь, что я его воспитал правильно, и они не наделают глупостей.

— Не надоело здесь сидеть? — спросила Лида, морщась от холодного ветра. — Мало того что еще нет настоящего тепла, так уже середина сентября. Мы здесь отдыхаем два месяца, не надумал возвращаться?

— А тебе надоело? — Алексей встал и сложил раскладной стул. — Пошли в дом, а то действительно холодновато. Знаешь, кажется, я решил, чем займусь. Если хочешь, будем этим заниматься вместе.

— И чем же?

— Землей займутся и без нас, а мы с тобой займемся космосом. В программе задействовано немало достойных людей, но и мы среди них лишними не будем. Защитим Землю, а потом начнем строить там города!

Алексей махнул рукой, показывая в пасмурное небо.

— Меня не слишком успокаивает статистика падения астероидов, а опасных булыжников рядом с нами гораздо больше, чем хотелось бы. Супервулканы ведь тоже извергаются нечасто. Планы составлены, средства выделены, а наработок по космосу у нас много. Теперь нужно только засучить рукава и взяться за дело. Первый опасный гостинец ожидается через восемнадцать лет. Вполне достаточно времени, чтобы подготовиться, слетать к нему и разнести в клочья, не дожидаясь, мимо он пролетит или вмажется в Землю. Что скажешь?

— От работы я отдохнула. Ты предлагаешь заняться достойным делом, только это все слишком далеко от того, чем я занималась раньше. Найдешь мне работу? И где этим будем заниматься? Не хотелось бы надолго оставлять сына.

— Найти работу будет нетрудно. Жить будем в Москве, но придется помотаться по разным объектам. С нашей новой авиацией это не проблема. Сегодня уже поздно, а завтра с утра позвоню в ялтинский горисполком, сдам дачу и попрошу выделить транспорт.

— Я вижу, с тебя из ста пятидесяти прожитых лет слетела как минимум сотня, — улыбнулась жена. — Веселый и энергичный, давно ты таким не был.

— Главное в жизни — это цель, — изрек Алексей, — и любимый человек рядом с тобой. А если на пути к достижению цели предстоит заняться новым и интересным делом, то и годы уже не так тяжело давят на плечи. И все это у нас с тобой есть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net